

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

57

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2016 Issue 57

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2016 Выпуск 57

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 57

М.: ИВИ, 2016. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 57

Moscow: IWN, 2016. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс

в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

АКВИЛОН

© Общество интеллектуальной истории, 2016

© Институт всеобщей истории, 2016

© Журнал «Диалог со временем», 2016

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ШТЕФАН МЕРЛЬ

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ»? РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ РОССИИ В КОНЦЕПТЕ «МОДЕРНИЗАЦИЯ»

В современных дискуссиях часто говорится о некоей «трансатлантической модели ценностей» и создается впечатление, будто бы Россия не имеет к этому никакого отношения: путь России в «современность» и сформированный в этом движении концепт модернизации якобы принципиально различались. Автор статьи приводит аргументы против такой точки зрения и показывает, что Россия играла решающую роль в формировании представлений о модернизации в Европе XVIII века. К началу XX в. Россия уже была глубоко вовлечена в обсуждение проблемы модернизации, а идеи «социалистической модернизации» были так же органично связаны с европейскими представлениями, которые отличались от американской парадигмы развития. В статье в первую очередь рассматривается начало XVIII в., когда надежды ранних просветителей на усовершенствование мира и людей, основанные на установлении разумного порядка, получили решающий импульс благодаря политике вестернизации Петра I. Далее в поле размышлений попадает вторая половина XIX в., когда в России начались дискуссии о прогрессе и сформировались собственные представления о модернизации, исходившие из констатации отсталости российского общества. В ключевой части статьи анализируются особенности русских представлений о модернизации, которые в дальнейшем определили характерные черты советской истории. Неприятие автором концепта «множества модернизаций» основывается на том, что существуют основные признаки модернизации, которые мы находим в каждом ее концепте. В рамках концепта «многообразия» российско-советские представления вписываются в европейскую концепцию модернизации.

***Ключевые слова:** модели модернизации, прогресс, Просвещение, история России, идеи и ценности, вестернизация, «социальная инженерия».*

Основные черты концепта модернизации

Каковы основные черты концепта модернизации? Во-первых, главная и основополагающая из них - вера в прогресс, а именно, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать лучший мир. При этом имеет смысл различать между двумя взаимосвязанными уровнями: один можно обозначить как «технологическая модернизация». Динамика изобретений и знаний, влияющих на среду, в которой живут люди, действует с объективной неизбежностью. Второй уровень можно назвать «модернизацией освобождения». Ее основанием была идея свободы человека, связанная, прежде всего, с моральными ценностями. Оба элемента были тесно связаны и в первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. Во-вторых, решающим является то, что вера в прогресс актуальна для политического устройства государства – будь то идеальный правитель или система политической легитимности и преемственности, основанная на обещании лучшего будущего. Этот критерий особенно характерен для России и Советского Союза, где по-

литические концепты были нацелены на преобразование социально-экономических структур. Как в России, так и в СССР модернизация в любой период была прямо и непосредственно связана с политическим действием. В-третьих, концепт модернизации включает в себя представление о том, что прогресс достижим и научно планируем, что человек может изменить вещи к лучшему и разрешить обнаруженные проблемы. «Социалистическая модернизация» придерживалась идей раннего Просвещения, в соответствии с которыми современный, рационально мыслящий человек будет существом высшего порядка, «новым человеком». Если утрировать эти представления, то «социалистическая модернизация» предполагала безграничную возможность создавать новое и изменять мир с помощью субъективной воли человека.

Дискурс модернизации в России: состояние исследований

В России и в СССР никогда не велись дискуссии о модернизации в собственном смысле слова. Однако в каждый временной период Россия была первопроходцем при реализации модернистских представлений на практике. Уже к началу XVIII в. Петр I своей политикой вестернизации попытался претворить в жизнь идеи раннего Просвещения, производной которых и стала концепция модернизации. Следующими попытками реализации программы модернизации были «великие реформы» 1860-х гг., формирование концепции «социалистической модернизации» после Октябрьского переворота 1917 г. и, наконец, политика социальных преобразований, осуществлявшаяся с 1989 г.

Вплоть до 1830-х гг. в России отсутствовала основная предпосылка для дискурса модернизации, а именно достаточно большой слой образованных людей. Это объясняет, почему в русском языке вплоть до распада СССР отсутствовало специальное понятие, семантически эквивалентное концепту модернизации. До 1914 г. в большинстве случаев употреблялось слово *современность*. Если же речь шла о полемике с западными представлениями о модернизации, то в русском дискурсе использовался также термин *прогресс*. Тот факт, что аналог немецкого термина «Fortschritt» в русском языке до сих пор представлен иностранным словом «прогресс», демонстрирует как неожиданно в начале XVIII в. и безо всякой связи с внутренними реалиями этот концепт был заимствован русской культурой¹. Изначально понятие *прогресса* полностью соотносилось с Европой, а с рубежа XX в., прежде всего с 1920-х гг., все больше связывалось с США². Сегодня в русской литературе иногда встречается термин «*модерность*» как производное от английского «*modernity*».

За исключением монографии Плаггенборга³, который попытался использовать концепт модернизации для изучения советской истории,

¹ Schmidt 1996.

² Kotkin 1995.

³ Plaggenborg 2006.

не существует специальных исследований этого явления. Новейшие работы, затрагивающие в большей или меньшей степени проблему модернизации, сосредоточены в первую очередь на проблемах транснациональной истории XVIII века. В них констатируется, что на Петра I в осуществлении им «политики вестернизации» прямое влияние оказали идеи раннего Просвещения. Одновременно отмечается, что европейская образованная элита внимательно следила за развитием России, вследствие чего внутрироссийские процессы повлияли на дальнейшее формирование концепции модернизации на Западе⁴. Россия при Петре I стала для представителей раннего Просвещения, таких как Лейбниц и Христиан Вольф, и европейской образованной элиты доказательством того, что рациональное реформирование экономики и общества при просвещенном монархе может ускорить прогресса и изменить людей.

В России в отдельные периоды истории выразителями представлений о прогрессе выступали различные группы. С 1698 по 1789 г. это был монарх, затем с 1825 до 1917 г. – образованная элита, оппозиционно настроенная в отношении государства, черпавшая свои концептуальные построения из европейских дискуссий, в которых в конце XIX в. она сама выступала как равноправный участник. На 1920-е гг. приходится краткий период открытости, по крайней мере, социалистических представлений о модернизации, а в период между 1933 и 1986 г. носителем этой программы вновь стал правитель-диктатор, единолично управлявший процессом преобразования. Это означало, что в России и в СССР на протяжении их истории повторялись ситуации, когда в течение долгого времени не велось никаких публичных дискуссий о модернизации.

Лишь в начале 1990-х гг. вновь начались публичные дебаты. Первоначально среди российских ученых доминировало ожидание переноса на русскую почву считавшихся лучшими элементов западной модернизации, таких как парламентская демократия, расширение возможностей личной свободы для отдельного человека и для экономики, которая в большей степени удовлетворит потребительский спрос населения. Историки обратились к прошлому России, пытаясь обнаружить в нем точки соприкосновения с западной модернизацией, которые они предполагали найти первоначально у Ленина в 1920-х гг., но затем, скорее всего в период до 1914 г. Вновь оживились старые споры. Отдельные историки считали, что реформы XIX в. могли направить Россию по пути западной модернизации⁵. Начатая западными историками полемика о том, сколь далеко продвинулось европейское гражданское общество накануне Первой мировой войны, в сложившихся в России обстоятельствах пала на благодатную почву⁶. Отдельные представители интеллигенции, напри-

⁴ Matthes 1981; Poe 2000; Griesse 2016; Blohme/Depkat 2002.

⁵ Власть и реформы 1996; Миронов 1999. Т. 2. С. 284-304.

⁶ Гражданская идентичность... 2007; Туманова 2008.

мер, Солженицын, вновь подчеркивали самобытность русских культурных ценностей. В 1990-е гг., однако, большинством участников дискуссии были в первую очередь заимствованы и использованы в дискурсе развития России разработанные на Западе представления и концепты. Вместе с тем западная полемика о модернизации как таковая не практически не привлекла внимания. Например, не вызвал интереса спор о том, можно ли рассматривать существовавший в Советском Союзе режим как модернизацию⁷. Малый отклик нашли также предложения воспринимать русскую историю как историю империи и применять парадигму *постколониального* развития при изучении Российской империи до 1914 г. или СССР. Протагонисты этих подходов (Герасимов, Семенов, Глебов и Могильнер) поддерживаются западными исследователями империй, они издают с 2002 г. журнал *Ab imperio*, представляющий российскому читателю теоретические взгляды западных участников дискуссии о модернизации⁸. То, что русские авторы почти не включены в этот научный дискурс, можно объяснить их принципиальной неприязнью к теоретическим спекуляциям и проблемами существования историков, вынужденных вести борьбу за материальное выживание. Следует также учесть традиционное разделение научной дисциплины и практики преподавания на две специальности - историю России и всемирную историю.

Ожидания 1990-х гг., что после банкротства «социалистической модернизации» заимствование кажущихся главными элементов западной модернизации, таких как парламентская демократия, рыночная экономика, индивидуализм и ориентация на потребление приведут к быстрым переменам, не оправдались. И хотя в последние два десятилетия переноса этих элементов на социальную практику внутреннего развития России практически не происходило, общественное разочарование привело к дискредитации таких ценностей, как демократия и рыночная экономика. И это объясняет неизменную слабость политических и экономических структур в России по сравнению с западными государствами.

Проблема трансляции западных образцов и институций

В России вера в прогресс всегда ориентировалась на Запад. Как минимум, и это утверждал с самого начала Лейбниц, речь шла об использовании «привилегии отсталости»⁹, чтобы при заимствовании западных структур учиться на опыте и ошибках развитых стран¹⁰. «Социалистическая модернизация» в XX в. по сути также была ничем иным, как западной модернизацией, при этом однако одни ее элементы исключались, а другие приобретали больший вес. Все попытки реализовать в России западные представления о модернизации на практике провалились, если

⁷ David-Fox 2006.

⁸ *Ab imperio* 2002, 2011.

⁹ Hildermeier 2013. S. 1313-1346.

¹⁰ Griesse 2016.

рассматривать только непосредственно достигнутые результаты. В долгосрочной перспективе, впрочем, возникает более оптимистичная картина: по прошествии 50 или 100 лет обозначились отчетливые изменения в сторону запланированного развития. Примерами этого служат усилия Петра I по реформированию образования и попытка Екатерины II перенести на русскую почву западноевропейское корпоративное устройство, прежде всего в дворянской и городской среде, с целью создать «среднее сословие» и извлечь пользу из его процветания. С середины XIX в. на практике реализуются отдельные результаты этих реформ.

Вызывает удивление то упорство, с которым в России и СССР вплоть до настоящего времени многократно повторялся эксперимент, впервые в истории осуществленный Петром I на рубеже XVIII в.: путем копирования западных структур содействовать динамичному развитию страны, воспринимаемой отсталой, и обеспечить ее продвижение по пути прогресса. С аналогичной целью проводились реформы Екатерины II, реформы 1860-х гг. и, наконец, преобразования 1989/1992 гг. Каждый раз реформаторы все с той же наивностью, как и Петр в своей политике вестернизации, проводили эксперимент на людях, не прибегая к анализу практического опыта предшественников. Такая практика со всей очевидностью доказывает, что для модернизации характерно не только аккумулирование знаний, но одновременно и их вытеснение («утраченное» знание). Реформаторы, не извлекая уроков из провалов предшественников, постоянно повторяют их «ошибки». С 1989 г. процесс преобразований ориентировался главным образом на те же цели и методы, которые, начиная с Петра I, осуществлялись неоднократно и всегда с одинаково скудными результатами и огромными социальными затратами.

Рецепция раннего Просвещения и политика вестернизации Петра I

Первое знакомство России с западной «современностью» было тесно связано с возникающими в раннее Новое время представлениями о том, что хороший правитель должен не только врачевать души своих поданных, но и заботиться о военной мощи своей страны и ее процветании. Экономические теории, такие как меркантилизм и камералистика, а также сформировавшееся в контексте идеологии абсолютизма стремление усовершенствовать государственное управление стали для Петра I стимулом к реформаторскому эксперименту по «вестернизации» России. Петр, воодушевленный верой в прогресс идей ранних просветителей и их ориентацией на рациональное образование народа, хотел перенять казавшиеся разумно преобразованными социальные институты Запада и таким образом сделать свою собственную страну, воспринимаемую им как «отсталую», по меньшей мере, сравнимой с Западом.

Поскольку Россия вплоть до конца XVII в. только условно участвовала в духовном развитии Европы, вызывает удивление столь раннее заимствование идей Просвещения. В результате контактов между «европейцами» и «москвитами» в XVII в. столкнулись две культуры,

настолько разные, что это даже трудно представить. Немногие путешественники по России (в большинстве своем этнографы или дипломаты) все без исключения принадлежали к западной образованной элите, выросшей на изучении лишь недавно открытого во всей полноте античного знания, знакомой с теорией Аристотеля о государственном устройстве и политическими идеями Ренессанса и гуманизма. М. По называет их *джентльменами Ренессанса*¹¹. Они приехали в страну, элита которой никогда не сталкивалась с таким знанием. Существовавшую в Московском государстве форму правления они интерпретировали как деспотию и сводили ее к «рабской ментальности» подданных.

То, что в этих условиях могло состояться прямое и всестороннее соприкосновение с разнообразными проявлениями развивающейся европейской модернизации, как об этом сообщали представители раннего Просвещения, следует решительно приписать личности Петра Великого. Реформы, начатые в Московском государстве в XVII в.¹², обрели, таким образом, новое качество. Характерные эпизоды из детства Петра лучше всего изложены у Е. Анисимова¹³. После успешного сражения 1696 г. в ходе военных кампаний против Османской империи (взятие Азова) Петр стал описывать свою роль правителя как «первого слуги государства» и подхватил идею прогресса, чтобы отделить себя от считавшегося непросвещенным Московского государства. В 1702 г. он ввел в законодательство понятие общего блага и искренне уверовал в осуществимость перемен. Переписка с Лейбницем внушила Петру I мысль о важности направляемых верховной властью инициатив в области образования народа. В 1708 г. Лейбниц передал ему памятную записку о «Воспитании юношества», которая среди прочего стала импульсом к учреждению университетов и академий для юношества. Представления Лейбница основывались на восприятии России как *tabula rasa*, то есть на отсутствии зачатков образования в России. Академия наук должна была сделать доступным в России западное знание, прежде всего, с помощью переводов. В Российской Академии работали европейские ученые¹⁴. Западные просветители полагали, что именно Россия предоставит идеальные условия для первичной апробации их убежденности в том, что благодаря образованию можно распространить в народе нормы поведения, исходящие из рациональных оснований. В стране правил «просвещенный» деспот, который вознамерился переустроить свое государство по рациональным принципам и дать своим подданным образование, к тому же он хотел копировать существующие в западной Европе социальные институты. При этом подданные, подобно «благородным дикарям» совершенно неискушенные в образовании, соответствовали представлени-

¹¹ Пое 2000.

¹² Schmidt 1996; Haumann 1996. S. 193-217; Hildermeier 2013.

¹³ Анисимов 1989.

¹⁴ Amburger 1961. S. 24-52.

ям ранних просветителей: они сплошь и рядом не были нагружены «ложным знанием», как население на Западе Европы. Очень восприимчивым к истинному образованию представало, прежде всего, юношество, которое еще не было «испорчено образованием». Лейбниц мирился с репрессиями Петра против предполагаемых противников реформ, чтобы не навредить его эксперименту в области образования¹⁵.

Усилия Петра, за которыми очень внимательно наблюдали на Западе, способствовали в первую очередь тому, что в XVIII в. образованные слои Европы пришли к убеждению, что воля к рациональным преобразованиям, осуществляемым просвещенным монархом, может повлиять на считавшееся до тех пор невозможным ускорение развития. Образованные люди следили за происходящим по ежедневным газетам. Обо всем, что Петр набрасывал в планах и устанавливал декретами, газеты сообщали как о фактах и одновременно внушали мысль о достижимости этих планов¹⁶. Следует учесть, что в раннем Просвещении индивид не играл никакой роли. Задача суверена заключалась в том, чтобы сделать из своих несовершеннолетних подданных цивилизованных граждан и в случае необходимости использовать принуждение к их собственному благу¹⁷. Деятельность Петра стала для европейской образованной элиты не только подтверждением превосходства собственных институтов, но и одновременно выявила предпосылки реализации этого превосходства: нужен был только ориентированный на разум правитель. Исходя из этого, они разрабатывали требования к правителям в собственной стране. Петр, напротив, являл собой, как его видел, например, Вольтер, образец идеального правителя. Екатерина II, которая вела оживленную переписку со знаменитыми просветителями, в частности с Вольтером и Дидро, в своих указах с самого начала заимствовала многие идеи Просвещения: так в «Наказе» от 1763 г. она ориентировалась на Монтескье. Вольтер воспринял это как «прекраснейший монумент столетия». Он и другие просветители сожалели о том, что не родились русскими и потому не могут извлечь пользу из «просвещенного правления»¹⁸.

Глобальные преобразования, происходившие в течение XVIII в. и повлиявшие на мышление просветителей, не привлекли никакого внимания в России, поскольку они не были созвучны интересам монарха, к тому же там еще не сформировалась достаточно многочисленная и влиятельная образованная элита. Изменившаяся в последней трети столетия европейская образованная элита, на которую оказала влияние Американская революция, более не воспринималась в России как образцовая модель. В Европе правитель перестал восприниматься как герой, культурными авторитетами стали переселившиеся в Америку европей-

¹⁵ Griesse 2016.

¹⁶ Blohme/Depkat 2002.

¹⁷ Griesse 2016.

¹⁸ Lubenow 2002; ср. также Scharf 1998.

ские индивиды¹⁹. Напротив, в центре русского мышления XIX в. стоял не индивид, а «служение народу». Зарождающаяся образованная элита претендовала при этом на роль «первого слуги» народа, которую в свое время как правители определили для себя Петр I и Екатерина II.

Вера в прогресс в XIX веке и русская образованная элита

Первая фаза ориентации на идеи прогресса продолжалась в России от Петра к Екатерине и далее до Французской революции. Она характеризовалась тем, что реформы проводились монархом, а прогресс воспринимался в неразрывной связи с автократическим правлением. В промежуточной фазе (последняя треть XVIII – середина XIX в.) представление о прогрессе, по выражению Шмидта, в некотором смысле изменило свое содержание. Автократия отказалась от динамичного понятия прогресса и сделала своим приоритетом статичное понятие народности²⁰. Для монарха опыт Французской революции выдвинул на первый план издержки прогресса. В свою очередь, образованная элита переняла идеи прогресса с твердым убеждением в том, что только ниспровержение политической системы автократии может форсировать развитие²¹. В течение 1840-х гг. образованная элита с ее изначально единой критической позицией раскололась на два направления – патриотически-консервативное и прогрессивное вплоть до революционного, ориентированное на Запад. Образованная элита в основном разделяла убеждение в изначально отсталости России. В то же время для большей ее части оказалась неприемлемой идея о том, что России следует ориентироваться только на западную модель развития. Так распространилось убеждение, что из отсталости можно извлечь пользу, избежав ошибок ведущих стран. Поэтому многие представители образованных слоев сплоченно выступили против эволюционных теорий, обещавших, что Россия в будущей стадии своего развития присоединится к продвинутым нациям и на основе предполагаемого превосходства русской культуры даже превзойдет их²².

Дискуссии вокруг прогресса одновременно способствовали появлению «контр-концептов», которые разделили наблюдателей за происходящими в Европе процессами на две противоположные группы – сторонников прогресса и тех, кто считал этот путь развития ошибочным. Славянофилы решительно отмежевались от ориентированной на Запад модернизации, подчеркивая ценность собственно русских традиций, а именно, православия и самодержавия, якобы присущего русской самобытности, а также идеализированных специфических форм коллективной собственности, таких как *община*. В середине XIX в. отдельные представители элиты заняли негативную позицию относительно индустриализации. Они полагали, что можно избежать возникновения без-

¹⁹ Blohme/Depkat 2002.

²⁰ Schmidt 1996. S. 13f.

²¹ Ibid. 1996.

²² Semenov u.a. 2013.

земельного пролетариата и социальных волнений в русских городах. *Народники* видели в крестьянской деревенской общине уже реализованный важный элемент воображаемого ими будущего социалистического общества, так что Россия, по их мнению, может, минуя капитализм с его негативными последствиями пролетаризации и искоренения крестьян, прийти прямым путем к социализму.

Формирующаяся в XIX в. образованная элита шла по стопам правителя, несмотря на свою порой острую критику последнего. Она требовала в первую очередь вестернизации страны, связанной с принципиальными изменениями политической системы, но была убеждена, что в дальнейшем, преобразования должны осуществляться сверху, тем самым дистанцируясь от анархистских взглядов Бакунина, основой которых была самоорганизация общества. Ориентированные на прогресс представители образованной элиты видели свое предназначение в том, чтобы привести «народ», в котором преобладающую часть составляли крестьяне, к правильному будущему²³. Такая позиция, отдававшая предпочтение народным массам, подкреплялась марксистским проектом, который видел в образованной элите «авангард» рабочего класса. Русские марксисты, будучи членами партии, поставили себе задачу «научно обоснованным» путем, начертанным мудрым вождем, привести простой народ к «социалистической модернизации». В 1890-х гг. верх одержали марксисты и социалисты, которые в согласии с западными идеями рассматривали рабочих как революционный класс. Большая часть образованной элиты после этого и вплоть до 1914 г. была глубоко убеждена в отсталости и иррациональности русского крестьянства²⁴.

Марксистская теория стадийного развития общества была особенно приспособлена для такого распределения ролей. Она представляла коммунизм как высшую и конечную стадию общественного развития и утверждала, что прогрессивные западные государства могут достичь этого только после ликвидации социально-экономической системы капитализма в результате классовой борьбы. Часть образованной элиты увидела в этом идеальное решение волнующей ее проблемы отсталости, которое соединяло все: западное происхождение, обещание превзойти достигнутую на Западе стадию развития путем достижения «еще» более прогрессивной конечной стадии истории – коммунизма и, тем самым, конечной стадии существования человечества – рая на земле. Все это было «научно доказано» и представлено в теории научного социализма. Представление о «непогрешимости партии» не очень противоречило коллективному самосознанию этой части образованной элиты. Она подчинилась «объективной истине», которую сформулировал воспринимаемый как справедливый правитель.

²³ Hoffmann 2011; Semenov 2013.

²⁴ Hoffmann 2000; Gerasimov 2004.

Разнообразие русско-советских концепций модернизации

Ориентация на Запад

Рассмотрим различные интеллектуальные конструкты, каждый из которых отличал модернизацию в России и СССР от проекта модернизации на Западе. В целом русский дискурс был неизменно ориентирован на идеи ранних социалистов и, в противоположность Западной Европе, время от времени выдвигал в центр своих размышлений крестьянство как революционный субъект. В ряде инициатив Россия выступала первопроходцем (секуляризация), во многих случаях она двигалась в русле европейской тенденции (интервенционистское государство), в остальном, когда речь шла о парламентской демократии, концептах национальной политики и правах человека, она отказывалась от доминирующих тенденций развития. Сформулированные в эпоху Просвещения представления о модернизации, воспринятые в России и в СССР, были преимущественно европоцентричными. В период между 1698 и 1991 г. политическая и идеологическая элита была уверена в том, что рациональная научная организация экономики и общества может полностью преодолеть отсталость страны и привести ее к лучшему будущему. Решающей предпосылкой стала общедоступность образования, основанного на рациональных принципах. Это сочеталось с почти безграничной уверенностью, что радикальные изменения возможны и зависят только от разумной воли человека. «Научности» предписывалось решающее значение в определении правильных форм будущего. В перспективе русско-советский концепт модернизации представлял захватывающим социальным проектом. В России, в отличие от стран Запада, он служил прочным основанием для политических преобразований и реформ.

Гегельянство и ранний социализм

В XIX в. русский дискурс модернизации испытал сильное воздействие как гегельянства, так и эгалитарных идей ранних социалистов. Следуя диалектике Гегеля, в крестьянстве видели потенциальный субъект революционного переворота. Герцен, Бакунин и Чернышевский ожидали, что грядущее социалистическое общество будет основано на коллективной собственности, а его федеральная организация облегчит соединение социализма и свободы. Бакунину идеальное государство представлялось как добровольный союз индивидов, сообществ производителей и общин, основанный на максимально широких правах независимости и самоопределения. Революционно настроенная образованная элита в России всецело ориентировалась на крестьянство, поскольку отождествляла с ним понятие русского народа, а в крестьянской общине с ее принципом перераспределения общей собственности усматривала прямое предвосхищение социалистической коллективной собственности и социального равенства. Западники, реагируя на сопротивление консерваторов их мечтам о прогрессе, соединили свою убежденность в отсталости России с верой в превосходство русских форм коллективной орга-

низации – крестьянской общины и рабочей артели. Негативным последствиям городской жизни, таким как пролетаризация и искоренение крестьянства, они противопоставили теорию крестьянского социализма, который должен привлечь промышленность на село. Герцен, находясь в изгнании в Лондоне, ожидал, что крепостные сами поднимутся против угнетающей их системы²⁵. Присоединяясь к этим представлениям о товариществах как будущей форме общественного устройства, Чернышевский описал, как может функционировать в будущем такое сообщество тружеников, ведомое «новым человеком».

Эмансипация и сельская модернизация

Специфика социального развития России обусловила то, что представления о будущем в ней были намного сильнее, чем в Западной Европе, связаны с крестьянством²⁶. Ко времени Октябрьского переворота Россия все еще оставалась крестьянской страной. В разгар военного коммунизма Чаянов в 1920 г. сочинил утопический роман, в котором описывалось дальнейшее развитие Советской России вплоть до 1984 г. в направлении крестьянской республики. Следуя за Марксом, считавшим, что сами крестьяне не способны к организации, Чаянов видел будущее республики в управлении, находящемся в руках корпорации интеллигентов-профессионалов. Специфические русские представления о модернизации середины XIX в. он описывал как уже реализованные. В созданной Чаяновым картине будущего крестьянская республика преодолела капиталистическую урбанизацию, переместив промышленность на село. Специалисты заботились об ускорении научно-технического прогресса и реализации его достижений. Республика держалась на децентрализованных сообществах производителей, города обезлюдели²⁷. В начале 1920-х гг. предпринимались и другие попытки реализации крестьянского социализма. В частности, был основан «Крестьянский интернационал» и распространились представления о том, что для восточноевропейских аграрных государств открывается специфический «третий путь» в модернизацию - между капитализмом и рабочим социализмом²⁸.

С большой симпатией русская образованная элита XIX в. подхватила идею освобождения от рабства. В то время как цензура пресекала дискуссии о крепостничестве, в Россию удивительным образом был перенесен дискурс выступавших против рабства аболиционистов, связанный с представлениями о значимости прав человека. Абсурдным следствием этой «интернационализации» дискурса стало то, что автобиографии крепостных также заимствовали стереотип дискурса рабства, хотя реальная ситуация в России была совершенно иной²⁹. В дискуссиях о

²⁵ Herzen 1858.

²⁶ Bruisch 2014.

²⁷ Чаянов 2003.

²⁸ Чернов 1917; Bruisch 2014. S 162 f.

²⁹ Herzberg 2013.

превращении крепостных в равноправных членов общества среди части образованной элиты завоевало популярность учение С. Смайlsa, согласно которому, каждый крестьянин может овладеть знаниями путем саморазвития³⁰. Большинство автобиографических проектов подхватили это учение о потенциальном равенстве всех людей, независимо от их происхождения, с тем чтобы уничтожить существующее сословное общество. Интеллигенция стремилась побудить выходцев из крестьянской среды описать собственную эмансипацию и таким образом представить ее в максимально поучительной форме³¹.

Секуляризация и идея воспитания

В России очень рано получил популярность еще один элемент модернизации, а именно, характерное для западного Просвещения акцентирование светских аспектов социальной жизни. Гриссе³², например, утверждает, что деятельность Петра I в целом пробудила только просветительскую нацеленность на секуляризацию. Уже в 1698 г. Петр решил снать конфликт с церковью и начал наступление на установленные ею нормы (среди прочего, указы о сбривании бород и ношении западного платья). После смерти патриарха в 1700 г. Петр I провозгласил себя главой православной церкви. За этим стояли финансовые и политические соображения, так как поступления в государственную казну были строго ограничены, в то время как церковь контролировала треть земельных владений и значительную часть населения. Поэтому Петр в 1721 г. подчинил церковное управление новому коллективному органу - Святейшему Синоду. Приписанные к церкви крестьяне стали «экономическими крестьянами» и должны были платить налоги государству. После этого первого наступления на имущество церкви в 1764 г. произошла окончательная секуляризация церковных вотчин.

Центральным содержанием русских представлений о модернизации была идея воспитания, связанная с развитием системы рационального образования. Петр, Екатерина, образованная элита и затем «социалистическая модернизация» сплошь и рядом руководствовались задачей изменить человека и его мышление путем трансляции знаний. Для Лейбница образование народа играло центральную роль в процессе цивилизации, и его советы Петру концентрировались именно на этой проблеме. Екатерина II, учредив сиротские приюты, распорядилась о проведении время от времени конкретных экспериментов по воспитанию «необразованных» детей с тем, чтобы сделать из них «новых», лучших людей. Эта идея, как минимум подспудно, была положена в основу сталинской «диктатуры воспитания», подобно тому как, например, искусный садовник исходит в своих замыслах из уверенности в том, что возможно

³⁰ Смайльс 1867.

³¹ Herzberg 2013; Рубакин 1903.

³² Griesse 2016.

планомерное устройство сада, которое включает в себя и уничтожение сорняков³³. Советский Союз также делал ставку на детей, которые в перспективе представляли будущее и из которых его руководители хотели сформировать «новых людей». Амбивалентность идей о воспитании со всей полнотой раскрылась в насильственных действиях Сталина. Стремительное осуществление в СССР программы всеобщего начального образования в 1930-х гг. не случайно совпало с террором, который помимо прочего был направлен и на то, чтобы ликвидировать «неподдающихся перевоспитанию». Новая стратегия воспитания должна была в исходном замысле исправить недостатки европейской системы образования в том виде, как она сформировалась к началу XX в., и одновременно искоренить «ложное образование». Целесообразность «диктатуры воспитания», вероятно, была понятней русскому сознанию, чем другим европейским культурам, однако его истоки следует искать в идеях раннего Просвещения. Готовность Петра к тому, чтобы насильственно претворять в жизнь представления и цели, признанные им верными, ничуть не повлияла на позитивный образ русского царя, созданный ранними просветителями, часть которых рассматривали насилие в отношении отсталого населения как неизбежную жертву в процессе цивилизации. Насилие в отношении врагов реформ якобы во имя благого дела – цивилизации общества – вновь и вновь применялось на практике и в последующее время. Сталин в этом смысле действовал особенно жестоко, полностью пренебрегая правами человека.

Уверенность в безграничной возможности осуществить запланированные преобразования также во все эпохи была неизменным элементом русских представлений о модернизации. В СССР эта уверенность нашла отражение в огромном сталинском проекте «преобразования природы». Непосредственно после победоносного окончания «борьбы против фашизма» Сталин, уверенный в победе, поставил на повестку дня «борьбу против природы»³⁴. Еще Александр Богданов перед Первой мировой войной в своем популярном романе «Красная звезда» описал преобразование природы путем поворота рек, осуществленного усилиями человека, для достижения более высокой ступени культурного развития³⁵. Чаянов в своей крестьянской утопии надеялся, что человек может подчинить природу с помощью силовых установок, работающих на магнитных полях³⁶. Вера в устойчивый прогресс была составной частью «социалистической модернизации». От быстрого развития технологий исходило определенное обаяние. Политики и «планировщики» с одобрением рассматривали проекты освоения географического пространства и социальных преобразований.

³³ Bauman 1992, 2005.

³⁴ Gestwa 2001.

³⁵ Богданов 1908.

³⁶ Чаянов 2003.

Национальности

Власть в России не могла начать продвигаемый в XIX в. в рамках модернизации проект создания национального государства не только потому, что он создавал угрозу для монолитности многонациональной страны. В большинстве случаев стоящая за этничностью личная идентичность сталкивалась с культурной ориентацией на ценности сообщества. В России вплоть до первой половины XIX в. проводилась толерантная национальная политика, которая кооптировала региональные элиты и не была направлена ни на религиозную, ни на этническую гомогенность. Лишь в последней трети XIX в. произошел поворот к государственной унификации, связанный с политикой русификации. Отныне различные этносы следовало интегрировать в политическую систему на основе идеи имперского патриотизма и «царского мифа», актуализировавшего важность личности монарха. «Социалистическая модернизация» разработала концепцию национальной политики и осуществляла ее на практике в 1920-х гг., проводя *коренизацию*, которая значительно отличалась от западного опыта. Национализм был определен народным комиссаром по делам национальностей Сталиным как буржуазное явление, преодолеть которое сможет социализм. После отделения прибалтов и поляков, осознававших себя как особые нации, в Советской России только грузины и украинцы были этносами, у которых сформировались образованные элиты, не лишённые сепаратистских настроений. В силу этого, как и в случае с эмансипацией женщин, «социалистическая модернизация» сделала ставку на эмансипацию более чем 100 этносов. Избранная руководством страны политика *аффирмативного действия* в первую очередь должна была создать условия для догоняющего развития этносов, не имевших собственной письменности и элит. Одновременно режим боролся против «великорусского шовинизма». В 1920-х гг. власти предписали создать для почти 70-ти этносов письменность на основе латинского алфавита и вести обучение в школе на родном языке. На территориях традиционного проживания народов их язык должен был стать языком дело- и судопроизводства. Для многих этносов такая государственная поддержка способствовала решительному прорыву в развитии и оказала влияние на их позитивную идентификацию с Советским государством. Сталин надеялся, что после устранения социальной дифференциации все этносы во второй фазе общественного развития станут единым рабочим классом. Путем продвижения концепции интернационализма советское государство должно было объединить все народы как государство трудящихся³⁷. Политика *коренизации* была вполне успешной. Она, однако, способствовала формированию национального самосознания отдельных народов и, одновременно с этим, проявлению этнических различий и противоречий. Принудительная коллективизации

³⁷ Martin 2001.

крестьян при Сталине в середине 1930-х гг. уступила место политике, которая выдвигала на первый план сплочение советского народа. Сталин в середине 1930-х гг., восприняв как образец национал-социалистскую «народную общность», заговорил о «единстве советского народа», которое предполагало равноправие всех этносов³⁸. При этом представители отдельных этносов не исключались из реализуемого в то время социалистического проекта воспитания и цивилизации³⁹.

Социальная инженерия

Модернизация в России была принципиально ориентирована на главные постулаты Просвещения: веру в прогресс, доверие к разуму, преклонение перед ученостью, а также пренебрежительное отношение к религии и традициям. При рассмотрении разных вариантов преобразования общества на рациональной основе и методов государственного интервенционизма социализм предстает как один из многих идеологических продуктов европейской модернизации⁴⁰. На протяжении десятилетий перед Первой мировой войной Россия расширяла бюрократический аппарат, усиливая государственный контроль⁴¹, и предпринимала попытки рационализировать общество и реорганизовать его в соответствии с научными представлениями. Значительный рост интереса к социальным вопросам в конце XIX в. был реакцией на индустриализацию и начинающуюся урбанизацию. Городское самоуправление в России столкнулось с такими же вопросами и проблемами, как и коммунальные власти на Западе: жилье, гигиена, профилактика заболеваний, несчастные случаи на производстве, алкоголизм, нищета, социальные беспорядки и безработица. В поисках решения проблем ставка делалась – в ходе тесного взаимодействия с западными коллегами – на профессионализм и знания экспертов, например, в таких областях как городское планирование, социальные реформы и здравоохранение⁴². Социальная жизнь была отделена от местных традиций и заново реорганизована на основе рациональных структур. Когда Н. Луманн и затем Э. Гидденс описывают новые институты как тесно связанные с механизмом доверия к абстрактным системам, прежде всего к системе экспертов, то это, за редкими исключениями, равным образом характерно и для России и Советского Союза, если учесть, сколь охотно местное население напрямую взаимодействовало при решении проблем с конкретными управленцами⁴³. После 1917 г. были устранены традиционные моральные ограничения, так что отныне режим мог преобразовывать общество масштабнее и глубже, опираясь на умозрительные представления об идеальном социальном

³⁸ Merl 2012; Martin 2001.

³⁹ Hoffmann 2000.

⁴⁰ Ibid. 2000. S. 256.

⁴¹ Raphael 2000.

⁴² Hoffmann 2000; 2011.

⁴³ Merl 2012.

устройстве. Не выдерживает критики выдвинутое русскими и, как правило, некритично воспринятое западными исследователями отрицание функциональной дифференциации в Советском Союзе. Под прикрытием идеи всеведения вождя и партии эксперты играли значимую роль, и их деятельность опиралась на функциональную дифференциацию, без чего ни одно переживающее модернизацию государство не смогло бы добиться стабильности. Язык экспертов, используемый ими понятийный аппарат, однако, был выведен из контролируемого партией общественного дискурса и оставался понятен только для специалистов⁴⁴.

В XX в. интервенционистские государства, в т.ч. и Советский Союз, проводили политику кардинальной трансформации общества (*social engineering, population management*)⁴⁵. Поскольку вмешательство властей основывалось на представлении, что государство должно опекать отдельного человека, с тем чтобы уберечь его от всяческих бед путем осуществления отсутствовавших ранее мер социальной защиты – заботы о стариках, детях, профилактики болезней и гарантии в случае потери работоспособности, то в интервенционистском государстве можно увидеть сходство «европейской модернизации» с «социалистической модернизацией». В этом отношении сегодня особенно очевидны отличия американских представлений о модернизации от европейских, хотя в середине 1930-х гг. «новый курс» Рузвельта базировался на сходных идеях, но позже выдвинутая им программа мероприятий была остановлена американским судопроизводством. В конце Второй мировой войны общеевропейская парадигма модернизации определялась уверенностью в том, что первоочередной задачей интервенционистского государства должно стать преодоление социальных бед. Концепт «государства благосостояния» У. Бевериджа, «концертированная акция» К. Шиллера и коммунистическая модель «удовлетворения потребностей» Н. Хрущева⁴⁶ сошлись в этой убежденности. Готовность населения к государственной опеке опиралась на Западе на осмысление исторического опыта, а именно на представление о том, что беды межвоенного периода, включая мировой экономический кризис и политическую радикализацию общества, проистекают из социальных бедствий, которые могут быть преодолены модернизацией, создающей благосостояние государства. При этом недопущение бедственного положения отдельного человека стало гарантией сохранения демократии. Проект модернизации, основанный на вере в то, что современное общество способно «преодолеть нищету», в некоторых конкретных проявлениях можно обнаружить и в России, и на Западе. Однако в 1970-х гг. «оба мира» потерпели неудачу, во многом в силу того, что связанные с модернизацией расходы оказались неподъемными.

⁴⁴ Merl 2012.

⁴⁵ Hoffmann 2000; 2011.

⁴⁶ Merl 2010.

Интервенционистское государство благосостояния в обоих регионах установило социальный контроль над новым знанием, новыми целями правительства и новыми технологиями. При этом «социалистическая модернизация» преобразовала здравоохранение, вероятно, эффективнее, чем другие европейские страны, сфокусировавшись преимущественно на общественных, а не индивидуальных интересах.

Представления о модернизации в России и Советском Союзе и ее оценки, в отличие от Запада, отличались большим разнообразием. Общая парадигма, однако, определялась общими порожденными европейской культурой моделями преобразования общества. «Социалистическая модернизация» имела те же фундаментальные основания, что и западная модернизация, которой, тем не менее, она резко противопоставляла отличающиеся от нее модели: научное управление экономикой вместо анархии рынка, распределение по потребностям вместо компенсации затраченного труда. При систематическом сравнительном изучении европейского опыта можно выявить многочисленные различия в представлениях о модернизации России, но и в североамериканских представлениях о модернизации. В рамках данной статьи невозможно выйти за пределы анализа действий интервенционистского государства в процессе модернизации. Однако именно гипотеза о возможности противостоящих моделей модернизации позволяет воспринимать Россию и СССР как составную часть европейской модернизации. В настоящее время у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что развитие России определялось системой общеевропейских ценностей и идей.

Перевод с немецкого Н.Ф. Сокольской

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л. Лениздат, 1989.
- Богданов А. Красная звезда. Петербург: Товарищество художников печати, 1908.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996.
- Герцен А.И. Русский народ и социализм. Лондон, 1858.
- Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. / Б. Пиетров-Эннкер, Г. Ульянова. М., 2007.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1- 2. СПб. 1999.
- Рубакин Н.А. Крестьяне-самоучки. СПб. 5-е изд. 1903.
- Смайльс С. Самопомощь. Харьков. 1867.
- Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М. 2008.
- Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab imperio*. 2002. № 1. С. 85-101.
- Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Александр Васильевич Чаянов. Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М., Дашков и К., 2003. С. 245-311.
- Чернов В.М. Война и «третья сила». Сборник статей. Петроград. 1917.
- Anisimov E.V. Vremya petrovskikh reform. L. Lenizdat, 1989.
- Bogdanov A. Krasnaya zvezda. Peterburg: Tovarishchestvo khudozhnikov pechati, 1908.

- Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetской Rossii / Otv. red. B.V. Anan'ich. SPb., 1996.
- Gertsen A.I. Russkii narod i sotsializm. London, 1858.
- Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi impe-rii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka / B. Pietrov-Ennker, G. Ul'yanova. M., 2007.
- Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravo-vogo gosudarstva. T. 1- 2. SPb. 1999.
- Rubakin N.A. Krest'yane-samouchki. SPb. 5-e izd. 1903.
- Smail's S. Samopomoshch'. Khar'kov. 1867.
- Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX v. M. 2008.
- Khil'dermaier M. Rossiiskii «dolgiy XIX vek»: «osobyi put'» evropeiskoi mo-dernizatsii? // Ab imperio. 2002. № 1.S. 85-101.
- Chayanov A.V. Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoi utopii // Aleksandr Vasil'evich Chayanov. Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty. M., Dashkov i K., 2003. S. 245-311.
- Chernov V.M. Voina i «tret'ya sila». Sbornik statei. Petrograd. 1917.
- Amburger E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Gießen. 1961.
- Bauman Z. Verworfenes Leben. Die Ausgegrenzten der Moderne. Hamburg. 2005.
- Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Hamburg. 1992.
- Blohme A., Depkat V. Von der „Civilisierung“ Rußlands und dem „Aufblühen“ Nordamerikas im 18. Jahrhundert. Leit motive der Aufklärung am Beispiel deutscher Russland- und Amerikabilder. Bremen. 2002.
- Bruisch K. Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln. 2014.
- David-Fox M. Multiple Modernities vs Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 54. 2006. P. 535-555.
- Gerasimov I. Russians into Peasants? The Politics of Self-Organization and Paradoxes of the Public Modernization Campaign in the Countryside in Late Imperial Russia // Journal of Modern European History. 2004. Nr. 2, P. 232-253.
- Gestwa K. Die “Stalinschen Großbauten des Kommunismus”. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte 1948-1964. München. 2001.
- Geyer D. Rußland an der Jahrhundertwende. Zeitdiagnosen und Zukunftsprojektionen aus östlicher Perspektive // Das Neue Jahrhundert. Europäische Zeitdiagnosen und Zukunftsentwürfe um 1900 / Ed. Frevert U. Göttingen. 2000. S. 244-264.
- Grisse M. Von der Barbarei zur Rückständigkeit: Revolten in Russland als Projektionsflächen eines „aufgeklärten Absolutismus“ // Die Zukunft der Rückständigkeit. Festschrift für Manfred Hildermeier / Eds. Feest D., Häfner L. Köln. 2016.
- Haumann H. Geschichte Russlands. München. 1996.
- Herzberg J. Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Bielefeld. 2013.
- Hildermeier M. Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München. 2013.
- Hoffmann D.L. European Modernity and Soviet Socialism // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices / Eds. Hoffmann D.L., Kotsonis Y. New York. 2000. P. 245-260.
- Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914-1939. Ithaca. 2011.
- Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley 1995.
- Lubenow M. Französische Kultur in Russland: Entwicklungslinien in Geschichte und Kultur. Köln. 2002.
- Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations und Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca. 2001.
- Matthes E. Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt a.M. 1981.

- Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen. 2012.
- Merl S. Von Chruschtschows Konsumkonzeption zur Politik des „Little Deal“ unter Brezhnev // Ökonomie im Kalten Krieg / Eds. Greiner B., Müller C.Th., Weber C. Hamburg. 2010, S. 279-310.
- Poe M.T. “A People Born to Slavery”. Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1784. Ithaca, London. 2000.
- Plaggenborg S. Experiment Moderne. Der sowjetische Weg. Frankfurt a.M., N.Y., 2006.
- Raphael L. Recht und Ordnung. Herrschaft durch Verwaltung im 19. Jahrhundert. Frankfurt a.M. 2000.
- Reformen im Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts. Westliche Modelle und russische Erfahrungen / Hg. Beyrau D. u.a. Frankfurt a.M. 1996.
- Scharf C. Tradition – Usurpation – Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II. // Russland zur Zeit Katharina II. / Eds. Hübner E., Kusber J., Nitsche P. Köln u.a. 1998. S. 41-101.
- Schmidt C. Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland // Historische Zeitschrift 263. 1996. S. 1-30.
- Semyonov (Semenov) A., Mogilner M., Gerasimov I. Russian Sociology in Imperial Context // Sociology and Empire. The Imperial Entanglement of a Discipline / Hg. Steinmetz G. Durham, NC. 2013. P. 53-82.

Штефан Мерль, профессор, Билефельдский университет, ФРГ; smerl@uni-bielefeld.de

Is there a “transatlantic modernization”? Thoughts on the role of Russia in the concept of “modernization”

Contemporary discussions often mention a “transatlantic model of values”, and there is an impression that Russia has nothing to do with it: Russia’s way to “modernity” and the concept of modernization born there seemingly differs greatly from the former. The author of the article argues against this opinion and shows that Russia played an important role in shaping of the ideas of modernization in 18th century Europe. By the early 20th c. Russia was heavily involved into debates over modernization, and the ideas of “socialist modernization” were closely linked to European views different from American paradigm. The article is focused on the early 18th c. when hopes of the thinkers of the early Enlightenment about the perfection of the world and its people based on reason were revived because of the westernizing policy of Peter I. Then the author discusses the 2nd half of the 19th c., when Russian society debated the ideas of progress and formed its own views of modernization rooted in the concept of the its own backwardness. The final section of the article discusses those Russian views of modernization that later determined a number of characteristics of Soviet history. The author rejects the concept of “multiple modernizations” because he finds main characteristics of modernization in each of its versions. Thus, Russian-Soviet views are part of the European concept of modernization

Keywords: models of modernization, progress, Enlightenment, history of Russia, ideas and values, westernization, “social engineering”

Stephan Merl, Professor, University of Bielefeld, Germany; smerl@uni-bielefeld.de

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА¹

В XIX в. ряд положений в духе евразийства высказывали слависты В. Ламанский и К. Леонтьев, в XX в. его непосредственными предвосхитителями стали Андрей Белый и Александр Блок. Намечается подход к полновесному рассмотрению их места в русской социальной мысли как носителей принципиально новых взглядов на проблему России и Европы, изложенных в романе «Петербург» и поэме «Скифы». Не только история идей, но и политическая история не могут обойтись без рассмотрения проблемы статуса идей евразийства. Ее анализ требует новых методологий, в рамках которых сочетаются различные аналитические операции: ситуационный подход, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических заблуждений.

Ключевые слова: *Россия, Европа, Андрей Белый, Александр Блок, исход к Востоку, туранство, евразийское единение, романо-германский мир, скифы, евроскептицизм.*

Проблема «Россия и Европа» – не только неустранимая часть истории идей, но и пространство столкновения политических течений России XIX – начала XX в., – приобрела новые характеристики после революции 1917 года, хотя и до этого ее сложности ощущались проницательными социальными мыслителями. К их числу можно отнести и великих художников слова – Андрея Белого и Александра Блока. На их произведениях – романе «Петербург» и стихотворении, скорее поэме, «Скифы» – мы и сосредоточим внимание, учитывая, что явно или неявно, и даже вольно или невольно их ключевые идеи сказались на постреволюционных – в основном эмигрантских – течениях, в первую очередь на евразийстве. При этом «Белого царя» как центра притяжения многих народов, прежде всего славянских, не стало, а установка на интернационализм в ходе предполагаемой мировой революции большинством представителей указанных течений принята не была, и им пришлось по-новому осмысливать историю своей страны и ее изменившееся состояние.

Дополнительным фактором в решении проблемы «Россия и Европа» выступил туранский вопрос; он предполагал новое рассмотрение влияния народов, включенных в ареал татаро-монгольских завоеваний, на Русь/Россию как евразийское государство. Его роль по-разному трактовалась различными силами в новой России и за рубежом, но с решением именно туранского вопроса связывалось будущее страны – и так считали не только евразийцы. Достаточно вспомнить не лишненное проницательности суждение Ленина о том, что судьбы социалистической революции в России зависят от того, получают ли они поддержку на Востоке. В одной из последних прижизненных работ им зафиксирована следующая ситуация: новой России с доминированием в ней крестьянского

¹ Статья подготовлена в рамках Программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

производства надо продержаться, дожидаясь социалистической революции на индустриальном Западе, однако там она оттягивается вследствие эксплуатации одних государств (прежде всего, побежденной Германии) другими, «соединенной с эксплуатацией всего Востока»². И, чтобы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами – победителями в мировой войне, надо признать: «гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается в борьбе с самим капитализмом. Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения»³. Статья была напечатана в газете «Правда» от 4 марта 1923 г., и с ее положениями, конечно, были знакомы евразийцы; более того, под рядом из них они могли бы подписаться.

Евразийство по-своему признало эту новую и весьма высокую значимость туранского и, наряду с ним, скифского вопросов, отодвигавших вольно или невольно на задний план вопрос славянский, хотя собственно момент этого сдвига не столь однозначен и однолинеен⁴. Термином «туранство» основоположник данного течения Н. Трубецкой обозначал народы, обладающие общим психическим складом. В их числе восточные славяне, угро-финны, тюрки, монголы и маньчжурские этносы; всем им присуще отвержение романо-германского духа. Как раз русские православные, считал Трубецкой, сцепляли эти этносы и должны сцеплять их еще больше ввиду новых угроз, которые прячутся за ширмой идеей социализма в его различных вариантах.

Исторически туранцы – кочевые племена, на рубеже III и II тыс. н.э. отделившиеся от оседлых иранцев. Многозначность термина «туранство» не поддавалась и не поддается однозначным интерпретациям, часто он употребляется как метафора (то же можно сказать и о «скифстве»). Что касается Трубецкого, то в статье «О туранском элементе русской культуры», напечатанной в сборнике «Евразийский временник» (Берлин, 1925), он писал: «Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»⁵.

² Ленин 1970. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Задорожнюк 2014.

⁵ Цит. по: Трубецкой 2000. С. 136-137.

Роль туранского начала так или иначе затрагивалась некоторыми предшественниками евразийства, в числе которых назовем такие фигуры, как В. Ламанский и К. Леонтьев. До них о том, что «России надо обаязаться», говорил бывший любомудр (член философского кружка 1820-х гг.) Вл.П. Титов⁶. А. Герцен, еще в 1850 г. разочаровавшись в результатах буржуазных революций 1848 г. в Европе, писал о развивающемся «мощном и неразгаданном народе, который... как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под каптальской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским»; скифы же призваны через революцию обновить Европу⁷.

Характерно, что слово «туранство» на идеологический рынок Европы вынес полонофил, уроженец Украины Ф. Духинский с целью идентифицировать с ним Россию. В 1864 г. в Париже вышла его брошюра «Народы арийские и туранские», привлекая внимание К. Маркса. Позже он признал ее ненаучность, но поощрял использование ряда положений Духинского для борьбы с панславистами (правда, до него тот же Герцен писал о Чингисхане с телеграфом, а еще раньше в азиатчине обличал империю маркиз де Кюстин)⁸.

Позднее тему туранства перехватили В. Ламанский и К. Леонтьев (он говорил о «загадочных славяно-туранцах» в одном из своих знаменитых творений «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения»), дав ей свою интерпретацию. Для них – в отличие от Духинского – она оказалась гласом не столько проклинающим, сколько благословляющим – как это произошло с пророком Валаамом, призванным проклясть Израиль (туранство), но благословившим его. Эти великие русские мыслители по-разному оценивали роль туранского элемента в судьбах славянства, в первую очередь западного и южного. Для Ламанского, это неустранимый элемент отечественной истории и его призвание – освободить славянство от немецких влияний. Леонтьев, напротив, считал западное славянство уже потерянным, а славянство восточное – поддавшимся западным влияниям. Он не любил болгар за их склонность предаться Западу, а греков любил за их консерватизм. Сильное впечатление произвела на него (по образованию медика) книга Н. Данилевского «Россия и Европа» с научно-биологической трактовкой истории, что отразилось в труде «Византия и славянство». Его теорию византизма, своеобразно сочетавшего элементы азиатских разновидностей христианства с античностью, можно считать проекцией будущего евразийства – и в этом плане позиция Леонтьева ближе к евразийцам, чем позиция Ламанского. Все же за некой досадой в связи

⁶ См.: Нижников, Гребешов 2016. С. 576. Остается добавить, что примерно в это время А. Пушкин написал «Памятник», в котором обращался, в первую очередь, к туранским народам: гордому внуку славян, финну, тунгусу, калмыку...

⁷ Герцен 1955. С. 17-18.

⁸ Подробнее см.: Задорожнюк 2014.

со столь значимой ненадежностью славянства у евразийцев на втором плане кроется надежда на его восстановление, хотя бы в качестве если не моста, то буфера между туранством и романским миром. Примечательно, что такого рода сюжеты затрагиваются в романе Андрея Белого и поэме Блока лишь косвенно. Для них славянство – *terra incognita et ignogata*, в то время как для Леонтьева – *terra incognita et desiderata* (соответственно: земля непознанная и забываемая и земля непознанная, но чаемая – если прибегнуть к латыни).

Не станем углубляться в изучение роли туранского элемента у славистов конца XIX века, слависты же века XX-го (особенно трех последних его четвертей) этот вопрос, по сути, игнорировали. Более того, в ходе Первой и Второй мировых войн они говорили, скорее, о славизме без туранства (неопанслависты). Евразийцы же признавали, что без опоры на элементы туранства, исконно присущего русской цивилизации, славянский вопрос принципиально нерешаем⁹.

В XX в. непосредственными предвосхитителями, если не предтечами, евразийства стали поэты-мыслители А. Белый и А. Блок. Настоящая статья лишь намечает подход к полновесному рассмотрению их места в русской социальной мысли как носителей принципиально новых взглядов на проблему России и Европы, поставленную в новом ракурсе и освещенную с неизвестных до настоящего времени позиций. Они – именно социальные мыслители и предвосхитители идейных конструкций евразийства, но не только потому, что статьи о них включены в энциклопедию «Русская философия». Здесь первый аттестуется как «поэт, драматург и публицист» (добавим от себя – квалифицированный юрист: 8 мая 1917 г. он вошел в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования деятельности бывших царских министров и сановников, так сказать, в Чрезвычайку № 1). Второй представлен как «философ, теоретик символизма, поэт, публицист, литературовед», наверное, не в меньшей степени прозаик (не случайно же В. Набоков называл «Петербург» лучшим, наряду «Улиссом» Джойса, романом XX века). И не только потому, что их художественные произведения репрезентируют многие исторические реалии не менее достоверно, чем документы и профессиональные исторические разработки¹⁰. Но и потому, что современное научное познание опирается на новый – постнеклассический – тип научной рационально-

⁹ Следует также вспомнить, что Т.Г. Масарик в своем трехтомнике «Россия и Европа» (1913), как ни странно, в чем-то благосклоннее относился к Леонтьеву, уничтожительно трактовавшему чехов, чем к более любящему их Ламанскому. При этом сам Масарик ориентировался на заокеанские идеалы демократии.

¹⁰ Сошлемся в этом плане на авторитет экономиста Дж. Кейнса: в своем очерке «Россия» он обратился в описании революции 1917 года к роману Толстого «Война и мир», корректно проинтерпретировав наблюдения любимого им русского писателя для объяснения причин массовых социальных сдвигов.

сти, предполагающий подключение всех источников описания того или иного факта или события. Тем самым допустимо зафиксировать взаимное проникновение поэтических предвидений и научных изысканий в рассмотрении (гео)политического статуса России.

Для характеристики взглядов А. Белого, еще до выхода в свет романа «Петербург», достаточно привести две цитаты из его писем 1911 г. В письме А.М. Кожебаткину (сотруднику издательства «Мусaget»), отправленном из Иерусалима 27 мая 1911 г.), он пишет: «Возвращаюсь в десятый раз более русским, пятидесятилетнее отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня очень, мы, слава Богу, русские – не Европа, надо свое неевропейство высоко держать, как знамя... Быть европейцем может теперь только наивный мечтатель. В противном случае это хамство»¹¹. Характерно, что проблемы Европы Белый обсуждал даже в более раннем письме из Африки. Обращаясь к Вяч. Иванову 1 апреля 1911 г. из Каира, он писал: «Судьбы Англии и Франции решать не на континенте Европа, а где-нибудь в Индии или Сахаре. И обратно: африканская плоть и кровь войдут в строительство Европы»¹². Они – своеобразный предкомментарий к роману «Петербург», в котором рассмотрение туранского элемента занимает немалое место¹³.

К.В. Мочульский еще в 1955 г. в книге о творческом прозренииях Андрея Белого с достаточной определенностью указал, что тот во многих отношениях выступает прямым предшественником евразийцев. Характеризуя идейный замысел романа, он пишет: «И старая Россия, и новая, и реакция и революция – во власти темной монголо-туранской стихии. Единственное спасение – “тайное знание” – антропософия»¹⁴.

Что касается Блока, достаточно вспомнить вторую его постреволуционную поэму «Скифы» с призывом к единению народов. Если у В. Соловьева (его знаменитые слова «Панмонголизм! Хоть имя дико, но

¹¹ Андрей Белый. 2015. С. 14. Евразийцы как бы перехватили у Белого это настроение. В конце 1940-х гг. (пять лет спустя после окончания Второй мировой войны – кровопролитного столкновения германского и романского начал) протогегер В. Зеньковский писал: «В евразийстве враждебное отношение к Европе глубже его идей – и тем оно исторически значительнее... Евразийский взор не видит ничего, кроме плена Европе». Он утверждал это, в чем-то «не веря» пришедшему из Византии и Греции православию того же Трубецкого, а тем более Флоровского (Зеньковский В.В. 2005. С. 86).

¹² Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова 2015. С. 70.

¹³ Элемента, который может появиться и с Запада. Вот одна из цитат, косвенно освещающая беды уже XXI века с его нашествием мигрантов: «... в стране папуасов ждет меня папуас: Карл Бедекер заблаговременно предупреждает меня о сем печальном явлении природы; но что было бы со мною, скажите, если бы по дороге в Кирсанов повстречался бы я со становищем черномазой папуасской орды, что, впрочем, скоро будет во Франции, ибо Франция под шумок вооружает черные орды и вводит их в Европу – увидите: впрочем, это вам на руку – вашей теории озверения и ниспровержения культуры: помните?...». Андрей Белый 1981. С. 296.

¹⁴ Мочульский 1997. С. 237.

мне ласкает слух оно» стали эпиграфом поэмы), с его метафорой желтой опасности, доминирует оппозиция, связанная с угрозой гибели Запада под воздействием Востока, то у Блока, как и у Белого, намечается линия на дуализм, интуитивно выдвигается тезис неустрашимости восточного начала, который позже утверждали евразийцы. «Скифы», по мнению экс-сменовеховца Ю. Ключникова, – поэтический манифест евразийского единения, что подтверждает справедливость наблюдения, в соответствии с которым поэтические настроения предшествуют детально разработанным концепциям. С учетом даже этих – сугубо фрагментарных свидетельств – евразийский «исход к Востоку» сенсацией не казался.

Итак, роман Белого «Петербург» и стихотворение «Скифы» Блока являются собой в значительной мере предвосхищения (или, скорее, предчувствия) идей евразийства. Первый касался событий между революциями (1905 года и больше февральской, чем октябрьской, 1917 года) и войнами – Русско-японской (Белый подчеркивал, что как раз маньчжурские шапки, которые носили участники неудавшихся в ее ходе сражений, принесли дух разрушения спланированному Петербургу как столице империи) и Первой мировой. Даже эстетические новшества (ритмизированная проза, поток сознания, сбои в повествовании и т.д.) А. Белого косвенно указывали на неизбежность второй, более разрушительной революции, которой предшествовала война: меняется речь, а за нею и жизнь. Белый и сам неоднократно на это указывал, но важнее, что и в том, и другом он видел два уходящих лика монгольства и считал такое видение присущим Блоку. О его стихах первого десятилетия XX века он писал: «*Татарские очи* у Блока – суть символы самодержавия, или востока; и символы социалодержавия, запада: здесь, как и там, одинаково “*очи татарские*” угрожают России»¹⁵. Эта цитата из знаменитых «Воспоминаний о Блоке» позволяет понять и другой смысл: «Блока считаю я вдохновителем Петербурга и полным автором восстания к жизни его»¹⁶. (Речь в данном случае шла о 500 рублях, отправленных Белому, когда его роман не принял редактор журнала «Русская мысль» П. Струве). Из предшествующей цитаты видно, что речь также идет, если можно так сказать, об идейно-чувствительном послые «Петербург»¹⁷.

Что касается поэмы «Скифы», то она написана перед окончанием Первой мировой войны и вызвана страстным протестом против вторжения немцев в Россию накануне Брестского мира. Блок почувствовал, что и война, и революция вызваны позывом вмешательства в историческую жизнь широких масс, но ведь значительную часть из них составляло кре-

¹⁵ Белый 1995. С. 412.

¹⁶ Там же. С. 388.

¹⁷ Работа над романом проходила в подмосковном селении с говорящим названием Расторгуево – на торжищах оказался и Белый. Он, подобно Достоевскому, лихорадочно пишет роман и говорит о долгах, нервах, кабале... Название романа (в первой версии – «Лакированная карета») придумал поэт В. Иванов.

стьянство и неевропейские народы империи; им, на наш взгляд, и было дано устрашающее наименование – скифы. Данную тему в дальнейшем рассматривали не только большевики, но и евразийцы, и сменовеховцы, и младороссы. Ведь не случайно Первая мировая война после ее начала идентифицировалась той же Россией как вторая Отечественная и получила название мировой. В ходе же окончания этой войны Блок (а вслед за ним и евразийцы), увидел угрозу новой, еще более опустошительной и тоже принявшей название Великой Отечественной¹⁸.

Все смыслы «Скифов» пока не расшифрованы, но эта поэма хронологически инвариантна. Она могла быть написана и в 1898 г., когда российский император созывал Гаагскую конференцию с призывом к всеобщему миру, и в 1914-м, входя в патриотическую лирику, представленную наиболее ярко истинным героем войны поэтом Н. Гумилевым, и в 1917-м – времени провозглашения «мира без аннексий и контрибуций». К слову, данный лозунг мира примечателен тем, что он предполагал отвержение требований не только противников (Германии), но и союзников (Антанта не отказывалась от намерения съесть слабейшего в стае): те и другие не удерживались от притязаний, включая территориальные (аннексий), к России, не говоря уже претензиях (контрибуции). Интуитивно это чувствовали не только большевики, выдвинувшие данный лозунг, не случайно значительная часть офицерского корпуса перешла на службу в Красную армию. В целом 1918 год, время написания «Скифов», обозначил жестокость противостояния революции и контрреволюции в России, в первую очередь, через вторжение немцев. Поэтому белые в принципе имплицитно не могли соединить «единую и неделимую» Россию, что нутром чувствовалось теми же офицерами. Более того, поэма инвариантна не только при жизни Блока. Ряд ее положений предвосхищают и уже упомянутые ленинские слова о решающей роли масс Востока в судьбах России, и некоторые воззрения эмигрантских кругов. Поэму «Скифы» можно считать непризнанным и даже неузнанным поэтическим манифестом евразийства¹⁹.

Евразийцы как незаурядные социальные мыслители не сразу попали в поле зрения советских обществоведов, причем вовсе не только из-за

¹⁸ Следует заметить, что Дж. Кейнс в своей брошюре «Экономические последствия мира», выпущенной в 1919 г., переведенной на русский язык по прямому указанию В. Ленина и вышедшей двумя изданиями в 1922 и 1924 г. под названием «Экономические последствия Версальского мирного договора», также признал неотвратимость возвращения новой войны из-за нерешенных противоречий старой.

¹⁹ Можно привести такого рода метафору: «Петербург» – крик отчаяния между двумя революциями и пророчество неизбежности второй; «Скифы» – такой же крик между двумя мировыми войнами. Надо заметить, что поэма является в чем-то продолжением линии Тютчева, выраженной в стихотворении «Два единства»: не кровью, а любовью можно спаять единство человечества. Правда, там апелляции обращались в основном к «славянскому миру», в поэме же Блока на «братский пир» со скифами в последний раз призывался «старый мир» – вся Европа.

цензурных соображений. Интерес к данному эмигрантскому течению наряду со сменовеховством и движением младороссов возник в конце 1980-х гг., когда общественное сознание впитывало в себя идеи евразийства второпях, часто без разбору²⁰. С начала 1990-х гг. комплекс идей, связанных с евразийством, все же начал активно обсуждаться, главным образом, в журнальной периодике, а с началом нового века стали появляться и монографические исследования; в некоторых из них евразийцев считали некими «потаенными славянофилами».

Нами выделены 12 ключевых фигур евразийства, разделенных на три «четверки». Это его первооснователи, авторы сборника «Исход к Востоку» (София, 1921): Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский и П. Сувчинский; вторая «четверка» – разработчики идеологии евразийства: юрист Н. Алексеев, философ Л. Карсавин, историк Г. Вернадский, этнолог В. Иванов. Еще одна «четверка» – группа мыслителей второго призыва: культурологи К. Чхеидзе и П. Бицилли, а также представители левого крыла евразийства – Д. Святополк-Мирский и С. Эфрон (при их лидерстве группа евразийцев в пригороде Парижа Кламаре совершила «исход к Марксу», классическому западному мыслителю). Практически каждый из упомянутых представителей по ряду позиций дистанцировался от евразийства и даже критиковал его. Первым и весьма своеобразным «отступником» оказался еще в середине 1920-х гг. Г. Флоровский, за ним вскоре последовал Н. Трубецкой, верность его заветам из первой четверки сохранил лишь П. Савицкий.

Приведем некоторые общие наблюдения над судьбой евразийцев, которые покажут особенности их жизненного «исхода к Западу» на фоне размышлений об «исходе к Востоку». Из 12-ти представителей течения шестеро родились на Украине, четверо – в столицах (у В. Иванова место рождения – Гродненская губерния, а место смерти – Хабаровск, Чхеидзе родился в Моздоке). Половина из них умерла в столицах мира – от Софии до Парижа, двое (Флоровский и Вернадский) скончались в Принстоне (США), а трое – в советских тюрьмах и лагерях (Карсавин, Эфрон и Святополк-Мирский). Пятеро из них попали в Софию через Крым и Константинополь, город, так и не ставший столицей империи – ни христианской, как о том мечтали их предтечи – славянофилы и панслависты, ни евразийской, хотя и находился на стыке двух материков. «Исход» на собственно восток – через Пермь и Омск вместе с большими войсками – осуществил лишь Иванов.

Естественно, что евразийцы принесли с собой на запад многие ценности и прозрения русской культуры, а в их числе – идеи туранства, скифства, панмонголизма, правда, в преображенном виде. К знаменитой поэме Блока обращались при этом практически все упомянутые евразийцы – если не в основных трудах, то в лекциях и письмах.

²⁰ Топоров 2003. С. 181.

Князь Н. Трубецкой доказывал, что именно русский народ задает образцы взаимно обогащающего общежития народов и этносов; это позволяет, исходя из языковой славянской общности, укреплять также и межкультурные связи. В этих условиях направление евразийства выражалось поэтами и писателями самого разного склада, в том числе в письме Р. Якобсону от 28 июля 1921 г., в котором Трубецкой упоминает М. Волошина, А. Блока и С. Есенина²¹.

П. Савицкий гораздо чаще вспоминает Блока, в т.ч. его «Скифов»: и в своих трудах, и в переписке с Л.Н. Гумилевым. Но упоминаний об Андрее Белом обнаружить не удалось. Савицкий продолжал традицию трактовки славянского вопроса Ламанским и, в меньшей мере, Н. Данилевским. Понятие «месторазвитие» оказалось в этом плане продуктивным для анализа славянских общностей и идентификации славянских государств и их союзов – выявления специфики не только присущих тому или иному западно-, юго-, восточнославянскому народу обычаев или песен (как в классическом славянофильстве), но и характерных для них типов хозяйствования, торговых связей и т.п. Признавая славянскую основу русского народа, Савицкий неоднократно подчеркивал, что он должен выступать в качестве стены против форсированной европеизации не только самого себя, но и других близких ему этносов.

Сувчинский оказался одним из самых коммуникативных и инициативных евразийцев; он налаживал связи как между ними, так и между их идеологическими соседями: в большей степени сменовеховцами и в меньшей – младороссами. Он придерживался установок футуризма, но не принимал присущего ему богорочества; будучи культурологом, писал яркие статьи не только по политическим проблемам, но и по литературоведению. Именно он посвятил Блоку отдельную статью «Типы творчества (памяти Блока)», в которой поэт именуется великим обреченным русской литературы (наряду с Пушкиным) и указывается, что Блок больше определялся эпохой, чем А. Белый. Он (вместе с Гоголем и Достоевским) представляет тот тип, где функция творчества является самодовлеющим определителем всего творческого явления, «весь запас натуры Достоевского расточает на путях творчества, а не на путях жизни». Толстой же, равно как Пушкин и Блок, два великих поэта и одновременно одни из самых больных людей России – «пример решительного определения творчества на путях жизни... обусловленности творчества жизнью, которую они являют»²². Блок, по словам Сувчинского, накалялся до чувственного ясновидения, его творчество – ворожба, доходящая до пророчества, но огневость снежной стихии – горячо ложная, а соблазн обаяния невозвратным чрезмерен. «Медный Всадник и летящая Степная Кобылица – это ли не образы русской стихийной революции? Куда ска-

²¹ См.: Аверинцев 2003.

²² Сувчинский 2004. С. 429.

чет один и куда летит другая?» Великий поэт одним из первых потусторонним своим зрением увидел, что «катастрофа России – лишь первый день, первый удар всемирного землетрясения»²³.

Г. Флоровский в статье «О патриотизме праведном и греховном» (подпись под ней гласила: София. Декабрь. 1921; Прага. Январь. 1922) констатировал: «Русская революция свершилась, она – факт, она нерасторжимо вплелась в ткань мировой жизни; мало того, русская революция – не бунт, а переворот, катастрофа, свершение каких-то судеб, конец чего-то и начало... В этих глубоких прозрениях глубокая и бесспорная правда и Блока, и А. Белого»²⁴.

Из третьей четверки достаточно подробно писал о Блоке (и меньше о Белом) П. Бицилли. Обращаясь напрямую к рассмотрению скифства, он высказал мысль, что концепт-метафора щита между монголами и Европой достаточно стара – о нем писали, к примеру, Пушкин и даже Маркс. По убеждению Бицилли, вдохновенные слова большого поэта надо поверять анализом, ибо, с одной стороны, монголы не равны скифам, а с другой – мы «скифы» и «монголы» вместе. «Такие и подобные формулы только свидетельствуют о нашей зависимости от западной исторической вульгаты, зависимости, от которой, как оказывается, трудно отделаться даже людям, ощутившим русское “евразийство”». Метафоре щита следует противопоставить концепт-метафору «пути». «Россия – не посредница. В ней трагически осуществляется синтез восточных и западных культур»²⁵, – писал Бицилли.

В статье «“Восток” и “Запад” в истории “Старого света”» он указал на это с еще большей определенностью. Ведь, согласно логике Бицилли, лозунг *Ex oriente lux* (Свет с Востока) тоже имеет свои градации. В годы Первой мировой войны французы называли немцев гуннами, а немцы, в свою очередь, восточных соседей варварами, а то и «русскими свиньями». Однако китайцы отгораживались от соседей-варваров стеной как раз с севера и востока. Несколько общих мыслей об этой статье. Во-первых, ее автор пишет, что у каждого Запада есть свой Восток, и наоборот – у каждого Востока есть свой Запад. Во-вторых, он связывает функции Великой китайской и Римской стен как цивилизационных преград

²³ Там же. С. 432.

²⁴ Флоровский 1998. С. 148. Приведем еще одну смелую метафору: София родила скифов, отец – панмонголизм, а повивальной бабкой была теософия; метафора, может, сверхметафорическая, но она выявляет некий сдвиг умопостроения – или, если вспомнить древнерусское слово, примененное Белым – т р у с у (так в «Петербург»; согласно словарю Даля, лютование стихий). Ее в полной мере ощутил Блок, Белый же эксплицировал, найдя отправную точку 7 июля 1908 г., когда тот написал первое стихотворение из цикла «На поле Куликовом», а полномасштабно осмыслили евразийцы. «Мы, – читаем у Белого, – с А.А. по-разному переживали подмену зори – кровью, и это переживание отделило нас друг от друга... *подменивалась сама музыка времени...*». Белый 1995. С. 329.

²⁵ Цит. по: human.andr.net/Eurasia/1922/ - на putiach- PME.

между разными типами культур (к ним можно отнести засеки в России). В-третьих, он высказал идеи, коррелирующие с идеями К. Ясперса об осяевом времени и с синхронизацией прорывов в культуре Н. Конрада²⁶.

Святополк-Мирский ценил тезис Бицелли о переносе ценностей «вздыбившейся» славянской культуры на Запад и его апологию духа культурного обновленчества. Его отход от евразийства оказался неожиданным для многих, но и сам Святополк-Мирский стал коммунистом, хотя взял на себя миссию внедрения в СССР ряда ценностей евразийства. До этого он выпустил на английском языке «Историю русской литературы с древнейших времен до 1925 года», в которой проговаривались многие идеи евразийства. Центрируясь на противостоянии Востока и Запада, он говорит, что «Петербург», как ранее «Серебряный голубь» – это романы о философии русской истории, причем если тема первого – их противостояние, то второго – совпадение. В «Петербурге» требуется преодоление нигилизма в двух формах: формализма бюрократии (Аблеухов-отец) и рационализации революции (Аблеухов-сын); роман – точка пересечения опустошительного западного рационализма и разрушительных сил монгольских степей. В конце своего труда Святополк-Мирский трактует евразийцев как единственную оригинальную и сильную школу мысли, созданную антибольшевиками, выделяя Блока и Белого как их величайших учителей. По мнению князя-коммуниста, евразийцы выступают как крайние националисты, но не радикальные преобразователи. Практически то же говорил и Н. Бухарин в своем докладе «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» на Первом съезде Союза писателей (1934): «это воспевание новой расы, азиатчины, скифского мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?»²⁷. Характерно, что Блок успел познакомиться с некоторыми работами евразийцев, а Белый мог встречаться с их авторами (напр., с С. Эфроном после революции за границей в Германии, хотя достоверных свидетельств о характере этих встреч не сохранилось). Заметим, что оба писателя многими эмигрантами считались «продавшимися» большевикам, правда, евразийцы об этом упоминали вскользь.

Взаимное узнавание ряда евразийцев и Блока зафиксировано им в дневниковой записи 20 апреля 1921 г.²⁸ Он отметил получение выпу-

²⁶ В знаменитом диалоге А. Тойнби – Н. Конрад американцам не было места, но как раз они своими не только войнами, но и тем, что сегодня именуется мягкой силой (интуитивно даже до появления указанного термина через Голливуд задавали тональность своему доминированию), заняли лидирующие позиции уже в XX веке. Поистине, получилось по-евангельски: последние по времени появления своей культуры будут первыми, а кто этого не признает, попадает в изгой (начиная от народов – иракцы, ливийцы, сирийцы, и заканчивая такими индивидами, как Д. Стросс-Кан).

²⁷ Бухарин 1988. С. 488.

²⁸ Блок 1963. С. 416-418.

щенного в Софии номера «Русской мысли», в котором была статья Савицкого о Трубецком, а ключевые слова в оценке поэмы «Двенадцать» Блока со стороны П. Струве таковы: кощунство и невразумительность, а также соблазн²⁹. Реплика Струве явилась ответом на предисловие Святополк-Мирского к зарубежному изданию поэмы «Двенадцать». Это не остановило князя, который утверждал, что уже «советский» (по слову «Русской мысли») поэт Блок видит глубже неизбежность – вслед за шествием двенадцати красноармейцев – нашествия скифов. Примерно так считали дистанцировавшийся от Струве его бывший ученик Савицкий, а тем более Сувчинский. Савицкий часто цитировал Блока, Сувчинский же с ним встречался, а Трубецкой мог встречаться, поскольку поэт был знаком с его дядей Е. Трубецким и, возможно, с отцом – С. Трубецким.

Один из современных исследователей утверждает, что как раз антизападнически заостренное скифство с подачи А. Блока и Иванова-Разумника получит в 1920 г. у князя Н.С. Трубецкого название евразийство³⁰. Действительно, в большей мере скифство, а в меньшей – монгольство Блока, а, соответственно, в большей мере монгольство и в меньшей – скифство у Белого послужили импульсом к евразийству, даже с учетом того, что сам Блок не любил скифов, а Белый – монголов. Белый в этом плане писал: «Блок был западник, оставшийся при “Скифах”» (т.е. – ни запад, ни восток: востоко-запад – Россия)³¹.

В романе отрицается «желтизна Петербурга», т.е. цвета, которым выкрашены казенные учреждения и обои в комнате их террориста-отрицателя. В то же время побудителем изменений служит знаменитая маньчжурская шапка, носитель которой непосредственно сталкивался с «желтой опасностью» – японцами. Разочаровавшись в возможностях победить желтизну внешнюю, он стремится победить желтизну внутреннюю. «Петербург» зафиксировал исход туранства из столицы – в виде отца-сенатора и сына-революционера. Но свято место пусто не бывает: на передний план вышла новая генерация персов, туранцев, монголов. Что касается «желтизны» (многосоставной – и как доминирующей краски казенных учреждений столицы, и как переживания «желтой» опасности, и как цвета лиц его жителей, вмещающих монгольскую и туранскую кровь) «Петербурга», то она упоминалась евразийцами гораздо реже – и это особенно поразительно на фоне многих предвосхи-

²⁹ Русская мысль 1921. С. 232-233.

³⁰ Бражников 2011. С. 333.

³¹ Белый 1997. С. 454. Что касается Андрея Белого, то с началом революции «Петербург» воспринимается, как сбывшееся пророчество в метафорическом смысле: в 1918 г. город потерял статус столицы, а в 1924 г. – и название. Не случайно Белый расселил Аблеуховых, а А. Толстой завершил хождение по мукам сестер-петербурженок и их избранных в Москве (Головки 2015. С. 110). Для евразийцев – как и для писателя – исход к Востоку в чем-то и начинался с переносом столицы в город, где, по слову С. Есенина, на золотых куполах почивает Азия.

щений относительно данного цвета писателя Белого. Нельзя утверждать, что они о романе не знали – он приобрел популярность в России и вышел в несколько измененном виде в Берлине, но сослаться на него евразийцы не стремились: слишком смелыми, если не обжигающими, были содержащиеся в нем наблюдения и выводы.

Роман о том, что неудача России на Востоке ставит под сомнение ее европейскость и фактически выдвигает на первый план проблему: а следует ли ей оставаться форпостом там западной цивилизации (подобно тому, как Польша является форпостом католицизма)? Ибо, по визионерскому слову одного из героев романа, «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет – Цусима! Будет – новая Калка!.. Куликово Поле, я жду тебя!»³². Более того, визионерство подобное реализуется здесь и сейчас: «Снова бешено понеслись облака клочковатые руки; понеслись туманные пряди все каких-то ведьмовских кос; и двусмысленно замаячило среди них пятно горящее фосфора... Тут раздался – оглушающий, нечеловеческий рев: проблеставши огромным рефлектором невыносимо, мимо понесся, пыхтя керосином, автомобиль – из-под арки к реке. Александр Иванович рассматривал, как желтые, монгольские рожи прорезали площадь; от неожиданности он упал; перед ним упала его мокрая шапка. За его спиной тогда поднялось, похожее на причитание, шамканье. – “Господи, Иисусе Христе! Спаси и помилуй ты нас”. Александр Иванович обернулся и понял, что поблизости с ним зашептался николаевский старик гренадер. – “Господи, что́ это?” – “Автомобиль: именитые японские гости...”. Автомобили не было и следа»³³.

Белый одним из первых мыслителей России дал феномену «желтой опасности» новые толкования. Грядущую мировую войну он все же ощущал в меньшей мере – и здесь парадокс: чрезмерно устранившись «желтой опасности», писатель не увидел опасности западной; как раз Блок в «Скифах» показал всю тяжесть такого неведения.

Евразийский проект исходил из того, что именно русский народ освоил континент Евразии; это признавали ранние славянофилы, а также Ф. Тютчев, допускавшие спасение Россией «загнивающего» Запада³⁴. Эта идея в каждом случае характеризовалась достаточно значимыми отличиями по предметным полям: у Трубецкого просматривается опора на языкознание, у Савицкого – на экономическую географию, у Сувчинского – на культурологию, у Карсавина – на философию истории, у Алексева – на юриспруденцию. Но все они, вслед за Блоком и Белым, в чем-то отходили от установок европоцентризма и доминирования в его рамках

³² Андрей Белый 1981. С. 99.

³³ Там же. С. 100.

³⁴ Задорожник 2014. С. 41-54.

романо-германского начала, которое в разной степени захватывало и русский народ, лишая его культурной идентичности в рамках Европы.

Согласно Трубецкому, Россия, со времен Петра I «вступив на путь романо-германской ориентации, оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации», забывая при этом успешный опыт христианизации народов Востока³⁵. В этом плане русский народ выступает носителем начал евроазиатского национализма – «истинного», противостоящего «ложному», доказав своей историей возможность продуктивной общежительности разных народов и этносов. Этому способствовало оправославнивание, которое «перемалывало» византийские, туранские и монгольские составляющие в ходе истории, и которое в принципе способно устранить крайности европеизации, ярко проявлявшейся в имперский период истории России и принимавшей новые формы в ходе ее большевизации. По убеждению лидера евразийцев, эволюция революции 1917 г. предоставляет возможность избежать крайностей русификации как формы европеизации и дать весомый шанс осуществиться подлинно евразийскому проекту. Эмпирические корреляты возможности такого проекта Трубецкой обнаруживает в успешной языковой политике СССР, но не только в ней; важна и активизация связей между этносами путем подтягивания культуры некоторых из них к более высокому уровню.

Реконструируя взгляды евразийцев на культурную идентичность России, польский исследователь Р. Парадовский справедливо отмечает, что она «не есть результат случайных влияний, не сводится ни к одному из образцов, от которых происходит. Россия получила всю ее в культурной целостности и в форме отдельной, самостоятельной, оригинальной культуры евразийской. Собственно, евразийскость есть, согласно заключениям евразийцев, “тайна” и “загадка” самостоятельности (самобытности) русской (слово «rosyjskie» содержит имплицитно оба толкования: русской и российской, хотя словосочетание «российская культура» пока не приживается в отечественной мысли – Э.З.) культуры»³⁶. Правда, польский автор четко видит некие парадоксы такого рода культуры, когда, к примеру, византизм эвентуально сохраняется через посредничество... татар³⁷; сами евразийцы видят в этом не парадокс, а живительное противоречие, с чем согласиться труднее.

«Нам внятно все – и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений!», – утверждал Блок в «Скифах», призывая все народы «на братский пир труда и мира». В смутных видениях допускает этот «братский пир» и герой романа Андрея Белого: «Не разрушение Европы – ее неизменность... Вот какое – монгольское дело...»³⁸. Евразийцы

³⁵ Трубецкой 2000. С. 127.

³⁶ Paradowski 2003. S. 68-69.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Андрей Белый 1981. С. 237.

еще раз – и весьма доказательно – утвердили, что в число этих народов входят не только «скифы», но также монголы и туранцы.

Одним из главных научных достижений, если не мыслительным подвигом, евразийцев является разработка фактора общежительности европейских (в основном русского) и восточных народов в ходе долговременной истории. При этом практически ни один из этносов не был истреблен русскими, а в той или иной степени сохранял свою идентичность. Конечно, процессы их сближения шли не без проблем, но общий вектор характеризовался именно общежительностью, что и дало основание считать гипотезы евразийства релевантными. Германские племена, считали евразийцы, еще в средневековье прошли катком по восточным соседям, уничтожив едва ли не десятки славянских этносов. Да и освоение Америки, особенно Северной, сопровождалось гибелью местных народов. При этом Савицкий считал Америку параллелью Евразии и страной будущего, Трубецкой же видел всего лишь конденсированную Европу, имплицитно враждебную Евразии.

Не только история идей, но и реальная политическая история не могут обойтись без того, чтобы решать проблему статуса евразийства. Мы отмечали, что его анализ требует новых методологических подходов, в рамках которых сочетаются самые разные аналитические операции с опорой на постнеклассический тип научной рациональности. Важен в этом плане ситуационный анализ, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических завихрений.

Важно отметить и следующее: оба рассмотренные художественные произведения значимы на уровне не только фиксации опасностей, но и утверждения путей³⁹. Это видно на открытых окончаниях и «Петербург», и «Скифов». В романе его главный герой – носитель монгольского начала Аблеухов – поселяется на родной земле, отращивает светлую бороду и читает философа Сквороду с его идеями о сродности труда. Блок же призывает к единению всех народов – миллионов евразийцев и тех, кого он называет «нас тьмы и тьмы и тьмы» – скифов.

Похожими идеями пронизано и евразийство, особенно в лице его первооснователей. Это можно обнаружить и в филологических изысканиях Трубецкого, и в геополитических трудах Савицкого, резко дистанцирующихся от современных ему геополитиков Запада, обосновывавших идею фашизма, и в апологии скифского начала в музыке Сувчинского, и в экуменических исканиях Флоровского. Есть основания утвер-

³⁹ «Утверждение путей» – название одного из сборников работ евразийцев, отказавшихся не только от фиксации вех, но и от сменовеховства; примечательна и эволюция названий: в 1920 г. Н. Трубецкой выпустил брошюру «Европа и человечество», в 1921 г. вышел сборник первоевразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения», а уже в 1922 г. появился сборник «На путях. Утверждение Евразийцев».

ждать, что именно эти интенции, равно как и предчувствия, являются причиной востребованности евразийских идей сегодня.

За скобками нашего обсуждения остается вопрос о преемственности соотношении евразийства и евроскептицизма. Его намечено обсудить на научной конференции в Институте славяноведения РАН, в преддверие 100-летнего юбилея Октябрьской революции. Здесь же отметим, что дело не только в словесном созвучии двух терминов. Между ними можно обнаружить и существенные связи, фиксирующие настоятельность продолжения диалога о путях развития и России (ужавшейся с одной шестой до одной седьмой части планеты), и Европы (зависимой от США – своего созданного около 240 лет назад ответвления).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С. Наследие евразийца Н.С. Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2.
Белый Андрей. Петербург. М.: Наука, 1981.
Белый А. Воспоминания о Блоке. М.: Республика. 1995.
Белый А. Воспоминания о Блоке // Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М.: Автограф, 1997.
Белый Андрей. Путешествие по Средиземноморью. М., 2015.
Блок А.А. Дневники (1901-1921) // Блок А. Собр. соч. Т. 7. М.- Л.: ГИХЛ, 1963.
Бражников И.Л. Скифский сюжет в русской литературе // Вестник Нижегородского государственного университета. Филология. 2011. № 4.
Бухарин Н. И. Избранные труды. Л.: Наука, 1988.
Герцен А. И. С того берега // Собр. соч. в 30 томах. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.
Головкин А.А. Мифологема «Петербург» Андрея Белого в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Юбилейное: вопросы истории, поэтики и интерпретации русской литературы. Краснодар: Юг, 2015.
Задорожнюк Э.Г. Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. № 1.
Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа». М.: Республика. 2005.
Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970.
Мочульский К. В. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1997.
Нижников С. А., Гребешов И. В. История русской философии. М.: РУДН. 2016.
Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова // Русская литература 2015. № 2.
Русская мысль. Кн. 1-2. София, 1921.
Сувчинский П. Типы творчества (памяти А. Блока) // Александр Блок: Pro et contra. СПб. 2004.
Топоров В.Н. О романе Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере в «евразийской» перспективе // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003.
Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф. 1998.
human andr.net/Eurasia/1922/- na putiach- PME.
Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa, 2003.

REFERENCES

- Averintsev S. S. Nasledije evrazijtsa N.S. Trubetskogo // Novyj mir. 2003. № 2.
Belyj Andrej. Peterburg. M.: Nauka, 1981.
Belyj A. Vospominanija o Bloke. M.: Respublika, 1995.
Belyj A. Vospominanija o Bloke // Andrej Belyj o Bloke. Vospominanija. Statji. Dnevniki. Rechi. M.: Avtograf, 1997.

- Belyj Andrej. Puteshestvije po Sredizemnomorju. M., 2015.
- Blok A.A. Dnevnik (1901-1921) // Blok A. Sobr. soch. T. 7. M.-L.: GIHL, 1963.
- Brazhnikov I.L. Skifskij sjuzhet v ruskoj literature // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2011. № 4.
- Bucharin N.I. Izbrannyje trudy. L.: Nauka, 1988.
- Gertsen A.I. S togo berega // Sobr. soch. v 30 tomach. T. 6. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1955.
- Golovko A.A. Mifologema «Peterburg» Andreja Belogo v trilogii A.N. Tolstogo «Chozhdenije po mukam» // Jubilejnyje voprosy istorii, poetiki i interpretacii ruskoj literatury. Krasnodar: Jug, 2015.
- Zadorozhnyuk E.G. F.I. Tjutchev i F. Engels o sudbach slavjanstva // Voprosy istorii. 2014. № 1.
- Zenkovskij V.V. Russkije mysliteli i Evropa. M.: Respublika, 2005.
- Lenin V.I. Lutshe menshe, da lutshe // Poln. sobr. soch. M.: Politizdat, 1970.
- Nizhnikov S.A., Grebeshov I.V. Istorija ruskoj filosofii. M.: RUDN. 2016.
- Mochulskij K.V. Andrej Belyj. Tomsk: Vodolej, 1997.
- Perepiska Andreja Belogo i Vjacheslava Ivanova // Russkaja literatura. 2015. № 2.
- Russkaja mysl. Kn. 1-2. Sofija, 1921.
- Suvchinskij P. Tipy tvorchestva (pamjati A. Bloka) // Aleksandr Blok: Pro et contra. SPb, 2004.
- Toporov V.N. O romane Andreja Belogo «Peterburg» i jego fonosfere v «evrazijskoj» perspektive // Evrazijskoje prostranstvo. Zvuk, slovo, obraz. M., 2003.
- Trubetskij N. Nasledije Chingischana. M.: Agraf, 2000.
- Florovskij G. Iz proshlogo ruskoj mysli. M.: Agraf, 1998.
- human andr.net/Eurasia/1922/- na putiach- PME.
- Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa, 2003.

Задорожняк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; elzador46@mail

The anticipation of Eurasianism

In the 19th c., some ideas of Eurasianism were uttered V. Lamansky and K. Leontiev, and in the early 20th c. it was anticipated by Andrej Belyj and Alexander Blok. The article offers an attempt to analyse their place in the history of Russian social thought, and their new approach to the problem of Russia and Europe, presented in the novel “Petersburg” and the poem “Scythians”. Both history of ideas and political history need to evaluate the status of Eurasianism. Its analysis requires new methods that combine various analytical operations: situational approach, psychological interpretation of political and economic phenomena, the instruments of productive geopolitics, free from ideological mistakes.

Keywords: Russia, Europe, Andrej Belyj, Alexander Blok, way to the East, Turanism, Eurasian unity, Roman-German world, Scythians, Euroscepticism.

Ella Zadorozhnyuk, Dr Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, the Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail

Е. Ю. ВАНИНА

МАХАРАНА ПРАТАП: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРОЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ*

Махарана Пратап – правитель раджпутского княжества Мевар, оказавший во второй половине XVI в. сопротивление падишаху Акбару, который стремился сделать Могольскую империю централизованным государством и интегрировать в нее независимые владения. Средневековая историческая традиция рисовала противостояние Пратапа и Акбара как борьбу равно доблестных и благородных воинов. Автор исследует трансформацию этого нарратива в националистическом дискурсе колониальной и независимой Индии. Инклюзивный вариант национализма, отдавая должное доблести Пратапа, изображает его как сепаратиста, выступавшего против объединительной политики Акбара. Индусский национализм, ставший идеологией целого ряда партий, включая вернувшуюся в 2014 г. к власти БДП, представляет Пратапа как «борца за свободу родины» и причисляет его к сонму общенациональных героев.

Ключевые слова: Моголы, раджпуты, национализм, коммуналлизм, история, нарратив, интерпретация.

Если история – это зеркало, в котором общество «вовсе не ищет... некий аутентичный образ минувшего, а именно *смотрится* (выделено автором – *Е.В.*) в него, пристально вглядываясь в собственный лик»¹, то Индия схожа с человеком, который не растает с зеркалом, постоянно разглядывает себя, пытается найти в прошлом модель для своего нынешнего бытия, а если зеркало показывает что-то «не то», в гневе бросает его, спеша заменить новым. Вторая по численности населения страна современного мира, известная как достижениями, так и тяжелейшими проблемами, постоянно погружена в диалог с историческим прошлым. Причем диалог этот в большинстве случаев напоминает не мирную и вежливую беседу, а страстный, доходящий порой до скандала, спор.

Школьный и вузовский курсы истории – скучные и нелюбимые многими индийцами предметы; их наскоро «проходят», чтобы погрузиться в совсем иной исторический мир: устных, печатных и онлайн-нарративов, фильмов, телевизионных сериалов, предлагающих «правильную» и, главное, комфортную версию событий. Они представляют прошлое таким, каким оно, в соответствии с политическими, идеологическими или психологическими потребностями той или иной группы, должно было быть. Иными словами, необходимо увидеть в зеркале прошлого образ, совпадающий с представлениями о настоящем и будущем. Все, что противоречит этим потребностям, воспринимается как

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН.

¹ Репина. 2008. С. 9.

«оскорбление исторических чувств»² и вызывает истерическую реакцию, вплоть до массового насилия. Ученый-историк, автор исторических романов, создатель фильмов или сериалов о событиях прошлого – это в Индии, без преувеличения, опасные профессии, чреватые для избравшего их возможностью превратиться в мишень для массового гнева, если предложенная в том или ином произведении трактовка покажется «неправильной» более или менее влиятельным лицам или сообществам. И никакие ссылки на археологические и документальные источники не помогут: их либо проигнорируют, либо объявят фальсификацией – прошлое должно быть таким, каким оно востребовано в качестве модели для настоящего и будущего. Это и есть жизнь в «туго натянутом пересечении прошлого, о котором помнят, и будущего, которое ожидают»³. «Пересечение» порой натягивается столь туго, что разрывается ткань гражданского мира, на улицу с протестами против «неправильной» интерпретации прошлого выходят агрессивные толпы, знающие историческую истину на уровне «чувств», а парламент откладывает обсуждение насущных проблем современности и погружается в горячие дискуссии о событиях многовековой давности.

В богатейшем историческом наследии Индии есть немало персонажей, которые обзавелись, уже после смерти, второй историей – историей интерпретаций, подчас не менее драматичной, чем история их жизни. Один из таких персонажей – отважный воин, *махарана* (князь)⁴ Пратап Сингх Сисодия или просто *махарана* Пратап (1540–1597).

Как это было

В 1526 г. началась история самого крупного и мощного государства на территории Южной Азии – империи Великих Моголов. Ее основатель, тимурид Захир уд-дин Мухаммад Бабур (1483–1530), талантливый полководец и поэт, завоевал Северную Индию, воспользовавшись царившей там раздробленностью. Однако вскоре новая династия столкнулась с мощным сопротивлением старой, утвердившейся еще при предшественниках Моголов, делийских султанах, мусульманской знати, так что сын и наследник Бабура, Хумаюн, был изгнан мятежными братьями и афганскими феодалами в Иран, где провел 12 лет, и вернулся в Дели, лишь чтобы вскоре умереть (1556). Подлинным строителем империи стал сын Хумаюна, Акбар (1556–1605) – этого выдающегося правителя-реформатора по праву считают величайшим из Моголов⁵. Его политика была направлена на превращение Могольской державы из аморфного образования, созданного по типу Золотой орды и иных раннесредневековых империй, в сильное централизованное государство. Для террито-

² См. подробнее: Ванина. 2014. С. 259–293.

³ Rösen. 2005. P. 1–2.

⁴ *Махарана* (*рана*) – княжеский титул, вариант более привычного русскоязычному читателю «махараджа» («раджа»).

⁵ Ванина. 2015. С. 103–107.

риальной и политико-административной интеграции империи в единое целое одним из приоритетов было решение раджпутской проблемы.

Раджпуты – военно-феодалное сословие, рыцарство индийского средневековья⁶. Особенно мощными были раджпутские княжества в Западной Индии, на территории, которая в средние века была известна как Раджпутана, а теперь составляет штат Раджастан. Мусульманским завоевателям – сначала «тюрмак», основавшим Делийский султанат в конце XII – начале XIII в., а затем Моголам – стоило больших трудов и крови подчинять себе раджпутские княжества. Как правило, раджпутская крепость оказывалась в руках врага лишь после того, как, убедившись в невозможности ее защиты, женщины устраивали во дворце или храме коллективное самосожжение (*джаухар*), а мужчины, уверенные, что их жены и дочери не будут, даже мертвыми, опозорены прикосновением врага, надевали праздничные одежды и выходили на последний рукопашный бой, чтобы пасть всем до единого и в компании небесных дев вознестись в райские чертоги. Победителю доставались лишь развалины, пепел и трупы. После ухода карательной армии раджпутские князья восстанавливали свою власть – до нового похода мусульманских войск.

Так начинал свою раджпутскую политику и Акбар, но вскоре он понял бесперспективность карательных мер и предпочел союз с раджпутами – один из нечастых в мировой истории опытов взаимодействия двух этнически и конфессионально разных элит. На союз с Моголами некоторые раджпутские князья, начиная с влиятельного Бхармала Качхвахи из Амбера, пошли добровольно: страдая от постоянной вражды с соседями-раджпутами, мятежниками из собственных кланов и прочими недругами, они нуждались в защите сильного и благожелательного имперского центра. Другие были подчинены с помощью дипломатии или принуждены силой. Объявив себя вассалом Моголов, Бхармал Качхваха скрепил договор свадьбой своей дочери с Акбаром, что инициировало длительную, почти двухсотлетнюю, традицию могольско-раджпутских браков.

Поскольку раджпутский обычай требовал, чтобы клан невесты становился вассалом клана жениха, Моголы, вступая в браки с раджпутскими принцессами, получили верных и надежных вассалов-родичей. Результатом каждого такого союза (заключавшегося, кстати, по мусульманским и индуским канонам; жены-индуски получали право и в гареме падишахов-мусульман сохранять свою религию) было поступление на могольскую службу на равных основаниях с мусульманской знатью братьев, кузенов и иных родичей раджпутских невест. Многие из раджпутов сделали великолепную карьеру при могольском дворе: им жаловали высочайшие служебные ранги и ленные владения, во многом превышавшие размеры их собственных вотчин, назначали на посты наместников провинций и верховных главнокомандующих. Вечные вра-

⁶ Ванина 2012. С. 167–190.

ги мусульманских правителей стали «опорой трона» крупнейшей мусульманской империи в Южной Азии. Могольско-раджпутской стала сама правящая элита империи: два падишаха из династии Великих Моголов, Джахангир (пр. 1605–1627) и Шах-Джахан (1627–1658) были сыновьями раджпуток. Политика союза с раджпутами позднее была вписана Акбаром и его окружением в более широкий контекст: его основой стала концепция надконфессионального государства, в котором монарху надлежало руководствоваться не догмами религии, а требованиями «всеобщего блага»; подданные получили свободу вероисповедания.

Политику интеграции раджпутских феодалов в могольскую элиту приняли многие, но далеко не все раджпутские князья. Одним из наиболее упорных противников был прославленный род Сисодия, правивший мощным княжеством Мевар. В отличие от других раджпутских князей, *махарана* Мевара Удай Сингх Сисодия категорически отказался признать сюзеренитет Моголов. Когда Акбар отправился на охоту близ границ Мевара, Удай Сингх стал демонстративно укреплять свою столицу – мощную крепость Читтор, стягивать туда войска. Акбар осадил Читтор; поручив защиту крепости верным вассалам, Удай Сингх перебрался с семьей в недавно основанный им город Удайпур, ставший новой столицей княжества. После многомесячной кровопролитной осады войска Акбара овладели Читтором (март 1568 г.), разбив осадными пушками стены форта⁷. Но до покорения Мевара было еще далеко. Удай Сингх продолжал сопротивление, а после его смерти (1572) борьбу продолжил его сын, *махарана* Пратап. Он отказался признать суверенитет Акбара и, скрываясь с отрядом в горах, вел против Моголов партизанскую войну.

Акбар пытался использовать дипломатические методы для замирения Мевара, но все шесть направленных им к Пратапу миссий оказались безрезультатными. Особенно дерзко вел себя Пратап в отношении амберского принца Мана Сингха Качхвахи, которому падишах поручил возглавить одно из посольств: согласно этикету, он пригласил посла на обед, но демонстративно отказался делить с ним трапезу, заявляя, что, вступив в брачный союз с Моголами, род Качхвахов осквернил себя⁸. Это публичное оскорбление своего посла, верного слуги и племянника (по линии жены, амберской принцессы) Акбар игнорировать не мог.

18 июня 1576 г. близ Халдигхати, узкого прохода в горной цепи Аравалли, состоялась битва между могольскими войсками под командованием Мана Сингха Качхвахи и армией Мевара, которой руководил *махарана* Пратап. В могольской армии против Пратапа сражались и три его сводных брата, давно перешедших на сторону Акбара. Пратап смог сплотить под своим знаменем нескольких мелких раджпутских князей, традиционно связанных с Меваром вассальными и родственными отно-

⁷ См. подробнее: Ванина. 2014а. С. 389–403.

⁸ Talbot. 2007. P. 21–24.

шениями, а также пехоту из племени бхилов и афганцев-наемников. Несмотря на отважное сопротивление превосходящим силам противника, войско Пратапа было разгромлено; сам он спасся, согласно устной традиции, благодаря своему верному коню Четаку, который, истекая кровью, вынес раненого хозяина из битвы и лишь после этого испустил дух. Поражение не сломило доблестного воина: с остатками преданной ему дружины он ушел в горы и продолжил сопротивление, время от времени отбивая у Моголов ту или иную свою крепость. Еще один, последний, поход против *махараны* возглавил лично Акбар. Военные действия сопровождались дипломатическими: Акбару удалось склонить на свою сторону союзников Пратапа. Но тот продолжал сопротивляться вплоть до смерти в 1597 г.⁹ В исторической памяти жителей Раджпутаны, особенно Мевара, *махарана* Пратап запечатлелся как удалец, отказавшийся покориться падишаху; в традициях героического эпоса оба противника – *махарана* и падишах – представлялись равно мужественными и благородными. Возникло множество нарративов о том, что Акбар, несмотря на многолетнюю вражду, высоко ценил доблесть Пратапа и, узнав о его смерти, публично, со слезами на глазах, восславил доблестного противника¹⁰. Уже после смерти Акбара, сын Пратапа, Амар Сингх, объявил себя вассалом Моголов и поступил на службу к новому падишаху, Джахангиру, при дворе которого сделал великолепную карьеру.

Как это должно быть

В колониальный период индийская элита заново «открыла» свою историю, изучая труды британских ориенталистов и их версии прошлого покоренной страны. Раджпуты оказались в центре внимания после выхода в 1828 и 1832 г. книги полковника Дж. Тода «Анналы и древности Раджастанхана». Неоднократно переизданная и переведенная почти на все индийские языки, эта работа талантливого шотландского индолога приобрела особую популярность в Индии, поскольку, вопреки догмам колониальной пропаганды, рисовавшей индийцев как покорных и «женственных» рабов, Тод воспроизвел (частично создав заново) историко-героические традиции раджпутов и даже осмелился сравнить их социальное устройство с европейским феодализмом, что вызвало шквал критики британских индологов¹¹. *Махарана* Пратап стал тогда любимым героем, борцом против чужеземных захватчиков, достойным сравнения с высшими для европейца XIX века образцами – воинами Фермопил¹². Ранние «просветительские истории», создававшиеся местными авторами на различных индийских языках в течение XIX века, в целом, следовали средневековым интерпретациям, изображая противостояние Пратапа и

⁹ Chandra. 2005. P. 121–122.

¹⁰ Ванина. 2014а. С. 406; Hooja 2006. P. 475; Sarasvat. 1983. P. 32–33.

¹¹ См. подробнее: Ванина. 2014. С. 101–106.

¹² Tod. 1920. P. 387–406.

Акбара как битву равных по доблести и статусу, храбрецов¹³. Но ситуация кардинально изменилась с развитием в колониальной, а затем и в независимой Индии, идеологии и практики национализма.

Давно отмечена необходимость для любого национализма конструировать прошлое «воображаемого сообщества»¹⁴. Индия не была исключением: со второй половины XIX в. и до наших дней идеологи и политики пишут и переписывают историю в соответствии со своими представлениями о том, что есть индийская нация и из кого она состоит. Они сначала «открывали» прошлое, а затем интерпретировали его в соответствии с той моделью будущего, которую избирали для конструируемой ими нации: по выражению известного индийского историка П. Чаттерджи, «от “прошло-каким-оно-могло-быть”, через “прошло-каким-ему-надлежало-быть” к главной цели: “прошлому-каким-оно-будет”»¹⁵.

В индийском национализме противоборствуют два направления. Инклюзивный, или общегражданский национализм утверждает, что индийская нация – это все граждане Индии, независимо от этноса, религии, касты или иных видов идентичности; при всех различиях они дополняют друг друга, создавая «единство в многообразии»¹⁶. Эксклюзивный или коммуналистский (религиозно-общинный) национализм приравнивает к нации воображаемую «религиозную общину» (индусскую, мусульманскую, сикхскую и т.д.); представители же всех прочих «общин» рассматриваются как враждебные чужаки¹⁷. Под каждую из этих концепций подгоняются интерпретации прошлого – и, соответственно, модели будущего. Общегражданский национализм (его наиболее известными идеологами были М.К. Ганди, Дж. Неру, А.К. Азад), являлся мощным течением в национально-освободительном движении и, на протяжении нескольких десятилетий, господствующей доктриной в независимой Индии. Конструируемая им история была историей единства, и крупные империи, включая Могольскую, оценивались, как правило, позитивно – как исторические предшественники единой суверенной Индии. Акбара, с его политикой консолидации индусской и мусульманской элит, Неру прямо называл «отцом индийского национализма», который «намеренно возвысил идеал общеиндийской нации над претензиями сепаратистской религии»¹⁸. При таком подходе противники Акбара воспринимались либо как фанатичные консерваторы, либо как эгоистичные сепаратисты. В «Открытии Индии» Дж. Неру, своего рода манифесте общегражданского национализма, *махарана* Пратап удостоился всего трех строк: Ак-

¹³ См., напр.: Shyamaldas. 1986. P. 145–165.

¹⁴ Anderson. 1983. P. 13–14; Hobsbawm 1996. P. 255.

¹⁵ Chatterjee. 2001. P. 255.

¹⁶ Этот лозунг стал национальной идеей независимой Индии. О непростом его воплощении в жизни современной Индии см.: Глушкова. 2010. С. 300–355.

¹⁷ Ванина 2014а. С. 153–203.

¹⁸ Неру. 1934. P. 481.

бару не удалось «сломить гордый и непоколебимый дух раны Пратапа из Мевара, который предпочел жить преследуемым в джунглях, но не покориться тому, кого он считал иностранным завоевателем»¹⁹.

В школьных учебниках и трудах историков, придерживавшихся общегражданского национализма, Пратап, как и другие вожди антимогольского сопротивления, рассматривался как сепаратист; отдавая должное его личной отваге, авторы подчеркивали «бесплодность» и «бесмысленность» противостояния Акбару или видели в действиях меварского храбреца эгоистичную заинтересованность в сохранении личной власти и контроля над ресурсами княжества²⁰. Непременно (и в полном соответствии с историческими фактами) подчеркивалось, что противостояние Пратапа и Акбара не было религиозным конфликтом: на стороне Пратапа сражались мусульмане, в армии Акбара – раджпуты. В учебнике «Наши прошлые времена», рекомендованном НСИПОО²¹ (7 класс), раздел «Могольская империя» вообще не упоминает *махарану* Пратапа, зато сообщает о том, что «раджпуты Сисодия долгое время отказывались признать суверенитет Моголов. Одержав над ними победу, Моголы, однако, отнеслись к ним с уважением и пожаловали им их собственные земли в лен». Тут же сообщается о том, что Амар Сингх (сын Пратапа, имя которого не упомянуто) поступил на службу Джахангиру²². Для авторов учебника победа Моголов и присоединение Мевара к единому государству важнее, чем история меварского сепаратизма.

Иначе мыслят представители эксклюзивного коммуналистского национализма. С самого начала это направление не уступало общегражданскому национализму, а подчас и превосходило его по популярности. Если в колониальный период коммуналистский национализм был представлен двумя вариантами – индусским и мусульманским, то с разделом страны в Индии, по сути, остался лишь индусский национализм, а мусульманский превратился в государственную идеологию Пакистана и ряда радикальных мусульманских течений в Индии. Для индусских националистов индийская нация – это «индусская община», объединенная «кровью», религией, культурой и *хиндутьвой* (букв. «индускостью»), а вся история страны – противостояние индусов чужеземным завоевателям и подрывным элементам из собственной среды. Средневековый период однозначно рассматривается как борьба индусов – «детей земли» и мусульман – агрессивных чужаков, видевших смысл жизни в уничтожении индусов, их веры и культуры. В таком контексте *махарана* Пратап –

¹⁹ Nehru. 1986. P. 259–260.

²⁰ Chandra. 2005. P. 121–123.

²¹ НСИПОО – Национальный совет по исследованиям и подготовке [кадров] в области образования (National Council of Educational Research and Training, NCERT), основанная правительством Индии «автономная» организация, отвечающая за организацию образовательного процесса и разработку учебников.

²² Our Pasts. 2007. P. 51.

уже не удалец, на равных сражавшийся с не менее удалым Акбаром, не сепаратист, а национальный герой, вернее – герой «индусской нации».

В.Д. Саваркар (1883–1966), один из основоположников и классиков индусского национализма, категорически отвергал средневековые представления о Пратапе и Акбаре как равно благородных и доблестных воинах. «Мы, индусы, – писал он, – можем выражать уважение, благодарность и любовь либо к ране Пратапу, либо к его заклятому врагу Акбару. Как нам уважать обоих? Как поклоняться богу и дьяволу одновременно?»²³. А М.С. Голвалкар (1903–1977), главный идеолог РСС²⁴, утверждал: «За тысячу лет нашей борьбы с этими агрессорами (мусульманами – *Е.В.*) мы никогда не признавали их суверенных прав ни на один кусок нашей земли. Даже когда значительная часть нашей страны была в их руках, как при Акбаре и Аурангзебе, не проходило ни дня, чтобы какой-нибудь рана Пратап, гуру Гобинд Сингх, Чхатрасал или Шиваджи²⁵ не бросил им вызов для достижения нашей национальной свободы»²⁶.

В независимой Индии *махарана* Пратап был поднят индусскими коммуналистскими организациями на щит в качестве одного из национальных героев и, главное, образцов для поведения истинного патриота Индии. В 2003 г. генеральный секретарь ВХП²⁷ по международным делам П. Тогрия заявил, что «все индусы являются последователями не Ганди, а *махараны* Пратапа и *чхатранати*²⁸ Шиваджи»²⁹. Таким образом, современные индийцы должны мыслить не как Махатма Ганди с его общегражданским национализмом и призывами к единству индусов и мусульман, а как средневековые герои – борцы против империи Моголов. Появилось множество околонучных и популярных книг, в которых опровергались концепции «непатриотичных» историков, представляв-

²³ Savarkar. 1971. P. 332.

²⁴ РСС (*Rāṣṭrīya svayamsevak sangh*, Союз национальных добровольцев) – индусская националистическая организация, созданная в 1935 г. врачом К.Б. Хедгеваром для «защиты индусов от чужеземных угнетателей», к которым, прежде всего, относились мусульмане. М.С. Голвалкар сменил Хедгевара на посту руководителя РСС. До наших дней почитается в организации как «учитель» (*гуруджи*).

²⁵ Аурангзеб (пр. 1658–1707) – могольский падишах, прославившийся мусульманским фанатизмом. Гуру Гобинд Сингх (1666–1708) – десятый и последний гуру сикхов, возглавивший борьбу единоверцев против Аурангзеба. Чхатрасал Бундела (1649–1731), правитель княжества Бунделкханд, выступивший против Моголов и освободивший от их власти свое княжество и ряд соседних районов. Шиваджи Бхосле (1630–1680) – национальный герой маратхов, возглавивший борьбу с Моголами.

²⁶ Golwalkar. 1939. P. 125.

²⁷ ВХП (*Viśva hindū pariṣād*, Всемирный союз индусов) – основанная в 1964 г. организация, входящая в «семью РСС» (систему профсоюзных, молодежных, женских, образовательных и социально-благотворительных организаций, направленных на пропаганду *хиндутвы* в различных сферах общества).

²⁸ *Чхатранати* (букв. «владыка зонта») – царский титул, принятый Шиваджи Бхосле в 1674 г.

²⁹ Sify News, 27.02.2003.

ших Пратапа как сепаратиста, и выдвигался совсем иной образ – борца за свободу родины, воевавшего с чужеземцами за отечество и веру. То, что многие раджпуты служили Акбару и сражались против меварского князя, объяснялось «коварной политикой» падишаха, который «намеренно стравливал между собой» раджпутов, дабы покорить индусов³⁰.

В современной Индии индусский национализм в том или ином его варианте, от «мягкого» до радикально-шовинистического, является основной идеологией целого спектра организаций и партий; среди последних главенство принадлежит БДП³¹. В штатах, где данная партия находится у власти, *махарана* Пратап давно стал культовой фигурой. Это находит отражение в школьных учебниках³². Так, учебник истории для 9 класса, изданный в штате Мадхья-Прадеш, сообщает, что «перед раджпутами стоял выбор: сдаться и жить в мире или сохранять независимость, защищая честь своей *нации*» (выделено мной – Е.В.) и рисует Пратапа как образцового индусского героя, который «сокрушил гордость Акбара»³³.

В Раджастане, особенно в родном для Пратапа Меваре, доблестный князь усилиями БДП давно превратился в «наше все»³⁴. Его конные статуи возвышаются на площадях городов; именем героя названы проспекты и районы, Университет сельского хозяйства и технологии, аэропорт в Удайпуре, частный университет в Джайпуре, который с 1727 г. был столицей злейших врагов Пратапа, Качвахавов из Амбера. В ранг национального героя возведен и верный конь Пратапа Четак, удостоенный памятника и площади в Удайпуре: в честь этого доблестного животного названы железнодорожный экспресс Дели – Удайпур, производимый индийской компанией «Хиндустан аэронотикс лимитед» по французской лицензии вертолет, а также одна из марок мотороллеров. Культ Пратапа уже давно вышел за пределы Раджастана. Памятники *махаране*, названные в его честь городские объекты встречаются во многих городах Северной и Центральной Индии, куда нога доблестного раджпута никогда не ступала. В индийской столице именем меварского князя названы микрорайон и станция метро. В 2007 г. конная статуя *махараны* Пратапа была установлена в здании парламента республики³⁵.

³⁰ Paliwal. 1998. P. 98.

³¹ БДП (*Bhāraṭīya janatā pārtī*, Партия индийского народа) основана в 1985 г. Возглавляет правительства ряда штатов; в 2014 г. на всеобщих парламентских выборах одержала победу и сформировала правительство Индии вот главе с Нарендрой Модии.

³² Школьное образование находится в компетенции штатов. Учебники, разработанные НСИПОО, обязательны лишь для 10–12 классов, для других штаты имеют право использовать учебные материалы, разработанные собственными агентствами.

³³ <http://www.mptbc.nic.in/books>. См. также: Hindustan Times 22.06.2007; The Sunday Express 22.7.2007.

³⁴ Схожую роль в Махараштре играет Шиваджи Бхосле. См.: Глушкова. 2005.

³⁵ О памятниках и портретах национальных героев в здании индийского парламента и о политической борьбе вокруг них см.: Семенова. 2014. С. 155–168.

В превращенном в музей Городском дворце махараджей Мевара (Удайпур) туристов обязательно ведут в специальную Галерею *махараны* Пратапа. Вывеска при входе гласит: «Махарана Пратап, великий воин свободы, провел с успехом множество битв, особенно битву при Халдигхати 18 июня 1576 г. против войск императора Акбара». У знакомого с историей посетителя этот текст вызывает удивление: ведь известно, что Пратап битву проиграл. Но эта история не устраивает коллектив музея и большинство его гостей. В галерее экспонируются подлинные доспехи Пратапа и его верного коня, оружие, личные вещи героя и предметы, относящиеся к той эпохе, а главное – множество картин художников XIX–XX в. (прежде всего Рави Вармы³⁶) на темы его подвигов. Особый раздел посвящен битве при Халдигхати: подробно рассказано о подвигах отважного князя, гибели его соратников и Четака (коню-спасителю отведена особая мини-галерея) – но ни слова о поражении князя и его войска. У посетителей не должно быть сомнений, что Пратап битву выиграл: прочитанное в школьных учебниках давно забыто, да и вспоминать о нем не хочется: представленная музеем версия гораздо приятнее.

³⁶ Раджа Рави Варма (1848–1906) – индийский художник, автор множества работ на мифологические и исторические сюжеты. Изображения им персонажей индийской истории, воспроизведенные множеством календарей, альбомов и прочей общедоступной продукции, воспринимаются в Индии как подлинные. Изображений Пратапа до нашего времени не дошло, но именно портрет кисти Рави Вармы считается аутентичным изображением меварского героя. См.: Калинина, Прокофьева. 2014. С. 512–531.

Как это будет?

В Индии давно введено в употребление понятие «поп-история». Оно означает не просто предназначенные для массового потребителя романы, фильмы, сериалы и произведения визуального искусства на исторические темы, а особый подход к интерпретации прошлого. События и персонажи ушедших эпох востребованы для моделирования настоящего и будущего. Для тех, кто исповедует общегражданский национализм и межконфессиональный мир, достойный подражания герой – Акбар, его политика служит в качестве образца для современной и будущей Индии. Для тех же, кто приравнивает индийскую нацию к «индусской общине», герой – Пратап; его противостояние императору-мусульманину – образец для «индусской нации». Именно индусский национализм и его версия истории господствуют в настоящее время на множестве интернет-ресурсов, где не обремененные знаниями школьники, студенты и убивающий рабочее время «офисный планктон» могут найти понятную и, главное, комфортную версию прошлого. Например, популярный сайт «Индусское пробуждение» рисует Пратапа рыцарем без страха и упрека, борцом за «освобождение родины» от злобного и коварного Акбара³⁷.

«Поп-история» не затрудняет себя доказательствами. Руководствуясь главной целью – «воспитанием чувств» в духе индусского национализма, история переписывается и, как в случае с Пратапом, обычная для позднего средневековья борьба объединяющего центра против феодалов, стремившихся сохранить свою власть и не уступить ее формирующемуся централизованному государству³⁸, превращается в сагу о противостоянии «борца за свободу» – индуса и «жестокого варвара» – мусульманина. Для этого реальные факты подстригают, словно парковые деревья: все ненужное удаляют, сложности и противоречия реальных событий, поступков и характеров спрямляют до сценария примитивного боевика: «хорошие парни» против «плохих парней», индусы против мусульман. Такая трактовка требует «забыть», что на стороне Пратапа сражались афганские наемники-мусульмане, а под могольскими знаменами против меварского героя воевали многие индусы-раджпуты, включая его собственных братьев (раджпутом был и главнокомандующий могольской армии – Ман Сингх Качхваха). Об этих фактах посетители удайпурской галереи и читатели многочисленных сочинений в жанре «поп-истории» так и не узнают. И самое важное: «поп-история», как боевик, должна всегда иметь хороший конец, даже если в реальной жизни такого конца не было, поэтому и галерея, и многие популярные издания объявляют Пратапа победителем в битве при Халдигхати (в случаях, когда подобное невозможно, заявляют о «моральной победе»).

³⁷ www.hindustantimes.com/india/akbar-was-the-great-maharana-pratap-was-the-great-of-greats-rajnath/story-usA2CuYXT7ePmgy8bUOowK.html

³⁸ Так, вряд ли кто-то во Франции считает Карла Смелого «борцом за свободу».

Махарана Пратап давно занял место в официальной идеологии БДП и в предвыборной кампании, которая привела эту партию в 2014 г. к победе, а ее кандидата Н. Модии – на пост премьер-министра. 29 мая 2012 г. в Гуджарате торжественно отмечали день рождения Пратапа. Формальным обоснованием проведения праздника в этом штате, а не в «родном» Раджастане, где в то время у власти был Индийский национальный конгресс (ИНК), по словам Н. Модии, тогда главного министра Гуджарата, были гуджаратское происхождение матери героя и даже принадлежность его любимого коня Четака к катхиварской (гуджаратской) породе.

Нарендра Модии с мечом на торжествах в честь махараны Пратапа, май 2012 г.

На торжественном собрании Н. Модии обвинил правящий ИНК в «замалчивании» подвигов героев, подобных Пратапу и Шиваджи, которые «жертвовали жизнью ради матери-Индии»³⁹. Здесь была явная (для тех, кто хотел видеть) подмена: ни Пратап, ни Шиваджи категориями единой «матери-Индии», конечно, не мыслили: один боролся, чтобы не допустить власти Моголов в родном Меваре, другой – в Махараштре. Сама идея «матери-Индии» возникла значительно позже, в идеологии национально-освободительного движения колониальной эпохи⁴⁰.

Став главой правительства, Н. Модии объявил о необходимости отмечать дни рождения героев, подобных Пратапу и Шиваджи, на национальном уровне. В Раджастане и ряде других штатов день рождения Пратапа уже объявлен выходным. «Я ничего не имею против того, чтобы называть Акбара великим, – заявил министр внутренних дел Индии Р. Сингх на церемонии открытия очередной статуи меварского героя, – но какие могут быть возражения против того, чтобы считать Пратапа

³⁹ <http://www.ibtl.in/news/states/1929/centre-can-forget-valour-sacrifices-of-maharana-pratap-but-the-nation-will-not--modi>

⁴⁰ Gupta 2007. P. 177–203; Deshpande. 2007. P. 126–143.

величайшим из великих – это выше моего понимания». А главный министр штата Раджастхан, В. Радже, заявила о необходимости внести в школьные учебники истории «правильную» главу о Пратапе⁴¹.

Направление ветра, еще до прихода к власти БДП, почувствовали кино и телевидение. В 2012 г. был снят фильм с характерным названием «Махарана Пратап – первый борец за свободу» (*Maharana Pratap, The First Freedom Fighter*). Фильм успеха не имел (как заявляли создатели, из-за финансовых проблем, а на самом деле, видимо, из-за весьма невысокого художественного уровня), но характерно его название: Пратапа приравнивали к борцам за свободу (*freedom fighters*) – категории, к которой в Индии до сих пор причисляли не персонажей средневековой истории, а участников национально-освободительного движения. С мая 2013 г. по декабрь 2015 г. на телеканале «Сони» с успехом шел сериал «Махарана Пратап, доблестный сын Индии (*Mahārāṇā Pratāp, Bhārat kā Vīr Putra*)», в котором *махарана* – образец отваги и благородства, а Акбар – злобный и похотливый тиран, вражда которого к меварскому князю вспыхнула, по воле авторов, из-за страсти к некоей раджпутской принцессе, которая предпочла *махарану* падишаху.

Трансформация образа *махараны* Пратапа – лишь один из примеров того, как в современной Индии реконструируют историю в политико-идеологических целях. По сути, меварский храбрец обрел третий после окончания своей реальной жизни образ. В средневековье – доблестный воин, боровшийся с равно доблестным падишахом. В идеологии общегражданского национализма, доминировавшей в первые десятилетия независимости, пока у власти был ИНК и важную роль в политике играли левые партии, – храбрый, но ограниченный и недалекovidный сепаратист, противостоявший прогрессивным объединительным тенденциям. В идеологии индусского национализма, который при правлении ИНК был маргинальным, затем, в условиях идеологической деградации ИНК и отступления левых партий стал мощным оппозиционным течением, а в настоящее время претендует на доминирующую роль, – национальный герой, первый борец за свободу. Параллельно трансформировался и образ антагониста, Акбара: мудрый, толерантный и великодушный правитель средневековой литературы и фольклора – предтеча общегражданского национализма – злобный иноверец-завоеватель.

Вопрос, разумеется, не в том, что разные эпохи переписывают историю и представляют ее персонажей на собственный лад – подобное имеет место, видимо, в абсолютном большинстве стран мира. В условиях многоконфессиональной, этнически и культурно многообразной Индии, в которой процесс формирования нации, общепринятой концепции национализма, да и в определенной степени самой государственности, далеко не закончен, критически важно, какой облик своего настоящего

⁴¹ Hindustan Times, 18.05.2015.

и будущего увидят индийцы, заглядывая в зеркало истории. От этого зависят и модель государства, и гражданский мир, и, в значительной степени, перспективы дальнейшего развития страны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Восточная литература, 2012. 375 с.
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014. 343 с.
- Ванина Е.Ю. Монумент врагу? Раджпутские статуи в могольских столицах // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты. М.: Наука – Восточная литература, 2014 а. С. 389–412.
- Ванина Е.Ю. Мусульманский фактор: продвижение и укоренение // Глушкова И.П. (рук. проекта), Сидорова С.Е. (отв. ред.). Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. М.: Наука–Восточная литература, 2015. С. 87–122.
- Глушкова И.П. Шиваджи: проблемы историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 104–119.
- Глушкова И.П. Индия: культура и религия как стражи/нарушители общественного порядка (с 1980-х гг. по начало XXI в.). Упражнение в обобщениях и предположениях // Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии / Отв. ред. Е.Ю. Ванина, С.Е. Сидорова, А.В. Устенко. М.: ИВ РАН, 2010. С. 300–355.
- Калинина Ю., Прокофьева И. Такие похожие портреты, такие красивые боги. Художник Рави Варма. // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура... 2014. С. 512–531.
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7–18.
- Семенова Е. Круг почета: памятники и портреты выдающихся индийцев в парламенте страны // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура... 2014. С. 155–168.
- Успенская Е.Н. Раджпуты. Рыцари средневековой Индии. СПб: Евразия, 2000. 384 с.
- Vanina E.Yu. Srednevekovoe myshlenie: indiiskii variant. M.: Vostochnaya literatura, 2012. 375 s.
- Vanina E.Yu. Indiya: istoriya v istorii. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2014. 343 s.
- Vanina E.Yu. Monument vragu? Radzhputskie statui v mogol'skikh stolitsakh // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skulptura: vizualizatsiya territorii, ideologii i etnosov cherez material'nye ob'ekty. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2014 a. S. 389–412.
- Vanina E.Yu. Musul'manskii faktor: prodvizhenie i ukorenenie // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Sidorova S.E. (otv. red.). Pod nebom Yuzhnoi Azii. Dvizhenie i prostranstvo: paradigma mobil'nosti i poiski smyslov za predelami statichnosti. M.: Nauka–Vostochnaya literatura, 2015. S. 87–122.
- Glushkova I.P. Shivadhi: problemy istoriografii // Voprosy istorii, № 6, 2005. S. 104–119.
- Glushkova I.P. Indiya: kul'tura i religiya kak strazhi/narushiteli obshchestvennogo poryadka (s 1980-kh godov po nachalo XXI v.). Uprazhnenie v obobshcheniyakh i predpolozheniyakh // Razgovor s Marinoi i Olegom Pleshovymi: politicheskie simvol'y i realii Yuzhnoi Azii / Otv. red. E.Yu. Vanina, S.E. Sidorova, A.V. Ustenko. M.: IV RAN, 2010. S. 300–355.
- Kalinina Yu., Prokof'eva I. Takie pokhoznie portrety, takie krasivye bogi. Khudozhnik Ravi Varma. // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skulptura... 2014. S. 512–531.

- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem. Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L. P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 7–18.
- Semenova E. Krug pocheta: pamyatniki i portrety vydayushchikhsya indiitsev v parlamente strany // Glushkova I.P. (ruk. proekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skul'ptura... 2014. S. 155–168.
- Uspenskaya E.N. Radzhputy. Rytsari srednevekovoi Indii. SPb: Evraziya, 2000. 384 s.
- Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Development of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.
- Chandra S. Medieval India: From Sultanat to the Mughals. Part II. Delhi: Har-Anand Publications, 2005. 290 p.
- Chatterjee P. The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. Delhi: Oxford University Press, 2001. 282 p.
- Deshpande P. Creative Pasts. Historical Memory and Identity in Western India 1700–1960. N.Y.: Columbia University Press, 2007, 320 p.
- Hobsbawm E.J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Mapping the Nation / Ed. by Gopal Balakrishnan and introd. by Benedict Anderson. L.: Verso, 1996. P. 255–266.
- Golwalkar M. S. *We or Our Nationhood Defined*. Nagpur: Bharat Publications, 1939. 150 p.
- Gupta S. Samaj, Jati and Desh: Reflections on Nationhood in Late Colonial Bengal // Studies in History. Vol. 23. No. 2. P. 177–203.
- Hooja R. A History of Rajasthan. Delhi: Rupa & Co., 2006. 1246 p.
- Nehru J. The Discovery of India. Delhi: Oxford University Press, 1985. 583 p.
- Nehru J. Glimpses of World History. Vol. I. Allahabad: Kitabistan, 1934. 1046 p.
- Our Pasts – II. Textbook in History for Class VII. Delhi: NCERT, 2007. 154 p.
- Paliwal D. Mahārāṇā Pratāp Mahān. Jīvan-vṛtt aur kṛtīttva. Jaipur: Rajasthan Grantha Nagar, 1998, 138 p.
- Rūsen J. History: Narration, Interpretation, Orientation. Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- Sarasvat R. Dursā Ādhā. Delhi: Sahitya Akademi, 1983. 88 p.
- Savarkar V. D. Six Glorious Epochs of Indian History. Delhi: Bal Savarkar, 1971. 496 p.
- Shyamaldas Kaviraj. Vīr Vinod. Pt. II. Delhi: Motilal Banarasidass, 1986, 430 p.
- Talbot C. The Mewar Court's Construction of History // Williams J. (ed.). Kingdom of the Sun. Indian Court and Village Art from the Princely State of Mewar. St Francisco: Asian Art Museum, 2007. P. 12–33.
- Tod J. Annals and Antiquities of Rajasthan of the Central and Western Rajput States of India. Vol. I. Oxford: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1920. 587 p.
- Ванина Евгения Юрьевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; eug.vanina@gmail.com

Maharana Pratap: a medieval hero in contemporary interpretations

Maharana Pratap was the ruler of a Rajput principality of Mewar who in the second half of the sixteenth century put up a brave resistance to Emperor Akbar whose policy was to make Mughal empire a centralized state and to integrate independent states. Medieval historical tradition depicted the wars between Pratap and Akbar as a fight between two equally gallant and noble warriors. The paper discusses transformation of this narrative within the nationalist discourse in colonial and post-colonial India. The “inclusive” trend in Indian nationalism acknowledges Pratap’s bravery but paints him as a separatist who opposed Akbar’s unification policy. Hindu nationalism which has emerged as an ideology of many parties including the presently ruling BJP, presents Maharana Pratap as a “freedom fighter” and includes him into the list of national heroes.

Keywords: Mughals, Rajputs, nationalism, communalism, history, narrative, interpretation.

Eugenia Vanina, D.Sc. (History), leading researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; eug.vanina@gmail.com

ПЕРЕХОД ОТ ДИКТАТУРЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА СЛОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ВОСПОМИНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В АРГЕНТИНЕ, БРАЗИЛИИ И ЧИЛИ

В конце 1980-х и начале 1990-х демократические страны Южного конуса Америки, казалось, преодолели большинство проблем, унаследованных от военных режимов. Главными проблемами стали достижение стабильности, роста, укрепления места на мировых рынках. Роль государства ставилась под сомнение, а единственным регулятором признавалась невидимая сила рынка. Политика примирения была быстрой и поверхностной, чтобы отодвинуть на второй план требования справедливости и правды. Эта политика должна была стереть из памяти репрессии, исчезновения людей в Аргентине, Бразилии и Чили. Предлагалось забыть прошлое. Память стала полем борьбы. Но эта «битва памяти» не сводилась к борьбе за правду о недавнем прошлом, она неотделима от дебатов об обществе, которое мы стремимся построить. Переход от диктатуры, организованный на основе договорённостей с ней и её союзниками, создал механизмы организации коллективной памяти. Навязанный официальный неконфликтный нарратив вступил в противоречие с другими видами противостоящей ему памяти, прежде всего памяти жертв, но также и палачей.

Ключевые слова: диктатура, политический транзит, память, забвение, смирение.

Есть одно общее для Аргентины, Бразилии и Чили драматическое явление в представлениях о самом печальном периоде в истории этих стран. Когда военные режимы переживали подъем, успешной была их экономическая стратегия, шоковая терапия за счёт ухода государства из экономики, казалось, что все латиноамериканские общества закрывали глаза на то, что происходило в казармах, на пытки и убийства.

Как получилось, что коллективный цинизм, нежелание знать и участие перешло в то, что для одних стало признанием, а для других – новой западней памяти? Вопрос о памяти закрыт, или мы только вступаем в новую область споров? Предлагаем порассуждать здесь о том, что в течение последних четырёх десятилетий случилось с коллективной памятью, и что представляли собой процессы перехода к демократии в странах Южного конуса, что связывает их с требованиями справедливости.

Переходный период, спор о справедливости и памяти

Кажется, военные режимы Чили, Бразилии и Аргентины сделали все возможное, чтобы скрыть самую неприглядную часть своих действий. Однако, свидетельства остались, и по прошествии лет они были представлены обществу, которое не смогло укрыться в добровольном сне забвения. Сохранение памяти и воспоминаний, мест памяти, связанных со справедливостью, правдой, прощением, примирением, частичным забвением, упорядочили поле заявленных мест и символических практик, которые в случае Чили и Аргентины историки называли Битвами памяти.

Эта Битва стала возможной на основе культуры памяти, которая совместила все тексты и субтексты культуры общества, которые поддерживают воспоминания и отношение тех, кто ещё недавно был парализован страхом, но сегодня оказались ввергнутыми в амнезию своим спокойным и комфортным существованием, что заставляет их предпочесть забвение. Культура памяти, битва за память не ограничена в этом исследовании историографическим процессом, она выходит за пределы науки, за пределы учебных залов и академических кабинетов.

Память в Южной Америке – до сих пор очень неудобная вещь. «Битва за память состоит в том, чтобы восстановить посредством критического переписывания памяти нашу принадлежность к некоему историческому проекту, способному соединить части нашего фрустрированного племени, объединив наши силы для других битв, которые нам предстоят. Только так те молодые люди, мечтатели о лучшем мире, которые пали в борьбе, снова будут с нами, а мы восстановим нашу утраченную историчность. Итак, битва за память... сегодня это битва за Чили»¹.

Если мы понимаем память в более широком смысле, чем дело борьбы за права человека, то она составляет основу идентичности и коллективного проекта по линии идентификации частей «расщепленного племени» и причин разрыва, исторической травмы. Содержание памяти проецируется и проявляется с драматическими последствиями, заложенными во время противоречивой политике транзита к демократии в регионе, представляя картину более сложную чем та, что во время диктатуры навязала стратегию молчания. Диктатуры создали такие формы забвения, которые демократия не смогла или не захотела стереть.

Во время политического перехода к демократии после диктатуры требование справедливости было центральной темой, но поскольку самыми пострадавшими были не те партии, которые тогда оказались у власти, и которые имели свои программы и цели, то это требование стало вторичным и даже раздражавшим обе стороны (связанную с диктатурой и противостоявшую ей), пришедшие к компромиссу молчания. А военные юридически и конституционно сохранили роль «смотрящих» за политиками, с тем чтобы военные и их дела (а у власти они находились 20 лет, в Бразилии – 40 лет) не были затронуты – из опасения повредить стабильности, управляемости и экономическому росту. Таким образом, можно говорить о треугольнике (или пирамиде), создавшем фундамент нового забвения. В непроницаемой политической и исторической реальности было потрачено сто лет, прежде чем народные требования были услышаны в более гуманной и социализированной атмосфере.

Если пойти далее простого противопоставления памяти – забвения, то битва за память перемещается в поле политической инженерии, которая создавала напряжение в сферах частного и публичного, индиви-

¹ Illanes 2002, P. 16.

дуального и коллективного, где шла борьба не за Правду и Справедливость, ранее невозможные, а за смысл и ценность самой историчности, за то, кто теперь расскажет историю, и кто её сотворит в будущем.

Говорить о памяти как синониме коллективного проекта означает, без сомнения, отсылку к «памяти» побеждённых и победителей, которые ищут лишь способ умолчания, сокрытия правды. Произошла перемена знака в воле умолчания, которая сначала навязывалась диктатурой, а затем – при переходном правительстве – стала парадоксом, так как была лишь внешней частью договора. Этот вызов пакту переходного периода должен был столкнуться с социальными рамками интерпретации, в которых происходит симбиоз памяти и идентичности.

Согласно таким авторам, как Анри Руссо, Морис Хальбвакс, Алессандро Портелли, социальные субъекты действия (группы) создают некое будущее, выстраивая общественные рамки легитимности и воспоминания, в которых индивидуальный нарратив вписан в коллективное и практическое повествование, которое американский историк С. Стерн назвал «символической памятью»². Этот механизм задает реальность не только потому, что существуют интерпретационные рамки, но и потому что ещё есть группы людей, которые это помнят³. Переход к демократии в Южной Америке превратился, в отличие и в дополнение к описанному механизму, в концепцию, артикулирующую реальность, на которую опираются идеи о том, как жить, как вспоминать, как оценивать общественный и личный опыт в нашем недавнем прошлом, проводя деконструкцию социального времени. Наше приватизированное и непрерывное настоящее боится прошлого и блокирует коллективное воображаемое о будущем. Социальные ограничения транзита применительно к переходным администрациям в Чили и Аргентине исходят из страха возвращения к тяжёлому прошлому, а значит – невозможности будущего. Они представляются гарантией политического порядка и частного спокойствия. Помимо прочего, следствием стало изъятие истории, которая существует по оси прошлое-настоящее-будущее, подчинение коллективного действия социальному порядку, навязанному диктатурами, и «десубъективизация»⁴ – утрата и дискредитация исторического субъекта.

В период транзита к демократии политические партии и новые демократически избранные власти заняли исключительно прагматическую позицию в отношении проблемы прав человека, исключив их из общественной сферы в узкогрупповое и эксклюзивное обсуждение и бытование. Окончательным приговором были слова первого демократического президента Чили Патрисио Эйлвина: «Справедливость по возможности». Им противопоставили лозунг организации защиты прав

² Stern 2000. P. 11-33.

³ Rosas 2009. P. 67.

⁴ Sennett 2009.

человека: «Правда, справедливость и наказание виновных». Эта позиция казалась романтической и отсталой по сравнению со стремлением правительства защитить и объединить так называемую общую «чилийскую семью», которую раскалывала политическая нетерпимость. Таким образом, преследования и забвение дали начало «психологизации» и мягкому юридическому процессу, который перевёл проблему из политической сферы в казуистическую.

Переходный период в регионе имел разные скорости и формы, но одно было общим – все правительства проводили прагматическую политику «умиротворения» и примирения в области прав человека. Они занимались экономическим восстановлением, а также проводили двойственную символическую политику, включавшую в себя законы об амнистии, политику, граничащую с равнодушием к данной проблеме. В этих обстоятельствах организации прав человека прибегли к юридическим действиям, которые в благоприятных условиях принудили власти отступить, заставили общество выйти из добровольной амнезии, поддерживаемой военными, добились хотя бы частичного и запоздалого, но наказания для самых отъявленных негодяев.

Правительства переходного периода, будь то из-за отношений государства с вооружёнными силами, будь то из-за своей слабости перед лицом экономических и юридических проблем, унаследованных от военных режимов, или же в силу своего собственного состава, блокового характера различных партий и сил, выбрали путь огосударствления и формирования памяти в рамках уважения прав человека в связи с собственными потребностями легитимации и гарантий управляемости страной. На первый взгляд казалось, что предпринимаются искренние усилия раскрыть правду, но при переводе дел к индивидуальным судебным процессам делались попытки исключить политический аспект, партийную принадлежность жертв, что приводит к «вторичному убийству». Создаются музеи, институты памяти, переименовывают улицы, возводят памятники, но – дистанцируясь от политики, говоря лишь о «событиях прошлого». Эти разрывы социального времени, как и расхождения между историей и памятью, не являются результатом военного противостояния, которое оставило воспоминание об эпическом и этическом сопротивлении, но были результатом мнемотехники (технической стратегии) транзита, результатом пакта, который никак не закончится.

Бразильский историк Людмила да Силва процесс огосударствления памяти определила как «доминирующую память», так как именно государство признавало ценность прав человека и признавало ужасы прошлого, но отвергало тот коллективный проект, которых объединял жертв. Также сегодня существует и требует признания, как её назвала Элисабет Хелин, «скрытая или подземная память», т.е. память тех людей, которые, не обладая символическим капиталом, столь же признанным, как дискурс, вписанный в риторику прав человека, связывают ре-

прессии с личным опытом в общей коллективной борьбе, – людей, для которых это борьба против несправедливости. Репрессии присущи самой системе господства, которая воспроизводится и сегодня, и это не может быть лишь фактом прошлого. Памятные мероприятия, проводимые непримиримыми в отдельных местах и по поводу разных событий, соседствуют в Аргентине, Бразилии и Чили с официальными актами коммеморации, что делает невозможным отрицание их существования или обвинения в аполитичности, маргинальности и бессмысленности.

В процессе формирования коллективной памяти возникло и развилось противопоставление символики и дискурса, усилившееся в ходе демократического транзита. Например, в Аргентине организации, защищающие диктатуру, до сего дня отмечают памятные даты гибели военных, пользуясь теми же символами и коммеморативными практиками, что и организации по защите прав человека. Что касается дискурса, то любопытно присвоение переворотам термина «революция», ранее бывшего достоянием левых. В Бразилии военный переворот назвали революцией, в Чили при диктатуре была написана апологетическая книга под названием «Чили: молчаливая революция»⁵, в которой утверждалось, что политические перемены с установлением диктатуры имели глубокие структурные основания, которые не исчезли с отходом военных от власти. Идея состояла в том, что этот «мягкий неолиберальный тоталитаризм» не мог бы быть реализован при простом военном перевороте⁶.

По мнению Элисабет Хелин (Аргентина), существует связь и взаимодействие между концепцией памяти и справедливости, что не только затрагивает тему прав человека, но возрождает запретную тему того исторического проекта, против которого и было направлено насилие, ударившее по правам человека. В этом контексте встает вопрос: в чем состоит справедливость, которую предложили переходные к демократии режимы. Э. Хелин не находит удовлетворительного ответа на этот вопрос, так как переходные режимы не ограничились периодом транзита, а продолжают существовать. Диктатуры разрушили саму структуру, из которой мог исходить транзит, уничтожили личностный фактор этого перехода. Например, она, женщина, которая была членом партии, ассоциировала себя с рабочей культурой, теперь осталась без организации, без партии, даже без промышленности, в которой вела профсоюзную деятельность. Место её в этой жизни исчезло.

Сорок лет назад начался цикл структурных перемен и политической инженерии, а сегодня существует система, которая освятила своими

⁵ Lavín 1988.

⁶ В случае с Бразилией транзит происходил не из переговоров между диктатурой и её противниками, а из лона самой диктатуры. Её сущность чётко выразил глава военного режима Жуао Батиста де Оливейра Фигейреду, который заявил: «Кто не хочет перехода к демократии, того я арестую и прикажу бить».

институтами неравенство и эксклюзивность, разрушила социальное движение, которое идентифицировалось с другим проектом, о котором нынешняя система отзывается двусмысленно и почти с эстетической точки зрения. Все эти процессы породили даже особый политико-юридический феномен – «справедливость эпохи транзита»⁷, смысл которого состоит в решении проблем мира, памяти, восстановления, реформы институтов, внутреннего раскола, который как открытая рана травмировал общество из-за последствий насилия со стороны государства.

Общество, пребывая в анемичном состоянии, предпочло стабильность, как самую желанную цель, а прошлое варварство предназначалось для музеев, становясь «археологической» древностью. В результате проблема памяти осталась не разрешённой. Транзит формировал общественную память, задействовав процесс над-конфликтной, над-политической идентификации, установив броню перед возможным конфликтом памяти, вытесняя проблему из сферы общественного обсуждения в область юридического решения в рамках государственных институтов⁸ (огосударствление памяти). С другой стороны, до сего дня идёт поиск справедливости и возвращения к остаткам прошлых проектов, исключённых и вытесненных из нынешней системы, со стороны тех, кто желает возрождения коллективных проектов, которые укрепят их позиции в обществе.

Транзит представлял собой процесс консервативной, а не демократической реставрации. Символизм транзита с консервативным стержнем исключал понимание исторического проекта и лиц, которые его воплощали, а также традиции, организации, практики и знания, через которые разные сегменты народных сил создавали свое представление о справедливости и идентичности вне государства и его политики. В отличие от олигархического общества (традиционные и консервативные слои, связанные с землевладением, банками и торговлей) с его прямой вертикальной политикой, которое после двухсот лет господства было преодолено политическими действиями снизу, нелиберальная модель (чилийский вариант) предложила сложный стратифицированный транзит: формальная политика наверху, материализованная в пактах и договорах о стабильности, увязанных с их принятием снизу. В обществе стал господствовать индивидуализм, социальная атомизация, маргинализируя все народные формы организации. Были вычеркнуты из памяти почти сто лет истории общественных движений, которые собственно и открыли путь к демократическому транзиту через различные полуполиэгалные и легальные формы прямого действия, связанные с реализацией альтернативных общественных проектов, противостоящих тем, которые продвигала элита.

Вопросы соблюдения прав человека перешли из области социальных проблем, морали и этики в сферу юридическую, были загнаны в

⁷ Teitel 2003, P. 69-94.

⁸ Portelli 2003.

суды, вытеснены из общественного обсуждения. Социальная память ослабевает по мере умолчания о народных политических проектах прошлого, пропадая в омуте неолиберализма. Народ же остаётся без памяти.

Память и справедливость в Аргентине

Общее представление о справедливости имеет двойную структуру: первое – то идеальное или формальное, о чем пишут в юридических текстах, и второе – с чем люди сталкиваются ежедневно, что воспроизводится в обществе и в истории. Как указывает Элисабет Хелин⁹, пост-диктаторская Аргентина прогрессирующе (или регрессирующе) меняла своё представление о справедливости и её связи с юридическими институтами. Во второй половине XX в. в Аргентине происходит раздвоение социальной справедливости и формальной юстиции. Во времена Хуана Доминго Перона эта двойственность предполагала точку зрения официальной доктрины режима «хустисиализма», отдававшей предпочтение концепции социальной справедливости, что соответствовало стремлению масс к расширению социальных прав, увеличению потребления широких слоёв населения, что ассоциировало правительство и его курс с самим народом. В период с 1960 по 1970-е гг. эта идея стала размываться в политической конфронтации, которая, как и на всем континенте, приобрела своё крайнее выражение в партизанском движении и фокизме (теории партизанского очага), что в общем-то было эхом Холодной войны. Возникновение вооружённой борьбы в Латинской Америке в различных вариантах демонстрировало отсутствие легитимности и как минимум сомнения относительно претензии на справедливость. Насилие со стороны народа было ответом на насилие со стороны элит.

Установление диктатуры узаконило насилие и бесправие, вынудило её противников к подпольной борьбе, сделало обыденностью пытки и исчезновение людей, парализовало деятельность юстиции, поставив под сомнение само существование права. С возвратом к демократии справедливость вновь оказалась в центре общественной и государственной повестки дня. В трактовке прав человека переходные правительства делали упор на судебную власть как инструмент исправления несправедливостей. Но преодолело ли оно двойственность формальной и социальной справедливости? Движение за права человека ширилось, начиная с самого военного переворота в 1976 г., и стало массовым и мощным в конце диктатуры. Это движение было заметным фактором в политике переходных правительств, выступая под лозунгом «справедливость и наказание виновных». Неизбежность амнистии была тем призраком, что не только вызвал «битву за память» и требование уважения прав человека, но мобилизовал политическую систему, которая её предлагала. Борьба за права человека стала политикой с лозунгами «Возвращение живыми» и «Суд и наказание виновных»

⁹ Jelin 2006.

Концептуальные принципы определения «нарушений прав человека», международные договоры позволили вернуть тему преследования виновных в область судебного производства. Отмена Закона об автоамнистии (т.е. самих военных) и «Окончательного доклада» создали атмосферу, благоприятную для судебного преследования. Правозащитные организации хотели избежать договорённостей политиков и военных об иммунитете по делам о репрессиях. Им удалось создать общественную атмосферу, сделавшую неизбежными процессы над виновными в репрессиях, а Конгресс принял постановления об осуждении нарушений прав человека и перевёл дело в русло судебных преследований.

Права человека и транзит в Аргентине

«Более чем в других случаях демократического транзита, в Аргентине права человека стали основополагающим элементом нарождающейся политической демократии»¹⁰. Новая демократия должна была обеспечить справедливость в отношении совершённых диктатурой преступлений, и вместе с тем обеспечить основы новых институтов власти, которые в будущем должны будут гарантировать права человека. Это было возможно только в процессе политизации и мобилизации, которые связывали память, права человека и справедливость для прошлого и будущего. Движение за права человека идентифицировалось с культурными движениями, общественным мнением и широкими социальными сетями.

Президент Рауль Альфонсин пообещал преследовать в судебном порядке военных, но также говорил о необходимости не распространять уголовное преследование на все преступления периода диктатуры, так как вёл переговоры с вооружёнными силами. Таким образом, право было подчинено политическим потребностям и пактам о стабильности с военными, хотя началось преследование трёх первых военных хунт. Одновременно Конгресс аннулировал Закон об автоамнистии. Альфонсин создал Национальную комиссию по пропавшим без вести для расследования преступлений во время диктатуры. Доклад этой комиссии означал не только символическое признание вины, но и содержал доказательную базу для уголовного преследования. Большой резонанс имело издание книги «Никогда более»¹¹, после чего общественное мнение не могло оставаться нейтральным.

Суды над членами военных хунт и их осуждение способствовало укреплению легитимации судебной власти, которая тогда переживала

¹⁰ Jelin 2006, P. 347.

¹¹ Книга «*Nunca más, informe final de la Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas*» была докладом комиссии по пропавшим без вести (CONADEP) в Аргентине, в период между 1976 и 1983 гг., также известный как «доклад Сабато» по имени председателя комиссии и писателя Эрнесто Сабато, который был передан президенту Альфонсину 20 сентября 1984 г. Название доклада повторяло девиз выживших в Варшавском гетто.

кризис. Создавалось впечатление, что после этих приговоров вопрос о справедливом возмездии более не стоит, с чем были абсолютно не согласны правозащитные и левые организации, требовавшие наказать всех виновных. Беспокойство военных, их давление на власти дало свои плоды: в 1987 г.: правительство приняло Закон о необходимой субординации¹², что означало амнистию для большинства военных.

Военные в 1988 и 1990 гг. поднимали мятежи против президента Карлоса Менема, демонстрируя недовольство процессами, пока тот не помиловал всех военных, замешанных в нарушениях прав человека и ответственных за войну за Мальвинские острова. Через год были освобождены мятежные военные, кроме “*carapintadas*” («раскрашенные лица»)¹³, которые воплощали новый милитаризм, претендующий на реальную власть. Они же были ответственны за убийство более 30 человек, расстрелянных во время нападения гражданских активистов на военные казармы в Ла-Таблада 23 января 1989 г. До сего дня идёт расследование, было ли нападение на казарму попыткой остановить переворот против Рауля Альфонсина и нарождающейся демократии, или возможно это было попыткой левых из «Движения Все за родину» (*Movimiento Todos por la Patria*), связанного с одной из фракций Революционной партии трудящихся (PRT/ERP)¹⁴, поднять восстание.

Амнистия, новые пропавшие без вести, помилование путчистов, отступление гражданской власти под давлением военных – все эти события означали институциональное поражение юстиции и правосудия, привели к возврату к дихотомному пониманию справедливости как политической целесообразности и как социально-политической справедливости, без которой нет движения вперёд.

После помилования, дарованного Менемом, деятельность правозащитников ослабла как никогда. Внимание общества сконцентрировалось на экономическом кризисе, гиперинфляции, экономической программе Менема – всем было не до восстановления справедливости. Законы об амнистии противоречили международным договорам о преступлениях

¹² Этот закон устанавливал, что совершившие преступления военнослужащие рангом ниже полковника не могут привлекаться в ответственности, если они выполняли приказ. Эту идею Альфонсин защищал ещё с 1983 г. Этот закон и всеобщее помилование военных президентом Карлосом Менемом в 1989–1990 гг. известны как законы о неподсудности.

¹³ Крайне правые военные, которые восставали против Альфонсина и Менема в 1987 и 1990 гг., требуя прекратить судебные преследования. Их название происходит из использования чёрной краски на лицах для камуфляжа. Их командиры были осуждены, но вышли по помилованию 1989 года.

¹⁴ Революционная партия трудящихся была основана 25 мая 1965 г. в Буэнос-Айресе, вела вооружённую борьбу в 70-е годы, ставила своей целью насильственную социалистическую революцию. Её лидером был Марио Роберто Сантуcho. Своего наибольшего размаха действия партии получили в 1965–1977 гг., затем из-за репрессий партия фактически прекратила существование.

против человечности, что ставило вопрос о приоритете национального или международного права.

В 1996 г. началось новое наступление, когда «Бабушки Майской площади»¹⁵ подняли вопрос о похищении детей жертв режима, которых передавали в другие семьи. По этому делу не была ясна юридическая составляющая. Только в 1998 г. по этим делам генералы Хорхе Рафаэль Видела и Эмилио Массера и другие предстали перед судом. 6 марта 2001 г. судья Габриэль Кавальо объявил о неконституционности законов об амнистии, что означало возобновление судебных преследований, победу юридических принципов справедливости над политическими договорённостями и пактами времён транзита. Только в 2006 г. состоялось решение суда по «делу Симона», ребёнка, родителей которого убили военные, а затем его отдали на воспитание в семью офицера. Это дело привело к отмене законов о необходимой субординации и «окончательной точки», ввиду их несоответствия Американской конвенции о правах человека и Договору о гражданских и политических правах. Международные обязательства открывали возможность требовать справедливости и правды.

По мнению Э. Хелин, концепция справедливости, транзит и политическое развитие последних тридцати лет были преданы забвению. История последнего времени, наполненная неравенством и паллиативной политикой, сделала необходимым иной, «более эгалитарный взгляд на социальную справедливость при гражданской позиции в отношении институциональной юстиции»¹⁶. Иными словами, память, связанная с концепцией справедливости как части коллективного проекта более справедливого общества, пережила замалчивание, начатое в переходный период и во время торжества неолиберального проекта, что было характерно для всех пост-диктаторских правительств. Для них защита прав человека осталась в прошлом, а в настоящем была чисто утилитарным предметом, не предусматривала обязательств в отношении социальной справедливости в будущем. И историческая память, и права человека становились нейтральными понятиями.

Память как оружие борьбы. Бразильская «революция» 1964 г.

«Пытки, убийства патриотов превратились в рутину жизни в полицейских участках. Это жизнь в условиях Институционального акта № 5, который отменил все самые элементарные права гражданина. Наша родина сегодня – это огромный военный лагерь, где нет ни закона, ни уважения к человеку»¹⁷. Маршал Леви Кардозу вспоминал, что 31 марта ночью объявили о победе «революции» – так назвали военный переворот 1964 г.

¹⁵ «Матери Майской площади» и «Бабушки Майской площади» – правозащитные организации, разыскивающие детей и внуков, пропавших без вести во время диктатуры, начиная с 1976 г.

¹⁶ Jelin 2006. P.359

¹⁷ Nercesian 2006, P. 446-460.

(после него военные оставались у власти 21 год), объявив об этом вечером, чтобы такое событие не попало на 1 апреля, «подмочив» серьезность действий военных. С самого начала военные хотели представить переворот как историческое событие, предназначенное изменить страну. Революция 1964 г. была «придуманной и навязанной военными» категорией¹⁸.

Использование термина «спасение» и «революция» по отношению к событиям 1964 г. долгое время и частично до сего дня занимает своё место в коллективном воображаемом. Он лежит в основе интерпретации этих событий. И это не просто ритуальные фразы, а формирующие память образы, противостоящие тем, которые предлагают жертвы режима и «революции»¹⁹. Историки Алешандра Карвалью и Людмила да Силва проанализировали празднование «революции» 1964 г. в ритуале, формирующем военную культуру, и его интерпретацию правозащитниками. В этих коммеморативных практиках отразились процессы институционализации памяти как с точки зрения интерпретации прошлого режимом, так и исходя из опыта сопротивления военным.

Празднование десятилетия «революции» (1974 г.)

В духе «семи модернизаций» диктатуры Пиночета в Чили бразильский режим с самого начала попытался пропагандистски связать переворот с идеями свободы и прогресса. В первый 10-летний юбилей переворота во всех школах проводились мероприятия в честь «революции», которая представляла носительницей порядка, прогресса и оптимизма. Лозунг празднования – «Десять лет строим Бразилию» – закреплял в коллективном воображаемом темы экономического прогресса, роста влияния Бразилии во внешней политике, уважения к правам людей и пр.

В качестве примера того, как эти идеи проникли в социальную память, хочу привести случай с одним профессором, который прибыл в Чили с лекциями и утверждал, что в Бразилии тему прав человека, пропавших без вести и преступлений вооружённых сил в рамках доктрины национальной безопасности следует рассматривать с большей осторожностью, чем в других странах Южного конуса, так как в Бразилии все эти явления имели место в гораздо меньшей степени. Этот профессор не знал, что чилийские военные использовали пытки, которые ранее были изобретены бразильскими военными.

Концепция революции во имя порядка и прогресса имела некоторые основания в жизни: экономический рост Бразилии в те годы вывел её в десятку самых богатых стран мира, кроме того бразильская сборная по футболу снова стала чемпионом. Бразилия рисовалась как великая держава во всех планах. В ходу были такие понятия как «демократическая революция», «бразильское чудо», «революция и народ»²⁰. Цензура даже

¹⁸ Carvalho & da Silva 2003, P. 196.

¹⁹ Ibid. P. 197.

²⁰ Ibid. P. 200.

пропускала интервью с оппозиционерами, вспоминая события десятилетней давности, но тональность всех выступлений сводилась к тому, что переворот был необходимым и меньшим злом, а в пользу его говорили успехи в экономике, поэтому все события и изменения в стране именовали не иначе как «революция».

Были также голоса, противостоящие официальному дискурсу, в основном среди студенческих организаций, выпускавших памфлеты и плакаты против диктатуры. Официальная пресса полностью игнорировала тот аспект памяти, который включал в себя рабочее движение, левые партии, вооружённое сопротивление, о чем стало известно только после падения диктатуры. В то время борьба памяти была сопряжена с реальной опасностью, ибо была частью сопротивления диктатуре.

Празднование двадцатилетия переворота, 1984 г.

На двадцатилетие «революции» блеск и pompa официальной пропаганды потускнели. В стране была высочайшая инфляция, высокая безработица, общий кризис экономики. Газеты печатали мало комментарные статьи о режиме и прямо требовали проведения свободных выборов. Само по себе празднование в этот раз ограничилось военными и их сторонниками. «Революция» постарела. Общество требовало немедленных прямых и всеобщих выборов. Теперь говорили не о революции, а о диктатуре, перевороте. Слово получили противники режима, хотя его сторонники по-прежнему доминировали в официальных медиа. Проводимые опросы общественного мнения показывали, что большинство уже не было с режимом.

Тридцатилетие (1994 г.)

В этот год те события вспоминали в новых перспективах, с новыми действующими лицами, уже без официальной пропаганды и без призывов к выборам. Режим прекратил своё существование в 1985 г. Пресса отдавала приоритет интеллектуалам, политикам, которые вели научные споры о тех событиях. Также проводились публичные мероприятия, из которых выделялись открытые дебаты в Католическом университете Рио-де-Жанейро. Однако в книге, опубликованной по результатам дебатов, не нашла отражения борьба за память, возглавляемая студентами, которые противостояли присутствовавшим там военным. В знак протеста студенты покинули заседания, а с ними и 80% всех присутствовавших. Тем не менее, к тридцатилетию появились книги и фильмы, в которых ставился под сомнение демократический и революционный характер переворота.

Только армия отмечала годовщину переворота как «демократическую революцию». Между тем, в предыдущие юбилеи дискурс был единым, речь шла о единстве народа и военных, что подчеркивало демократический характер переворота.

В первое десятилетие празднование длилось целую неделю (25–31 марта). Завершая торжества тогдашний президент Эрнесту Жейзел за-

являл: «Революционное движение 31 марта 1964 г. – это отблеск гражданственности и демократических убеждений»²¹. Военные считали своим долгом напомнить молодому поколению, что они спасли страну от хаоса, который несло свергнутое ими правительство.

Во время двадцатилетия снова главной темой было единство народа и армии. Тогда военный министр генерал Вальтер Пирес ди Карвалью заявлял, что главным в революции был её народный характер, ибо она была поддержана всеми секторами бразильского общества. В качестве подтверждения публиковались фото и видео «семейных маршей» в поддержку переворота, массовые церковные мессы в поддержку военных, репортажи жертв терроризма и подрывных действий левых.

В двадцатилетний юбилей массовые манифестации по всей Бразилии требовали немедленных прямых выборов, уже возвращались из эмиграции старые политики, росло профсоюзное движение. Военные же утверждали, что эти демонстрации есть проявление климата умиротворения, уважения к оппозиции, действия закона об амнистии, и это было результатом той «революции». А президент Жуау Фигейреду заявлял о конце диктатуры и скорых выборах, т.е. начинался типичный для Южного конуса демократический транзит.

В тридцатилетие трое военных министров выступили с обращением к Вооружённым силам (большинство тех военных не были участниками переворота), настаивая, что он был результатом воли народа из-за морального, экономического, политического и социального кризиса, в котором тонула страна (на том же настаивала и чилийская хунта в 1973 г.). Газеты призывали побеждённых и победителей спокойно проанализировать прошлое, а адепты режима по-прежнему настаивали на демократическом характере переворота, отделяли умеренных и жёстких военных, и, как в Чили, говорили о «великом деле экономической модернизации».

В 1995 г. президентом был избран Фернандо Энрике Кардозу, которого преследовали при диктатуре, а три поста министра заняли политэмигранты. В тот год никто не вспоминал о годовщине переворота. Военные согласились, что не стоит ее праздновать, так как это разделяет страну.

Правозащитники

В 1987 г. группа «Против пыток» провела демонстрацию против празднования 31 марта перед полицейским отделением, в котором практиковались пытки. Это произошло в тот же день, когда военные награждали участников репрессий «Медалью умиротворителя». С этого момента правозащитники стали оспаривать содержание празднования 31 марта. В 1989 г. в Рио-де-Жанейро группа «Против пыток» объявила об учреждении медали «Сопротивления имени Шикку Мендеса»²² в память об убитых

²¹ Ibid, P. 221.

²² Франсиску (Шикку) Алвес Мендес Филью был профсоюзным лидером сборщиков каучука, экологом и пацифистом, боролся против вырубки лесов в Амазо-

и пропавших без вести при диктатуре. Это была новая коммеморативная практика, отмечающая борьбу за права человека при диктатуре, здесь говорили уже не о революции, а о перевороте, совершенном меньшинством, стремившемся защитить свои привилегии ценой систематических нарушений прав человека. Более того, отмечали эту дату 1 апреля, в «день дураков», когда на самом деле переворот и произошёл. Этот акт памяти должен был сорвать все маски с «Медали умиротворения».

В школьных текстах говорилось о революции как перевороте, но подчёркивался его «цивилизованный», бескровный характер. При этом в тех же самых учебники отмечалось, что после 1968 г. нарушения прав человека стали систематическими. Учащимся предлагалось поспорить о позитивных и негативных сторонах режима. Позитивными всегда объявлялись экономические достижения, а негативными – репрессии. Битва за память вызвала к жизни двойственность в моделировании социальной памяти. После ухода военных дата переворота перестала отмечаться, она разделяла людей, а потому была вытеснена в память отдельных групп.

Движение «Против пыток» сделало ее датой памяти жертв диктатуры. В отличие от уходящих в прошлое помпезных актов военных эта знаменательная дата обретает все большую силу, так как стала обозначать борьбу за права человека не только по времена диктатуры, но и сегодня. 29 марта 2012 г. накануне почти сорокалетия тех событий сотни бразильцев вышли на марш протеста перед Военным клубом в Рио-де-Жанейро против любых празднований годовщины переворота 1964 г.

Почти сорок лет после переворота командующий армией генерал Франсиску Роберту Албукерке обратился со специальным посланием к солдатам, призвав их видеть в 31 марта 1964 г. «одну из важных страниц нашей истории, на которую надо смотреть без озлобления и обиды», подчёркивая «важность жить в обществе, которое не будет разделено идеологическими страстями и не будет постоянно сводить счёты с прошлым». Тогда же была открыта выставка «Свидетельства неслышимой войны» (*Registros de una guerra sorda*), первое собрание документов, свидетельств и образцов политической пропаганды диктатуры, а также слова песен таких авторов как Шикку Буарке, Жильберту Жиль, демонстрируя разные стороны репрессий и сопротивления. На открытии Жузе Эдуарду Кардозу, министр юстиции в кабинете президента Дилмы Русеф, пообещал, что в 2011 г. будет создана «Комиссия правды», которая откроет тёмные страницы сорокалетней давности, в том числе о судьбе 300 пропавших без вести арестованных при диктатуре. Как и в Чили в период транзита, президент Дилма Русеф гарантировала, что ни ненависть, ни стремление к реваншу не проникнут в эту комиссию. На от-

крытии выставки присутствовали все бывшие президенты периода после диктатуры, и они уверяли, что все преступления против прав человека и исчезновения людей будут расследованы. Но при одном условии: амнистия 1979 г. останется в силе, а она не позволяла осудить виновных, так как законность этой амнистии была подтверждена Верховным судом в 2010 г. «Революция 1964 года» так и остаётся непобеждённой.

«Молчание аргентинской прессы»²³

Как утверждают некоторые авторы, в 1996 г. в Аргентине чувствовалась некоторая свобода. Через 20 лет после переворота 24 марта 1976 г. сложилась атмосфера, которая благоприятствовала честному анализу прошлого. До этого юбилея память об ужасах того времени была фрагментирована. Переходный период ставил задачу моделировать память консенсуса, не обращаясь к теме причин конфликта, что вело к размыванию ответственности и «демократизировало» ужас, т.е. в нем были повинны все. Примерно то же самое происходило и в Чили, когда правая газета «El Mercurio» писала: «мы все убили Виктору Хару»²⁴.

С 1996 г. в Аргентине начался период, когда стало возможным посмотреть назад, в прошлое, «без дрожи ужаса и горя»²⁵, стали появляться многочисленные работы, произведения искусства, повествующие о периоде 1976–1983 гг. Этот процесс одним показался позитивным, а другим – очень опасным из-за близости тех событий для того, чтобы проводить беспристрастный анализ.

Конфигурация средств массовой информации как инструмента, формирующего чувства, прошла два периода: диктатура и переходный период. В это время строилась нынешняя машина масс-медиа, играющая решающую роль в жизни страны. Когда же речь шла об ответственности за преступления диктатуры роль масс-медиа вовсе не рассматривалась. На страницах ведущей аргентинской газеты «El Clarín» в 1984 г. Родольфо Тарраньо подчеркнул искупительную мысль, что «не существует успешных диктатур или оккупаций без более или менее массового соучастия», что «когда народ выходит из периода страха, иллюзия его единства важнее разделяющей правды»²⁶. Это призывает к тому, чтобы не индивидуализировать ответственность, не определять конкретных виновных, тем более в отношении средств массовой информации, их роли во время диктатуры, их вклада в выработку особого типа памяти, правды и транзита.

После падения диктатуры происходит подъем средств массовой информации, что и понятно с торжеством принципов демократии. Их бурный рост привёл к забвению их прошлой роли и соучастия в период

²³ Blaustein & Zubieta 1998.

²⁴ *El Mercurio*, 28 de mayo, 2009. Речь идет об убийстве военными певца, поэта, музыканта Виктора Хары в первые дни переворота 1973 г.

²⁵ Blaustein & Zubieta 1998. P. 14.

²⁶ Blaustein & Zubieta 1998. P. 16-17.

диктатуры. В то время как католическая церковь и вооружённые силы, хотя и частично, провели переоценку своей позиции времён диктатуры, пресса отказалась это сделать в отношении себя. Орасио Вербицкий пишет, что в редакциях не знали, что творится в Аргентине в деле репрессий (Э. Блаустейн называет это сомнительной гипотезой). С первых моментов переворота военные запретили публикации, противоречащие новому порядку²⁷. К концу диктатуры среди журналистов была почти сотня пропавших без вести, но они пострадали не из-за того, что говорили правду, а потому, что принадлежали оппозиционным организациям.

Но дело не только в молчании, которое навязала диктатура прессе, – пресса поддерживала прочные отношения с военными правительствами и общественными секторами, которые они представляли. Известна также роль чилийской газеты «El Mercurio» в свержении правительства Сальвадора Альенде и сокрытии преступлений диктатуры Пиночета. Эдуардо Блаустейн и Мартин Субиета в книге «Молчание аргентинской прессы» приводят факт, что директор газеты «La Opinión» Рамиро Касабельяс встретился в день переворота 24 марта с членами хунты и договорился о вкладе прессы в новой ситуации. Ночью 22 апреля редакторам газет было приказано не печатать ничего о смертях или исчезновениях людей, кроме официальных сообщений. При этом Касабельяс утверждал, что пресса тогда была свободной. Никто не осмеливался бросить вызов режиму.

Борьба за память

Тридцатилетний юбилей переворота 2006 г. прошёл почти незаметно в столице, но в провинции нашли отражение различные формы памяти. На рубеже веков Аргентина переживала глубокий политический кризис, а в области памяти произошла нечто вроде ее стратификации. Власти в центре и в провинции вступили в диалог с организациями прав человека, чтобы создать институты памяти, воздвигнуть памятники, посвящённые пропавшим без вести: был открыт «Музей памяти» в Росарио, была создана Провинциальная комиссия памяти в Ла-Плате.

В 2003 г. с приходом к власти президента Нестора Кирчнера политика памяти обрела общенациональный характер. Самое главное – были отменены законы об амнистии, и виновных в репрессиях предали суду и посадили в тюрьмы. 24 марта 2004 г. Кирчнер в сопровождении всего своего кабинета присутствовал на акции в Военном колледже, когда со стен были сняты портреты генералов Виделы и Биньоне. В тот же день президент издал указ о создании Института памяти и развития прав человека. Смогли ли эти формы официальной памяти снять противостояние между более слабыми, менее видимыми формами народной и семейной памяти, которые связывали права человека с социальной справедливостью, и теми носителями памяти, которые оправдывали ужасы диктатуры государственным интересом и военной субординацией.

²⁷ Blaustein & Zubieta. 1998. P. 23.

Преобладающее направление строительства памяти после возвращения демократии в 1983 г. состояло в деятельности родственников тех, кто пропал без вести, и правозащитников. Они требовали правды и справедливости. Только через тридцать лет государство создало институты памяти, переименовали площади и улицы, 24 марта был объявлен национальным праздником. Однако предшествовавшие перевороту события, партизанская борьба не были включены в эту память. «Соблюдение прав человека заставляет нас рассматривать память не в единственном числе, а во множественном: есть несколько видов памяти, состоящих в конфликте, борющихся, замалчивающих, табуирующих и предающих забвению отдельные стороны прошлого»²⁸.

Бесчеловечное обращение и репрессии были и до, и после переворота, но это не включено в «официальное» понимание прав человека. Например, в Чили было проведено исследование историком Себастьяном Лейва, который показал, что часто полиция убивала неполитических, обычных уголовников без суда и следствия, без доказательств их вины: это были жертвы «полицейских злоупотреблений, уголовные преступники, пьяницы, бытовые преступники, бродяги»²⁹. В отношении этих жертв никто не требовал ни правды, ни справедливости.

Чилийский транзит с 1990 г. отличался таким же беспамятством, как и аргентинский. С начала транзита правительства «Согласия» отказывали организациям, использовавшим насилие в противостоянии с диктатурой, в праве на политическое действие. Их по-прежнему преследовали, осуждали как террористов, продолжая линию «умиротворения» против повстанцев. Параллельно с этим действовал механизм изоляции, была построена тюрьма с высочайшей системой безопасности, с жёстким режимом дисциплины и наказания. Большинство заключённых были арестованы уже при демократии за действия, совершенные в последние месяцы существования диктатуры и первые три года транзита.

Повстанцы оправдывали свои действия тем, что боролись с полицией военного режима, никак не поменявшейся с транзитом, тем, что полностью сохранилась юридическая и политическая система, игнорировавшая проблемы народных слоёв. В стране не изменилась ситуация ни с правами человека, ни с безнаказанностью нарушений прав человека, продолжались физические и психологические пытки. Создавались новые секретные службы, а сопротивление оставалось невидимым и ещё одно десятилетие должно было оставаться почти как в подполье.

Результатом правительственной политики «умиротворения» повстанческих групп между 1990 и 1994 гг. были, согласно Корпорации защиты прав человека (Codepu), 140 случаев пыток и 96 убитых в ходе полицейских акций: «Упомянутые погибшие в 80% случаев умерли от

²⁸ Blaustein & Zubieta 1998. P. 186.

²⁹ Leiva 2010. P. 286-300.

пулевых ран, 7% – от удушья и утопления, 6% – от избиений, и 7% – по другим причинам»³⁰. В тот же период были арестованы 170 человек за политическую деятельность. Существовавшая тогда Организация народной защиты (ODEP) констатировала арест более 400 человек в период с 1990 по 2000 г. По нашему расследованию³¹ большинство этих «преступников» были молодыми людьми 18-23 лет, а названный прессой «ребёнком-террористом» Марсело Вильярроэль 14-ти лет был отправлен в специальную колонию до достижения совершеннолетия. Этих арестованных тут же называли террористами, а не политическими заключёнными. Их подвергали пыткам, параллельным гражданским военным процессам, не позволяли вступать с контакт с защитой. Всех их держали вособой тюрьме, где собрали молодых людей из Патриотического фронта Мануэля Родригеса (FPMR), Движение Лаутаро и Левого революционного движения (MIR), которые провели там более десяти лет³².

Борьба за права человека – безусловный политический капитал во всех контекстах, но она оставляет в стороне важный аспект, а именно «единственные в своём роде коммунитарные культурные коды... составляющие отдельное мировоззрение и представление о будущем»³³. Эти коды входят в культуру памяти, которая чаще всего ассоциируется с темой прав человека, но дистанцируется от идеи юстиции как нейтральной силы, предназначенной для гарантирования прав, ставит на первый план права людей, ставших жертвами, в построении коллективной памяти и определении политических действий.

Динамика развития социальной памяти связана с действиями институтов, разбирающих состав преступлений и передающих их органам для вынесения наказания. Это действие, социально здоровое в принципе, становится противоречивым, когда подчёркивается легитимность предыдущих общественных проектов и соучастие, виновность всех и создается предпосылка того, что в Аргентине назвали теорией двух зол. Историческая справедливость может быть границей, но она растворяется в создании инструментального консенсуса, который уничтожает историчность народа, подверженного застаревшим формам угнетения.

Существует и «отвергаемая память» – воспоминания об убитых военных в борьбе с герильей, о хаосе, который предшествовал перевороту. Группы правых требуют «полной памяти», приводят случаи, которые им также кажутся нарушениями прав человека, но со стороны герильи. Ко-

³⁰ Corporación de los Derechos del Pueblo (Codepu) 1994. P. 21.

³¹ Rosas 2004.

³² В начале 2003 г. Комиссия по правам человека Сената Чили, по требованию Католической церкви, предложила проект закона, который положил бы конец заключению, которое уже длилось 10–13 лет. Только после принятия законов о помиловании в 2004 и 2005 г. часть была освобождена, а другие, не получившие помилования, после 2006 г. стали пользоваться прогулками и отпусками по воскресеньям.

³³ Carvallo & da Silva, Pág. 194.

миссия памяти убитых повстанцами провела в 24 мая и 5 октября 2006 г. в Буэнос-Айресе акции, посвящённые военным, погибшим в борьбе с левыми. В них также участвовала Гражданская ассоциация Аргентины за полную память и некоторые военные, которые после этого были отправлены в отставку. Их дискурс памяти наполнен словами: «подрывные действия», «защита родины», «хаос», «война», «коммунисты», «иностранцы» и пр. Они отрицают само существование пропавших без вести. Тридцать лет спустя после переворота в Аргентине происходит конфликт разных вариантов памяти, которые невозможно совместить в единый нарратив. Этот конфликт пока носит открытый характер, а властям остаётся только администрировать обе памяти, разводив их в разные стороны.

В этой напряжённой ситуации в ноябре 2011 года алькальд района Провиденсии с Сантьяго Кристиан Лаббе заявил, что очень удивлён критике акта в честь бригадира армии Мигеля Краснова. А ведь речь идёт об осуждённом преступнике, виновном в насилии и в нарушении прав человека. Алькальд вызвал ярость родственников и друзей жертв, молодёжных организаций, политиков и даже правого правительства, бывшего тогда у власти. Он заявил: «Я хочу заявить о своём удивлении тем шумом, который породил этот акт, на который мы имеем право в рамках свободы мнений и слова... Или вы хотите заставить нас молчать и не высказывать свою точку зрения... Речь шла о презентации книги историка Хиселы Сильвы Энсины о генерале Краснове, при этом она была четвертым изданием, то есть не было ничего нового»³⁴. Алькальд Лаббе возмущался, почему можно издавать многочисленные книги о пытках, убийствах, жертвах, и нельзя дать иной взгляд на эту историю.

Перед лицом конфликта памяти газета «El Mercurio» предложила уравнивать жертву и палача, разделить между ними общественную ответственность и «демократизировать» взаимную обиду, что означало полное непонимание исторического процесса. Тело убитого Виктора Хары и тела пропавших без вести свидетельствуют и призывают к гуманизации общества, преодолевая границы партийных проектов, которые они представляли. Мы должны заявить, что в отличие от того, что заявляет пресса, не мы, не чилийское общество убило Виктора Хару. Социальная память в странах Южного конуса не смогла стереть понятие об ответственности военных диктатур в убийствах и исчезновениях людей, хотя официальный нарратив предлагает новые формы забвения.

REFERENCES

- Blaustein E y Zubieta M. El Silencio de la Prensa Argentina. Ediciones Colihue, 1998.
Carvalho A & da Silva L. 31 de Marzo de 1964 em Brasil: Memórias deshilachadas. Las conmemoraciones: las disputas en las fechas "in-felices". (Elizabeth Jelín Compiladora) Madrid: Siglo XXI, 2003.

³⁴ *El Mostrador*, Labbé por homenaje a Krassnoff: “¿Cuál es la idea, silenciar al que piensa diferente, acallarlos por la fuerza?”, Santiago, 17 de Noviembre de 2011.

- De pueblo convocado a ciudadano adiestrado. Ciudadanía, subjetividad y des-subjetivación en la transición neoliberal // Jorge Benitez y Pedro Rosas (Compilador-autor) *La república inconclusa. Una nueva constitución para el bicentenario*, ed. Centro de Estudios Jurídicos e Institucionales, Asociación Latinoamericana de Juristas CEJI/Universidad ARCIS, 2009.
- Halbwachs, Maurice “Memoria individual y memoria colectiva” // Estudios N° 16, Centro de Estudios Avanzados Universidad Nacional de Córdoba, Argentina, 2005;
- Illanes María Angélica (2002), *La Batalla de la memoria*, Santiago, Ed. Planeta, 2002.
- Lavin J. *Chile: Revolución Silenciosa*, Zig Zag, 1988.
- Leiva S. “La represión que no importó. La violencia estatal contra los delinquentes comunes tras el golpe de estado de 1973 en Chile”, // *Problemas de la historia reciente del Cono Sur*, Vol I, Ernesto Bohoslavsky Et. Al. Universidad Nacional General Sarmiento-Prometeo Libros, Buenos Aires, 2010
- Nercesian I. “Organizaciones armadas y dictadura institucional”// *Fermentum*, Mérida, Venezuela, N° 46, 2006. P. 446-460.
- Portelli A. “Memoria e identidad. Una reflexión desde la Italia postfacista” // *Monumentos, memoriales y marcas territoriales*, E. Jelin y V. Langland (comps.) Siglo XXI ed. Argentina, 2003.
- Rosas Pedro “Los silencios de la transición. Resignificación del pasado y memoria social en la construcción de la historia (oficial) reciente”. // *Praxis Revista de Psicología y Ciencias Humanas*, N° 15 año 11, Universidad Diego Portales, 2009. P. 67
- Sennett R. *El declive del hombre público*, Ediciones Península, Barcelona, 1978.
- Rosas A. Pedro, *Rebeldía, subversión y prisión política. Crimen y castigo en la transición chilena. 1990-2004*, Santiago, Ed. Lom. 2004.
- Stern S. “De la memoria suelta a la memoria emblemática: Hacia el recordar y el olvidar como proceso histórico (Chile 1973-1998)” // Mario Garcés et.al. *Memoria para un nuevo siglo. Miradas a la segunda mitad del siglo XX*, Santiago, Lom ediciones, Universidad de Santiago, 2000. P. 11 – 33.
- Teitel R. “Genealogía de la Justicia Transicional”// *Harvard Human Rights Journal*, Vol. 16, Spring, Cambridge, 2003. P. 69 – 94.

Pedro Rosas Aravena, *д-р наук, Университет Сантьяго-де-Чили; prosarave@yahoo.es*

Human rights and a dictatorship complex scenarios of memory in Argentina, Brazil and Chile

At the end of the 80's and the beginning of the next decade, the rising democracies from the Southern Cone of Latin America, they seem to have overcome completely many of the problems inherited from the dictatorship. The new democracies were oriented towards issues of stability, the growing up and the linkage to the market. The role of the state was challenged and empowered by market as the sole regulator of life. A quick and political reconciliation cosmetic crushed the demands of justice and truth. Thereby erased the memory of repression and enforced disappearances in Argentine, Brazil and Chile. They were considered as things that belong to the past and it was necessary to forget. However, the social memories, far from being appeased or expired were fields of dispute what came to be called Battles Memories. The struggle was not for the truth about the recent past. His recovery was inseparable from the debate on the societies that were to be built. The agreed transitions with the dictatorship and their allies deployed devices and mechanisms to manage the social memory. An official sanitized version of history lived, which was faced with various opposing memories. Not only the victims but also the perpetrators.

Keywords: dictatorship, political transition, memory, forgetfulness, resignification.

Pedro Rosas Aravena, *Ph.D, Universidad de Santiago de Chile; prosarave@yahoo.es*

О. Л. АКОПЯН

РЕНЕССАНСНАЯ МАГИЯ КАК ДУХОВНОЕ ЯВЛЕНИЕ (на примере текстов конца XV – начала XVI в.)¹

Автор рассматривает вопрос о том, какое место в творчестве ренессансных авторов рубежа XV–XVI вв. занимала магия. В статье доказывается, что с помощью магии была произведена одна из попыток «реформировать» христианство без Реформации – результаты, правда, оказались неутешительными. В центре внимания автора Италия – родоначальница гуманистической и ренессансной культуры, а также Франция и Германия, где быстрее прочих перенимались новые идеи. На примере трактатов итальянских, французских и германских мыслителей показано, что магические спекуляции в это время были тесно связаны с религиозной и философской проблематикой.

Ключевые слова: Ренессанс, магия, астрология, Марсилио Фичино, Джованни Пико делла Мирандола, Жак Лефевр д'Этабль.

В известной работе К.Г. Юнга, которой мы обязаны названием нашей статьи², были рассмотрены не только миграции идей и образов, но и то, как синтез глубоко магического сознания Парацельса и его искренней веры в Бога породил причудливое и сложное учение. Не ставя под сомнение выводы Юнга, резонно задаться вопросом, насколько Парацельс был в этом деле первопроходцем, и в каком контексте он творил.

Благодаря данным этнологии и психологии мы можем смело сказать, что магия имела большое значение в духовной жизни, прежде всего, древних обществ. В первой половине XX в. методы этих наук были впервые применены на материале средневековых источников, в чем состоит несомненная заслуга «Школы Анналов»³. Историей средневековой магии французские ученые занимались не слишком охотно, однако неоднократно подчеркивали значение разнообразных магических ритуалов⁴. Видимо, влиянием знаменитой школы определяется растущее число публикаций о средневековой магии, астрологии и алхимии среди отечественных ученых новой генерации⁵. Ренессансной магии в России повезло меньше. Несмотря на переводы нескольких книг⁶, Возрождение по-прежнему воспринимается как время, когда средневековые «суеве-

¹ Данное исследование было поддержано стипендиями Германского Исторического Института в Москве и Франко-российского Центра общественных и социальных наук, сотрудникам которых я выражаю самую искреннюю благодарность.

² Юнг 1996. С. 71-163.

³ См. классическую работу о «Школе Анналов»: Гуревич 1993.

⁴ Достаточно вспомнить хотя бы ритуал исцеления больных золотухой, который был почти воспет Марком Блоком. См.: Блок 1998.

⁵ См., напр.: Алхимия // Словарь средневековой культуры. С. 39-42; Воскобойников 2007. С. 82-110.

⁶ В первую очередь, я имею в виду: Йейтс 2000 (англ. издание – 1964).

рия» оказались вытеснены наукой и философией нового типа, а изучение магии, к сожалению, по-прежнему нередко остается уделом адептов сомнительных оккультных теорий. Автору этих строк самому приходилось неоднократно разъяснять, в т.ч. на серьезных научных форумах, что его интерес к этому феномену вызван исключительно научными причинами.

Подобное отношение к Ренессансу кажется тем удивительнее, что на вторую половину XV–XVI в. приходится пик борьбы с ведьмами, хорошо известной по «Молоту ведьм» и другим источникам того же круга. Тем не менее для многих обывателей эти процессы так и остались средневековым явлением, видимо, случайно проникшим в светлое время Возрождения. В этой работе мы постараемся показать, что в конце XV – начале XVI в., то есть непосредственно перед расколом пока еще общеевропейского религиозного пространства, наиболее выдающиеся умы Ренессанса были озабочены вопросами магии и оккультизма не меньше, чем представители «низовой» культуры.

После того, как Линн Торндайк, автор восьмитомной «Истории магии и экспериментальной науки»⁷, заявил, что магию необходимо считать предтечей современной науки⁸, любые искания мыслителей XV–XVI вв., касающиеся природы и основ физического мироустройства (включая магию, астрологию и алхимию) трактовались подобным образом. Разумеется, с мнением Торндайка невозможно не согласиться: хорошо известно, что многие ученые, отцы «научной революции» – Коперник⁹, Кеплер¹⁰, Галилей¹¹, – читали, изучали и комментировали труды своих предшественников. Но желание увидеть такую линию – от магии к естественнонаучным знаниям – неизбежно вело к упрощению, а порой и к очевидным ошибкам. Наиболее яркая из них касалась первого крупного трактата против астрологии, написанного итальянским философом Джованни Пико делла Мирандола. Этот труд неоднократно называли предтечей коперниканской реформы, хотя в действительности ничего революционного о структуре небесных сфер молодой граф Мирандолы не сказал, по-прежнему находясь в рамках классической аристотелевско-птолемеевской парадигмы¹². Более того, подход, предложенный Торндайком и подхваченный прежде всего в англо-саксонской

⁷ *Thorndike* 1923–1958.

⁸ См. его же программную статью: *Thorndike* 1955. P. 273–278.

⁹ *Knox* 2002; 1999; *De Pace* 2009.

¹⁰ *Rabin* 1987.

¹¹ *Hankins* 2000. P. 209–237.

¹² Точки зрения, что полемика Джованни Пико с астрологами открыла путь для пересмотра прежних астрономических воззрения, придерживался ведущий специалист по культуре Ренессанса Э. Гарэн: *Garin* 1937. Несмотря на то, что в отдельных случаях такая трактовка справедлива, в подтверждение своего мнения Гарэн не привел никаких доводов. Вслед за ним подобная неточность встречается у других исследователей.

литературе, никоим образом не раскрывал истинные интенции мыслителей этого периода: что побудило их обратиться к магии и с какой целью они всячески старались придать астрологии, алхимии, герметизму и каббале столь высокие черты? В конце XV – начале XVI в., когда в преддверии Реформации кризис традиционного христианства становился все более очевидным, католическая Церковь стремительно теряла свои позиции, а эсхатологические настроения овладевали всё большими слоями населения¹³, магия оказалась причудливым образом связанной с религиозными практиками эпохи. Как мы покажем ниже, с ее помощью была произведена одна из попыток «реформировать» христианство без Реформации – результаты, правда, оказались неутешительными.

Это исходное предположение определяет географию интересующих нас текстов. В центре внимания будут Италия – родоначальница гуманистической и ренессансной культуры, а также Франция и Германия, где быстрее прочих перенимались новые идеи. Англия же останется вне поля нашего зрения, поскольку здесь первый по-настоящему крупный маг (Джон Ди) появился только во второй половине XVI в.

Говорить о своеобразии ренессансной магии невозможно без упоминания предшествующей традиции. Несмотря на то, что еще в Античности было составлено несколько влиятельных текстов, посвященных астрологии, настоящая основа европейского оккультизма была заложена в XII–XIII вв., в т.н. «великую эпоху переводов», когда из арабского мира на Запад хлынуло множество текстов, в числе которых, наряду с философскими и медицинскими трудами, были сочинения по астрологии, магии, алхимии, в т.ч. ставшие классическими трактаты «О лучах» Ал-Кинди, «Большое введение в астрологию» и «О великих конъюнкциях» персидского астролога Абу Машара, алхимическиеopusы Джабукира ибн Хайяна. Кроме того, стало доступно многое из античного наследия: достаточно упомянуть о знаменитом «Четверокнижии» Клавдия Птолемея.

Однако европейские интеллектуалы не ограничились переводами и комментированием чужих трудов. К XIII в. относится резкое увеличение числа магических трактатов, написанных на Западе. Оставляя за скобками действительный оккультизм – черную магию, магию приворота и прочие штудии – обратим внимание на два аспекта. Во-первых, считалось, что разнообразные магические практики, в первую очередь астрологические, могут быть использованы религиозными мыслителями для дополнительного доказательства христианского вероучения. По этому пути пошли многие из видных богословов – например, Альберт Великий, Роджер Бэкон, кардинал Петр из Аий. Неудивительно, что порой это давало любопытные результаты: достаточно вспомнить распростра-

¹³ Об этом существует большая литература. Для ознакомления с элементами духовного кризиса в «высокой» культуре, прежде всего в религиозных кругах, см. в первую очередь: *Vasoli* 1968. P. 180-240; 1974.

ненную на христианском Западе идею о существовании гороскопа Христа – особенного расположения планет, по которому волхвы распознали пришествие Мессии¹⁴. С другой стороны, магия стала объектом спекуляций «магистров искусств» – философов, противопоставлявших себя теологам. Несмотря на запреты епископа Стефана Тампье¹⁵, магистры, ориентировавшиеся на «чистого» Аристотеля и традицию его комментариев, увидели в магии существенный элемент для изучения природы.

Но флорентийский мыслитель, первый переводчик Платона и Плотина на латинский язык и крупнейший ренессансный неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499) предложил принципиально иное понимание магии, вписав ее в свою доктрину «древней теологии»¹⁶. Во введении к своему трактату «О христианской религии» Фичино замечает, что божественные воля и мудрость отражаются в учениях тех народов, которые к христианству отношения не имеют: он перечисляет еврейских пророков, «персидских жрецов-магов», индийских брахманов, галльских друидов и многих других «древних теологов». При этом он подчеркивает две вещи: во-первых, все те, кому высокое знание о Боге оказалось доступно, были людьми учеными; и, во-вторых, им было свойственно занятие сакральными церемониями и обычаями, жречеством и прочими вещами, простым смертным недоступными¹⁷. Под этим Фичино, несомненно, понимает высокое оккультное знание, которое является прерогативой истинных магов. Более того, он полагает, что Платон, переводу и комментированию которого он посвятил многие годы своей жизни, аккумуляровал это знание и полноценно раскрыл его в своих диалогах, а позже

¹⁴ *Pompeo Faracovi* 1999.

¹⁵ Текст знаменитых тезисов, в которых епископ Парижа осуждал магистров искусств: Парижское осуждение 1277 года / Вступительная статья и перевод О. Л. Акопяна // *Inter Esse*. № 1 (осень-зима). 2011–2012. С. 117–127.

¹⁶ В самом деле родоначальником представления о том, что истоки истинного вероучения можно обнаружить в трудах *prisci theologi*, был Георгий Гемист Плифон. Однако в языческом неоплатонизме византийского мыслителя не нашлось должного места христианской догматике. Именно Фичино первым постарался связать теургические тексты древности с христианством.

¹⁷ «Aeterna Dei sapientia statuit divina mysteria, saltem in ipsis religionis exordiis, ab illis duntaxat tractari: qui veri essent verae sapientiae amatores. Quo factum est, ut idem apud priscos rerum causas indagarent et sacrificia summae ipsius rerum causae filigenter administrarent, atque idem apud omnes gentes philosophi et sacerdotes existerent... Prophetiae igitur Hebraeorum atque Essaei sapientiae simul et sacerdotio incumbabant. Philosophi a Persis, quia sacris praeerant, magi, hoc est, sacerdotes, sunt appellati. Indi Brachmanas de rerum natura simul, atque animorum expiationibus consulebant. Apud Aegyptios Mathematici et Metaphysici sacerdotio fungebantur et regno. Apud Aethiopas gymnosopistae philosophiae simul magistri erant ac religionis antistites. Eadem in Graecia consuetudo fuit sub Lino, Orphaeo, Musaeo, Eumolpo, Melampo, Trophimo, Aglaophemo atque Pythagora. Eadem in Gallia sub Druidum gubernaculis. Quantum apud Romanos Numae Pompilio, Valerio Sorano, Marco Varroni multisque aliis sapientiae simul, sacrorumque studium fuerit, quis ignoret?» (Marsilii Ficini Florentini de Christiana religione liber, ad Laurentium Medicem Patriae servatorem. Prooemium // *Ficino* 1576. I. P. 1).

передал его своим последователям. В знаменитом фрагменте из трактата «О христианской религии», где Фичино перечисляет «древних теологов», он замечает, что настоящий смысл платоновского учения был раскрыт только благодаря христианам, которые обнаружили сходство между ним и своей религией, и приходит к предположению, что наиболее важные «мистерии» неоплатоников обнаруживаются еще в Евангелии и у Отцов Церкви¹⁸. Но утверждение всех этих многочисленных связей между «древними теологами», платониками и христианством приводят к радикальному изменению статуса магии: она теперь понимается не как помощница богословия, но как ее предтеча. Тот оккультизм, о котором говорит Фичино, не нуждается в согласовании с христианской догматикой, поскольку, по его мнению, у них общие корни и основания. Задача философа – лишь обнаружить их и верно интерпретировать; в случае успеха он сам может стать магом-священником (*magus cum sacerdos*)¹⁹.

Несомненно, представление о магии как важной составляющей «древней теологии» сильно отличалось от средневековых воззрений: ныне астрология и магия не находятся в противоречии с христианством, а являются существенной частью его предшественницы.

Фичино не ограничился теорией, а подкрепил ее практикой, прежде всего очередностью своих переводов разнообразных магических текстов. Начиная с 1462 г., когда юный Фичино начал практиковаться в искусстве перевода, он осмысленно переводил трактаты «древних теологов» («Халдейские оракулы» Зороастра, «Гимны» Орфея, «Золотые стихи» Пифагора, Герметический Свод), а затем и Платона с неоплатониками – в такой последовательности, чтобы они воспроизводили хронологию развития этого тайного знания. Сложно судить о том, предполагал ли Фичино составить подобную хронологию в начале 1460-х гг., однако к моменту написания трактата «О христианской религии», где теория «древней теологии» была изложена им в наиболее полном виде, в его сознании, несомненно, уже определились ее идеологические контуры.

В этой хронологии Фичино отвел Платону важнейшую роль посредника между теургией древних магов и христианством. По его мнению, философия, прежде всего платоническая, аккумулировала это знание, распространенное во многих частях света и зачастую под разными названиями, и через свои труды открыл его мыслителям последующих эпох. Однако только во времена Филона Александрийского и Нумения, уже после того, как христианство получило распространение, истинная мысль Платона впервые открылась его комментаторам. Более того, Фичино даже заявляет, что многие платоники пользовались либо апостольскими писаниями, либо трудами Отцов Церкви. Это означает, что та «истина», которая, по Фичино, присутствует у Платона, в соприкоснове-

¹⁸ Ibid. XXII. P. 25.

¹⁹ Zambelli 2007. P. 131.

нии с христианством озарилась совершенно новыми смыслами. В таком контексте не кажется удивительным стремление Фичино связать основополагающие категории христианского вероучения – бессмертие души, любовь, благо, единое и красоту²⁰, – с философией Платона. Это позволило Фичино вывести формулу, наиболее полно отражающую отношение ренессансных мыслителей времени к языческой культуре: «ученая религия», обогащающаяся «благочестивой философией»²¹. Естественным продолжением идей великого греческого философа Фичино мыслил последующую (нео)платоническую традицию²², ее вершиной он назвал Дионисия Ареопагита²³, что не удивительно, так как в течение многих веков автором «Ареопагитик» считался последователь апостола Павла. Так самими своими переводами Фичино воссоздал своеобразную линию развития христианства – от его предтеч, древнейших «теологов», вроде Зороастра и Орфея, вплоть до неоплатоников, главный из которых был учеником главного из апостолов. Поэтому не выглядит странным то, что в последние годы Фичино решил посвятить себя комментированию Посланий Павла; правда, этот проект он так и не довел до конца²⁴.

Вслед за Фичино доктрина «древней теологии» встречается у многих мыслителей эпохи Возрождения. Хотя Фичино не знал древнееврейский язык, он предпринимал попытки включить в свою схему еврейскую мистическую традицию, прежде всего связанную с каббалой²⁵. Только его младший современник Джованни Пико делла Мирандола стал полноправным первооткрывателем каббалы для западной культуры и «родоначальником» т.н. «христианской каббалы»²⁶, т.е. попытки христианских мыслителей использовать мистический опыт средневековых каббалистов в своих целях. Тем самым структура, предложенная Фичино, обогатилась еще одним важным элементом.

О том, насколько граф Мирандолы в действительности владел ивритом, существуют разные мнения²⁷. Но это не отменяет того, что от-

²⁰ О платонизме Фичино см.: Allen 1984; 1998.

²¹ Основное исследование по этой теме: Euler 1998.

²² Для Фичино и его последователей не существовало разницы между платонизмом и неоплатонизмом. В их сознании труды Плотина, Порфирия и других неоплатоников были естественным продолжением философии Платона.

²³ Фичино, опубликовавший два комментария на Псевдо-Дионисия в 1497 г., называл его первым среди платоников: Фичино 2014. С. 455. Недавно вышло критическое издание комментариев, подготовленное П. Подолаком: Ficino 2011. С этого издания был сделан англоязычный перевод: Ficino 2015. В целом о Псевдо-Дионисии у Фичино см.: Leinkauf 2013.

²⁴ Об этом комментарии и контексте его создания см.: Vanhaelen 2013.

²⁵ Idel 2002. P. 137-158.

²⁶ Классическая работа по этой теме: Secret 2001 [1964].

²⁷ Как заметил ведущий исследователь этого вопроса, к 1486 г., т.е. ко времени диспута в Риме, познания Джованни Пико в древнееврейском языке были довольно поверхностными (Wirszubski 2007. P. 4-7). Судя по всему, к 1489 г., когда он составил «Гептаплл», где элементы еврейской мистики проявились наиболее ярко, Джо-

нюдь не идея о «достоинстве человека» и бесконечных творческих возможностях, открытых перед ним, стала центральным объектом его философских изысканий²⁸. Он, как и Фичино, предполагал, что истина (в основе своей, разумеется, христианская) может проявляться в самых разных учениях, познав суть которых, человек становится к ней ближе. Для доказательства этой мысли Пико написал масштабные «900 Тезисов», с которыми он постарался выступить в Риме в 1486 г.²⁹ Этот текст состоит из двух частей: первые 400 тезисов представляли собой выжимку из теологии, арабской и античной философии и теургических учений древности («Оракулов», «Орфея», магии, Каббалы). В оставшихся тезисах Пико стремился высказать собственные оригинальные суждения по тем же вопросам. Для нас же важно, то как он понимал магию, разным формам которой было посвящено около трети его трактата.

Пико уверен, что магия, и каббала как высшая ее форма, являются вершиной *scientia naturalis* – только с помощью оккультных знаний человек может овладеть, хотя бы частично, знанием о природе, Божьем замысле и будущих событиях³⁰. Для того, чтобы добиться успеха, мыслитель, который претендует на статус мага, должен научиться «читать книгу Закона при помощи каббалы, а книгу Бога – при помощи истинной астрологии»³¹. Не стоит также пренебрегать орфической гимнографией, числовой и буквенной комбинаторикой – все это, по мнению Пико, раскрывает тайны мироздания. В конечном же счете магия служит тому, чтобы дополнительно подтвердить христианские истины.

Стоит ли удивляться, что папская комиссия осудила «Тезисы», обвинила их автора в ереси и запретила публичный диспут? После того, как Пико при посредничестве Лоренцо Великолепного был вывезен во Флоренцию, он не бросил заниматься каббалой и изучать иврит, но, видимо, боясь нового инквизиционного преследования, предпочел посвящать себя комментированию и переводу Священного Писания³². Но не-

ванни Пико знал древнееврейский существенно лучше, однако для чтения каббалистических текстов он продолжал пользоваться услугами переводчиков.

²⁸ Приставка «о достоинстве человека» появилась после смерти Пико. В оригинале наиболее известное его сочинение называлось просто «Речь». С критикой тезиса о первоисточнике значения «достоинства человека» в творчестве Пико выступал Б. Копенхейвер: *Copenhaver* 2002. Однако его предположение, что главной темой «Речи» следует считать каббалу, также нельзя признать удачным.

²⁹ *Farmer* 1998.

³⁰ Об этом: *Акопян* 2013.

³¹ *Conclusiones Cabalisticæ numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsius Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes. 72: «Sicut vera Astrologia docet nos legere in libro Dei, ita Cabala docet nos legere in libro legis».* Цитата приведена по изданию С. Фармера.

³² Это нашло отражение в двух богословских сочинениях Пико. Первый, упомянутый выше «Гептапал», был им закончен в 1489 г. Над вторым («Комментария на Псалмы») он работал в 1491–92 гг. Оставшиеся незаконченными фрагменты «Комментариев» были опубликованы: *Pico della Mirandola* 1997.

удача в Риме и вызванное этим постепенное разочарование в магии, кризис философских ориентиров и, наконец, знакомство с Савонаролой, с 1490 г. обосновавшимся во Флоренции, привели к тому, что в 1493 г. Пико начал писать обширный трактат «Рассуждения против прорицательной астрологии», в котором подверг критике многие из своих прежних увлечений³³. Помимо прочего, в этом сочинении он предположил, что магические воззрения возникают только у тех народов, которые лишены мощного религиозного стержня, а астрология – опаснейшая формой праздного человеческого любопытства. Трактат вызвал бурную полемику среди итальянских гуманистов и мыслителей конца XV – начала XVI в., обозначив важную веху в развитии ренессансной магии. Пройдя путь от рьяного адепта магии как неотъемлемой составляющей христианства к ее не менее рьяному критику, Пико своим примером доказал, что теория «древней теологии» не способна обогатить религию внушающими доверие источниками. Появление таких фигур, как Савонарола, и возрождение скептической традиции³⁴ – лучшее подтверждение тому, что в тот период религиозный кризис ощущался всё острее.

Представления, возникшие во Флоренции, стремительно распространились не только по остальной Италии, но и в Европе, чему способствовало не только книгопечатание, но и персональное общение или постоянная переписка между ведущими интеллектуалами этой эпохи.

Translatio ренессансной магии во Францию стала возможной благодаря Жаку Лефевру д'Этаплю, крупнейшему мыслителю и издателю конца XV – начала XVI века. Несмотря на то, что его имя традиционно связывается с публикацией нового перевода всего корпуса сочинений Аристотеля и первым переводом Нового Завета на французский язык³⁵, он не остался в стороне от веяний времени. Зимой 1491–1492 гг. Лефевр д'Этабль, увлеченный новыми идеями, посетил Италию, где встретился с Эрмолао Барбаро, Пико делла Мирандола и Марсилио Фичино³⁶ и, вдохновленный ценными знакомствами, составил, вполне в духе своих итальянских «учителей», трактат «О натуральной магии», но не опубликовал этот труд и, более того, всячески избегал упоминаний о нем³⁷. Справедливо спросить, почему ведущий французский гуманист полностью проигнорировал их и сделал все, чтобы эта работа была забыта?

³³ См.: Акопян 2014.

³⁴ Отдельные ее аспекты заметны уже в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» Джованни Пико. Его племянник Джован Франческо Пико был одним из первых, кто серьезно изучал наследие Секста Эмпирика: Cao 2001; 2007; 2009.

³⁵ В целом, о Жаке Лефевре д'Этапле см.: Dagens 1959; Rice 1970; Renaudet 1981.

³⁶ Marcel 1973.

³⁷ На сегодняшний день известны всего три рукописи трактата; при этом одна из них не поддается прочтению, другая фрагментарна, а единственный полный манускрипт сохранился в университетской библиотеке города Оломоуц в Чехии: Vědecká knihovna v Olomouci, M I 119.

Поездка в Италию открыла перед Лефевром д'Этаплем широкие перспективы издательской деятельности³⁸, начало которой в 1494 г. было положено публикацией Герметического Свода в переводе Фичино³⁹. Но вскоре он отходит от пути, намеченного Фичино и Джованни Пико — Лефевр д'Этапль не отказывается от наследия Аристотеля, а избирает его ключевым античным философским авторитетом вместо Платона. Смена ориентиров не означала полного отказа от воспроизведения теории «древней теологии» на французской почве. Просто вместо Платона и неоплатоников Лефевр д'Этапль включил в эту структуру Аристотеля.

В 1496 г. в Париже вышел «Органон», а через год Лефевр д'Этапль подготовил собственный комментарий к «Этике»⁴⁰. После этого он начал постепенно терять интерес к «древней теологии», а его внимание начинают привлекать средневековые христианские тексты с ярко выраженным мистическим характером. Можно предположить, что он решил указать на преемственность аристотелизма и мистической литературы в том же ключе, как чуть раньше Фичино поступил с Платоном и Псевдо-Дионисием и апостолом Павлом. Хотя в 1505 г. Лефевр д'Этапль переиздал «Поймандр», присовокупив к нему «Кратер Гермеса», ранее переведенный итальянским герметиком Лодовико Лаццарелли, на полях этой книги он неоднократно критиковал автора Герметического Свода⁴¹.

Переход к мистической литературе обозначился в самом конце XV в. В 1499 г. Лефевр д'Этапль выпустил в свет «Ареопагитики» в переводе Амброджо Траверсари, а не Иоанна Скота или Марсилио Фичино, обозначил их как основу «животворящей теологии» (*theologia vivificans*). Вслед за этим его внимание оказалось полностью поглощено текстами соответствующего содержания: в том же году он издает труды Раймунда Льюля⁴², в 1510 г. «О Троице» Рихарда Сент-Викторского, в 1512 г. — «Мистическую свадьбу» Руйсбрука. Наконец, венцом этой деятельности стало издание в 1514 г. творений Николая Кузанского, которого сам Лефевр д'Этапль считал величайшим мистиком. Параллельно он и группа его последователей продолжали активную работу над публикацией Аристотеля, который в комментариях француза всего больше предстает как предтеча христианства⁴³ и противопоставляется всем прочим античным философам⁴⁴.

³⁸ Существует мнение, что Лефевр д'Этапль оправился в Италию специально для того, чтобы испросить разрешение у Фичино на публикацию «Трех книг о жизни» — ключевого магического трактата последнего.

³⁹ Marcel 1973. P. 139.

⁴⁰ Rice 1970. P. 133, 136-137.

⁴¹ Masour-Matusevich 2004. P. 396-397.

⁴² Интерес к великому средневековому мистика Лефевр д'Этапль проявлял раньше, предположительно, впервые это случилось в 1491 г.: Llinares 1973. P. 127.

⁴³ Rice 1970. P. 138-144.

⁴⁴ Ibid. P. 138.

В 1511 г. Лефевр д'Этапль совершает новое путешествие в Италию, которое окончательно убеждает его в том, что он не принадлежит ни к какой из философских школ, а является прежде всего христианином⁴⁵. Неудивительно, что такой вывод рождает новый вызов – перевести Священное Писание. Еще раньше, в 1509 г., он публикует собственный перевод Псалмов, но с 1512 г., а особенно после 1518 г., когда окончен проект публикации Аристотеля, Лефевр д'Этапль с большим усердием принимается за новую работу. В 1512 г. он переводит Послания апостола Павла, в 1522 г. – четыре Евангелия, в 1524 г. – апостольские Послания и остальные тексты Нового Завета⁴⁶. В этом же году свет увидело первое издание Нового Завета на французском языке. Полный текст Священного Писания в переводе Лефевра д'Этапля был опубликован в 1530 г.

Таким образом, Лефевр д'Этапль, увлекшийся в молодости идеями Фичино и Пико делла Мирандола, быстро отошел от них и создал собственную теорию «животворящей теологии», которая базировалась на аристотелизме и мистической средневековой литературе. Итогом его многолетних поисков стал долгожданный перевод Нового Завета.

Сходным путем пошел младший современник и в известном смысле ученик знаменитого французского гуманиста – Шарль де Бовель. Автор трактата «О мудреце»⁴⁷ многое перенял от неоплатонизма Фичино, но, в большей степени ориентируясь на Николая Кузанского и Дионисия Ареопагита, придал своим рассуждениям мистико-христианский характер и в этом последовал за Лефевром д'Этаплем⁴⁸. Другой видный мыслитель, Симфориан Шампье, бывший ревностным поклонником Фичино и издателем нескольких важных магических трудов⁴⁹, остался верен идеалам флорентийских мыслителей. Адаптировав магию Фичино в трактате «О четверичной жизни» и стремясь, наподобие Джованни Пико, согласовать Платона с Аристотелем и Галена с Гиппократом, Шампье создал собственную теологию, которая получила название *theologia trismetistica*⁵⁰. Тем не менее он не мог игнорировать позицию Лефевра д'Этапля и потому стремился подчеркнуть вклад ведущего французского гуманиста в возрождение герметизма. Но нельзя сказать, чтобы позиция Шампье получила особую поддержку среди французских мыслителей рубежа веков. Накануне Реформации во Франции под влиянием Лефевра д'Этапля и многочисленной группы его сподвижников ренессансная магия, в отличие от «древней теологии»⁵¹, не смогла дать внушительных плодов. Поглощенные активной издательской деятельностью и филологи-

⁴⁵ Rice 1971. P. 103.

⁴⁶ Dagens 1959. P. 121-122.

⁴⁷ De Bovelles 2010.

⁴⁸ De Gandillac 1973.

⁴⁹ О магии Шампье см. прежде всего: Copenhaver 1977; 1978.

⁵⁰ Marcel 1973. P. 140-142.

⁵¹ Walker 1954.

ческими штудиями, в т.ч. на греческом и древнееврейском языках, французские гуманисты и прежде всего их глава в своих устремлениях оказались гораздо ближе к Эразму Роттердамскому, чем к Марсилио Фичино. Дружба Лефевра д'Этапля с Эразмом и другими виднейшими гуманистами этого времени, без сомнения, была тому прекрасным подспорьем.

Совсем иначе обстояло дело в главной стране Реформации. В германских землях рецепция натуральной магии не имела столь явного филологического характера. Напротив, здесь магические воззрения Фичино и его коллег получили радикальное продолжение. Пожалуй, самый знаменитый пример восприятия магии Фичино и Пико – трактат знаменитого германского гуманиста Иоганна Рейхлина «О каббалистическом искусстве»⁵². По словам самого Рейхлина, при составлении этого труда им двигали амбиции первооткрывателя: вслед за тем, как Фичино вновь открыл читателю Платона, а Лефевр д'Этапл – Аристотеля, он поставил себе целью возродить истинного Пифагора. Этим объясняется его интерес к тому, чтобы посредством проникновения в мистический смысл еврейского алфавита и при помощи каббалистическо-луллианской техники комбинаторики открыть глубину христианской буквы, а значит и всего учения. Рейхлин продолжил и существенно углубил те исследования, которые в 1486 г. начал своими «900 Тезисами» Джованни Пико делла Мирандола. Близость Рейхлина к реформационным процессам только подтверждает значимость магического дискурса на рубеже XV–XVI вв. Но в данном контексте, пожалуй, более интересными выглядят два современника Рейхлина – Иоганн Тритемий и Корнелий Агриппа, послужившие прообразом самого знаменитого чернокнижника.

Бenedиктинского монаха Иоганна Тритемия нельзя назвать гуманистом: он выступал против филологических методов, которые практиковали его современники-гуманисты, ему даже принадлежит трактат, в котором критикуется книгопечатание⁵³. Однако он ни разу не выступил против учености: после того, как в 1483 г. он стал аббатом бенедиктинского монастыря в Шпонхайме, монастырская библиотека достигла пары тысяч единиц хранения. Деятельность и сочинения Тритемия четко характеризуют его отношение к знанию: истинное знание должно быть доступно только посвященным. В этом отношении бенедиктинский монах следует тезису Марсилио Фичино о «маге-священнике».

В 1499 г. он отправил аббату Арнольду Босту из Гента свой главный труд «Стеганографию», который при его жизни так и не был полностью опубликован. Несколько последующих сочинений Тритемия расширяли и продолжали идеи, заложенные в «Стеганографии». Венцом его творчества стала публикация «Полиграфии»⁵⁴, но именно в «Стегано-

⁵² *Reuchlin* 1993.

⁵³ *Trithemius* 1974.

⁵⁴ *Zambelli* 2007. P. 75-76.

графии» Тритемий впервые предложил свое видение магии, акцентировав внимание на скрытых, зашифрованных знаках и тайном письме.

Криптографические штудии позже нашли отражение в «Полиграфии». Но уже в более ранних сочинениях Тритемию удается совместить криптографию, «белую» натуральную магию флорентийцев и практические предсказания. Тритемий прямо указывает на то, что в основных положениях принимает идеи натуральной магии Фичино и Пико, включающей в себя герметизм, орфизм и каббалу. Последняя, как и луллизм, в силу очевидных причин легла в основу повествования о скрытых знаках «Стеганографии» и «Полиграфии». Кроме того, Тритемий не остается в стороне от вопроса о том, как привлекать на свою сторону духов и положительные магические энергии, не избегает астрологии. Но в отличие от итальянских мыслителей, он не ограничивается теорией, в не меньшей степени его занимает практическое применение криптографических навыков. Именно этим можно объяснить распространенное представление о Тритемию как о настоящем маге, а не простом теоретике, подобно Фичино или Пико. Формированию этой «дурной» репутации способствовало дополнительное условие: именно Тритемий в своих сочинениях впервые упоминает доктора-чернокнижника Фауста⁵⁵. Вполне возможно, что это повлияло на последующие аналогии между самим Тритемием и многими известными литературными магами. Кроме того, он иногда выступал в роли предсказателя, в т.ч. для сильных мира сего: ему принадлежит гороскоп императора Максимилиана, который стал германским ответом на обещающий неудачное будущее прогноз итальянского астролога-практика Луки Гаурико⁵⁶. Однако логично задать вопрос, по каким причинам бенедиктинский аббат, ведущий благочестивый образ жизни, обратился к магии. Вероятно, Тритемий, как и его предшественники, предполагал, что магические штудии являются действенным способом проникнуть в суть христианских вещей. Удивительно, что он был не просто магом в чистом виде, но и философом, который выше всего ставил Николая Кузанца. Сочетая философию великого соотечественника и появившиеся новые источники по магии и оккультным наукам, Тритемий хотел укрепить постепенно падающий авторитет традиционного христианского учения. Это стремление также можно объяснить тем, что Тритемий из средневековых ученых признавал только тех, кто в своем творчестве сочетал глубокие теологические изыскания и увлечение магией, прежде всего Альберта Великого⁵⁷. Поэтому «Стеганография» – не просто магическое или философское учение, но и в значительной степени религиозный текст нового типа, в котором находится место как традиционному христианству, так и оккультизму.

⁵⁵ Легенда о докторе Фаусте. С. 9-10.

⁵⁶ *Zambelli* 2007. P. 78-79.

⁵⁷ *Ibid.* P. 87, 93.

Но самым характерным магом германских земель в начале XVI в. был, несомненно, Корнелий Агриппа Неттесгеймский, ученик и последователь Тритемия. Своему знаменитому учителю Корнелий Агриппа посвятил первую редакцию «Трех книг об оккультной философии», которые были готовы уже в 1510 г., но вышли в свет только спустя более двадцати лет. Корнелий Агриппа был действительно легендарной личностью: считается, что именно он стал главным прообразом чернокнижника Фауста, продавшего душу дьяволу ради тайного и мистического знания⁵⁸. Он проник и в русскую литературу, став одним из героев романа В. Брюсова «Огненный ангел». На протяжении многих лет исследователи Агриппу изображали практикующим магом, который собрал в своей «Окультной философии» весь возможный спектр магических практик: астрологию, алхимию, нумерологию, каббалистику и пр. Согласно этой точке зрения, за наиболее известным трактатом Корнелия Агриппы, своеобразным комpendиумом магии, не стоит никакой особенной философии⁵⁹. Но в последние годы отношение к Агриппе стало меняться.

В юности Корнелий Агриппа серьезно изучал отдельные аспекты оккультных наук: например, в 1509 г. он специально поехал во Францию, чтобы лучше познакомиться с каббалой⁶⁰. К 1510 г. его знания были достаточными, чтобы составить первую часть будущего труда «Об оккультной философии», где было представлено все многообразие оккультных практик, которые, по мнению Корнелия Агриппы, могут помочь в познании основ мироздания и замысла Божия. Многие годы он продолжал углублять свои познания, и, наконец, в 1533 г. впервые полностью издал свой магический *opus magnum*⁶¹. Однако не может не вызвать вопрос любопытное совпадение: примерно в те же годы он работал, а в 1527 г. издал свой второй монументальный труд «О неточности и тщетности наук и искусств»⁶². В нем Корнелий Агриппа откровенно издевается над магами и насмехается над своими прежними магическими интересами. Правда, в этом труде он резко критикует не только магию и астрологию, но и весь спектр известных ему наук и искусств⁶³. Очевидно, что на этом этапе творчества Корнелий Агриппа испытал сильнейшее влияние скептической традиции и наследия Секста Эмпирика, к возрождению которых приложил руку Джован Франческо Пико делла Мирандола. Корнелий Агриппа был хорошо знаком с трудами младшего Пико и, по-видимому, вдохновился ими в собственном опровержении наук и

⁵⁸ Yates 1979. P. 116-117; Zambelli 2007. P. 115-116.

⁵⁹ См., в частности: Йеймс 2000. С. 125-137.

⁶⁰ Popkin 1979. P. 23-26.

⁶¹ В 1531 г. первая книга трактата была опубликована в Париже и ряде других городов. Только спустя два года в Кельне вышел полный текст: Van Der Poel 1997. P. 44. Текст трактата и история его создания в: Cornelius Agrippa 1992.

⁶² Cornelius Agrippa 2004.

⁶³ О скептицизме Корнелия Агриппы: Perrone 2009.

искусств⁶⁴. Контекст возникновения трактата «О неточности и тщетности» делает его даже более существенным для понимания возрождения скептической традиции, чем, например, общеизвестное сочинение Мишеля Монтеня. Так, Корнелий Агриппа полностью отвергает принятый им ранее тезис учения Фичино и Джованни Пико об учено-маге и о существовании «древней теологии», которую нужно считать предшественницей христианства. Корнелий Агриппа заявляет, что древние теологи и философы (в их число он включает Платона) не заслуживают никаких упоминаний, поскольку они были мастерами говорить нелепости. Но в том же трактате Корнелий Агриппа дает важное указание, зачем ему понадобилось публиковать текст, от которого уже вскоре он категорически откажется. Он замечает, что «хотел бы показать, каким заблуждениям по причине любопытства он был подвержен в молодости». Эта фраза позволяет понять, что трактат «Об оккультной философии» был опубликован именно с этой целью, а Агриппа, который воспринимал магию и оккультизм как своего рода философско-религиозное учение в традиции Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, затем понял тщетность своих занятий и потому, для низвержения никчемного и вредного знания, написал свой труд «О неточности и тщетности наук и искусств». Фигура Корнелия Агриппа, таким образом, получает особое значение и в условиях бушующей Реформации знаменует собой разочарование в доктрине «древней теологии» и ее магических основаниях.

На рубеже XV–XVI вв., в условиях нарастающего духовного кризиса, магия получила особый статус. В трудах Фичино и Джованни Пико делла Мирандола впервые была предпринята попытка придать магии, важнейшей составляющей «древней теологии», статус предтечи христианства. Предложенная ими модель конструирования новой картины развития христианства стала популярной не только в Италии, но и за ее пределами. Однако вскоре попытка «реформировать» христианское вероучение на основе Платона и каббалы примерно за тридцать лет до начала Реформации потерпела крах. Во Франции, где Лефевр д'Этабль первоначально питал нескрываемое восхищение перед старшими коллегами из Италии, идеи Фичино и Пико получили принципиально иное воплощение: под воздействием Лефевра д'Этапля место Платона в качестве главного философского авторитета занял Аристотель, а «древняя теология» стала составной частью средневековой религиозной мистики. В Германии же, несмотря на небывалый рост магических спекуляций, к 1520-м гг., когда Реформацию уже было не остановить, бесперспективность модели Фичино стала очевидной. Скептицизм Корнелия Агриппы служит наиболее ярким подтверждением тому, что высокая натуральная магия Фичино и его последователей на данном этапе утратила свое религиозно-философское значение.

⁶⁴ Zambelli 2007. P. 134.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акопян О. Л. Критика астрологии и магии в трудах Джованни Пико делла Мирандола (1486–1493) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. 2013. С. 3–19.
- Акопян О. Л. Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV – начала XVI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2014.
- Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии / Пер. В. А. Мильчиной. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Воскобойников О. С. О языке средневековой астрологии (о применении риторических понятий в истории культуры) // Одиссей. 2007. С. 82–110.
- Гуревич А. Я. Исторический синтез и «Школа анналов». М.: Индрик, 1993.
- Иейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: НЛО, 2000.
- Легенда о докторе Фаусте / Под ред. В. М. Жирмунского. М.: Наука, 1978.
- Парижское осуждение 1277 года / Вступительная статья и перевод О.Л. Акопяна // Inter Esse. №1 (осень-зима). 2011–2012. С. 117–127.
- Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003.
- Фичино М. Книга о Солнце к великодушному Пьеро де' Медичи / пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. 2014. С. 455–485.
- Юнг К. Г. Дух Меркурий / Пер. А. В. Гараджи. М.: Канон, 1996.
- Акопян О. Л. Kritika astrologii i magii v trudakh Dzhovanni Piko della Mirandola (1486–1493) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. № 3. 2013. S. 3–19.
- Акопян О. Л. Spory ob astrologii v renessansnoi mysli vtoroi poloviny XV – nachala XVI veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskih nauk. M.: MGU, 2014.
- Блок М. Koroli-chudotvortsy. Ocherk predstavlenii o sverkh"estvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i Anglii / Per. V. A. Mil'chinoi. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.
- Voskoboinikov O. S. O yazyke srednevekovoii astrologii (o primenении ritoricheskikh ponyatii v istorii kul'tury) // Odissei. 2007. S. 82–110.
- Gurevich A. Ya. Istoricheskii sintez i «Shkola annalov». M.: Indrik, 1993.
- Ieits F. A. Dzhordano Bruno i germeticheskaya traditsiya. M.: NLO, 2000.
- Legenda o doktore Fauste / Pod red. V. M. Zhirmunskogo. M.: Nauka, 1978.
- Parizhsкое osuzhdenie 1277 goda / Vstupitel'naya stat'ya i perevod O.L. Akopyana // Inter Esse. №1 (osen'-zima). 2011–2012. S. 117–127.
- Slovar' srednevekovoii kul'tury / Pod red. A.Ya. Gurevicha. M.: ROSSPEN, 2003.
- Fichino M. Kniga o Solntse k velikodushnomu P'ero de' Medichi / per. O.L. Akopyana // Platonovskie issledovaniya. 2014. S. 455–485.
- Yung K. G. Dukh Merkurii / Per. A. V. Garadzhi. M.: Kanon, 1996.
- Allen M.J.B. The Platonism of Marsilio Ficino. A Study in his "Phaedrus" Commentary, its Sources and Genesis. Berkeley; Los Angeles; London: Un-ty of California Press, 1984.
- Allen M.J.B. The Synoptic Art. Marsilio Ficino on the History of Platonic Interpretation. Firenze: Olschki, 1998.
- Cao G. M. *Inter alias philosophorum gentium sectas, et humani, et mites*: Gianfrancesco Pico and the Sceptics // Renaissance Scepticisms / Ed. G. Paganini and J.R. Maia Neto. Dordrecht: Springer, 2009. P. 127-147.
- Cao G. M. Scepticism and Orthodoxy. Gianfrancesco Pico as a Reader of Sextus Empiricus. With a Facing Text of Pico's Quotations from Sextus // Bruniana & Campanelliana. XIII, 1. 2007. P. 263-366.

- Cao G. M. The Prehistory of Modern Scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 64. 2001. P. 229-280.
- Copenhaver B. Lefèvre d'Étaples, Symphorien Champier, and the Secret Names of God // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 40. 1977. P. 189-211.
- Copenhaver B. Secret of Pico's *Oration*: Cabala and Renaissance Philosophy // Midwest Studies in Philosophy. XXVI. 2002. P. 56-81.
- Copenhaver B. Symphorien Champier and the Reception of the Occultist Tradition in Renaissance France. The Hague: De Gruyter, 1978.
- Cornelius Agrippa. De occulta philosophia, libri tres / Ed. V. Perrone Compagni. Leiden; Boston: Brill, 1992.
- Dagens J. Humanisme et évangélisme chez Lefevre d'Étaples // Courants religieux et humanisme à la fin du XVe et au début du XVIe siècle. Paris: PUF, 1959. P. 121-134.
- De Bovelles C. Le livre du sage / Ed. P. Magnard. Paris: Vrin, 2010.
- De Pace A. Niccolò Copernico e la fondazione del cosmo eliocentrico. Milano: Mondadori, 2009.
- Euler W.A. "Pia philosophia" et "docta religio": Theologie und Religion bei Marsilio Ficino and Giovanni Pico della Mirandola. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998.
- Farmer S.A. Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical System. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.
- Ficino M. Dionysii Areopagitae De mystica theologia, De divinis nominibus. Interprete Marsilio Ficino / Ed. P. Podolak. Napoli: D'Auria, 2011.
- Ficino M. Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae: Ex officina Henrici Petrina, 1576.
- Ficino M. On Dionysius the Areopagite / Ed. and trans. M.J.B. Allen. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2015.
- Garin E. Giovanni Pico della Mirandola: vita e dottrina. Firenze: Le Monnier 1937.
- Hankins J. Galileo, Ficino and Renaissance Platonism // Humanism and Early Modern Philosophy / Ed. by J. Kraye and M. W. F. Stone. L.: Routledge, 2000. P. 209-237.
- Idel M. *Prisca theologia* in Marsilio Ficino and in Some Jewish Treatments // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. by M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 137-158.
- Knox D. Ficino, Copernicus and Bruno on the Motion of the Earth // Bruniana & Campanelliana. Vol. 5. 1999. P. 333-366.
- Knox D. Ficino and Copernicus // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. by M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 399-418.
- Leinkauf T. Marsilio Ficino e lo Pseudo-Dionigi: ricezione e trasformazione // Le Pseudo-Denys à la Renaissance / Ed. St.Toussaint et Chr. Trottmann. Paris: Champion, 2013. P. 127-142.
- L'humanisme français au début de la Renaissance / Ed. A. Stegmann. Paris: Vrin, 1973.
- Masour-Matusevich Y. Le siècle d'or de la mystique française. De Jean Gerson à Jacques Lefèvre d'Étaples. Paris; Milan: Archè, 2004.
- Perrone Compagni V. *Tutius ignorare quam scire*: Cornelius Agrippa and Scepticism // Renaissance Scepticisms / Ed. G. Paganini and J. R. Maia Neto. Dordrecht: Springer, 2009. P. 91-110.
- Pico della Mirandola G. Ioannis Pici Mirandulae expositiones in Psalmos / A cura di A. Raspanti. Firenze: Olschki, 1997.
- Pompeo Faracovi O. Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999.
- Popkin R. The History of Scepticism from Erasmus to Spinoza. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979.
- Rabin S. Two Renaissance Views of Astrology: Pico and Kepler. Ph.D. dissertation, City University of New York, 1987.

- Renaudet A.* Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie: 1494-1517. Genève: Slatkine, 1981.
- Reuchlin J.* On the Art of the Kabbalah / Ed. G. Lloyd Jones, trans. M. and S. Goodman. Nebraska: University of Nebraska Press, 1993.
- Rice E., Jr.* Humanist Aristotelianism in France. Jacques Lefevre d'Étaples and His Circle // Humanism in France at the End of the Middle Ages and in the Early Renaissance / Ed. A.H.T. Levi. Manchester: Manchester University Press, 1970. P. 132-149.
- Rice E., Jr.* Jacques Lefevre d'Étaples and the Medieval Christian mystics // Florilegium historiale. Essays Presented to Wallace K. Ferguson / Ed. J.G. Rowe and W.H. Stockdale. Toronto: University of Toronto Press, 1971. P. 90-124.
- Secret F.* I cabbalisti cristiani del Rinascimento. Roma: Arkeios, 2001.
- Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science. 8 voll. N.Y.: Columbia University Press, 1923-1958.
- Thorndike L.* The True Place of Astrology in the History of Science // Isis. Vol. 46. № 3. September 1955. P. 273-278.
- Trithemius J.* In Praise of Scribes (De laude scriptorum) / Ed. K. Arnold. Lawrence: Corono Press, 1974.
- Van Der Poel M.* Cornelius Agrippa: The Humanist Theologian and His Declamations. Leiden; Boston: Brill, 1997.
- Vanhaelen M.* Ficino's Commentary on St Paul's First Epistle to the Romans (1497): an Anti-Savonarolian Reading of Vision and Prophecy // The Rebirth of Platonic Theology. For Michael J. B. Allen / Ed. J. Hankins and F. Meri. Firenze: Olschki, 2013. P. 205-233.
- Vasoli C.* Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. P. 16-29.
- Vasoli C.* Studi della cultura del Rinascimento. Manduria: Lacaita, 1968.
- Walker D.P.* The Prisca Theologia in France // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 17. 3-4. 1954. P. 204-259.
- Wirszubski C.* Pic de la Mirandole et la cabale. Paris; Tel-Aviv: Éditions de l'Éclat, 2007.
- Yates F.A.* The Occult Philosophy in the Elizabethan Age. London: Routledge, 1979.
- Zambelli P.* White Magic, Black Magic in the European Renaissance. Leiden, Boston: Brill, 2007.

Акопян Ованес Львович, кандидат исторических наук, докторант Центра по изучению Ренессанса, Уорикский Университет, Великобритания; *O.Akopyan@warwick.ac.uk*

Renaissance magic as spiritual phenomenon (late 15th – early 16th century texts)

The article deals with the place of magic in the works of leading Renaissance thinkers of the late fifteenth and early sixteenth centuries. On the basis of the writings of Italian, French and German philosophers and humanists, the author states that in that period magic was closely related to philosophical and especially religious questions.

Keywords: Renaissance, Magic, Astrology, Marsilio Ficino, Giovanni Pico della Mirandola, Jacques Lefèvre D'Étaples.

Ovanes Akopyan, PhD candidate, Centre for the Study of the Renaissance, University of Warwick, United Kingdom; *ovanes.akopyan@gmail.com*; *O.Akopyan@warwick.ac.uk*

ФАКТ ИЛИ ПРОЦЕСС: АНГЛИЙСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА И СТА- НОВЛЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИОПИСАНИЯ¹

В статье рассматривается влияние, которое оказывали на развитие методологии исторического описания две английские юридические корпорации: судебные инны, представлявшие общее право, и Община докторов (гражданское право). Систематизация практик прецедентного общего права, привела к становлению концепции «факта». Английские юристы опирались на динамичную по своей сути систему текстов, обеспечивавших рецепцию римского права в разных историко-культурных условиях. Развитие права и формирование административных институтов воспринималось гражданско-правовой традицией как динамичный и непрерывный системный процесс.

Ключевые слова: факт, процесс, гражданское право, общее право, Эдвард Кок, Джон Сэлден, Альберико Джентили, Артур Дак, Стюарты, Англия.

Начало XVII века в истории исторического знания справедливо считается периодом поиска новых методов исследования прошлого, способов анализа событий и форм организации нарратива. Процесс формирования национальных монархий, а позднее – реформационные преобразования определили ряд новых запросов к историческому знанию и его создателям со стороны власти как светской, так и духовной. По сравнению со Средневековьем значительно увеличилась аудитория потребителей исторических текстов, не только за счет формирующихся социальных элит и религиозных конфессий, но также за счет возникновения и активного развития разнообразных и многочисленных профессиональных групп. Нельзя не упомянуть также об изменении форм распространения и циркулирования информации исторической направленности.

Одним из важных следствий перечисленных выше процессов было существенное изменение роли и функций исторического знания в европейском обществе. Несмотря на то, что теоретический самостоятельный статус истории в системе изучаемых дисциплин все еще оставался неопределенным, ее практическое, утилитарное значение становилось все более заметным². С одной стороны, подобная ситуация складывалась вследствие постепенного формирования утилитаристского подхода к знанию в целом, а с другой – именно исторические нарративы оказывались одним из самых удобных и гибких – а значит, широко используемых средств для решения тех специфических задач, которые стояли перед монаршей властью и церковью в раннее Новое время³. В период классического средневековья область практического применения исто-

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-01-00214.

² History and the Disciplines... 2006.

³ Woolf 2006. P. 31–68.

рии ограничивалась преимущественно морально-этическими вопросами. Теперь же прошлое не только актуализировалось и включалось в современные политические, правовые и религиозные дискуссии, но также становилось основой для структурирования, трансформации и последующего конструирования социальной реальности. Традиционное для Средневековья понимание истории как *narratio rerum*⁴, т.е. повествования о деяниях, в значительной мере изменяется.

Наряду с характерными для общеевропейского интеллектуального поиска тенденциями развитие исторической культуры в Англии имело характерные региональные черты. Специфика административно-правовой организации островного королевства и его политической истории, фрагментированность интеллектуальной жизни Англии в целом и многообразие формирующихся дискурсов, развивавшихся в процессе становления многочисленных корпораций и профессиональных групп определили разнообразие путей этого поиска на Британских островах.

Несмотря на то, что длительное время тюдоровская и раннестюартовская эпохи связывались прежде всего с ренессансными и гуманистическими элементами, не менее очевидным проявлением культуры XVI–XVII вв. оставался характерный для Англии традиционализм⁵. Цельный ряд развивавшихся на протяжении Средневековья жанровых форм и приемов не утратил своего значения, претерпев повторную актуализацию. Отчасти это было обусловлено островным положением Англии и ее удаленностью от главных интеллектуальных центров континента. Но что гораздо более важно, данное явление было непосредственно связано с политикой Тюдоров и Стюартов, для которых континуитет монархической власти и широко понимаемой «древней конституции» был основополагающим элементом легитимации собственного правления.

Так, в «Британии»⁶ Уильяма Кемдена – сочинении, которое справедливо считается одним из базовых текстов в процессе конструирования национальной идентичности англичан, воспроизводились описательные схемы, сюжеты и риторика, которые традиционно использовались многими поколениями английских историков, начиная с великого основателя британского историописания – Беды Достопочтенного. Кроме того, интеллектуальной культуре Англии не было свойственно негативное отношение к наследию Средневековья; напротив, многократно воспроизводимые сюжеты, призванные продемонстрировать континуи-

⁴ Isidore of Seville. *The Etymologies*. . . 2006. P. 67.

⁵ Так, первый профессор Кемденовской кафедры истории в Оксфордском университете Дигори Уэр (назначен в 1622 г.) в своем программном сочинении «Метод и порядок изучения древней истории» воспроизводит не только вполне узнаваемую схему периодизации истории по империям и царствам, восходящую к Августину и Исидору, но и столь же узнаваемый круг текстов, необходимых для прочтения студентами университета. Wheare 1623.

⁶ Camden 1590.

тет власти сменяющих друг друга монархов и властных институтов, обрели необходимый авторитет за счет использования хорошо известного набора средневековых исторических и политико-правовых нарративов. Впрочем, традиционализм отнюдь не отменял возникновения методологических новаций в английском историописании, и даже в определенной мере стимулировал их, диктуя необходимость адаптации хорошо известного материала к меняющимся социокультурным условиям. Наиболее ярким примером плодотворного поиска в области критики источников и организации нарратива является наследие английских антиквариев. Как содержательные, так и методологические аспекты текстов, в течение нескольких десятилетий создаваемых группой лондонских интеллектуалов – учеников и последователей Кемдена, в последнее время привлекают пристальное внимание историков⁷. Одним из самых любопытных и показательных элементов формирования антикварной методологии было заимствование приемов работы с материалом из практики профессиональных сообществ. Прежде всего речь шла о применении в исторических штудиях принципов и концепций, выработанных ранее в рамках корпорации юристов английского общего права.

Необходимо отметить, что английское юридическое сообщество в XVI–XVII вв. также находилось в динамичном состоянии интеллектуального поиска. В историографии до последнего времени господствовало убеждение, что корпорация и институты общего права, начавшие формироваться в XIII в., пережили расцвет уже в классическом Средневековье, и в начале стюартовского правления представляли собой завершенную и устойчивую правовую систему. Это представление, во многом основанное на текстах, которые создавались и широко пропагандировались элитой судебных иннов в XVI–XVII вв., в настоящее время порождает среди исследователей ряд сомнений, а сам процесс развития общего права представляется как гораздо более протяженный во времени⁸.

Прецедентный характер общего права и понимание его, прежде всего, как совокупности практик в значительной мере замедляли процесс рефлексии о главных принципах и концепциях данной правовой системы. Средневековые тексты, которые впоследствии были провозглашены основополагающими для последующей традиции (Гланвилл⁹, Брактон¹⁰, Литтлтон¹¹, «Флета»¹² и др.) при всей своей значимости носили скорее описательный, нежели рефлексивный характер. В XVI и начале XVII в. теоретики общего права – Кристофер Сен-Жермен, Эд-

⁷ Паламарчук, Федоров 2013; Паламарчук 2006; Пронина 2012; Зверева 2003; Parry 2007; Lancaster 1999.

⁸ Milsom 2003.

⁹ Glanvill 1554.

¹⁰ Bracton 1968.

¹¹ Littleton 2006.

¹² Fleta... 1647.

вард Кок, Джон Сэлден активно формулируют теоретические основы концепций, выводимых из устоявшихся судебно-административных практик. Все это говорит о том, что развитие методологии историописания и заимствуемых правовых концепций проходило если не одновременно, то с минимальным хронологическим разрывом.

Понятие факта было одним из ключевых концептов, разработанных в рамках практик судов общего права, интеллектуализированным и эффективно адаптированным в раннеюстициальном историописании, а также в богословском и политическом дискурсе.

Как предполагает С.Ф. Милсом¹³, на ранних этапах формирования общего права действия присяжных и сама суть этого института были во многом аналогичны общегерманскому институту ордалий. Выносимый ими вердикт относительно виновности или невиновности представлял собой не результат разумного осмысления той или иной ситуации отдельными людьми, но воспринимался как провозглашение божественной воли. Именно поэтому большое внимание уделялось репутации и моральному облику «двенадцати достойных мужей». Позднее, с развитием центральных институтов общего права, становлением профессионального обучения юристов в судебных иннах и вытекавшей из этого неизбежной интеллектуализации профессии, а также в связи с расширением и усилением влияния корпорации вестминстерских судов, формируется гораздо более рационалистическая концепция того, что же происходило в ходе судебного процесса, открывавшегося покупкой т.н. судебного предписания и заканчивавшегося вынесением приговора. Согласованность общего права и разума отмечалась уже Брактоном; Кок, опираясь на трактат Литтлтона, комментарий к которому он создал¹⁴, формулирует определение общего права как «искусственного разума»¹⁵. Постепенно все большая роль в сохранении и воплощении этого «искусственного разума» отводилась сообществу профессиональных юристов.

Концепция Кока означала переосмысление и иных явлений в практике судов общего права. Так, поскольку от суда требовалось уже не распознавание божественной воли, а рационально вынесенное решение, к присяжным предъявлялись несколько иные требования, связанные не столько с их нравственными качествами, сколько со способностью мыслить и оценивать рационально: они должны были проживать в той местности, где произошло правонарушение (и, следовательно, быть знакомы с локальными условиями), находиться в здравом уме и твердой памяти, иметь репутацию мудрых и сведущих особ. Сходные требования предъявлялись и к свидетелям, высокий социальный статус и образованность которых повышали уровень доверия к их показаниям¹⁶. Прощение истца

¹³ Milsom 1985. P. 172-173; 1969.

¹⁴ Coke 1684. P. 8.

¹⁵ Underwood 1968.

¹⁶ Shapiro 2000. P. 11-14.

об издании предписания должно было не только содержать жалобу на то, что с ним поступили несправедливо, но и развернутое изложение событий, предшествовавших правонарушению. Подобного рода «факты» образовывали доказательную цепочку, призванную продемонстрировать необходимость в разбирательстве. Дальнейший ход разбирательства в судах общего права состоял в поиске, отборе и осмыслении аналогичных случаев, рассмотренных прежде, и в проведении аналогий между предшествующими прецедентами и современностью.

При этом каждый прецедент мыслился как завершенное, исключительное и в значительной мере изолированное явление. Целостность и преемственность традиции английского права обеспечивалась интеллектуальной и профессиональной деятельностью юристов, устанавливавших аналогии между различными событиями, судебными решениями и текстами. Здесь необходимо упомянуть также о риторике «беспристрастности», которая в избытке присутствует в трудах раннеюэртонских теоретиков общего права. Возможно, что акцентирование этой категории было связано не только с менявшимися представлениями о роли судьи, но и формирующейся рефлексией корпорации юристов общего права о себе самой. Именно заявления об изначально присущей юристам вестминстерской корпорации беспристрастности в изложении событий давали им основания предъявлять претензии на роль арбитра по отношению к короне и иным корпорациям. Эти претензии стали особенно очевидными в раннеюэртонский период и во многом послужили прологом к конституционному конфликту 1640-х гг.

Стремление элиты судей дать определения ключевым понятиям общего права, сформулировать принципы его действия и систематизировать имеющийся в наличии материал привели к формированию того, что Х. Дж. Берман назвал «исторической юриспруденцией»¹⁷. Главная роль в этом процессе традиционно отводится двум выдающимся интеллектуалам – юристам общего права; Коку и Сэлдену, однако схожие установки содержались и в текстах их многочисленных коллег по корпорации – Томаса Эгертон, барона Эллисмера¹⁸, Френсиса Бэкона, Джона Дэвиса, Кристофера Йелвертона. На данном этапе речь шла уже не просто о техническом использовании прецедентов, относившихся к весьма далекому прошлому в тех или иных судебных разбирательствах. Отбор отдельных «фактов»-прецедентов и их интерпретация как единой логической последовательности служили для обоснования идей, призванных обеспечить статус юристов общего права как доминирующей и подлинно национальной правовой системы королевства. Совокупность этих последовательностей, представленная в масштабных «Отчетах» и «Институциях» Кока, была призвана продемонстрировать системообразующую роль

¹⁷ Berman 1994.

¹⁸ Knafla 1977.

общего права в многовековой истории английской монархии. Восприятие прецедента как изолированного и «объективного» факта было в этом контексте особенно важным: в дискурсе общего права именно большое число и повторяемость аналогичных прецедентов-«фактов» становилось лучшей доказательной базой выдвигаемых теоретиками постулатов. Изложение прецедентов в их хронологической последовательности демонстрировало общее право в его исторической ретроспективе, что, парадоксальным образом, было призвано показать не его динамику, но, напротив, неизменность его основ и преемственность институтов.

Юрист-практик и антикварий Джон Сэлден продемонстрировал, насколько легко данный методологический прием можно было использовать в исторических штудиях. Показательно, что если для Кока право и история были дисциплинами, отличными друг от друга, то у Сэлдена граница между ними отсутствовала. Тексты Сэлдена¹⁹, как и большинство антикварных трактатов, полностью лишены сюжетности или событийности. Они представляют собой концептуализированный подбор исторических «прецедентов», благодаря которому читатель, выступающий в роли судьи, должен сформулировать для себя и убедиться в правильности ключевых идей: избранности английской монархии среди прочих европейских наций, определяющей роли судебно-административных институтов общего права в ее истории, континуитета этих институтов начиная с англо-саксонской эпохи и т.д.

Сэлден обогащает разработанный им метод историописания требованием подлинности и достоверности прецедентов-фактов, привлекаемых им в качестве доказательств. Таким образом, из числа авторитетных свидетельств он стремится исключить все, что сближало историю и поэзию – легенды, не подтвержденные документами описания и т.п.²⁰ С точки зрения Сэлдена, все это было бесполезным в определении «сути факта» (*matter of fact*), т.е. для констатации совершившегося события. Впрочем, это не означало отказ юриста-антиквария от цитирования, например, древнеанглийской или античной поэзии и фрагментов средневековых хроник, но подобные цитирования производятся уже не с целью извлечения информации, а чтобы продемонстрировать употребление того или иного понятия или термина. Круг самодостаточных изолированных «фактов», используемых Сэлденом и его коллегами по антикварным штудиям, практически бесконечно расширяется за счет привлечения как разнообразных текстов (самыми авторитетными среди них являются тексты, связанные с судебной и законодательной деятельностью, документы и лишь в последнюю очередь нарративы), так и за счет освоения нетекстовых источников – монет, печатей, карт, надписей на

¹⁹ Selden 1771; The Duello or single combat... 1610; The History of Tithes... 1618; Selden 1614; The Works of John Selden. 1726.

²⁰ Selden 1771. P. 1-3.

монументах и надгробиях и др. Каждое из таких свидетельств подвергается критическому анализу, призванному определить его подлинность.

Говоря о влиянии правовой культуры на развитие историописания, следует упомянуть, что общее право не было единственной правовой системой, существовавшей в Англии. Каноническое и гражданское право основывались на интеллектуальных традициях, которые были гораздо более древними, чем общее право, и являлись органичной частью общеевропейской истории. Английские юристы, сыгравшие заметную роль в политической и интеллектуальной жизни позднетюдоровской и раннестuartовской эпохи, также выработали характерные для данной корпорации подходы к историческому знанию.

Истоки корпорации английских юристов восходят к рубежу XII–XIII вв., когда сначала в Оксфорде, а чуть позднее – в Кембридже началось преподавание канонического и гражданского права. Студенты-англичане нередко продолжали и дополняли свое обучение в континентальных университетах – в Болонье и Париже; универсальный характер присуждаемой докторской степени с самого начала предопределил не столько внутрианглийскую, сколько общеевропейскую ориентированность гражданского дискурса. С 1511 г. юристы Лондона объединяются в собственную корпорацию – «ассоциацию докторов права и адвокатов при церкви Христа в Кентербери», которая вошла в историю под названием «Общины докторов» (Doctors' Commons)²¹.

В интеллектуальной системе средневекового мира каноническое и гражданское право в качестве самостоятельных, но не до конца автономных дисциплин, занимали вполне определенное и престижное место, а их изучение было институализировано благодаря юридическим факультетам, возникшим в большинстве европейских университетов. В схоластической системе знания вопросы правового характера, являвшие собой органическое развитие основополагающих богословских и философских принципов, имели внеисторический, метафизический характер. Так, для Фомы Аквинского существовало три иерархически неравных вида права: *lex aeterna* – нормативный план мироустройства, существующий в уме Бога; *lex naturae*, тесно связанный с *lex aeterna*, но обнаруживающийся в человеческом разуме, и *lex humana*, который является правом лишь в той степени, в которой основывается на *lex aeterna* и *lex naturae*. Основной характеристикой всех трех видов права в томистской традиции было то, что право воспринималось как нечто, принадлежащее разуму (*aliquid pertinens ad rationem*) – божественному, человеческому разуму как таковому или т.н. «практическому разуму». Неизменность божественного и естественного права предполагала, в свою очередь, неизменность тех принципов, которые формировали *lex humana*²².

²¹ Паламарчук 2012. С. 60–68; Coquillotte 1981. P. 1–89.

²² Thomas Aquinas. Treatise on law... 2001; McInnery 1992. P. 108.

Однако процессы, связанные с рецепцией позднеантичного права в Европе, делали схоластическую картину восприятия права более динамичной. Несмотря на то, что в позднеримской культуре «право града» (*jus civile*) воспринималось как воплощение вневременных и универсальных принципов человеческого бытия, необходимость применения максим юстиниановского Кодекса к реалиям феодальной Европы неизбежно ставила вопрос о возможности историзации правовых норм. Идеи Бартоло ди Сассоферрато (1313–1357) открыли плодотворные перспективы для его дальнейшего обсуждения не только в среде итальянских постглоссаторов, но и, позднее, в локальных правовых школах европейских монархий раннего Нового времени.

Проблемы, над которыми размышлял Бартоло в своих комментариях на разные части *Corpus juris civilis*²³ и в *Consilia*²⁴, во многом сводились к способам понимания верховной власти, а также предполагали обсуждение механизмов сосуществования универсальной империи и конкретных автономных городов-государств (результатом стал сформулированный Бартоло принцип *civitas sibi princeps*). Логичным условием для этого была адаптация права античного Рима к отделенным от него хронологически обычаям и практикам, складывавшимся в средневековой Европе. Однако для подобной адаптации необходимо было признать, что кодекс Юстиниана, составители которого претендовали на универсальный и окончательный характер своего знания, не регулирует или, по крайней мере, не дает окончательного решения на вопросы, порожденные современным Бартоло обществом. Соответственно, ему предстояло выработать такую логику, которая позволяла бы достигать компромисса в ситуациях, когда нормы *Corpus juris civilis* оказывались недостаточными или их применение в современных условиях было неоднозначным²⁵. Хорошо известный Бартоло фрагмент Дигест (D. 1.3. 32–37)²⁶ санкционировал сосуществование кодифицированного и обычного права в пре-

²³ Bartolo de Saxoferrato 1520.

²⁴ Bartolo de Saxoferrato 1589.

²⁵ Подробно об этой проблеме см.: Bartolus on the conflict of laws... 2003.

²⁶ «Если мы не имеем писаных законов для каких-либо дел, то следует соблюдать установленное нравами и обычаям; а если этого нет для какого-либо дела, то (следует соблюдать) наиболее близкое и вытекающее из последнего (правило); если и этого не оказывается, то следует применять право, которым пользуется город Рим. § 1. Прежний укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон. 33. (Ульпиан). Долго применявшийся обычай следует соблюдать как право и закон в тех случаях, когда не имеется писаного (закона). 35. (Гермогениан). Но и, то, что одобрено долговременным обычаем и соблюдалось в течение многих лет, должно быть соблюдаемо как молчаливое соглашение граждан не менее, чем записанное право. 36. (Павел). Это право (обычное право) пользуется тем большим авторитетом, что доказано отсутствие необходимости придать ему письменную форму. 37. (Павел). Если дело идет о толковании закона, то прежде всего следует выяснять, каким правом пользовалось государство ранее в случаях такого рода; ибо обычай является лучшим толкователем закона» (D. 1.3. 32–37). (Памятники римского права. С. 115).

делах конкретного государства; римское право при этом представляло собой системообразующую основу, а обычай заполнял лакуны, возникшие благодаря региональной и временной специфике. Таким образом неизменно актуальные принципы, сформулированные римскими юристами, дополнялись исторически и культурно обусловленным «обычаем», а правовые нормы обретали хронологическую динамику.

Подход, выработанный Бартоло для итальянских городов-государств, оказался в высшей степени актуальным для английских цивилистов в XVI и XVII столетиях. Именно в этот период юридическая корпорация цивилистов переживает подлинный расцвет, связанный, главным образом, с востребованностью цивилистской рефлексии тюдоровской и раннестюартовской монархией. Сам термин «цивильное право» (*civil law*), используемый в раннестюартовской Англии, указывал на реалии гораздо более значительные, чем собственно право римское (*roman law*). Помимо текстов Кодекса цивилисты опирались на трактаты глоссаторов и комментаторов, прежде всего Бартоло, а также оперировали обширным объемом современной им юридической литературы, создаваемой на континенте²⁷. Кроме того, в силу особенностей институционализации цивильного права в Англии юристами Общины докторов использовался комплекс источников по морскому праву²⁸, а также парламентские статуты. Таким образом, в силу постоянного обращения к исторически разнородному материалу цивилисты опирались на открытую, но при этом внутренне непротиворечивую систему текстов, в которой каждая составляющая не была самодостаточной и изолированной от остальных.

Принято считать, что историческая тематика как таковая присутствует в наследии цивилистов гораздо в меньшей степени, чем в трудах юристов общего права, однако это не совсем верно. Привлечение текстов Античности и Средневековья в их последовательности и взаимосвязи для цивилистов было необходимым инструментом построения собственной корпоративной традиции, аналогичным подбору прецедентов для юристов общего права. Демонстрируя то, как гибко тексты Юстиниана адаптировались сначала к реалиям этнически не-римских обществ (на территориях покоренных Римом германских народов, впоследствии романизированных), а затем, благодаря трудам глоссаторов и комментато-

²⁷ Авторами, к цитированию которых английские цивилисты прибегали в своих трактатах, были представители двух авторитетных континентальных правовых школ – французской и испанской, к которой уже в середине XVII в. добавится нидерландская школа. Французская школа, или *mos gallicus*, имела ярко выраженную гуманистическую направленность (среди ее представителей следует назвать Жака Кужа, Гийома Бюде, Франсуа Отмана, Андреа Альциати, Ульриха Цази). Среди испанских правоведов, представлявших неосхоластическую томистскую традицию, следует назвать интеллектуалов саламанкской школы – Франсиско де Витория, Доминго де Сото, Луиса де Молины, Франсиско Суареса.

²⁸ *The Black book of Admiralty*... 1871.

ров, к реалиям итальянских *civitates*, они предполагали, что именно нормы цивильного права оптимальным образом будут способствовать реализации имперской идеи, развиваемой Тюдорами начиная с правления Генриха VIII, а впоследствии Стюартами.

Среди плеяды выдающихся цивилистов позднетюдоровской и раннестюартовской эпохи авторами сочинений по истории права были двое: Альберико Джентили и Артур Дак.

В 1599 г. Альберико Джентили, уже девятнадцать лет находившийся в должности профессора Королевской кафедры в Оксфорде, опубликовал трактат «О войнах римлян»²⁹. Повествование состояло из двух частей: первая была посвящена обличению захватнических войн Рима, а вторая – их оправданию; таким образом, структура трактата напоминала одновременно как гуманистический диалог (на его страницах Джентили демонстрировал знание не только права, но и античной исторической литературы) и схоластический спор (изданию трактата предшествовали две лекции Джентили в Оксфорде). Обобщенный и концептуализированный процесс построения Империи предлагался английской монархии как модель и перспектива развития общества. Повествование Джентили динамично: он последовательно рассматривает основные этапы римской экспансии сначала в Италии, а потом вне ее пределов. Однако истинной целью Джентили было не написание собственно римской истории, а решение более важной структурной задачи.

На страницах трактата Джентили вступает в скрытую методологическую полемику с юристами общего права: во второй части трактата Римлянин, с позиции которого отождествляет себя автор, превозносит античных историописателей, «кои были достаточно умны, чтобы из многочисленных и разнящихся мнений выбрать наиболее правильные благодаря дару распознавания, которым они наделены, и из противоречащих друг другу мнений избрать те, которые являются наиболее справедливыми, благодаря приобретенной ими учености... Этого не могут сделать присяжные, по большей части необразованные и не имеющие опыта, а также неизменно пристрастные»³⁰. Это высказывание содержит негативную оценку используемого теоретиками общего права метода, в котором роль свидетелей отводилась документам и источникам, а читатели уподоблялись присяжным, самостоятельно оценивающим ложность или истинность того или иного исторического «прецедента». «Методы суда присяжных и историка вовсе не одинаковы», – резюмирует Джентили.

С точки зрения Джентили, императорская власть в Риме была высшей ступенью развития античного общества и являлась в его понимании «абсолютной» (а значит – не зависела от какой-либо вышестоящей инстанции и объединяла различные этнотерриториальные образования, а

²⁹ Gentili 2011.

³⁰ Ibid., p. 129.

также повторяла естественный порядок мироустройства и его гармонию). Римское право политизировалось посредством римских судебных и административных институтов как в старых римских провинциях, так и на завоеванных территориях, и именно в силу своего наднационального характера было способно с течением времени абсорбировать и трансформировать локальные практики обычного права. Кроме того, Джентили предусматривал возможность новаций (или, точнее, возможность адаптации к конкретным политическим ситуациям), о которых он писал, используя категорию «необходимость»: «для необходимости не существует законов, но она сама по себе творит право. Необходимость означает, что вещи, прежде неприемлемые, отныне возможны. Необходимость делает справедливым изменение обычных практик»³¹.

Как и Джентили, сэр Артур Дак принадлежал к лондонской Общине докторов и был не только выдающимся интеллектуалом, но и практикующим юристом, принимавшим активное участие в проводимой Карлом Стюартом политике в отношении системы королевских судов³².

Артур Дак является автором своего рода методологической новации: он создает не просто трактат по истории права, но впервые в английской интеллектуальной истории использует компаративный подход к изучению распространения, применения и институционализации римского права в европейских монархиях. Сохраняя представление о неизменном и универсальном характере права, основы которого сложились в античном Риме (к которому он, к слову, возводит и основы феодального права), Дак реконструирует историю рецепции текстов Юстиниана сначала в рамках средневековой Империи, а затем и в монархиях Европы раннего Нового времени, среди которых основное внимание уделяет Франции, Англии и германским княжествам. Разнящиеся пути и формы данной рецепции определяют разнообразие региональных форм институтов гражданского права. Кроме того, ему удается наглядно продемонстрировать процесс территориального распространения гражданского права, применение которого первоначально ограничивалось Италией, потом – территорией Римской империи, а затем достигло областей, не затронутых римским влиянием (Шотландия, Ирландия, Польша, Дания, Швеция, Венгрия)³³. Основой этого распространения Даку представлялись не отдельные судебные прецеденты или разбирательства, а создание и существование разного уровня институтов, в основе деятельности которых лежали принципы или процедура гражданского права. Особую роль также он отводит процессу трансляции текстов – собиранию и кодификации обычаев с последующим включением их в систему гражданского права³⁴. Фактически, он интерпретирует гражданское право как постоянно разви-

³¹ Ibid., P. 151.

³² Паламарчук 2015 (а) С. 190-196; 2015 (б); Cust 2013. P. 160–168

³³ Duck 1689. P. 363-370, 371-384, 385-394, 395-404.

³⁴ Ibid., p. 382-383.

вающуюся систему с неизменной внутренней логикой, основанной на *lex naturae* и фундаментальных принципах человеческого разума.

Членам обеих корпораций были в равной степени свойственны представления об элементах правовой динамики, но понимание этой динамики было различным.

Для юристов общего права динамика проявлялась, прежде всего, в постоянном увеличении количества изолированных и самодостаточных *прецедентов/фактов*, которые, не внося ничего нового в «древнюю конституцию», позволяли более точно решать возникающие тяжбы и интерпретировать спорные ситуации, в т.ч. и политические. Институциональные основы общего права, возникшие, по мнению представителей судебных иннов, уже в англо-саксонскую эпоху, оставались в целом неизменными. Именно акцент на неизменности и при этом непреходящей актуальности «древней конституции» играл важную роль в стремлении юристов общего права закрепить за собой роль арбитра не только в правовой, но и в политической сфере. Парадоксальным образом становление концепции «факта» препятствовало допущению представителями «исторической юриспруденции» динамики исторической.

Для английских цивилистов правовая динамика имела иной характер: она выражалась в логике постепенной трансформации тех институтов, благодаря которым историческая основа – право Римской империи – транслировалось в средневековой Империи и варварских королевствах, а впоследствии – в монархиях XV–XVII вв. Важнейшим из этих институтов была, с одной стороны, сама монархия, а с другой – формируемые ею консилиарные и прерогативные органы; механизмом, обеспечивавшим динамику, становились тексты юристов, образующие открытую и внутренне непротиворечивую систему. Эта система, по самой своей сути была подвержена постоянным видоизменениям, обусловленным конкретными культурно-историческими условиями.

БИБЛИОГРАФИЯ/ REFERENCES

- Зверева В.В.* Представления прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. С. 223–242.
- Паламарчук А. А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2015 (а). 321 с.
- Паламарчук А.А.* Дворянская честь, королевская справедливость: Рыцарский суд и правовые идеи в раннестюартовской Англии // *Диалог со временем*. Вып. 50. 2015 (б). С. 152–171.
- Паламарчук А.А.* Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. // *Священное тело короля. Ритуал и мифология власти* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 404–419.
- Паламарчук А. А.* Цивилисты в раннестюартовской Англии. Юридическая корпорация в поисках национальной идентичности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. Вып. 4. СПб., 2012. С. 60–68.
- Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. 207 с.

- Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
- Пронина Е.А.* У истоков национального историописания: Андре Дюшен и Уильям Кемден. Опыт историко-культурного анализа. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2012.
- Zwerveva W.W.* Predstavenija proshlogo w trudah anglijskih antikwarow XVII w. // *Obrazy proshlogo I kolektiwnaja identichnost w Ewrope do nachala Nowogo wremeni / Pod red. L. P.Repinoj.* М., 2003. С. 223–242.
- Palamarchuk A.A.* Dworjanskaja chest', korolewskaja sprawedliwost: Rytzarskij sud I prawowyje idej w rannestuartowskoj Anglii // *Dialog so wremenem.* Wyp. 50. 2015. С. 152–171.
- Palamarchuk A.A.* Simwolika I atributika korolewskoj wlasti I antikwarnyj diskurs nachala XVII w. // *swjashennoe telo korolja. Ritual i mifologija wlasti / red. N.A. Khachaturjan.* М.: Nauka, 2006. С. 404–419.
- Palamarchuk A. A.* Tsiwilisty w rannestuartowskoj Anglii. Juridicheskaja korporacija w poiskah nazionalnoj identichnosti // *Westnik sankt-Peterburgskogo universiteta, serija 2. Istorija.* Wyp. 4. SPb., 2012. С. 60–68.
- Palamarchuk A.A.* Tsiwilnoje prawo w rannestuartowskoj Anglii. SPb.: Aleteia, 2015. 321 с.
- Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E.* Antikwarnyj diskurs w rannestuartowskoj Anglii. SPb.: Aleteia, 2013. 207 с.
- Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
- Пронина Е.А.* У истоков национального историописания: Андре Дюшен и Уильям Кемден. Опыт историко-культурного анализа. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2012.
- Bartolo de Saxoferrato.* Bartolus a Saxoferrato In Primam Veteris Partem. Venetiis: apud Juntas, 1520.
- Bartolo de Saxoferrato.* Bartolus on the conflict of laws / Transl. by J. H. Beale. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 86 p.
- Bartolo de Saxoferrato.* Consilia, quaestiones et tractatus Bartoli a Saxoferato. Augustae Taurinorum: Societas Impressoria Taurinensis, 1589. 245 p.
- Berman H. J.* The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // *The Yale Law Journal.* 1994. Vol. 103. №7. P. 1651–1738.
- Bracton on the Laws and Customs of England (Bracton de Legibus et Consuetudinibus Legum Angliae) / Ed. and transl. by S. E. Thorne. In 4 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1968.
- Camden W.* Camdeno G. Britannia sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae et Insularum. L.: apud Ioannem Wechelum, 1590. 762 p.
- Coke E.* The First Part of the Institutes of the Lawes of England, or a Commentarie upon Littleton. L.: by A. Islip, 1628. 395 p.
- Coquillette D. R.* Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // *Boston University Law Review.* № 61. 1981. P. 1–89.
- Cust R.* Charles I and the Aristocracy. 1625–1642. Cambridge: CUP, 2013. 368 p.
- Duck A.* De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens. Traduit du Latin. Paris: au Palais, 1689. 362 p.
- Fleta, sive Commentarius Juris Anglicani.* / Ed. by J. Selden. L.: Typis M. F. Prostal. 1647. 353 p.
- Gentili A.* The Wars of the Romans. A Critical Edition and Translation of De Armis Romanis / Ed. by B. Kingsbury and B. Straumann. Oxford: OUP, 2011. 388 p.
- Glanvill R. de.* Tractatus de Legibus et consuetudinibus Regni Angliae. L.: In aedibus Richardi Totteli, 1554.
- History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / Ed. by D.R. Kelley. N.Y.: University of Rochester Press, 2006. 344 p.

- Isidore of Seville*. The Etymologies of Isidore of Seville / Ed. and transl. by S. A. Barney, W. J. Lewis, J. A. Beach, O. Berghof. Cambridge: CUP, 2006. 475 p.
- Knafla L*. Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 359 p.
- Lancaster C. "Learned, Judicious and Laborious" Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.
- Littleton Th*. Littleton, his Tenures, in French and English. N.J.: The Lawbook Exchange, 2006. 727 p.
- McInnery R*. Aquinas on Human Action: a Theory of Practice. Washington DC: Catholic University of America Press, 1992. 235 p.
- Milsom S.F.C*. A Natural History of the Common Law. N.Y.: Columbia U.P., 2003. 184 p.
- Milsom S.F.C*. Law and Fact in Legal Development // University of Toronto Law Review. №17. 1969. P. 1–19.
- Milsom S.F.C*. Studies in the History of Common Law. L.: Hambledon Press, 1985. 348 p.
- Parry G. The Trophies of Time. English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2007. 394 p.
- Selden J*. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L.: at the Dove, 1771. 276 p.
- Selden J*. The Duello or single combat from antique derived into this kingdome of England... L.: Printed by G.E., 1610. 54 p.
- Selden J*. The History of Tithes, that is, the practice of paying them. L., 1618. 491 p.
- Selden J*. The Works of John Selden. In 3 vols. L.: Walthoe, 1726.
- Selden J*. Titles of Honor. L.: W. Stansby, 1614. 464 p.
- Shapiro B*. The Culture of Fact, England 1550-1720. Ithaca: Cornell U.P., 2000. 235 p.
- The Black book of Admiralty with an Appendix / Sir Th. Twiss. In 4 vols. L., 1871.
- Thomas Aquinas*. Treatise on law (Summa Theologica, questions 90 – 97) / Ed. by R. McInnery. Washington DC: Regenery publ., 2001. 116 p.
- Underwood Lewis J*. Sir Edward Coke: his theory of "Artificial reason" as a context for modern basic legal theory // Law Quarterly review. № 84. 1968. P. 330–342.
- Wheare D*. De ratione et method legendi historias dissertation habita Oxoniae in schola historica 12 jul. 1623 a D.W. primo historiarum praelectore public. L.: ex I. H. 1623. 458 p.
- Woolf D. From Histories to the Historical: Five Transitions in Thinking about the Past, 1500–1700 // The Uses of History in Early Modern England / Ed. by P. Keeves. San Marino, Ca.: Huntington Library, 2006. P. 31–68.

Паламарчук Анастасия Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель С.-Петербургского государственного университета; sir.henry.finch@gmail.com

A fact or a Process: English legal corporations and their influence on the method of history-writing

The article deals with the influence of the two legal corporations (the Inns of Court, representing Common law, and the Doctors' Commons, representing Civil law) on the methods of history-writing. Due to systematization of Common law practices, based on legal precedents, a concept of "fact" has appeared. English civil lawyers based their knowledge on a dynamic system of texts that provided a successful reception of the Roman law in different historical and cultural circumstances. Legal developments and the rise of administrative institutions was explained as a dynamic and continuous process.

Keywords: fact, process, common law, civil law, Edward Coke, John Selden, Alberico gentili, Arthur Duck, the Stuart dynasty, England.

Anastasia Palamarchuk, PhD in History, Senior Lecturer, St Petersburg State University; sir.henry.finch@gmail.com

ИСТОРИКИ БРИТАНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (ПО ПИСЬМАМ Х. УОЛПОЛА)

Хорас Уолпол, сын Роберта Уолпола, член парламента, являлся одним из известных антикваров и автором исторических сочинений. Его переписка с друзьями и родными предоставляет возможность ознакомиться с его повседневными делами, настроением и мыслями, а они – раскрывают его отношение к некоторым современным авторам и их сочинениям. Вместе с тем, письма Уолпола позволяют выявить становление традиций сообщества историков и роль регулярной переписки в этом процессе.

Ключевые слова: Хорас Уолпол, антиквары, почтовое ведомство, переписка, история, сообщество историков, традиции, середина XVIII века

Практика написания и отправки посланий насчитывает не одно тысячелетие, но их широкое распространение связано с учреждением почтовой службы. В Англии Королевская почта создана в XVI в., это было продиктовано интересами государственного управления, налаживанием регулярной связи со всеми регионами страны. Официально почтовое ведомство стало принимать частные письма в XVII в., их также пересылали с оказией или нарочными, появились частные компании, однако их деятельность быстро подпадала под контроль государства. В XVII в. переписка превращается в важное средство коммуникации Двора, государственного аппарата, аристократии и деловых кругов. Утверждению практики переписки стимулировала политическая напряженность, разрастание конфликта между королем и парламентом и последовавшие события, в связи с чем возросла потребность связаться с единомышленниками, узнать о новостях или о судьбе родственников. Активизация политической жизни и предпринимательской активности, расширение колониальной империи способствовали установлению более тесных формальных и неформальных связей путем переписки. В XVIII в. строительство шоссейных дорог позволило ускорить доставку корреспонденции, а налаживание работы ведомства – преодолеть такие негативные черты как задержка или потеря корреспонденции, хотя перлюстрация писем могла сохраняться, что объяснялось сложной политической ситуацией¹. Таким образом, XVIII век стал временем расцвета переписки в британской политической, культурной и повседневной жизни.

Переписка – важный источник личного характера по политической, социальной, интеллектуальной истории, истории повседневности². В ней зафиксированы настроение, взгляды, дела и проблемы конкретного человека в конкретный день. Среди эпистолярного наследия Британии XVIII в. особо выделяются «Дневник для Стеллы» Дж. Свифта, «Письма

¹ Подробнее о развитии почтового дела см.: Стогова 2015; Hemmbon 1912.

² Айзенштадт 2011. 348-359.

к сыну» Ф. Честерфилда, «Письма Юниуса», а также обширная переписка монархов, государственных и политических деятелей эпохи, писателей и художников, философов и историков. Таким образом, это наследие содержит значительный массив личной, деловой и государственной корреспонденции. Распространение переписки, её укоренение в повседневной жизни как важного средства коммуникации нашло своё воплощение в появлении в форме писем философских трактатов («Письма об изучении и пользе истории» Г. Болингброка), литературных произведений («Гражданин мира, или письма китайского философа» О. Голдсмита), политических памфлетов и т.д.

В историографии наметился интерес к истории создания и функционирования почтовой службы, культуре переписки, её роли в социальной сфере и повседневности, что отражает признание значимости переписки в жизни общества. Эпизодически используются письма и в исследованиях по политической, социальной, колониальной истории. Между тем, ресурс корреспонденции, её содержание в качестве основного источника еще мало востребовано историками. В настоящей статье предпринята попытка реконструировать некоторые аспекты повседневной жизни антикваров и любителей истории на основе писем Хораса Уолпола, отправленным друзьям, знакомым и родным в середине XVIII в.

Интерес к этим сюжетам продиктован знаковыми событиями начала 1750-х гг. для развития исторической мысли. В 1752 г. был опубликован трактата Болингброка «Письма об изучении и пользе истории». Впоследствии на протяжении столетия они переиздавались пять раз. Такое внимание читающей публики М.А. Барг объяснял тем, что это сочинение «отвечало широчайшим её интересам», так как «касалось общечеловеческих проблем, и было облечено в блестящую литературную форму»³. А в 1754 г. Д. Юм опубликовал «Историю Англии под властью Дома Стюартов», которая вызвала бурную реакцию в обществе⁴. За ней последовали тома, относившиеся к более ранним периодам истории Англии. Их популярность М.А. Барг объяснял «повышенным всеобщим интересом к проблемам истории и политики, который пришел на смену находившимся прежде в центре внимания морально-этическим контроверзам»⁵.

В словах М.А. Барга обозначено своеобразие связи политики и истории, которая присутствовала во все времена. Однако она имела различный характер в разных странах и в разные эпохи. В Британии эта связь обрела особый характер в силу значимости в жизни общества традиций, а также прецедентного права, на основе которого протекала не только судебная, но и законотворческая практика. После двух революций XVII в. прошлое превратилось в важный компонент политического

³ Барг, Авдеева 1998. С. 182.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 244.

поведения и политической мысли, формируя взгляды тори, вигов и радикалов на настоящее сквозь призму истории⁶. Естественно, у представителей всех политических течений сформировалось общее для них видение ключевых событий прошлого, но проявлялись и индивидуальные оценки, расходившиеся с устоявшимся подходом внутри каждого направления. Х. Уолпол принадлежал к лагерю вигов, но нередко его мнением не вписывалось в общий для вигов тренд.

Хорас Уолпол (1717–1797) прожил долгую жизнь, став не только свидетелем, но и участником важных событий в истории страны. Его отец, будущий всесильный министр Роберт Уолпол, на момент рождения сына являлся одним из ярких лидеров вигов. Хорас получил обычное образование для вигов – Итон, затем Кембридж, после чего совершил традиционное длительное путешествие по Европе, а в 1741 г. стал членом парламента. Несмотря на то, что Хорас был вторым сыном, стараниями отца он получил несколько необременительных должностей, которые сохранились за ним и после отставки первого министра. Доходы позволили приобрести небольшое поместье, выстроить дом в готическом стиле, собрать богатую коллекцию живописи. Уже в архитектуре проявилось эстетическое расхождение Уолпола с вигами, тяготевшими к классицизму. По натуре он был убежденный антикварий, знаток истории живописи и истории Британии. Между тем, Хорас, литературно одаренный человек, стал не просто собирателем вещественных свидетельств прошлого, но и автором разного рода исторических произведений. Уже в 1758 г. он опубликовал первое сочинение «Каталог венценосных и благородных авторов», за ним последовали «Анекдоты из истории живописи в Англии», исторический роман «Замок Отранто» и др. После его смерти опубликована история последних десяти лет правления Георга III, в основу которой легли его собственноручные записи парламентских дискуссий этого периода. Кроме того, Хорас Уолпол на протяжении жизни вел обширную переписку с широким кругом лиц, куда входили его близкие друзья, политики и государственные деятели. Сохраненные им копии писем опубликованы после его ухода из жизни⁷. Эти публикации представляют собой своеобразную летопись политической и интеллектуальной жизни Британии на протяжении десятилетий.

В письмах Х. Уолпол сообщал последние политические и светские новости, с кем встречался, какие пьесы смотрел, что читал. Частный характер писем позволяет утверждать, что они не предназначались для публикации, хотя практически все были сохранены автором. Позднее Т.Б. Маколей упомянул, что Уолпол хранил их из честолюбия и предполагал их публикацию⁸. Слова Маколей не столько говорят о характере

⁶ Айзенштат 2015.

⁷ См., напр.: Walpole 1840.

⁸ Маколей 1861. Т. 2. С. 211.

Хораса, сколько о неприязненном к нему отношении. Каковы бы ни были истинные мотивы Уолпола, он действовал в соответствии с установившимися традициями. Возможно, они закрепились в то время, когда письма терялись, или их доставка занимала слишком много времени. Это вынуждало авторов посланий сохранять их, чтобы знать, о чем писали. Возможно, хранение копий отправленных писем определялось стремлением пополнить семейный или личный архив, и это обусловило сохранение писем не только Хораса, но и представителей других аристократических родов и политических деятелей, не входивших в их число по факту рождения, как и последовавшую позднее их публикацию⁹.

В корреспонденции Уолпола отсутствуют подробные размышления об истории, встречаются лишь два-три предложения, касающиеся прошлого. Это легко объяснимо. Свои соображения он излагал в сочинениях, либо высказывал в беседах с друзьями. С единомышленниками Хорас обсуждал текущие события, исторические и литературные произведения прошедших времен. Отсюда – отсутствие потребности повторять их в посланиях. Не исключена его сдержанность и стремлением избежать категоричных высказываний в случае перлюстрации, но это предположение не выглядит убедительным. Тем не менее, скупые фразы в переписке позволяют понять то место, которое занимало прошлое в повседневной жизни сообщества антикваров.

Именно они, на первый взгляд, малозначительные, предоставляют весьма любопытные сведения, которые было бы довольно сложно, а порой и затруднительно разыскать в других многочисленных источниках. Так, например, сообщения о новых книгах и спектаклях на исторические темы, о которых он извещал своих адресатов¹⁰. Реакция Уолпола на них неоднозначна. Так, вышедшая из печати биография лорда Кларендона наводит его на мысль о значимости стиля исторических произведений¹¹. Книга мадам де Буфлер вызвала явное негодование Хораса. Автор утверждала, что Кромвель, наведя порядок в стране, отправился сражаться с голландцами. Уолпол заверил адресата: «Вольтер, который любит все анекдоты, которые никогда не происходили в действительности, ...поторопится вставить в свою историю, а затем и опубликует. Меня не интересует характер Оливера, но я хочу спасти мир от еще одной фальшивки»¹². А юристу и антиквару Дэвиду Дарлимплу, который издал документы по истории Британии периода правления Якова I и Карла I, он послал письмо с «тысячей благодарностей за публикацию документов», особо отметив разумное предисловие, «направленное против нетерпимых персон, которые предают забвению ошибки и глупые поступки

⁹ См., напр.: Selwin 1902; Grenville Papers... 1852; Burke 1958.

¹⁰ Letters of Horace Walpole. <http://mvgutenberg.org/cache/epuh/4773/pg4773.html>. Letters 46, 65, 93, 105, 124 etc.

¹¹ Ibid. L. 57.

¹² Letter 225.

принцев. Тем самым они участвуют в их обвинении. Если жизнь принцев прошла вне контроля, то нет ограничений тогда, когда они скончались. Этим людям (т.е. «нетерпимым персонам» – М.А.) надо давать отпор. Совершенно справедливо по отношению к Карлу публиковать, в том числе, и сведения о сумасбродствах его врагов. Сравнения никогда не делались беспристрастно, даже, когда имелись свидетельства с обеих сторон. Я сам так поступил в “Истории живописцев”, так как истина – моя единственная цель»¹³.

Пристальное внимание Хораса Уолпола привлекла «История Англии» Юма. Он писал своему другу, антиквару Джорджу Монтагю, с иронией: «сейчас я погрузился в Англию м-ра Юма и не готов читать ничего другого. Я не только знаю, что было написано, но и то, что будет написано. Наша история слишком полно освещена, чтобы сделать что-то по-настоящему новое. Но они действительно пишут ее по-новому: Юм восхищен Эдуардом II и низвергает Эдуарда III. Я полагаю, что следующий историк возведет в герои Якова I и кастрирует Карла II»¹⁴. Позднее ему же Уолпол напишет с недоумением о популярности труда Юма во Франции. «Французы рассматривают его историю в качестве образца сочинений. Между тем эта история настолько же недостоверна во многих местах, насколько неполна в других...»¹⁵.

Слова, сказанные Уолполом о том, что его главной целью является истина, отнюдь не пустая фраза. Его дотошное внимание к свидетельствам прошлого, к источникам, которые легли в основу рассуждений автора, характеризуют поиски прокламации Перкина Уорбека. Уолпол обратился к упомянутому выше Дарлимплу с просьбой уточнить, была ли она опубликована, или находится в архиве в рукописном виде. И если она существует, то Уолпол хотел знать, насколько точным было её цитирование Юмом¹⁶. Юм, по словам Уолпола, ссылаясь на «Историю Англии» Спида при описании событий правления Елизаветы, придавал прокламации большое значение и цитировал отрывки из нее. Розыски Уолпола показали, что прокламация, если и была в действительности, к середине XVIII в. не сохранилась. Позднее он напишет об этом и будет с нетерпением ожидать реакции Юма¹⁷.

Подобное отношение Уолпола к источникам проявилось и в отзыве об «Истории» Кларендона, утверждавшего, что его труд создан на основе государственных документов. Хорас подчеркивал, что «это не так в действительности», и утверждал: «я не верю ему, когда он не говорит правды, но он так много сказал, что легко увидеть, о чем он умолчал»¹⁸.

¹³ Letter. 320.

¹⁴ Letter 105.

¹⁵ Letter 270.

¹⁶ Letter 336.

¹⁷ Letters 337, 338, 342, etc.

¹⁸ Letter 338; V. 3. Letter 10.

Сам суровый критик, Уолпол с нетерпением ожидал реакции на свои сочинения. О том, что его как автора волновало мнение читателей, свидетельствует анонимная публикация исторического романа «Замок Отранто». Лишь после благоприятных отзывов он раскрыл своё авторство. В письмах он известил корреспондентов о скором выходе из печати своего труда «Сомнения исторического порядка относительно жизни и правления короля Ричарда III» и просил сообщать обо всех отзывах о нем. Первое издание вышло в 1768 г. тиражом в 1250 экз., а в течение года вышел второй тираж. Сочинение действительно привлекло внимание читающей публики не только Британии. Им заинтересовался Вольтер, обратившийся к Уолполу с просьбой о присылке ему экземпляра книги¹⁹. В журналах появились критические разборы. Тем самым, можно говорить о сложившейся ко второй половине века практике информирования аудитории о публикации исторических произведений, а также публикации критических статей (рецензий) в периодических изданиях.

Корреспонденция Уолпола позволяет выявить его сложное, неоднозначное представление о течении времени. И вновь высказывание, раскрывающее его пессимистичный взгляд, связано с новыми изданиями. Так, он пишет Дж. Монтагу о публикации двух томов корреспонденции Свифта, которая содержала и «Дневник для Стеллы», написанный в последние четыре года правления королевы Анны и освещавший некоторые события «любопытного периода». Эти события навели автора письма на размышления о «нашем времени»: «та же нерешительность, колебания и желание порядка. “Ничто не ново под солнцем”»²⁰. Обстоятельства политических дел отмечались им неоднократно, и именно они, вызывая разочарование и уныние, стали причиной его ухода из политики. В 1768 г. Уолпол, который свыше двадцати лет являлся членом парламента, отказался вновь участвовать в выборах. Он так объяснял свое решение: «что я там могу увидеть нового за исключением того, как сыновья и внуки плутуют точно так же, как плутовали их отцы и деды. Услышу ли я оратора, который превзойдет лорда Чатэма? Появится ли человек, равный Тауншенду? Станет ли Джордж Гренвилль менее надоедливым, чем он надоедлив сейчас?»²¹. Таким образом, в политических делах Уолпол видел своего рода стагнацию, картину, которая была присутствующей им в прошлом, настоящем и предполагал, что и в будущем.

Вместе с тем, в письмах Уолпола прослеживается его представление о связи времен, мысли о будущем: «наши предки были шутниками, какими же будут наши потомки», задает он риторический вопрос²². «Какие лекции будут прочитаны бедным детям о нашем времени в бу-

¹⁹ Letters 334, 335,345; см. также footnote 1019, etc.

²⁰ Letter 307.

²¹ Letter 339.

²² Letter 294.

душем: если уже сегодня казна Перу переехала на Темзу, Азия подчинилась Клайву, Франция смиренно просит мира у ворот Бэкингем-хауса (резиденция Ганноверов – М.А.)»²³.

Порой современные события наводили его на мысли об их сходстве с Античностью. В 1762 г., когда завершилась победоносная для Британии Семилетняя война, в Лондоне развернулось обсуждение условий мирного договора. Они вызвали неоднозначную реакцию и, прежде всего, недовольство вигов²⁴. В отличие от многих представителей этого лагеря, победы британского оружия побудили Уолпола пересмотреть латинские и греческие книги, в том числе Фукидида, Демосфена, Фемистокла. Эти сочинения позволили сделать весьма оригинальный вывод: «Это история мелких людей. Римляне завоевали две трети мира за три столетия, мы подчинили земной шар за три кампании»²⁵. С полным правом можно утверждать, что Уолпол не был тем человеком, который «пятился в будущее, глядя в прошлое»²⁶. Его переписка позволяет говорить о более сложном переплетении времен. Современные события не только побуждают обратиться к античным авторам, но и задуматься об их последствиях в будущем. Тем самым, налицо элементы причинно-следственных связей, которые не охватили политическую сферу.

Итак, письма Х. Уолпола предоставляют возможность погрузиться в напряженную жизнь человека увлеченного историей, живо интересовавшегося всеми новыми публикациями по истории Британии. Его интересы распространялись и на драматургические произведения и постановки. Обо всем он сообщал своим корреспондентам, высказывая собственное мнение. Эпистолярное наследие раскрывает его требования как к сочинителю, так и к самому произведению. Уолпол, подобно его некоторым современникам, ратовал за объективное освещение прошлого, достоверность и полноту документальной основы любого исторического сочинения. Таким образом, личная переписка раскрывает представление об истории и историках, являясь существенным дополнением при изучении произведений авторов, в которых они обращались к конкретным фигурам или событиям прошлого. Отзывы Уолпола о сочинении Юма, интерес к прокламации Перкина Уорбека наглядно демонстрируют концентрацию внимания на фактической стороне исторического труда, философия истории его мало интересовала, что подтверждает и его негативное мнение о Болингброке и его «Письмах»²⁷.

Кроме того, благодаря письмам Х. Уолпола того периода, когда так возрос интерес к истории в обществе, имеется возможность узнать о повседневной жизни антикваров. Личные встречи и регулярная переписка

²³ Letter141.

²⁴ Соколов 2015. С. 165-168.

²⁵ Letter121.

²⁶ Цит. по: Селунская 2015. С. 260.

²⁷ Барг, Авдеева 1998. С. 192.

создавали условия для постоянного общения, информирования друг друга о светских и политических новостях, публикации новых книг, постановке пьес. Они обращались с просьбами разыскать то или иное сочинение или документ, прислать произведение адресата и т.д. В середине XVIII в. Британия переживала формирование книжного рынка и очередной пик журналистской активности. В журналах публиковали информацию о выдающихся сочинениях, нередко с их подробным разбором. Уолпол являлся одним из авторов разного рода материалов в журналах, в т.ч. рецензий²⁸. Все это говорит о выработке элементов научной практики профессионального сообщества, ощущавшего потребность в общении, ознакомлении с мнением коллег и обнародовании собственных взглядов. В активизации такой коммуникации важную роль сыграла переписка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айзенштат М.П. Переписка как источник изучения Новой истории Британии. / Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / М.С. Бобкова (ред.) М., 2011. С. 348-359.
- Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII в. // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 165-180.
- Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.
- Ингер А.Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. / Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974. С. 303-333.
- Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1861.
- Селунская Н.Б. Профессиональное историческое знание. Основы формирования и тенденции развития (размышления над новой книгой Рольфа Тоштендала) // Диалог со временем 2015. Вып. 51. С. 359-371.
- Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015.
- Burke E. Correspondence of Edmund Burk. Cambridge, 1958.
- Стогова А.В. «Пишите письма»: государственная почтовая служба и частные эпистолярные практики в Англии и Франции XVII века // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Е.Н. Кириллова (ред.). М.: ИВИ РАН, 2015. С. 129-166.
- The Grenville Papers: being the correspondence of Richard Grenville earl of Temple, KG, and the Right Hon. George Granville, their friends and contemporaries L., 1852.
- Hemmbon J.Cl. The History of the British Post Office. L., 1912.
- Selwin G. Memoirs of George Selwin and his contemporaries. Boston, 1902.
- Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. In 6 vol. L., 1840.
- Letters of Horace Walpole/ http://mvgutenberg.org/cache/epuh/4773/pg_4773.html.

REFERENCES

- Aizenshtat M.P. Perepiska kak istochnik izucheniya Novoi istorii Britanii./ Lyudi i teksty. Istoricheskii istochnik v sotsial'nom izmerenii / M.S. Bobkova (red.) M., 2011. С. 348-359.
- Aizenshtat M.P. Proshloe v politicheskoi kul'ure Britanii vtoroi poloviny XVIII v. // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 51. S. 165-180.
- Barg M.A., Avdeeva K.D. Ot Makiavelli do Yuma: stanovlenie istorizma. M., 1998.

²⁸ Ингер А.Г. 1974, 307-308.

- Inger A.G. Goldsmit-esseist i angliiskaya zhurnalistika XVIII v. / Goldsmit O. Grazhdanin mira, ili pis'ma kitaiskogo filosofa, prozhivayushchego v Londone, svoim družyam na Vostoke. M., 1974. S. 303-333.
- Makolei T.B. Polnoe sobranie sochinenii. T. 2. SPb., 1861.
- Selunskaya N.B. Professional'noe istoricheskoe znanie. Osnovy formirovaniya i tendentsii razvitiya (razmyshleniya nad novoi knigoi Rol'fa Toshtendalya) // Dialog so vremenem 2015. Vyp. 51. S. 359-371.
- Sokolov A.B. «Prav', Britaniya, moryami»? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnei i kolonial'noi politiki v XVIII veke. SPb., 2015.
- Burke E. Correspondence of Edmund Burk. Cambridge, 1958.
- Stogova A.V. «Pishite pis'ma»: gosudarstvennaya pochtovaya sluzhba i chastnye epistol'yarnye praktiki v Anglii i Frantsii XVII veka // Modelirovanie sotsial'-noi sredy: evropeiskii opyt Srednevekov'ya i Novogo vremeni / E.N. Kirillo-va (red.). M.: IVI RAN, 2015. S. 129-166.
- The Grenville Papers: being the correspondence of Richard Grenville earl of Temple, KG, and the Right Hon. George Granville, their friends and contemporaries L., 1852.
- Hemmbon J.Cl. The History of the British Post Office. L., 1912.
- Selwin G. Memoirs of George Selwin and his contemporaries. Boston, 1902.
- Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. In 6 vol. L., 1840.
- Letters of Horace Walpole/ http://mvgutenberg.org/cache/epuh/4773/pg_4773.html.

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; m.aizen@mail.ru

British historians in the middle of the 18th century (the letters of Horace Walpole)

Horace Walpole, second son of Robert Walpole, PM was one of the well-known historian and author of historical works. His correspondence is the important sources of his daily practical works, thoughts and spirits. The letters to his friends show his thoughts about contemporary historians and their works. Besides, they help understand the forming the traditions of historical association and the role of regular correspondence in this process.

Keywords: Horace Walpole, antiquarians, Post office, correspondence, history, historical association, traditions, middle of the 18th century

Marina Ayzenshtat, D.Sc. (History), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; m.aizen@mail.ru

О. Н. ШЕВЦОВА

**ОБРАЗЫ НАРОДА В СЮЖЕТАХ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
Н. М. КАРАМЗИНА**

«История государства Российского» Н.М. Карамзина является одновременно и историческим трудом, и произведением русской литературы. Как литературное произведение оно содержит образы и сюжеты. К образам его относится образ народа, который у Карамзина оценивается по-разному.

Ключевые слова: *литературное произведение, сюжет, образ, монархия, народ, при-
соединение Великого Новгорода, опричнина Ивана Грозного, завоевание Сибири.*

Нынешний юбилей Н.М. Карамзина пришелся на время, когда методы филологической науки вызывают все больший интерес историков и находят применение в историческом исследовании. В полной мере относится это к истории самой исторической науки. И это не случайно, поскольку они позволяют выявить некоторые новые смыслы выдающихся трудов по истории, ставших достижением мировой культуры и культуры тех стран, где они возникали. Касается это также карамзинской «Истории государства Российского», которая занимает особое место в истории отечественной исторической науки и истории русской культуры вообще, в которой присутствуют скрытые смыслы, которые позволяют не только глубже понять автора, но и представить адресат этого выдающегося произведения. «Историю» Карамзина традиционно и с полным на то основанием относят к феноменам как зарождавшейся в то время в России исторической науки, так и русской литературы. В самом деле, в ней присутствует концепция, которая выступает как общий итог научного исследования, и образно-сюжетный строй, который характерен для произведений литературы. Причем между концепцией исторического труда и образно-сюжетным строем в «Истории государства Российского» имеется очевидное соответствие.

Общим местом историографии, относящейся к труду Карамзина, является утверждение о его монархической концепции. Для этого есть все основания, монархизм выдающегося историографа лучше всего передают его совершенно определенные высказывания из «Записки о древней и новой России»: «Самодержавие основало и воскресило Россию»¹, и вообще, «Самодержавие есть Палладиум России; целость его необходима для ее счастья»², а сама «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»³. Более того, как отмечал В.П. Козлов, говоря об «Истории госу-

¹ Карамзин 2010. С. 303.

² Там же. С. 344-345.

³ Там же. С. 284.

дарства Российского», «целостность труда Карамзина придала концепция, в которой определяющую роль играла идея самодержавия как главного фактора русского исторического процесса»⁴. Несколько ранее это подчеркивал советский историк А.М. Сахаров. «Монархизм общей концепции Карамзина несомненен»⁵, – указывал он. Другой советский историк М.А. Алпатов также обращал внимание на то, что для Карамзина характерно признание «российской монархии... как основополагающего... фактора всей русской истории»⁶.

Современники воспринимали «Историю» Карамзина не как научный труд, а как литературное произведение. Об этом прямо говорил один из них, заявлявший, что «Карамзина должна благодарить Россия не за историю, но за обогащение словесности многими превосходными, драгоценными историческими отрывками»⁷. Замечено было весьма точно. В этом произведении присутствуют такие важнейшие признаки литературного произведения и категории литературоведения, как сюжет и образы. Как категория литературоведения, образ является исключительно сложным и противоречивым феноменом, в котором объективное начало или знание о реальности прошлого или настоящего, или отдельных ее черт и сторон, сочетается с субъективным ее восприятием со стороны художника. Поэтому литературный образ представляет собой реальность (прошлого и настоящего), сформированную сознанием и воображением автора и нашедшую выражение в художественном (или научно-историческом) произведении. Что касается сюжета, то в этой категории выражается действенная сторона образа или образ в процессе его генезиса, развития и разносторонних связей.

«История государства Российского» имеет целый ряд связанных и иерархически выстроенных образов. Первым в их ряду выступает «государство Российское», которому и посвящено произведение в целом. Но поскольку в нем история государства не отделена от истории монархии, то образ государства в «Истории» неотделим от образа монархии. Наряду с этими главенствующими образами есть и другие образы разного уровня: явлений, событий и отдельных исторических личностей. Сюжет произведения охватывает ход истории государства от призвания варягов, которое было завязкой сюжета, до периода междоусобия (поскольку последующий период историограф осветить не успел). Сюжет, в котором содержится художественное осмысление всей истории государства, отличается сложностью, а его повороты с неизбежностью обречены на повторение. В нем также присутствует целый ряд внутренних сюжетов, касающихся отдельных событий и явлений в русской истории.

⁴ Козлов 1988. С. 18.

⁵ Сахаров 1978. С. 97.

⁶ Алпатов 1985. С. 189.

⁷ Цит. по: Милюков 2006. С. 245.

Завязкой сюжета «Истории государства Российского» является рассказ о призвании варягов, с которого, по Карамзину, начинается отсчет истории государства и российской монархии. Далее следовало продолжение, соответствующее киевскому периоду русской истории. Это, по Карамзину, была история боевой доблести, заполненная яркими княжескими образами. Но сюжет сложился таким образом, что Карамзин не мог перейти к кульминации повествования как к очередной и высшей стадии в развитии сюжета. Как показывал Карамзин, столь блестящее и вполне романтическое начало Киевской Руси, вполне соответствовавшее духу культуры романтизма, к которой относилось историческое творчество выдающегося историографа, сменилось трагедией. Видел ее Карамзин в упадке государства и монархии по вине князей, разменявших в пылу усобиц так необходимое для государства и монархии единство. Но историческая трагедия распада была многократно умножена трагедией варварского завоевания и установления ханской власти. Впрочем, и в трагедии монгольского завоевания Карамзин заметил первые, еще самые слабые признаки будущего возрождения в падении первенства Владимира в Северо-Восточной Руси, где зарождался будущий центр государства, взамен пришедшего в упадок киевского Приднепровья, и это открывало путь для последующего подъема Москвы, с которой в дальнейшем будет связан новый этап в развитии государства и монархии благодаря деятельности московской великокняжеской власти.

Кульминацией литературного сюжета карамзинской истории стало княжение великого князя московского Ивана III. При нем было завершено возрождение государства и монархии, причем в образе этого великого князя Карамзин видел идеал русского монарха, который, по его словам, «стоит как Государь на высшей степени величия»⁸. Однако до завершения повествования было далеко. Сюжет русской истории, созданный Карамзиным, выходил на новый круг, когда в следующем после завершения княжения Ивана III, при восторжествовавшем над своими противниками государстве и монархии, наметилась новая трагедия, завершившаяся Смутой, которая привела к повторному распаду государства и монархии в России. Несомненно, сюжетный круг должен был с неизбежностью повториться. Дальнейший ход его должен был вести к рассказу о повторном возрождении государства и монархии, когда развернулось бы повествование о стране при первых царях из новой династии Романовых. К этой части Карамзин подойти не успел. Однако развертывание его было им намечено в «Записке о древней и новой России».

Если в сюжете «Истории» главными образами было государство и монархия, то присутствие в нем образа народа далеко не столь заметно. Недостаток изложения истории без участия народа, общества, невозможность ограничивать историческое повествование только государ-

⁸ Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6. Стб. 215.

ством и монархией осознавали еще в эпоху Просвещения. Однако преодолеть этот недостаток историки в то время не могли. Общество, народ, как и отдельный человек, не относившийся к выдающимся личностям своего времени, оставались за пределами исторического повествования. Это было не случайно, историческая мысль была еще не на таком уровне, чтобы решать подобную задачу. Как указывал, объясняя это положение, Р.Дж. Коллингвуд, в сознании историков того времени «человеческая природа оставалась вечной и неизменной»⁹. Иначе говоря, подобный глубоко неисторический взгляд на человека не позволял перейти от истории государства к истории народа со сколько-нибудь достоверным ее изложением. Та же ситуация сохранялась в первой половине XIX в., что и было подтверждено конечной неудачей Н.А. Полевого, задумавшего альтернативную по отношению к труду Карамзина свою «Историю русского народа»¹⁰.

Однако Карамзин был не только историком, но и писателем, а в литературе ко времени Карамзина произошел переход от литературы классицизма с ее вниманием к выдающейся личности, выполняющей долг перед государством и ради этого готовой решительно отбросить свои личные интересы, к человеку из народа. Так наступила эпоха литературного сентиментализма. Классическим выражением сентиментализма в литературе оказалась повесть Карамзина «Бедная Лиза», главной героиней которой оказалась молодая крестьянка. Литературная критика, однако, не считает, что Карамзину удалось создать убедительный образ человека «из народа». Желание создать такой образ, интерес к такому человеку не соответствовал возможностям литературы сентиментализма, наделявшей своих героев чувствами и мышлением человека из другой общественной среды, к которой принадлежал сам автор. Только А.С. Пушкину в рамках вызревавшего литературного реализма удалось положить начало созданию таких образов, в частности, исторического образа Пугачева в «Капитанской дочке».

Таким образом, в культуре карамзинской эпохи возникло противоречие между стремлением к выражению истории народа, пониманием того, что без этого историческое и художественное познание было бы ограниченным, – и неготовностью к решению этой задачи, отсутствием представления о методе создания такой истории. «"Народ" присутствует в "Истории государства Российского" как зритель или непосредственный участник событий», – справедливо отмечал В.П. Козлов¹¹. Но эта роль либо выглядит явно неконструктивной, либо напротив, ограничивается действиями в поддержку монархической власти в ее мероприятиях по укреплению государства. Карамзин создавал также в отдельных внутренних сюжетах образ народа как спасителя государства.

⁹ Коллингвуд 1980. С. 80.

¹⁰ Шикло 1981. С. 105.

¹¹ Козлов 1988. С. 21.

Образ народа как силы, способной и готовой поддержать усилия монархии по объединению русских земель, но одновременно готовой противодействовать этому, отстаивая старину и традиционные вольности, представлен в рамках внутреннего сюжета о присоединении Великого Новгорода к формировавшемуся Российскому государству при Иване III. Карамзин писал, что сторонники сохранения независимости Новгорода, вдова бывшего новгородского посадника Марфа Борецкая и близкие к ней люди, уверяли новгородцев, что «Великий Новгород есть один себе властелин; что жители его суть вольные люди и не отчина князей Московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет только Казимир, и что не Московский, а Киевский Митрополит должен дать Архиепископа Святой Софии». В результате всего этого, по словам Карамзина, «Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: "да исчезнет Москва!"». И только «Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысяцкие, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан»¹², но безуспешно. И в решающей битве за независимость на реке Шелонь с московскими войсками Ивана III, как писал новгородский летописец, «соотечественники его бились мужественно»¹³, но в конечном счете потерпели поражение, что заставило их признать власть над Новгородом великого князя.

Но не лучше, согласно Карамзину, выглядел в связи с этими событиями и народ, проживавший в пределах территорий, подвластных великому князю московскому: пользуясь ситуацией безвластия в связи с падением новгородской государственности на территории обширных новгородских владений, «граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться»¹⁴. Народ в данном внутреннем сюжете выступает в образе темной силы, способной к бессмысленному грабежу.

Еще один случай, когда Карамзину удалось создать запоминающийся образ народа, относится к внутреннему сюжету об опричнине Ивана Грозного. Этот исключительно сильный сюжет, на первый взгляд, вступал в противоречие с монархической концепцией автора. Создавая образ Ивана Грозного, в котором развитие этого образа заключалось в превращении самодержца в тирана, историограф давал самую резкую оценку его царствованию. Говоря о впечатлении от карамзинского описания опричнины, выдающийся исследователь творчества Карамзина Н.Я. Эйдельман писал: «почти на каждой странице: казни, казни, сожжение пленных при известии о гибели Малюты; приказ уничтожить слона, отказавшегося опуститься на колени перед царем, семь жен Иоанна, опричные игры»¹⁵. Впечатление закономерное. Не случайно, как писал

¹² Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6. Стб. 20.

¹³ Там же. Стб. 22.

¹⁴ Там же. Стб. 31-32.

¹⁵ Эйдельман 1983. С. 121.

несколько ниже Эйдельман, по свидетельству декабриста Н.И. Лорера, некий член царствующего дома, возможно, Николай Павлович, будущий император, будто бы заявлял: «Карамзин помог догадаться русскому народу, что между русскими царями были тираны»¹⁶.

Но было среди современников и иное мнение. Выражая его, А.С. Пушкин писал: «"История государства Российского" есть не только создание великого мыслителя, но и подвиг честного человека»¹⁷. Несомненно, этот подвиг состоял, в частности, в создании образа царя-тирана. Честность же в том, что, создавая такой образ, к которому его вел исторический материал, Карамзин не побоялся бросить тень на свой образ монархии и на монархическую концепцию своего труда.

В то же время Карамзин нашел основание для защиты своей общей концепции даже при изображении Ивана Грозного как царя-тирана. Это произошло благодаря тому, что он во внутреннем сюжете об опричнине нашел место для образа народа. Царские подданные, по словам Карамзина, «превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною... не боялись смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастья добродетели, и что земное служит ей только искушением: гибли, но спасли для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная»¹⁸.

Карамзин создавал четкую оппозицию: царь-тиран, правивший «в ужасах душегубства»¹⁹, с одной стороны, и, с другой – народ, своим терпением спасавший государство и монархию от опасности, которую могли принести тирания и самодержавное душегубство. И если во внутреннем сюжете о присоединении Новгорода народ изображен в негативном свете, то в сюжете об опричнине, напротив, Карамзин создал позитивный образ царских подданных, или народа. Образ этот, однако, не может быть признан сколько-нибудь историческим. Объяснение Карамзиным народного терпения отражает вовсе не мышление современников Ивана IV, но монархические взгляды самого историографа и значительной части русского общества его времени. Да и сама похвала за терпение была, по меньшей мере, сомнительной²⁰.

Еще более позитивный образ народа создан Карамзиным во внутреннем сюжете, посвященном завоеванию казаками во главе с атаманом Ермаком Сибирского ханства. Это событие Карамзин признавал за нечто «необыкновенное, чрезвычайное»²¹, когда «горсть людей» с помощью своего преимущества перед сибирскими татарами в огнестрельном

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ Пушкин 1976. Т. 7. С. 239.

¹⁸ Карамзин 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 98.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Декабрист Н.И. Тургенев отзывался об этом рассуждении Карамзина «с негодованием». Волк 1958. С. 384.

²¹ Карамзин 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 226.

оружии «решила господство России от Каменного хребта до Оби и Тобола»²². Карамзин отмечал, что Ермак и казаки были ранее разбойниками, но «отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым», и ни сибирский хан Кучум, ни кто-либо иной «уже не мог отнять Сибирского Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием»²³. Во внутреннем сюжете о присоединении Сибири образ народа в лице казаков и их атамана Ермака приобретал значение не меньшее, чем образ государства и монархии, поскольку завоевание Сибири Карамзин считал заслугой казаков. Однако столь позитивный образ народа мог сложиться только потому, что казаки перестали быть разбойниками и решили задачу исключительной для государства и монархии важности, продвинув пределы России в Сибирь. Это и позволило им превратиться из разбойников в героев.

Образ народа в «Истории государства Российского», несомненно, присутствует, и появление этого образа не случайно. Во-первых, оно определялось стремлением исторической мысли еще в эпоху Просвещения выйти за пределы осмысления истории как результата деятельности выдающихся личностей и понять место в истории широких слоев населения, что соответствовало условиям формирования наций нового времени и национальной культуры. Во-вторых, интерес к народу, его истории и культуре усилился в русском обществе в связи с недавней войной против наполеоновской Франции, в которой роль народа была очень заметна и значительна. Образ народа вышел у Карамзина вовсе не столь однозначно положительным, как центральные образы его «Истории» – государства Российского и монархии. Настороженное, а иногда и просто негативное отношение историографа к народу определялось тем, что в народе он находил и силы, противостоявшие государству и монархии, а иногда – просто разбойников. Однако, если народ поднимался до способности решать задачи по спасению государства, его расширению и укреплению, то его оценки становились самыми позитивными.

Какой же скрытый смысл фундаментального карамзинского труда позволяет нам понять обращение к методу его анализа как литературного произведения? Этот смысл выявляется из образа народа. Как носитель культуры русского дворянства, Карамзин опасался народа, что было не случайно после недавнего восстания под предводительством Пугачева, прочно вошедшего в историческую память дворян и передававшегося в ней из поколения в поколение. Но в рамках этой же памяти допускался и такой вариант исторических событий, когда народ мог сыграть роль спасителя государства. Отсюда неоднозначность образа народа в «История государства Российского» и сложности на пути его понимания в позднейшей отечественной культуре.

²² Там же. Стб. 229.

²³ Там же. Стб. 240.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. М.: Книга, 1989.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 271 с.
- Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 459 с.
- Козлов В.П. Н.М.Карамзин – историк // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. М.: Книга, 1988. Кн.4. Сопроводительные статьи к репринтному изданию «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
- Милюков П. Главные чтения русской исторической мысли. М.: ГПИБ, 2006. 361 с.
- Пушкин А.С. Карамзин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 7. 398 с.
- Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1878. 256 с.
- Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А.Полевого. М.: Изд-во МГУ, 1981. 223 с.
- Эйдельман Н. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

REFERENCES

- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4-kh kn. M.: Kniga, 1989.
- Karamzin N.M. O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii // Karamzin N.M. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, 2010. 488 s.
- Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.). M.: Nauka, 1985. 271 s.
- Volk S.S. Istoricheskie vzglyady dekabristov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 459 s.
- Kozlov V.P. N.M.Karamzin – istorik // Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4-kh kn. M.: Kniga, 1988. Kn.4. Soprovoditel'nye stat'i k reprintnomu izdaniyu «Istarii gosudarstva Rossiiskogo» N.M.Karamzina.
- Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. 485 s.
- Milyukov P. Glavnye chteniya russkoi istoricheskoi mysli. M.: GPIB, 2006. 361 s.
- Pushkin A.S. Karamzin // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10-ti t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. T. 7. 398 s.
- Sakharov A.M. Istoriografiya istorii SSSR. Dosovetskii period. M.: Vysshaya shkola, 1878. 256 s.
- Shiklo A.E. Istoricheskie vzglyady N.A.Polevogo. M.: Izd-vo MGU, 1981. 223 s.
- Eidel'man N. Poslednii letopisets. M.: Kniga, 1983. 176 s.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Южный федеральный университет; oksana_shevtsova@bk.ru

Images of the people in the plots of “The history of the Russian state” by N. M. Karamzin

“The history of the Russian state” by N. M. Karamzin is both a historical work, and a work of Russian literature. As a literary work, it contains images and plots. Images of the people, often described in various ways by Karamzin belong to this group. The image of the people by Karamzin helps one understand a hidden message of the work, namely, the fear of the people.

Keywords: literary work, plot, image, monarchy, people, acquisition of Veliky Novgorod, Ivan the Terrible, oprichnina, conquest of Siberia..

Oksana Shevtsova, PhD (Philology), associate professor, South Federal University; oksana_shevtsova@bk.ru

**ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ
НА СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«PRZEGLĄD HISTORYCZNY» В 1905–1914 гг.**

Статья посвящена влиянию институциональных факторов Российской Империи на процесс становления и развития польского научного исторического журнала «*Prze-
gląd Historyczny*» в начале XX в. Важнейшим фактором, препятствовавшим данному процессу, было давление со стороны государственных институций. Либерализация политики Российской Империи по отношению к прессе и польским организациям после 1905 г. привела к возрождению научной жизни в Царстве Польском. Второй фактор – сформировавшаяся сеть общественных институций и организаций, осуществлявших финансовую и организационную поддержку научных институций.

Ключевые слова: Царство Польское, Российская Империя, «*Prze-
gląd Historyczny*», научный исторический журнал, институция, польская историография.

«*Prze-
gląd Historyczny*» – один из старейших и наиболее известных научных исторических польских журналов, выходит в формате квартального издания. Впервые идея создать исторический журнал появилась у Тадеуша Корзона (Korzon)¹, при посещении в 1904 г. краковской «Академии знаний» (Akademia Umiejętności)². Идею поддержали Александр Яблоновский (Jabłonowski)³, Самуэль Дикштейн (Dickstein)⁴, Франтишек Пуласки (Pułaski)⁵ и Ян Кароль Кохановский (Kochanowski). К концу 1904 г. им и ряду других варшавских историков удалось разработать концепцию и найти средства на издание нового исторического журнала⁶. В 1905–1917 гг. редактором издания был Я.К. Кохановски (1869–1949).

Статьи, посвященные истории этого журнала, появляются со второй половины 1990-х, большинство – в честь юбилеев издания, либо связанных с ним организаций. В 1997 г. в честь 100-летия варшавского «Общества любителей истории» (1906), официальным органом которого был «*Prze-
gląd Historyczny*», вышел сборник статей⁷. Опубликованная в нем статья Анджея Выробиша (Wyrobisz)⁸ – первая попытка обобщения опыта развития «*Prze-
gląd Historyczny*» с 1905 по 1995 г. В статье Анджея

¹ Тадеуш Корзон (1839–1918) – представитель варшавской исторической школы, преподаватель Летучего университета. С 1897 г. работал библиотекарем в частной Библиотеке Ординации Замойских.

² Biblioteka Narodowa IV: Akc 9677. Lyst 41.

³ Александр Яблоновский (1829–1913) – историк и этнограф. Внес большой вклад в публикацию источников по истории Речи Посполитой.

⁴ Самуэль Дикштейн (1851–1939) – математик и историк науки.

⁵ Пуланский, Франтишек (1875–1956) – историк литературы. Работал библиотекарем и куратором в Библиотеке Ординации Красинских с 1903 г., секретарь ряда научных сообществ в Варшаве.

⁶ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9677. Lyst 41.

⁷ Warszawskie środowisko historyczne w XX wieku... 1997.

⁸ Wyrobisz 1997.

Верзбицки (Wierzbicki)⁹ исследованы воззрения авторов журнала на прошлое Польши и их связи с Варшавской исторической школой. Позже появились юбилейные статьи, посвященные отдельным аспектам существования издания в 1905-17 гг., напр., публикации А. Верзбицки¹⁰ о связях журнала с Варшавской исторической школой и Гражины Селонговской (Szelałowska)¹¹ о научных дискуссиях, разгоравшихся на его страницах. Несколькими лучше изучена история связанных с журналом организаций – «Towarzystwo Miłośników Historii» и Кассы имени Мянковского. Варшавскому объединению историков были посвящены работы, вышедшие к его 50-летию и 100-летию¹². Подробно была исследована деятельность Кассы имени Мянковского (наиболее крупной благотворительной организации в Царстве Польском) в монографии Яна Пискуровича (Piskurewicz)¹³ об общественных институтах, которые оказывали поддержку научным исследованиям в Польше в XIX – начале XX в., и в коллективной работе польских историков, вышедшей в 1992 г. в связи с возобновлением ее деятельности¹⁴.

Все эти работы построены на уже опубликованных данных и текстах самого «Przegląd Historyczny». И если в отношении таких организаций как Касса им. Мянковского такой подход был единственно возможным, вследствие уничтожения ее архивов во время Второй Мировой, то для изучения журнала «Przegląd Historyczny» источниковую базу можно расширить за счет архивных материалов. Наиболее ценным в этом отношении является личный архив Я.К. Кохановского, содержащий письма, адресованные ему институциями, сотрудниками, авторами и читателями журнала. Эти материалы позволяют выявить принципы организации и модель работы редакции, возглавляемой Кохановским.

До настоящего времени развитие «Przegląd Historyczny» рассматривалось исключительно в польском контексте, а значит, существует необходимость сравнения институциональных рамок существования данного издания, с условиями в каких развивались российские исторические журналы. Таковы исследовательские задачи данной статьи.

Общие институциональные рамки издания

Незамедлительно начавшаяся после поражения второго польского восстания русификация, серьезно ограничила возможности развития научных институций в Царстве Польском и способствовала возникновению определенной сегрегации в пользу российского академического общества. Несмотря на то, что в Польше к тому времени существовал ряд научных и образовательных институций, имевших достаточно

⁹ Wierzbicki 1997.

¹⁰ Wierzbicki 2006.

¹¹ Szelałowska 2006.

¹² Kondracki 1997; Szwankowska 2006; Rutkowski 2007; Wierzbicki 2007.

¹³ Piskurewicz 1990. 235 s.

¹⁴ Hübner 1992; 2013 (переиздана на английском языке с дополнениями).

длинную историю, они не воспринимались самими поляками как их собственные. Н.И. Кареев в своих воспоминаниях о работе в Варшавском университете в 1880-х гг. писал о том, что русскую профессуру, даже положительно относившуюся к полякам, варшавское академическое сообщество не принимало в свой круг общения, поддерживая только рабочие контакты, и русский историк был вынужден констатировать: «...К сожалению, эти условия совсем не благоприятствовали какой бы то ни было возможности сближения с польской интеллигенцией. Варшава – один из крупных умственных центров обширного края, населенного польским племенем, и в ней много ученых литераторов, публицистов, художников, но весь этот мир оставался для меня закрытым»¹⁵.

В Царстве Польском академическое сообщество массово отказывалось от работы в государственных институтах. Это негативно влияло не только на самих поляков, но и на российских студентов и профессуру, пребывавших в Варшаве. Ощущая там себя чужаками, они старались как можно скорее покинуть Польшу¹⁶. Однако возможность раннего выхода на пенсию, быстрого получения кафедры на ранних ступенях карьеры продолжало привлекать ученых из России. В результате к 1905 г. в Варшавском университете осталось всего три поляка¹⁷. Польские ученые старались уехать в Австро-Венгрию, оседая в тамошних научных центрах – Львове и Кракове, либо работали в частных образовательных и научных институтах. Многие ученые стали работать в частных научных институтах. Например, Тадеуш Корзон трудился в библиотеке ординации Замойских; Станислав Кентржиньски (1876–1950) в начале XX в. был сотрудником библиотеки ординации Красинских¹⁸.

Усугубляла положение политика Российской Империи, которая на протяжении второй половины XIX в. проводила последовательную русификацию, что выражалось в поощрении приезда русских преподавателей, последовательной политике вытеснения польского языка из Варшавского университета. Например, за преподавание на русском языке полагалась плата в 3000 руб., в то время как за ведение лекций на польском давали только 1500 руб.¹⁹ Это усиливало враждебность между российским и польским академическими сообществами. Царство Польское стремительно теряло ведущие позиции по выпуску книг, отставало по количеству научных институций. Лидировавшая по выпуску книг на протяжении XIX в. Варшава, в 1889–1893 гг. уступила в этом отношении Кракову. До 1900 г. большинство польских научных организаций были основаны в Галиции, находившейся под властью Австро-Венгрии²⁰.

¹⁵ ОР РГБ Ф. 119. П. 23. Ед. 15.

¹⁶ Hübner 2013. S. 36.

¹⁷ Баженова 2014. С. 56.

¹⁸ Rutkowski 2007. S. 515.

¹⁹ Баженова 2014. С. 51.

²⁰ Mlekicka 1985. S. 13; Stieg 1986. P. 6; Brzozowski 1987. S. 54.

Еще один важный негативный фактор – цензура. Инстанцией, с которой предстояло иметь дело издателю нового журнала, было Главное Управление по делам печати. Дела Управления подразделялись на два типа: административные и цензурные²¹. К числу первых относятся вопросы выдачи разрешений на основе типографий, периодических изданий; вывод их из-под действия предварительной цензуры. Цензурная часть Управления занималась содержанием статей, вышедших в печать. Издания, освобожденные от предварительной цензуры, должны были вначале поступить в цензурный комитет. Чиновник рассматривал материалы, напечатанные в издании, и если они не соответствовали, по его мнению, правилам, то он составлял донесение, которое обсуждалось на заседании комитета, и в дальнейшем отправлялось в совет Главного управления. Тираж издания при этом арестовывался.

Институт цензуры навязывал издателям определенный стиль поведения²². Цензура ограничивала институциональные рамки, в которых вынуждены были действовать редакторы и издатели, создавая чрезвычайно затратные условия, увеличивая риски²³. Компенсировать издержки издательства могли либо уменьшением редакционных затрат, либо большим числом подписчиков – тогда новый журнал начинал печатать популярные материалы, дабы завлечь массового читателя. Подобным образом действовали и исторические журналы. Спрос на научную литературу в Царстве Польском, как и во всей Российской Империи, был чрезвычайно низок. В 1902 г. Александр Свентоховски (Świętochowski) писал, что литературные журналы в Царстве Польском без проблем находят 2000 подписчиков, в то время как научное издание выходит тиражом в 500 экз., 75% которого пылится на полках книжных лавок²⁴. Естественно, в таких условиях частные издатели крайне скептически относились к идее организации научного журнала.

Дополнительно осложняла ситуацию искусственно затрудненная коммуникация между поляками, проживавшими в разных империях. Например, из-за ограничений, введенных властями Российской Империи в отношении польского академического сообщества, провалилась инициатива Тадеуша Корзона по привлечению в 1902 г. историков из Царства Польского к сотрудничеству с “Kwartalnik Historyczny”²⁵ – историческим журналом из Галиции.

Таким образом, институциональные рамки, существовавшие в Российской Империи в конце XIX – начале XX в. делали издание научного журнала делом чрезвычайно затруднительным. Виной этому было как негативное влияние со стороны формальных институций (цензура и

²¹ Патрушева 2001. С. 147.

²² Futubotn 2005. P. 5.

²³ North 1990. P. 58.

²⁴ Piskurewicz 1990. S. 16.

²⁵ Лазурко 2010. С. 49.

надзор над академическим обществом в Царстве Польском), так и неформальных (слабый спрос на научную литературу). Научный исторический журнал в Российской Империи мог существовать либо при условии серьезной государственной поддержки, либо пытаться за счет числа подписчиков компенсировать расходы и сделать журнал рентабельным. Естественно, в результате менялся формат издания, и оно переориентировалось на вкусы широкой публики.

Становление журнала «Przegląd Historyczny»

В этих обстоятельствах появление в Варшаве в 1905 г. журнала «Przegląd Historyczny» было событием неординарным. Польские историки традиционно связывают появление журнала с серией забастовок, которые прошли в Польше в 1905–1906 гг.²⁶, поражением Российской Империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг.²⁷, участием поляков в революции 1905–1907 гг.²⁸, отменой русификаторской политики²⁹.

Несмотря на то, что перечисленные факторы имели значение, все же они, на мой взгляд, не были решающими. На появление нового издания больше повлияли институциональные изменения в Российской Империи, прежде всего ослабление цензуры. Еще в конце 1904 г. министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский провозгласил «эпоху доверия» в отношении прессы Российской Империи. Сразу после своего назначения он поручил ослабить государственный надзор за прессой, предполагал принять меры по сокращению предварительной цензуры и отмене внесудебного преследования. Уже 28 декабря прошло заседание Комитета Министров по поводу 8-го пункта указа, в котором предусматривалось устранение «излишних стеснений» печати, в т.ч. для провинциальной прессы, которая находилась под надзором местной администрации³⁰. И хотя конкретных результатов политика Святополка-Мирского не дала, само обсуждение таких вопросов на высшем уровне говорило о начале серьезных перемен. Уже в декабре 1904 г. Кабинет министров приступил к разработке нового указа о повременной печати. Работа над ним шла довольно долго, окончательный вариант вышел в свет 24 ноября 1905 г.³¹ Главными нововведениями были: отмена предварительной цензуры, предварительного залога и системы штрафов, которая могла быть наложена на периодику; сокращение полномочий министра внутренних дел, который мог ранее по своему усмотрению ограничивать выход в свет материалов по определенной тематике. Также значительно было упрощено поступление новых изданий на рынок. Вопросы печати выводились из компетенции МВД и давались на откуп местным органам власти.

²⁶ Kondracki 1997. S 5.

²⁷ Łopaciński 1925. S. 5.

²⁸ Szwankowska 2006. S. 5.

²⁹ Rutkowski 2007. S. 514.

³⁰ Ганелин 1991. С. 28, 47.

³¹ Лурье 1990. С. 5.

Такие радикальные изменения привели к появлению многих новых периодических изданий. Даже дополнения к закону от 18 марта 1907 г., которые значительно ограничили ранее предоставленные свободы и усложнили основание новых изданий, не смогли нивелировать эффекта, оказанного данным указом.

Параллельно некоторой либерализации в отношении прессы в Польше произошла отмена ряда ограничений по организации научных сообществ. До 1905 г. основание подобных объединений была делом сложным и зачастую, из-за противодействия имперской власти, невозможным. Например, варшавские историки пытались создать историческое общество им. Лелевеля еще в 1903 г., однако данная инициатива не вызвала сочувствия среди местной российской администрации³².

Уже в 1905–1906 гг. отмена чрезмерного административного контроля привела к взрывному росту числа научных организаций в Царстве Польском. Если до 1900 г. большинство польских научных институций основывались в Галиции, то в первом десятилетии XX в. ситуация резко изменилась. Из 47 польских научных сообществ 36, т.е. подавляющее большинство, были основаны на польских землях в составе Российской Империи. В 1910–1918 гг. было создано всего 18 сообществ, причем большинство (11) – в Царстве Польском³³. Определенная либерализация режима в Российской Империи дала стимул развитию польской науки.

В Варшаве резко выросло число общественных объединений, одним из них было «Общество любителей истории» (1906), официальным органом которого стал «Przegląd Historyczny». Всего в 1905–1907 гг. в Варшаве возникло 547 общественных объединений и организаций³⁴. Для нас особый интерес представляет Касса имени Мянковского, которая осуществляла финансовую поддержку журнала «Przegląd Historyczny» практически со времени его основания.

В декабре 1904 года организаторы журнала начали рассылку писем известным польским историкам, приглашая их к сотрудничеству с новым изданием. В основном письма посылали в Галицию, где к тому времени существовали мощные польские центры изучения истории: Краков и Львов. Такие письма получили, например, профессора истории Львовского университета Бронислав Дембински (Dembiński)³⁵ и Людвиг Финкель (Finkel)³⁶; Пшемислав Добковский (Dąbkowski)³⁷; докторант Ягеллонского университета Антони Карбовяк (Karbowiak)³⁸. Однако, утверждать, что журнал с самого начала сделал ставку на исследо-

³² Kondracki 1997. S. 11.

³³ Brzozowski 1987. S. 53–54.

³⁴ Szwankowska 2006. S. 5.

³⁵ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 5. Lyst 62.

³⁶ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 6. Lyst 75.

³⁷ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 6. Lyst 24.

³⁸ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 10. Lyst 3.

вателей из Галиции нельзя. Большинство статей в нем были написаны историками из Варшавы и Царства Польского, а польские исследователи из Австро-Венгрии играли важную, но лишь дополнительную роль.

Практически у всех историков, посылавших в журнал свои материалы, были личные связи с членами редакционного совета или непосредственно с главным редактором. Например, Мацей Лопет (Loret)³⁹ в письме Кохановскому (1906) сообщал, что рукопись своей статьи он посылает в редакцию при посредничестве Станислава Кентржиньски⁴⁰. Лишь иногда статьи попадали к главному редактору не только от членов редакционной коллегии, но и по рекомендации известных польских ученых.

Отдельного рассмотрения заслуживает стиль редактирования журнала, который серьезно изменился с момента его основания. В самом начале становления «Przegląd Historyczny», установилась форма редактирования, характерная скорее для английских и американских исторических журналов, нежели для континентальной Европы. Для работы редакции в Германии и Франции характерна огромная роль главного редактора, который осуществляет больший объем всей редакционной работы⁴¹. Успех журнала чрезвычайно зависел от таланта и организаторских способностей редактора-одиночки. Напротив, в Великобритании и США основателями исторических журналов становились группы исследователей со схожими идеями или научными интересами.

В конце 1904 г. в «Przegląd Historyczny» сформировался редакционный совет, члены которого осуществляли во многом сходные функции. Наибольшую нагрузку по организации журнала несли Ф. Пуласки и Я.К. Кохановски. Они играли практически равную роль, что отражено, например, в письме с разрешением Варшавского цензурного комитета на печать издания, присланное в редакцию в феврале 1905 г.⁴², которое было адресовано одновременно и Пуласки, и Кохановскому. Еще в июне 1905 г. издательство «Гебетнер и Вольф», согласовывало размер авторских гонораров одновременно и с Пуласки, и с Кохановски⁴³. Однако уже с 1906 г. Кохановски стал играть все большую роль в организации журнала, прежде всего за счет того, что именно он координировал взаимодействие между издательством и авторами⁴⁴, а имя Пуласки постепенно реже стали упоминать в корреспонденции главного редактора.

Кохановски впоследствии начал принимать ключевые решения и определять стратегию продвижения журнала на рынке. В начале 1906 г. представитель фирмы «Гебетнер и Вольф» написал редактору «Przegląd Historyczny» о тяжелом финансовом положении журнала: издательство

³⁹ Лопет, Мацей (1880–1949) – исследователь истории Польши XVIII–XIX вв.

⁴⁰ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 14. Lyst 71.

⁴¹ Stieg 1986. P. 7.

⁴² Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. T. 8. Lyst 151.

⁴³ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. T. 2. Lyst 43.

⁴⁴ Ibid. Lyst 51.

разослало своим постоянным клиентам 212 его экземпляров; однако 110 из них были возвращены обратно⁴⁵. Издательство настаивало на том, что люди, которым было разослан журнал, были достаточно богаты, интересовались книжными новинками; но, тем не менее, ставка на них не сработала, поэтому фирма рекомендовала редактору отказаться от идеи распространять издание в провинции, так как шансы на успех там были еще более призрачны. Однако Кохановски настоял на своем решении, и в итоге «Przegląd Historyczny» наибольшее количество своих подписчиков нашел именно в провинции⁴⁶.

Кохановски стал играть роль координатора и центра коммуникации между различными группами, работавшими над созданием журнала – авторами статей и издательством. Он также определял общую стратегию развития журнала, его формат, осуществлял отбор статей, принимал решения по содержанию номера. Остальные члены редакции в основном стали занимались поиском и отбором материалов, пригодных для опубликования. Члены редакционного совета читали присылаемые им статьи и, в случае одобрения, отсылали Кохановскому⁴⁷, за которым оставалось право окончательного решения по поводу публикации. В то же время, они могли от имени редакции подавать тексты, но их размещение также целиком зависело от воли редактора⁴⁸. Их советы и пожелания имели только рекомендательный характер.

Взаимодействие с зарубежными коллегами и изданиями редакция осуществляла при содействии многочисленной польской научной диаспоры, которая сформировалась к началу XX в. практически в любой европейской стране. Например, статья итальянского медиевиста Джузеппе Томазетти⁴⁹, напечатанная в журнале в 1907 г., была опубликована при посредничестве Адама Даровски (Darowski), историка из Кракова, который с 1894 г. проживал в Риме. Даровски не только переводил текст⁵⁰, договаривался об издании статьи, но также получал и передавал гонорар, причитавшийся итальянскому историку⁵¹. Контакты с историческими изданиями также осуществлялись зачастую через посредничество польской научной диаспоры. Например, с помощью поляков, проживавших в Будапеште, «Przegląd Historyczny» удалось наладить контакты и обмен номерами с венгерским историческим изданием «Századok»⁵².

Уже в 1905 г. сформировалась концепция нового журнала, который позиционировал себя как издание историческое, что отражалось в отборе

⁴⁵ Ibid. Lyst 66.

⁴⁶ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. T. 2. Lyst 80 – 81.

⁴⁷ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 10. Lyst 224.

⁴⁸ Ibid. Lyst 210.

⁴⁹ Tomasetti. 1907. S. 113-122.

⁵⁰ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 5. Lyst 12

⁵¹ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 5. Lyst 18.

⁵² Ibid.. Lyst 117.

статей. В первый год его существования 85% всех материалов были посвящены истории, прежде всего истории дипломатической и политической; 10% – истории права и методологии; 5% – историософии и социологии. Отдавалось предпочтение работам по новейшей истории – 70%; средневековой истории достались оставшиеся 30%. Довольно большой объем отводился под материалы о развитии историографии во Франции, Англии, Германии и России; что было характерно практически для всех исторических изданий конца XIX – начала XX в. Кохановский еще в 1906 г. обозначил две цели журнала: научную и политическую⁵³. Научная цель заключалась в отборе и публикации научных трудов; политическая – в конструировании особого польского видения прошлого и содействии как можно большему его распространению. Та версия истории, что создавалась авторами статей в журнале, должна была конкурировать с имперским видением польского прошлого.

Современники понимали отчетливый политический оттенок, присущий «Przegląd Historyczny». Например, офицер австро-венгерской армии, которому в 1910 г. Кохановский предложил опубликовать свою работу в журнале, в ответ ему писал: «...Как офицеру мне нельзя подписываться под статьей, помещенной в журнале, занимающемся делами политическими, или помещающему статьи о делах политических»⁵⁴.

Итак, с самого начала «Przegląd Historyczny» имел четкую политическую позицию. Редакция стремилась создать «иной» образ польского прошлого, который должен был конкурировать с имперским видением истории и работами «пессимистической» Краковской школы истории⁵⁵.

Финансирование

Одним из важнейших факторов, способствовавших появлению «Przegląd Historyczny» стала особая система финансирования научных учреждений, которая резко отличалась от соответствующих российских практик. В 1905 г. деньги на журнал выделяло крупнейшее варшавское издательство «Гебетнер и Вольф». Это позволило журналу выплачивать авторам статей сравнительно неплохие гонорары – по 5 копеек за строчку⁵⁶. В письме Пуласки сообщался размер гонорара за авторский лист, который равнялся 60–70 руб.⁵⁷, в то время как, например, московский журнал «Голос Минувшего» платил за статьи от 50 до 100 руб.⁵⁸ Однако уже к концу первого года существования журнал оказался в тяжелом финансовом положении: по итогам 1905/1906 г. удалось реализовать «Przegląd Historyczny» всего на 2658 руб.⁵⁹ Это была мизерная сумма в

⁵³ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9677. Lyst 41.

⁵⁴ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 8. Lyst 130.

⁵⁵ Wierzbicki. 2006. S. 10.

⁵⁶ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. T. 2. Lyst 47.

⁵⁷ Biblioteka Narodowa III: Akc 9965. T. 19. Lyst 72.

⁵⁸ РГАЛИ Ф. 305 оп. 1, ед. 99. Л. 66.

⁵⁹ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. T. 2. Lyst 80.

сравнении с тем же «Голосом Минувшего, который в первый же год своего существования был продан на 24 тыс. руб.⁶⁰ Больше всего продать годичных комплектов издания удалось книжным магазинам – на 864 руб.; в Варшаве и провинции – на 475,6 и 652 руб. соответственно; больше всего полугодичных комплектов было реализовано в провинции – на 481 руб.; тогда как в книжных издательствах и Варшаве – на 113,4 и 45,5 руб. соответственно. Результаты второго полугодия 1906 г. были еще хуже – 512 руб.⁶¹ Если учесть, что на волне революции интерес к прошлому в Польше вырос, то продажи и вовсе оказываются мизерными. Тот факт, что в провинции продано было столько полугодовых комплектов, говорит о том, что у многих потенциальных подписчиков не хватало средств подписаться на год, несмотря на то, что годовая подписка стоила немного – 10 руб. Бедность польской провинции отрезала от журнала часть и без того небольшой аудитории. В таких условиях журналу пришлось менять способ финансирования.

Временным решением стал переход под крыло «Общества любителей истории», которое приняло «Przegląd Historyczny» с долгами в размере 626 руб.⁶² Большинство членов его Исполнительного комитета уже работали в журнале⁶³. «Towarzystwo Miłośników Historii» не сильно отличалось от остальных польских научных обществ того времени – большинство его членов не имели отношения к академическому миру, но ученые составляли большинство в Комитете, который осуществлял руководство. В структуре финансов организации большую роль играли пожертвования, нежели членские взносы. С 1907 по 1910 г. членские взносы принесли 1560, 1252, 1020 и 965 руб., в то время как дары – 2730, 2126, 1359, 1137 руб. Помимо этого, Касса имени Мянковского ежегодно вносила субвенции в 600 руб. на выпуск журнала⁶⁴.

Однако переход под крыло исторического общества не решил проблем журнала с финансированием. Уже в 1908 г. пришлось сократить его объем, так как издание съедало большую часть денежных средств Общества⁶⁵, доходы которого сокращались вместе с его количеством членов, по мере затухания интереса к истории, достигшего максимума в Польше на фоне революционных событий 1905–1907 гг.

В 1911 г. кризис в «Обществе любителей истории» вынуждает отказаться от финансирования журнала, который полностью перешел на содержание Кассы им. Мянковского. Кассы Общества и журнала были разделены. Отныне, помимо доходов от подписки, журнал получал средства и от субвенций, которые предоставляла ему Касса им. Мян-

⁶⁰ РГАЛИ Ф. 305 оп. 1, ед. 95. Л. 21

⁶¹ Biblioteka Narodowa IV: Akc 9966. Т. 2. Lyst 80-81.

⁶² Rutkowski 2007. S. 516.

⁶³ Kondracki 1997. S 11.

⁶⁴ Rutkowski 2007. S. 519.

⁶⁵ Kondracki 1997. S 12.

ского. В 1912 г. она выделила на содержание журнала 800 руб., в 1913 г. – сумма увеличилась до 1200⁶⁶.

Таким образом, журнал в финансовом отношении был довольно нестабилен и смог удержаться на рынке только благодаря наличию в Царстве Польском таких мощных благотворительных организаций, поддерживающих науку, как Касса им. Мянковского.

Не последнюю роль в том, что Касса им. Мянковского в решающий момент поддержала журнал «Przegląd Historyczny», сыграли два фактора. Во-первых – члены редакции имели личные связи с Комитетом Кассы. Во-вторых, политическая составляющая деятельности журнала соотносилась с целями самой Кассы им. Мянковского, которая финансово поддерживала сеть национальных польских негосударственных научных институций, одной из которых был и «Przegląd Historyczny».

В России и Царстве Польском у научной благотворительности были различные цели и характер. В России одной из важнейших целей частной благотворительности было нивелирование недостатков государственной системы науки и образования⁶⁷. В Польше же одной из приоритетных статей расходов благотворительных учреждений была финансовая поддержка сети научных и образовательных институтов, которые выполняли в некотором роде параллельные официальным государственным институтам функции. Вместо интеграции в имперское академическое сообщество, поляки избрали путь создания развитой сети своих собственных институтов. В эту канву вписывается и финансирование Кассой им. Мянковского исторического журнала «Przegląd Historyczny».

Отличался характер благотворительности в Польше и от других стран континентальной Европы. Как правило, финансирование научных исследований осуществлялось в европейских странах государством, а частная благотворительность играла скорее моральную роль, нежели была реальной поддержкой. Подобная модель была характерна не только для России, но и для Германии и Франции. Частные лица выступали основным донором науки либо в странах с достаточно развитым гражданским обществом (Англия), либо в тех странах, которые не имели собственной государственности, но не были полностью интегрированы в имперский социум (Чехия и Польша)⁶⁸.

Финансовая поддержка со стороны Кассы им. Мянковского сыграла важнейшую роль в развитии «Przegląd Historyczny», так как позволила журналу нивелировать негативное влияние ряда неформальных институций, среди которых важнейшее значение имел низкий общественный спрос на научную литературу. В Российской Империи академическое сообщество не располагало подобными гибкими финансовыми инстру-

⁶⁶ Rutkowski 2007. S. 519.

⁶⁷ Велиховский 2014. С. 91.

⁶⁸ Piskurewicz.1990. S. 99.

ментами, и научные журналы без серьезной денежной поддержки со стороны государства имели очень слабые шансы удержаться на рынке.

Суммируя сказанное, следует отметить, что в Царстве Польском до 1905 г. существовали жесткие институциональные ограничения, делавшие возникновение исторического журнала практически невозможным. Государственные институции, такие как цензурный комитет, ограничивали сам выход издания в свет. Полицейский надзор не давал развиваться общественным организациям (историческим обществам, благотворительным фондам), которые могли бы поддерживать такое издание. Усугубляло ситуацию негативное влияние низкого читательского спроса.

После 1905 г. институциональные рамки расширяются: был ослаблен надзор за провинциальной прессой со стороны государства, снята часть запретов на основании новых организаций. Это привело к двум эффектам. Во-первых, резко возросло количество научных институций – Царство Польское быстро обогнало Галицию, лидировавшую в этом отношении весь XIX век. Во-вторых, для существующих институций расширилось поле деятельности. Создание «Przegląd Historyczny» чрезвычайно удачно совпало по времени с этими процессами.

Способствовал становлению журнала также фактор выбора опции «выход» польскими учеными в отношении образовательных и научных организаций Российской Империи. Это, во-первых, высвободило много квалифицированных исследователей, которые смогли посвящать свое время работе над изданием; во-вторых, привело к отъезду ряда исследователей за границу, что имело своим следствием создание достаточно многочисленной польской научной диаспоры в странах Европы.

Таким образом, «Przegląd Historyczny» смог в полной мере воспользоваться переменами в институциональном поле, происходившими в Царстве Польском в 1904–1907 гг., и стать одним из ведущих польских исторических журналов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Российский Государственный Архив Литературы и Искусств (в тексте – РГАЛИ).
Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского Университета 1869–1915: просвещение, наука, политика: монография. Люблин: Instytut Europy Środkowo – Wschodniej, 2014. 408 с.
- Велиховский Л.Н. Опыт формирования социокультурного пространства: историческая ретроспектива деятельности предпринимательского сообщества России XIX - начала XX вв. / Л.Н. Велиховский, Т.Н. Кандаурова // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 77-95.
- Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб: Наука. С.-Петербургское отделение, 1991. 221 с.
- Лазурко Л. Часопис Kwartalnyk Historyczny i розвиток польської історіографії останньої чверті XIX – першої половини XX століття. Дрогобич: Редакційно-видавничий відділ Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка, 2010. 282 с.
- Лурье Ф. Хранители прошлого: журнал «Былое». Л: Лениздат, 1990. 255 с.
- Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (в тексте – ОР РГБ).

- Патрушева Н.Г. Главное Управление по делам печати (1865-1917 гг.) и проекты его реформирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2001. Ч. 4. № 8. С. 147-151.
- Хиришман А. О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, обществ и государств / Пер. с англ. Борис Пинскер. М.: Новое издательство, 2009. 207 с.
- Bazhenova A.J. Istoriki Imperatorskogo Varshavskogo Universiteta 1869-1915: prosveshhenie, nauka, politika. Ljublin: Instytut Europy Srodkowo – Wschodniej, 2014. 408 s.
- Velichovskij L.N. Opyt formirovanija sociokul'turnogo prostranstva : istoricheskaja retrospectiva dejatel'nosti predprinimatel'skogo soobshhestva Rossii XIX – nachala XX vv. / L.N. Velichovskij, T. N. Kandaurova. // Dokument. Archiv. Istorija. Sovremennost'. Vyp.14. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, 2014. S.77-95.
- Ganelin R.Sh. Rossijskoe samodержavie v 1905 godu. Reformy i revoliucija. SPb: Nauka. S.-Peterburgskoe otdelenie, 1991. 221 s.
- Lazurko L. Chasopys Kwartalnyk Historyczny i rozvytok polskoj istoriografiji ostann'oji chverti XIX – pershoji polovyny XX stolittja. Drohobych: Redakcijnno-vydavnychij viddil Drohobyc'ogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Ivana Franka, 2010. 282 s.
- Lur'e F. Chraniteli proshlogo: zhurnal «Byloe». L: Lenizdat, 1990. 255 s.
- Otdel Rukopisej Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki (v tekste – OR RGB).
- Patrusheva N.G. Glavnoe Upravlenie po delam pečati (1865-1917 gg.) i projekty ego reformirovanija // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2001. Ch 4. № 8. S 147-151.
- Rossijskij Gosudarstvennyj Archiv Literatury i Iskusstv (v tekste – RGALI).
- Hirshman A.O. Vyhod, golos i vernost': reakcija na upadok firm, obshestv i gosudarstv / Perevod s ang. Boris Pinsker. M: Novoje izdatel'stvo, 2009. 207 s.
- Brzozowski S. Warunki rozwoju Nauki polskiej w kraju 1860–1918 // Stanisław Brzozowski. Życie naukowe w Polsce w drugiej połowie XIX i w XX wieku. Organizacje i Instytucje. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład Narodowy imienia Osslińskich, 1987. S. 13-57.
- Futubotn G.E. Institutions and economic theory. The contribution of new institutional economics / E.G. Futubotn, R. Richter. The Un-ty of Michagan Press, 2005. 672 p.
- Hübner P. A History of the Józef Mianowski Fund / Piotr Hübner, Jan Piskurewicz, Jacek Soczyński, Leszek Zastowt. Warszawa: Kasa im. Josefa Mianowskiego, 2013. 166 s.
- Hübner P. Kasa im. Josefa Mianowskiego. Fundacja popierania nauki: 1881-1991 / Piotr Hübner, Jan Piskurewicz, Leszek Zastowt. Warszawa: Kasa im. Josefa Mianowskiego, 1992. 70 s.
- Kondracki T. Kalendarium Dziejów Towarzystwa Miłośników Historii w Warszawie w latach 1906–1908 / Tadeusz Kondracki, Hanna Szwankowska. Warszawskie środowisko historyczne w XX wieku. Dziesięćdziesięciolecie Towarzystwa Miłośników Historii. Wydawnictwo Instytutu Historii PAN, Warszawa 1997. S 5-72.
- Łopaciński W. Wspomnienia o Aleksandrye Jabłonowskiej i Janie Kochanowskiej // Przegląd Historyczny. T 25. 1925. S. 5-7.
- Mlekicka M. Wydawcy warszawcy w XIX w. jako grupa społeczna i ich związki y inteligencja // Inteligencja polska XIX i XX wieku / Red. Ryszard Czepulis-Rastenis. Warszawa Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. S. 9-32.
- North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: CUP, 1990. 159 p.
- Piskurewicz J. Warszawskie instytucje społecznego mecenatu nauki w latach 1869–1906. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1990. 235 s.

- Rutkowski H. Początki Towarzystwa Miłośników Historii w Warszawie (1906–1914) // *Przegląd Historyczny*. T. 98. 2007. S. 513-536.
- Stieg M. The origin and development of Scholarly Historical Periodicals. Tuscalausa: University of Alabama Press, 1986. 261 p.
- Szelągowska G. Dyskusje naukowe na łamach „Przeglądu Historycznego” // *Przegląd Historyczny*. T. 97. 2006. S. 13-21.
- Szwankowska H. Dziej Towarzystwa Miłośników Historii // *Towarzystwo Miłośników Historii: Stulecie, 1906-2006*. Wydawnictwo „DiG”, 2006. S. 5-21.
- Tomasetti G. *Przegląd historiografii najnowszej włoskiej (wieki średnie)* // *Przegląd Historyczny*. T. 4. 1907. S. 113-122.
- Warszawskie środowisko historyczne w XX wieku. Dziewięćdziesięciolecie Towarzystwa Miłośników Historii / Marian Marek Drozdowski, Hanna Szwankowska (red). Wydawnictwo Instytutu Historii PAN, Warszawa 1997. 309 s.
- Wierzbicki A. Warszawska szkoła historyczna wobec problemu historyczno-kulturowej przynależności polski / *Warszawskie środowisko historyczne w XX wieku. Dziewięćdziesięciolecie Towarzystwa Miłośników Historii*”, Wydawnictwo Instytutu Historii PAN, Warszawa 1997. S 93-104.
- Wierzbicki A. Założyciele Towarzystwa Miłośników Historii // *Rocznik Warszawski*. Tom 35. Warszawa: Towarzystwo Przyjaciół Zamku Królewskiego w Warszawie, 2007. S. 328-338.
- Wierzbicki A. Związki „Przeglądu Historycznego” z warszawską szkołą historyczną // *Przegląd Historyczny*. T. 97. 2006. S. 1-11.
- Wyrobisz A. „Przegląd Historyczny” w latach 1905–1995 // *Warszawskie środowisko historyczne w XX wieku. Dziewięćdziesięciolecie Towarzystwa Miłośników Historii*. Wydawnictwo Instytutu Historii PAN, Warszawa 1997. S 131-139.
- Zbiory rękopisów Biblioteki Narodowej (в текстре - Библиотека Народова).*

Лихацкий Андрей Андреевич, аспирант, Школа исторических наук НИУ ВШЭ (Москва); pav9533@rambler.ru.

Influence of institutional limitations on the establishment of the historical journal «Przegląd Historyczny», 1905-1914

The article examines the influence of the institutional arrangements of the Russian Empire on the emergence of an academic historical journal named «*Przegląd Historyczny*» in the Kingdom of Poland in the early 20th century. The main factor, which hindered this process, was the pressure of governmental institutions. The liberalization of the regime's policies after 1905 led to revival of the academic life in Poland. Another factor, which influenced the establishment and development of the new journal, was the network of public institutions. These organizations helped to maintain science and counteracted the governmental pressure. The second topic of this article is the form of editorial work in the «*Przegląd Historyczny*», that changed dramatically in the period between 1905 and 1914.

Keywords: *Kingdom of Poland, Russian Empire, «Przegląd Historyczny», academic historical journal, the polish historiography.*

Andrej Likhatsky, PhD student, School of historical sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow); pav9533@rambler.ru

РЕЦЕПЦИЯ «ИСТОРИИ БЕЗУМИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»¹

Часть исследователей, дискутирующих о научном статусе «историй» Мишеля Фуко, выдвигает гипотезу об их близости работам представителей школы «Анналов». Настоящая статья приводит ряд аргументов в пользу этой позиции, анализируя рецепцию «Истории безумия» одновременно на уровне истории идей и в контексте межличностных и институциональных отношений, складывавшихся между автором и «анналистами» до и после появления книги в печати. Как показывает такой комплексный взгляд, «анналисты» не только сыграли решающую роль в публикации книги и практиковали схожие стратегии академического развития, но и создали историографический миф о том, что Фуко – «истинный последователь Люсьена Февра».

Ключевые слова: Мишель Фуко, «История безумия», школа «Анналов», Филипп Арьес, Фернан Бродель, французская историография, «новая история».

Мишель Фуко был и остаётся одним из самых цитируемых авторов в области гуманитарных наук², однако статус его исследований до сих пор провоцирует широкие дискуссии. Наиболее стойкая и продолжительная из них возникла с момента появления первых его работ и сосредоточена вокруг проблемы идентификации их дисциплинарной принадлежности. В ёмкой формулировке Томаса Флинна, «все главные сочинения Фуко – «истории», и этого уже достаточно, чтобы называть его «историком». Требуется только определить, какого рода истории он писал и, следовательно, – каким историком являлся»³.

Впервые введенные Мишелем Фуко в научный оборот, темы этих «историй» стали чрезвычайно актуальными и плодотворными. В центре современной политической истории, например, оказались «техники контроля», с помощью которых власть подчиняет себе индивида, формирует его субъективность. Современную культурную историю трудно представить без вопросов, связанных с телесностью, сексуальностью и генде-

¹ Статья подготовлена в ходе работы проекта № 15-05-0042 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Интуитивная очевидность этого факта подтверждена, например, количественным исследованием Аллана Мегилла (Megill 1987); о российской традиции цитирования Фуко высказался социолог А.Ф. Филиппов – весьма иронично и точно: «Фукоизация всей страны» (Филиппов 2001).

³ Flynn 2005. P. 29. В той или иной мере каждый серьёзный сборник работ, посвящённых Фуко, обсуждает эту проблему. См., напр.: Cambridge Companion... 2005; Rewriting the History... 1992; Foucault and Philosophy... 2010; и др.

ром. Однако сами исследования Фуко в среде академических историков даже сегодня вряд ли кто-то рискнёт признать «классикой жанра».

Цель статьи – сформулировать причины возникновения этого парадокса, чтобы, по крайней мере, наметить ответ на вытекающий из него вопрос: почему Фуко, можно сказать, определившему образ ряда современных исторических дисциплин, до сих пор отказано в принадлежности к сообществу «классических» историков?

Для этого обратимся к началу его академической карьеры и покажем, как первая написанная им серьёзная работа, «Безумие и неразумие: История безумия в классическую эпоху» (1961)⁴, была воспринята ведущими представителями школы «Анналов», ставшей символом обновления исторической науки XX в.

Восприятие «Истории безумия» в кругу профессиональных историков заслуживает детального анализа в разных научных контекстах. Выделим три из них: 1) контекст межличностного общения между Фуко и коллегами, 2) пространство взаимодействия мыслителя с академическими институтами французской науки и 3) контекст «истории идей». Указанные уровни (межличностный, институциональный и уровень истории идей) представляют связную аналитическую программу, позволяющую рассмотреть ситуацию «объёмно» и проследить в ней сквозные закономерности рецепции текста Фуко, в комплексе демонстрирующие специфику «особого пути», которым мыслитель попал на Олимп гуманитарной науки, несмотря на непрекращающиеся споры о том, «какого рода истории он писал и каким историком являлся». На наш взгляд, между автором и первыми профессиональными читателями «Истории безумия» возникла ситуация недопонимания, которая затем оказалась образцовой для последовавшей рецепции «историй» мыслителя не только в континентальной, но и в англосаксонской традиции гуманитарной науки.

Среди существующей прежде всего следует отметить монографии Карлоса Агирре Рохаса «Критический подход к истории французских “Анналов”»⁵ и Франсуа Досса «Новая история во Франции: триумф “Анналов”»⁶, поскольку они являются одними из самых исчерпывающих источников по истории и эволюции этого направления исторической науки – от его формирования через борьбу с французской академией к моменту, когда «анналисты» завоевали практически все стратегические позиции в нашем медиа-ориентированном обществе⁷. Особое внимание в текстах уделено тому, как «анналисты» теоретически определяли «свои позиции относительно течений марксизма и структурализма»⁸ – у Агир-

⁴ «Говоря о своей первой книге, Фуко всегда имел в виду «Историю безумия», несмотря на несколько предшествовавших ей работ». Эрибон 2008. С. 57.

⁵ Агирре Рохас 2006 [1999].

⁶ Dosse 1994 [1987].

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Агирре Рохас 2006. С. 123.

ре Рохаса, и относительно структурализма и феноменологии – у Досса. В обоих исследованиях Фуко оказался удостоенным внимания, однако «один из лучших историков нашего времени»⁹ появляется в них лишь как «истинный последователь Февра»¹⁰, введший в историю политического «трилогию тело/дискурс/власть»¹¹ и принявший участие в теоретической дискуссии о «глобальной» и «серийной истории»¹².

Другие две работы, которые важно отметить в контексте не только взаимоотношений Фуко и школы «Анналов», но и анализа рецепции работ мыслителя в историческом сообществе в целом, – это посвящённый Фуко том под редакцией Гарри Гаттинга¹³ и сборник «Переписывая историю безумия: исследования об «Истории безумия» Фуко»¹⁴. Первый труд имеет целью выделить основные сюжеты творчества мыслителя и прояснить его ключевые концепты, проводя различные историко-философские параллели. Обширная часть введения и две первых статьи сборника посвящены «новому методу исторического анализа» Фуко, который, как считает Гаттинг, можно было бы продуктивно сравнить с работами представителей «новой истории»¹⁵, но дальше декларации авторы не заходят, концентрируясь именно на особенностях «историй» Фуко. Среди авторов второго сборника значатся такие известные теоретики истории, как Робер Кастель, Доменик ЛаКапра, Аллан Мегилл. В фокусе их внимания находится вопрос, почему вклад первой и даже последующих работ Фуко в гуманитарную науку (с акцентом на её англосаксонской части) оказался недооценённым и зачастую был неправильно интерпретирован. Замечая особую роль отзова на «Историю безумия», написанного «анналистами» Фернаном Броделем и Робером Мандру¹⁶, исследователи, однако, склонны оценивать его, скорее, как первый пример недопонимания замысла книги, чем как основу для последовавшего сотрудничества и теоретических дискуссий. Этот тезис мы попробуем опровергнуть в заключительной части настоящего текста.

Рецепция «Истории безумия» у «анналистов» проявилась, прежде всего, на уровне личного взаимодействия между автором и персоналия-

⁹ Dosse 1994. P. 193.

¹⁰ Агирре Рохас 2006. С. 105.

¹¹ Dosse 1994. P. 194.

¹² Агирре Рохас 2006. С. 138; Dosse 1994. P. 153–155.

¹³ The Cambridge Companion... 2005. Гаттингу также принадлежит статья о Фуко в авторитетной Стэнфордской философской энциклопедии (Gutting 2013).

¹⁴ Rewriting the History... 1992. Сборник снабжен критической библиографией работ об «Истории безумия», фиксирующей позиции их авторов по отношению как к идеям книги, так и, в целом, к творчеству мыслителя. Erickson 1992. Чрезвычайно полезна также биография Мишеля Фуко, написанная Дидье Эрибоном – титанический труд, аккумулирующий в себе множество фактов из жизни не только заглавного персонажа, но и других выдающихся французов его времени (Эрибон 2008 [1989]).

¹⁵ Gutting 2005. P. 6.

¹⁶ См., напр.: Rewriting the History... 1992. P. 19–20, 100, 170.

ми, от которых зависела публикация книги. Здесь впервые обнаружили две тенденции, характерные для всей биографии Фуко: с одной стороны, эмпатию к мыслителю проявили исследователи, занимавшиеся в тот момент схожими историческими сюжетами (как бы обладающие идентичным с ним эпистемологическим горизонтом), с другой стороны, для историков, не близких Фуко ни лично, ни концептуально, его идеи оказались настолько нестандартными и сложно сформулированными, что были встречены практически полным непониманием.

В 1960 г. Мишель Фуко, ещё не известный французскому научному сообществу, но уже начавший обзаводиться знакомыми, которым его исследовательские интуиции казались новыми и глубокими, получил разрешение от научного руководителя Жоржа Кангийема на публикацию своей диссертации. Он мечтал, чтобы текст о безумии и его образах в западной культуре и науке напечатали в «Галлимаре», «выпускавшем труды авторов предыдущего поколения, в частности Сартра и Мерло-Понти»¹⁷. И это амбициозное желание столкнуло Фуко с устойчивыми «правилами игры», работавшими не на отбор прогрессивного, нового знания, а на воспроизводство авторитетной традиции.

Рукопись попала к рецензенту Брису Парену, одному из главных помощников основателя издательства – Гастона Галлимара. Литературно-критические взгляды, составлявшие его редакторскую позицию, на тот момент были весьма влиятельны (хотя Парен сформировался как критик ещё в период после Первой мировой войны) и отличались «недоверием к зарубежной литературе и философии, игравшим значительную роль в формировании современных критических идей»; он видел «опасность в космополитизме сегодняшних французских писателей»¹⁸ и даже говорил, что «образовательная система производит на данный момент больше «интеллектуалов», чем страна способна вынести»¹⁹. «Мы не печатаем диссертаций», – таков был его резкий ответ. В отказе Парена не было ничего странного, недаром издателей называют «привратниками / стражами» (gatekeepers) идей²⁰: они призваны следить за их воспроизводством и не «пропускать» рукописи, несущие в себе риск разрыва с традицией. Тем более это актуально для таких гигантов издательского дела, как «Галлимар»; то же самое произошло даже с Клодом Леви-Строссом, когда он десятью годами ранее, в начале 1950-х, принёс Парену сборник статей по этнологии, ставших позднее в более гостеприимном издательстве «Плон» знаменитой «Структурной антропологией». Исследования, с которых, можно сказать, начались структурализм и постструктурализм, были проигнорированы Пареном и «Галлимаром» (скорее, «автоматически», чем сознательно) – как несущие в себе риск

¹⁷ Эрибон 2008. С. 135.

¹⁸ Stevens 1957. P. 223.

¹⁹ Acton 1939. P. 165.

²⁰ См. подробнее, напр.: Coser 1975.

установившемуся порядку в области академического знания. Однако «агентов стабильности» всегда балансируют «агенты развития», способные брать на себя риск. Поэтому и Фуко предложили отнести «Историю безумия» в упомянутый «Плон». Здесь рукопись сначала будто бы затерялась: несколько месяцев не было ответа, и когда автор уже хотел её забрать, «вдруг обнаружилось, что это книга по истории»²¹.

Чтением текста занялся «анналист» Филипп Арьес, возглавлявший серию «Цивилизация, её прошлое и настоящее». Как и Парен, он «всю жизнь почитал традиции старой Франции, доставшиеся в наследство с детства, приобретённые в дружбе университетских лет, когда в довоенные годы он боролся за общее дело роялистов»; потом, с 1946 по 1966 гг., публикуясь в периодике, Арьес пытался приспособить ценности федерализма, католицизма к поствоенной ситуации²². Однако политику и свой традиционализм редактор оставил на долю публицистики, формируясь на протяжении всей научной карьеры как независимый учёный, мыслящий неординарно и без предвзятости: если и существовали общие точки между его исследованиями культуры и исторической наукой того времени, то они находились на пересечении с идеями представителей школы «Анналов»²³. Как он сказал позднее, собственные политические взгляды заставили его «обратить внимание на инерционные силы популярной традиции и на важность коллективной памяти»²⁴. Арьес на тот момент ничего не знал о Фуко, но, прочтя книгу, был сражён и сделал всё возможное, чтобы поспособствовать её изданию.

Возможно, его интуиции помогло то, что ранее он сам опубликовал книгу, идея которой была схожа с главной идеей «Истории безумия». В появившейся годом ранее в той же серии «Цивилизация вчера и сегодня» книге «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке»²⁵ он писал, что детство есть социальный конструкт, что в определённые периоды истории детства фактически не существовало как феномена. Так и Фуко полагал, что безумие и неразумие – динамичные концепты, а не нечто зафиксированное, и что их содержание зависит от развития социальных институтов прошлого, от того, что понималось под «разумом».

Это подводит нас к закономерностям стратегий академического развития, принадлежащим уже к уровню институционализированной науки: «История безумия» шла к публикации по «периферическому», «маргинальному» пути, обозначенному развилкой в сторону «Плона» и Арьеса – независимых от традиции агентов²⁶, способных взять на себя

²¹ Эрибон 2008. С. 135-136.

²² Hutton 1999. P. 366.

²³ Агирре Рохас 2006. С. 150; Dosse 1994. P. 187.

²⁴ Hutton 1999. P. 378.

²⁵ Ariès 1960.

²⁶ Эрибон описывает ситуацию так: «[Арьес.] историк без кафедры, маргинал, державшийся в стороне от академических учреждений, называвший себя «истори-

определённый риск. Такое положение дел ставит под сомнение широко цитируемый тезис о том, что Фуко – «истинный продолжатель» традиции исследования ментальностей, идущей от начинателя школы «Анналов» Люсьена Февра²⁷: если бы он, действительно, был настолько близок анналистам, его распознали бы без труда, поскольку к началу 1960-х гг. школа «Анналов» была хорошо известна французским историкам и даже открывала эпоху своей международной популярности. К тому же известно, что Февр общался с Пареном: в 1943 г. он писал ему о проекте книги, которая должна была рассказать «о таких темах, как личность, любовь, бракосочетание, – каждая со своей историей, которую никто не желал замечать», – как и историю безумия до Фуко. Книга Февра появилась в 1944 г. под согласованным с Пареном и Галлимаром названием: «Любовь священная и любовь профанная: вокруг Гептамерона»²⁸.

Напротив, книга Фуко полтора десятилетия спустя была опубликована в «Плоне», так и не получив признания в «Галлимаре». Почему? Истории Февра, Арьеса, Фуко («любви», «детства», «безумия») оказались близки даже в своей нетрадиционности по отношению к классической истории. Однако концептуальный аппарат «анналистов» к началу 1960-х уже сформировался, приобрёл измерение «дискурса», поддерживаемого социальными и академическими институтами («правилами игры»), возникшими вокруг «Анналов». Поэтому «История безумия» могла найти внимательного читателя лишь в практикующем современнике, бывшем «историком выходного дня», не стеснённым потребностью поддержания авторитетов и академических структур; сам же Фуко мог обрести собственный голос и «таинственный путь» в науке, лишь осознанно противопоставив себя устоявшейся системе «слов и вещей».

В этой ситуации институционализируемая реакция «анналистов», возникшая на страницах журнала, несла в себе двоякую функцию: одновременно и легитимирующую, и нормализующую; в таком важном деле принял участие даже сам редактор, Фернан Бродель. С одной стороны, внимательный и масштабный «критический отзыв» (а не просто рецензия!)²⁹, объяснял, что содержательного было сказано Фуко в «Истории безумия», с другой стороны, он давал нужные для её прочтения «ключи», подсказывал правильные категории интерпретации.

ком выходного дня», оказался... способен... увидеть всю мощь новаторства странного, не вписывающегося в академические рамки труда» (Эрибон 2008. С. 137).

²⁷ «Как справедливо отметил Фернан Бродель, истинным продолжателем уникального подхода к истории ментальностей, которой занимался Люсьен Февр, был Мишель Фуко» (Агирре Рохас 2008. С. 146); «[Ролану] Барту пришла по душе идея, что Люсьену Февру понравилась бы книга Фуко: «...ибо он возвращает истории фрагмент "природы" и превращает в факт цивилизации то, что мы привыкли считать фактом медицины: безумие» (Эрибон 2009. С. 148); *Rewriting the History...* P. 170 и др.

²⁸ Цит. по Zemon Davis 1992. P. 137.

²⁹ Braudel, Mandrou 1962.

Для понимания того, как Фуко отреагировал на научные фильтры, встретившие его первую книгу, и как строил далее стратегию академического развития, следует, с одной стороны, сделать экскурс в историю формирования поля французской науки, обозначив здесь особую роль истории, с другой стороны, показать, как школа «Анналов», будучи новаторским направлением исторической науки, реализовывала потребность в институционализации. Фуко противостоял традиции похожими методами: через создание периферических академических траекторий, которые С. Козлов удачно назвал «институциональными шунтами»³⁰.

Французская наука того времени представляла собой централизованную и иерархичную систему. В меньшей степени это касалось естественных наук, в большей – гуманитарных, поскольку именно они задавали ценностную структуру французского интеллектуального сообщества. Научные институты Франции сложились в реформах 1880–1890-х гг., в борьбе между республиканцами и консерваторами («бонапартистами и роялистами»). Первые одержали победу, что предопределило идеологию системы: главной ценностью, которой она была призвана служить, стала Республика, символически венчавшая «пирамиду» академического сообщества. Формирование «коллективной памяти» о возникшей после революции республике, закрепление её образа в публичном пространстве сообразно политическим целям легло на плечи истории и, следовательно, историков, благодаря чему история во Франции стала «царицей» гуманитарных наук. Поле науки самоорганизовывалось сообразно идеологии, поэтому академические стратегии, практики письма и преподавания истории также обрели «республиканскую» форму. Звёздным небом, на котором блистали светила науки, была Академия Франции, попасть в нее считалось «апофеозом карьеры»³¹. Далее сеть иерархии ветвилась, постепенно спускаясь через научные организации (например, Коллеж де Франс, который должен был показывать научное знание «таким, как оно есть» в «созидающемся виде»³²) на базовый уровень – университетского и среднего образования, который отвечал за популяризацию знания.

Чтобы заставить такую довольно сложную и структурированную систему воспроизводить высшие образцы, требовалась довольно гибкая, но фундаментальная эпистемология исторического знания, поддерживающая республиканские ценности и классиков, их «надиктовывавших». Лучшее всего этим потребностям соответствовала концепция истории, отводившая главную роль фактам и нарративу, который объединял их в повествование, отвечавшее высоким трансцендентальным ориентирам.

«Научная география» имела схожее символическое пространство: влияние сосредотачивалось в центре – Париже, – и оттуда распростра-

³⁰ Подробнее см.: Козлов 2009.

³¹ Noiriel 1994. P. 555-556.

³² Эрибон 2009. С. 132.

нялось в регионы, задавая традиции исследований и практики взаимодействия учёных. Способность говорить «истину», нечто новое, была привилегированной возможностью, доступ к которой регламентировался на различных уровнях. Исследователь был привязан к академической системе, во-первых, по вертикальной оси, на которой было отмечено его положение в иерархии научного сообщества, во-вторых, через фактическое местоположение на карте академического пространства.

Судя по биографическим фактам, Мишель Фуко, по крайней мере, в начале карьеры не рвался на научный Олимп. За пять лет, предшествовавших появлению «Истории безумия», он побывал сначала в Швеции, затем в Варшаве и Гамбурге, а после защиты диссертации и её публикации в виде книги – ещё пять лет преподавал, каждую неделю путешествуя из Парижа в университет Клермон-Феррана. Ему, очевидно, нравилось находиться на периферии, в «добровольной ссылке»³³, где власть авторитетов была не так сильна и предоставлялось пространство для различных экспериментов – как в жизни, так и в творчестве. Однако постепенно Фуко встраивался в «горизонтальную» и «вертикальную» оси академического сообщества, обрасая новыми знакомствами; этому значительно способствовал успех нашумевших «Слов и вещей» (1966), вышедших уже в «Галлимаре»³⁴. В результате, Олимп сам пришёл к нему: в 1969 г. Фуко избирают профессором упомянутого Коллеж де Франс, одного из самых престижных научных заведений Франции.

Чем было определено такое стремительное карьерное движение от неизвестности и непонимания к всеобщему признанию – менее, чем за десять лет, – с 1961 по 1969 г.? Прежде всего, глубиной оригинальностью и актуальностью работ Фуко, сочетавших в себе новейшие достижения гуманитарной науки и междисциплинарное видение проблем. С другой стороны, он умело использовал интеллектуальную и финансовую независимость, будучи на периферии, в ситуации ослабленного давления академии; при этом он смог получить доступ к публикациям в ведущих французских издательствах. Не привязанный материально к полю науки, Фуко передвигался без затруднений между различными его «регионами», реализуя свои представления о свободе от «дискурса».

Такое же движение в авангарде, противостоящее ригидности академической истории, основывавшейся на событийности и трансцендентализме, в 1930–1960-х гг. можно наблюдать в кругу историков, объединённых журналом «Анналы», единственном издании, отреагировавшем на «Историю безумия» Фуко в 1960-м г., главный редактор которого Бродель к тому времени обрёл значительный вес во французской гуманитарной науке. Его политика по усилению влияния журнала была ещё более успешна, чем политика основателей Февра и Блока: он сумел со-

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Foucault 1966.

здать научные учреждения, которые интегрировали и закрепляли новую, модель истории-проблемы, противостоявшую традиции и её авторитетам. Так школа «Анналов» приобрела «структуру государственного института». В этой перспективе Бродель был продолжателем линии Февра, который добился избрания в Коллеж де Франс и издавал энциклопедические серии, по мере «институционализации» посвятив «себя чисто академическим занятиям, все менее вовлекаясь в живую политическую жизнь»³⁵. Помимо того, что Бродель при помощи Февра получил кафедру в Коллеж де Франс в 1949 г. и позже возглавил основанную Февром «знаменитую Шестую секцию социальных и экономических наук Практической школы высших исследований»³⁶, он создал критически важную для журнала экономическую базу, обратив на себя внимание фондов Рокфеллера и Форда. Их гранты стали основой независимости «Анналов» от финансовой политики академической среды и правительства Франции. Во время путешествий по Америке Бродель растолковывал суть своего проекта функционерам и учёным, мало знакомым с французской интеллектуальной традицией, чётко следуя стратегии на усиление журнала и завоевание дисциплинарной свободы. Его «горизонтальная» мобильность поддерживала процесс встраивания «Анналов» в «вертикальную» структуру французской академической науки. Постепенно увеличивалось число «анналистов», которые избирались в Коллеж де Франс, руководили «сериями изданий по истории в крупных издательствах», становились председателями и членами жюри на экзаменах, занимали высокие должности в разных комиссиях, назначались «на ответственные должности в правительственных органах, определяющих политику в сфере преподавания истории или в сфере исследовательских работ»³⁷.

Фуко после внимательного (даже восторженного) отзыва на «Историю безумия» в «Анналах» не раз получал поддержку Броделя. Тот, как человек, осязавший «*таинственный путь*», по которому в пространстве науки двигались Фуко и его идеи³⁸, стремился поддержать его в преодолении академических барьеров, которые не пропускали «другое». В результате, в 1964 г. – за два года до того, как Фуко стал известен, благодаря «Словам и вещам», они подписали с издательством «Фламарион» договор на рукопись для редактируемой Броделем серии «Новая научная библиотека». Хотя тогда дело закончилось безрезультатно, это взаимодействие позволяет прочертить линию сотрудничества двух интеллектуалов дальше – к избранию Фуко профессором Коллеж де Франс, в чём сыграл свою роль и мэтр «второго поколения» школы «Анналов»³⁹.

³⁵ Агирре Рохас 2008. С. 38.

³⁶ Lai 2004. P. 111.

³⁷ Агирре Рохас 2008. С. 128.

³⁸ Braudel, Mandrou 1962.

³⁹ Эрибон 2009. С. 177, 218.

«История безумия» фиксировала собой первые шаги Фуко в «поле науки» на уровне академических институций. Книга была опубликована в издательстве, являвшемся «агентом» риска и новаций, «шунтом», через который к читателю проникали маргинальные, периферические работы. Карьера Фуко строилась схожим образом: он также проводил «диверсии» с периферии против столичных авторитетов и традиции, стремительно меняя своё положение в «научной географии». Как пишет Эрибон, в числе прочих достоинств, у Фуко многие замечали «стратегические» таланты... умение “маневрировать” и, по мнению некоторых, “манипулировать” людьми⁴⁰. Он предпочитал накапливать символический и социальный капитал, чтобы потом реализовать его в центре, Париже; первый значительный успех этой стратегии случился в 1966 г., когда читатель познакомился со «Словами и вещами», а затем, на волне культурной революции 1968 г., Фуко стал популярным публичным интеллектуалом. Похожую стратегию практиковали на уровне целого направления исторической науки представители школы «Анналов».

«История безумия» обязана им дважды: во-первых, тем, что, благодаря усилиям Арьеса, она была опубликована как книга, во-вторых, тем, что благодаря критическому отзыву Р.Мандру и Ф.Броделя она была введена в науку, т.е. стала историографическим фактом. «Анналисты» и далее сопутствовали продвижению Фуко вверх по карьерной лестнице французского академического сообщества: они, оказались единственными, кроме близких знакомых, кто оказался способен разглядеть в авторе и его первой книге сходный новаторский импульс и стремление конструктивно пересматривать традицию.

Если на межличностном и институциональном уровнях между Фуко и «анналистами» можно обнаружить общность академических стратегий и даже тесное взаимодействие, то в контексте истории идей их позиции не выглядят столь похожими. Кроме того, после «критического отзыва» Мандру и Броделя, полного восторженных слов, на страницах «Анналов» наступило затишье⁴¹. Даже близкий друг Фуко, Поль Вен, пишет: «когда вышла в свет “История безумия”, некоторые французские историки, включая самых благосклонных (автор этих строк – один из них), поначалу неверно поняли направленность этой книги»⁴².

Однако мы попытаемся показать, что теоретические позиции Фуко и Броделя имеют общий исток и вписываются в методологическую дискуссию о «новой истории», начатую в 1950-х гг. при участии Клода Леви-Стросса, и поэтому являются родственными. С уверенностью можно

⁴⁰ Там же. С. 223.

⁴¹ На Фуко либо его работы с 1962 по 1969 г. на страницах журнала появились лишь три незначительные сноски (Megill 1987. P. 126).

⁴² Вен 2013. С. 8.

сказать, что Фуко явно отреагировал на проект «новой истории» и идеи Броделя и Леви-Стросса позднее, в «Археологии знания» (1969)⁴³.

Как считают авторы сборника, посвящённого рецепции «Истории безумия», и среди них, прежде всего, Колин Гордон, основные причины, из-за которых во французской среде работа была встречена практически полным молчанием и далее непониманием – это её объём (около 700 стр.) и «язык»⁴⁴. Под сложностями «языка» подразумеваются не только зачастую излишние для научной работы риторические красоты, но и построение нарратива вопреки предшествовавшей традиции, порождённое потребностью создать картину безумия не как исторически стабильного, эволюционно развивающегося феномена, а как драматически меняющегося, в зависимости от современного ему состояния науки.

В результате, особенно у англоязычных коллег, не оказалось соответствующего интеллектуального контекста, который бы позволил правильно понять содержание книги. К тому же, перевод книги, вышедший в 1964 г. под названием «Безумие и цивилизация», был подготовлен по французскому изданию, сокращённому на 300 страниц, которые, по мнению Гордона, были критически важны для понимания не только общего замысла, но также творческой и карьерной траектории автора⁴⁵.

Из представителей французской исторической науки язык книги оказался понятен лишь прогрессивным «анналистам», причём наиболее склонным к теоретизированию. В отзыве 1962 г., вышедшем под названием «Три ключа к пониманию безумия в Классическую эпоху»⁴⁶ Бродель и Мандру чувствовали необходимость указать даже аудитории своего журнала на то, что в книге нет привычного единства и простоты нарратива и поэтому надо прилагать усилия, чтобы следить за «таинственным путём», которым следует «пионерская» мысль автора⁴⁷. Как уже было сказано, авторы «критического отзыва» построили «Историю безумия» в собственный эпистемологический жизненный мир, «нормировали» её и создали историографический миф о том, что Фуко – последователь Люсьена Февра, пишущий историю «ментальностей».

Однако Бродель был изначально более аккуратен в формулировках, чем те, кто стал воспроизводить «миф Февра» после него. В «Истории безумия» он видел «не только одно из исследований в области коллективной психологии, открытой Люсьеном Февром» и особо отмечал многогранность подхода автора, одновременно представляющего как «историк, философ, психолог и социолог». По его мнению, до сих пор «не суще-

⁴³ Foucault 1969.

⁴⁴ Gordon 1992. P. 19–20.

⁴⁵ Foucault 1964. P. 20–21.

⁴⁶ Более точный, но не дословный перевод – «три ключевых концепта...», которые соответствуют трём подзаголовкам отзыва – «Истина безумия», «История ограничения» и «Структура исключения».

⁴⁷ Braudel, Mandrou 1962. P. 772.

ствовало примера такого метода исследования»⁴⁸. С другой стороны, характеризуя предмет исследования Фуко, Бродель использует понятийный аппарат своих работ, который сформировался как особая форма исторического структурализма. Поэтому, во-первых, «История безумия» в рамках «истории ментальностей» оказывается посвященной «коллективным феноменам» прошлого; последнее понятие отсылает непосредственно к социально-историческим исследованиям Леви-Брюля и Дюркгейма⁴⁹, стоявших у истоков теоретического подхода школы «Анналов», и к вдохновленным ими работам Февра и самого Броделя.

Во-вторых, история безумия как «коллективного феномена» – это история динамики «ментальных структур цивилизации». Следует пояснить, почему в этом контексте возникает понятие «цивилизация», которое сам Фуко употребляет в «Истории безумия» весьма неохотно и без пояснений, но затем оно включается в заглавие и сокращённой французской версии, и её перевода («Безумие и цивилизация»)⁵⁰, т.е. заимствуется из названия серии, в которой была опубликована во Франции («Цивилизации вчера и сегодня») под редакцией «анналиста» Арьеса.

Представляется очевидным, что мода на понятие «цивилизация» возникла в социально-антропологических исследованиях первой половины XX в. Бродель анализировал этот концепт подробно в теоретической работе «История и цивилизация» (опубликована через год после отзыва на Фуко). В ней он примыкал к традиции плюралистической трактовки «цивилизации», которую начал Марсель Мосс⁵¹. Для Броделя «цивилизация» даже нечто большее: она – «всё то, чего достигло человечество», состоящее из уровней «культуры» и «материальных» артефактов; таким образом, он отводил особую роль обществам, не достигшим технического развития, сравнимого с европейским⁵².

Плюралистическое определение «цивилизации», в свою очередь, накладывает на структуралистскую модель истории, предложенную Броделем в конце 1950-х – 1960-е гг. Одной из общеизвестных работ, развивающих её, является статья «История и социальные науки: Большая длительность (La longue durée)»⁵³. В ней в концентрированной форме зафиксирован спор Броделя с другим «мэтром» гуманитарной науки – Леви-Строссом. Они оба пытались в то время теоретически обосновать концепцию науки об обществе, способную возглавить гуманитарную науку Франции. Бродель стремился для этого обновить историю – за

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Bouthoul 1971. P. 30.

⁵⁰ Foucault 1964, о «трудностях перевода» см. подробнее Megill 1992. P. 86–99.

⁵¹ Arnason 2003. P. 80.

⁵² Baille, Braudel, Philippe 1963. Цит. по: Braudel 1994. P. 3–8. Уместно напомнить, что полное название журнала в тот период также включало в себя понятие «цивилизация»: «Анналы. Экономика, общества, цивилизации».

⁵³ Braudel 1958.

счёт введения в неё элементов структурализма, Леви-Стросс же, наоборот, призывал свести историческую науку к структурализму. В результате, амбициозный проект последнего не получил достаточной поддержки, а Бродель, наоборот, превратился в лидера направления, которое теперь уже полностью ассоциировалось с французской «новой историей»⁵⁴.

Именно поэтому «История безумия» оказывается историей «ментальных структур цивилизации», – и каждое слово этого определения, данного Броделем, фиксирует актуальные историографические смыслы, основополагающие одновременно для историков школы «Анналов» и для читателей журнала. Видимо поэтому Фуко, хоть и не понятый так, как ему хотелось, решает в упрощённом французском и англоязычном вариантах принять категорию, в которых характеризует книгу Броделя: «История безумия» – это «Безумие и цивилизация», потому что её легче всего идентифицировать через продолжающийся уже несколько десятилетий спор между историками и представителями других социальных наук. Между тем, как было сказано выше, старания автора не достигают успеха, и книга не получает должной реакции. Позднее эта уловка сыграла с ним злую историографическую шутку – многие историки и поныне воспринимают его творчество как близкое духу Февра.

Позже, во введении к «Археологии знания» (1969), Фуко пытается снять возникшее недопонимание⁵⁵ и включается в спор о «новой истории», уже переформулируя совокупность проблем, поставленных Броделем и Леви-Строссом на собственном концептуальном языке. Однако, его самостоятельная реплика, теоретически формулирующая демарш и против традиции, и против структурной истории, заслуживает отдельного исследования, последовательно продолжающего анализ рецепции работ Фуко в рамках французской и мировой гуманитарной науки.

Попытаемся кратко сформулировать ответы на вопросы, которые были поставлены в начале статьи.

Почему сообщество профессиональных историков Франции не уделило должного внимания первой книге Мишеля Фуко, по словам Броделя, «блестящей»? Потому, что «История безумия» оказалась чрезвычайно сложна для академических учёных, которые в основной своей массе придерживались вполне консервативных взглядов на предмет истории и на способы историописания. С одной стороны, большой объём книги и порывающий с традицией способ повествования об исторических фактах, с другой стороны, отсутствие у большинства историков подходящего междисциплинарного бэкграунда, привели к тому, что единственной заинтересованной реакцией на «Историю безумия» стал критический отзыв Мандру, дополненный комментарием Броделя на

⁵⁴ См. подробнее: Агирре Рохас 2006. С. 123; Dosse 1994. P. 90–98; Marin 2011.

⁵⁵ Michel Foucault... 1992. P. 86.

страницах «Анналов». «Анналисты» идентифицировали Фуко как автора, который пишет о безумии как о «ментальной структуре цивилизации» – практически в духе Февра. Этот устойчивый ярлык историки зачастую используют и сегодня, чтобы ответить на вопрос: «какие истории писал Фуко и каким историком он являлся»? Сам Фуко, хотя, видимо, пытался сыграть на методологической близости школе «Анналов», в последовавших работах решил вступить с её представителями в методологическую дискуссии, подтверждая тезис Броделя о том, что других примеров такого метода исследования, как представленный в «Истории безумия», на тот момент не существовало. Отдельного внимания заслуживает участие Фуко в теоретической дискуссии о «новой истории», которая началась до появления «Истории безумия», и в которую он был втянут «благословляющими» комментариями «крёстного отца» книги – Фернана Броделя. Возможно, она послужит поводом для другой статьи, объединённой с настоящей работой общей проблематикой.

Между тем, взаимодействие между Фуко и представителями школы «Анналов» в начале 1960-х активнее всего происходило не на уровне теоретических дискуссий, а в межличностной и институциональной сферах. Именно благодаря «анналисту» Арьесу «История безумия» увидела свет, затем на уровне журнала Бродель и Мандру дали ей второе, «историографическое» рождение. Позднее Бродель также поспособствовал Фуко в избрании в Колледж де Франс, т.е. помог ему попасть на вершину академической среды Франции. Стремительное восхождение на научный Олимп далось ему во многом благодаря тому, что он использовал стратегии, уже опробованные анналистами, получал от них помощь, даже играл на сходстве с ними. Атакуя традиционную историческую науку с периферии, ускользая от нормирующего дискурса академии через использование нестандартной исследовательской методологии, Фуко накапливал социальный и символический капитал, которые в один момент обеспечили ему академическое признание и самостоятельность.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Agippe Roxas K.A.* Критический подход к истории французских «Анналов» / Пер. с исп. И. Замойской. М.: «Круг», 2006. 335 с.
- Вен П. Фуко его мысли и личность / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: «Владимир Даль», 2013. 195 с.
- Козлов С. Сообщество выскочек. «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 583–606.
- Филиппов А. Фукоизация всей страны. Ответ на анкету: актуален ли Фуко для России? // Новое литературное обозрение. 2001, № 49. С. 74–75.
- Эрибон Д. Мишель Фуко / Пер. с фр. Е. Бабаевой. М.: Молодая гвардия, 2008. 378 с.
- Agirre Rokhas K.A.* Kriticheski podkhod k istorii frantsuzskikh «Annalov» / Per. s isp. I. Zamoiskoi. M.: «Krug», 2006. 335 s.
- Ven P. Fuko ego mysli i lichnost' / Per. s fr. A. Shestakova. SPb.: «Vladimir Dal'», 2013. 195 s.

- Kozlov S. Soobshchestvo vysokocheh. «Sub'ektivnyi faktor» reformy vysshego obrazovaniya vo Frantsii epokhi Vtoroi imperii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 6. S. 583–606.
- Filippov A. Fukoizatsiya vsei strany. Otvet na anketu: aktualen li Fuko dlya Ros-sii? // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001, № 49. С. 74–75.
- Eribon D. Michel' Fuko / Per. s fr. E. Babaevoi. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 378 s. Acton H. Philosophy in France // *Philosophical Surveys*. 1939. № 55. Vol. 14. P. 341–344.
- Ariès P. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, Plon, 1960. IV+503 p.
- Arnason J.P. Civilizations in Dispute. Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden, Boston: Brill, 2003. 380 p.
- Baille S., Braudel F., Philippe R. Le Monde actuel, histoire et civilisations. Paris: Librairie Eugène Belin, 1963. 541 p.
- Bouthoul G. Les mentalités. Paris: P.U.F., 1971. 560 p.
- Braudel F. A History of Civilizations / Trans. by R. Mayne. N.Y.: The Penguin Group, 1994. 600 p.
- Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // *Annales ESC*. 1958. № 4. Vol. 13. P. 725-753.
- Braudel F., Mandrou R. Trois clefs pour comprendre la folie à l'époque classique // *Annales ESC*. 1962. № 4. P. 761–772.
- Coser L. A. Publishers as Gatekeepers of Ideas // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1975. № 421. P. 14-22
- Dosse F. New History in France: The Triumph of the “Annales” / Trans. by P. Conroy. Urbana, Chicago: U of Illinois P, 1994. 232 p.
- Eribon D. Michel Foucault (1926–1984). Paris: Flammarion, 1989. 402 p.
- Erickson M. Michel Foucault's Madness and Civilization: A selective bibliography with critical notations // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L., N.Y.: Routledge, 1992. P. 185–217.
- Flynn T. Foucault's Mapping of History // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: CUP, 2005. P. 29–48.
- Foucault and Philosophy / Ed. by T. O'Leary, C. Falzon. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 259 p.
- Foucault M. Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. P.: Plon, 1961. XI+674 p.
- Foucault M. Histoire de la folie. Paris: U.G.E., 1964. 309 p.
- Foucault M. L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969. 288 p.
- Foucault M. Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines. Paris, Gallimard, 1966. 398 p.
- Foucault M. Madness and Civilization: A History of Insanity In the Age of Reason / Trans. by R. Howard. N.Y.: Routledge, 1964. 308 p.
- Gordon C. Histoire de la folie. An unknown book by Michel Foucault // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L., N.Y.: Routledge, 1992. P. 19–41.
- Gutting G. Foucault and the History of Madness // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: Cambridge U P, 2005. P. 49–73.
- Gutting G. Introduction: Michel Foucault : A User's Manual // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: Cambridge U P, 2005. P. 1–28.
- Gutting G. Michel Foucault // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/foucault/>
- Hutton P. The Postwar Politics of Philippe Ariès // *Journal of Contemporary History*. 1999. № 3. Vol. 34. P. 365–382.
- Lai C.-C. Braudel's Historiography Reconsidered. Maryland: U P of America, 2004. X+126 p.
- Marin R. La nouvelle histoire et Lévi-Strauss // *Cahiers du monde hispanique et lusobrasélien*. 2011. № 96. P. 165-178.

- Megill A. Foucault, ambiguity and the Rhetoric of Historiography // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L.; N.Y.: Routledge, 1992. P. 86–104.
- Megill A. The Reception of Foucault by Historians // *Journal of the History of Ideas*. 1987. № 1. Vol. 48. P. 117–141.
- Michel Foucault. *Lire l'œuvre / Sur la dir. de L. Girard*. Grenoble: Jérôme Millon, 1992. 226 p.
- Noiriel G. Foucault and History: The Lessons of a Disillusion // *Journal of Modern History*. 1994. № 3. Vol. 66. P. 547–568.
- Stevens L. Major Trends in Post–War French Criticism // *French Review*. 1957. № 3. Vol. 30. P. 218–224.
- The Cambridge Companion to Foucault / Ed. G. Gutting. Cambridge: CUP, 2005. P. 29–48.
- Zemon Davis N. Women and the World of the “Annales” // *History Workshop Journal*. 1992. № 33. P. 121–137.

Руднев Юрий Владимирович, аспирант Школы истории НИУ ВШЭ (Москва); *2rudnev@gmail.com*

The Reception of “The History of Madness” by Michel Foucault by the Representatives of the School of Annales

Some scholars discussed the scientific status of Michel Foucault’s “histories,” and hypothesizes their affinity with the works by the historians of the Annales School. The present article adds several arguments in favour of such position and analyses the reception of “The History of Madness” both on the level of the history of ideas, and in the contexts of institutional and personal relations that existed before and after its publication between the author and the Annalistes. Such complex view demonstrates that the latter not only played a key role in the fact of this publication and shared similar academic strategies, but also created the historiographical myth of Foucault as “the true disciple of Lucien Febvre.”

Keywords: Michel Foucault, “The History of Madness,” Annales School, Philippe Ariès, Fernand Braudel, French Historiography, “Nouvelle histoire”

Yuri Rudnev, PhD student, School of History, NRU HSE (Moscow); *2rudnev@gmail.com*

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

В статье анализируется репрезентация событий с точки зрения интегративного подхода, который основывается на интеграции теоретического, методологического и эмпирического типов знаний из различных дисциплин когнитивной науки (когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, когнитивной философии и когнитивной антропологии). Ментальная репрезентация рассматривается в двух аспектах: как процесс представления мира в голове человека и как единица подобного представления. Мы утверждаем, что ментальные модели события являются сложными многомерными структурами представления интегрированного знания о мире.

Ключевые слова: *репрезентация событий, ментальная модель, когнитивная наука, интегративное знание*

В данной статье репрезентация событий будет рассмотрена с точки зрения интегративного подхода, основанного на интеграции теоретического, методологического и эмпирического типов знаний из различных дисциплин когнитивной науки (когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, когнитивной философии и когнитивной антропологии). Мы рассматриваем когнитивную науку как многомерную систему интеграции различных уровней. В этой системе можно выделить две оси: вертикальную и горизонтальную. По вертикали – это различные уровни интеграции отдельных дисциплин, концептуальных доменов: локальная интеграция на уровне отдельно взятой области знания, например, когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике (Кубрякова¹ и ее школа); на уровне кластера наук, например, интеграция между отдельными дисциплинами в рамках наук гуманитарного профиля (когнитивная социология, когнитивная история и т.д.); на уровне взаимодействия кластеров наук, т.е. синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания.

На всех уровнях интеграции действуют междисциплинарные стратегии: а) методологическая междисциплинарность: когда методы двух наук дают в результате принципиально новую методологию, которая не является результатом простого сложения существующих методов; б) эмпирическая междисциплинарность, когда исследователи из различных областей наук в основном совместно собирают научные данные, а затем всесторонне их анализируют; в) теоретическая междисциплинарность: когда происходит синтез новых теорий и/или моделей. Иными словами, по вертикали происходит интеграция отдельных дисциплин, а по горизонтали интеграция происходит в зависимости от различных типов знания: теоретического, эмпирического и методологического².

¹ Кубрякова 1996.

² Заботкина 2015.

Таким образом, когнитивная наука представляет собой интеграцию интеграции. Главное в этой структуре – интеграция полученного знания и взаимодействие между уровнями. Исходя из этого любая проблема должна быть рассмотрена силами и методами отдельной дисциплины когнитивного цикла, но в результате должно быть получено новое интегрированное знание. Исходя из данной многоуровневой системы и будет решаться проблема репрезентации событий в когнитивной науке.

Проблема репрезентации событий восходит корнями к философии античности. Попытки изучения репрезентации событий были также предприняты в рамках лингвистики и психологии. Особое значение данный концепт приобрел в связи с появлением когнитивной мегапарадигмы. Как известно, ментальная репрезентация – ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления³. Несмотря на предпринятые попытки анализа репрезентации событий в лингвистике⁴, до последнего времени идея репрезентации не получила адекватного освещения из-за того, что рассмотрению подвергались изолированные аспекты этого феномена. Необходимо объединить и синтезировать эти попытки, представив более глобальную картину функционирования репрезентаций в еще большем разнообразии их форм и типов⁵. Именно такова цель данной статьи.

Заметим, что в большинстве случаев в теории формализованных когнитивных рассуждений (как части теории искусственного интеллекта) событие рассматривалось как атомарная неделимая сущность. Событие случилось, и о том, что оно произошло, мы судим по внешним по отношению к самому событию явлениям, которые данным событием инициированы. Внутренняя структура события, как правило, в рамках формальной системы не рассматривалась. Например, в работе Георгефа, Моли и Рао⁶ события помещаются в рамки ситуационной семантики. В работах Дж. Барвайса и Дж. Пери⁷ события понимаются как сущности, которые переводят одну ситуацию в другую. Фактически события отождествляются с парой ситуаций: первый элемент пары – ситуация, которая была до события, второй элемент – ситуация, которая образовалась после события. Понятно, что внутренняя структура события при таком подходе не исследуется⁸. В работах А. Артикиса, А. Шарлатидиса, Ф. Портета и Г. Палиураса и А. Артикиса, О. Эциона, З. Фельдмана, Ф. Фурнье⁹ события представлены более детально, в них «событие мо-

³ Кубрякова 1996.

⁴ Fillmore 1968, 1982; Pederson 2010; Evans 2006.

⁵ Ср.: Кубрякова 1996.

⁶ Georgeff, Morley, Rao 1993.

⁷ Barwise, Perry 1983, 1989.

⁸ Аншаков, Гергей 2016.

⁹ Artikis, Skarlatidis, Portet, Paliouras, 2012; Artikis, Etzion, Feldman, Fournier 2012.

жет иметь начало и конец и длиться в некотором интервале времени». Кроме того, вводятся операции, позволяющие комбинировать события, составлять сложные события из простых. Однако и в этих работах элементарное событие сводится просто к изменению значения некоторого параметра. Разумеется, технология, описанная в вышеуказанных работах, вполне работоспособна и может использоваться в прикладных системах. Однако, те задачи, которые мы хотели бы поставить перед познающим человеком, занятым поиском закономерностей в окружающем его мире, таким образом не решаются¹⁰.

Человек активно конструирует ментальные модели на основе (а) восприятия, (б) индивидуального субъективного опыта¹¹, (в) уже существующих моделей и (г) общего социокультурного знания¹². Мы ментально организуем постоянный «поток сознания», сегментируя жизнь на последовательности ментальных моделей, репрезентирующих отдельные эпизоды и события нашей деятельности. Эти эпизоды и их модели динамичны по своей природе. Меняются место, время, участники, цели и вид деятельности¹³. Ментальные модели оязыковываются, «овнешняются»¹⁴ при помощи языковых средств (или как у Г. Гийома: «язык овеществляет ментальное»)¹⁵. Таким образом, мы рассматриваем триаду «событие-ментальные модели-дискурс». Ментальные модели отражают событие на первичном уровне репрезентации, в то время как дискурс репрезентирует событие посредством языка (вторичный уровень репрезентации).

Рассмотрим этапы конструирования ментальных моделей события. Данный процесс состоит из двух этапов:

I этап. Мультимодальное восприятие событий (доконцептуальный этап). С точки зрения когнитивной психологии, на данном этапе модели телесны и мультимодальны, и включают в себя зрение, слух, осязание и т.д.¹⁶ Прямой, мультимодальный опыт, вовлеченный в восприятие события, составляет только начальную, базовую, в основном подсознательную и доконцептуальную часть процесса конструирования ментальной модели, которая определяет осознанное понимание события¹⁷.

II этап. Конструирование новой модели события, которая хранится в краткосрочной памяти, по аналогии с существующими ментальными моделями, хранящимися в долгосрочной памяти.

Ментальная модель события включает в себя следующие элементы:

- пространственные и временные параметры;

¹⁰ Аншаков, Гергей 2016.

¹¹ Анохин 2014.

¹² Кубрякова 2004; van Dijk 2014.

¹³ Zacks & Swallow 2007.

¹⁴ Тарасов 1993, 2004.

¹⁵ Гийом 1992 (цит. по Красных 2015).

¹⁶ Barsalou 2008; Glenberg 1999; Varela... 1991.

¹⁷ Audi, 2010; Raftopoulos, 2009, van Dijk, 2014.

- участники/агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками/субъектами события;
- эффект.

Далее представляется необходимым рассмотреть репрезентацию событий на примере конкретного типа событий, а именно явления культуры. Мы рассматриваем триаду «явления культуры – ментальные модели – дискурс», исходя из идеи В.Н. Телия о взаимосвязи культуры и ментальных структур. «Культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Э. Кассиреру), заимствующая для презентации своих ментальных структур знаковые “тела” в природе, а также в артефактах и ментефактах других семиотических систем...»¹⁸. Иными словами, знания о культуре хранятся в ментальных моделях, которые не являются точными копиями артефактов реального мира.

Вопрос о взаимоотношении культуры, когниции (знания) и реального мира рассматривается также в рамках когнитивной антропологии, которая основывается, в основном, на теориях и методах когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Когнитивная антропология занимается изучением концептуальных систем через лингвистические выражения (репрезентации) в различных языках и в различных культурных контекстах. Из последних публикаций в этой области стоит упомянуть монографию под редакцией Кроненфельда¹⁹.

Анализируя репрезентации событий *культуры*, мы убеждаемся, что ментальные модели культурных событий более сложны по структуре и представляют собой многомерные, интегрированные репрезентации знаний. Ментальная модель события культуры включает в себя следующие компоненты:

- эффект;
- инструмент (музыкальные инструменты, голос, кисть и т.д.);
- пространственные и временные параметры;
- участники/агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками/субъектами события.

Главный элемент ментальной модели культурного события – «эффект», который включает в себя эстетические, эмоциональные и ассоциативные компоненты. Происходит профилирование компонента «эф-

¹⁸ Телия, Дорошенко 2010: 7.

¹⁹ Kronenfeld et al. 2011.

фект» в модели культурного события. В категории «участники» наблюдается асимметрия в дихотомии «создатель – зритель»: на одного или нескольких создателей произведений культуры, артефакта или события приходится несколько тысяч наблюдателей/зрителей.

Как знание о культурном событии, представленное в ментальной модели, выражается в дискурсе? Для вербальной репрезентации событий в дискурсе существует множество различных языковых инструментов: лексикон, грамматические времена, событийная фразеология и т.д. Мы полагаем, что существует корреляция между схемами, определяющими ментальные модели события, и схемами, лежащими в основе построения дискурса. «Интенциональная роль ментальных моделей для производства дискурса заключается в том, что пользователи языком способны соотнести дискурс и его значение с событиями реального мира, которые он репрезентирует»²⁰.

Из вышесказанного следует вывод о необходимости создания в рамках когно-лингвокультурологии междисциплинарного каркаса, который позволил бы разработать интегрированное изучение способов получения знания о событиях реального мира, способов его выражения, хранения в ментальных моделях, использования и передачи в различных типах дискурса, в различных сообществах и культурах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анохин К.В. Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки // Шестая международная конференция о когнитивной науке: Тезисы докладов / Под общей ред.: Б. Величковский, В. Рубцов, Д. Ушаков. Калининград, 27–27 июня 2014 г. Standartu Spaustuve, 2014. С. 26–28. URL: www.conf.cogsci.ru; www.cogsci.ru.
- Аншаков О., Гергей Т. Представление событий в теории формализованных когнитивных рассуждений / Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук. М.: Языки славянской культуры, 2016 (в печати).
- Заботкина В. И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В. И. Заботкиной. – М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 15–38.
- Красных В.В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015, № 2. С. 90–97.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 6–15.
- Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. С. 34–47.

²⁰ van Dijk 2014.

- Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология в системе научного знания: методология, принципы, гипотезы. // Живодействующая связь языка и культуры. Том 1. Язык. Ментальность. Культура. – М.; Тула, 2010.
- Artikis A., Skarlatidis A., Portet F., Paliouras G. Logic-based event recognition. Knowledge Eng. Review 27(4), 2012: 469–506.
- Artikis A., Etzion O., Feldman Z., Fournier F. Event processing under uncertainty. DEBS 2012: 32-43.
- Audi R. Epistemology: a contemporary introduction to the theory of knowledge, 3d edn. New York: Routledge, 2010.
- Barsalou L.W. Grounded Cognition. Annu. Rev. Psychol. 59, 2008: 617-645.
- Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1983.
- Barwise J. The Situation in Logic (CSLI Lecture Notes No 17), Stanford, 1989.
- Dijk, Teun A. van. Discourse and knowledge: a socio-cognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Evans, Vyvyan & Melanie Green. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.
- Fillmore, Charles J. The Case for Case. In: E. Bach and R.T. Harms (eds.). Universals in Linguistic Theory. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
- Fillmore, Charles J. Frame semantics. In Linguistics in the Morning Calm. Hanshin, Seoul, Linguistics Society of Korea. 1982, pp. 111–138.
- Georgeff M., Morley D., Rao A. Events and processes in situation semantics. In: Situation Theory and Its Application Vol 3 (CSLI Lecture Notes No 37), Stanford, 1993, 119–140.
- Glenberg Arthur M., Robertson David A. Indexical understanding of instructions // Discourse processes. Taylor & Francis Group, 1999/1/1. P. 1-26
- Kronenfeld D.B. et al. A Companion to Cognitive Anthropology. Wiley-Blackwell, 2011.
- Pederson, E. 2010. "Linguistic Relativity" in The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / Bernd Heine and Heiko Narrog, eds. Oxford University Press: 733-752.
- Raftopolous A. Cognition and perception. Cambridge (MA): MIT Press, 2009.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991.
- Zacks J.M., and Swallow K.M. Event segmentation . Current Directions in Psychological Science, 2007, 16 (2), 80 –84.

REFERENCES

- Anohin K.V. Kognitom: v poiskah obshhej teorii kognitivnoj nauki // Shestaja mezhdunarodnaja konferencija o kognitivnoj nauke: Tezisy dokladov / red.: B. Velichkovskij, V. Rubcov, D. Ushakov. Kaliningrad, 27–27 ijunja 2014 g. Standartu Spausstuve, 2014. S. 26–28. URL: www.conf.cogsci.ru; www.cogsci.ru.
- Anshakov O., Gergej T. Predstavlenie sobytij v teorii formalizovannyh kognitivnyh rassuzhdenij / Rerezentacija sobytij: integrirovannyj podhod s pozicij kognitivnyh nauk. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2016 (v pečati).
- Zabotkina V.I. Ot integracionnogo vyzova v kognitivnoj nauke k integrirovannoju metodologii // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'juterno-korpusnyj podhod / Pod obshh. red. V. I. Zabotkinoj. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. S. 15-38.
- Krasnyh V.V. Rol' i funkcii jazyka kak ob'ekt sovremennyh integrativnyh issledovanij (psiholingvisticheskij, lingvokul'turologičeskij, psiholingvokul'turologičeskij i kompleksnyj obshhegumanitarnyj podhody) // Voprosy psiko-lingvistiki. 2015, № 2. S. 90–97.
- Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akad. nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.
- Kubrjakova E.S., Dem'janov V.Z. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1996.

- Tarasov E.F. Vvedenie // Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost'. M.: Institut jazykoznanija RAN, 1993. S. 6–15.
- Tarasov E.F. Jazykovoe soznanie // Voprosy psiholingvistiki. 2004, № 2. S. 34–47.
- Telija V.N., Doroshenko A.V. Lingvokul'turologija v sisteme nauchnogo znanija: metodologija, principy, gipotezy. // Zhivodejstvujushhaja svjaz' jazyka i kul'tu-ry. Tom 1. Jazyk. Mental'nost'. Kul'tura. – M.; Tula, 2010.
- Artikis A., Skarlatidis A., Portet F., Paliouras G. Logic-based event recognition. Knowledge Eng. Review 27(4), 2012: 469–506.
- Artikis A., Etzion O., Feldman Z., Fournier F. Event processing under uncertainty. DEBS 2012: 32-43.
- Audi R. Epistemology: a contemporary introduction to the theory of knowledge, 3d edn. New York: Routledge, 2010.
- Barsalou L.W. Grounded Cognition. Annu. Rev. Psychol. 59, 2008: 617-645.
- Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1983.
- Barwise J. The Situation in Logic (CSLI Lecture Notes No 17), Stanford, 1989.
- Dijk, Teun A. van. Discourse and knowledge: a socio-cognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Evans, Vyvyan & Melanie Green. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.
- Fillmore, Charles J. The Case for Case. In: E. Bach and R.T. Harms (eds.). Universals in Linguistic Theory. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
- Fillmore, Charles J. Frame semantics. In Linguistics in the Morning Calm. Hanshin, Seoul, Linguistics Society of Korea. 1982, pr. 111–138.
- Georgeff M., Morley D., Rao A. Events and processes in situation semantics. In: Situation Theory and Its Application Vol 3 (CSLI Lecture Notes No 37), Stanford, 1993, 119–140.
- Glenberg Arthur M., Robertson David A. Indexical understanding of instructions // Discourse processes. Taylor & Francis Group, 1999/1/1. P. 1-26
- Kronenfeld David B. et al. A Companion to Cognitive Anthropology. Wiley-Blackwell, Malden, 2011.
- Pederson, E. 2010. “Linguistic Relativity” in The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Bernd Heine and Heiko Narrog, eds. Oxford University Press: 733-752.
- Raftopolous A. Cognition and perception. Cambridge (MA): MIT Press, 2009.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991.
- Zacks J.M., and Swallow K.M. Event segmentation. Current Directions in Psychological Science, 2007, 16 (2), 80 –84.

Заботкина Вера Ивановна, доктор филологических наук, профессор, директор Центра когнитивных программ и технологий Российского государственного гуманитарного университета; zabotkina@rggu.ru

Integrative approach to event representation in cognitive science

The paper concentrates on the analysis of event representation within the integrative approach, which builds on integration of theoretical, methodological and empirical knowledge from various disciplines of cognitive science (cognitive linguistics, cognitive psychology, cognitive philosophy and cognitive anthropology). Mental representation is viewed both as a process and as a unit of world representation in human mind. We argue that mental models of events are complex multi-dimensional structures representing integrated knowledge of the world.

Keywords: event representation, mental model, cognitive science, integrated knowledge

Vera Zabolkina, Professor, Doctor of Philology, Vice-Rector for International Cooperation, Director, Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities; zabolkina@rggu.ru

С.Ю. МАЛЫШЕВА

«МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТИВЫМИ ПОТОМКАМИ ВРЕМЕНИ И ОСТЕРВЕНЕЛЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПРОСТРАНСТВА» ГЕТЕРОТОПИЧНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА

В статье метафора гетеротопии и принципы топологии гетеротопии М. Фуко рассматриваются применительно к пространству российского университета. Автор высказывает предположение о конструктивности использования этой метафоры в современных спорах и размышлениях о судьбах российских университетов и университетской корпорации.

Ключевые слова: университет, университетская корпорация, университетская культура, пространство и время, гетеротопия.

Перемены в жизни российских университетов на протяжении сравнительно недолгой их истории неизменно вызвали разные оценки, во многом обусловленные несохлждением представлений об идеальном образе университета, его роли и назначении. Однако, отстаивали ли одни идею хронотопической и культурной уникальности университета, а другие – оспаривали ее, встраивая университет в бюрократическую систему и соответствующую бюрократическую культуру, важным представляется в этих дебатах апелляция к фигуре места, пространства университета.

История пространства, по меткому наблюдению Мишеля Фуко, это история власти. Современную эпоху Фуко еще полвека назад определил, как эпоху пространства, эпоху одновременного, когда мир больше не ощущается как «великая жизнь, проходящая сквозь время», когда время десакрализовано. Мир воспринимается как сеть, связующая все элементы, как пространство взаимодействия, игры отношений. Согласно Фуко, подоплеку многих современных идеологических конфликтов и разворачивающейся полемики, определяет конфликт «между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»¹. Для объяснения истории дебатов об университете и университетской культуре представляется привлекательным и, возможно, конструктивным использовать метафору гетеротопии – особого, «другого» пространства, связанного со всеми остальными, но и противоречащего им, пространства, которое не только представляет всю совокупность отношений (в т.ч. власти-подчинения), но и оспаривает ее и переворачивает². В последние пару десятилетий она успешно применялась для изучения самых разных пространств³, но менее всего – по отношению к университету.

¹ Фуко 2006. С. 191.

² Там же. С. 195-196.

³ Напр.: Heterotopia and the City... 2008; Беззубова 2010; Квят 2014; и др.

Несмотря на то, что тезис о гетеротопии сегодня воспринимается как спорный, использование этого инструмента может быть полезным в размышлениях о судьбах университета и университетской культуры в России. Фуко условно выделил шесть принципов описания, топологии гетеротопии, которые просматриваются и при характеристике университета. Университет, безусловно, являет собой «кризисное» или «девиантное» пространство, о котором писал Фуко⁴. Согласно его топологии, это место для индивидов, находящихся в кризисном/девиантном состоянии по отношению к остальному обществу. Речь здесь идет, прежде всего, об учащемся юношестве, находящемся в кризисном состоянии обретения знаний и в процессе профессиональной инициации. Собственно, эта кризисность во многом и обуславливала традиционную «девиантность» (и протестность) студенческой субкультуры. Кроме того, речь идет и о традиционной интеллектуальной (и не только) кризисности/«девиантности» университетариев: ведь производство нового знания – это тоже кризисное/девиантное явление, с точки зрения мыслительной нормы. И эта кризисность/девиантность в современном мире углубляется, что особенно касается историков, традиционно отстаивающих долговременное мышление – в противовес господству краткосрочного мышления⁵. Это качество университета в значительной степени позволяло позиционировать его как особую научную корпорацию со специфическим стилем мышления и поведения и говорить об университетской культуре⁶.

Кризисность, как черта университетской гетеротопии, представляется одной из базисных. В этой связи вспоминается интересная статья А.Н. Дмитриева о переизобретении советского университета⁷ и его критика благостных примирительных описаний/самоописаний университетских историй. Действительно, и историографически, и практически многократно производились усилия по сглаживанию университетской кризисности/девиантности. Как в свое время в XIX в. правительство старательно лепило из университетского профессора чиновника и заваливало бюрократическими процедурами и бумагами, так и в советское время его позиционировали как «совслужащего», долженствовавшего придерживаться в своих взглядах и поведении соответствующего этатистского стандарта. Последние десятилетия явно не укрепили позицию университета, как «девиантного»/кризисного пространства, места производства «долговременного», фундаментального знания и культуры и техник их освоения. В этом плане университетское пространство все меньше нейтрализует, приостанавливает и переворачивает всю совокупность отношений, а скорее воспроизводит то, что происходит за его пределами. И это обстоятельство связано со второй чертой в топологии гетеротопии.

⁴ Фуко 2006. С. 197-198.

⁵ См.: Гулди, Армидедж 2015. С. 25-26, 33, и др.

⁶ См.: Вишленкова, Мальшева, Сальникова 2005.

⁷ Дмитриев 2013.

В разные исторические периоды общество по-разному и в большей или меньшей степени способствует функционированию гетеротопии⁸. Это очевидно и на примере смены представлений о типах и задачах университетов⁹. В первые советские десятилетия университету навязывались варианты отказа от гетеротопичности путем, с одной стороны, соединения его с непосредственным производством, политехнизации. Наблюдался «дрейф» от имперского, «классического» университета к университету, так сказать, «политехнического типа», находящегося в столь тесной связи с производством, буквально «уходящим в практику», что университет дробили на соответствующие отраслям промышленности институты. Так, в Казанском университете это едва не привело к его закрытию: к 1928 г. в его составе, кроме рабфака, остались только два факультета – физико-математический и медицинский, а после создания мединститута к концу 1930/31 уч. года – только физмат и выделенный из него геолого-биологический¹⁰. С другой стороны, внутри университетской гетеротопии пытались насаждать отношения, которые она, по определению, призвана была приостанавливать, нейтрализовать и переворачивать. Насажение коммунистической идеологии, семантическое перекодирование взаимоотношений внутри университетского и научного сообщества в категориях социально-политического противостояния имели вполне реальные практические последствия, воплотившись в напряженные отношения между разными группами студенчества, между «красными» студентами и «старой профессурой», между новоявленными «комиссарами от образования» и профессорско-преподавательской корпорацией, между разными частями этой корпорации¹¹. Университеты оказались под угрозой размывания корпорации и базовых принципов ее организации и существования.

Сегодня гетеротопия университета размывается не столько процессами коммерциализации, сколько процессами формального бюрократического рейтингования, ставшего фактически новой идеологией университетского управления. Очевидна тенденция к типу менеджериального университета, нацеленного на получение быстрых сиюминутных результатов, работающего в режиме коммерческой фирмы, холдинга. Как подчеркивает О.Н. Запорожец¹², к концу XX в. университет уже признается аналитиками аналогом экономической корпорации, в центре которой стоит фигура менеджера, а не ученого и преподавателя, корпорации, основанной на системе менеджмента и получения прибыли, доказательств эффективности, что неминуемо ведет к деформации уни-

⁸ Фуко 2006. С. 198.

⁹ Об этом см., например: Вишленкова 2011.

¹⁰ История Казанского университета. 2004. С. 287-288, 310-311.

¹¹ См. об этом, напр.: Малышева, Сальникова 2007; Malyseva, Sal'nikova 2007.

¹² Запорожец 2011. С. 34.

верситетской культуры. Согласно З. Бауману¹³, в ней происходит, в частности, нарушение логики научного поля – ограничение циркуляции научной информации, нарушение принципов академического взаимодействия (подрыв корпоративной солидарности и формирование новых, неакадемических иерархий), увеличивается значение индивидуальной карьеры и самопродвижения, и т.д. Такие деформации, возможно, свидетельствуют о переходе университета в разряд иных топосов. Движение университета в сторону бизнес-корпорации ставит под вопрос само существование его как институции. Ведь, как таковую, университет отличает долговременность, позволяющая осуществлять исследования и «размышления в длительных временных рамках»¹⁴. А «период полураспада» бизнес-корпорации в XX в. составил примерно 75 лет¹⁵.

Характерная черта университета, как всякой гетеротопии, – уникальное сочетание и сопоставление в одном месте нескольких пространств, которые сами по себе несовместимы¹⁶. Ведь сама идея Университета – это образ *Universitas*, Вселенной во всем ее многообразии, собранном в одном месте. Почему, кстати, так популярны в ранней истории европейских и российских университетов ботанические сады. В этом плане неотъемлемые атрибуты университета – рукотворные, творимые пространства, сами являющиеся гетеротопиями. Это пространства как «сохраняющие или накапливающие время» (архивы, библиотеки, музеи), так и «двигающие» его вперед (клиники, лаборатории). Причем, пространства, «непрерывно накапливающие время», традиционно играли особую роль в этой конфигурации. Однако ныне выстраивается иная конфигурация Вселенной-Университета, иное сочетание несовместимых многообразий, отвечающее идее взаимодействия и игры отношений в пространстве. Присутствие в этой конфигурации, например, офисов производственной фирмы, офисов банков, многочисленных бюрократических служб и отделений сплавляются в иной образ университета-Вселенной, в котором по мере десакрализации времени активно теснятся на периферию «накапливающие время» традиционные университетские пространства. Они не перестают существовать, но занимают иное место в иерархии университетских пространств, утрачивают сакральность, к ним предъявляются иные требования. Презентация исторической ретроспективы, «интеллектуальной родословной» Университета более не рассматривается как актуальная задача. Симптомом актуализации идеологии краткосрочности стало и исчезновение в университетах страны исторических факультетов, растворенных в других структурах. Менеджеральная культура склонна позиционировать свое настоящее и соб-

¹³ Бауман 2005. Цит. по: Запорожец 2011. С. 35-36.

¹⁴ Гулди, Армитедж 2015. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Фуко 2006. С. 200.

ственные начинания как начальную, стартовую точку истории университета (по крайней мере, «новой» истории университета). И «накапливающие время» пространства нагружаются задачами, отличными от их основного профиля – например, PR-задачами презентации и продвижения имиджа Университета вовне.

Эта другая конфигурация Universitas обнаруживает ревизию еще одной черты университета как гетеротопии – ее связи с раскроем времени, с гетерохронией¹⁷. В гетеротопии университета время имеет безусловную и особую ценность. Как точно заметила Е.А. Вишленкова в статье, посвященной темпоральности университета, «профессора антропологизировали время, то есть сделали его равноправным участником (субъектом) корпоративной коммуникации и наделили пространство признаками объектности»¹⁸. Если следовать Фуко, роль университета, как гетеротопии, необыкновенно усиливается, когда люди оказываются в абсолютном разрыве с их традиционным временем. А традиционное время университета – это, прежде всего, долговременность. Разрыв с традиционным временем актуализирует роль университетов, как гетеротопии, побуждая университетских людей размышлять об утрате этой временной преемственности, о долговременности, о разрыве связи поколений, о выпадении из временного контекста, о безвременье. В условиях нестабильности контекста его существования университетское сообщество особенно ощущает ценность времени и свою ориентированность, прежде всего, на время, на долгое время, а не на пространство, на важность историчности университета. Представляется, что именно покушение на историчность, темпоральность университетской жизни вызывает наиболее болезненную реакцию, беспокойство университетского сообщества. Такой небесспорный пример: не все в университетском сообществе с восторгом отнеслись к идее и термину «дорожных карт». Само название предполагает восприятие больших исторических периодов (20 лет) в качестве некоей равноположенной синхронной данности, которую легко расчертить, распланировать и наполнить заданным содержанием, исходя из актуального сегодня. На этой «карте» время уподобляется покоряемому пространству. Самим термином «дорожная карта» план повременного развития переводится в плоскость пространственного восприятия, а уникальность времени, его течения, уникальность каждого его исторического промежутка во внимание не принимается.

Университету как гетеротопии свойственна еще одна черта – соотношение открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует университетское пространство, и делает его проницаемым¹⁹. Иначе говоря, университетское пространство, университетское сообщество про-

¹⁷ Фуко 2006. С. 200-201.

¹⁸ Вишленкова 2011.

¹⁹ Фуко 2006. С. 202.

ницаемо, в него можно попасть при соблюдении определенных условий и ритуалов, требующих долгого времени (вступительные испытания, защита диплома, работа над научной темой, защита диссертации, и пр.). Десакрализация времени как важного залога соблюдения этих условий и ритуалов, их редуцирование, казалось, ведет к большей проницаемости университета. Однако этот перекоп в сторону его открытости снимается за счет конструирования новых условий и ритуалов, основанных не на требующих серьезных временных затрат принципах постепенности и развития. В первые годы советской власти, после снятия указанных «фильтров», такими новыми условиями и ритуалами стало «правильное» социальное происхождение и/или демонстрация лояльности / преданности новому режиму и идеологии. Современные условия причисления к университетскому сообществу и ритуалы его репрезентации все больше ориентируются на идеологию краткосрочности и формального рейтингования. Если проанализировать дискурсы современных университетских сайтов, становится очевидным включение режима «быстрый натиск и успех, неожиданное открытие и достижение, прорыв». Это та самая узнаваемая эпическая тенденция «Культуры Два» В. Паперного: страстное желание «чуда» взамен рутинного долгого кропотливого «дела», побуждающее стремящихся «подняться до вершин» профессионалов «сбросить с себя оковы профессионализма и броситься в пучины эпоса»²⁰. Так, у всех на слуху методы обретения мгновенного блаженства и большого Хирша в виде покупок скопусовских публикаций в сомнительных журналах и «радости взаимного цитирования». Однако такое изменение принципов проницаемости и открытости качественно деформирует сам топос, университетскую культуру и научную этику.

Университет как гетеротопия, выполняет по отношению к другим пространствам своеобразную и важную «идеальную» функцию. Эта функция реализуется, с одной стороны, через воплощение университетом идеального, совершенного пространства: компенсаторная «романтическая» функция «храма науки». С другой стороны, как гетеротопия, университет создает иллюзорное пространство, обличающее реальное как еще более иллюзорное²¹. Выполняет ли университет ныне эту компенсаторно-иллюзорную идеальную функцию? Иначе говоря, является ли он ныне храмом науки или знаний, или препарирующим и обличающим современное общество и историческую реальность субъектом? И здесь снова встает вопрос о пределах допустимого, критического для университетской культуры нивелирования этих гетеротопических черт.

Прочувствованная М. Фуко полвека назад угроза десакрализации времени и ее последствий интересным образом перекликается сегодня с артикулируемыми историками тревогами. Чему свидетельство – вы-

²⁰ Паперный 2006. С. 293, 296.

²¹ Фуко 2016. С. 203-204.

шедшая в 2014 г. в Кэмбридже и уже переведенная почти на десяток языков книга Джо Гулди и Дэвида Армитеджа «Исторический манифест»²². Повсеместное торжество краткосрочности, дефицит долговременного мышления и долговременной ответственности, важнейшим оплотом которых всегда являлись университеты и, в частности, историческая наука, позиционируются ими как одна из системных угроз культуре и обществу, цивилизации. История и историчность, долговременность мышления, утверждение вариативности исторического развития и будущего – это, по их словам, та свобода выбора, которая является «важнейшим лекарством для общества, парализованного краткосрочным мышлением»²³. И с этим утверждением трудно не согласиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Беззубова О.В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна. Сб. статей. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27-31.
- Вишленкова Е.А. Представительство или универсализм: университет в истории России // Русский журнал. 2011. 27 декабря. URL: <http://russ.ru/pole/Predstavitel-stvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (дата обращения: 22.02.2016).
- Вишленкова Е.А. Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX в. (Ч. 1) // Культурологический журнал. 2011. № 1(3) // URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (дата обращения: 09.07.2015).
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с.
- Гулди, Джо; Армитедж, Дэвид. Исторический манифест / Пер. с англ. // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 21-75; № 2. С. 25-61; № 3. С. 23-71; № 4. 27-77.
- Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>.
- Запорожец О.Н. Университет как корпорация: Интеллектуальная картография исследований: препринт. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 48 с.
- История Казанского университета. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 656 с.
- Квят А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 65-75.
- Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Старый мир при новой власти: Казанский университет в советском политическом пространстве // Мир Ключи. Сборник статей в честь Л.П. Репиной. Т. 2 / Ред. О.В. Воробьева. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 97-114.
- Паперный В. Культура Два. 2-е изд. испр., доп. М.: НЛЮ, 2006. 408 с.
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191-204.
- Guldi, Jo / Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: CUP, 2014. 165 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Eds. Michiel Dehaene & Lieven De Caeter. London; New York: Routledge, 2008. 360 p.
- Mal'yeva S., Sal'nikova A. Die russische akademische Kultur im 20. Jahrhundert: Kontinuitäten und Brüche am Beispiel der Universität Kazan' // Matthias Buegel, Andreas Umland (Hrsg.). Geistes- und sozialwissenschaftliche Hochschullehre in Osteuropa III. Transformation und Stagnation an postsowjetischen Universitäten. Mit einem Geleitwort von Michael Daxner. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007. S. 41-68.

²² Guldi 2014. Русский перевод опубликован в 2015 г. в журнале «Ab Imperio».

²³ Гулди, Армитедж 2015. С. 33.

REFERENCES

- Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s.
- Bezzubova O.V. Geterotropii gorodskogo prostranstva: k istorii kontsepta // Estetika arkhitektury i dizaina. Sb. statei. M.: Arkhitektura-S, 2010. S. 27-31.
- Vishlenkova E.A. Predstavitel'stvo ili universalizm: universitet v istorii Rossii // Russkii zhurnal. 2011. 27 dekabrya. URL: <http://russ.ru/pole/Predstavitelstvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (data obrashcheniya: 22.02.2016).
- Vishlenkova E.A. Temporal'nost' i vospriyatie vremeni v rossiiskom universitete XIX v. (Ch. 1) // Kul'turologicheskii zhurnal. 2011. № 1(3) // URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (data obrashcheniya: 09.07.2015).
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani. Kazan': KGU, 2005. 500 s.
- Guldi, Dzh.; Armitedzh, Devid. Istoricheskkii manifest / Per. s angl. // Ab Imperio. 2015. № 1. S. 21-75; № 2. S. 25-61; № 3. S. 23-71; № 4. 27-77.
- Dmitriev A. Pereizobretenie sovetskogo universiteta // Logos. 2013. № 1 (91). S. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>.
- Zaporozhets O.N. Universitet kak korporatsiya: Intellekтуal'naya kartografiya isledovatel'skikh podkhodov: preprint. M.: Izd. dom VShE, 2011. 48 s.
- Istoriya Kazanskogo universiteta. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2004. 656 s.
- Kvyat A.G. «Vse budet inache»: gorodskoi piknik kak geterotopiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 388. S. 65-75.
- Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Staryi mir pri novoi vlasti: Kazanskii universitet v sovetskom politicheskom prostranstve // Mir Klio. Sbornik statei v chest' L.P. Repinovi. T. 2 / Red. O.V. Vorob'eva. M.: IVI RAN, 2007. S. 97-114.
- Papernyi V. Kul'tura Dva. 2-e izd, ispr., dop. M.: NLO, 2006. 408 s.
- Fuko M. Drugie prostranstva // Fuko M. Intellekтуaly i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu. Ch. 3. M.: Praxis, 2006. S. 191-204.
- Guldi, Jo / Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: CUP, 2014. 165 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Eds. Michiel Dehaene & Lieven De Caeter. London; New York: Routledge, 2008. 360 p.
- Malysheva S., Sal'nikova A. Die russische akademische Kultur im 20. Jahrhundert: Kontinuitäten und Brüche am Beispiel der Universität Kazan' // Matthias Buegel, Andreas Umland (Hrsg.). Geistes- und sozialwissenschaftliche Hochschullehre in Osteuropa III. Transformation und Stagnation an postsowjetischen Universitäten. Mit einem Geleitwort von Michael Daxner. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007. S. 41-68.

Светлана Юрьевна Малышева, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru; svetatuebingen@mail.ru

**“Between pious descendants and frenzied space dwellers”
heterotopia of a university**

In the article, the metaphor of a heterotopia and the principles of topology of a heterotopia of M. Foucault are employed in relation to the space of the Russian University. The author suggests a constructive use of this metaphor in contemporary debates and reflections about the fate of Russian universities and University Corporation.

Keywords: university, university corporation, university culture, space and time, heterotopia

Svetlana Malysheva, Dr.Sc. (History), Professor, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru; svetatuebingen@mail.ru

К. А. ИЛЬИНА

ТРАЕКТОРИИ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ 1830-х ГОДОВ ОПЫТ ЗАЩИТЫ А. И. ЧИВИЛЕВА¹

Статья посвящена практикам присуждения ученых степеней в Российской империи в 1830-е годы. На основе законодательных документов и архивного делопроизводства реконструированы общие и индивидуальные траектории академического восхождения. Проведенное исследование выявило наличие альтернативных путей для обретения ученой степени, что сделало возможным ручное управление процедурами аттестации со стороны министра народного просвещения.

Ключевые слова: научная аттестация, Российская империя, законодательство, делопроизводство, университеты, министерство народного просвещения, А.И. Чивилев.

Историографические дискуссии

Публикации российских историков ученых степеней имеют одну общую черту: их источниковая база ограничивается законами и персональными текстами (биографии, письма, мемуары)². Вследствие этого самоограничения исследователи вынуждены сосредоточиться на реконструкции правовых манипуляций академической аттестацией, точнее – на выявлении логики создания нормативного акта и его содержания (объем экзаменов на степень, диспут, утверждение в степени). В данном контексте мемуары и фрагментарно использованные делопроизводственные документы из архивов университетов служат для демонстрации (не)эффективности законодательства. Так, во всех исследованиях, посвященных присуждению ученых степеней в России первой половины XIX в. излагается университетский устав 1804 г., рассказывается о подготовке «Положения о присуждении ученых степеней» 1819 г. и о статьях этого Положения, затем об уставе 1835 г. и Положении о присуждении ученых степеней 1837 и 1844 гг. Обращаясь к середине 1820-х – 1830-х гг., историки науки и образования пересказывают государственные программы подготовки профессоров (создание Профессорского института при Дерптском университете и обучение студентов законовещения при II Отделении собственной Его императорского величества канцелярии). Для демонстрации их результативности приводятся данные о численности и социальном составе студентов, мемуарные свидетельства об их повседневной жизни, сведения о научной карьере выпускников³.

¹ Использованы результаты проекта «Критерии научности и эффективности в науках о человеке: история профессиональных конвенций в России/СССР», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

² См.: Университет в Российской империи... С. 326-388; Иванов 1994; Петров 2000. С. 364-376; Якушев 1998.

³ См., напр.: Иванов 1994. С. 71-77, Петров 2003. С. 23-44, 141-233; Тамул 1988; Костина 2011. С. 219-228; Андреев 2005. С. 287-317.

О процедурах академической аттестации, которую прошли персонажи исторических повествований, историки говорят как об устоявшихся, общих «правилах игры». Между тем, архивные свидетельства побуждают предположить, что в первой половине XIX в. академическая аттестация осуществлялась в весьма нечетком правовом поле. В руках университетских администраторов был комплекс противоречащих друг другу постановлений, распоряжений и циркулярных писем. Их инициаторами были не только министерские чиновники, но и преподаватели. Судя по всему, активное правотворчество было порождено кризисом университетов второй половины 1820-х гг. и затеянной в связи с этим кадровой реформой рубежа 1820–1830-х гг. Если мои гипотезы верны, то в таких условиях результаты научной аттестации были абсолютно непредсказуемыми: не существовало универсальных норм и требований для соискателей степеней и их университетских экспертов-оценщиков. Всё зависело от конкретных обстоятельств, от расстановки участников факультетского совета, заинтересованности и активности отдельных чиновников, и даже от скорости коммуникаций, персональных связей.

В данной статье показана множественность правовых путей и лазеек для обретения ученой степени в российских университетах 1830-х гг. – апогея правления Николая I и начала управления Министерством народного просвещения С.С. Уварова.

Правовая паутина

Изучение законодательства первой трети XIX в. продемонстрировало наличие у претендентов на ученое звание нескольких возможностей. Еще больше их стало в конце 1820-х – середине 1830-х гг.

В начале века действовали локальные учредительные грамоты и уставы 1803–1804 гг., очертившие общие контуры процедуры аттестации и утвердившие три ученые степени: кандидата, магистра и доктора. Они были введены указом «Об устройстве училищ» 24 января 1803 г.⁴ Подготовленное совместными усилиями профессоров и чиновников министерства «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г. сделало процедуру академической аттестации универсальной для всей империи. Оно ввело дополнительную степень (действительного студента), установило преемственность степеней и последовательность прохождения аттестации, требования к объему знаний соискателей. Кроме того, в положении было осуществлено распределение «наук» (дисциплин) по факультетам. Присуждать ученые степени можно было по четырем факультетам: богословскому, юридическому, медицинскому и философскому, состоящему из двух отделений: физико-математического и этико-филологического⁵. Однако это разделение не соответствовало реальной структуре

⁴ Сборник постановлений... Т. 1. № 6. Стб. 17.

⁵ О производстве в ученые степени на основании положения о сем, 20 января 1819 // Сборник постановлений... Т. 1. № 340. Стб. 1135.

императорских университетов (которая не только отличалась от описанной в Положении, но и была уникальной в каждом учебном заведении)⁶.

Кадровый кризис в университетах второй половины 1820-х гг. стимулировал появление двух проектов подготовки профессоров, авторами которых были Г. Ф. Паррот и М.М. Сперанский. Первый из них, академик Петербургской академии наук, восстановитель Дерптского университета и его первый ректор указал правительству, что за четверть века существования Московский, Харьковский и Казанский университеты, несмотря на потраченные на них 10 млн руб., «не произвели того, что нужно для полезного существования сих университетов – класса природных русских профессоров, истинных, достойных сего имени ученых»⁷. В связи с этим он предложил устроить при Дерптском университете специальный институт для подготовки профессоров, набрать в него 156 воспитанников из русских университетов и через семь лет (после пятилетнего обучения в Дерпте, заканчивающегося защитой магистерской диссертации, и двухлетней стажировки в университетах Европы) заместить ими всех профессоров (за исключением ректоров). Против этого тогда выступил министр А.С. Шишков и некоторые члены Комитета устройства учебных заведений (М.М. Сперанский, П.А. Строганов). Остальные члены (К.А. Ливен, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Я.О. Ламберт, А.К. Шторх, И.Ф. Крузенштерн) предложили отредактировать документ. В результате, проект и мнения по нему были представлены Николаю I. Император предписал выбрать для подготовки профессорской должности 20 воспитанников, а общий срок этой подготовки сократить до четырех лет (по два года в Дерпте и в европейских университетах)⁸.

Через пять месяцев император утвердил план обучения правоведов. Этот проект разработали М.А. Балугьянский и М.М. Сперанский. Планировалось, что студенты будут слушать лекции по римскому праву и латинской словесности в Петербургском университете и каждый день практиковаться у опытных чиновников II Отделения собственной Его императорского величества канцелярии⁹. Для этого Сперанский выбрал шесть лучших выпускников духовных академий Москвы и Санкт-

⁶ См.: Устав и Общие постановления императорского Виленского университета, 18 мая 1803 // Сборник постановлений... Т. 1. № 15. Стб. 45-46; Устав императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Там же. № 24. Стб. 137-138; То же, 4 июня 1820 // Там же. № 389. Стб. 1264-1265; Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // № 46. Стб. 268-269; Образование Главного Педагогического института, 23 декабря 1816 // № 264. Стб. 835; Об учреждении университета в С. Петербурге, 8 февраля 1819 // № 344. Стб. 1155.

⁷ По делу о приготовлении профессоров, 14 октября 1827 // Дополнение к Сборнику постановлений... № 103. Стб. 256.

⁸ Там же. Стб. 251-257.

⁹ Об образовании при С. Петербургском университете кандидатов правоведения, 24 января 1828 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 45. Стб. 89-91; см. также: Корф 1861. Т. 1. С. 329.

Петербурга, в которых прошла радикальная реформа обучения и где основательно учили латыни, церковному и каноническому праву.

Эти программы создали систему подготовки профессоров для императорских университетов. Однако в условиях ручного управления у высших сановников был соблазн добиться особых предпочтений или приспособления общей системы под интересы «своих» служащих. Так, 12 сентября 1830 г. попечитель Дерптского учебного округа барон фон дер Пален сообщил министру народного просвещения К.А. Ливену, что воспитанники Профессорского института имели разные исходные ученые степени: среди них были студенты, кандидаты, лекари, и даже один доктор. Попечитель поддержал просьбу ректора Дерптского университета и директора Профессорского института о разрешении совету университета присуждать сдавшим все экзамены воспитанникам степени не по порядку усложнения, а в соответствии с успехами и знаниями: в данном случае имелись в виду степени доктора философии и доктора юриспруденции, так как к тому времени Дерптский университет уже обладал правом присуждать студентам медицины степень доктора. Оно, естественно, распространялось и на медицинских воспитанников Профессорского института. Эта инициатива была утверждена комитетом министров и императором 11 ноября 1830 г.¹⁰ 30 января 1831 г. барон фон дер Пален уведомил министра о том, что исправляющий должность директора Профессорского института профессор патологии, терапии и клиники Ф.Х. Эрдман обратился в совет университета с просьбой изменить существующий порядок экзаменов на ученые степени. Он считал, что иначе воспитанники «должны бы были заняться науками, которые весьма удалены от главных их наук», так как экзамен на степень подразумевал испытание соискателей во всех дисциплинах факультета. Однако остальные профессора проголосовали за сохранение прежних правил¹¹. Таким образом, вывести воспитанников института из поля действия Положения 1819 года Эрдману не удалось.

Еще одна инициатива по изменению порядка аттестации пришлась на февраль 1831 г. Эрдман написал в совет, что сдавшие экзамены и направляющиеся в зарубежные стажировки воспитанники должны, согласно законодательству, представить диссертации. Однако, по его мнению, соискатели не располагали временем для написания «основательных рассуждений» и их публичной защиты. На этот раз коллеги поддержали инициативу Эрдмана. В собрании совета университета было решено, чтобы после экзаменов на степень в Дерптском университете,

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 668 «Дела об установлении правил экзаменов воспитанников Профессорского института при отъезде их в научные командировки за границу и при производстве в ученые степени; об утверждении в ученых степенях воспитанников института», 1830-1832. Л. 24-24 об. 29.

¹¹ Там же. Л. 1 – о Л. 1 об.

воспитанники Профессорского института отправлялись в заграничные стажировки, где «сверх других занятий» должны были написать диссертации. Защиты планировалось провести по возвращении молодых ученых в Россию в Дерпте или в любом другом университете империи. Но Ливен 13 марта 1831 г. напомнил об уже подписанных привилегиях для воспитанников института и заметил, что молодые ученые имеют достаточно времени для сочинения и защиты диссертаций¹².

В июле 1835 г. со стажировок вернулись воспитанники первого набора Профессорского института, не удостоенные докторских степеней: три магистра (экономист А.И. Чивилев, историк М.С. Куторга и физик В.И. Лапшин) и два кандидата (филолог В.С. Печерин и экономист В.С. Порошин). Специально для них министр инициировал появление указа 23 июля 1835 г. (за три дня до обнародования нового университетского устава). В нем говорилось о намерении «сократить многосложные формы» испытаний, чтобы как можно быстрее определить молодых ученых на кафедры. Уваров ссылался на опыт Сперанского и рекомендовал применить для испытания ученых правила, аналогичные разработанным для студентов законовведения¹³. Экзамены предполагалось провести в Санкт-Петербургском университете.

Привилегии для своих воспитанников требовали и чиновники II Отделения. В 1833 г. первый поток обученных юных законоведов прибыл из Берлина и встал вопрос об их аттестации. 12 апреля 1833 г. Балугьянский, по инициативе Сперанского, подал императору большую записку «О студентах правоведения, возвратившихся из Берлина и находящихся при II Отделении собственной ЕИВ Канцелярии». В ней он изложил историю обучения воспитанников отделения в Санкт-Петербурге и Берлине, акцентируя внимание на их успехах в учебе и жертвах, которые они принесли, чтобы учиться, а не расти в чинах. Апеллируя к опыту Профессорского института, автор просил разрешения испытывать вернувшихся студентов на степень доктора прав в столичном университете. Более того, указывая на отсутствие единых норм научной аттестации, Балугьянский высказал мысль о необходимости составления специальной программы для испытания студентов законовведения. Император одобрил этот план действий на следующий день¹⁴. К середине декабря правила были готовы. 29 января 1834 г. начались испытания студентов¹⁵.

¹² Там же. Л. 4, 8-9.

¹³ Об испытании молодых ученых, возвратившихся из чужих краев, 23 июля 1835 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 361. Стб. 739; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23 «Переписка совета императорского Московского университета с отделением словесных наук по учебным вопросам», 1835. Л. 159 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 118 «Дело об обучении при II Отделении Собственной ЕИВ Канцелярии», 1828-1834. Л. 22-31 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законовведения, обучавшихся в Берлинском университете», 1833-1845.

Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь Дондуков-Корсаков в своем письме в Департамент народного просвещения в начале января 1835 г. описывал последние штрихи к подготовке первых защит студентов законовведения В.П. Знаменского и К.А. Неволлина. Глава округа доносил, что еще в октябре 1834 г. философско-юридический факультет определил «обряд публичного акта» и список приглашенных, а также назначил оппонентов из профессоров. Процесс задерживала печать диссертаций, которые из-за «множества ученых ссылок и примечаний на греческом языке» представляли «большое затруднение при корректуре»¹⁶. Даты защит были назначены. Однако Знаменский умер за неделю до диспута в январе. 8 февраля 1835 г. Неволлин блестяще защитил диссертацию «О философии законодательства у древних» на трех языках: русском, латинском и немецком. Известно, что в январе 1835 г. на рассмотрении факультета находилась диссертация еще одного студента Сперанского – А.А. Благовещенского¹⁷. Оставшиеся студенты (С.О. Богородицкий и С.Н. Орнатский) так и не подали готовых текстов.

А Уваров меж тем просил у Сперанского как можно скорее заместить его студентами три вакантные кафедры нравственно-политического отделения Московского университета. «Единственным препятствием» в исполнении требования являлось то, что большинство вернувшихся из Европы студентов еще не сдали необходимых экзаменов и не подготовили диссертаций. 28 февраля 1835 года Сперанский уведомил министра народного просвещения, что Балугьянский представил ему проект «о сокращении испытания» студентам. Чиновник предлагал вместо написания и защиты диссертаций (на что понадобился бы еще как минимум год) провести публичную защиту соискателями «от 30 до 40 и более тез, извлеченных из состава всех юридических наук»¹⁸. Это позволило бы окончить испытания студентов к концу мая. Сперанский намеревался испрашивать разрешения императора на реализацию этого проекта. 13 мая 1835 года Балугьянский доносил Уварову, что проект о замене диссертации публичной защитой тезисов был утвержден императором¹⁹. От студентов требовалось написать и представить диссертации после распределения их по университетам империи.

Кроме того, с августа-сентября 1835 г. начинали действовать касающиеся научной аттестации положения нового устава (полностью устав вступал в силу с 1837 г.). Они носили уточняющий характер, отражая

Л. 13-17 об., 32 об.-33 об. Черновик правил в ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 1149 «Сперанский М.М. Означение предметов и порядка испытания студентам законовведения, обучавшимся в Берлинском университете», б/д. Черновой автограф. Карандаш. Л. 1-6. Копия правил см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 161-161 а.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 24 об.

¹⁷ Там же. Л. 24 об., 28-28 об., 36.

¹⁸ Там же. Л. 41-42.

¹⁹ Там же. Л. 45-45 об.

результаты практики аттестации первой трети XIX в., но было несколько существенных отличий. Так, упразднялась степень «действительного студента» и сохранялось три: кандидата, магистра, доктора. Однако наибольший резонанс вызвало введение требования докторской степени к соискателю должности профессора²⁰. Следует отметить, что применительно к Дерптскому университету такое требование было прописано еще в уставе 1803 г., а затем и 1820 г.²¹ Более того, к 1835 г. для остальных университетов оно также существовало уже 15 лет. Еще 19 февраля 1820 г. министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын выпустил специальный циркуляр, предписывающий соискателям профессорских мест иметь степень доктора, а адъюнктов – магистра²², но это предложение имело «пожелательный» характер («при встречающихся случаях по всей возможности») и потому не соблюдалось. Судя по всему, к 1835 г. профессора успели о нем забыть, и поэтому прописывание этого требования в уставе 1835 г. вызвало панику среди не имеющих нужных степеней преподавателей.

Видимо, желая сохранить для университетов талантливых молодых преподавателей без степени, министр Уваров в конце 1835 г. инициировал специальный указ. Согласно ему, адъюнкты университетов в ближайший год могли получить степень доктора без экзаменов. От них требовалось написать и публично защитить диссертацию²³. В апреле 1838 г. данная привилегия университетским адъюнктам была дана еще раз²⁴. Здесь можно поспорить с А.Е. Ивановым, который считает, что впервые защита диссертации без предварительных экзаменов была уза-

²⁰ Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 363. Стб. 754. О реакции на устав и научной аттестации С.П. Шевырева см.: Ильина 2015.

²¹ Устав императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений... Т. 1. № 24. Стб. 140; То же, 4 июня 1820 // Там же. № 389. Стб. 1265.

²² Циркулярное предложение о том, чтобы ищущие профессорских и адъюнктовских мест имели степени докторов и магистров, 19 февраля 1820 // Сборник распоряжений... Т. 1. № 184. С. 406-407.

²³ «Для состоящих ныне при университете экстраординарных профессоров и адъюнктов, не имеющих ученых степеней, требуемых 76-м пунктом общего устава университетов, – говорилось в указе, – но должествующих в свое время поступить в ординарные профессора, назначается со дня введения устава, годовой срок, в продолжение коего для получения прямо высшей ученой степени обязаны они написать диссертацию, каждый по своему главному предмету и потом защищать публично взятые из оной тезы. Нынешние преподаватели восточных языков и архитектуры в университетах не подвергаются сему обряду и могут получать звание ординарного профессора, не имея степени доктора». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185 «Дело о пересмотре состава профессоров и преподавателей университета, в связи с введением нового устава, о новом распределении кафедр и увольнении профессоров, оставшихся за штатом /со сведениями о прохождении ими службы», 1835–1837. Л. 87 об.–88.

²⁴ О временном изъятии из общего правила касательно формы экзаменов для приобретения ученой степени, 15 апреля 1838 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 538. Стб. 1036–1037.

конена в 1842 г. уставом университета св. Владимира в Киеве и предназначалась для претендентов на внештатные доцентуры²⁵.

В архиве Департамента народного просвещения сохранились списки удостоенных докторской степени по одной диссертации, как по указу 1835 г., так и по указу 1838 г. Они были составлены начальником II отделения ДНП А.И. Мартыновым по запросу Комитета устройства учебных заведений, который занимался подготовкой нового Положения о присуждении ученых степеней. Воспользовавшихся дарованными императором краткосрочными привилегиями было немного. По указу 1835 г. докторскую степень получили пятеро: историк и археограф Н.Г. Устрялов (22 декабря 1836 г.) и историк литературы А.В. Никитенко (27 февраля 1837 г.) из Санкт-Петербургского и юрист Ф.Л. Морощкин (13 ноября 1837 г.), математик Н.Е. Зернов (17 октября 1837 г.) и историк литературы С.П. Шевырев (7 апреля 1837 г.) из Московского университета. По постановлению 1838 г. степени докторов наук были присуждены: историку М.С. Куторге (1 сентября 1838 г.), экономисту В.С. Порошину (26 января 1839 г.), правоведу Н.Ф. Рождественскому (2 февраля 1839 г.) в Санкт-Петербурге, экономисту А.И. Чивилеву (15 апреля 1838 г.) в Москве, словеснику М.П. Розбергу, богослову К.-Ф. Кейлю и математику К. Э. Зенфу (все трое – 23 декабря 1838 г.) в Дерпте, математику Г.В. Гречине (25 декабря 1838 г.), ботанику и натуралисту Р.Э. Траутфеттеру и астроному В.Ф. Федорову (оба – 2 февраля 1839 г.) в Киеве, юристу Г.С. Гордеенкову (30 сентября 1838 г.), математику Н.А. Дьяченко (16 декабря 1838 г.), писателю В.А. Якимову (7 января 1839 г.), философу М.Н. Протопопову (20 января 1839 г.) и физику В.И. Лапшину (7 апреля 1839 г.) в Харькове, а также историку литературы К.К. Фойгту (20 января 1839 г.), химику К.К. Клаусу (15 февраля 1839 г.) и юристу Г.Л. Фогелю (28 февраля 1839 г.) в Казани²⁶.

После принятия нового университетского устава в апреле 1837 г. министерство опубликовало новое «Положение об испытании на ученые степени»²⁷. Оно было принято на три года «в виде опыта».

Таким образом, в конце 1820-х – 1830-х гг. в законодательном поле Российской империи, кроме параллельно существующего специального законодательства для соискателей духовных и медицинских степеней²⁸, существовало по меньшей мере девять официально оформленных, но никак при этом не связанных траекторий академической аттестации:

- локальные уставы университетов (1803, 1804 и 1820 гг.);

²⁵ Иванов 1994. С. 139-140.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов, ч. 2», 1839–1844. Л. 110, 112-113.

²⁷ Положение об испытаниях на ученые степени, 28 апреля 1837 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 484. Стб. 984–988.

²⁸ См., напр.: Сухова 2009; Гатина, Вишленкова 2014.

- единое для всех университетов «Положение о производстве в ученые степени» от 20 января 1819 г.;
- разрешение для воспитанников Профессорского института защищаться на соответствующие их знаниям ученые степени от 11 ноября 1830 г.;
- разрешение на аттестацию по специальной программе для студентов из ведомства М.М. Сперанского от 15 декабря 1833 г.;
- разрешение на замену защиты диссертации публичной защитой тезисов для студентов Сперанского от 13 мая 1835 г.;
- указ о специальной программе экзаменов для пяти выпускников Профессорского института при Дерптском университете от 23 июля 1835 г.;
- «Общий устав императорских российских университетов» (для Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского университетов) от 26 июля 1835 г.;
- инициатива министра о защите адъюнктами университетов диссертации на степень доктора без предварительных экзаменов от 31 декабря 1835 г. (повторенная в апреле 1838 г.);
- «Положение об испытаниях на ученые степени» (для Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского университетов) от 28 апреля 1837 г., несколько откорректированных в 1844 г.

Выстраивание индивидуальных траекторий:

магистерская и докторская аттестации А.И. Чивилева

Во всей этой полифонии законодательных инициатив в области научной аттестации, которые зачастую не были соотнесены со структурой университетов и имеющимися там специалистами, каждый соискатель лишь иногда полностью вписывался в идеальные, прописанные законодателем рамки. Чаще молодой ученый был вынужден лавировать между разными программами и пытаться угадать установленные властью правила, определяя свою индивидуальную траекторию обретения ученой степени и выстраивая свой собственный путь научной карьеры.

Интересна судьба научных аттестаций воспитанников Профессорского института. Так, из 20-ти первоначально отобранных воспитанников двое (П. Шкляревский и П. Шрамков) умерли в Дерпте, и вместо них были присланы выпускники Дерптского университета М.М. Лунин и В.С. Порошин; А. Шуманский выбыл в гражданскую службу. В конце 1832 – начале 1833 г. состоялась серия защит воспитанников института. По результатам, 13-ти из них была присуждена степень доктора: шести – доктора медицины (хирурги Н.И. Пирогов и Ф.И. Иноземцев, физиолог А.М. Филомафитский, терапевт Г.И. Сокольский и Н.А. Скандовский, С.С. Куторга), шести – доктора философии (филологи Д.Л. Крюков и А.О. Валицкий, историк М.М. Лунин, математик П.И. Котельников, ботаники П.Я. Корнух-Троцкий и И.О. Шиховский, причем последний получил в Дерпте и степень доктора медицины в 1829 г.), одному – степень доктора юриспруденции (И.И. Ивановский). Трое вос-

питанников были удостоены звания магистров философии (экономист А.И. Чивилев, физик В.И. Лапшин, историк М.С. Куторга). За границей к ним присоединился кандидат Санкт-Петербургского университета филолог В.С. Печерин, который по возвращении из Европы осенью 1835 г. сдал в Московском университете экзамены по аналогичной с воспитанниками М.М. Сперанского программе²⁹. Воспитанники Московского и Петербургского университетов соответственно – П.Г. Редкин и П.Д. Калмыков в 1828 г. были определены в Профессорский институт, но в конце 1830 г. покинули Дерпт из-за временного «расстройства» юридического факультета университета. Студенты были определены в программу Сперанского и сразу же отправлены в Берлин к выдающемуся юристу Ф. К. фон Савиньи, где в это время проходили стажировку остальные воспитанники II Отделения³⁰.

Квинтэссенцией законодательной путаницы и непредсказуемости является история академической аттестации экономиста А.И. Чивилева. В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета», составленном С.П. Шевыревым и опубликованном к 100-летию Московского университета, есть автобиографическая справка Чивилева. В ней профессор упоминал, что в 1823 г. он поступил на философско-юридический факультет Санкт-Петербургского университета и закончил его через четыре года, в 1828 г. получил степень кандидата прав и был назначен в число воспитанников Профессорского института в Дерпте. Для изучения им была выбрана политическая экономия, составлявшая в Дерптском университете центр камерального отделения философского факультета. Чивилев «слушал лекции о науке полиции, науке торговли, сельском хозяйстве, технологии, физике, химии, и также о философии, государственном праве русском и европейских государств, международном праве, истории римского права, истории всеобщей и русской статистики и географии». В дополнение к изученным в университете латинскому, немецкому и французскому языкам Чивилев изучал английский язык, чтобы читать в подлиннике английских экономистов. В начале 1833 г. он сдал экзамены на степень магистра философии и защитил диссертацию «О призрении бедных»³¹.

Рассказывая об учебе в Дерптском университете, Чивилев отредактировал прошлое. В 1828 г. в составе философского факультета было не камеральное отделение, а технолого-экономический класс, в состав которого входили камеральные, финансовые и торговые науки, экономия, технология, гражданская архитектура и военные науки³². Политическую

²⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 156-156 об., 160-160 об., 177-178 об., 185-186, 191.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 671 «Дело о командировании воспитанников Профессорского института Калмыкова и Редкина в Берлин...», 1830–1831. Л. 1-2, 4.

³¹ Биографический словарь... Ч. 2. С. 554-555.

³² Устав императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 389. Стб. 1268.

экономии преподавал профессор камеральных, финансовых и торговых наук Эб. Фридендер, занимавший эту кафедру с 1828 по 1854 г.³³ Любопытно, что в «Обзоре деятельности императорского Дерптского университета на память о 1802–1865 годах», который был составлен по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа в 1866 г., указано, что Чивилев в 1833 г. «приобрел» степень магистра политической экономии³⁴. Между тем, везде, включая автобиографию Чивилева и титульный лист его диссертации, он фигурирует как магистр философии. Такое расхождение очень странно, так как, согласно законодательству (и уставу 1804 г., и Положению 1819 г.) степень магистра присуждалась по классу наук, а доктора – по факультету. Поэтому, каким образом три воспитанника Профессорского института (Чивилев, М. Куторга и Лапшин) стали магистрами философии (о чем также свидетельствуют титульные листы их диссертаций) еще предстоит выяснить.

Скорее после защиты диссертации, в июле 1833 г. Чивилев, как и многие воспитанники института, отправился на стажировку в Берлин. Ученый отмечал, что, несмотря на «цветущую пору» Берлинского университета, политическая экономия не была в нем представлена отдельными специалистами. Поэтому ему пришлось изучать ее по книгам и параллельно слушать лекции по полиции и статистике Прусского королевства, географии, геогнозии, естественного и государственного права, философии истории, государственного прусского права, философии, технической химии³⁵. Через два года он вернулся в Санкт-Петербург³⁶, и после прочтения пробной лекции о камеральных науках в Академии наук был назначен преподавателем в Московский университет³⁷. Так

³³ До этого он был преподавателем в Кенигсбергском университете и известен сочинением об английском таможенном устройстве. Обзор деятельности... С. 113-114.

³⁴ См. Обзор... С. 115. Интересно, что Чивилев стал первым из трех (за первую половину XIX в.) магистров по этому классу наук. Первым (из двух) доктором политической экономии стал И.Я. Горлов, воспитанник Профессорского института второго набора, защитивший диссертацию в 1838 г. Из пяти диссертаций по политической экономии, защищенных в Дерптском университете с 1833 по 1856 г. только одна написана на латыни (И.Я. Горлов, 1838 г.), одна – на французском (Чивилев, 1833 г.) и три – на немецком (П. Ливен, 1844 г., Ю.А. Микшевич, магистерская 1852 г. и докторская 1856 г.). Кроме того, вместе с Чивилевым как специализирующийся по политической экономии упоминается еще один воспитанник Профессорского института – И.И. Ивановский, который в итоге защитился на степень доктора юриспруденции.

³⁵ Биографический словарь... Ч. 2. С. 555.

³⁶ А.В. Никитенко, преподаватель С.-Петербургского университета и товарищ возвратившихся из Европы ученых, записал в дневнике 17 июня 1835 г.: «Возвратились из-за границы студенты профессорского института. У меня уже были Печерин, Куторга младший, Чивилев. Колмыков приехал прежде. Они отвыкли от России и тяготятся мыслью, что должны навсегда прозябать в этом царстве рабства. Особенно мрачен Печерин». См. Никитенко 1893. С. 358-359.

³⁷ Из воспитанников Профессорского института в Московский университет также были определены: И.О. Шиховский, Д.Л. Крюков, А.М. Филомафитский, А.И. Чи-

как Чивилев не имел степени доктора, то, согласно принятому 23 июля указу об испытании возвратившихся из заграничных стажировок воспитанников Профессорского института, он был оставлен в столице³⁸. Однако 9 октября Уваров сообщил попечителю Московского учебного округа С.Г. Строганову, что вернувшихся из-за границы ученых удобнее будет подвергнуть испытаниям непосредственно в тех университетах, куда они были распределены³⁹.

Чивилев был отправлен в Московский университет, профессора которого должны были провести ему испытания на степень доктора до 1 января 1836 г. Руководствоваться при этом можно было либо Положением о присуждении ученых степеней 1819 г. или же уставом 1835 г. Правовое основание выбирал сам испытуемый⁴⁰. В данном случае представляемый магистру выбор очень важен, так как по Положению 1819 г. политическая экономия входила в круг наук юридического факультета, а по уставу 1835 г. «политическая экономия и статистика» вошли в состав Первого (Словесного) отделения философского факультета⁴¹. От выбора правового акта зависел факультет, профессора которого будут проводить экзамены, а также набор дисциплин, которые предстояло сдавать в качестве дополнительных. 5 ноября 1835 г. Чивилева пригласили на заседание университетского совета и спросили, каким образом он желает проходить испытания на степень доктора. Однако молодой ученый ответил, что не может подвергнуться испытанию на степень доктора «за неимением в Московском университете отделения наук камеральных, которые в продолжение семи лет составляли главный предмет его занятий». Он просил разрешения остаться в звании адъюнкта при кафедре политической экономии и статистики⁴², на что Уваров и согласился в конце ноября 1835 г., а еще через месяц министр одобрил ходатайство попечителя об утверждении Чивилева адъюнктом. Последнему было временно (до определения по кафедре ординарного профессора) доверено чтение по-

вилев и В.С. Печерин. Их было предписано не утверждать в званиях до введения нового устава, но назначить жалованье ординарных профессоров (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 122–122 об.) Чуть позже (19 сентября) в Москву был определен Ф.И. Иноземцев (См.: Биографический словарь... Ч. 1. С. 356.)

³⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 123.

³⁹ Интересно, что, отправляя воспитанников С.-Петербургского университета в Москву, Уваров буквально в это же время настойчиво приглашает на экзамен в Петербург адъюнкта Московского университета Шевырева (выпускника Благородного пансиона при университете), обещая ему легкий экзамен на степень доктора (подробнее см.: Ильина 2015. № 1. С. 74–89). Ученики Сперанского первого набора в это время также защищались в С.-Петербургском университете.

⁴⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 160.

⁴¹ О производстве в ученые степени на основании положения о сем, 20 января 1819 // Сборник постановлений... Т. 1. № 340. Стб. 1136.; Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Т. 2, отд. 1. № 363. Стб. 744.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185. Л. 32–32 об.

литической экономии, в то время как статистику Российского государства было поручено читать М.Т. Каченовскому⁴³.

Известие об указе от 31 декабря 1835 г., который разрешал адъюнктам университетов получать докторские степени без экзаменов, вызвало в Москве серию сначала деклараций о намерении написать диссертации, а потом и защит. Не стал исключением и Чивилев. В протоколе Первого отделения философского факультета от 10 октября 1836 г. упоминается, что Чивилев представил на рассмотрение отделения две возможных темы своей будущей докторской диссертации («О доходе народном» и «О займах государственных»), оговорив право впоследствии выбрать одну из них. Темы были представлены в совет университета и утверждены⁴⁴.

24 февраля 1836 г. декан отделения Каченовский доносил совету университета, что адъюнкт Чивилев представил диссертацию «О народном доходе»⁴⁵ на соискание докторской степени. Декан обрисовал противоречивую ситуацию, с которой он столкнулся: «По прочтении оной, я препроводил ее к прочим г[осподам] профессорам, которые однако же объявили мне единогласно, что диссертация, по содержанию своему, подлежит суждению г[оспод] членов юридического факультета, как чиновников по роду занятий своих с большею справедливостью могущих определить достоинство сочинения г. Чивилева, и что к мнению их будет оказано должное уважение. Будучи совершенно согласен с товарищами своими я имею честь представить сие дело и самую диссертацию г[осподина] Чивилева на благоусмотрение совета»⁴⁶. В тот же день совет университета постановил направить диссертацию на рассмотрение юридического факультета, о чем факультет был оповещен специальным письмом от 4 марта. 7 апреля декан юридического факультета профессор Н.С. Васильев сообщил совету университета о результатах экспертизы диссертации профессорами-юристами: сочинение было «единогласно одобрено членами факультета». Получив донесение коллег-юристов, профессора университетского совета приняли решение о публикации текста диссертации⁴⁷. 26 мая 1837 г. декан отделения представил «одобренную и напечатанную»⁴⁸ в университетской типографии диссертацию кандидата прав и магистра философии Чивилева на сте-

⁴³ Там же. Л. 35; 40 об.; 97 об.-98 об.

⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 24 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1836. Л. 110 об.-111, 139.

⁴⁵ О диссертации Чивилева см.: Петров 2003. Т. 4, ч. 1. С. 179.

⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174 «Об избрании г[осподином] о[рдинарным] п[рофессором] Погодиным и другими преподавателями тем для диссертаций на доктора», 1836–1838. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 12, 13, 28, 29 об.

⁴⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1837. Л. 33. Текст диссертации см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 33-63 об.

пень доктора философии. Диссертация соответствовала одобренному советом оригиналу диссертации и занимала 60 страниц.

Защита Чивилева состоялась 2 июня 1837 г. в 11 утра на заседании совета Первого отделения философского факультета в присутствии попечителя и его помощника, ректора университета и депутатов от совета. Профессора признали соискателя достойным искомой степени. Через несколько дней они подготовили и отправили через попечителя министру все необходимые документы, и ждали ответа на представление главы округа министру с утверждением Чивилева в степени⁴⁹. Казалось, все формальности были соблюдены, и ничего не предвещало бури. Но 16 июля 1837 г. министр отказал попечителю в утверждении Чивилева. Уваров разъяснял главе учебного округа (а через него и профессорам), что постановление от 31 декабря 1835 г., ускоряющее прохождение аттестации на степень доктора для университетских адъюнктов и преподавателей, касалось только тех, кто к этому времени уже находился в звании. И уж тем более оно никак не могло касаться «тех русских ученых, которые с столь большими издержками правительства были и внутри империи, и за границу приготовлены и снабжены всеми возможными средствами к достижению высшего ученого образования»⁵⁰. Также министр напомнил о специальном постановлении для воспитанников Профессорского института в Дерпте⁵¹. Принимая защищенную диссертацию, министр для присуждения искомой степени требовал от соискателя дополнить ее «прочими формами испытания», согласно новому положению о присуждении ученых степеней 1837 года.

21 августа профессора Московского университета получили отношение главы округа об отказе утвердить Чивилева в степени⁵², а уже через три дня в собрании отделения были проведены требуемые испытания в присутствии ректора и депутатов с других факультетов. Главным предметом для письменного экзамена Чивилева была статистика. Соискатель письменно ответил на три вопроса: «1) О важности теории статистики, 2) о пособиях статистики, 3) о влиянии континентальной системы на дела Европы». По результатам экзамена профессора признали Чивилева «по отличному знанию главного предмета им избранного, совершенно достойным степени доктора»⁵³. В течение двух недель было составлено представление отделения в совет университета, к которому

⁴⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25. Л. 68; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 64; РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 «Дело о разъяснении порядка присвоения степеней доктора и магистра», 1837-1840. Л. 1-1 об.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430 «Об удостоении адъюнкта Чивилева степени доктора и об утверждении его в звании э. профессора», 1837-1838. Л. 5 об.

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 4-5 об.; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 73 об.; ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 5-6 об.

⁵² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 74, 75.

⁵³ Там же. Л. 79.

была приложена копия с протокола об испытании соискателя. В конце сентября, ознакомившись с представлением совета, попечитель Строганов препроводил документы в Министерство народного просвещения⁵⁴.

Завершающий этап аттестации Чивилева разворачивался уже между министерством и попечителем и не затрагивал ни соискателя, ни университет. При отсылке документов выяснилось, что в канцелярии попечителя к отсылаемым в министерство документам адъюнкта забыли приложить протокол об экзаменах, который и был запрошен столичными чиновниками. Документы были получены в столице 12 октября⁵⁵.

Параллельно с этим 9 октября 1837 г. дело «о докторском экзамене» Чивилева затребовал управляющий Министерством народного просвещения⁵⁶. Эту должность с 18 июля по 27 декабря 1837 г. занимал граф Н.А. Протасов, обер-прокурор св. Синода, в 1835-1836 г. он был помощником министра народного просвещения⁵⁷. Деятельность Протасова на посту управляющего министерством характерна тем, что он, не желая брать на себя ответственность, в спорных и неоднозначных случаях ссылался на «букву закона». Так было, например, в случае с ходатайством Казанского университета о введении должности архивариуса, которой не было в штатном расписании императорских университетов по уставу 1835 г.⁵⁸ В несоответствие действующим актам упиралась и аргументация подготовленного Протасовым и чиновниками министерства ответа попечителю Строганову. В письме говорилось, что при всем желании возглавляющего министерство чиновника, утверждение Чивилева в степени доктора невозможно. Причиной этого решения указывалось несоответствие проведенного для соискателя на факультете устного экзамена по статистике Положению об испытании на ученые степени от 28 апреля 1837 г., которым была предписана серия устных и письменных испытаний по нескольким дисциплинам факультета. Черновик этого письма изначально готовился для подписи Протасову, но в итоге был подписан вернувшимся в Санкт-Петербург Уваровым⁵⁹.

17 декабря Строганов в ответном письме министру подробно пересказывал этапы научной биографии Чивилева и доказывал, что тот «не должен быть подводим под общую форму испытания в предметах». Главным аргументом для главы округа стала, во-первых, специализация Чивилева в области политической экономии. Во-вторых, попечитель отмечал, что Чивилев никогда не занимался науками, входящими в состав Первого отделения философского факультета (филологией и историей) и

⁵⁴ Там же. Л. 78, 81.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 6 – 6 об., 7, 9.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

⁵⁷ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 82.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Ильина, Вишленкова 2013. С. 344-345.

⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 9; Беловик письма, подписанный Уваровым см.: ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 13-13 об.

оказался в составе этого, а не юридического факультета, «единственно потому, что при новом распределении кафедр [по уставу 1835 г.], политическая экономия к оному причислена»⁶⁰. В-третьих, Строганов упоминал, что политическая экономия вообще не указана в таблице испытаний, прилагаемой к Положению о присуждении ученых степеней. Переходя к общим проблемам научной аттестации в университетах, глава учебного округа высказался о необходимости изменить правила докторских испытаний в связи со специализацией соискателей и в заключении просил министра утвердить Чивилева в степени доктора⁶¹.

На это письмо Строганова наложена резолюция: «Г. министр приказал: приготовить всепод[даннейшую] записку о дозволении в течение трех лет не соблюдать в точности правило о неопределении в профессорах и адъюнкты неимеющих требуемых для того ученых степеней. 5 января 1838»⁶². Уваров планировал решить проблему, сделав Чивилева профессором без присуждения ему докторской степени. Записка была представлена в Комитет министров, который, однако, посчитал неприемлемым присваивать звание профессора и «высший чин» без защиты докторской диссертации (исключением могли стать только знаменитые в ученом мире иностранцы)⁶³. Министр оказался в заложниках у порожденной им системы. Но выход был найден, когда Уваров подал императору записку, в которой просил «об изъятии на время из общего правила касательно формы экзаменов для приобретения ученых степеней», на что и получил согласие 12 апреля 1838 г.⁶⁴ На основании этого указа 15 апреля 1838 г. Чивилев был утвержден доктором и экстраординарным профессором по кафедре политической экономики и статистики⁶⁵.

Итак, в конце 1820-х – начале 1830-х гг. произошло перераспределение власти между участниками процесса научной аттестации. Расстановка сил сильно отличалась от 1810–1820-х гг., когда основную роль в присуждении ученых степеней играли профессора, а вмешательство министра было минимальным. В результате реализации правительственных программ императорские университеты получили молодых профессоров, обладавших степенью доктора наук. По данным Министерства народного просвещения, за пять лет (1832–1837) Россия обрела 372 кандидата, 19 магистров и 20 докторов (из которых 7 – в Дерптском университете в 1833 г., а 12 – в Санкт-Петербургском в 1835 г. и еще один – там же в 1836 г.). В последующее пятилетие (1837–1843) к ним прибавились 29 докторов, 33 магистра и 638 кандидатов⁶⁶.

⁶⁰ Там же. Л. 16-16 об.

⁶¹ Там же. Л. 16-17 об. Черновик см.: ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 14-17 об.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 16.

⁶³ Там же. Л. 22-23, 29-31.

⁶⁴ Там же. Л. 32.

⁶⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 90.

⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 114.

Этот рост потребовал отработки процедуры научной аттестации как в законодательной, так и практической плоскости. В 1830-х соискатели, профессора и попечители вынуждены были разбираться во множестве одновременно действующих законодательных актов и подстраиваться под меняющиеся «правила игры» и изобретаемые нормы. В ходе этого процесса новое поколение профессоров получило прививку чиновной лояльности. Молодые ученые на собственном опыте убедились, что многие (если не все) академические проблемы можно решить через министерство, заручившись покровительством заинтересованного чиновника. Видимо, отсюда уверенность С.С. Уварова в том, что он вправе волонтаристски управлять университетской корпорацией, отменяя профессиональные и экспертные решения профессоров.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 1149 «Сперанский М.М. Означение предметов и порядка испытания студентам законовения, обучавшимся в Берлинском университете», б/д. Черновой автограф. Карандаш.
- РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 118 «Дело об обучении при II Отделении Собственной ЕИВ Канцелярии», 1828–1834.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законовения, обучавшихся в Берлинском университете», 1833–1845.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185 «Дело о пересмотре состава профессоров и преподавателей университета, в связи с введением нового устава, о новом распределении кафедр и увольнении профессоров, оставшихся за штатом /со сведениями о прохождении ими службь», 1835–1837.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 «Дело о разъяснении порядка присвоения степеней доктора и магистра», 1837–1840.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 668 «Дела об установлении правил экзаменов воспитанников Профессорского института при отъезде их в научные командировки за границу и при производстве в ученые степени; об утверждении в ученых степенях воспитанников института», 1830–1832.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 671 «Дело о командировании воспитанников Профессорского института Калмыкова и Редкина в Берлин для усовершенствования», 1830–1831.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов, ч. 2», 1839–1844.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23 «Переписка совета императорского Московского университета с отделением словесных наук по учебным вопросам», 1835.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 24 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1836.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1837. Л. 33. Текст диссертации см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174 «Об избрании [господином] о[рдинарным] п[рофессором] Погодиным и другими преподавателями тем для диссертаций на доктора», 1836–1838.
- ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430 «Об удостоении адъюнкта Чивилева степени доктора и об утверждении его в звании э. профессора», 1837–1838.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в 2 ч. М.: Univ. тип., 1855.
- Гатина З.С., Вишленкова Е.А. Система научной аттестации в медицине (Россия, первая половина XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 168–178.
- Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803–1864. СПб., 1867.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: АО «Чертановская типография», 1994.
- Ильина К.А. Защита диссертации С.П. Шевырева, или рождение «русского профессора» // Российская история. 2015. № 1. С. 74–89.
- Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов/ под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 329–357.
- Корф М. Жизнь Графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1.
- Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования: сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2011. С. 219–228.
- Никитенко А. В. Дневник и воспоминания. СПб., 1893, т. 1,
- Обзор деятельности императорского Дерптского университета на память о 1802–1865 годах: составлен по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа. Дерпт: Тип. К. Матисена, 1866. С. 113–114.
- Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4, ч. 1. Российские университеты и люди 1840-х годов. Профессура. М.: Изд-во Московского университета, 2003.
- Русский биографический словарь. Т. 15. Притвиц-Рейс. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802–1825; Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I, 1825–1839. СПб., 1864.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866.
- Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в XIX – начале XX вв. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
- Тамул В.Э. Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1988.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.
- Якушев А.Н. Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России, 1747–1918 гг.: История и опыт реализации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

REFERENCES

- Andreev A.Yu. Russkiiye studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka. M.: Znak, 2005.
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubiley a yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlenniy trudami professorov i prepodavatelei, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhenniy po azbuchnomu poryadku: v 2 ch. M.: Univ. tip., 1855.

- Gatina Z.S., Vishlenkova E.A. Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 1 (18). S. 168–178.
- Dopolnenie k Sborniku postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya, 1803–1864. SPb., 1867.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. M.: AO «Chertanovskaya tipografiya», 1994.
- Il'ina K.A. Zashchita dissertatsii S.P. Shevyreva, ili rozhdenie «russkogo profes-sora» // Rossiiskaya istoriya. 2015. № 1. S. 74–89.
- Il'ina K.A., Vishlenkova E.A. Arkhivarius: khranitel' i sozdatel' universitetskoï pamyati // Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov/ pod red. E.A. Vishlenkovoï i I.M. Savel'evoi. M.: ID VShE, 2013. S. 329–357.
- Korf M. Zhizn' Grafa Speranskogo. SPb., 1861. T. 1.
- Kostina T.V. Vospitaniki Sankt-Peterburgskogo universiteta v Derptskom professorskom institute // Peterburgskie issledovaniya: sb. nauch. st. Vyp. 3. SPb., 2011. S. 219–228.
- Nikitenko A. V. Dnevnik i vospominaniya. SPb., 1893, t. 1.
- Obzor deyatelnosti imperatorskogo Derptskogo universiteta na pamyat' o 1802–1865 godakh: sostavlenn po otchetam i doneseniyam, predstavlenным popechitel'yu Derptskogo uchebnogo okruga. Derpt: Tip. K. Matisena, 1866. S. 113–114.
- Petrov F.A. Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. Kn. 3. Universitetskaya professura i podgotovka ustava 1835 goda. M., 2000.
- Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. T. 4, ch. 1. Rossiiskie universitety i lyudi 1840-kh godov. Professura. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2003.
- Russkii biograficheskii slovar'. T. 15. Pritvits-Reis. SPb.: Tip. Imp. AN, 1910.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 1. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I, 1802–1825; T. 2, otd. 1. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya I, 1825–1839. SPb., 1864.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb., 1864.
- Sbornik rasporyazhenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 1. 1802–1834. SPb., 1866.
- Sukhova N.Yu. Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v XIX – nachale XX vv. M.: Izd-vo PSTGU, 2009.
- Tamul V.E. Professorskii institut i mezhdunarodnye nauchnye svyazi Tartuskogo universiteta v pervoi polovine XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tartu, 1988.
- Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / pod obshch. red. A.Yu. Andreeva, S.I. Posokhova. M.: ROSSPEN, 2012.
- Yakushev A.N. Organizatsionno-pravovoi analiz podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepenei v universitetakh i akademiakh Rossii, 1747–1918 gg.: Istoriya i opyt realizatsii: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 1998.

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Поляева НИУ «Высшая школа экономики»; glukist@mail.ru

Trajectories of academic attestation in Russian universities in 1830s the degree award of A.I. Chivilev

The article presents an analysis of the practice of degree awarding in Russia in the 1830s. The author considered legal and archival documents and studied some typical and atypical cases of degree awards. The study of these revealed the existence of alternative ways to acquire an academic degree that made it possible for a Minister of Education to interfere into the procedures of academic attestation.

Keywords: academic attestation, Russian Empire, 1830s, legislature, Universities, Ministry of Education, Alexandr Chivilev

Кира Ильина, Candidate of History, Senior research fellow, Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics, Moscow; glukist@mail.ru

АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЯПОНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 60-е ГОДЫ XX ВЕКА¹

В статье анализируется история студенческого движения 1960-х гг. в Японии. Память об огромных жертвах, понесенных японцами в Тихоокеанской войне 1941–1945 гг., обусловила антивоенный характер студенческой борьбы и ее раннее, в отличие от западноевропейского (студенческий бунт 1968 г.), начало (велась с начала 1960-х гг. против военного альянса Японии с США и войны во Вьетнаме). Ведущей организацией молодежи была Всеяпонская федерация органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн), не избежавшая раскола на фракции: умеренной *Минсэй Дзэнгакурэн* (под влиянием КПЯ) и экстремистской *Дзэнкёто* (новые левые).

Ключевые слова: Япония, студенческое движение, антивоенные выступления, Дзэнгакурэн, Минсэй Дзэнгакурэн, Дзэнкёто, леворадикализм.

В сентябре 2015 года агентство Reuters сообщило: «Верхняя палата парламента Японии большинством голосов приняла пакет законов, которые расширяют полномочия национальных сил самообороны страны», что «дает возможность японским военнослужащим впервые с момента окончания Второй мировой войны участвовать в боевых действиях для защиты дружественных стран, даже если на саму Японию нападение совершено не будет»². Это вызвало массовую антиправительственную демонстрацию³. Через месяц антивоенное выступление поддержали студенты Токио, проведя митинг-концерт в популярном у молодежи районе Сибуя. Автор заметки, сравнивая нынешнюю молодежную акцию со студенческим движением в Японии 1960-х гг., описывал, как в 2015 г. вооруженные мегафонами и плакатами, модно одетые студенты участвовали в демонстрации, более похожей на уличный праздник с музыкой и с песнями популярных молодежных исполнителей. Современные студенты – приверженцы либеральных идей, тем не менее отличаются от шестидесятников умеренностью и толерантностью⁴.

Многие исследователи радикального студенчества определяют 1960-е гг. как период мощного и политически эффективного протестного движения в послевоенной Японии, хотя антиамериканские выступления начались еще с середины 1950-х гг.⁵ Как отмечает П. Штейнхоф, антивоенное движение *Ампо*⁶ 1960 г. обусловило три существенных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ, проект №14-08-05-36 и.

² <http://gordonua.com/news/worldnews/Parlament-YAponii-razreshil-armii-voevat-zagranicey-na-storone-druzhestvennyh-gosudarstv-98460.html>

³ Sieg. Japan enacts bills...; Takenaka. Huge protest in Tokyo...

⁴ Sunda. Japan's student protests...

⁵ Michiya 1980. P. 139; Steinhoff 1999. P. 3; Kaplan 2012. P. 50.

⁶ Ампо кайги (Ампо) – Национальный совет по предотвращению пересмотра японо-американского договора безопасности (安保条約改定阻止国民会議 Ампо jōyaku

процесса в японском студенческом движении последующего десятилетия: во-первых, формирование студенческих политических организаций; во-вторых, стремление студентов организовать более мощное, чем окончившееся поражением в 1960 г. выступление в преддверии очередного пересмотра договора безопасности (1970 г.); и, в-третьих, четкое обозначение основных тактических методов борьбы студентов⁷.

В 1960-е гг. главными участниками социального движения были *новые левые*: студенческие группы *Дзэнкёто*⁸, антивоенное движение *Бэхэйрэн*⁹ и антивоенные молодежные рабочие группы (反戦青年委員会 – Hansen seinen iinkai), пишет Т. Андо, пытаясь определить степень их влияния на формирование гражданского общества и политическую элиту Японии¹⁰. В отличие от европейской молодежи, устроившей бунт против «буржуазного государства» в конце 1960-х гг., японские студенты уже в 1960 г. начали первые радикальные выступления против возрождения милитаризма и вовлечения Японии в агрессивный курс США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, требуя от властей последовательного соблюдения мирной (девятой) статьи Конституции 1947 г.¹¹ Японцы военного и послевоенного поколения помнили трагедию войны и бессмысленность жертв, оставшихся на полях сражений. 30 марта 1946 г. президент Токийского университета в речи в память погибших студентов с болью говорил: «Несмотря на победные реляции с фронтов Тихоокеанской войны (в Китае), настроение в университете было мрачным, так как эти победы не зажгли у студентов энтузиазма. Они, знакомые с философией, политическими науками, правом, экономикой, прекрасно понимали, что происходит. Они просто выполняли свою задачу – учиться, но были вынуждены оставить ручки, взять мечи и с достоинством и мужеством уйти воевать. Ни один студент не отказался от выполнения своего долга служить нации. Мы потеряли 10 тыс. студентов. Мы были отравлены нашими победами в начале войны. Мы не следовали изречению буддистов – «плохое не может быть правильным» или «добродетель победит порок». Когда мы поняли порочность войны, уже было поздно, многие наши студенты уже не вернутся. Они ушли в самую пору весны своей жизни»¹².

kaitei soshi kokumin kaigi). Кроме того, используется Ампо тосо (安保闘争 – борьба против упомянутого договора).

⁷ Steinhoff 1999, P. 3.

⁸ Дзэнкёто – 全共闘 – Национальная федерация общеуниверситетских советов борьбы – возникла после возрождения Дзэнгакурэн в конце 1964 г. в университете Кэйо, а затем в университетах Васэда, Японский и Токийский.

⁹ Бэхэйрэн – ベ平連 – общество «Мир Вьетнаму!».

¹⁰ Ando 2013, P. 14.

¹¹ Peters. 2010, P. 71–75.

¹² In the Far away Mountains and Rivers. P. XI, XV. В 1944 г. были созданы специальные штурмовые отряды летчиков (*токкотай* – 特攻隊, камикадзе), большей частью – из мобилизованных студентов. Так, из 769 погибших летчиков-смертников 638 чел. (85%) были студентами. См.: Shillony 1986, P. 783.

В послевоенный период побежденная Япония рассматривалась в мире как важнейший союзник США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Юридической базой японо-американского военно-политического союза как «линии обороны против коммунизма» был Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности (1951)¹³. По условиям договора США размещали в Японии, включая Окинаву, военные базы с персоналом в 400 тыс. чел. «для предотвращения внутренних беспорядков под влиянием извне, для защиты Японии от внешних вторжений, для гарантии мира на Дальнем Востоке». Тем самым в мирное время территория Японии превращалась в часть могущественной военной империи США¹⁴.

Мощный протест студентов против ратификации новой редакции японо-американского «договора безопасности» в 1960 г. продемонстрировал нетерпимость японской молодежи к попыткам реакционных сил вовлечь страну в опасный фарватер внешней политики США. Как отметил Т. Хавенс, «громкий протест под руководством *старых левых* и студенческих групп против ратификации «договора безопасности» 1960 г. был самым крупным массовым выступлением в истории Японии. Критическим моментом события стала всеобщая стачка рабочих 22 июня, в которой участвовало около 6,2 млн чел.»¹⁵. До этих событий, в марте 1959 г. был создан Национальный совет по предотвращению пересмотра договора безопасности – *Ампо кайги*, объединивший 134 организации, наиболее значительными из них были: Социалистическая партия Японии (СПЯ), Генеральный совет профсоюзов Японии СОХИО¹⁶ и *Дзэнгакурэн* (федерация)¹⁷. Компартия Японии некоторое время сохраняла статус наблюдателя¹⁸. А.Е. Жуков отмечает, что КПЯ, «хотя формально участвовала в работе Национального совета только в качестве наблюдателя, на самом деле играла в его деятельности руководящую роль»¹⁹. С этим можно согласиться, так как основная часть студентов – членов *Дзэнгакурэн* (умеренная фракция) находилась под влиянием КПЯ. Нередко студенческие выступления принимали экстремистские формы: леворадикальные студенты трижды предпринимали штурм здания парламента, блокировали кортеж пресс-секретаря президента США, а также премьер-министра Японии, который намеревался отправиться в США.

¹³ Narada 1970. P. 75.

¹⁴ Под ружьем находились около 3,5 млн чел., включая 1,1 млн военнослужащих, размещенных за пределами США, что в два раза превышало численность армий всех стран. США заключили пакты безопасности с 42 государствами и устроили 2 200 военных баз в 33 странах. Havens 2006. P. 7–9.

¹⁵ Ibid. P. 10.

¹⁶ СОХИО – 日本労働組合総評 – Nihon rōdō kumiai sōhyō.

¹⁷ Дзэнгакурэн – 全学連 сокр. Всеяпонская федерация студенческих органов самоуправления – создана в сентябре 1948 г., была тесно связана с левыми партиями, активно защищала идеи демократии и антимилитаризма.

¹⁸ Narada 1970. P. 83.

¹⁹ Жуков 1988. С. 15.

В июне 1959 г. на XIV Конгрессе федерации было решено создать коалицию *Ампо Бунд* (присвоив основное имя Ампо, так как Ампо кайги был очень популярен)²⁰. Лидером выбрали Кародзи Кентаро (牛健太郎) из университета Хоккайдо. Одна из первых акций *Ампо Бунд* – штурм здания парламента в Токио 27 ноября 1959 г.

В этот день по всей стране около полумиллиона человек вышли на демонстрацию протеста. Примерно 80 тыс. студентов направились к зданию парламента, которое охранял отряд из 5 тыс. полицейских. В половине четвертого утра около тысячи студентов сумели прорваться через полицейский заслон во двор парламента, чтобы подать петицию против пересмотра и продления договора безопасности. Вслед за первой группой вошли еще ок. 5 тыс. студентов и рабочих. Всего у парламента собралось около 12 тыс. чел. Они скандировали лозунги, пели и исполняли «танец змеи» (в некоторых источниках называется «зигзаг» – сложный танец, требующий от большого числа участников согласованности в быстром зигзагообразном передвижении). К 6 часам утра все разошлись, и порядок у здания парламента был восстановлен. Насильственные действия студентов были восприняты неодобительно большей частью японской общественности, и *Ампо кайги* (основной), дистанцируясь от *Ампо Бунд*, решило больше не проводить общих демонстраций протеста, но экстремистское крыло *Дзэнгакурэн* не согласилось отказаться от насильственной тактики. Х. Харада так объясняет противоречие между радикальной частью *Дзэнгакурэн* и КПЯ: студенты, оценивая ситуацию в Японии и мире, говорили об одной фазе революции и отрицали теорию о двух стадиях, господствующую в левом движении, коммунисты же считали, что следует бороться в первую очередь против доминирования американского империализма, а буржуазная революция станет условием социалистической революции. КПЯ осуждала экстремистские действия студентов, называя последних троцкистами, авантюристами и орудием американского империализма²¹.

1 декабря полиции был выдан ордер на арест секретаря федерации Симидзу Такео и члена комитета *Тогакурэн* Хаяма Такео²², руководивших вторжением во двор парламента 27 ноября. Предвидя арест, студенческие лидеры укрылись в кампусе Токийского университета, на который указом вице-министра образования (май 1952 г.) распространялся иммунитет против полицейского вмешательства. Они были схвачены полицией, когда шли во главе демонстрантов для участия в митинге «единых действий» антивоенных сил²³.

²⁰ В *Ампо Бунд* вошли отколовшиеся от основного Ампо, Бунд (共產主義者同盟 – 共産同、ブント – *Kyōsanshugisha dōmei* – *Kyōsan dō*, Bund – Коммунистическая лига, иначе Бунд) и Какукёдо (革共同 – Революционная коммунистическая лига).

²¹ Harada 1970. P. 83–86.

²² Тогакурэн – 東学連 – Дзэнгакурэн Токийского университета.

²³ Harada 1970. P. 86.

16 января 1960 г. премьер-министр Японии Киси Нобускэ должен был отправиться в США для подписания обновленного договора. Секретариат *Амто дзёяку* решил провести 14 января 1960 г. большую демонстрацию против поездки Киси, но еще ранее социалисты, поддерживаемые лидерами КПЯ и СОХИО, выступили с призывом отказаться от этой акции и в будущем проводить локальные демонстрации меньшего масштаба или посылать представителей в столицу с петициями. Основная фракция *Дзэнгакурэн – бундовцы*, в отличие от умеренной («антиосновной») фракции, была недовольна «раскольнической» политикой коммунистов и решила попытаться самостоятельно воспрепятствовать поездке главы государства в Вашингтон. На секретном совещании бундовцы приняли решение поехать в аэропорт Ханэда накануне прибытия туда премьер-министра, чтобы сорвать его поездку в Вашингтон. 15 января в 4 часа дня первые группы студентов-бундовцев прибыли на рейсовых автобусах в аэропорт и в 7 час. заняли зал ожидания. Через полчаса охрана аэропорта стала принимать меры против дальнейшего проникновения студентов. Прибывшая позднее группа студентов (450 чел.) была заблокирована на мосту Бэнтэнбаси у входа в аэропорт. Накануне полуночи начались столкновения учащихся и полиции. 200 активистов сумели пробить брешь в полицейском кордоне, что позволило 700 студентам ворваться в аэропорт. В 1 час ночи молодые радикалы забаррикадировались на территории аэропорта, в 3 часа отряд полиции спецназначения начал штурм позиции студентов. Баррикады были разбиты, и 76 студентов, включая Кародзи, были арестованы. Премьер-министр Киси под усиленной охраной 6 тыс. полицейских и 700 вооруженных представителей правых рано утром 16 января прошел через служебный вход в аэропорт и 19 января 1960 г. поставил подпись под новым договором в Вашингтоне. Инцидент в аэропорту вызвал волну критики в адрес *Бунда* со стороны других левых организаций, справедливо считавших, что выступление спровоцировало репрессии властей по отношению к студенческому движению, расколовшемуся на две уже упомянутые фракции *Бунд* и *Какукёдо*²⁴. Выступления студентов из более чем 20 университетов Токио и Киото продолжались и в период парламентских дебатов о ратификации договора безопасности в апреле и мае 1960 года.

26 апреля 1960 г. *Амто кайги*, подготовив петицию от имени 80 тыс. граждан, присоединилась к умеренным студентам – членам «антиосновной» *Дзэнгакурэн* для участия в митинге у открытого амфитеатра в парке Хибия. Члены «основной» *Дзэнгакурэн* язвительно назвали мирное шествие с петициями «похоронной процессией» и в количестве 3 тыс. человек вновь попытались штурмовать ворота парламента, заблокированные полицейскими машинами. Прорвавшихся студентов ожидали вооружен-

²⁴ Какукёдо – 革共同 Kakukyō dō – Национальный комитет революционной коммунистической лиги в Токио.

ные дубинками полицейские, арестовавшие 17 лидеров «основной» *Дзэнгакурэн*. Позднее, 21 мая, радикально настроенные студенты предприняли еще одну попытку ворваться на территорию у здания парламента²⁵.

В апреле было объявлено о предстоящем 19 июля визите в Японию президента США Д. Эйзенхауэра для подписания японо-американского договора безопасности. 10 июня для его подготовки в Японию прибыл пресс-секретарь Дж. Хэгerti. Демонстранты почти час не давали его машине продвигаться, с громким пением раскачивали ее, садились на капот, выкрикивали лозунги. Посланца Эйзенхауэра пришлось вызывать с помощью вертолета военно-морских сил США, причем инцидент был описан на первых полосах мировой прессы²⁶. Полиция Японии не давала гарантии безопасности президенту США даже при условии привлечения военизированных отрядов, и визит пришлось отменить²⁷.

Профсоюз СОХИО и Национальный совет выступили против ратификации нового пакта. Организованная ими демонстрация 15 июня перешла в сидячую забастовку перед зданием управления столичной полиции. В то же время радикалы из «основной» *Дзэнгакурэн* устроили движение с противоположной стороны и около 6 час. вечера атаковали полицейских у южных ворот. Схватка продолжалась не больше часа. Студенты подожгли почти два десятка поли-

цейских машин. В 7 час. предприняли контратаку, во время которой погибла студентка Токийского университета Камба Митико (樺美智子). Известие об этом быстро распространилось среди протестующих, уже к половине девятого у здания парламента собралось не менее 4 тыс. чел. Полиция подавила бунт только к первому часу ночи, применив слезоточивый газ. В тот день в результате уличных схваток у здания парламента погиб один человек, сотни были ранены, 348 чел. арестованы.

²⁵ Harada. 1970. P. 88–91.

²⁶ Hamada 1996. P. 4; https://ja.wikipedia.org/wiki/%E5%AE%89%E4%BF%9D%E9%97%98%E4%BA%9#%2Fmedia/File:Hagerty_Incident_04.jpg

²⁷ Harada 1970. P. 91.

18 июня на демонстрацию собралось уже 330 тыс. чел. Тем не менее ратификация новой редакции договора состоялась²⁸. Неудача попыток левых сил добиться аннулирования военного союза привела к распаду крупнейшей студенческой организации *Дзэнгакурэн* и резкому спаду выступлений студентов, но с середины 1960-х встал новый острый вопрос – об отношении к американской агрессии во Вьетнаме. Народ Японии горячо сочувствовал мужественной борьбе вьетнамцев. Кроме того, японцы были обеспокоены стремлением США вовлечь в свою авантюру во Вьетнаме Японию как партнера по договору безопасности. Правящие круги Японии содействовали аме-

риканской агрессии: страна использовалась для снабжения американских войск во время войны²⁹, что являлось хотя и косвенным, но участием в агрессии. Необходимость противодействия империалистическим устремлениям США в Юго-Восточной Азии и неблагоприятная роль Японии в их реализации явились главными причинами возрождения Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (*Дзэнгакурэн*), что подчеркивалось на восстановительном XV съезде федерации³⁰. Кроме того, складывалась тенденция объединения двух ведущих рабочих партий: коммунистов и социалистов (КПЯ и СПЯ). В марте 1965 г. на XXVI внеочередном съезде СПЯ «на повестке дня стояли два вопроса: о проведении массовой борьбы против американской агрессии во Вьетнаме и против японо-американского договора и об объединении в этих целях всех демократических сил, включая КПЯ»³¹.

²⁸ Harada 1970. P. 92–93.

²⁹ Hamada 1996. P. 2.

³⁰ Kokumin seiji nenkan, 1966. Ежегодник национальной политики, 1966. P. 473. На то, что стимулом к активизации студенческого движения в Японии с 1965 г. послужила необходимость борьбы против войны США во Вьетнаме, указывают и американские исследователи (Forbis 1975; Marotti 2009 P. 97–135; Peters 2010. P. 159).

³¹ Подпалова. 1975. С. 213.

С 1965 г. антивоенная борьба приняла характер массовых выступлений университетской молодежи, в ходе которых усилия объединили студенты разных университетов. Сразу после первых американских бомбардировок городов Северного Вьетнама 21 марта 1965 г. *Минсей Дзэнгакурэн*³² провела демонстрацию протеста, в которой приняли участие около 2 тыс. чел., несмотря на то, что студенты находились вне университетских кампусов на весенних каникулах. С началом учебного года в апреле почти все университеты страны оказались охвачены антиамериканским движением под лозунгом «Долой агрессию во Вьетнаме!».

22 апреля в столичном аэропорту Ханэда студенты воспрепятствовали прибытию одного из американских организаторов войны во Вьетнаме У. Ростоу, намеревавшегося прочитать курс лекций в Токийском университете. Не остались они в стороне и во время общенационального марша под лозунгом «Долой войну во Вьетнаме!», проведенного 9 июня по инициативе КПЯ и СПЯ³³. Порой антивоенные выступления студентов заканчивались столкновением с полицией. 27 июля 1965 г., в период летних каникул, представителями студенческих группировок из всех университетов региона Канто³⁴ вышли на улицы в знак протеста против захода американских военных кораблей в японские порты (участвовало около 2 тыс. чел.). Присутствовавшие на демонстрации левачкиевские группировки спровоцировали вооруженное вмешательство властей³⁵.

Японская молодежь, протестуя против вьетнамской войны, всеми силами противодействовала заключению под нажимом США японо-южнокорейского договора, который мог стать основанием для затягивания на неопределенный срок мирного воссоединения Кореи и одновременно – для вовлечения Японии в милитаристский блок США и Южной Кореи. 26 апреля 1965 г. состоялась грандиозная сидячая забастовка (около 100 тыс. чел.) у посольства США, участники которой считали американцев инициаторами создания японо-южнокорейского союза и выражали резкий протест против американской агрессии во Вьетнаме. Затем забастовка перешла в своеобразную молодежную зигзаг-демонстрацию³⁶. С аналогичными требованиями 20 мая того же года студенты страны участвовали во всеобщей забастовке, организованной федерацией³⁷.

Таким образом, Всеяпонская федерация студенческих органов самоуправления, не оставив совместных с рабочим классом действий, вышла и на арену самостоятельной антивоенной борьбы, подталкивая общественность к более активному протесту, вовлекая колеблющихся и

³² Минсей Дзэнгакурэн – 民青全学連 – Демократическая фракция Дзэнгакурэн.

³³ Zengakuren kakuha. Дзэнгакурэн и ее группировки. Р. 59.

³⁴ Регион Канто объединяет семь центральных префектур вокруг Токио: Гумма, Тотиги, Ибараки, Канагава, Сайтама, Тоба и Токио.

³⁵ Kurata, Keisei. Ampo Zengakuren... Р. 301.

³⁶ Sengo gakusei undo. Vol. 7. Послевоенное студенческое движение. Р. 54–56.

³⁷ Zengakuren kakuha. Дзэнгакурэн и ее группировки. Р. 59.

пугая правящие круги размахом своего движения. По мере приближения октября 1965 г., когда должна была состояться ратификация японо-южнокорейского договора, накал борьбы вузовской молодежи возрас-тал. XVI съезд *Дзэнгакурэн* в июле 1965 г. призвал направить все силы против планов правительства заключить антидемократический договор с Южной Кореей. Несмотря на явную неудачу 5 октября (не удалось предотвратить ратификацию), левые силы не сдали своих позиций, продолжая критиковать лидеров правящей либерально-демократической партии за антинародную сущность внешней политики. 9 октября 1965 г. прошел день единых действий прогрессивных сил, число участников достигло 180 тыс. чел., в т.ч. 15 тыс. членов *Дзэнгакурэн*. Федерация стала организатором в декабре в г. Нагоя III Всеяпонской литературной конференции студентов, в которой участвовали 2,5 тыс. чел. из 350 органов студенческого самоуправления (ОСС) 180 университетов. По завершении работы конференции участники провели демонстрацию протеста против укрепления японо-южнокорейского союза³⁸.

В 1965 г. возникли две антивоенные общественные организации. В августе усилиями СПЯ и генерального совета профсоюзов СОХИО был создан Антивоенный молодежный комитет³⁹ для борьбы против войны во Вьетнаме и японо-южнокорейского союза. Вторая организация – *Бэхэйрэн* («Мир Вьетнаму!») создана группой общественных и литературных деятелей под руководством писателя Ода Макото. Антивоенный молодежный комитет объединил 42 группы рабочих и демократических организаций, в т.ч. *Тогакурэн* (организация троцкистской направленности), долгое время существовавший самостоятельно. В работе комитета проявились противоречия социалистического движения Японии, в которое вливалось все больше представителей крестьян, горожан, мелких предпринимателей. Закономерно произошел отход Антивоенного молодежного комитета от СПЯ и СОХИО, его члены подверглись сильному влиянию троцкистов, особенно из группы *Сясэйдокайхоха*. Пытаясь предотвратить дальнейшее развитие событий, 3 сентября 1965 г. *Дзэнгакурэн* с Лигой демократической молодежи, рабочим молодежным отделом профсоюзов и др. (всего около 35 демократических организаций) выступили за роспуск Антивоенного молодежного комитета. Для координации антивоенных выступлений федерация создала Комитет молодых и студенческих представителей⁴⁰ по типу прежнего Комитета единых действий молодежи и студентов против договора безопасности⁴¹.

³⁸ Gakusei undo. Студенческое движение. Р. 95.

³⁹ Антивоенный молодежный комитет 反戦青年委員会 – Hansen seinen iinkai.

⁴⁰ Сясэйдокайхоха (社青同解放派, с 1960 г.) – фракция «Освобождение» – новые левые; Лига демократической молодежи – 民青同盟 – Minsei domei, молодежная фракция компартии Японии; Комитет молодежных и студенческих представителей 青年学生代表者会議 – 青学代 Seinen gakusei daihyosya kaigi – Seigakudai).

⁴¹ Gakusei undo. 1969. Р. 98.

Что касается общества *Бэхэйрэн*, то Ода Макото писал, что оно является не четко оформленной организацией, а движением горожан, интеллигенции⁴². Выступая под лозунгами: «Мир Вьетнаму!», «Вьетнам для вьетнамцев», «Против участия Японии во вьетнамской войне»⁴³, *Бэхэйрэн* включало студентов с разными политическими взглядами, но единой и весьма популярной в японском обществе целью борьбы против усиления милитаристских тенденций правительства, против вьетнамской войны. Войдя в эту организацию, троцкисты сумели направить ее деятельность по левацкому руслу. Но в начальный период своей деятельности общество «Мир Вьетнаму!» внесло немалый вклад в антивоенную борьбу. 24 апреля 1965 г. оно провело первую антиамериканскую демонстрацию, в которой участвовало 1,5 тыс. чел. *Бэхэйрэн* наладило связь с антивоенным движением в США. В знак солидарности с борьбой калифорнийцев против войны во Вьетнаме 22 мая оно организовало шествие, в котором приняли участие ок. 3 тыс. чел. Представители организации выступали в американской прессе с воззваниями о прекращении войны во Вьетнаме. Для этого по всей Японии собирались денежные средства для покупки мест в ведущих газетах США. 16 ноября 1965 г. антивоенное воззвание *Бэхэйрэн* заняло целую страницу в «New York Times» (на это было затрачено 2,5 млн иен). 3 апреля 1967 года организация выступила на первой странице газеты «Washington Post» (1,5 млн иен). Денежные средства собирались и для помощи Вьетнаму. 17 июля 1967 г. было собрано около 10 млн иен для госпиталя во Вьетнаме⁴⁴. Но к концу своей деятельности организация *Бэхэйрэн* и Антивоенный молодежный комитет перешли на позиции новых левых.

В целом 1965 г. был насыщен активными выступлениями студентов против японо-южнокорейского договора и войны США во Вьетнаме. Как и в 1960 г., правящие круги и в 1965 г. сумели достичь цели, несмотря на всенародную борьбу против усиления агрессивного союза США, Японии и Южная Корея. В ущерб интересам своего народа японское правительство осенью ратифицировало японо-южнокорейский договор и стало быстро проводить его в жизнь. В лагере демократических сил в 1966 г. наступило затишье, шли поиски правильного направления борьбы против внешней политики правительства и перегруппировка сил. Однако 1 Мая 1966 г. было отмечено мощной демонстрацией трудящихся (ок. 200 тыс. чел.), в которой приняли участие студенты с лозунгами «Верните Окинаву!», «США, прочь из Вьетнама!», «Запретить ядерные испытания в Китае!», «Нет мелким избирательным округам!»⁴⁵

С середины 1960-х гг. внимание японской общественности сосредоточилось на конкретных требованиях в борьбе против договора без-

⁴² Oda. 1969. P. 48.

⁴³ Changes in the Japanese university: a comparative perspective. P. 205.

⁴⁴ Oda 1969. P. 247-259.

⁴⁵ Ono, Akio. Zengakuren ketsufuroku. P. 237.

опасности: полное возвращение острова Окинава, ликвидация военных баз США на японской земле, запрет на заход военных атомных кораблей в японские порты и на использование их в качестве перевалочных баз американских военных сил, участвующих во вьетнамской войне. Прогрессивные силы страны готовились к новым схваткам в 1970 г., когда истекал срок действия договора безопасности. Просматривается теснейшая связь между борьбой против войны во Вьетнаме и против японо-южнокорейского договора и японо-американского союза.

Выражая недовольство существованием опасного альянса между японскими правящими кругами и США, студенчество страны 15 июня 1967 г. отметило семилетие событий 1960 г. и почтило память М. Камба, погибшей в столкновениях с полицией у здания японского парламента⁴⁶. 1967 год *Дзэнгакурэн* определила, как «год первой волны борьбы против расширения баз для атомных авианосцев в Сунагава»⁴⁷.

В 1967 г. США рекордно увеличили численность войск во Вьетнаме. Это вызвало волну мощных антивоенных выступлений американцев, особенно молодежи. На этом фоне с новой силой развернулась антимилитаристская, антиамериканская борьба японского студенчества. В октябре 1967 г. в аэропорту Ханэда студенты организовали демонстрацию протеста в связи с поездкой премьер-министра Японии Э. Сато в Южный Вьетнам. В своем обращении они указали, что правительства Японии и США в стремлении превратить Окинаву в атомную базу преследуют три цели: во-первых, усиление союза американского империализма и японских монополий в борьбе против демократического движения в Азии; во-вторых, ориентация японской военщины на атомное оружие; в-третьих, развитие национализма при лидерстве либерально-демократической партии и правительства Сато⁴⁸. Во время демонстрации студенты Альянса трех фракций – *Сампа Дзэнгакурэн*⁴⁹ (левацкие группировки, отделившиеся от *Дзэнгакурэн* и выступавшие против ее политики мирных действий⁵⁰) и Антивоенный молодежный комитет применили насильственные методы борьбы. В схватке с полицией был убит 18-летний студент-первокурсник Киотского университета Ямаки Хироаки (山崎博昭), ранено ок. 600 чел., 58 арестовано⁵¹.

Правительство утверждало, что студенческие группы становятся террористическими, ведущие газеты публиковали фотографии и комментарии к насильственным действиям студентов *Сампа Дзэнгакурэн*⁵².

⁴⁶ Kurata Keisei. Op. cit. P. 356.

⁴⁷ История Японии. 1945–1975. С. 306.

⁴⁸ Gekido jidai kara 80 nen dai. P. 17.

⁴⁹ Альянс трех фракций – Сампа Дзэнгакурэн – 三派全学連.

⁵⁰ Marotti 2009. P. 102.

⁵¹ Kyodai toso: Kyodai shinwa no hokai, 1969. Крушение легенды о Киотском университете. Студенческие волнения 1969 г. и инциденты 1933–1967 гг. P. 112.

⁵² Gekido jidai kara 80 nen dai. P. 18; Marotti 2009. P. 104–105.

Не соглашаясь с характеристикой, исходящей от правящих кругов, японские деятели культуры обратились к общественности с коллективным письмом о том, что японский народ, испытавший войну, решительно выступает против американской агрессии и политики правящих кругов Японии во Вьетнаме, и что студенты имеют причину выражать яростный протест. «Но, понимая ярость студентов, – заявили представители интеллигенции, – мы не оправдываем насилия ни со стороны студентов, ни со стороны полиции»⁵³.

Коммунистическая партия выступила с критикой экстремистских действий студентов, леворадикалов, в аэропорту Ханэда 8 октября. В тот день коммунисты отмечали день газеты «Акахата»⁵⁴ и не участвовали в выступлениях в Ханэда. Троцкисты обвинили студентов-коммунистов и членов Лиги демократической молодежи в предательстве. В октябре и ноябре того же года в аэропорту Ханэда вновь прошли бурные демонстрации в связи с поездкой Э. Сато по странам Юго-Восточной Азии. И снова левацкие группировки спровоцировали столкновение, совершив нападение на полицию. Они впервые надели каски, полотно для маскировки лица и защиты от слезоточивых газов, вооружились длинными палками, некоторые даже стальными прутьями. С тех пор в прессе закрепился вышеописанный образ студента-бунтаря⁵⁵.

В годы бурных выступлений студенчества за решение вопроса демократизации высшей школы (1968–1969) молодежь вузов не оставалась в стороне от антимилитаристской борьбы. В январе 1968 г., в разгар боев за университетскую автономию, несколько тысяч студентов вышли на демонстрацию против захода в японский порт Сасэбо американского атомного авианосца «Энтерпрайз». «Тогда же в парламенте оппозиционные партии совместно потребовали, чтобы «Энтерпрайз» не был допущен в гавань, пока не будет получено подтверждение, что на его борту нет ядерного оружия»⁵⁶. Полиция насчитала около 46 тыс. демонстрантов у Сасэбо. Как отметил В. Маротти, сотни операторов и репортеров не столько следили за организованными действиями активистов разных антивоенных организаций, сколько предвкушали эффектные кадры и строки о столкновениях полиции и студентов-экстремистов для своих изданий. Их ожидания оправдались, когда 17 января 1968 г. 375 студентов *Сампа Дзэнгакурэн* в пластиковых касках, с палками и камнями четырежды штурмовали полицейский заслон на мосту у военно-морской базы США Сасэбо. Бой полицейских со студентами всю ночь транслировали по телевидению, и миллионы зрителей могли видеть силу контратакующей полиции, применившей слезоточивый газ и водяные пушки.

⁵³ Gekido jidai kara 80 nen dai. P. C. 19.

⁵⁴ «Акахата» – 赤旗 – «Красное знамя».

⁵⁵ Zengakuren kakuha. P. 39.

⁵⁶ Жуков 1988. С. 22.

Но и представители прессы пострадали от силовых действий полиции: пятеро корреспондентов (в т.ч. из газеты «Асахи симбун»)⁵⁷, были избиты полицейскими, невзирая на наличие журналистских удостоверений. Надо отдать должное журналистам «Асахи симбун» и другим свидетелям превышения полицией своих полномочий: они заявили, что студенческое насилие неприемлемо, но еще большего осуждения заслуживает жестокость полиции, избивавшей упавших и раненых демонстрантов, безоружных студенток и прохожих. Эти действия полицейских вызвали протест и противодействие со стороны горожан-очевидцев⁵⁸.

Учащиеся университета Кюсю наряду с требованиями академического характера выступили против разработок американского компьютерного центра в университетских лабораториях, требовали ликвидации американской базы в Итадзука⁵⁹. В 1968 г. только 14% респондентов национального опроса положительно оценили факт размещения американских военных баз на территории Японии, 61% ответили отрицательно. Когда в июне 1968 г. самолет ВВС США, базировавшийся в Итадзука, потерпел аварию на территории университета Кюсю, ок. 24 тыс. студентов вышли на демонстрацию у американской базы и их действия получили поддержку по всей стране. В феврале 1969 г. почти 55 тыс. чел. вышли на демонстрацию у американской военной базы Кадена в Окинава. В течение года примерно 149 тыс. чел. в 318 городах Японии выступили с акциями протеста, требуя возврата Окинавы и отказа от японо-американского договора безопасности⁶⁰. Не остались в стороне от всеяпонского студенческого движения за мирное развитие страны и учащиеся вузов Окинавы. 2 февраля 1969 г. молодежь трех университетов Окинавы провела 48-часовую забастовку с требованием немедленного вывода американских стратегических бомбардировщиков В-52. Прошли демонстрации студентов у японского парламента и посольства США, забастовки университетов Кюсю и Кобэ⁶¹.

Все чаще японские студенты приходили к пониманию необходимости взаимодействия со всем народом в борьбе за мир. Так, 16 марта 1969 г. студенты стали активными участниками грандиозного митинга в парке Ёёги в Токио, организованного компартией Японии и Лигой демократической молодежи под лозунгами борьбы против договора безопасности, а также за возвращение Окинавы, проведение демократизации университетов и поддержку справедливых требований рабочего класса в «весеннем наступлении». По данным КПЯ, в митинге участвовало 150 тыс. человек (по данным полиции – около 87 тыс.)⁶².

⁵⁷ Асахи симбун (朝日新聞) – одна из крупнейших национальных газет Японии.

⁵⁸ Marotti 2009. P. 118–119.

⁵⁹ Zengakuren: Japan's Revolutionary students. P. 135.

⁶⁰ Peters 2010. P. 160.

⁶¹ Japan Times, 1969. February 4. P. 3.

⁶² Japan Times, 1969. March 17. P. 3.

Немало вреда антивоенным выступлениям студентов нанесли троцкисты. Чтобы противостоять *Дзэнгакурэн*, стремившейся к единым действиям, левые создавали временные объединения. В ходе всенародного антивоенного дня 21 марта 1968 г. объединились *Сампа Дзэнгакурэн*, *Бэхэйрэн*, Антивоенный молодежный комитет и некоторые другие организации. 28 апреля 1969 г., в день Окинавы, состоялся альянс четырех фракций. 15 июня – альянс шести фракций, 5 сентября – восьми фракций. Новые левые под флагом *Бэхэйрэн* 21 октября 1969 г., в Международный антивоенный день, устроили демонстрацию, которая затем переросла в бой с полицией на улицах Синдзюку (Токио), где троцкисты соорудили баррикады, разрушили полицейские участки. В тот день было арестовано 1505 чел., из них – 1221 токийских студентов. Таким образом, в 1969 г. студенты и рабочая молодежь из новых левых спровоцировали 2460 уличных боев с участием около 740 тыс. чел. (в т.ч. 47 тыс. студентов). Полиция арестовала 14748 человек, многие из которых внесли в залог определенные суммы – в целом более 150 млн иен⁶³.

Наивысшего напряжения борьба за ликвидацию японо-американского военно-политического союза конца 1960-х гг. достигла к 23 июня 1970 г. – первому дню действия нового договора безопасности. В этот день на демонстрацию вышли более 774 тыс. чел. (в 1960 г. – 555 тыс. чел.)⁶⁴. Но правящие круги, помня урок 1960 г., продлили срок действия договора автоматически, что было предусмотрено обеими сторонами.

Борьба *Ампо* 1970 г. не подняла мощную волну выступлений студентов, как было летом 1960 г. Это связано с рядом факторов. Во-первых, власти сумели предусмотреть и опередить действия демократических сил страны. Во-вторых, университетская молодежь была обессилена длительной и неравной борьбой за университетскую автономию 1968–69 гг. В-третьих, большой вред антивоенному движению причинили новые левые, которые призывали к насильственным прямым действиям по примеру китайских хунвэйбинов периода культурной революции.

Антивоенная и антиамериканская борьба японского студенчества, особенно активизировавшаяся в связи с расширением агрессии США в Индокитае, явилась для университетской молодежи одним из важнейших стимулов в стремлении к единству, что, в свою очередь, привело к необходимости возрождения *Дзэнгакурэн*. Объединение студенческих сил в демократическом союзе стало фактором более активных и организованных выступлений против наращивания милитаристских сил в стране, вовлечения ее в агрессивные планы США, но в 1965–1969 гг. силы университетской молодежи подрывались группировками новых левых. Попытки миролюбивой общественности Японии создать единую организацию против агрессии США во Вьетнаме (*Бэхэйрэн*) и массовый

⁶³ Wheeler 1974. P. 257–258.

⁶⁴ Ibid. P. 262.

Антивоенный союз молодежи не увенчался успехом из-за проникновения в них и последующих действий троцкистских группировок.

Если сравнить данные полиции за разные годы, то в 1959–60 гг. 900 тыс. полицейских противостояли 4,7 млн студентов, а в 1967–70 гг. соотношение составило 6,7 млн полицейских против 18,7 млн студентов. 29 тыс. полицейских из элитного подразделения⁶⁵, созданного правительством для нейтрализации студенческих бунтов, собирали данные о студенческих организациях, проводили круглые столы, вели скрытое наблюдение более чем за ста студенческими активистами⁶⁶.

Тем не менее японское студенчество можно смело назвать важной передовой силой общественности страны в 1960-е гг., а его движение – одним из факторов всенародной борьбы против вьетнамской войны и против создания опасных союзов США – Япония – Южная Корея.

Основные студенческие и антивоенные организации Японии и их раскол в 1960-х гг. (упоминаемые в данной статье)	
Основные организации до раскола	Фракции, возникшие в результате раскола
Дзэнгакурэн – 全学連 сокр. Всеяпонская федерация студенческих органов самоуправления (Zen Nihon Gakusei Jichikai Sō Rengō (全日本学生自治会総連合)– создана в сентябре 1948 г. и была тесно связана с левыми партиями, активно защищала идеи демократии и антимиитаризма.	Минсэй Дзэнгакурэн – 民青全学連 – «антиосновная» умеренная фракция под влиянием Минсэйдо Лиги демократической молодежи (Компартии Японии), новое название с 1960 г.
	Тогакурэн – 東学連 – Дзэнгакурэн Токийского университета (троцкистской направленности). 1960 г. Токийский университет (Тодай) – наиболее престижный государственный университет.
	Дзэнкёто – 全共闘 – Национальная федерация общеуниверситетских советов борьбы – возникла после возрождения Дзэнгакурэн в конце 1964 г. в университете Кэйо, а затем в университетах Васэда, Японский и Токийский. Входит в «основную» радикальную фракцию.
	Какукёдо – 革共同 – Национальный комитет революционной коммунистической лиги в Токио. Входит в «основную» радикальную фракцию. Сформирован в 1960 г.
Ампо кайги (Ампо) – 安保会議 – Ампо кайги (Ампо) – Национальный совет по предотвращению пересмотра японо-американского договора безопасности – 安保条約改定阻止国民会議 Ампо jōyaku kaitei soshi kokumin kaigi. 1959 г.	Ампо кайги (Ампо) Ампо Бунд – 安保ブント – организация, в которую вошли отколовшиеся от основного Ампо; сокр. Бунд (共産主義者同盟 – 共産同、ブント – Kyōsanshugisha dōmei – Kyōsan dō, Bund – Коммунистическая лига, иначе Бунд) и Какукёдо (革共同 – Революционная коммунистическая лига). (с 1959 г.)

⁶⁵ Элитные подразделения полиции – 機動隊 – kido:tai.

⁶⁶ Peters 2010. P. 164.

Бэхэйрэн – ベ平連 – ベトナムに平和を! 市民連合 – общество «Мир Вьетнаму!». 1965 г.	
Антивоенный молодежный комитет – 反戦青年委員会 – Hansen seinen iinkai, создан в 1965 г. по инициативе и усилиями социалистической партии Японии и генерального совета профсоюзов СОХИО.	
Сясэйдокайхоха – 社青同解放派 – фракция «Освобождение» (с 1960 г.) – новые левые.	

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЯ

- Жуков А.Е. Межпартийная борьба в современной Японии по вопросам военной политики. М.: Наука, 1988. 138 с. / Zhukov A.E. Mezhpartiinaya bor'ba v sovremennoy Yaponii po voprosam voennoy politiki. M.: Nauka, 1988. 138 s.
- История Японии. 1945–1975. М.: Наука, 1978. 540 с. / Istoriya Yaponii. 1945–1975. M.: Nauka, 1978. 540 s.
- Подпалова Г.И. Социалистическая партия Японии. 1945–1972. М.: Наука, 1975. 328 с. / Podpalova G.I. Sotsialisticheskaya partiya Yaponii. 1945–1972. M.: Nauka, 1975. 328 s.
- Ando, Takemasa. Japan's New Left Movements: Legacies for Civil Society. Routledge, Asian Studies Association of Australia (ASAA) East Asian Series 1-st ed., 2013. 208 p.
- Changes in the Japanese university: a comparative perspective / Ed. W.K. Cummings. N.Y.: Praeger, 1979. 261 p.
- Japan Times, 1969. February 4. P. 3.
- Japan Times, 1969. March 17. P. 3.
- Hamada, Koichi. Japan 1968: a reflection point during the Era of the Economic Miracle. New Haven: Yale University, 1996. 30 p.
- Harada, Hisato. The Anti-Ampo Struggle // Zengakuren: Japan's Revolutionary students / Ed. Stuart J. Dowsey. Berkely: The Ishi press, 1970. P.75-99.
- Havens, Thomas R.H. Fire Across the Sea: The Vietnam War and Japan 1965–1975. Princeton University Press, 2006 (originally 1987). 342 p.
- Forbis, William H. Japan today: people, places, power. N.Y.: Harper and Row, 1975. 463 p.
- In the Far away Mountains and Rivers. はるかなる山河に—東大戦没学生の手記 (東大新書) 単行本 – 1951/12 東京大学学生自治会戦没学生手記編集委員会. Harukanaru Sangan. Writings of the University of Tokyo Students Killed in World War II. Scranto: The Un-ty of Scranto Press, 1989. 2005. [1947]. 229 p.
- Kaplan, Zackary. Anti-Americanism in Zengakuren 1957-1960. University of Oklahoma, Norman, Oklahoma // Studies on Asia, Ser. IV, Vol. 2, No. 1, March 2012. P. 50–70.
- Kurlansky M. 1968: The Year That Rocked the World. N.Y.: Ballantine Books, 2004. 444 p.
- Marotti, William. Japan 1968: The Performance of Violence and the Theater of Protest. // American historical review. February 2009. P. 97–135.
- Michiya, Shimboru. Japanese student activism in the 70s. Higher Education, 9 (1980). P. 139–154.
- Peters, Benjamin Alexander. Democratic antimilitarism in postwar Japan: Institutions and the culture of peace. A Dissertation submitted to the Graduate School-New Brunswick Rutgers, The State University of New Jersey in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy Graduate Program in Political Science written under the dir. of Dr. Eric Davis and approved by New Brunswick, New Jersey. Oct. 2010. 326 pp.
- Shillony, Ben-Ami. Universities and Students in Wartime Japan // The Journal of Asian Studies, Vol. 45, No. 4 (Aug., 1986), p. 769-787.

- Sieg, Linda. Japan enacts bills easing pacifist constitution's limits on military // <http://www.reuters.com/article/2015/09/19/us-japan-security-idUSKCN0RI03120150919#Y0sh2t3OlopL995M.97>
- Steinhoff, Patricia G. Student Protest in the 1960s. // Social Science, Japan. March 1999. Newsletter of the Institute of Social Science, University of Tokyo. P. 3–6.
- Sunda, Mike. Japan's student protests: To the barricades in designer gear. Tokyo, 20 October 2015. <http://www.bbc.com/news/world-asia-34581340>
- Wheeler, Donald F. The Japanese: value Politics, Student, Politics and University of Tokyo. New York: Columbia Univ., PhD. 1974. 436 p.
- Zengakuren: Japan's Revolutionary students. Ed. By Stuart J. Dowsey. Berkely: The Ishi press, 1970. 271 p.
- Gakusei undo. Edit. Kawakami Tōru. Tōkyō: Nihon seinen syuppansya ken, 1969. 341 p. 学生運動. 川上徹編. 東京、日本青年出版社権, 1969. 341 p.
- Gekido jidai kara 80 nen dai e. Ryudo, 1982, 4. P. 16–126. 激怒時代から80年代へ. 流動, 1982, 4. P. 16–126. Документы левоэкстремистского движения.
- Kyodai toso: Kyodai shinwa no hokai, 1969. Kyoto daigaku shinbunsya. Tōkyō: San'ichi, 1969. 431 p. 京大闘争—京大神話の崩壊 (1969). 京都大学新聞社. 東京、三一書房
- Kokumin seiji nenkan, 1966. Tōkyō: Nihon Syakaito tyuo honbu, 1966. 865 p. 国民政治年鑑 1966. 東京、日本社会党中央本部.
- Kurata, Keisei. Anpo zengakuren: 60 nen anpo tōsō no sōkatsu to 70 nendai tōsō no shōten. Tōkyō: Sanichi Shobō, 1969. 434 p. 蔵田計成. 安保全学連: 60年安保闘争の総括と70年代闘争の焦点. 東京: 三一書房.
- Oda, Makoto. Beheiren. Tōkyō: Sanichi Shobō, 1969, 258 p. 小田実. ベ平連. 東京: 三一書房.
- Ōno, Akio. Zengakuren ketsufuroku. Tōkyō: Nijyu seikisya, 1967. 277 p. 大野明男. 全学連血風録. 東京: 20世紀社.
- Sengo gakusei undo siryo. Tōkyō: San'ichi syobo, 1968–1970. Vol. 7. 289 p. 戦後学生運動資料. 東京: 三一書房.
- Zengakuren kakuha. Tōkyō: Futobashi, 1970. 448 p. 全学連各派. 東京、ふとばし.

Лим София Чулуновна, доктор исторических наук, PhD (Hokkaido University, Japan), профессор кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета; lim.sch@dvfu.ru.

The anti-war movement of the Japanese students in the 1960s

An anti-war character of the student's struggle is due to the enormous sacrifices made by the Japanese in the Pacific War of 1941-1945. Unlike Western European student revolt of 1968, Japan's struggle against the military alliance with the USA dates from the beginning of the 1960s. The leading organization of Japanese universities was the All-Japan organization of student government – Zengakuren. It was not avoid a split into factions: moderate Minsey Zengakuren (influenced by JCP) and extremist Zenkēto ("The New Left").

Keywords: Japan, student movement, anti-war struggle, Zengakuren, Minsey Zengakuren, Zenkēto, radicalism, the New Left.

Sofya Lim, Dr.Sc. (History), PhD (Hokkaido Un-ty, Japan), Professor, Dep. of world history, archeology and anthropology, Far Eastern Federal University (FEFU); lim.sch@dvfu.ru

А. В. КРЕЙЦЕР

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГРЕВС НА КРЕСТЕ ВАСИЛЕОСТРОВСКОГО ЛОКУСА

Статья посвящена выдающемуся русскому историку-медиевисту Ивану Михайловичу Гревсу. Речь идет о его вкладе в учение о ноосфере В.И. Вернадского. Раскрываются общие связи Гревса – религиозного идеалиста, проповедовавшего единение науки и веры, с петербургским научно-учебным центром на Васильевском острове.

Ключевые слова: *И.М. Гревс, В.И. Вернадский, Васильевский остров, наука, Крест; крещение, литургия, ноосфера.*

Профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Иван Михайлович Гревс (4(16) мая 1860–16 мая 1941) вошел в историю отечественной и мировой культуры как выдающийся историк западноевропейского, преимущественно итальянского, средневековья, античности, а также как один из основоположников петербургского и ленинградского (1920-х гг.) краеведения и экскурсионного краеведения. Он считается основателем семинарского метода в университетском преподавании. Между тем, Гревс был прежде всего учителем, преподававшим как в вузах, так и в средних учебных заведениях Петербурга–Петрограда–Ленинграда, учителем, которого боготворили ученики и который являл своей личностью пример особой петербургской духовности и сердечности. В сборнике «К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса» (1911) его ученики писали: «Вы заняли твердую и честную позицию перед... обращенным к Вам вопросом, на который нельзя было дать простого ответа.

Тот, который давали Вы личным убеждением, профессорской работой и всей своей жизнью, не всегда понятен был Вашим слушателям. Вы не склоняли их закрывать глаза на зло и неправду жизни, усыпляя свою совесть и волю, – вся Ваша проповедь звала к пониманию этого зла и к борьбе с ним. Но Вы предостерегали от грозной опасности иссушить и обеднить свою душу, извратить понимание бесконечной сложности жизни в исключительной преданности одной истолковывающей ее формуле. Полный благоговейного уважения к тому мировому духу, который, проходя сквозь рождения и смерть, сквозь порывы и возвраты, сквозь изменчивое трепетание пламенной жизни, на вращающемся станке времени вечно тклет живую одежду Божества. Вы, как историк и мыслитель, развертывали перед нами богатую картину этой многоцветной и многоликой действительности, звали к внимательной и независимой оценке заключенных в ней ценностей и стойкой их защите»¹.

¹ К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности... С. I–II.

В течение своей долгой жизни профессор Гревс неоднократно подвергался гонениям властей. Но каким-то чудесным образом уцелел в сталинской мясорубке. Скорее всего, он имел заступников из видных коммунистов, учившихся у Ивана Михайловича в прежнее время.

Последний этап научной жизни Гревса начался в 1934 г., когда в СССР было принято решение восстановить исторические факультеты и использовать «старых специалистов». Иван Михайлович был приглашен на кафедру истории средних веков Ленинградского университета. Характеристика, выданная ему 2 декабря 1937 года, гласит: «Гревс И.М. – беспартийный. 1860 г. рождения, из дворян помещиков. До 1917 г. был членом партии кадетов. Окончил Петербургский университет в 1883 г., профессор с 1892 г. на Высших женских курсах и с 1903 г. в Петербургском университете. Имеет многочисленные печатные труды по истории средних веков, главным образом, раннего средневековья. Совершенно не знаком с марксизмом, по своим историческим взглядам – идеалист.

Владеет огромным фактическим материалом.

В университете работает с 1 сентября 1934 г., ведет занятия с аспирантами и спецсеминар со студентами.

В общественной жизни участия не принимает»².

На студентов и аспирантов, советскую молодежь 1930-х гг. облик старого профессора производил неизгладимое впечатление: он был живым памятником русской культуры XIX в. «Теперь в университете Гревс использовался исключительно как “спец”, быть учителем жизни и “миросозерцания”, как он привык в свое время, он мог лишь в очень ограниченном смысле, самым фактом своего существования... В.И. Рутенбург писал: “Несмотря на то, что мы начали слушать И.М. Гревса, когда ему уже было 75 лет, его сдержанный, но неиссякаемый научный энтузиазм оказывал на нас, думается, не меньшее воздействие, чем на многие предшествовавшие поколения его учеников”»³. Б.С. Каганович вспоминал: «Когда в начале 1980-х автор этих строк спросил у проф. М.Е. Сергеевко, автора прекрасных работ по Древнему Риму, учившейся еще до революции у И.М. Гревса на Бестужевских курсах: “А Гревс был крупный ученый?”, она ответила: “Гревс был больше, чем крупный ученый”»⁴.

В очерке о Васильевском острове в 1920-е гг. И.М. Гревс писал:

«...Васильевский остров – оригинально окрашенная “питерская провинция”, но с элементами “столичности” в монументальном и бытовом строе. Но в его прошлом одна сторона дела – от его необходимой части мирового центра, в который он входит, исполняя особую, руководящую функцию. Васильевский остров вырос как главное, активное средоточие науки и просвещения в Петербурге и России. Это наш Латинский квартал. Так называется издавна в Париже

² Вахромеева 2004. С. 341.

³ Каганович 2007. С. 56. (Цитируется: Рутенбург 1993. С. 309).

⁴ Там же. С. 67.

на левом берегу Сены школьный район вокруг Сорбонны, старого и нового университета)⁵. И в другом месте: «Научно-учебная часть выдающаяся особенно дорогая черта Васильевского острова. Умеренная работа – характерная особенность деятельности большого и сильного процента его населения. Такое преемство, можно надеяться, останется присуще Васильевскому острову, как и Ленинграду вообще, ... который сохранит за собой и в будущем дело первенствующего очага, создающего духовные ценности... научные и учебные учреждения притягивали большие умственные силы интеллигенции. Многие академики, профессора, ученые специалисты, педагоги, писатели, художники обитали на острове издавна, и в самых их домах и квартирах проходила интенсивная духовная деятельность (кружки, салоны, общества), много творившая и влиявшая широко на интересы района, жизнь города и развитие страны. Около них копилась научные, литературные и художественные богатства... Трудно перечислить квартиры живших на Васильевском острове академиков, профессоров, деятелей искусства, которые являлись индивидуальными ячейками идейного общения и совместного творчества духовных ценностей. Как кажется, и Ломоносов жил на Васильевском острове*... Нельзя пересчитать всех жилищ на Васильевском острове, в которых происходила интенсивная умственная жизнь из поколения в поколение. Многочисленное студенчество, также жившее на Васильевском острове, в свою очередь вносило в "василеостровскую культуру" живые и бодрые соки. В истории Петербургского центрального культурного гнезда Василеостровская ячейка делала большое дело, и изучение ее работы – важная задача Ленинградского синтетического краеведения. Таким духом веет от Васильевского острова, и надо иметь в виду эту неосязаемую, но реальную атмосферу, когда в серьезной прогулке всматриваемся в его вещественные памятники и материальную жизнь»⁶.

Так воспроизводит И.М. Гревс василеостровский Петербургский текст. Творец понятия Петербургского текста В.Н. Топоров в конце жизни писал: «До сих пор этот текст восстанавливался по материалам прошлого и имел свою полную силу в отношении прошлого. Теперь складывается впечатление, что накопленного и уже отчасти интерпретированного материала столько, что естественно возникает проблема-вопрос: что может дать Петербургский текст для суждения о будущем Петербурга?»⁷. А на обороте выписок из цитированного нами архивного очерка Гревса о Васильевском острове Топоров оставил «карандашный набросок о том, как *петербургский текст* становится самодовлеющим и в каком-то смысле диктующим городу его будущее»⁸: «Он претендовал на знание, более того, на открытие в городе того, чего сам город о себе не знал и чего в нем даже могло пока и не быть. И еще далее шел текст в своих претензиях – на понимание тех глубинных смыслов, которые городу бы-

⁵ ОР РНБ. Ф. 1148. Ед. хр. 69. Л. 23.

* Ломоносов работал, в частности, в химической лаборатории Академии наук, располагавшейся на участке дома 58 по 1-й линии, в котором ныне находится филологический факультет Герценовского педагогического университета, а до этого в разные годы помещались Российская академия, Римо-католическая духовная академия, Эстонский коммунистический университет, Финский педагогический техникум.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Цит. по: Цивьян 2012. С. 61.

⁸ Там же. С. 62.

ли неизвестны. Иначе говоря, в обмен на “дешевую” эмпирию текст претендовал быть **самосознающим** органом города, не только его голосом, но центром рефлексии о городе (о самом себе, судьей, ведущим) (выделено В.Н. Топоровым. – *А.К.*)»⁹. На наш взгляд, из этого обрывка мысли Топорова на обороте записей фрагментов василеостровских размышлений Гревса становится ясным, что видный представитель московско-тартуской семиотической школы говорит о ноосфере Петербурга. Ноосфера в будущем, согласно В.И. Вернадскому, Тейяру де Шардену и др., заменит биосферу и начала свое образование уже сейчас.

Один из основателей учения о ноосфере Тейяр де Шарден считал: человеческая специфичность все более выражается в особой «сфере разума», новой «оболочке» Земли, как бы наложенной на биосферу, но не слитой с ней и оказывающей на последнюю все большее преобразующее воздействие. Через преемственное, из поколения в поколение, распространение знаний и умений (а оно началось с первых фундаментальных открытий и созиданий человека), через философский и нравственный поиск, искусство, науку увеличивается объем общеземного мозга. А, к примеру, центры учебно-просветительской, научно-исследовательской работы, эти особые очаги мозга планеты, связанные чуткими «нервными» (информационными) связями друг с другом, формируют, согласно Тейяру де Шардену, «психические островки», «функциональные комплексы», в которых можно уже признать развивающееся «серое вещество» человечества. К числу таких «мозговых центров», Петербурга больше других духовно-психических «островков» и островов, где работал И.М. Гревс, несомненно относится Васильевский остров с его Университетом и множеством других научных и учебных учреждений, домов и квартир ученых и студентов. Васильевскому как месту жительства Гревс «изменил» лишь несколько раз. Большинство мест его проживания Гревса в Петербурге связаны с «островом у моря».

И.М. Гревс не только, как большинство университетских профессоров, был до революции членом партии конституционных демократов, со студенческих лет он оказался близок к кругам, стоящим у истоков этой партии, что говорит о его политических взглядах. А кем же он был в духовном плане? Несомненно, идеалистом. Но это слишком общая характеристика. Иван Михайлович рассказывал о религиозных началах своих детских лет: «...может быть, сильнее всего, больше всех праздничных служб я в богослужении любил ту, которая, в самом деле, в христианском культе составляет великий центр – литургию. Ее я всю знал наизусть, как то, что возглашается во всеуслышание верующим, так и многое из того, что тихо произносится священнослужителем в алтаре»¹⁰. В алтарь Ивана Гревса заводил во время литургии священник, оценив-

⁹ Там же.

¹⁰ Вахромеева 2004. С. 29.

ший интерес ребенка к богослужению. Гревс вспоминал о том, как он «проигрывал» роль священнослужителя на литургии: «Одной из игр детства было для меня изображение священника, совершавшего богослужение, и я отдавался ей не только с увлечением, но и с благоговением... мне это было не только забавно, но (являло собой) повторение и фиксирование значительных впечатлений, совершенно чуждое какого то ни было не только вышучивания, но и легкомыслия... мне настолько была нужна эта игра, что я стал скрываться, а когда меня застигали в облачении или с импровизированным кадиллом в руках, я отнекивался... я сам с годами считаю, что то были годы развития религиозности.

Очень любил я также устраивать колокольную в саду. На какой-то яблоне над хорошим горизонтальным суком, когда удобно было влезть, я привязывал на ветке передвижные колокола... Целыми часами вызванивал я к разным службам, изменяя в воображении неподходящий к церковному слишком тонкий их звон»¹¹. Не несут ли в себе такие воспоминания разгадку экскурсионного метода Гревса, как, впрочем, и силы воздействия его знаменитых лекций и семинариев? Что если он читал свои лекции, вел экскурсии и занятия из роли священника, проводящего литургию и призывающего к ней? Не исключено, что лекция или экскурсия, подобно литургии, может стать божественным Словом. Отличительная особенность экскурсий, по Гревсу, – «путешественность», понимаемая в качестве некоего одухотворенного движения. Но путешествие можно рассматривать как Шествие по Пути. Такое же Шествие – литургия, изначально задумывавшаяся как совместное служение паствы и священника Богу. Она есть движение в Слове по духовному Пути, предлагаемому Им, в единстве с людьми. Не подобным ли Шествием были гревсовские экскурсии и занятия? Путь христианского Слова – Жертва, принесенная на Кресте. Такая Жертва – основа церковной литургии верных, или Слова. А это значит, что жертвенность, отказ от себя во имя других неизбежно одухотворяли преподавательско-экскурсионную работу Гревса, вполне вероятно имевшую литургийную матрицу.

И не сокрыт ли именно в особенном служении другим во время лекций, семинариев и экскурсий Ивана Михайловича – секрет притягательности его личности и его учительства? Этот секрет – во вложенных Богом от рождения природных данных, отшлифованных культурой и соединенных с литургичностью. Не исключено, что он воздействовал с позиций священника, ведущего литургию, не только на души, но и на судьбы своих учеников, со многими из которых его связывали еще и личное общение, личная дружба. И литургией оказывались не только его лекции и иные занятия с учениками. Ею оказывалась сама жизнь.

Профессор И.М. Гревс был глубоко верующим христианином, религиозным идеалистом, он полагал, что наука неотрывна от Бога. Гревс

¹¹ Там же. С. 27.

утверждал о своем любимом Данте, что «никогда не покидавшая его религиозность» «пронизывала все существо Данте, не вступая в конфликт с тем, что можно назвать его твердостью и радостною верою в науку. Обе веры в Бога (в откровенную истину (*documenta spiritalia, quae humanam rationem transcendent*) и в знание (*philosophica documenta*)) иерархически надстраиваются у него друг над другом и гармонически сочетаются, исполняя каждая свою особенную функцию, первая – абсолютную, вторая – относительную»¹². Говоря о Данте, Гревс говорил и о себе:

«...ложный, узкий, однобокий и поверхностный, обманчивый взгляд – противопоставляет культуру и религию. Религия – душа культуры, она – ее живой, движущий и связующий центр; она – ее абсолютное и вечное основание; она же и освободитель бессмертного духа от порабощения временным соблазном и лжи, светящий и греющий, очищающий пламень... надобно отождествить культуру со всем творчеством человека, каков бы ни был его источник; научное познание есть необходимая, высокий ее элемент; творчество же религиозное – ее фундамент и вершина, корень и венец. И Наука – не противница и не соперница религии, а сотрудница в открытии истины, только сферы их различны: наука ищет достоверного, но относительного знания, религия открывает абсолютную веру...»¹³.

Не удивительно, что И.М. Гревс дружил с В.И. Вернадским, который писал о сменяющей биосферу ноосфере – сфере разума. Владимир Иванович тоже жил и работал на Васильевском. Интересно, что в квартире Гревса 1880-х гг. на 7 линии, д. 60 одно время обитал этот один из его самых лучших друзей. В очерке о Васильевском Гревс писал:

«Есть ли на острове настоящий центр и главная улица? На первое можно ответить: да. То будет широкий перекресток, где сходятся Большой проспект с 6-ю и 7-ю линиями. Здесь в непосредственном соседстве увидим Андреевский собор и Андреевский рынок. Это – как часто было в старых западноевропейских городах, по образцу которых отчасти строился Петербург. И в нашей провинции “ряды” часто окружают собор»¹⁴.

«Для роли “главной улицы” планировался Большой проспект, пересекающий остров до Гавани. Он задуман был пышно: перед домами разбиты сады, местами тротуары засажены деревьями. Получается величественная зеленая перспектива... Но главную улицу Большой проспект является только топографически, образуя вместе с 8-ю–9-ю линиями большой крест, соединяющий центр острова с его окраинами, но не социально: самое сильное движение ныне потекло вдоль него, и 8-я линия в известные часы гуще наполняется народом. Большой же проспект оставался довольно пустынным. Впрочем, в настоящее время нагрузка Большого проспекта грузовым движением сильно увеличивается, знаменуя усиление промышленности.

Другим церковным центром Васильевского острова является Благовещение на Малом проспекте между 7-ю и 8-ю линиями»¹⁵.

Гревс был очень хорошо знаком с описываемым им участком. Еще в 1873 г. тринадцатилетний Иван, год назад переехавший в Петербург с

¹² Гревс 1923. С. 123.

¹³ Гревс 1999. С. 305-306.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1148. Ед. хр. 69. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 18.

родителями, поступил в 3-й класс Ларинской гимназии (6 линия, 15) – совсем рядом с Андреевским собором. А с домом на 9-й линии был связан предпоследний адрес Гревса в Петербурге. Он жил на 9-й линии, 48, в квартире № 15 на третьем этаже лицевого флигеля с 1924 до 1940 г. Этот шестиэтажный дом купца М.П. Новожилова, построенный в 1910–1911 гг. по проекту архитектора М.Ф. Еремеева, располагается почти напротив того самого «Благовещенья на Малом проспекте между 7-ю и 8-ю линиями», о котором писал Гревс в очерке о Васильевском острове. А между первым и последним адресами, связанными с участком 6–9-х линий, были другие, относящиеся или близкие к названной местности. Интересно, что в своем очерке Иван Михайлович называет «большим крестом» пересечение Большого проспекта и 8–9-й линий. А пересечение этого проспекта и 6–7-й линий, на котором возвышается Андреевский собор, возведение коего относится к первым петербургским временам, именует «широким перекрестком», в то же время указывая: именно на последнем участке располагается «настоящий центр» Васильевского острова. Чем можно объяснить такое странное смещение акцентов? Скорее всего, политическими опасениями автора. Ведь объявлять центром Васильевского острова большой крест, в середине которого собор, в 1920-е гг., когда писался очерк, было небезопасно. К тому же очень близко от дома Гревса на 9-й линии, где создавался василеостровский очерк, пребывал Благовещенский церковный комплекс, возможно в каком-то смысле заменявший Ивану Михайловичу Андреевский собор, что могло сыграть роль в перенесении «большого креста» с 6–7-й линий на 8–9-ю. На самом деле, если центр острова действительно находится в этом районе, то он располагается в середине большого креста, являющего собой пересечение Большого проспекта и 6-й и 7-й линий. И этот «большой крест» в каком-то смысле есть отражение на местности, т.е. в горизонтальной плоскости, главного креста Андреевского собора.

6-я и 7-я линии выходят к Неве там, где отплывал с Николаевской набережной на Запад в 1922 г. на «философском пароходе» высланный Лениным за границу вместе с другими русскими философами и богословами – гордостью России – ректор Петроградского университета религиозный философ и историк культуры Лев Платонович Карсавин, который был учеником И.М. Гревса. Крест василеостровской местности восходит к пересечению прямых линий на первоначальном, леблоновском, плане Петербурга, осуществленном только отчасти. В месте, где 7-я линия упирается в невский извив, на углу с Николаевской набережной (недавно еще – набережной Лейтенанта Шмидта) стоит знаменитый «дом академиков», украшенный, кажется, бесчисленным количеством мемориальных досок, рассказывающих о людях, живших здесь. Весьма значительная часть из них была репрессирована. А рядом – Академия Художеств с поэтической тоновской пристанью со сфинксами...

Видимо совсем не случайно Ивана Михайловича с детства привлекали больше всего те православные праздники, которые были непосредственно связаны с Крестом:

«Среди праздников обещанных были у меня специально любимые. То было Воздвижение и (если можно назвать праздником) Страстная неделя. Воздвижение мне нравилось строгостью своего продолжительного богослужения, поклонения тому, что было орудием страдания Спасителя («честному кресту») – строгостью, выраженной во многих молитвах, в грустных напевах и в погребальном звоне. Но особенно привлекала здесь скользящая из-под этой сосредоточенной печали радость, счастье от воскресения: “Кресту твоему поклоняемся Владыка, и святое воскресение твое славим!”. Любил я, конечно, воздвиженскую (крестопоклонную) всенощную... особое воздвиженское “Господи, помилуй”»¹⁶.

Интересно, что иерусалимский храм Воскресения был освящен св. царицей Еленой в 326 г. 14 сентября по старому стилю. И православная, и католическая церкви празднуют в этот день Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Но торжества западной Церкви весьма скромны и даже скудны. Что же касается литургического ранга, то праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста в Западной Церкви второстепенен и стоит на таком же уровне, как и некоторые другие праздники, посвященные Пресвятой Деве Марии. Между тем в Восточной Церкви праздник Воздвижения Честного Креста Господня относится к числу двенадцатых, главных праздников Церкви. Сама литургия праздника Крестовоздвижения на Востоке наполнена впечатляющими обрядами, раскрывающими значение Креста. На Утрени священник выносит с алтаря крест в середину церкви, где кладет на аналой. Потом возносит его кверху и, повернувшись к востоку, трижды благословляет мир. Этот обряд повторяется еще четыре раза, когда священник поворачивается к северу, западу, югу и еще раз к востоку. Всякий раз, когда обряд повторяется, хор по сто раз поет «Господи, помилуй». Русский композитор Львовский соединил каждое стократное «Господи, помилуй» одной мелодией, которая от чуть слышимого *pianissimo* поднимается до громогласного *fortissimo*, выражая мольбу и горестные стенания падшего тварного мира. Благословляя крестом все четыре стороны света, Восточная Церковь хочет подчеркнуть, что Крест есть символ всеобщего Спасения. «Четвероконечный мир днесь освящается», – поют на Утрени по византийскому обряду в день празднования Воздвижения Честного Креста Господня. Крест, как следует из службы этого праздника, имеет не только моральное, но и космологическое значение: он значительно больше, нежели только психологическое указание. Крест есть основа преобразования вселенной. Он достигает даже до самых глубин материи. Это и выражается в благословении Крестом четырех сторон света. В празднике Крестовоздвижения раскрываются переживания Креста Господня Восточной Церковью. Они удивительно глубоки и наполнены

¹⁶ Вахромеева 2004. С. 28.

не только одним состраданием, ибо значение Креста здесь переносится на весь космос. Это постановление Креста в центр вселенной тесно связано с Воскресением. Поэтому почитание Креста в Восточной Церкви приобретает радостный характер. Эта радость связана с Воскресением, которое без Креста невозможно¹⁷. И рядом с местом Христова Воскресения иерусалимский храм Воскресения делает объектом поклонения Голгофу. Она есть радость как преддверие Воскресения...

В сентябре 1940 г. семья Гревсов въехала в небольшую квартиру по адресу 21 линия, д. 16, кв. 58. Здесь И.М. Гревс скончался 16 мая 1941 г. в 81-й день своего рождения. Он умер в глухом уголке Васильевского, рядом с д. 12, в котором до революции располагался полицейский дом с арестантским отделением. Это было знаменательным совпадением: ведь при его советской жизни многие удивлялись тому, как этот выдающийся человек либерально-идеалистических взглядов до сих пор не арестован...

Елена Чеславовна Скржинская, крупный античник и медиевист, давняя ученица И.М. Гревса, в прошлом – муза, предмет вдохновения и поклонения великого ученика Гревса Л.П. Карсавина, – рассказывала об учителе: «Он интересовался каждой исторической диссертаци-ей, никогда не отказывал в содействии, консультации, указании и неизменно присутствовал при защитах или, как он часто называл, на “диспутах”. Редко проходили заседания кафедры истории средних веков без его участия. За день до кончины он, как обычно, пришел на такое заседание и сидел с удивительной для его возраста бодростью, скрестив на груди руки, не опираясь на спинку стула, не облокачиваясь на стол; выслушав доклад молодой аспирантки, он выступил с кратким, ясным и доброжелательным словом»¹⁸. И далее: «Смерть унесла его внезапно, вероятно безболезненно, в присутствии жены и дочери (обе погибли спустя несколько месяцев в жестокую зиму голодной блокады Ленинграда). Убеленный сединами и как бы спокойно уснувший, он лежал в своем маленьком кабинете, где его окружали неразрывные с ним образы – портрет молодого Данте, широкая панорама Флоренции среди тосканских холмов, портреты матери, друзей, академика Васильевского и младшей дочери – девушки с длинными косами в белом платье, умершей в шестнадцатилетнем возрасте, что было, может быть, наиболее острым горем его зрелых лет. Через два дня тело перенесли в большую аудиторию исторического факультета университета, где была совершена гражданская панихида. Похороны состоялись на Волковом кладбище... Провожавшие, взглянув в последний раз на бледное, мертвое лицо старца, не увидели на нем “хладных, бесчувственных черт бесчеловечной старости”»: от них ушел мягкий, добрый, внимательный и ласковый друг и учитель...»¹⁹.

¹⁷ Подробнее см.: Мацейна 2002. С. 143–146.

¹⁸ Скржинская 1946. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 248.

Он ушел в василеостровское ноосферическое будущее.

Крест был в душе Гревса, еще в детские годы любившего праздники, связанные с Крестом, пытавшегося вести литургию и вносившего затем ее особенности в свои лекции, семинарии и экскурсии и, возможно, в личное общение. Именно поэтому Ивану Михайловичу было дано увидеть Крест родного василеостровского места. Это был Крест распятой петербургской науки. Крест Васильевского острова, который Гревс столь подробно описал, несомненно был и Крестом всего Петербурга, а в равной степени всего христианского мира, который Петербург заключает и соединяет в себе.

Иван Михайлович Гревс вносил этот Крест в ноосферу. Тем самым ученый спорил с В.И. Вернадским, опиравшимся в своих выводах о ноосфере на разнообразные, в том числе индуистские, но не христианские источники и писавшем вдове Гревса на следующий день после его смерти: «Иван был верующий глубокий христианин, и в этом, я думаю, он находил и смысл жизни, и нужное для сознательно живущего человека в нашей социальной среде – равновесие и успокоение. Я смотрю на жизнь человека глубоко иначе, чем Иван. Я давно не христианин и считаю, что загадка жизни, ответ на которую дает христианство, не отвечает реальности – реальности чрезвычайно сложной и до сих пор не разрешенной человечеством»²⁰. Но еще 14–17 марта 1937 г. И.М. Гревс писал больному В.И. Вернадскому: «...ты должен поправиться – это самое важное. Как же без тебя заживет ноосфера? Она еще порядком **не окрещена** (выделено мною. – А.К.)»²¹.

Ушедший раньше Вернадского Гревс несомненно делал все, чтобы **окрестить** ноосферу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гревс И.М.* О культуре (Мысли при чтении «Переписки из двух углов» Вячеслава Иванова и М.О. Гершензона. Петербург, «Альконост», 1921) / Мир историка: идеалы, традиции, творчество: К 50-летию В.П. Корзун. Омск: Курьер, 1999.
- Гревс И.М.* Первая глава трактата Данте «De Monarchia». Опыт синтетического истолкования / Из далекого и близкого прошлого: Сб. этюдов из всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. М., 1923.
- Вахромеева О.Б.* Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / ПФА РАН. СПб., 2004. 372 с.
- Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 242 с.
- К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. СПб., 1911. 475 с.
- Мацейна А.* Агнец Божий / Пер. с литов. СПб.: Алетейя, 2002. 318 с.
- ОР РНБ.* Ф. 1148. Ед. хр. 69.
- ПФА РАН.* Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 464.
- Рутенбург В.И.* Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия / ИВИ РАН. М., 1993.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 464. Л. 40–41.

²¹ Вахромеева 2004. С. 340.

- Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк / Гревс И.М. Тацит. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Цивьян Т.Н. Еще о Петербурге и Петербургском тексте // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» (25–26 сентября 2012 г.) / ИМЛИ. М., 2012.

REFERENCES

- Grevs I.M. O kul'ture (Mysli pri chtenii «Perepiski iz dvukh uglov» Vyacheslava Ivanova i M.O. Gershenzona. Peterburg, «Al'konost», 1921) / Mir istorika: idealy, traditsii, tvorchestvo: K 50-letiyu V.P. Korzun. Omsk: Kur'er, 1999.
- Grevs I.M. Pervaya glava traktata Dante «De Monarchia». Opyt sinteticheskogo istolkovaniya / Iz dalekogo i blizkogo proshlogo: Sb. etyudov iz vseobshchei isto-rii v chest' N.I. Kareeva. M., 1923.
- Vakhromeeva O.B. Chelovek s otkrytym serdtsem. Avtobiograficheskoe i epistolyar-noe nasledie Ivana Mikhailovicha Grevs (1860–1941) / PFA RAN. SPb., 2004. 372 s.
- Kaganovich B.S. Russkie medievisty pervoi poloviny KhKh veka. SPb.: Giperton, 2007. 242 s.
- K dvadtsatipyatiletuyu ucheno-pedagogicheskoi deyatelnosti Ivana Mikhailovicha Grevs: Sb. statei ego uchenikov. SPb., 1911. 475 s.
- Matseina A. Agnets Bozhii / Per. s litov. SPb.: Aleteiya, 2002. 318 s.
- OR RNB. F. 1148. Ed. khr. 69.
- PFA RAN. F. 518. Op. 3. Ed. khr. 464.
- Rutenburg V.I. Vstrechi Grevs s Italiei // Rossiya i Italiya / IVI RAN. M., 1993.
- Skrzhinskaya E.Ch. Ivan Mikhailovich Grevs. Biograficheskii ocherk / Grevs I.M. Tatsit. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1946.
- Tsiv'yan T.N. Eshche o Peterburge i Peterburgskom tekste // N.P. Antsiferov. Filo-logiya proshlogo i budushchego: Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konfe-rentsii «Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya» (25–26 sentyabrya 2012 g.) / IMLI. M., 2012. Grevs I.M. O kul'ture (Mysli pri chtenii «Perepiski iz dvukh uglov» Vyacheslava Ivanova i M.O. Gershenzona. Peterburg, «Al'konost», 1921) / Mir istorika: idealy, traditsii, tvorchestvo: K 50-letiyu V.P. Korzun. Omsk: Kur'er, 1999.

Крейцер Александр Викторович, ведущий редактор, Музей РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); muzeirgpu2013@yandex.ru, avkreizer@mail.ru

Ivan Mikhailovich Grevs: on the cross of Vasileostrovsky locus

The paper is focused on an outstanding Russian historian-medievalist I.M. Grevs and on his contribution to V.I. Vernadsky's doctrine about noosphere. General connections of Grevs – a religious idealist who propagated the unity of science and faith – with St. Petersburg scientific-teaching center in Vasiliyevsky Island are revealed.

Keywords: I.M. Grevs; V.I. Vernadsky; Vasiliyevsky Island; science; Cross; christening; liturgy; noosphere.

Alexander Kreizer, managing editor, Museum of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg; muzeirgpu2013@yandex.ru, avkreizer@mail.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ОПЫТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Объектом изучения выступает жизненный мир Эрвина Сабо, видного представителя венгерской интеллигенции начала XX в. Отношение к Первой мировой войне (патриотически-националистическое, антимилитаристско-пацифистское, социально-классовое и революционно-политическое), саморефлексия (осмысление своей ответственности за судьбу человеческой цивилизации), социальный статус, общественно-политическое поведение, интеллигентский быт – все это составляет предмет исследования.

Ключевые слова: *характер войны, антимилитаристская пропаганда, библиотечное дело, государственный служащий, личная жизнь*

В статье в относительно коротком промежутке времени (1914–1918) исследуются взгляды и социальный этос видного представителя венгерской интеллигенции Эрвина Сабо. Герой повествования предстает и как субъект деятельности, и как объект воздействия со стороны родных, близких, друзей, коллег, социальных и политических институтов.

Эрвин Сабо (1877–1918), урожденный Армин Шлезингер – мадьяризовавшийся еврей, как многие его соплеменники, принял в юношеском возрасте евангелико-реформатскую веру, венгерские имя и фамилию. Сын владельца красильной мастерской, он с отличием окончил королевскую первую гимназию Унгвара (ныне – Ужгород), затем – юридический факультет Будапештского университета. Последующая трудовая деятельность Сабо была связана с библиотековедением. На этом поприще он прошел путь от рядового сотрудника библиотек Венгерского парламента и Венгерской торгово-промышленной палаты до директора Будапештской городской библиотеки, занимая последний пост с 1911 г. до конца жизни. В 1904–1906 гг. он был идейным лидером левого крыла Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), но в дальнейшем отошел от активной партийной работы. В 1901–1917 гг. Сабо – член руководства научно-публицистического и культурно-просветительского объединения – Общества социальных наук (ОСН) в Будапеште.

В гимназические годы на мысли и чувства Эрвина, по его воспоминаниям, сильное впечатление произвели «филантропические романы» Ч. Диккенса, особенно «Оливер Твист». Яркий след в его сознании оставили свободолобивые стихи Ш. Петефи – многие из них он знал наизусть¹. В 1897–1898 гг. Сабо больше двух семестров посещал занятия в Венском университете, уделяя особое внимание политической экономии. В Вене Сабо испытал духовное влияние Ф. Ницше, Л.Н. Толстого, Р.У. Эмерсона. В это же время он знакомится с философскими и историко-социологическими трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. Характеризуя некоторые

¹ Айрапетов 1984. С. 16.

свои личностные свойства, Сабо отмечал, что его индивидуалистические склонности подпитывались идеями П.Л. Лаврова и П.А. Кропоткина, с сочинениями которых (в переводе) он ознакомился по совету русских политэмигрантов, народника С.Л. Клячко и социал-демократа П.Ф. Теплова, ставших его близкими друзьями и наставниками. Сабо назвал имена еще трех ученых и мыслителей, чьи идеи оказали формирующее влияние на его взгляды: французского политолога Ж. Сореля, итальянского социолога, стоявшего у истоков элитологии, В. Парето и венгерского историка Б. Грюнвальда, чей труд «Прежняя Венгрия» помогал Сабо верифицировать на венгерском материале свои теоретические знания².

В конце XIX в. на фоне растущей дегуманизации прозаически вещного капиталистического мира в обществе все громче раздавались голоса философов, писателей, деятелей культуры, политических мыслителей, выступавших в защиту человеческого «Я». Их проповедь красоты как всеобщей гармонии, морального совершенствования как критерия общественного прогресса, их нравственное кредо, выраженное в наставлении «Будь самим собой!», были близки уму и сердцу Эрвина Сабо.

С юношеских лет Сабо стремился к достижению максимально полной гармонии природы. Слова Гете «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» стали для Сабо жизненным девизом, приведя его в 1899 г. в ряды СДПВ. В социал-демократии он видел общественную силу, которая может возглавить освободительное движение масс против социально-экономической эксплуатации, политического неравенства, культурной дискриминации и отсталости. Сабо остался верным социалистической идее до конца жизни. В марте 1904 г. он выступил с докладом «Социализм» на заседании ОСН. Его оппоненты, верно нащупав в трактовке свободы уязвимое место марксистской теории социализма, утверждали, что социализм подчиняет «интересы отдельных личностей общей воле» Эта общая воля «исключает возможность осуществления большинства индивидуальных волей... А это, – по их мнению, – “самая невыносимая форма рабства”». Смысл возражения Сабо, отвергавшего буржуазный индивидуализм, сводился к следующему. Чтобы не ощущать экономический строй социализма как насильственный, нужно воспитывать в людях чувство социальной солидарности, формировать у них взгляд на новый строй как на дело доброй воли. В духе кропоткинской теории взаимной солидарности как фактора прогресса Сабо подчеркивал, что «вся наша жизнь во всех ее проявлениях, от момента рождения до самой смерти, зависит от жизни других людей, от их действий, что мы не можем надеяться на счастливую, идеальную жизнь, если не выберем путь добровольной, согласованной деятельности во имя целесообразного общественного порядка... Как следствие принципа социальной солидарности высшей добродетелью социалиста будет

² Там же. С. 18–19.

считаться совершенное развитие всех его способностей, но одновременно – и доведенная до безукоризненности самодисциплина»³.

Нравственный пуризм, аскетизм в быту, бесстрашие мысли, мировоззренческая стойкость – эти свойства сделали Сабо чуждым тщеславия и корыстолюбия. Об уровне его образованности, широте кругозора можно судить уже по тому, что в 26 лет он стал соредактором ежемесячного прогрессивного общественно-политического и научно-просветительского журнала ОЧН «Huszadik Század» («Двадцатый век»). Многочисленные публикации молодого Сабо говорят о том, что круг его интересов простирался от проблем рабочего движения до социальной философии и социологии (теории общественных классов и классовой борьбы), открытый в естественных и социально-гуманитарных науках, авангардистских произведений художественной литературы и изобразительного искусства⁴.

У молодого поколения венгерской интеллигенции, обратившего на рубеже XIX–XX вв. свои взоры на Запад, исключительно сильным было чувство призвания, ощущение себя носителем культурной миссии в самом широком смысле этого слова⁵. «Борьба» и «прогресс» – эти понятия составили парадигму их мышления и общественного этоса, сопрягаясь с приверженностью таким ценностям, как уважение личности, толерантность, этнонациональное и конфессиональное равноправие, космополитизм, не исключавший здорового чувства патриотизма.

Когда началась Первая мировая война, Сабо было без малого 37 лет. Он понял, что эта война явилась вызовом, смертельной угрозой гуманистическим ценностям. В этих экстремальных условиях от интеллигента требуется соединение «интеллектуальных, волевых и практических способностей»⁶. Такого слияния личностных свойств нужно добиваться в профессиональной, общественно-политической, культурно-просветительской, гуманитарной сферах деятельности.

Отношение к начавшейся мировой войне вольно или невольно обуславливалось у интеллигенции ее национальными чувствами и взглядами, артикулировалось посредством таких категорий, как агрессия иностранного государства и защита своего отечества. Весь первый год войны Сабо относился к ней как к чрезвычайной ситуации, в которой интересы войны выше любого закона (*salus belli suprema lex*). Тем не менее, он, в отличие от многих представителей европейской интеллигенции, не поддался угару крайнего национализма и шовинизма и не впал в пессимизм и отчаяние. Сабо не был державником и не разделял проектов создания Великой Венгрии, привлекательных для части венгерской гуманитарной интеллигенции того времени.

³ Избранные произведения 1984. С. 279–280.

⁴ Szabó Ervin válogatott 1958. 24.o.

⁵ Глац 2011. С. 13.

⁶ Szabó Ervin. Hol az 1977. 433.o.

Позиция Сабо в вопросе о характере Первой мировой войны сложилась в процессе изучения им истории двух событий Нового времени и ознакомления со специальной литературой о процессах в мировой экономике конца XIX – начала XX в. Почти 15 лет он трудился над фундаментальной монографией «Социальная и партийная борьба в венгерской революции 1848–1849 гг.», закончив работу над рукописью в июле 1918 г., незадолго до смерти. События семидесятилетней давности, по мнению Сабо, показывали, что в периоды острых социально-политических конфликтов, одним из которых была венгерская революция и национально-освободительная война середины XIX в., патриотическое единство возможно только под лозунгами назревших широких демократических преобразований в социально-экономической, политической и международной сферах общественной жизни.

В поисках критериев определения характера глобального военного конфликта начала XX в. Сабо обратился и к франко-прусской войне 1870–1871 гг. В 1915 г. в теоретическом органе СДПВ, журнале «Szocializmus», была опубликована его статья «Маркс, Энгельс и война». Резюмируя высказывания основоположников марксизма, очевидцев и первых историков франко-прусской войны, Сабо, которого на родине и за рубежом в начале XX в. считали лучшим в Венгрии знатоком и пропагандистом марксизма, сделал следующий вывод. Прогрессивный или реакционный характер войны вытекает из того, чьи классовые интересы она выражает. В большой статье «Экономическая организация и война», опубликованной в 1915 г. в журнале «Huszadik század», а также отдельной брошюрой, Сабо, разобрав концепции ряда европейских экономистов и социологов, заключил, что коренные причины Первой мировой войны связаны с интересами финансовой олигархии, вывозом капитала в колонии и зависимые страны с целью получения сверхприбыли, борьбой за территориальный передел мира. Соперничество в первую очередь финансово-промышленной буржуазии Великобритании и Германии, подчеркивал Сабо, привело к развязыванию глобального военного конфликта⁷.

Социально-классовый характер войны со всей очевидностью проявлялся в том, писал Сабо, что она открывала возможности для обогащения на военных поставках и спекуляции части буржуазии и средних слоев, но с другой стороны, по мере затягивания, обрекала на нищету, лишения и ограничение прав и свобод миллионы людей. Официальная пропаганда Австро-Венгрии изображала участие Габсбургской монархии в войне как

⁷ Szabó Ervin válogatott 1958. 382–391.o. Издав в 1905–1909 гг. первое на венгерском языке двухтомное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Сабо закрепил за собой международное признание. Конечно, венгерская социал-демократия не была в первом эшелоне партий II Интернационала. Тем не менее об Эрвине Сабо знали, с ним переписывались К. Каутский, Г.В. Плеханов, Э. Бернштейн, Г. Лагардель, Р. Михельс, К. Грюнберг и др. Не случайно также, что в 1918 г. Социалистическая академия в Москве избрала Сабо своим почетным членом.

выполнение благородной миссии «по защите европейской культуры от русского варварства»⁸. Февральская революция 1917 г. в России, в ходе которой думская монархия трансформировалась в либеральную республику, делала, в глазах венгерских и других европейских пацифистов, войну одной лишь бессмысленной кровавой бойней. В Венгрии в течение 1917–1918 гг. стремительно нарастал кризис правящей элиты. В статье «Мир и демократия», опубликованной в мае 1917 г. в газете «Népszava» («Слово народа»), Сабо писал, что стоявшая в повестке дня политической жизни Венгрии демократизация не должна ограничиться введением всеобщего избирательного права, парламентскими выборами и формированием нового правительства. Следовало, считал Сабо, преодолеть системный кризис венгерского государства и общества путем устранения засилья аристократии и среднего дворянства в сфере управления, структурного и кадрового обновления всего государственного аппарата⁹.

Острая политическая ситуация в Венгрии требовала от каждого патриота не только ясной и четкой идейной позиции, но и практического участия в антивоенном движении. И Сабо включается в деятельность антимилитаристской «Группы венгерских социалистов, присоединившихся к Циммервальду», т.е. к Циммервальдскому объединению социалистов, оппозиционных войне (1915–1917). Входившие в Группу радикально настроенные венгерские студенты ставили перед собой задачу издавать и распространять антивоенные листовки среди рабочих и солдат. Сабо помог студентам установить контакты с рабочими будапештских предприятий с тем, чтобы сплотиться в самостоятельную организацию революционных социалистов. По оценке идеолога Венгерской коммунистической партии Й. Реваи, Сабо был «душой подпольной антимилитаристской агитации». Он сам писал или редактировал листовки, регулярно встречался с активистами Группы. Работу приходилось вести нелегально. К примеру, по совету Сабо, хорошо усвоившего еще со времени своих контактов с русскими политэмигрантами приемы конспирации, одна из встреч была организована, в особняке папского прелата Ш. Гисвайна, осуждавшего войну. Участница этой встречи Й. Келен вспоминала, как они с мужем втайне друг от друга явились в назначенное время на явочную квартиру. «Собралось не больше десяти человек, – рассказывала она. – Среди них были студенты, рабочие, интеллигенты. Все ждали, что скажет Эрвин Сабо. Внешне он ничем особенно не выделялся среди присутствовавших. Но с первых же слов он завладел их вниманием, начав горячо говорить об издании антивоенных листовок»¹⁰.

Осенью 1917 года Сабо готовился к поездке в Берн на международный конгресс пацифистов. Среди заявленных участников этого форума

⁸ Айрапетов 1984. С. 108.

⁹ Szabó Ervin. Béke és demokrácia // Népszava, 6.05.1917.

¹⁰ Айрапетов 1984. С. 116.

были: от Германии – Э. Бернштейн, В. Шюкинг, от Австрии – А. Фрид, от Венгрии – М. Каройи, О. Яси, Ш. Гисвайн, Й. Динер-Денеш и др. Венгерские противники продолжения войны выступали за немедленный «мир без победы». Поездка Сабо не состоялась по той причине, что он не получил заграничного паспорта¹¹.

Осенью 1917 года «революционные социалисты» организовали в Будапеште демонстрации с требованиями немедленного заключения мира. В них приняло участие около трех тысяч человек. Власти обрушились с репрессиями против оппозиционеров: в январе и в весенние месяцы 1918 г. активные «революционные социалисты» были арестованы. Властям была известна руководящая роль Сабо. В следственных документах полиции «революционные социалисты» фигурировали как «эрвиновцы». Правые газеты использовали проходивший в сентябре 1918 г. процесс против оппозиционеров для яростных нападок на директора городской библиотеки. Сабо обвиняли в том, что руководимая им библиотека превратилась в очаг брожения и деморализации общества. Он тоже оказался под следствием, но за неимением улик был освобожден.

Сабо без оптимизма смотрел на перспективы окончания Первой мировой войны. Он не скрывал, что не строит иллюзий в отношении мира (Брест-Литовского договора) с Россией, и уверен, что «Англия и Америка будут стоять на своем» (планы Антанты по расчленению Венгрии)¹². Антимилитаристская позиция Сабо, однако, не побудила его, по-прежнему приверженного идеям социализма, стать активным участником революционного движения в Венгрии. Еще до Первой мировой войны он отказался от «карьеры» профессионального революционера. Отдавая предпочтение призывному слову, он был скорее проповедником и духовным учителем. Мир знаний был для него наиболее близким. Судя по всему, для его деятельной интеллектуальной природы необходимым условием нравственного здоровья была созидательная работа, лишенная политической демагогии и популизма. Сабо не был тщеславным, но он знал себе цену и потому дорожил завоеванным авторитетом руководителя крупного культурно-просветительного учреждения страны. Благодаря своему авторитету Сабо оставался на посту директора центральной городской библиотеки Будапешта, хотя его контакты с «революционными социалистами» вызывали недовольство власть предержащих и венгерских ура-патриотов. Вместе с тем он не мог не сознавать, что, занимая пост директора столичной библиотеки, он находился на службе у государства, чью политику осуждал. Ниже мы попытаемся показать, как Сабо разрешил эту психологическую и нравственную коллизию.

Накануне и в годы Первой мировой войны Сабо, не покладая рук, работал над модернизацией библиотечного дела в Венгрии. Смысл этой

¹¹ Szabó Ervin levelezése 1978. 952.o.

¹² Idid. 954.o.

культурно-просветительской деятельности он видел в том, чтобы, в частности, поднять рабочего, занятого физическим трудом, до уровня рабочего-интеллигента. Он был горячим сторонником и активным проводником идеи создания, по примеру США и Великобритании, публичных библиотек с обязательным абонементом¹³. Свое профессиональное кредо Сабо выразил в следующих словах: «...Наше культурное развитие, умножение научной и другой интеллектуальной и душевной энергии теснейшим образом связано с состоянием библиотечного дела»¹⁴.

Много сил отнимало у него внедрение десятичной системы каталогизации книг. Вокруг этого вопроса летом и осенью 1913 г. развернулась международная дискуссия, в которую включился и Сабо. Потребность в едином библиографическом описании всех опубликованных в книгах и журналах материалов вызвала к жизни универсальную десятичную классификацию (УДК). Она была создана бельгийскими библиографами Полем Отле и Анри Лафонтемом, основавшими в 1895 г. в Брюсселе «Международный библиографический институт», и впервые опубликована в 1897 г. За основу была взята подвергшаяся определённой переработке классификация, предложенная в 1876 г. американским библиографом Мелвиллом Дьюи для библиотеки Конгресса США. Дьюи бескорыстно предоставил Отле и Лафонтему права по использованию и модификации своей системы для создания всеобъемлющего каталога опубликованных знаний. В течение долгих лет эта работа велась в рамках Международной федерации по информации и документации. Первое издание полных таблиц УДК вышло в свет на французском языке в 1905 г. Согласно УДК вся совокупность человеческих знаний делится на десять частей (по цифрам): от 0 – общий отдел до 9 – история, география, биографии.

Проявляя интерес к разным проектам УДК, Сабо вступил в переписку с всемирно известным германским естествоиспытателем, основоположником физической химии, лауреатом Нобелевской премии 1909 г., философом-эмпириокритиком Вильгельмом Оствальдом. В сентябре 1913 г. Сабо обратился к Оствальду с просьбой рассказать о выдвинутых им принципах каталогизации. Сабо беспокоило, что пользовавшийся международным авторитетом ученый занимался библиографическими проблемами без должного знания дела, игнорируя сотрудничество с Брюссельским институтом. Информировав Оствальда, что Будапештская городская библиотека находится в деле внедрения УДК в середине пути, Сабо пытался выяснить, в каких пределах тот намерен переработать действующую международную систему классификации и как он предполагает действовать, если не достигнет никакой договоренности с Брюсселем. Последнюю альтернативу Сабо рассматривал весьма неохотно¹⁵.

¹³ Ibid. 885.о.

¹⁴ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 606.о.

¹⁵ Szabó Ervin levelezése 1978. 879–880.о.

В ответном письме от 21 сентября 1913 г. Оствальд изложил свои принципиальные подходы к классификации знаний. Следуя за основоположником позитивизма, французским логиком и математиком О. Контом, Оствальд, в отличие от Конта, положил в основание своей систематизации наук не математику, а логику. Систематизация держится на движении знаний от элементарных положений к более сложным и сложносоставным определениям. Такой же логике должна следовать совершенная система каталогизации литературы. Отмечая, что он находится еще в начальной стадии разработки классификации, Оствальд предлагал сразу заменить цифры десятичной классификации буквами¹⁶.

Две недели января 1914 г. Сабо целыми днями был занят подготовкой к открытию в Будапеште филиала столичной библиотеки, которая должна была стать площадкой для апробации идеи публичной библиотеки. Новации касались характера и содержания литературы, поступающей в городскую библиотеку и ее филиалы. В потоке поступлений превалировала социально-политическая литература, значительно меньше было художественной литературы, ощущался дефицит газет и специализированных журналов. Не сразу, но Сабо добился изменений в структуре комплектования. В сентябре 1914 г. в Лейпциге должен был собраться Международный конгресс народного воспитания и просвещения. Сабо пригласили выступить на этом конгрессе с докладом «Публичная библиотека и молодежь». Он готовился к поездке на этот форум, но начавшаяся мировая война разрушила все планы организаторов конгресса¹⁷.

Энтузиазму Сабо, его страстному желанию довести начатую реформу библиотечного дела до конца можно было позавидовать. Но далеко не все разделяли сабовский проект и принимали его стиль управления. В 1913–1914 гг. недруги крепко потрепали ему нервы нападками в прессе на директора столичной библиотеки. Они обвиняли Сабо в злоупотреблении служебным положением и недостаточной эффективности работы руководимой им библиотеки. Обвинения были надуманными и оскорбляли честь и достоинство Эрвина Сабо. 25 февраля 1914 г. он обратился к бургомистру Будапешта Иштвану Барци с прошением провести прокурорское расследование. Одновременно Сабо выступил с опровержением на страницах газеты «Столичная библиотека».

Оппоненты Сабо указывали на невысокие показатели книговыдачи в Будапештской библиотеке в сравнении с библиотеками Берлина, Гамбурга, Йены. Отвечая им, Сабо указывал, что в названных публичных (народных) библиотеках главным образом выдают художественную и научно-популярную литературу, а Будапештская библиотека вплоть до 29 декабря 1913 г. была специализированным научным книгохранилищем. С учетом этой разницы корректным было бы сопоставление Буда-

¹⁶ Ibid. 881–882.о.

¹⁷ Ibid. 885–892, 982.о.

пештской с аналогичными зарубежными специализированными библиотеками. Критики задавали вопрос: «Почему центральная библиотека венгерской столицы закрыта вот уже девятый месяц?» Сабо пояснял, что столичная библиотека обслуживает читателей в полную силу, работая в таком помещении, где люди «вдыхают бактерии легочных заболеваний». Запланированный переезд библиотеки в другое здание откладывался, потому что затянулся его ремонт. Думая о здоровье людей, дирекция библиотеки, сообщал Сабо, закрывала ее на три месяца.

Третье обвинение в адрес Сабо касалось штатного расписания и численности сотрудников городской библиотеки. Сабо указывал на неточности, допущенные оппонентами: в 1912 г. насчитывалось не 33, а 24 сотрудника, в феврале 1914 г. штат увеличился до 35 чел., но не до 46, как утверждали «обличители», ставившие в вину директору раздувание штатов. Сабо приводил также сравнительные данные об общей численности персонала библиотек Венгерского национального музея и Будапештского университета, которая уже в 1911 г. достигла 57 чел.

Еще один упрек оппонентов Сабо касался приобретения библиотекой литературы. Сабо разъяснял, что выделяемые для закупки литературы деньги распределялись одновременно между всеми пятью филиалами¹⁸. Он отрицал, что постоянно во вверенной ему библиотеке шум, гам, толкотня. Не раз, как утверждали критики, возникала потребность во вмешательстве полиции для наведения порядка. Возможно, что сотрудники библиотеки не доводили до сведения директора факты нарушения порядка. Во всяком случае, Сабо назвал лишь один случай вызова полиции. Его обвиняли и в том, что он якобы под видом приобретения литературы нанял человека, который, по утверждению «разоблачителей», должен был прежде всего выявить среди сотрудников библиотеки информаторов. Вся эта неблагоприятная история закончилась тем, что журналист, сотрудник газеты «Pesti Hírlap» («Пештская газета») Дюла Хегедюш, один из главных «критиков», признал, что он «ошибался»¹⁹.

Однако спустя короткое время журналисты дали понять, что травля Сабо будет продолжаться, пока он не уйдет с поста директора библиотеки. Обозначены были и вопросы нового «журналистского расследования»: рост дотаций библиотеке, увеличение рабочего времени сотрудников, надбавки к их зарплате в вечернюю смену. Обещания журналистов не были чистой выдумкой или пустым шантажом. Уже в апреле 1914 г. Сабо пришлось опровергать утверждение «Венгерского книжного обозрения» о мнимом ограничении в выдаче книг на абонементе и даже ее периодической приостановке. В действительности периодически приостанавливалась выдача не книг, а абонементских билетов²⁰.

¹⁸ Ibid. 891–892.о.

¹⁹ Ibid. 892–893.о.

²⁰ Ibid. 894, 897.о.

В апреле 1914 г. Сабо вновь обратился с письмом к бургомистру Будапешта И. Барци, в котором сослался на две газетные статьи, ставшие пиком травли. Приведя независимые оценки, взятые из разных источников, он отверг надуманные обвинения в авторитаризме: «Никто, кроме меня, не стоит так далеко от того, чтобы зажимать конструктивную и доброжелательную критику, даже если она исходит от сотрудников библиотеки». По сути же, эта клевета была направлена на «дискредитацию доброго имени библиотеки, с которой его связывают тысячи духовных и душевных нитей»²¹. Летом 1915 г. Сабо в письме к своему немецкому единомышленнику, руководителю Германского союза народных библиотек В. Хоффману с грустью констатировал, что война затормозила реализацию намеченных планов реконструкции Будапештской библиотеки²².

Между тем нападки на Сабо продолжались. Ему и его сотрудникам ставили в вину радикалистские взгляды. Отвечая на эти «обвинения», Сабо предостерег от политизации библиотечного дела. Он решительно заявил, что не хотел бы выглядеть ангажированным СДПВ, в рядах которой состоял более 15 лет. Интересы библиотечного дела должны были быть выше идейно-политических предпочтений работников книгохранилищ. Эта объясняет, почему Сабо не уходил с поста руководителя государственного учреждения. Под его началом в библиотеке работали 14 мужчин и 13 женщин. Усилиями этого небольшого коллектива удалось превратить городскую библиотеку в образцовое культурно-просветительное учреждение, транслятор гуманистических идей, сделать ее конкурентоспособной, а во многих отношениях – поставить будапештскую библиотеку даже выше западноевропейских. Отметая оскорбительные эпитеты, которыми его «награждали» (капризный, безжалостный и беспощадный самодур), Сабо категорически отрицал обусловленность той или иной меры наказания работников библиотеки за неявку на службу прихотью и своеволием директора. Для него было очевидно, что эффективность работы библиотеки зависит не только от соответствующих организационных условий, но и от (как сказали бы сегодня) человеческого фактора. Речь шла о наборе определенных интеллектуальных, профессиональных и моральных качеств персонала, которые (как это было в Германии и США) должны быть прописаны в руководствах, положениях и др. служебных документах. Сабо полемизировал с теми, кто не видел необходимости коренного изменения функций библиотеки – перехода от комплектования и хранения литературы к обеспечению доступности книг и журналов даже ценой их сохранности²³. К планам демократизации библиотечного дела Сабо вернулся в декабре 1915 г., о чем свидетельствует его письмо преподавателю Дебреценской реформатской гим-

²¹ Ibid. 898.о.

²² Ibid. 903.о.

²³ Ibid. 909–912.о.

назии и советнику городской администрации по вопросам образования Ф. Чюрешу. В общедоступности Сабо видел главное достоинство публичных библиотек. Практика городской библиотеки Будапешта окончательно развеяла легенду о библиотеке как элитарном заведении, комфортном пристанище ученых и книголюбцев. Сабо называл два условия эффективной работы: во-первых, рациональная, экономичная организация, разумное разделение труда и целесообразное распределение ресурсов, или, другими словами, кооперация и централизация; во-вторых, одновременное функционирование специализированных научных библиотек и библиотек нового типа – универсальных и публичных. В целях пропаганды этих идей Сабо инициировал создание нового журнала – «Библиотечные тетради». Первый номер вышел в мае 1916 г. и вызвал интерес не только в Венгрии: по просьбе Хоффмана Сабо охотно согласился перевести журнал на немецкий язык для публикации в Германии²⁴.

В годы Первой мировой войны в библиотечных кругах столкнулись две гражданские и профессиональные позиции, связанные с разным пониманием просветительных и воспитательных функций важнейшего культурно-образовательного учреждения. На одной стороне выступили сотрудники библиотек, убежденные в том, что библиотека призвана воспитывать, подбирая читателю хорошую литературу, на другой – те, кто считал, что библиотечные работники должны обслуживать читателей, потрафляя их примитивным вкусам. Эрвин Сабо и Вальтер Хоффман по праву относили себя к первой «партии»²⁵.

Как библиолог Сабо был известен в западных странах благодаря переводам с венгерского на немецкий и французский языки и публикации в иностранных изданиях 45 статей, рецензий, заметок²⁶. Ряд статей и других материалов (точное число пока не установлено) был написан им сразу на немецком языке, которым он владел свободно. Наряду с немецким, рабочими языками Сабо были французский, английский, итальянский. О его международном авторитете свидетельствовало и посланное Сабо приглашение выступить в сентябре 1917 г. на конференции Центрального союза публичных библиотек в Лейпциге. Он готовился к этой поездке, но из-за ухода со своего поста его заместителя д-ра Й. Маджара (о чем Сабо весьма сожалел) не мог оставить библиотеку и послал приветствие участникам форума. Председатель Центрального союза В. Хоффман предложил Сабо войти в состав редколлегии журнала «Книжная выставка» и получил его согласие. Хоффман надеялся, что авторитет Сабо в кругах библиологов будет способствовать расширению круга «друзей новой модели библиотеки»²⁷.

²⁴ Ibid. 912, 917-918, 920, 925.о.

²⁵ Ibid. 932.о.

²⁶ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 612–617.о.

²⁷ Szabó Ervin levelezése 1978. 950.о.

Будучи директором центральной городской библиотеки Будапешта, Сабо находился на государственной службе. Он не сомневался в том, что государство является орудием политических сил. Но, по его мнению, государственный служащий должен быть (это доказывал М. Вебер) неполитизированным высококлассным бюрократам, сведущим в законах и подзаконных актах и одновременно компетентным в той или иной специальности или отрасли знания. Такое представление было, как полагает венгерский историк академик Ф. Глац, характерным для сознания склонного к иллюзиям венгерского среднего класса²⁸, выразителем настроений и взглядов которого в известном отношении являлся Эрвин Сабо.

Сабо нельзя было назвать честолюбивым. Он не жаждал наград или высоких государственных постов, особых привилегий, держась правила «Каждому по заслугам». В этой связи показательно, как Сабо мотивировал свое поздравление, адресованное его знакомому, Фаркашу Хеллеру, по случаю назначения последнего ординарным профессором политической экономии Будапештского технического университета. «Я, по обыкновению, – писал Сабо, – не часто поздравляю знакомых с повышением по службе, но твой случай – редкое исключение, когда я насколько не сомневаюсь в справедливости твоего назначения. Я желаю Тебе как можно быстрее втянуться в преподавательскую деятельность»²⁹.

Государственная служба требовала соблюдения политеса, писаных и неписаных правил. Сабо им следовал, не роняя личного достоинства, не «прогибаясь» перед начальством. Так, 1 сентября 1917 г. он поздравил бургомистра Будапешта И. Барци с бракосочетанием его сына. В письме Сабо на имя бургомистра говорилось: «Глубокоуважаемый Господин Бургомистр! Мне очень приятно, пользуясь именно неофициальным поводом, сказать, что я рад за Господина Бургомистра, пребывающего в радужном настроении, и хотел бы выразить ему свою преданность и солидарность. Наилучшие пожелания молодоженам и их родителям. Искренний сторонник и почитатель Господина Бургомистра Эрвин Сабо»³⁰.

Находясь все годы войны в тылу, Сабо не пережил стресса от непосредственного участия в боевых действиях. Тем не менее война потребовала от него максимального напряжения интеллектуальных, душевных и физических сил. По переписке Сабо, перечню опубликованных им работ, сведениям о его публичных выступлениях, организаторской, научно-исследовательской, публицистической и просветительской деятельности в Обществе социальных наук не сложно составить представление о степени загруженности этого тяжело больного туберкулезом человека. Вот лишь перечень значимых событий 1914–1918 гг., деятельным участником которых был Эрвин Сабо:

²⁸ Глац 2011. С. 22, 24.

²⁹ Szabó Ervin levelezése 1978. 943. о.

³⁰ Ibid. 947. о.

1914, 1 мая Переезд Будапештской городской библиотеки в новое здание.

Май. Дискуссия с Эрнё Брестовски о пролетарской поэзии.

25 июня Председательствовал на годичном собрании Общества социальных наук (ОСН).

Октябрь Подготовил вступительную статью «Война и хозяйственная жизнь» к специальному номеру журнала «Двадцатый век», являвшегося печатным органом ОСН.

1915, 2 января Прочитал доклад «Экономическая организация и война» в военно-тематическом цикле, организованном ОСН. Доклад был опубликован в июньском номере журнала «Двадцатый век». В том же месяце в теоретическом органе Социал-демократической партии Венгрии, журнале «Социализм», вышла статья Сабо «Маркс и Энгельс и война».

8 июля Председательствовал на годичном собрании ОСН.

Ноябрь–декабрь Прочитал курс лекций в Свободной школе ОСН на тему «Масштабы государственного регулирования перед мировой войной».

1916 – первая половина 1917 г. Ввиду командирования О. Яси на фронт в качестве военного корреспондента Сабо выполнял обязанности ответственного редактора журнала «Двадцатый век». Эта работа доставляла много хлопот.

1916, февраль Сабо отдыхал в санатории, в Земмеринге.

4 марта Участвовал в дискуссии на тему «Срединная Европа» в ОСН.

2 апреля Председательствовал на заседании ОСН и выступил в дискуссии «Срединная Европа».

13 мая Выступил с лекцией «Империализм и прочный мир» в рамках цикла лекций в студенческом «Кружке Галилея».

Октябрь Установил контакты между будапештскими антивоенно и революционно настроенными студентами и рабочими.

1918, 13 января Участвовал в массовом митинге, потребовавшем создания Будапештского рабочего совета.

24, 28 марта В газете «*Világ*» («Мир») вышла его статья «Социал-демократия и политическая мораль».

2 апреля Участвовал в дискуссии в ОСН на тему «Консервативный и прогрессивный идеализм».

Май В журнале «Двадцатый век» опубликована статья Сабо «Маркс».

Июнь В журнале «*Szabad Gondolat*» («Свободная мысль») увидела свет последняя статья Сабо «Образование и культура». Сабо ведет рубрику «Жизнь и наука» в газете «Мир».

21 июля Завершил работу над фундаментальной монографией «Социальная и партийная борьба в венгерской революции 1848–1849 гг.»

Конец июля Отдых в санатории в Шарсентаготан.

Август Ушел в отпуск по состоянию здоровья.

30 сентября Кончина Эрвина Сабо³¹.

Повторим, что выше перечислены лишь значимые события в жизни Эрвина Сабо. К сказанному добавим деловую и личную переписку, встречи, повседневную административную работу.

Культурно-просветительская, революционно-пропагандистская, теоретическая и организаторская деятельность заполняла практически все его время. Но была у Сабо и личная жизнь, пусть не такая полная. По всей видимости, смертельный недуг стал преградой для женитьбы. Сабо

³¹ Ibid. 928, 982–983.о.

не был анахоретом. В студенческие годы в Вене он познакомился с семьей русского политэмигранта, народника С.Л. Клячко. Взаимное чувство симпатии, перешедшее во влюбленность, долгое время связывало Эрвина со старшей дочерью Клячко Алиной. В тесных дружеских отношениях Сабо состоял с Алисой Маджарне (Яси), женой ведущего сотрудника Будапештской городской библиотеки Йозефа Маджара и сестрой своего близкого друга Оскара Яси. Сабо прожил большую часть своей жизни с матерью, Луизой Поллачек, которая на десять лет пережила любимого сына. Он был ее гордостью, всегда оставаясь внимательным, заботливым сыном. Об этом выразительно говорят их письма друг другу, написанные на немецком языке³². Как правило, Сабо совмещал отдых, снимая накопившуюся усталость, с лечением в санаториях и на курортах. Он редко жаловался на бытовые условия и медицинское обслуживание в местах отдыха, хотя выделял наиболее ему понравившиеся. Так, в письме двоюродному брату Эдену Пору от 31 марта 1914 г. Сабо высказал желание «вновь побездельничать в Сан-Бартоломео» (курортный городок в 90 км. от Генуи)³³. Об упадке сил, апатии Сабо косвенно говорит просьба, с которой к нему обратился Э. Пор в начале апреля 1914 г.: «Пиши, если есть настроение»³⁴. Война, на которую Сабо не призвали из-за болезни, непосредственно коснулась его старшего брата. От него, мобилизованного на русский фронт, подолгу не было никаких известий. Чтобы как-то ободрить Сабо и его мать, известный австрийский социал-демократ, профессор Венского университета Карл Грюнберг, состоявший в переписке с Сабо, поведал о военной судьбе своего двоюродного брата. Тот попал в русский плен в бою под Пшемыслом и был этапирован в Москву, где, вопреки всем ожиданиям, как он писал, с ним очень хорошо обращались. Чуть позже пленного австрийца должны были отправить дальше на восток, в Среднюю Азию³⁵.

Август 1915 г. Сабо проводил в санатории под Дрезденом. Из письма к матери мы узнаем о привычном для него распорядке дня: «Я, как обычно, ежедневно пишу (имеется в виду вышеупомянутый исторический труд. – А.А.) и надеюсь, что уже немало написано». Сын не забывает справиться у матери, зажил ли у нее большой палец на руке. Сабо свыкся с однообразием санаторской жизни, хотя временами у него появляется желание вырваться из этого заведения и, к примеру, «махнуть в Дрезденскую картинную галерею». Сабо знает, что, совершив такую поездку, он рискует остаться без обеда или ужина. Он готов к этому, рассчитывая на мамин термос с чаем. Согласно санаторскому распорядку каждое утро, в 8 часов, к Сабо приходил ассистент, чтобы произвести

³² См.: Ibid. 1-2. köt.

³³ Ibid. 895.o.

³⁴ Ibid. 896.o.

³⁵ Ibid. 900.o.

влажное обтирание остававшегося в постели пациента. Затем приносили завтрак, состоявший, по описанию Сабо, из вареного яйца, булочки с маслом и кофе. После завтрака пациенты ждали регулярного обхода лечащего врача. Затем вновь приходил ассистент и массировал грудь и спину Сабо. Через день он ходил в бассейн, где помимо массажа ему прописали хвойную ванну. После этой процедуры у пациентов было свободное время. В зависимости от погоды, рассказывал Сабо, «я лежу в шезлонге, пишу, читаю». В 12.30 обед: попеременно давали вегетарианское мясо и тушеные овощи с мучной заправкой, салат, компот, бутерброд с маслом. После обеда отдых, в 4 часа пополудни лечебный чай, после которого прогулка, снова шезлонг, дневной сон. В 7 часов вечера ужин, похожий на обед. Затем вновь шезлонг либо читальный зал. Сабо упоминает и о непринужденных беседах с другими пациентами. Каждый второй вечер предлагались фрукты. В 22 часа наступало время сна³⁶.

Спустя полгода, в феврале 1916 г., Сабо, измотанный отражением атак на Будапештскую городскую библиотеку и ее директора, 8 дней провел в швейцарском Земмеринге, в отеле Зюдбан. Оттуда он писал матери, что популярным зимним видом отдыха было катание на санках, что он купил для прогулок горные ботинки и короткие штаны. Похоже, Сабо настоящему отдыхал в тихой альпийской республике, где о мировой войне ничего, кроме дороговизны, не говорило. Он получал удовлетворение, слушая музыку в исполнении альтиста и пианистки, выступавших в санаторском музыкальном зале, и гуляя по лесу. Он наслаждался чудесными видами горной Швейцарии. Знакомых в санатории не было, да и Сабо не испытывал потребности в общении. Но его изоляция от внешнего мира была относительной. В Земмеринге он встречался с известным австрийским экономистом, профессором университета в Граце Ю. Бунцелем, венгерским правоведом и социологом Л. Леопольдом, венгерским социологом Г. Леопольдом. В июне 1917 г. Сабо вновь собирался в санаторий, на сей раз в австрийскую Штирию, но при условии приемлемого питания. Об этом он сообщал в письме Оскару Яси, который тогда отдыхал на Средиземноморском побережье, в Аббазии³⁷.

В июле 1918 г. Сабо в последний раз отдыхал и лечился в санатории Шарсентагота. В письме другу Михаю Бабичу он жаловался на плохое самочувствие: «Таким слабым и вялым я никогда не был. Весь день лежу или сижу на веранде, одетый в пальто и закутанный в одеяло»³⁸. Словно предчувствуя скорый конец, Сабо торопился закончить как можно больше задуманных дел.

Личность Сабо привлекла внимание психографологов. В октябре 1917 г., за 11 месяцев до своей смерти, он послал два письма Кунфи

³⁶ Ibid. 915–916.o.

³⁷ Ibid. 945.o.

³⁸ Ibid. 965–966.o.

Лайошне (Элле Тиллер), которая была близким другом Оскара Яси. Таким образом до нас дошла своего рода гражданская исповедь, или опыт психологического автопортрета Сабо. Отметив меткие наблюдения и оценки Эллы Тиллер (некоторые из них были для Сабо открытием), он внес некоторые поправки. В частности, венгерский интеллектуал не соглашался с утверждением, что у него «бурный» темперамент. «Наверное, он был раньше. Но сейчас, во всяком случае, я очень заметно успокоился. Я также не уверен, – продолжал Сабо, – что люблю интеллектуально доминировать. Возможно, это и так, но меня сбивает с толку то, что я не люблю публичность и большое общество мне не по душе. “Очень нервный?”. Очень? Думаю, что, по крайней мере, не очень»³⁹. По мнению Сабо, он не был настолько амбициозен, чтобы непременно добиваться успеха. «Не думаю, – добавлял он, – что неудача жутко действовала бы на меня. Я поражаюсь, когда слышу, что люди считают меня злопамятным и мстительным. Многие, напротив, видят мою ошибку в том, что я быстро забываю, даже если кто-то сильно обидит меня»⁴⁰.

В дни прощания с Эрвином Сабо было произнесено много речей, опубликовано мемориальных статей, воспоминаний. Горечь невосполнимой утраты и одновременно уверенность в правоте дела Сабо передает некролог, опубликованный сотрудниками Будапештской городской библиотеки 30 сентября 1918 г., в день смерти их директора. В нем говорилось: «...Его коллеги, все как один, видят в библиотеке заново сотворенный плод созидательной энергии Сабо. Его ученики и последователи будут черпать вдохновение из богатого творческого наследия, которое он оставил, направив свои знания и силы на рост духовного благосостояния широких масс. При этом Эрвин Сабо менее всего думал о себе... Мы будем продолжать его дело, сохраняя верность его замыслам»⁴¹.

Подведем краткий итог. Во время глобального военного конфликта, свидетелемствовавшего о системном кризисе европейской цивилизации, от интеллигенции требовались гражданское мужество и интеллектуальная смелость остаться вне «партии войны», мобилизовать все свои силы на сохранение гуманистических ценностей. Во имя этого Эрвин Сабо и такие, как он, «тихие герои» совершали «малые дела». Сабо, реформируя библиотечное дело, страстно и принципиально, с гуманистических и демократических позиций выступая с трибуны венгерского Общества социальных наук и на страницах газет и журналов, защищал людей от духовного одичания, идеологического и политического экстремизма. Он стремился спасти их от всех тех зол, что несла с собой бессмысленная и жестокая война.

³⁹ Ibid. 951.о.

⁴⁰ Ibid. 953.о.

⁴¹ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 699.о.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айрапетов А.Г. Эрвин Сабо – пламенный революционер, социалист. М.: Мысль, 1984. 141 с.
- Глац Ф. Историк, нация, общество// Дьюла Секфю. После революции/Перевод с венг. О.В. Хавановой. М.: Водолей, 2011. С. 5–34.
- Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1984. С. 243–301.
- Секфю Д. После революции / Пер. с венг. О.В. Хавановой. М.: Водолей, 2011. 344 с.
- Szabó Ervin. Hol az igazság!/? / Szerkesztette Remete László. Budapest: Magvető könyvkiadó, 1977. 557 o.
- Szabó Ervin könyvtár-tudományi cikkei és tanulmányai. 1900–1918. Budapest: Fővárosi Szabó Ervin könyvtár, 1959. 747 o.
- Szabó Ervin levelezése. 1905–1918. Szerkesztette Litván Gy. és Szücs L. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1978. 1041 o.
- Szabó Ervin válogatott írásai. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1958. 508 o.

REFERENCES

- Ajrapetov A.G. Ervin Sabo – plamennij revolyucioner, socialist. M: Misl, 1984. 141 s.
- Glaz F. Istorik, naczija, obshchestvo // Dyula Sekfu. Posle revolucii / Per. s veng. O.V. Chavanovoj. M.: Wodolej, 2011. S. 5–34.
- Izbrannie proizvedenija peredovich vengerskich mislitlej. Vtoraja polovina XIX – nacsalo XX veka. M.: Nauka, 1984. S. 243–301.
- Sekfü D. Posle revolucii / Perevod s veng. O.V. Chavanovoj. M.: Wodolej, 2011. 344 s.
- Szabó Ervin. Hol az igazság!/? / Szerkesztette Remete László. Budapest: Magvető könyvkiadó, 1977. 557 o.
- Szabó Ervin könyvtár-tudományi cikkei és tanulmányai. 1900–1918. Budapest.: Fővárosi Szabó Ervin könyvtár, 1959. 747 o.
- Szabó Ervin levelezése. 1905–1918. Szerkesztette Litván Gy. és Szücs L. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1978. 1041 o.
- Szabó Ervin válogatott írásai. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1958. 508 o.

Айрапетов Арутюн Гургенович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института гуманитарного и социокультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина; airahist@mail.ru

World War I and intelligentsia: personal history

The object of study is the world of Ervin Szabó, a member of Hungarian intelligentsia of the early 20th c. The article analyses his attitude to World War I (in its various aspects: patriotic and nationalist, social and class, revolutionary and political), his self-reflection (his views on personal responsibility for the fate of human civilization), social status, social and political behaviour, and the everyday life.

Keywords: character of war, anti-militarist propaganda, library studies, state official, private life

Arutyun Airapetov, Dr. Sc. (history), Professor, academic supervisor of the Institute of education in humanities and social and cultural studies, Tambov state university; airahist@mail.ru

Н. П. МИРОНОВА

А. С. СИДОРОВ (1892–1953) СУДЬБА УЧЕНОГО В ДИАЛОГЕ СО ВРЕМЕНЕМ

В статье рассматривается методология исследований языка и культуры народа коми Алексея Семеновича Сидорова (1892–1953). На основе анализа его научного наследия показано взаимовлияние лингвистической и этнологической проблематики: от синтаксиса к вопросам логики и мышления в идеологии древнего населения. Большое значение для становления исследовательской лаборатории А.С. Сидорова имело его активное участие в работе краеведческого движения в Коми крае. Основной акцент сделан на анализ влияния «нового учения о языке» Н.Я. Марра на этнологические и языковедческие исследования А.С. Сидорова, показана роль идеологических факторов в деятельности ученых 1920–1950-х гг.

Ключевые слова: *А.С. Сидоров, теоретико-методологические основания, краеведение, энциклопедизм, марризм.*

В историю развития гуманитарной науки в Коми А.С. Сидоров вошел как крупный специалист в области языкознания, археологии, этнографии, фольклористики и литературоведения, за ним закрепилось звание ученого-энциклопедиста. На сегодняшний день существует обширная историография, посвященная его научному наследию, подробно изучена биография и жизненный путь ученого, но остаются недостаточно изученными теоретико-методологическая база региональной гуманитарной науки в целом и феномен энциклопедизма А.С. Сидорова¹.

В данной статье лаборатория ученого рассматривается в значении «процесс научного творчества», основанный на определенных принципах и подходах. Исследовательская лаборатория любого ученого формируется не сразу. Для этого необходим сложный путь самоидентификации в науке. В жизни и творчестве А.С. Сидорова отразилась нелегкая судьба целого поколения советских ученых.

А.С. Сидоров родился 28 сентября (10 октября) 1892 г. в с. Палевицы Яренского уезда Вологодской губернии. В 1908 г. он начал обучение в Тотемской учительской семинарии. После окончания семинарии в 1911 г. преподавал в школе в д. Кони; отработав четыре года он поступает на дальнейшее обучение в Вологодский Учительский институт [НА Коми НИЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.19. Д.229. Л. 4], а в 1918 г. возвращается на родину, создав в Яренске первое зырянское культурно-просветительское общество «Коми котыр» [Бурлыкина 2007: 68], именно этот

¹ В данном случае энциклопедизм определяется гораздо шире, чем всесторонняя образованность, глубокая осведомленность в различных областях знания, и предполагает, прежде всего, наличие единого метода, стройной системы теоретических оснований в научно-исследовательской лаборатории ученого [Лосев 1974: 409], поскольку классический энциклопедизм, безусловно, предполагал наличие определенной методологической платформы [Новый энциклопедизм 2013: 80].

период стал началом творческого пути ученого. С 1918 г. А.С. Сидоров работал преподавателем Усть-Вымской учительской семинарии [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.19. Д.229. Л. 4.], Коми института народного образования, он принимал активное участие в учреждении Общества изучения Коми края (1922), вошел в состав редколлегии нового «экономического и краеведческого» журнала «Коми му» (1924), возглавил его краеведческий отдел [Жеребцов, Цыпанов 1995: 7], а в июле 1925 г. на первой Коми областной краеведческой конференции был избран в областное бюро краеведения (стал членом президиума и секретарем ОБК). При облбюро была организована комиссия по изучению производительных сил края, куда вошел А.С. Сидоров. В сентябре 1926 г. он выехал на стажировку в Ленинград, где более двух лет изучал языковедение под руководством академика Н.Я. Марра (в Институте языка и мышления АН СССР) и археологию в Академии материальной культуры (руководитель профессор П.П. Ефименко) [Жеребцов, Цыпанов 1995: 10]. В 1929 г. его пригласили на работу в Ленинградский педагогический институт им. Герцена в качестве штатного доцента по языку и культуре коми. В Институте он читал курсы коми языка, методику преподавания коми и русского языка и руководил производственной и методической практикой студентов [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.19. Д.229. Л. 4]. В 1932 г. А.С. Сидоров был приглашен на работу в первое высшее учебное заведение республики – Коми государственный педагогический институт, в 1934 г. стал доцентом Коми научно-исследовательского института, затем уехал в Ленинград, где продолжил работу в Институте языка и мышления АН СССР [Васильева 1997: 5]. В 1937 г. в рамках кампании по борьбе с национализмом арестован по 58-й ст. УК РСФСР, провёл в заключении три года. А.С. Сидоров даже в самые мрачные моменты своей биографии не оставлял научного творчества, а после освобождения работал в Коми научно-исследовательском институте (Коми филиале АН СССР). В 1945 г защитил кандидатскую диссертацию «Принадлежностно-указательные личные суффиксы в коми языке», в 1947 г. – докторскую «Порядок слов в предложении коми языка», изданную в 1953 г. в Сыктывкаре. 21 марта 1953 г. А.С. Сидоров скончался, похоронен в Москве. Ученый был реабилитирован в 1954 г.²

² На сегодняшний день документальный комплекс о жизни и деятельности А.С. Сидорова разрознен: личный фонд содержится в Национальном архиве Республики Коми (14 ед. хр. за 1937–1988 гг.); некоторые материалы были переданы в Литературно-мемориальный музей И.А. Куратова и в Музей истории просвещения Коми края Сыктывкарского университета. Наиболее полный комплекс документации, который позволяет реконструировать теоретико-методологическую базу ученого, находится в научном архиве Коми НЦ УрО РАН: рукописи (монографии, статьи, тезисы, рецензии), отзывы о его трудах, протоколы совещаний, стенограммы выступлений, личные служебные документы [Рошечская 2000: 51]. Большое значение для анализа методологических взглядов А.С. Сидорова имеют документы отдела языка и литературы [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 1-846] и канцелярии Ко-

Существенное влияние на формирование взглядов А.С. Сидорова оказало его участие в краеведческом движении. В короткую эпоху послереволюционного духовного подъема общество ставило перед краеведением важнейшие задачи пропаганды хозяйственного и культурного строительства, патриотизма и демократических традиций русской интеллигенции, содействия распространению грамотности, естественнонаучных и исторических знаний. В 1922 г. под руководством Академии наук было создано Центральное бюро краеведения, в его Президиум вошли известные этнографы, фольклористы, антропологи: Д.Н. Анучин, В.В. Богданов, Д.А. Золотарев, С.Ф. Ольденбург, Б.Э. Петри, Ю.М. Соколов и др. [Савоскул 2011: 45]. Период до рубежа 1920–1930-х гг. признан «золотым десятилетием» в развитии краеведения, когда оно превращается в «массовое научно-культурное движение».

Сидоров обратился к краеведению в 1907–1911 гг., в пору своего учительства в д. Кони, где собирал образцы вымских говоров, записывал местный фольклор, сведения о местонахождении «чудских ям» и т.п. Данный период ознаменован подъемом экспедиционного изучения культуры и истории Коми края: сбором этнографического материала занимаются В.А. Русанов (1902–1903), этнограф из Петербурга С. Сергель (1906), в 1907 г. финский этнограф Сирелиус с А.А. Цембером и В.П. Налимовым собирал коллекции для этнографического музея в Гельсингфорсе (Хельсинки), в 1908 г. состоялась первая экспедиция в Коми край П.А. Сорокина. Начало своей исследовательской работы «по вопросам языка и культуры коми» А.С. Сидоров относил к 1918 г. – времени открытия Усть-Вымской учительской семинарии: в период летних каникул 1919 и 1920 гг. он вместе с учащимися побывал в экспедициях на Выми, нижней Вычегде, Вашке, Мезени, собирал данные и по этнографии коми [Жеребцов, Цыпанов 1995: 19-20].

Первые ученые-краеведы выступают как яркие общественники: благодаря Сидорову было создано первое в крае периодическое издание – «Яренская газета», учрежден отдел народного образования Яренского уезда, организован Союз учителей, основаны краеведческие общества «Коми котыр», Общество изучения Коми края, создано Областное бюро краеведения, стали издаваться краеведческие журналы, основан Зырянский институт народного образования [Бурлыкина 2007: 191].

Краеведение первой половины 1920-х гг. представляло собой комплексный научный метод с особым представлением о тесной связи человека с определенным местом и сформировавшимся здесь сообществом, ощущение своей ответственности перед этой группой, уважение к сложившейся и принятой в ней традиции, определенный уровень региональной идентичности. С.О. Шмидт в своем определении краеведения также

указал на его междисциплинарность и наличие единого метода познания (от частного к общему) [Шмидт 1990: 12].

Данные принципы воплотились в подготовленной А.С. Сидоровым специальной программе сбора этнографического материала в Коми крае. «Программа по изучению Коми края» имеет разделы, и сегодня являющиеся общепринятыми в исследованиях традиционной культуры. По сути, это план будущих этнологических исследований, которые на то время не могли быть осуществлены только в рамках деятельности «Общества изучения Коми края» [Семенов 2012]. В первом разделе программы рассматриваются вопросы по материальной культуре (домостроительство, типология одежды, посуды и утвари, средств передвижения, хозяйственные занятия, охота, рыболовство, земледелие и животноводство). Следующий блок вопросов был направлен на выявление особенностей семейно-брачных отношений и традиционной духовной культуры (представления о демонологии, колдунах, мифологических сюжетах, правилах погребения и т.д.). Сам автор программы ограничился изучением статуса колдуна и особенностей колдовской практики, вся программа пронизана этой темой, в каждом ее сюжете присутствуют вопросы по основной теме автора – колдовство, магия, порча в русле традиционного мировоззрения. На основе этих данных в 1928 г. он публикует книгу «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Среди опубликованных работ Сидорова по этнографии эта книга занимает особое место, поскольку в ней наиболее полно нашли отражение теоретико-методологические основания его исследовательской лаборатории.

На языковедческие и этнографические исследования Сидорова в их взаимосвязи значительное влияние оказало учение широко известного лингвиста того времени – академика Н.Я. Марра. С 1926 г. Сидоров, находясь в аспирантуре, два с половиной года работал под его руководством и, восприняв его идеи, применил их к анализу языка и культуры коми. Основные постулаты «нового учения о языке» таковы: 1. язык входит в надстройку общества и прямо детерминирован развитием экономическим и идеологическим, язык – явление классовое; 2. язык и мышление не разделимы; 3. из единства мышления и языка вытекает единство глоттогонического процесса, языкотворческого процесса, т.е. в сущности языки имеют много общего, но различаются уровнем их стадийного развития; 4. история языка тесно связана с историей материальной культуры, историей общества; 5. основной путь развития языков – языковое и словесное скрещивание [Жеребцов, Цыпанов 1995: 34].

В современном гуманитарном дискурсе, прежде всего в рамках философии и истории науки, то и дело встает вопрос о значимости учения Н.Я. Марра. Вместе с тем, после широкой языковедческой дискуссии начала 1950-х гг. как отечественные, так и западные лингвисты утвердились во мнении, что Марр был видным ученым-кавказоведом (внес большой вклад в открытие ранее неизвестных церковных пись-

менных памятников Грузии и Армении, а также признается его приоритет в изучении древнеармянского, древнегрузинского и лазского языков [Алпатов 2006: 7]), который затем, выдвинув «новое учение о языке», вышел за пределы науки. Тем не менее, наследие Марра и сегодня полностью не перешло в разряд курьезов из истории науки и вызывает горячие дискуссии [Алпатов 1991; Волошинов 1995; Васильков 2001; Илизаров 2004; Гамкрелидзе 2005]. Безусловно, в современном науковедении марризм может рассматриваться лишь как историографический факт с критических позиций. Необходимо учитывать особенности эпохи, в которую появилась данная теория: эпоха революционных перемен, построения нового общества, новой жизни, само время требовало появления «нового учения о языке». «Облекся марризм в революционную фразу, а с 30-х гг., после публичного одобрения “единственно марксистской теории” И.В. Сталиным, стал и единственно верной революционной теорией советского языкознания» [Жеребцов, Цыпанов 1995: 34]. «Новое учение о языке» развивалось в дискурсе жесткой борьбы с инакомыслием и буржуазной идеологией и воспринималось как единственно верный путь советского финноугроведения [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д.126. Л.28.]. Также и А.С. Сидоров воспринимал «новое учение о языке», как отрицание буржуазного языкознания и построение в корне и по всему языковедному фронту иной языковедческой теории. В одном из докладов он говорил: «История буржуазного языкознания в точности отражает историю капиталистического общества. Спор с Гумбольдтом и младограмматиками, обвинение в расизме и формализме: сначала в лице немецкой сравнительно-исторической школы, которую обвиняли за выдвижение идеи о родственных группах языков и народов, выходявших к праязыкам и пранародам, которые развивались в полной изоляции друг от друга [...]. Я не буду перечислять и анализировать другие разновидности буржуазного языкознания, во всех их мы увидим родимое пятно капитализма и империализма, отражение идеологии господствующих классов. Последователей буржуазного языкознания упрекали во внутренней опустошенности, упрощении проблемы, антиисторизме, идеалистичности, эмпирическом изучении лишь одной физической формы» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 128. Л.5.].

Страстный пропагандист Н.Я. Марр стремился перестроить науку, являясь харизматическим лидером, идеальной личностью для создателя «авангардистской науки» [Алпатов 2006: 13]. Неудивительно, что его авторитет стал непреложным для исследователя из северной глубинки А.С. Сидорова. Яфетологи активно призывали интенсивно изучать малые языки, к этой теории многие присоединялись из-за универсализма, интернационализма, привлекала идея Марра о «дальнейшем языковом слиянии» и, вследствие этого, необходимости ускорить развитие языков малых народов, подтянуть их до уровня цивилизованных языков [Жеребцов, Цыпанов 1995: 34, 36]. Таким образом, «новое учение о языке»

было в большей степени идеологизированным, чем научным. Сегодня признается, что общей трагедией отечественной науки о языке 1930-х гг. стало то, что по ряду причин идеологического характера идеи академика Марра внедрялись в качестве догм [Алпатов 2006: 7].

В первой серьезной работе А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» первичный культ рассматривался как в значительной степени функция общественной и, в окончательном счете, хозяйственной жизни в широком смысле этого слова, когда магическое и хозяйственное действие находятся в нерасчлененном состоянии. Анализируя логику традиционного мировоззрения, А.С. Сидоров во многом превосходил методологию современных этнологических исследований. Первые исследователи придерживались мнения о неправомерности рассмотрения традиционной системы жизнеобеспечения в отрыве от духовной культуры. Воспринимая традиционное мировоззрение как единый культурный текст, Сидоров использовал метод психологической и семантической интерпретации этнографических материалов. Основопологающим в данном случае является постулат о единстве языка и мышления: язык и мышление неразделимы, это есть форма и содержание творческого процесса познания и преобразования мира.

По мнению Сидорова, язык и культура коми исторически соответствуют примитивной стадии мышления, он полагал, что просвещение будет способствовать преодолению «атавизмов» первобытного мышления: знахарство, колдовство связаны с примитивным хозяйством, с примитивным обществом, поэтому в этих основных предпосылках и нужно искать их происхождение, а также способы борьбы с ними для искоренения основ отсталого мировоззрения [Сидоров 1997: 19]. Ему импонирует стремление Марра рассматривать явления языка в широком контексте, связывать науку о языке с другими гуманитарными науками, прежде всего, с историей, археологией и этнографией. Н.Я. Марр требовал от археологов и этнографов учета результатов лингвистических наблюдений. Сидоров писал о семантическом анализе Марра: «Марр с мастерством гениального ума прослеживал стадийные изменения семантики, начиная с архетипов и кончая словами в языках современных народов. Семантика слов – это наиболее существенная, наиболее важная часть общего учения о языке: 1) значения слов возникали не по форме, не по материалу, не по технике, а по функции, определявшейся потребностью общественности и мировоззрением, поэтому новое учение о языке исходит из идеологии языка, как основной функции языка и выходит за пределы звукового оформления речи; 2) в исследованиях по истории речевой культуры бремя доказательств перелagается на семантику, т.е на значения, собственно на назначения слов и с ними самих предметов» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 154. Л.4.].

А.С. Сидоров говорил, что главной темой книги «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» являются до-логические формы мышле-

ния в традиционной культуре. Один из аспектов архаического мышления – неспособность выйти за рамки собственной культуры, невозможность обнаружить точку внеаходимости, посмотреть на себя глазами «Другого». Он ставит важный вопрос: «Почему магические действия эффективны лишь внутри определенного хронотопа (пространственно-временного континуума, имеющего свои физические и символические границы)?», отмечая, что на до-логической ступени развития невозможна персонификация, антропологизация и этическая окраска магических представлений. Для первобытного человека неодушевленного мира попросту не существует, и по этой причине он не «персонифицирует» неодушевленные предметы и не наполняет пустой мир духами мертвых. Мир для него представляется не пустым или неодушевленным, но изобилующим жизнью: в любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «Оно», а как с «Ты». В этом столкновении «Ты» проявляет свою личность, свои качества, свою волю [Франкфорт, Франкфорт, Уилсон, Якобсен 1984: 27]. Действительно, отношение человек-мир в традиционном обществе – отношение диалогическое, когда в «другом» и «тебе» не видят объекта, но, с другой стороны, лишь то откликается на «Ты», что находится внутри границ своего хронотопа. Все, что происходит за границами, враждебно. Границы эти почти всегда очерчены магически. В этом смысле основная смысловая нагрузка – на тотеме. Мир – «свой», с ним – на «Ты», он подчинен магии в рамках пространства, где действует «Наш» тотем [Васильева 1997: 9-10]. Данные теоретические положения применимы и для более поздних работ Сидорова по мировоззрению и идеологии древнего населения. Предметы пермского звериного стиля представляют собой благодатный материал для раскрытия норм мышления и идеологии населения, обитавшего здесь в условиях материнского рода и начала разложения первобытнообщинного строя и становления патриархального общества [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.13. Д.13. Л.5.]. Предметы пермского звериного стиля являются выражением родовой или племенной идеологии населения, представлений о происхождении рода или племени и всего внешнего мира, представлений о тотемических животных предках [Л.32.]. В работе «Семантика изображений пермского звериного стиля» Сидоров задался целью дать анализ семантики этого стиля при помощи комплексного исследования памятников материальной культуры с использованием данных фольклора, языка, этнографии – метода, выдвинутого Н.Я. Марром [Д.15. Л. 10.]. Сама степень антропоморфизации сигнализирует о стадийных формах рационализации мифологических образов, соответственно ступени развития техники и успехов хозяйственной жизни. В сюжетных композициях пермских бляшек отражена история общества, идеология и хозяйственная жизнь: в широких хронологических рамках, птица-палеолит, лось-неолит, конь-металлический век [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13.

Д. 15. Л.32.]. Для последующих исследований пермского звериного стиля особую ценность имеет богатство фактологического археологического материала, приведенного Сидоровым [Грибова 1975; Туркина, 2012].

Как известно, большинство работ А.С. Сидорова относятся к области финно-угорского языкознания. Но его опубликованные лингвистические труды составляют лишь небольшую часть написанных (издано только 12 из 45) языковедческих работ. Современному исследователю большинство рукописных трудов окажутся непонятными, поскольку лингвистический материал анализируется в них с позиций «нового учения о языке» [Жеребцов, Цыпанов 1995: 34.]. Основные языковедческие работы А.С. Сидорова были созданы на стыке лингвистики и философии языка. Его интересовали вопросы синтаксиса как отражения особенностей мышления [Васильева 1997: 7]. Исходя из постулата Марра о единстве языкотворческого и мыслетворческого процесса, он воспринимал коми язык через синтаксис как наивысший уровень языка, связанный с логикой, к морфологии и далее к фонетике. Именно цепочку словословосочетание-предложение-сложное предложение он и ставил в основу описания в крупнейших работах по синтаксису. Главным научным трудом Сидорова является рукопись его докторской диссертации «Твердый порядок расположения слов в предложении коми языка», в которой четко определен теоретико-методологический базис исследования: «Правильного разрешения вопросов о порядке слов можно достигнуть лишь на основе материализма, при разработке материала на методологических основах марксизма-ленинизма с учетом достижений нового учения о языке» [НА Коми НЦ УрО РАН Ф.1. Оп.11. Д.100. Л.6.].

Теоретико-методологические основания концепции А.С. Сидорова четко обозначены в одной из последних работ, подготовленной в 1949 г. «Как образовались слова тӧдны «узнать, знать» и кывны «чувствовать»» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 112. Л.1.]. В этой небольшой статье, написанной на коми языке показано содержание субъект-объектных отношений на примере происхождения двух глаголов. В целом, субъект-объектные отношения занимают в философии, в гносеологии центральное положение. По содержанию этих отношений различаются и типологизируются философские учения и школы. В зависимости от того, что в данном учении признается первичным – объект (материя), субъект (сознание, Бог, идея), различаются материализм и идеализм в самом широком понимании. Постигание содержания субъект-объектных отношений образует знание и производство информации: воздействие на объект и получение его реакции на эти воздействия (отражение объекта).

А.С. Сидоров считал, что в рамках материалистического мировоззрения можно выяснить, как образовались такие слова, как знать, узнать (тӧдны), которые отражают психологические свойства, различные стороны сознания, познавательную деятельность народа. Их признаки не

подходят для неживой вещи, не обращены к неживой сути предмета и не отражают ее. Но ранее эти слова относились именно к конкретной вещи и отражали признак вещи [Л.1.]. Корень глагола знать (тõдны) такой же, как и корень глагола видеть (тыдавыны). Конечно это разные слова и грамматически: глагол видеть (тыдавыны) направлен на внешний признак предмета, тогда как глагол знать (тõдны) внутренних признак человека (отражает психологическое состояние) по отношению к внешнему объекту, т.е. один глагол говорит о психологическом явлении, другой более о физическом явлении. В коми языке внутренние психологические свойства человека можно показать через внешнее свойство объекта (такой тип строя языка в материалистическом языкознании называется объективным строем): «Сделаем предположение, что в древности народы свое восприятие действительности понимали как материалистическое от объекта, если объект воздействует на внешние чувства, на зрение, это и будет знание (тõдõмыс). Зрительное впечатление от внешнего предмета является основой для понимания человека» [Л.2.]. Тõдъсы (знающий, ведающий), по лингвистической системе Сидорова – видящий что-то конкретное, конкретную болезнь, шеву как вещь, реальный объект.

По А.С. Сидорову, объективный строй более древний чем субъективный, а значит сознание – не первичное явление, а первична объективная действительность. Познавательная деятельность, различные стороны сознания происходят от объективной реальности [Л.4.]. В данном случае он использует положения К. Маркса о том, что язык есть «практическое реальное сознание», что отношение между языком и сознанием есть отношение формы и содержания, что категории языка представляют собой реализацию категории сознания. Категории же сознания, отражая собой реальную действительность, в то же время развиваются исторически [НА Коми НЦ УрО РАН Ф.1. Оп.11. Д.100. Л.6.].

Влияние Марра прослеживается в приемах построения системы доказательств, в отношении к фактам, склонности к широким обобщениям в научно-исследовательской лаборатории Сидорова. Многочисленные критики упрекали реформатора языкознания в отсутствии способности считаться с фактами. Так, один из критиков Марра, Б.В. Гордунг, писал: «Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала на основе готовой идеи» [Алпатов 2006: 6]. В работах Сидорова также можно выделить два полюса: открытие конкретных фактов и гипотезы и прозрения в отношении самых общих проблем.

Анализ теоретико-методологических оснований научной лаборатории Сидорова невозможен без учета широких дискуссий конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда ни говорить, ни писать на лингвистические темы без упоминания имени Марра было невозможно. 18 мая 1949 г. в Институте языка и мышления АН СССР под председательством академика И.И. Мещанинова состоялось объединенное заседание сектора общего языкознания и сектора финно-угорских языков с повесткой – Прения по

доклада В.И. Алатырева «О формализме и идеализме в советском финноугроведении» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 111.]. Заседание было посвящено критике работ Д.В. Бубриха (одного из основоположников финно-угроведения), которого обвиняли в приверженности к буржуазному языкознанию и отходе от лингвистической методологии акад. Н.Я. Марра. В 1949 г. в Коми филиале было проведено показательное заседание ученого совета по вопросу «о некоторых космополитических извращениях сталинского учения о нации». Это мероприятие также было направлено против Бубриха, тесно работавшего с учеными Коми филиала. Ученые сектора языка и литературы выступили перед сотрудниками филиала и приглашенными лицами с признанием своих ошибок. В заключительном слове зам. председателя Совета при Президиуме Коми филиала АН СССР Н.И. Шишкин подверг сомнению степень раскаяния ведущего специалиста А.С. Сидорова: «неясно, поняли или нет эти товарищи имевшую здесь место критику: они восприняли ее не так, как подбавляет советским ученым... На словах они говорят, что они материалисты, а в своих трудах даже не упоминают Марра» [Самарин 2011: 82]. Позднее одна из участниц заседания охарактеризовала его так: «все как один выступили как сознательные и последовательные марристы, никто не говорил, что его заставляют... Во главе этой плеяды стоял зам. Председателя президиума Н.И. Шишкин... Казалось, Сидоров и Шишкин соревнуются, кто из них больший маррист» [Там же].

Ситуация в корне изменилась уже через год. В 1950 г. на страницах газеты «Правда» развернулась дискуссия по поводу яфетической теории в языкознании. 20 июня в рамках дискуссии вышла статья Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», содержащая резкую критику «нового учения о языке» Н.Я. Марра [Сталин 1950]. Яфетическая теория Марра была определена как порочная, псевдомарксистская и вульгаризаторская. Уже через месяц 28-29 июля 1950 г. состоялось заседание совета при Президиуме Коми филиала АН СССР, посвященное итогам свободной дискуссии по языкознанию и задачам филиала в свете статей товарища И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам языкознания». На заседании присутствовали все сотрудники Филиала и некоторые работники Пединститута и других организаций. Главным стало обвинение Марра в упрощении, искажении и вульгаризаторстве марксизма. Дискуссия была далека от науки: «Советские языковеды были бесконечно благодарны вниманию и заботе И.В. Сталина и должны работать так, чтобы быть достойными Сталинского руководства» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.1. Д.190. Л.35.]. В докладе зав. сектором языка, письменности, истории и литературы А.М. Мишарина о состоянии научной работы в Коми филиале читаем: «Оценивая состояние научной работы Коми филиала АН СССР и прежде всего его сектора языка, письменности и истории, в свете результатов дискуссии по вопросам советского языкознания и выступлений

товарища Сталина, со всей откровенностью признать, что мы, языковеды, и историки, и ученые других гуманитарных наук, глубоко заблуждались в исходных, основных положениях учения о языке. Сочувственно относясь к немарксистским теориям Н.Я. Марра и, даже больше, разделяя учение Марра и его учеников, в научных исследованиях языка, истории, фольклора, литературы, как и в практических вопросах языкового строительства, в секторе языка и истории, и в филиале в целом, была создана атмосфера нетерпимости ко всему тому, что не увязывалось и не согласовывалось с “новым учением” о языке Н.Я. Марра. И на этой ложной, ошибочной, немарксистской позиции держались мы все» [Л.22.]. Сектор языка и истории в ходе заседания признал, что венцом всех заблуждений и ошибок была марровская сессия, проведенная в феврале 1950 г., на которой изложена была, как бы оформившаяся в секторе идейная и методологическая позиция, как результат перестройки [Л.23.]. Действительно, 2-3 февраля 1950 г. в Коми филиале АН СССР с большим размахом прошла юбилейная сессия, посвященная 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти академика Н.Я. Марра, в рамках работы этой сессии Сидоров сделал большой доклад, в котором высоко оценил научное наследие Марра [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д.128. Л. 1-25]. В рассматриваемый период положение сектора и его сотрудников, несомненно, отражает общее состояние, которым характеризовалась работа на «языковедческом фронте». Живы в памяти заседания ученого Совета, профессиональных организаций, на которых пытались восстановить общественность, и не безуспешно, против представителей сравнительно-исторической школы в языкознании (имеется в виду компания против Бубриха) [Ф. 1. Оп.1. Д.190. Л.31.]. Языковедческая дискуссия 1950 г. положила конец методологической неразберихе [Л.35.].

Через два года (январь 1952 г.) в Сыктывкаре состоялось совместное научное совещание Института языкознания АН СССР и Коми филиала АН СССР по вопросам языкознания [Ф.1. Оп.1. Д.162.]. На заседаниях присутствовали представители партийных и советских организаций республики, представители братских республик (23 чел.), преподаватели коми языка и литературы средних школ г. Сыктывкара и Коми АССР (68 чел.), представители Коми издательства и творческих организаций республики, научные сотрудники Коми филиала АН (82 чел.), преподаватели и студенты Коми педагогического института (52 чел.), всего 375 участников. В рамках этого совещания происходило развенчание марровского «нового учения о языке», его всесторонняя критика.

Трагедия А.С. Сидорова заключалась в том, что к концу своего пути в науке он был вынужден публично отречься от своего учителя, признать неверным его учение и оправдываться перед общественностью, почему он попал под пагубное влияние учения Марра. В своем докладе «Пути развития коми литературного языка» Сидоров отмечал: «Первый этап развития коми письменности проходил с большими трудностями.

Немногочисленность кадров работников языка и культуры, низкая у большинства из них общенаучная и общественно-политическая подготовка, мелкобуржуазное окружение, пережитки капитализма и сознание самих авторов, влияние марризма привели к тому, что на первом этапе в практике работы по развитию коми письменности и литературного языка был допущен ряд извращений националистического характера. [...] Немалую, и причем очень вредную, роль и в этом деле сыграл марризм, с его вульгарно-материалистическими принципами [Д.162. Л.54-55]. <...> Особенно яркое выражение ошибочные и вредоносные установки Марра о языке получили в антимарксистском понимании языка как надстройки над экономическим базисом, в антиисторическом положении о едином глоттогоническом процессе, в отрицании закономерностей развития отдельных языков и их групп, в отрицании постепенного и медленного изменения языка и в признании внезапных изменений в языке в виде взрыва в результате механического стереотипного скрещения языков. Большой вред причинил марризм в области теории, так как вульгарно-материалистические положения учения Марра проводились аракчеевскими методами не только в центре, но и в Коми АССР. Для борьбы с марризмом коми лингвисты были в значительной мере безоружны, так как они сами находились под значительным влиянием учения Марра. В частности, автор данного доклада положение о надстроечности языка считал марксистским. Вследствие влияния марризма исследователи языка оказались не в состоянии своевременно помочь литературному языку в изжитии имеющихся недостатков» [Д.162. Л.70-71].

На теоретико-методологические подходы А.С. Сидорова наложила отпечаток, прежде всего, революционная эпоха, в которой творил ученый. В начале XX в. наука провозглашалась всемогущей, обладающей мощной социально-преобразующей силой, способной воздействовать на все сферы жизнедеятельности общества. Специфика исследовательской лаборатории А.С. Сидорова проявляется во взаимовлиянии и взаимопроникновении лингвистической и этнологической проблематики, от синтаксиса к проблемам логики и мышления, а затем к системе традиционного мировоззрения и идеологии древнего населения. По мнению ученого, предложение и его развитие представляется в следующем виде. Первоначально предложением был единый звуковой комплекс с значением имени, членораздельно не разделявшийся на части, на морфемы и на отдельные звуки. Не было ни членов предложения, ни частей речи. Раньше всего выделялось местоимение, сначала возвратное, а затем личное, которые стали сопоставляться, сочетаться с именем. При этом местоимение заменяло сначала не имя существительное, а коллектив в лице его тотема [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 128. Л.5.].

Реконструкция взглядов А.С. Сидорова с позиции современного исторического знания представляет научный интерес, поскольку на его примере можно проследить как краеведческие исследования, обладав-

шие собственной методологией, перешли в русло академической науки. Занятия этнографией и историей материальной культуры помогли А.С. Сидорову стать глубоким исследователем, который одним из первых начал применять семантический метод в анализе традиционной культуры коми. Трагедия ученого состояла в том, что он поддался влиянию популярного «учения» Марра, в основе которого лежала идея перестройки науки и нового общества. В судьбе Сидорова отразилась судьба целого поколения советских ученых гуманитариев 1930–1950-х гг., которые были вынуждены работать в условиях жесткого идеологического давления, а зачастую сами искренне верили в принципы марксизма-ленинизма и считали метод диалектического материализма единственно верным в деле революционного преобразования действительности.

Список сокращений

НА КомиНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар.

Архивные материалы и другие источники

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 1-846.

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 1-328.

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 111. Стенограмма объединенного заседания сектора общего языкознания и сектора финно-угорских языков Института языка и мышления АН СССР, 18 мая 1949 г. (1949).

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д.126. Алатырев В.И. Н.Я. Марр и изучение финно-угорских языков (1950) // Тезисы докладов на конференции, посвященной 15-летию со дня смерти и 85-летию со дня академика Н.Я. Марра.

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 154. Супинский А.К. Новое учение о языке академика Н.Я. Марра и его значение в исследованиях по истории материальной культуры (1950).

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.1. Д.190. Протокол №7. О работе заседания Совета при Президиуме Коми филиала АН СССР, посвященного итогам свободной дискуссии по языкознанию и задачам Филиала в свете статей товарища И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам языкознания». 28-29 июля 1950 г.

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.1. Д.162. Материалы научного совещания по вопросам языкознания, проведенного в г. Сыктывкаре с 29 января по 1 февраля 1952 г. Институтом языкознания (Москва) и Коми филиалом АН СССР.

НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.19. Д.229. Личное дело. А.С. Сидоров (1953).

Сидоров А.С. и др. Программа по историко-этнографическому изучению коми народа. Усть-Сысольск, 1924. 76 с.

Сидоров А.С. Твердый порядок расположения слов в предложении коми языка (1947) // НА Коми НЦ УрО РАН Ф.1. Оп.11. Д.100.

Сидоров А.С. «Как образовались слова то́дны «узнать, знать» и кывны «чувствовать»» (1949) // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 112.

Сидоров А.С. Идеология древнего населения (1950) // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.13. Д.13.

Сидоров А.С. Семантика изображений пермского звериного стиля (1950) // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.13. Д.15.

Сидоров А.С. Новое учение о языке Н.Я. Марра в свете диалектического и исторического материализма // Доклады сотрудников сектора языка, литературы и истории, прочитанных на юбилейной сессии Коми филиала АН СССР, посвященной 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти академика Н.Я. Марра (2-3 февраля 1950 г.) Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.11. Д. 128.

Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб., Изд-во «Алетейя», 1997.

БИБЛИОГРАФИЯ

- IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию со дня рождения А.С. Сидорова. Тезисы докл. / Сыктывкарский гос. ун-т. Сыктывкар, 1992. 111 с.
- Алпатов В.М.* Актуально ли учение Марра // Вопросы языкознания. 2006. №1. С. 3-15.
- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., Наука. 1991. 240 с.
- Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968. 295 с.
- Бурлыкина М.И.* А.С. Сидоров. Жизнь и творчество. Сыктывкар: ГУ РК «Редакция журнала «Арт», 2007. 336 с.
- Бурлыкина М.И.* Ученый-энциклопедист А.С. Сидоров: Жизнь и творчество. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та. 2007. 498 с.
- Васильева С.* Судьба энциклопедиста в России. Вступительная статья // Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб.: «Алетейя», 1997. 269 с.
- Васильев Я.В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. Т. 2 (VIII). СПб.; М., 2001.
- Волишинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-Пресс Ltd., 1995. 380 с.
- Гамкрелидзе Т.В.* Об одной лингвистической парадигме // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 3-7.
- Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975. 148 с.
- Жеребцов И.Л.* Общество изучения Коми края // Историко-культурный атлас Республики Коми / сост. Э.А. Савельева. М.: Дрофа. 1997. С. 384-385.
- Жеребцов И.Л., Цыганов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, Коми научный центр УрО РАН РАН. Серия «Люди науки». Вып. 9., 1995. 52 с.
- Илизаров Б.С.* К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 179-213.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т.2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 704 с.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. 3. М.: Искусство, 1974. 550 с.
- Малкова Т.А.* Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX в. (1901-1945 гг.). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. 2008. 180 с.
- Миронова Н.П., Филитова Т.П.* Теоретико-методологические основания исследовательской лаборатории А.С. Сидорова // Научное наследие Алексея Семеновича Сидорова и современное гуманитарное знание. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.С. Сидорова (26-27 октября 2012 г., г. Сыктывкар). С. 37-43.
- Новый энциклопедизм: материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета 15 февраля 2013 года / отв. ред. Вл. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 80 с.
- Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 304 с.
- Роцесская Л.П.* Наука в деятельности Общества изучения Коми края // Известия Общества изучения коми края. 2012. Вып.12. С. 5-11.
- Роцесская Л.П.* Обзор архивных материалов финно-угроведа А.С. Сидорова // LINGUISTICA URALICA. XXXVI. 2000. №1. С. 50-54.
- Роцесская Л.П., Жеребцов И.Л.* Наука // История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 2004. С. 154-167.
- Савоскул С.С.* Этнографическое краеведение 1920-х гг. (по материалам Переяславля-Залесского) // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. Ч. 4. С. 45.
- Самарин А.В.* Аракчеевский режим в Коми филиале АН СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГА, мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25-29 октября 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 81-85.
- Самарин А.В.* Хронология начала академических исследований Коми края // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010 № 1. С. 113-116.
- Сталин И.В.* Марризм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.

- Терюков А.И. А.С. Сидоров и Академия наук // IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию со дня рождения А.С. Сидорова. Сыктывкар. 1992. 111 с.
- Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми / А.И. Терюков; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. 514 с.
- Туркина Т.Ю. Коллекция предметов зооморфных мотивов в собрании Национального музея Республики Коми: альбом-каталог. Сыктывкар, 2012. 84 с.
- Усть-Сысольское отделение Архангельского общества изучения Русского Севера (1910-1917 гг.). Документы / Сост. Роцевская Л.П., Бровина А.А. (Коми научный центр УрО РАН). Сыктывкар, 2011. 40 с.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., Наука. 1984. 238 с.
- Цыпанов Е., Жеребцов И. Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // Советское финно-угроведение. 1990. №4. С. 306-313.
- Шmidt С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1.
- Этнография и фольклор коми. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1972. 175 с.

REFERENCES

- IV simpozium po permskoi filologii, posvyashchennyi 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Sidorova. Tezisy dokl. / Syktyvkarskii gos. un-t. Syktyvkar, 1992. 111 s.
- Alpatov V.M. Aktual'no li uchenie Marra // Voprosy yazykoznanija. 2006. №1. S. 3-15.
- Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. M., Nauka. 1991. 240 s.
- Beznosikov Ya.N. Kul'turnaya revolyutsiya v Komi ASSR. M.: Nauka, 1968. 295 s.
- Burlykina M.I. A.S. Sidorov. Zhizn' i tvorchestvo. Syktyvkar: GU RK «Redaktsiya zhurnala «Art», 2007. 336 s.
- Burlykina M.I. Ucheniy-entsiklopedist A.S. Sidorov: Zhizn' i tvorchestvo. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkarskogo un-ta. 2007. 498 s.
- Vasil'eva S. Sud'ba entsiklopedista v Rossii. Vstupitel'naya stat'ya // Znakharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi. Materialy po psikhologii koldovstva. SPb.: «Aleteiya», 1997. 269 s.
- Vasil'kov Ya.V. Tragediya akademika Marra // Khristianskii Vostok. Novaya seriya. T. 2 (VIII). SPb.; M., 2001.
- Voloshinov V.N. Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: Asta-Press Ltd., 1995. 380 s.
- Gamkrelidze T.V. Ob odnoi lingvisticheskoi paradigme // Voprosy yazykoznanija. 2005. № 2. S. 3-7.
- Gribova L.S. Permskii zverinyi stil'. M.: Nauka, 1975. 148 s.
- Zherebtsov I.L. Obshchestvo izucheniya Komi kraja // Istoriko-kul'turnyi atlas Respubliki Komi / sost. E.A. Savel'eva. M.: Drofa. 1997. C. 384-385.
- Zherebtsov I.L., Tsypanov E.A. Aleksei Semenovich Sidorov. Syktyvkar, Komi nauchnyi tsentra UrO RAN RAN. Seriya «Lyudi nauki». Vyp. 9., 1995. 52 s.
- Ilizarov B.S. K istorii diskussii po voprosam yazykoznanija v 1950 godu // Novaya i noveishaya istoriya. 2004. № 5. S. 179-213.
- Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka. T.2. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 704 s.
- Losev A. F. Istoriya antichnoi estetiki. T. 3. M.: Iskusstvo, 1974. 550 s.
- Malkova T.A. Nauchnye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoi polovine XX v. (1901-1945 gg.). Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. 2008. 180 s.
- Mironova N.P., Filippova T.P. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovatel'skoi laboratorii A.S. Sidorova // Nauchnoe nasledie Alekseya Semenovicha Sidorova i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sb. statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Sidorova (26-27 oktyabrya 2012 g., g. Syktyvkar). S. 37-43.
- Novyi entsiklopedizm: materialy konferentsii Instituta fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta 15 fevralya 2013 goda: sb. nauch. trudov / otv. red. Vl. A. Lukov. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2013. 80 s.
- Oni lyubili krai rodnoi. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1993. 304 s.

- Roshchevskaya L.P. Nauka v deyatel'nosti Obshchestva izucheniya Komi kraja // Izvestiya Obshchestva izucheniya komi kraja. 2012. vyp.12. S. 5-11.
- Roshchevskaya L.P. Obzor arkhivnykh materialov finno-ugroveda A.S. Sidorova // LINGUISTICA URALICA. XXXVI. 2000. №1. S. 50-54.
- Roshchevskaya L.P., Zherebtsov I.L. Nauka // Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka. T. 2. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo, 2004. S. 154-167.
- Savoskul S.S. Etnograficheskoe kraevedenie 1920-kh gg. (po materialam Pereyaslavlya-Zalesskogo) // IX Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2011. S. 45.
- Samarin A.V. Arakcheevskii rezhim v Komi filiale AN SSSR v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh gg. // Istoriya i perspektivy razvitiya severnykh regionov Rossii: rol' GULAGA, memori-al'naya deyatel'nost'. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Syktyvkar, 25-29 oktyabrya 2011 g.). Syktyvkar, 2011. Ch. 2. S. 81-85.
- Samarin A.V. Khronologiya nachala akademicheskikh issledovaniy Komi kraja // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. 2010 № 1. S. 113-116.
- Stalin I.V. Marrizm i voprosy yazykoznaniya // Pravda. 1950. 20 iyunya.
- Teryukov A.I. A.S. Sidorov i Akademiya nauk // IV simpozium po permskoi filologii, posvyashchennyi 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Sidorova. Syktyvkar. 1992. 111 c.
- Teryukov A.I. Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi / A.I. Teryukov; Ros. akad. nauk, Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2011. 514 s.
- Turkina T.Yu. Kolleksiya predmetov zoomorfnykh motivov v sobranii Natsional'nogo muzeya Respubliki Komi: al'bom-katalog. Syktyvkar, 2012. 84 s.
- Ust'-Sysol'skoe otdelenie Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa (1910-1917 gg.). Dokumenty / Sost. Roshchevskaya L.P., Brovina A.A. (Komi nauchnyi tsentr UrO RAN). Syktyvkar, 2011. 40 s.
- Frankfort G., Frankfort G.A., Uilson Dzh., Yakobsen T. V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka. M., Nauka. 1984. 238 s.
- Tsyanov E., Zherebtsov I. Lingvisticheskie issledovaniya Obshchestva izucheniya Komi kraja // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1990. №4. S. 306-313.
- Shmidt S.O. «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya // Otechestvo. Kraevedcheskii al'manakh. M., 1990. Vyp. 1.
- Etnografiya i fol'klor komi. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSSR. Syktyvkar, 1972. 175 s.

Миронова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН; sidnap@mail.ru

A.S. Sidorov (1892–1953): the destiny of the scholar in a dialogue with time

This paper discusses the legacy of A.S. Sidorov, a researcher of the Komi language and culture. The interaction of linguistic and ethnological problems is demonstrated in the works by A.S. Sidorov: from the syntax to issues of logic and thinking in the ancient popular ideology. Active participation in the Komi regional studies was important for the establishment of A.S. Sidorov's research laboratory. The emphasis is placed on the analysis of N.Y. Marr's Japhetic theory and its influence on A.S. Sidorov's ethnological and linguistic studies, the role of ideological factors in the work of scholars of 1920-1950 is discussed.

Keywords: A.S. Sidorov, theoretical and methodological foundations, regional studies, encyclopedic learning, marrism.

Natalia Mironova, Department of Interdisciplinary Researches in the Humanities, Komi Research Centre, Ural Division of the Russian Academy of Sciences; sidnap@mail.ru

Ю. С. ОБИДИНА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРЕКО-РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ АНТИЧНОГО И ХРИСТИАНСКОГО МИРОВ

Статья посвящена проблемам взаимодействия традиционной греко-римской культуры и христианских идей. Рассматривая наиболее показательные в данном плане заимствования и взаимовлияния, автор предлагает пересмотреть традиционную полярность в отношении античной культуры и христианской духовности, акцентируя внимание на античных и христианских ментальных установках как способе сохранения исторической и культурной идентичности, как для античного мира, так и для христианства. Показано, что современные подходы к изучению взаимовлияния античности и христианства носят однонаправленный характер и не затрагивают сути самого явления, которое нуждается в пересмотре в свете вызовов современности.

Ключевые слова: античная культура, христианство, идентичность, исторический миф, культурный миф, античная философия.

Став достоянием греков и римлян, христианство восприняло многие элементы античной культуры, и это обстоятельство традиционно находилось в центре внимания многих исследователей¹. Однако вызовы современности, требующие новых решений, формирование нового образа исторической науки, заставляют сменить перспективу². Речь в первую очередь идет об адаптации этноса к новым условиям и сохранении своей идентичности в условиях социокультурного кризиса, следствием которого для греков и римлян стало распространение новой религии. Греки и римляне, оказавшись в этих условиях, стремились противостоять размыванию традиционных ценностей, всеми силами сохраняя свои культурные, в первую очередь мифоритуальные, практики. Поскольку именно инокультурное окружение позволяет в большей степени ощутить свою этничность (а греки это уже хорошо ощутили на себе в эпоху эллинизма), воспроизведение архаической модели мировосприятия становится объективным фактом. В основу этой модели положен общий исторический миф, который у греков был неотделим от мифологических представлений. Трансформация культурных форм и практик, происходящая во время распространения христианства на территории Римской империи, позволила в переломные моменты истории не только утвердиться новой религии, но и сохранить свою идентичность традиционной античной культуре, а трансформация этнического сознания стимулировала

¹ Беляев 2000; Вуннер 1954; Егорова 2004; Кураев 1998; Зелинский 1995; Вундт 1916; Целлер 1986; Geerts 1966.

² Ретина 2011. С. 7.

процесс культурных изменений. Все вместе это породило стратегию выживания и саморазвития в контексте социокультурного кризиса. Взаимодействие греко-римской культуры и раннего христианства, таким образом, стало действенным «механизмом» (инструментом) сохранения идентичности, как для эллинского, так и для христианского мира. Поэтому именно эти процессы предлагается рассмотреть подробнее.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы, во-первых, попытаться пояснить основные причины, вызвавшие случаи слияния первоначальной евангельской проповеди с элементами античной культуры для самосохранения идентичности всех участников этого процесса. Во-вторых, проследить пути, которыми происходило это слияние.

Стремясь к системной организации и выработывая устойчивые основы религиозной жизни, христианство, приняв в свое лоно множество народов, не могло выступить всецело самостоятельным явлением и охотно делало заимствования отовсюду, где только находило подходящий материал. Но если христианство нуждалось в формах и искало их в области античной культуры, то, с другой стороны, последняя стремилась навязать ему свои приобретения, накопленные веками, запуская механизм адаптации. Сознание греков и римлян не было похоже на *tabula rasa*, на которой можно было написать все, что угодно. Оно было наполнено богатым содержанием, питалось философией, наукой, блестящей литературой, сложными религиозными представлениями. Такая сложная внутренняя жизнь не могла без борьбы уступить свое место новым идеям, принесенным со стороны. В сознании грека и римлянина, заложенном вековым наследием родного прошлого, должна была возникнуть борьба между старым, укоренившимся мирозерцанием, и вновь внедряющимися религиозными элементами, тем самым запуская механизмы трансляции исторического и культурного мифа.

Ко времени распространения христианства философия сделала уже достаточно для миропонимания греков и римлян. Именно она и приняла удар на себя. Каким образом происходило слияние религиозной мысли с философией и какое влияние оказывало оно на чистоту религиозных представлений, к сожалению, ответить нельзя из-за недостаточности исторического материала. Способы сближения между христианством и философией, и характер влияния последней на вероучение были неодинаковы. Иногда инициатива сближения шла со стороны религиозной мысли, и в этом случае философское заимствование лишь точнее выражало и закрепляло в сознании то, что возникло помимо него. Нередко заимствование, сделанное намеренно представителями церкви и вводящее в сознание верующих идею, по-видимому соответствующую данным религиозного опыта, оказывало совершенно непредвиденное воздействие на вероучение силой своих логических последствий³. Кроме

³ Кураев. 1998.

того, можно наблюдать, как философская идея насильственно вторгается в верующее сознание и производит в нем глубокие изменения, причем интенсивность ее влияния сама по себе не определяет его ценности.

Первый способ был делом практической необходимости. Гораздо сложнее – второй процесс. История показывает, что необходимо довольно продолжительное время, чтобы однажды воспринятая или самостоятельно возникшая идея исчерпала до конца свое содержание. Достаточное фактическое оправдание для такого обобщения дает судьба философских школ и направлений. Подобный же, своего рода диалектический, процесс часто совершенно независимый от доброй воли единицы, наблюдается и в истории христианской мысли.

Во II в. христианские апологеты выступают с критикой политеизма⁴, демонстрирующей довольно широкую эрудицию, подбор интересных фактов, доказывающих разнообразие культов, смертность богов, чудовищность их внешнего вида, их безнравственность, списки изобретений, полученных греками от варварских народов, длинные перечисления случаев плагиата философов, поэтов и историков, собрание изречений древних мыслителей. Свой материал апологеты могли бы извлечь из сочинений древних философов, так как борьба против народной религии велась последними издавна. Не меньшую услугу им могли бы оказать ученые труды таких исследователей истории религии, как Аполлодор⁵. Однако проблема в том, что вся эта обширная литература им не была известна непосредственно. Они пользовались материалом уже переработанным и приспособленным к целям религиозной полемики, черпая его из энциклопедий, разного рода компендиумов, составленных позднейшими представителями эпикурейской, скептической, стоической школ и отражающих их споры по вопросам религии. Таким образом, заимствования, сделанные апологетами из сокровищницы древней мысли, были поверхностны, не касались сущности вероучения и давали лишь литературный материал. Но вместе с материалом они не могли не заимствовать и метода религиозной критики. В то время как простой народ, оставаясь в религиозном отношении на одном уровне с творцами древних мифов, не ощущал никакой дисгармонии между идеей божества и теми существами, жизнь которых под именем богов воспевали поэты, начиная с Гомера, передовая часть общества сделала значительные успехи. В ее сознании идея божества, по мере морального и философского развития, очищалась и наполнялась более глубоким нравственным и метафизическим содержанием. Когда с этой точки зрения мыслители взглянули на мифологические образы, то пришли к их отрицанию. В глазах первого критика религиозных преданий Ксенофана⁶, Бог – существо, неизмеримо

⁴ Ранние отцы церкви. 1988.

⁵ Аполлодор. 1993.

⁶ Фрагменты ранних греческих философов. 1989.

превышающее человека своим совершенством, не имеющее органов восприятия, не испытывающее усталости, не передвигающееся с места на место. Исходя из этого представления о Боге, Ксенофан не мог не смотреть с сожалением на смертных, полагающих, что боги, подобно им рождаются, носят такую же одежду, имеют такое же тело и голос. И перед этим голосом, восставшим против традиции, ее защитники располагали единственным средством – аллегорическим толкованием мифов, позволяющим объявить все соблазнительное простым символом моральных и метафизических истин. На эту точку зрения встали стоики, но встретили отпор со стороны другой философской школы – эпикурейцев.

Описанный метод опровержения мифов вполне усвоили христианские апологеты⁷. Для них исходной точкой было стоико-платоническое понятие о Боге, дополненное чертами нравственного совершенства, заимствованными из Евангелия. Прилагая этот критерий к политеизму, они приходили к заключению, что все объекты языческого культа недостойны имени богов. В то же время, признавая достоверность мифических сказаний и не позволяя стирать их прямой смысл при помощи аллегорического толкования, они отождествили богов с демонами. Однако, приняв этот метод религиозной критики, его уже трудно было удержать в первоначальном виде. Очень скоро он получил совершенно неожиданное применение. Подойдя с теми же критериями и приемами к Ветхому Завету, Маркион⁸ сделал вывод, что закон и провозгласившее его существо не имеют ничего общего с Евангелием и Богом, в нем открывшимся. Маркион сохраняет уверенность в полной достоверности повествований Ветхого Завета и решительно выступает против его аллегорического толкования. С понятием о боге, извлеченном из Евангелия, он приступил к критике Ветхого Завета и отверг его. Свое сравнение Ветхого и Нового Заветов он изложил в своем сочинении «Антитезы». Евангелие запрещает месть (Мф. 5, 38-39), Ветхий Завет предписывает ее. Христос любил детей, Бог Ветхого Завета наслал медведиц, которые растерзали 42 ребенка, смеявшихся над лысиной пророка Елисея (4 Ц., 1). Христос порицал учеников, просивших свести огонь с неба на селение, отказавшее им в гостеприимстве, Бог Ветхого Завета по молитве Илии дважды ниспослал на небо огонь и попалил два отряда посланцев царя Охозии (4 Ц., 9-13). Евангелие запрещает красть (Римл. II, 21), а Бог Ветхого Завета сам приказал евреям выманить у египтян золотые сосуды (Исх. XII, 12-35). Бог Евангелия всемогущ и всеведущ, Бог Ветхого Завета нисходит, чтобы посмотреть, что делает Адам и что происходит в Содоме.

К таким же опасным выводам склонило церковную мысль заимствование из философии Филона идеи Логоса, как посредника между Богом и миром. Эта идея у Филона вытекала из совершенно чуждого

⁷ Ранние отцы церкви. 1988.

⁸ Отцы и учителя церкви III в. 1988.

Новому Завету отвлеченного понятия о Боге⁹. Бог, по возвышенности своей природы, не имеет ничего общего с миром. Для него было бы унижительно непосредственно создать мир и управлять им. Поэтому в своей творческой и промыслительной деятельности Бог пользуется Логосом, как орудием и посредником. В религиозном сознании христиан были представления, которые могли способствовать принятию ими филоновского учения о Логосе-посреднике. Спасение, на котором сосредотачивался весь интерес верующего христианина, по существу дела возводилось к личности Христа, возвестившего Евангелие, пострадавшего за грешный мир, воскресшего и, по вознесении на небо, мистически действующего в душе искупленных. Искупление совершено по воле Бога Отца, но через Иисуса Христа. Он – посредник спасения. Эта всецело религиозная идея, которой не чужд был и космологический элемент – представление об участии Сына Божьего в творении мира, – имеет нечто общее с философским понятием Логоса как метафизического посредника между Богом и миром. Христианская мысль перенесла черты филоновского Логоса на божественную природу Христа. Логические выводы из этой философии привнесли в христианскую философию тонкий политеизм. Цепь внутренне связанных между собой тезисов философии Филона вошла в сознание христианских мыслителей со всеми своими предпосылками и логическими выводами. Приняв учение о метафизическом посреднике между Богом и миром, христианская мысль не могла отвергнуть и отвлеченного понятия о Боге как Существо, удаленном от мира и не могущем непосредственно действовать в нем, ведь только это понятие оправдывало бытие Логоса–посредника. А из этого вытекало представление о низшей природе Сына Божьего. Если сам Бог не может открываться и действовать в мире по величию своей природы, а Логос, как посредник, действует в мире, то Божество последнего мыслится менее полным, чем Божество Отца. Так как далее учение о Духе Святом развивалось по аналогии с учением о Логосе, то третье лицо Св. Троицы было естественно поставить в такое же отношение ко второму, как второе к первому. В результате получалось три Бога — один самый высший и два подчиненных Ему, а также и один другому. Как дальнейшее следствие пришлось подменить библейскую идею единства Божьего понятием монархии или единовластия (характерно, что христианские писатели доникейского периода, выступая против языческого политеизма, говорят не о единстве Божьем, а о монархии)¹⁰. Троица едина в том же смысле, в каком нераздельна монархия в государстве, управляемом одним императором через одного или многих подчиненных ему цезарей¹¹.

⁹ Филон. 2000.

¹⁰ Известен целый трактат против многобожия, связанный с именем Иустина мученика, под заглавием *De monarchia*, и сочинение св. Иринея против гностика Флорина с тем же заглавием (*Euseb. Hist. Eccles. V, 20*). *Евсевий*. 1993.

¹¹ Tert. Adv. Prax. 3, 8.

Но это уже не христианский монотеизм, а философский плюрализм Цельса и Порфирия, посредством которого они отвергали упрек в политеизме, обращенный к ним со стороны христиан¹². Такое представление о единстве Божьем – результат увлечения философией Филона – было свойственно главным образом христианским ученым. У писателей, менее затронутых философским влиянием, преобладает строгое понятие о единстве Бога. Особенно показательна в этом отношении малоазийская литература: послания Игнатия Антиохийского и Поликарпа Смирнского, апокрифы апостолов, сочинения св. Иринея¹³. В учении образованных богословов о Логосе–посреднике религиозное чувство верующих инстинктивно ощущало нечто чуждое себе и улавливало в нем политеистический оттенок. Именно в двоебожии обвиняли Тертуллиана и Ипполита их противники, и этот упрек исходил из среды простых христиан, не знавших философии или не желавших считаться с ней¹⁴. Можно проследить исторически, как постепенно все более обнаруживались логические выводы из идеи Логоса–посредника, и как соответственно усиливалось противодействие ей со стороны людей, представлявших интересы веры. У апологетов II в. они лишь слабо намечаются, у Тертуллиана и Ипполита они выражены яснее, но и протесты в лице монархиан, церковного большинства и пап Зеферина и Каллиста становятся громче. Ориген проводит намеченную линию до конца, но в лице своего ученика подвергается горячему осуждению со стороны папы Дионисия¹⁵. Арий впадает в крайность, и в арианстве христианский монотеизм одерживает окончательную победу над философским плюрализмом богословов.

Таким образом, древняя философия оказывала наибольшее воздействие на христианство не частными своими положениями, а общим направлением мышления, привычным способом восприятия и оценки вещей, трансляцией исторического и культурного мифа. Все это, сказываясь в каждом отдельном пункте хорошо продуманной философской системы, приобретает особенную устойчивость силой повторения и глубоко западает в сам механизм мышления. Отрешиться от этой привычки чрезвычайно трудно, а между тем она налагает свою печать на каждое новое впечатление, на всякую вновь полученную идею. Примером такого влияния навыка мышления на религиозные представления может служить изменение первохристианского понятия о Боге, а с ним и формы религиозного настроения, под воздействием философии.

Бог – творец мира и спаситель человека. То и другое связано между собой, но внимание религиозной мысли может останавливаться преимущественно на какой-то одной стороне, причем другая, не исчезая

¹² Origen, *Contra Cels*, VIII, 2.

¹³ Ранние отцы церкви. 1988.

¹⁴ Tert. *Adv. Prax.* 3; Hippolit, *Philosoph.* IX, 11, 12.

¹⁵ Ориген. 2001.

вовсе из поля сознания, остается на его периферии. Это перенесение центра тяжести на тот или иной элемент в понятии о Боге не является изменой христианству, а представляет лишь индивидуальную форму его переживания. Ветхий Завет предполагает, что Бог – творец мира и Господин его, что он владеет всеми стихиями, но традиции и уклад жизни иудея направляли его мысли и чувства к тому, чтобы видеть в Иегове не столько Бога природы, сколько Бога истории, стоящего в совершенно исключительном отношении к своему народу. Иегова избрал его праотцов и выделил из среды других народов, умножил народ свой, освободил от рабства египетского, оказывал ему тысячи благодеяний на пути в землю обетованную, покорил ему все народы, населявшие ее, создал царство под властью Давида и Соломона, воспоминания о котором никогда не исчезали из благодарной памяти Израиля. Легко вообразить характер религиозного настроения, связанного с представлениями такого рода.

Подобными чертами характеризуется религиозное настроение первых христиан и их понятие о Боге. От иудейского оно отличалось лишь своим универсализмом. Первые христиане чувствовали себя особым народом, который составил из всех народов земли. Апологеты разделяют людей на четыре народа: варваров, эллинов, иудеев и христиан.

Но в греческой жизни и религиозном мышлении не было соответствующего опыта, не было традиций и быта, которые соответствовали бы этому новому понятию о Боге и этой форме благочестия. Монотеизм греческого мира – это не плод исторического сознания, а завоевание философской мысли, восходящей от множественности чувственных восприятий к единству принципа и первопричины путем обобщения и абстракции, а это в свою очередь привело к тому, что философское понятие о Боге вылилось в форму абстракта, из которого можно вывести все противоположности, и получило космический характер.

Взаимодействие языческих и христианских элементов в рамках античного культурного пространства способствовало не только утверждению новой религии, но и сохранению традиционных элементов через трансляцию идей нового культа. Этот процесс был чрезвычайно сложным и противоречивым, и никоим образом не может трактоваться в рамках узких концепций. Мы отметили лишь некоторые элементы, принятие или неприятие которых позволило перенести решение насущных мировоззренческих проблем в общее культурное поле, найти общий язык, избежать жесткой конфронтации между традиционными языческими верованиями, религиозными установками, философскими системами и новыми идеями. Однако, на наш взгляд, изучение механизмов адаптации античного мировоззрения и христианского мировосприятия в условиях социокультурного кризиса II–III вв. н.э. позволит другими глазами взглянуть на процесс превращения христианства в мировую религию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Изд. подг. В.Г. Борухович. М.: «Ладомир», Наука, 1993. 214 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2014. 1376 с.
- Деяния апостолов // *Мецгер Б.* Текстология Нового Завета. М.: ББИ, 1999. 405 с.
- Евсевий Памфил*. Церковная история / Богословские труды Московский патриархат. М., 1982-1985. Сб. 23–25 [репр.: М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993].
- Ипполит Римский*. Опровержение всех ересей (отрывок) / Пер. С.Г. Карпука // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / Сост. и примеч. Г.А. Тароняна. М.: Ладомир. 2007. С. 274.
- Клемент Александрийский*. Строматы: Пер. с примечаниями Н. Корсунского. Ярославль: В тип. Губернской земской управы, 1890. 348 с.
- Ориген*. О началах. Против Цельса. СПб.: Библиополис, 2008. 792 с.
- Отцы и учителя церкви III в. Антология. М.: Наука, 1996. 412 с.
- Ранние отцы церкви. Антология. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1988. 508 с.
- Татиан*. Увещание к эллинам // Ранние отцы церкви. Антология. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1988. 508 с.
- Тертуллиан*. Против Праксея. / Пер. группы студентов Российского Православного ун-та под ред. А. Фокина // Альфа и Омега. М., 2001. № 1–2 (27–28).
- Тертуллиан Квинт Септимий Флорент*. Избранные сочинения / Пер. И. Маханькова, Ю. Панасенко, А. Столярова, Н. Шабурова, Э. Юнца. Сост. и общ. ред. А.А. Столярова. М.: Прогресс-Культура, 1994. 448 с.
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс*. Против Маркиона в пяти книгах / Пер. А.Ю. Братухина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. 576 с.
- Тертуллиан*. Избр. соч. / пер. с лат. и общ. ред. А.А. Столярова. М.: Прогресс-культура, 1994. 443 с.
- Филон Александрийский*. Толкования Ветхого Завета / Вступ. ст. Е.Д. Матусовой, пер. и комм. А.В. Вдовиченко, М.Г. и В.Е. Витковских, О.Л. Левинской, И.А. Макарова, А.В. Рубана. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. 452 с.
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подг. А. В. Лебедев. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.

Литература

- Беляев Л.А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб.: Алетейя, 2000. 575 с.
- Виттнер Р.Ю.* Культура античности и христианство // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 35–47.
- Вундт М.* Греческое мировоззрение. Пер. с нем. Ф.Д. Капеллюша / Под ред. М.Н. Шварца. Пг.: «Огни», 1916. 166 с.
- Егорова Л.Е.* Христианство и языческий мир: диалог и антогонизм // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2004. № 3. С. 98–109.
- Зелинский Ф.Ф.* Соперники христианства. СПб.: Алетейя, 1995. 407 с.
- Кураев А.* Раннее христианство и переселение душ. М.: Б. и., 1998. 336 с.
- Капустин М.С.* Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). М.: Мысль, 1984. 222 с.
- Оргии В.П.* Античная философия и происхождение христианства. Минск: Наука и техника, 1986. 182 с.
- Мецгер Б.* Текстология Нового Завета. М.: ББИ, 1999. 405 с.

- Обидина Ю.С. Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар–Ола: Изд-во МарГУ, 2007. 288 с.
- Пантелеев А.Д. Религиозная терпимость и нетерпимость в Риме во II–III вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 5. СПб., 2006. С. 405–418.
- Преображенский П. Сочинения древних христианских апологетов. СПб.: Алетейя, 1999. 947 с.
- Раннехристианские апологеты II–IV вв. М.: Ладомир, 2000. 189 с.
- Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1950. 479 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Румянцев Н. Языческие Христы. Античные предшественники христианства. М.-Л.: Гос. изд-во. 1-я образцовая типография, 1932. 192 с.
- Сагарда Н. И. Лекции по патрологии. I–IV века / Под общ. и научн. ред. диакона А. Глущенко и А.Г. Дунаева. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. 796 с. («Лекции по патрологии. I–IV века»).
- Целлер Э. Очерк истории греческой философии Целлера: пер. с нем. М.: Наука, 1986. 308 с.
- Чистович И. Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. СПб.: Б. и., 1871. 211 с.
- The Cambridge history of later Greek and early medieval philosophy / Ed. by A.H. Armstrong. Cambridge, 1970. 603 p.
- Geerts C. Religion as Cultural System // Antropological Approaches to the Study of Religion / Ed. M. Banton. Cambridge, 1966. P. 10–24.
- Harnack Adolf von. Marcion: The Gospel of the Alien God. Trans. John E. Steely and Lyle D. Bierma. Labyrinth Press, 1990. 136 p.

REFERENCES

- Beljaev L.A. Hristianskie drevnosti: vvedenie v sravnitel'noe izuchenie, SPb, Aletejja, 2000, 575 p.
- Vipper R.Ju. Kul'tura antichnosti i hristianstvo, *Voprosy istorii*, 1954, No 9. pp. 35–47.
- Vundt M. Grecheskoe mirovozzrenie, Per. s nem. F.D. Kapelljusha, Pod red. M.N. Shvarca, Pg. «Ogni», 1916, 166 p.
- Egorova L.E. Hristianstvo i jazycheskij mir: dialog i antogonizm, *Vestnik MGU. Serija 7, Filosofija*, 2004, No 3, p. 98–109.
- Zelinskij F.F. Soperniki hristianstva, SPb, Aletejja, 1995, 407 p.
- Kuraev A. Rannee hristianstvo i pereselenie dush, M, B. i., 1998, 336 p.
- Kapustin M.S. Osobennosti jevoljucii religii (na materialah drevnih verovanij i hristianstva), M, Mysl', 1984, 222 p.
- Orgish V.P. Antichnaja filosofija i proishozhdenie hristianstva, Minsk, Nauka i tehnika, 1986, 182 p.
- Mecger B. Tekstologija Novogo Zaveta, M, BBI, 1999, 405 p.
- Obidina Ju.S. Predstavenija o bessmertii dushi v kul'ture drevnej Grecii: stanovlenie, jevoljucija, transformacija v hristianskoe voskresenie, Joshkar–Ola, Izd-vo MarGU, 2007, 288 p.
- Panteleev A.D. Religioznaja terpmimost' i neterpmimost' v Rime vo II-III vv., *Mnemon*, Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira, Pod red. Je.D. Frolova, Vyp. 5, SPb., 2006, p. 405–418.
- Преображенский П. Сочинения древних християнских апологетов, SPb, Aletejja, 1999, 947 p.
- Раннехристианские апологеты II–IV вв., М., Ладомир, 2000, 189 p.
- Ранович А.В. Первоисточники по истории раннего христианства, Античные критики христианства, М., Политиздат, 1950, 479 p.

- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv., M., Krug#, 2011, 560 p.
- Rumjancev N. Jazycheskie Hristy. Antichnye predshestvenniki hristianstva, M., L., Gos. izd-vo. 1-ja obrazcovaja tipografija, 1932, 192 p.
- Sagarda N. I. Lekcii po patologii. I–IV v., Pod obshh. i nauchn. red. diakona A. Glushhenko i A. G. Dunaeva, M., Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2004, 796 p. («Lekcii po patologii. I–IV veka»).
- Celler Je. Oчерk istorii grecheskoj filosofii Celler, per. s nem., M., Nauka, 1986, 308 p.
- Chistovich I. Drevnegrecheskij mir i hristianstvo v otnoshenii k vo-prosu o bessmertii i budushhej zhizni cheloveka, SPb., B. i., 1871, 211 p.
- The Cambridge history of later Greek and early medieval philosophy, Ed. by A.H. Armstrong, Cambridge, 1970, 603 p.
- Geerts C. Religion as Cultural System, *Antropological Approaches to the Study of Religion*, Ed. M. Banton, Cambridge, 1966, p. 10–24.
- Harnack Adolf von. Marcion: The Gospel of the Alien God, Trans. John E. Steely and Lyle D. Bierma, Labyrinth Press, 1990. 136 p.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Мариийского государственного университета; basiley@mail.ru

Interaction of Greco-Roman culture and Early Christianity as a saving mechanism of identity of the Antique and Christian worlds

The author addresses the issues of interaction of the traditional Greco-Roman culture and the Christian ideas. The author considers the most revealing mutual borrowing, proposes to revise the traditional polarity against the culture of antiquity and Christian spirituality, and focuses on ancient and Christian mental facilities as a way of preserving the historical and cultural identity, for both the ancient world and Christianity. It is shown that current approaches to the study of the mutual influence of antiquity and Christianity are unidirectional and do not affect the essence of the phenomenon, which needs to be reviewed in light of the challenges of our time.

Keywords: ancient culture, Christianity, identity, historical myth, cultural myth, ancient philosophy

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Department of World History, Mari State University, basiley@mail.ru

ЛЕЧЕНИЕ И ЗАБОТА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ В ФОКУСЕ ГУМАНИТАРНО-МЕДИЦИНСКИХ ДИСКУССИЙ¹

Бурное развитие медицинского знания, начавшееся во второй половине XX в., сопровождается непрекращающимися дискуссиями, в ходе которых наряду с врачами принимают участие представители различных направлений гуманитарной мысли. За прошедшие десятилетия участникам этих дискуссий удалось артикулировать целый ряд проблем, вызванных медицинским прогрессом. Предлагаемая статья фокусируется на наиболее значимых идеях, касающихся медицинского технократизма, гуманизации медицинского образования, необходимости изучения альтернативного медицинского опыта и опыта самих пациентов, фундаментального раскола медицинской практики на лечение и уход, порождающего глубокие этические проблемы.

Ключевые слова: гуманитарно-медицинские дискуссии, технократизм, альтернативный медицинский опыт, пациентский опыт, лечение, забота

В 1950-е гг. во всех индустриально развитых странах мира серьезно возросли государственные расходы на содержание национальных систем здравоохранения, что привело к быстрому росту возможностей медицины. Возросло число медицинских работников, и медицинская помощь стала более доступной. Благодаря появлению новых вакцин были достигнуты успехи в профилактике таких опасных болезней, как оспа, полиомиелит и др., а массовое применение антибиотиков – в лечении широкого спектра инфекционных заболеваний. Внедрение новых медицинских технологий привело к новым стандартам диагностики и лечения, а использование аппаратов искусственного жизнеобеспечения позволило сохранять жизнь пациентам, оказавшимся в критических, «пограничных» состояниях. Бесспорные успехи медицины усилили общую веру в научно-медицинский прогресс, а в медицинском сообществе укрепился технократический стиль мышления и представления о важности технически изощренной медицинской практики.

На рубеже 1960–70-х гг. эпидемиологи, медицинские социологи и демографы указали на возникновение новой социально-демографической тенденции: продолжительность жизни в развитых странах выросла, а основной причиной смертности стали болезни сердца, рак, диабет и другие хронические заболевания. Специалисты заговорили о начале очередного «эпидемиологического перехода». В новой ситуации биомедицинская модель оказания помощи, связанная с оперативными вмешательствами, вакцинациями и назначением ударных доз антибиотиков, оказалась поставлена под вопрос. Рост числа пациентов с хроническими заболеваниями выявил недостаточность тех подходов, которые были хороши

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-03-00348.

при решении проблемы острых инфекционных заболеваний. Врачи все чаще были вынуждены констатировать свою неспособность полностью вылечить пациентов и указывали на необходимость непрерывного контроля над протеканием конкретного хронического заболевания, сопровождающегося периодами «обострения» и «ремиссии». Кроме того, врачи были вынуждены признать, что в подавляющем большинстве случаев причинами распространения хронических заболеваний и их «обострений» в конкретных случаях оказываются образ жизни пациентов, их культурное окружение и социально-экономический статус.

Данные обстоятельства привели к тому, что уже на исходе 1960-х отдельные администраторы и лидеры медицинского сообщества пришли к выводу о том, что сложившаяся медицинская практика столкнулась с серьезным вызовом, на который необходимо искать ответ. В свою очередь, некоторые интеллектуалы-гуманитарии попытались артикулировать основные проблемы развития современной медицины, сосредоточившись как на анализе их причин, так и на поиске путей их решения. Эта совместная озабоченность породила волну гуманитарно-медицинских дискуссий, захватившую разные страны. Начавшись несколько десятилетий назад, они не утихают до сих пор. Целый ряд вопросов, затронутых в ходе этих дискуссий, сохраняет свое значение и сегодня. В рамках данной статьи будут рассмотрены лишь некоторые из них.

Критика технократизма и гуманизация медицинского образования

В 1970-е гг. гуманитарно-научная и медицинская общественность стран Северной Америки и Западной Европы активно включилась в публичные обсуждения вопросов, касающихся развития медицины, здравоохранения, прав пациентов и т.п. Ведущие представители философии, социологии, истории, социокультурной антропологии, а также медицинские теоретики в один голос заговорили о проблемах, порожденных стремительным прогрессом в области медицинского знания. Количество появившихся с этого момента научных публикаций по данным вопросам уже не представляется возможным измерить².

Одной из самых первых проблем, на которую обратили внимание участники дискуссий, оказалось чрезмерное увлечение врачей новыми медицинскими технологиями, стремление решать свои профессиональные проблемы чисто техническими средствами – используя разнообразные приборы и оборудование, назначая сильно действующие лекарства, прибегая к оперативным вмешательствам. С особой силой критика медицинского технократизма развернулась в США, где на протяжении всего столетия уделялось повышенное внимание технологическому оснащению медицинских учреждений, и врачи чаще всего склонялись к агрессивным моделям лечения и диагностики³. Критика медицинского

² Zola 1972; Foucault 1973; Conrad 1976; Illich 1976; Navarro 1976; и др.

³ Пейер 2012. С.135-162.

технократизма в США соединилась с попытками осмыслить «биомедицинскую модель», которая утвердилась в медицине в XX веке. Наряду с гуманитариями важный вклад в эту критику внесли и врачи, главным образом, психиатры, педиатры и врачи общей практики.

Американский врач-психиатр Дж. Энгель в середине 1970-х гг. был первым, кто попытался перенести дискуссию об опасностях медицинского технократизма в публичное пространство, он стал активно выступать перед разными аудиториями, а также публиковать статьи в ведущих научных изданиях. По мнению Энгеля, современная медицина остро нуждается в новой модели, которая могла бы улучшить работу врачей и их отношения с пациентами. Медики в больницах и университетах привыкли опираться на биомедицинскую модель, которая с середины XX в. все более основывается на данных биохимии. С этих позиций они привычно редуцируют страдания пациентов до уровня отклоняющихся от нормы биологических изменений, определяемых как «заболевания». Однако при этом не принимаются в расчет ни психологические, ни социальные факторы этих страданий, которые не менее серьезно воздействуют на состояние пациентов, чем изменения на биологическом уровне. Чтобы преодолеть этот упрощенный взгляд, Энгель предложил использовать всеохватную модель, которую он назвал «биопсихосоциальной моделью». Перейдя к новой модели, медики смогут преодолеть границы современной биомедицины, лучше понимая природу заболеваний и содержание помощи, которую они способны оказать. Но в чем заключаются причины приверженности медиков и всей медицины биомедицинской модели? По мысли Энгеля, это вызвано тем, что биомедицина является не только наукой, но и догмой. Культурная значимость биомедицины в западном мире столь велика, что не только медики, но и подавляющее большинство людей просто не замечают того, что медицинское знание и медицинская мысль определяют все стороны нашего мышления. В поисках истины наука легко отказывается от одной теоретической модели в пользу другой, но биомедицина, по сути, догматизирует собственную теоретическую модель. Оптимистично глядя в будущее, Энгель предположил, что биомедицина сможет избавиться от своих недостатков. При помощи наиболее критически мыслящих врачей и при поддержке ученых-гуманитариев, она должна стать биопсихосоциальной медициной⁴.

Вслед за Энгелем вердикт о торжестве медицинского технократизма был высказан и многими другими участниками дискуссии, в т.ч. за пределами США. Впечатляющую оценку сложившейся ситуации дал британский врач-психиатр К. Хеммингс. «Медицина потеряла из своего поля зрения личность пациента и его опыт болезни. Она неадекватно отвечает на потребности пациентов в поиске смысла. Собираание медицинских историй постепенно деградирует как искусство. Все больше

⁴ Engel 1977. P.129-136.

доверия возлагается на технические процедуры и анализы. Вместо психосоциальных вмешательств научная медицина зациклена на технологической фиксации данных. Лечение считается более важным, чем уход. Пациентов ремонтируют как машины, что также ведет к дегуманизации докторов. Повсюду существует увлеченность квантификацией, объективацией и измерением. Собранные биологические данные считаются более реальными и клинически значимыми и не считаются связанными с психосоциальными данными, которые, как правило, игнорируются»⁵.

Российские медики включились в дискуссию позднее, со схожими аргументами. Один из ведущих отечественных педиатров Н.П. Шабалов на первых страницах своего учебника для студентов медицинских вузов так обрисовал ситуацию: «Одной из характерных черт медицины нашего времени является широкое распространение и внедрение в обучение (студентов, врачей) и клиническую практику всевозможных диагностических и лечебных алгоритмов, протоколов, стандартов, разработанных на основе принципов «доказательной медицины» и утвержденных международными, национальными консенсусами, съездами и т.д. Положительные стороны этого очевидны: ускорилось и стало более точным выявление патологии, появился непрерывный контроль ее динамики – мониторинг, увеличилась безопасность медицинских вмешательств, средний уровень медицинской помощи возрос и стал доступнее для большего количества пациентов, уменьшилась частота явной иатрогении и пр. Однако при этом неуклонно увеличивается отчуждение врача от больного; сокращаются психологический контакт между пациентом и медицинским работником, размышления врача у постели больного; теряется индивидуальный подход к лечению конкретного человека. Врач все больше лечит не больного, а болезнь, что увеличивает частоту неочевидной иатрогении»⁶. Схожее мнение высказал и один из лидеров российской реаниматологии и первопроходец в области «медицины критических состояний» А.П. Зильбер: «Благодаря техницизму... расширилась курабельность и операбельность больных, повысились диагностические возможности медицины и, следовательно, результаты ее усилий. Но техницизм еще больше сократил возможности психологического контакта с больным, потому что между больным и врачом взгромоздились комплексы аппаратов – взгромоздились в прямом и переносном смысле»⁷.

Размышляя о причинах засилья технократизма в современной медицине, некоторые исследователи правомерно указывали, что его истоки следует связывать с особенностями медицинского стиля мышления – «медицинской философии», восходящей корнями к новоевропейскому картезианству. Важный вклад в становление технократического стиля

⁵ Hemmings 2005. P. 92.

⁶ Шабалов 2003. С. 3.

⁷ Зильбер 2006. С. 48.

мышления внесла также промышленная революция, которая привела к формированию в медицинском сознании особого мифа о технократической трансценденции – веры в то, что с помощью технологий врачи могут преодолевать границы природы, включая старость и смерть⁸.

Пожалуй, наиболее убедительные идеи были высказаны теми исследователями, которые связали проблему медицинского технократизма со спецификой современного медицинского образования. Ф. Юсман и Дж. Уорнер обратили внимание на то, что вплоть до начала XIX в. в образовании будущих врачей присутствовала серьезная гуманитарная подготовка, медики черпали знания из философии и истории медицины, а главным местом, где они обучались, была библиотека. Позднее студенты-медики перебрались в клинические больницы и лаборатории, а гуманитарную литературу им заменили эксперименты и тесты⁹. Идея о том, что современным поколениям докторов не хватает гуманистического начала в образовании, посещала многих медицинских администраторов и руководителей медицинских вузов, но в силу разных управленческих, культурных и политических причин исправить ситуацию оказалось возможным отнюдь не везде. Поэтому особого внимания заслуживают те примеры, где эту проблему попытались решить за счет введения курсов гуманитарных дисциплин в программы медицинского образования.

В 1967 г. в США в г. Херши, Пенсильвания, был открыт медицинский колледж, появление которого символизировало перемены в американском медицинском образовании. Его декан Дж. Харрелл считал, что будущие выпускники должны быть ориентированы на ценности гуманистической медицины и способны понимать, как влияет образ жизни, семья и поведение на состояние здоровья человека. Первыми были созданы кафедры семейной и коммунальной медицины, наук о поведении и гуманитарных наук. Преподаватели гуманитарных наук первоначально занимались со студентами только по трем дисциплинам – религии, истории и философии науки. Кафедра *medical humanities* (гуманитарно-медицинских дисциплин) была первой в мире академической структурой такого рода¹⁰. В июне 1973 г. в США была создана еще одна такая структура, но большего масштаба – Институт гуманитарных наук в медицине при медицинском отделении Техасского университета в Галвестоне. У его истоков стояли историк медицины Ч. Бернс и философ У. Тристрам Энгельгардт. Студентам-медикам стали читать курсы по литературе, искусству, праву, религии, истории медицины и философии¹¹. В 1970-е гг. образовательные программы по гуманитарным наукам в медицине были введены в других американских университетах – Огайо (1974), Ил-

⁸ Davis-Floyd, St John 1998. P. 259.

⁹ Huisman, Warner 2004. P. 5.

¹⁰ Hawkins, Ballard, Hufford 2003. P. 1001-1005.

¹¹ Hudson Jones, Carson 2003. P.1006-1009.

линойсе (1976), Мичигане (1977), Нью-Йорке (1978). К 2003 г. они действовали в 26-ти университетах США. Преподавание *medical humanities* велось также в Канаде, Аргентине, Германии, Швейцарии, Англии, Швеции, Хорватии, Норвегии¹². В России введение курсов по медико-гуманитарным дисциплинам произошло в самом начале 1990-х гг. Первой такой дисциплиной стала биоэтика – область знания, пришедшая на смену медицинской этике (в СССР – медицинской деонтологии)¹³.

Преподавание гуманитарно-медицинских дисциплин в вузах дало шанс на гуманистический ренессанс в медицинском образовании в развитых странах. Оценить, насколько этот шанс удалось реализовать, до сих пор пока крайне сложно. Несмотря на очевидные успехи энтузиастов *medical humanities* как в плане образования, так и в плане издания талантливых научных работ, засилье технократизма в современной медицине продолжает иметь место. Именно поэтому критика медицинского технократизма, уже с позиций весьма респектабельного гуманитарно-медицинского знания, продолжается до сих пор. Хороший пример – сравнительно недавняя книга Й. Сайферта с провокационным названием: «Философские болезни медицины и их лечение». Ее автор, католический философ и позднее создатель Международных академий философии в США (1980) и Лихтенштейне (2004), заявляет: «Медицина не может быть сведена к ее научным и техническим аспектам, но при этом образующие ее философские аспекты в настоящее время пребывают в кризисе. Медицина обладает философским и этическим измерением. Она превращается в анти-медицину, если не служит целям, которые ей присущи изначально. Лишь философия, а не естествознание, способна их прояснить. Если медицинская теория и практика основывается на ошибочных целях, то медицина страдает от «философских болезней» различной степени тяжести. Их лечение заключается в критике философских ошибок, влияющих на ее теорию и практику, и в осмыслении и практическом осуществлении этически релевантных целей». Согласно Сайферту, философия должна восполнить пробелы в современном медицинском образовании, напомнить врачам о том, что они являются не ремесленниками, а научно подготовленными целителями, которые призваны служить семи благим целям: спасению человеческой жизни, сохранению здоровья, уменьшению боли, заботе о телесной целостности и др. Сегодня эти цели являются объектом драматичного свободного выбора врача¹⁴.

Альтернативный медицинский опыт

В рамках дискуссий о современном состоянии медицины врачи и гуманитарии указали еще на целый ряд проблем, среди которых: усиливающийся разрыв между медицинским знанием и медицинской практи-

¹² Dittrich 2003. P.951-1038.

¹³ Михель И.В. 2015. С.6-12, 115-129.

¹⁴ Seifert 2004.

кой, т.е. разрыв между возможностями докторов знать и объяснять и их возможностями лечить и оказывать помощь; возрастающая стоимость современной медицины, особенно биомедицинских исследований, и вытекающая из этого малодоступность дорогостоящих форм медицинской помощи для малообеспеченных пациентов; недостаточная эффективность медицинской помощи, вызванная сложностью реальных социальных и культурных условий, в которых приходится работать медикам в ходе взаимодействия с пациентами и их окружением. В связи с этим на повестку дня был поставлен вопрос о том, какие еще средства, кроме гуманизации медицинского образования, позволили бы изменить сложившийся порядок вещей, сделав медицинскую помощь более эффективной, а пациентов более удовлетворенными ею. Некоторые врачи, а среди гуманитариев – медицинские антропологи, указали на необходимость изучения и использования альтернативного медицинского опыта, т.е. опыта других медицинских систем, отличных от западной биомедицины с характерным для нее культом технических инноваций.

Важным шагом на пути к изучению альтернативного медицинского опыта стало внимание лидеров медицинского сообщества и гуманитариев развитых стран к народным системам врачевания, существующим по всему миру, что привело к ряду научно-образовательных и культурных инициатив и к развитию специализированных исследований по комплементарной и альтернативной медицине (КАМ). Начало было положено в 1978 г., когда во время международной конференции по вопросам первичной медико-санитарной помощи была принята «Алма-Атинская декларация», ставшая одним из самых значительных международно-правовых документов в области здравоохранения. В числе прочих идей в ней имелся тезис о возможности привлечения в качестве медицинских помощников так называемых «народных лекарей»¹⁵.

Спустя два десятилетия мировое медицинское сообщество решительно повернулось к миру альтернативных медицинских практик. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала «Общее руководство по методологиям научных исследований и оценке народной медицины» (2000 г.), в котором акцент был сделан на оценке растительных лекарственных средств и лечебных процедур, применяемых в различных направлениях народной медицины, а также специально был затронут вопрос об оценке их безопасности и эффективности¹⁶. Год спустя по инициативе ВОЗ был подготовлен обширный обзор о распространении в различных частях света практик народной и неконвенциональной медицины, а также даны важные терминологические определения, на базе которых предлагалось вести обсуждение этих вопросов. В частности, для обозначения биомедицины эксперты ВОЗ предложили исполь-

¹⁵ Primary Health Care. 1978. P.4-5.

¹⁶ Общее руководство. 2000.

зовать термин «аллопатическая медицина», а для практик отличных от нее – «народная», «комплементарная» и «альтернативная медицина». «Народная медицина» широко распространена в развивающихся странах, т.е. в таких частях света, как Африка, Азия, Латинская Америка и Океания, а «комплементарная» и «альтернативная медицина» в развитых странах Европы, Северной Америки и в Австралии. Эксперты ВОЗ определили народную медицину как «включающую различную связанную со здоровьем практику, подходы, знания и верования, а также медикаментозные средства, растительные, животные и/или минеральные по своей природе, спиритуальную терапию, мануальную терапию и упражнения, используемые по отдельности или в сочетании, для поддержания благополучия, а также лечения, диагностики и профилактики болезней». «Комплементарная медицина» - это совокупность медицинских практик, которые дополняют официальную «аллопатическую медицину» и обычно регулируются государством. В их числе – Аюрведа, китайская традиционная медицина, хиропрактика, гомеопатия и т.д. «Альтернативная медицина» - те направления врачевания, которые обычно ускользают от государственного контроля, но распространены в обществе, в связи со спросом отдельных групп на духовное и магико-религиозное врачевание. «Комплементарная» и «альтернативная медицина» (КАМ) образуют «неконвенциональную медицину», причем КАМ может содержать в себе все те же элементы, что и «народная медицина»¹⁷.

В том же 2001 г. ВОЗ приняла важный документ, в котором была сформулирована ее официальная политика в отношении народной медицины на предстоящее пять лет. В принятой «Стратегии» были поставлены основные задачи для стран-членов организации, обусловленные необходимостью «обеспечить наибольшие преимущества в области здравоохранения для наибольшего числа людей» в условиях ограниченности ресурсов¹⁸. В 2003 г. в Женеве состоялась 56-я сессия высшего руководящего органа ВОЗ – Всемирной Ассамблеи Здравоохранения, на которой также был рассмотрен вопрос об отношении к народной медицине. Признавая значимость всех ранее принятых резолюций и текст «Стратегии», Ассамблея одобрила основные цели в области народной медицины «по разработке политики, повышению безопасности, эффективности и качества, обеспечению доступа и содействию рациональному использованию»¹⁹. Вслед за Женевскими документами 2003 г. по инициативе ВОЗ был принят еще ряд решений, указывающих на растущее стремление мирового медицинского сообщества активно использовать опыт разных форм медицинского знания и традиций врачевания²⁰.

¹⁷ Legal Status of Traditional Medicine. 2001. P.1-4.

¹⁸ Стратегия ВОЗ в области народной медицины. 2001.

¹⁹ Народная медицина. 2003. С.2.

²⁰ Михель Д.В. 2014. С. 32-39.

Изменение позиции мирового медицинского сообщества и ВОЗ как его руководящего органа по отношению к народной медицине на рубеже XX–XXI вв. невозможно объяснить сиюминутными конъюнктурными интересами докторов. Этот поворот во многом был предопределен позицией населения в разных странах, которое на исходе XX в. стало активно пользоваться препаратами и методами КАМ. Анализируя популярность неконвенциональной медицины на Западе, эксперты ВОЗ отмечали, что в 1990-е гг. число обращений к практикам КАМ значительно выросло, как и объем продаж препаратов натурального происхождения, ассоциируемых с КАМ²¹. Те же тенденции были отмечены в 1990-е гг. в России, где колоссальную популярность приобрели различные натуральные препараты и биологически активные добавки. В статистике ВОЗ отмечалось, что популярность КАМ и народной медицины в равной мере растет в развивающихся и в развитых странах. К началу 2000-х гг. в Африке народную медицину использовали до 80% населения, а в Китае она по своему объему достигала 40% всех оказанных медико-санитарных услуг. В то же самое время процентный показатель для населения, которое хотя бы один раз обращалось к КАМ, составлял 48% в Австралии, 70% в Канаде, 42% в США, 38% в Бельгии и 75% во Франции²².

Обсуждая причины популярности народной медицины в развивающихся странах, специалисты ВОЗ указывали на тот простой факт, что численность медицинских работников повсеместно уступает числу народных целителей. При этом популярность народной медицины у населения вызвана ее ассоциацией с религиозными системами и традиционным доверием населения к местным врачевателям. В то же время причины популярности КАМ в развитых странах, где численность медицинских работников весьма высока, были совсем другими. Эксперты ВОЗ отметили, что популярность КАМ на Западе обусловлена, прежде всего, высоким уровнем распространения хронических заболеваний и тем фактом, что КАМ дает пациентам более приемлемые средства, чем официальная биомедицина. Эксперты также обратили внимание, что в развитых странах отмечается низкое количество жалоб на целителей КАМ по сравнению с жалобами пациентов на биомедиков, чьи методы, как правило, отличаются инвазивностью.

Растущая популярность КАМ в развитых странах вызвала соответствующую реакцию со стороны правительств. В середине 1990-х гг. парламент Норвегии рассмотрел вопрос о наилучшем способе включения КАМ в национальные службы здравоохранения. В 1999 г. парламент

²¹ В Великобритании рынок растительных и гомеопатических средств и масел для ароматерапии с 1992 по 1996 г. вырос на 41%. В США с 1997 по 1998 г. уровень продаж такого натурального препарата, как усло Святого Джона, используемого против депрессии, вырос на 2800%, а общий объем продаж натуральных препаратов за тот же период – на 3,87 млрд. долларов. Ernst. 2000. P. 252.

²² Стратегия ВОЗ в области народной медицины. 2001. С. 1-2.

Великобритании поставил перед правительством вопрос о выделении средств на изучение возможностей КАМ с позиций доказательной медицины. С середины 1990-х гг. в Великобритании и США сильно возросло количество медицинских факультетов, где будущим докторам начали преподаваться курсы КАМ. В 1992 г. в США было создано Отделение альтернативной медицины в Национальных институтах здравоохранения, а в 1999 г. на его основе – Национальный центр по комплементарной и альтернативной медицине. Администрация президента США создала специальную комиссию по альтернативной медицине, ответственную за разработку законодательных и административных рекомендаций для получения максимальной пользы от КАМ для общества. В 1999 г. Парламентская ассамблея Европейского союза призвала государства-члены ЕС содействовать официальному признанию КАМ на медицинских факультетах, содействовать ее использованию в стационарах, стимулировать докторов изучать КАМ на университетском уровне. В конце 1990-х гг. Европейское агентство по оценке медицинских изделий развернуло активную работу по вопросам качества, безопасности и эффективности лекарственных средств растительного происхождения²³.

Поворот официального здравоохранения в развитых странах в сторону народной/неконвенциональной медицины побудил многих исследователей задаться вопросом о релевантности «традиционных медицинских культур» системе первичной медицинской помощи. Особенно активно включились в обсуждение этого вопроса медицинские антропологи, имевшие серьезный опыт в изучении медицинских традиций в различных культурах. Они показали, что народная медицина не является системой примитивных верований и случайных приемов лечения; некоторые формы народной медицины весьма эффективны, и не следует отказываться от их использования; формы народной медицины различаются между собой по способам производства и распространения знания; народная медицина способна к развитию и интеграции с современной медициной. Антропологи предложили отказаться от ставшего привычным противопоставления «традиционной» и «современной» медицины²⁴. Они также пришли к пониманию, что системы, прежде считавшиеся «традиционными», на самом деле вполне «историчны» и открыты влияниям со стороны процессов модернизации и прогресса. Как и предполагалось, многие представители медицинских систем в развивающихся азиатских странах довольно скоро начали адаптировать отдельные элементы западной биомедицины. Врачи китайской традиционной медицины и врачеватели Аюрведы стали носить белые халаты, использовать термометры, делать своим пациентам инъекции, пользоваться рентгеновскими установками и т.д. Между тем, и в развитых странах – Европе,

²³ Стратегия ВОЗ в области народной медицины. 2001. С. 19.

²⁴ Dunn 1976. P. 136.

России, США и Канаде - с 1990-х гг. в некоторых медицинских учреждениях стали широко использоваться различные приемы диагностики и лечения, характерные для других медицинских традиций. Широко распространилась акупунктура, пульсовая диагностика, ароматерапия, различные виды физиотерапевтических упражнений, спа-процедуры и т.д.

Отмечая способность различных направлений народной медицины к развитию и интеграции с биомедициной, антропологи заговорили о феномене медицинского плюрализма. Исходная мысль состояла в том, что в сложных обществах с характерным для них этнокультурным разнообразием медицинский плюрализм является неизбежным явлением. Впервые феномен медицинского плюрализма попал в поле зрения медицинских антропологов, когда они начали изучать разнообразные медицинские традиции в Азии, но некоторое время спустя медицинский плюрализм был открыт и в условиях развитых стран на Западе. Х. Баер представил развернутое научное исследование о медицинском плюрализме в наиболее индустриально развитой стране мира - США²⁵.

Исследования культурных, социальных, экономических аспектов медицинского плюрализма не оставило вне поля зрения антропологов вопрос о том, какую роль в его существовании играет позиция самих пациентов. Изучение этого вопроса в Африке привело к важному открытию о том, что медицинский плюрализм является антиподом более глубокого явления, которое было названо «медицинским синкретизмом». В частности, было отмечено, что множественность медицинских традиций обеспечивается не столько в реальности, сколько в сознании пациентов. Для простых африканцев было вполне естественно всякий раз делать четкий выбор в пользу того или иного вида медицинской практики. Если речь шла о необходимости решения личной или социальной проблемы, отождествляемой с психическим расстройством, то пациенты не искали дорогостоящих услуг психиатров, а обычно прибегали к помощи местного колдуна. Если было необходимо лечить инфекционное заболевание или требовалась хирургическая помощь, они обычно отправлялись в больницу, где обращались за помощью к дипломированному врачу. Таким образом, было показано, что пациенты, как правило, всегда действовали прагматично и демонстрировали способности к одновременному использованию различных способов сохранения здоровья²⁶.

Некоторые медицинские антропологи считают, что исследования разных медицинских систем и медицинского плюрализма, на самом деле, не имеют большого значения. Если занять позицию пациента, исповедующего медицинский синкретизм, то ему на практике приходится иметь дело не столько с разными медицинскими системами, сколько с различными видами болезней, с каждой из которых связан свой тип вра-

²⁵ Baer 2001.

²⁶ Pool, Geissler 2005. P. 44-45.

чевателей. Плюрализм иерархических медицинских систем – следствие медицинского, но не пациентского взгляда на вещи²⁷. Тем не менее позиция теоретизирования «снизу», с точки зрения пациента, имеет большое число приверженцев среди современных антропологов. При этом она не только имеет значение для развития медико-антропологической теории, но и вполне актуальна для нужд практического здравоохранения. Она позволяет объяснять причины размытости границ между биомедициной и другими моделями оказания медицинской помощи, их гибридизацию и открытость социокультурным трансформациям.

Пациентский опыт

В 1970-е гг. в свете дискуссий о состоянии медицины их участники не могли не обратиться к вопросу о том, какое место в сфере медицинской практики занимает сам пациент. Постановка этой проблемы ознаменовала возвращение пациента в современную культуру и оказалась едва ли не самым значительным достижением этих дискуссий.

Похоже, первым затронул этот вопрос М. Фуко, который в книге «Слова и вещи» (1966) предрек «смерть субъекта» в будущей системе западного научного знания. Хотя к медицине сам Фуко этот вывод не применял, в другой своей знаковой книге, посвященной именно становлению современной западной медицины, он недвусмысленно намекнул на то, что субъект в медицине давно исчез. В самом начале XIX в., когда во Франции происходило формирование современного медицинского знания, медицина из «слушающей» превратилась в «наблюдающую»; в ней утвердился особый «клинический взгляд», который исключал необходимость иметь дело с рассказами больных о себе, но допускал обращение только с отчетливо наблюдаемыми фактами²⁸.

В 1976 г. британский социолог Н. Джюсон подтвердил тезис Фуко, опубликовав знаменитую статью о том, как в западной медицине всего за одно столетие произошло подлинно драматическое событие: из т.н. «медицинской космологии» полностью исчез пациент, и его место заняли данные клинического наблюдения (организм больного человека), а затем и данные технически изолированного биомедицинского знания²⁹. Доктора теперь почти не расспрашивают больных, концентрируя внимание на т.н. «объективных методах исследования», предпочитая рассказам своих пациентов данные, предоставляемые лабораторией и измерительными приборами. Исчезновение пациента из поля медицинского восприятия, логичнее всех обоснованное в статье Джюсона, впоследствии стало не только темой ученых дискуссий, но вошло в более широкое пространство культурной рефлексии. Отражением ее стал знаменитый американский телесериал «Доктор Хаус» (2004–2012 гг.), главный герой которого

²⁷ Last 1981. P. 387-392.

²⁸ Фуко 1998. С. 166-189.

²⁹ Jewson 2009. P. 622-633.

врач-диагност Грегори Хаус выступает как фигура, олицетворяющая последовательно антигуманистическую позицию. Излюбленная формула доктора Хауса гласит: «Все лгут». Ее суть означает, что доктору не следует доверять словам пациента ни при каких обстоятельствах. Верить можно только свидетельствам холодного медицинского разума.

С середины 1970-х гг. регулярные попытки возвращения пациента в поле гуманитарно-медицинского знания стали предпринимать медицинские антропологи, прежде всего, представители знаменитой Гарвардской школы, в которую вошла целая группа антропологов и врачей, исповедующих принципы гуманистической и культурно-ориентированной психиатрии. На страницах созданного ими журнала «Culture, Medicine and Psychiatry» они начали публиковать свои аналитические работы, посвященные осмыслению пациентских (популярных) представлений о медицинских проблемах и более широкой проблематике пациентского опыта.

Врач-психиатр Л. Айзенберг первым попытался проанализировать различия между профессиональными представлениями врачей и «популярными» представлениями пациентов. Он смог сделать это, установив ставшее принципиальным для всех медицинских антропологов методологическое различие между «заболеванием» и «болезнью»: «пациенты страдают от болезни, врачи диагностируют и лечат заболевание»³⁰. По Айзенбергу, «заболевание» выступает особой биомедицинской категорией, с помощью которой врачи определяют состояние плохого здоровья у пациента. Руководствуясь биомедицинской моделью, они соотносят его с расстройством того или иного органа или биологическим отклонением от нормы в целом. Напротив, «болезнь» выступает выражением непрофессиональных, популярных представлений о плохом здоровье, фиксируя внимание на самочувствии и неспособности больного выполнять свои повседневные обязанности. Иначе говоря, «болезнь» соотносится с психосоциальными аспектами существования индивида.

Приняв введенное Айзенбергом различие между «заболеванием» и «болезнью», гарвардские медицинские антропологи акцентировали внимание на двух способах медицинской реакции на них. Они обозначили их как «лечение» (curing) и «исцеление» (healing). Лечение, широко применяемое в рамках биомедицины, представляет собой вмешательство, нацеленное на устранение патологии в органах и исправление физического или биохимического дефекта. Исцеление, характерное для некоторых направлений в психиатрии и широко применяемое во всех этнических традициях врачевания, выступает как влияние на представления и поведение пациента различными средствами, принятыми в этой культуре. Оно считается культурно опосредованным воздействием.

Наиболее видный представитель Гарвардской школы, врач-антрополог А. Клейнман пришел в своих исследованиях к пониманию того,

³⁰ Eisenberg 1977. P. 11.

что лечение – многомерный терапевтический процесс, который наряду с собственно лечением (наложением рук и инструментов), должен включать общение между врачом и пациентом, согласование их представлений («объяснительных моделей»), использование слов, символов и ритуалов³¹. Коммуникация между врачом и пациентом в процессе лечения важна в двух отношениях: во-первых, она позволяет достигать непосредственного терапевтического эффекта, во-вторых, она позволяет пациенту придать смысл осуществляемым медицинским вмешательствам³². «Там, где лечится только заболевание, помощь может быть менее удовлетворительной для пациента и клинически менее эффективной, чем там, где заболевание и болезнь лечатся вместе»³³. Идея о терапевтическом аспекте коммуникации между врачом и пациентом привела Клейнмана к еще одному важному выводу: для пациентов с серьезными хроническими заболеваниями, а также для пациентов, длительно пребывающих в медицинских стационарах и испытывающих серьезные страдания из-за своей болезни, их собственные рассказы имеют большое значение – как моральное, так и терапевтическое. Вспоминая о работе в ожоговом центре, где ему пришлось иметь дело с тяжело пострадавшей девочкой-пациенткой, Клейнман в своей наиболее известной работе о пациентском опыте пишет, что ее рассказы о собственном страдании серьезно облегчали ей боль; но этого совершенно не было тогда, когда другие врачи и медсестры отказывались выслушивать ее истории³⁴. Поставив на повестку дня вопрос о пациентских рассказах (нарративах), Клейнман указал дорогу и другим исследователям, которые занялись систематическим изучением пациентских историй и пациентского опыта в целом.

Британский врач общей практики С. Хельман, глубоко усвоивший идеи Гарвардской школы, активно использовал их в своей лечебной работе и в качестве антрополога. По замечанию самого Хельмана, антропологический опыт и живое общение с пациентами, как у них дома, так и в кабинете врача, помогли ему больше, чем многие часы, потраченные на освоение трудных медицинских теорий. Согласно Хельману, способность выслушать пациентов и усвоить их далекие от профессиональных взглядов представления о простуде, вирусах и микробах, почти всегда помогали ему добиться лучших результатов, чем он мог рассчитывать³⁵.

В США активную роль в изучении пациентского опыта сыграла также доктор Р. Шэрон, с ее идеей создания особой «нарративной медицины». Начиная с 1980-х гг. она подчеркивала важность подробнейшее документирование и анализа рассказываемых больными историй. Она и

³¹ Kleinman 1980.

³² Csordas, Kleinman 1990. P. 11-25.

³³ Kleinman, Eisenberg, Good 2006. P. 146.

³⁴ Kleinman 1988. P. X-XII.

³⁵ Helman 1978. P.107-137; 1981. P. 548-552; 2007.

ее единомышленники рассматривали «нарративную медицину» как инструмент для стимула врачей к профессиональному росту. «Нарративная медицина» стала восприниматься и как средство восстановления доверия между врачами и пациентами, укрепления атмосферы сотрудничества, инструмент для лучшего понимания врачами пациентов и более качественной заботы о каждом из них³⁶. Дж. Пеннебейкер показал, что в Техасе врачам удалось обнаружить новые аспекты общения с пациентами. У пациентов, делившихся своими историями о болезни, наблюдались клинически подтверждаемые проявления улучшения иммунитета. Пациенты из числа евреев, переживших Холокост, по разным причинам (в т.ч. религиозным) склонялись к рассказыванию историй о своих прошлых страданиях, руководствуясь принципом «признание – благо для души». Пеннебейкер, принимая психоаналитическую перспективу, увидел в этих историях способ избавления от застарелых психических травм; коммуникация престарелых пациентов с врачами улучшала не только психическое здоровье пациентов, но и их физическое состояние³⁷.

Многие западные антропологи и социологи увидели в практике собирания пациентских историй возможность изменить ситуацию в медицине, демократизировать существующие внутри нее отношения между врачами и пациентами, врачами и средним персоналом. Канадский социолог А. Франк выстроил свои научные убеждения о ценности анализа пациентских историй, опираясь на собственный непростой опыт (ему удалось справиться с онкологическим заболеванием). Итогом осмысления этого опыта стало также осознание моральной значимости работы по сбору и изучению рассказов о боли, болезни и страдании³⁸.

В художественной литературе немало историй о тяжелой болезни, рассказанных известными писателями. В России это, например, книга Н.А. Островского «Как закалялась сталь» (1934), а в недавнем прошлом – драматическое повествование И.Е. Ясиной³⁹. У нарративов, вознесшихся до уровня высокой литературы, как правило, героический финал. Они должны отвечать требованиям воспитания, быть моральным уроком. Медицинские антропологи чаще имеют дело с «рассказами», которым не суждено стать предметом для широкой читательской аудитории. Поэтому в них не всегда заявляется о победе, не всегда звучит голос надежды, но часто присутствует признание поражения. По роду своих научных исследований медицинским антропологам часто приходится изучать пациентский опыт в особых культурных условиях. Страдание переживается и испытывается не вообще, а в пределах конкретных культурных миров и обычно артикулируется посредством эмоционально

³⁶ Charon 2006. P.220.

³⁷ Pennebaker 2003. P.1-16.

³⁸ Frank 1997.

³⁹ Островский 1954; Ясина 2011. С.87-121.

насыщенных культурных метафор и устойчивых образов. В этом смысле, культура – не только совокупность смыслов, которые мы сознаем, но и совокупность определенных эмоций, которые формируют наши чувства и подталкивают нас к определенным действиям. Используемые в конкретной культуре символы и метафоры позволяют осознать и прочувствовать опыт страдания, пережить его на уровне рассудка и эмоций. Кроме того, благодаря символам и метафорам достигается возможность управления опытом собственного страдания. Бесспорно, это не контроль, но все же некая возможность справиться или совладать с тем, что в тебе и что сильнее, чем можно себе представить.

Л.-Э. Ребунн изучала пациентские истории на северо-востоке Бразилии. Их предметом часто оказывались т.н. «этнические психозы»: «дурной глаз» (*mal olhadoj*), «нервы» (*nervos*), «болезненный страх» (*susto*) и т.д. По ее сведениям, бразильянки часто прибегают к выражению «проглотить лягушку», когда им приходится описывать свое болезненное состояние и вызвавшие его причины. В упоминаемых местными женщинами представлениях о причинах болезни важное место занимает гнев и другие сильные негативные эмоции (зависть, тревога, страх). Подавление гнева является весьма распространенной формой поведения, которая предписана обществом. «Проглатывание лягушки», или подавление гнева, в глазах самих бразильянок вызывает и физический, и социальный вред. Однако, по их убеждению, поступать иначе нельзя, ибо это может вызвать еще более серьезные последствия – гнев мужчин. И многие знают об этом не понаслышке. Так, одна из собеседниц Ребунн говорит ей: «Я то и дело должна проглатывать лягушек, поскольку я совершенно завишу от своего мужа... Даже когда я права, а он нет, я должна глотать ее, и я подчиняюсь. Я должна оправдываться, я должна смиряться и подчиняться, и даже благодарить его за грубость»⁴⁰.

Врачи и гуманитарии, обратившиеся к анализу пациентского опыта, резонно увидели в нем важное средство для исправления сложившейся в современной медицине ситуации, помеченной такими явлениями, как тяга к технократизму, забюрократизированность, невнимание к личности пациента. Некоторым из них, на своем локальном участке, уже удалось переломить ситуацию к лучшему, но дискуссия о важности изучения пациентского опыта продолжается, в том числе в России⁴¹. Проблемы, присущие современной медицине в целом, еще далеки от разрешения.

Медицинская схизма: лечение vs. забота

В ходе продолжавшихся долгие годы гуманитарно-медицинских дискуссий постепенно выкристаллизовалась еще одна важная тема – об этических противоречиях внутри медицины. Некоторые участники стали отчетливо высказывать мысль о том, что современная медицина

⁴⁰ Rebhun 1994. P. 360-382.

⁴¹ Лехциер 2009. С. 22-40; 2012. С. 110-123; Готтлиб 2010. С. 64-70.

словно бы стала сбиваться с пути, по которому шла многие столетия, и отступила от своего предназначения. Эта тема подавалась с разных позиций, но чаще всего – с позиций медицинской этики.

В 1985 г. группой ведущих американских философов, специализирующихся в области медицинской этики, был опубликован сборник работ. В нем была сделана попытка осмыслить ситуацию, при которой произошло расщепление традиционной медицинской заботы о здоровье больного на лечение (curing), сестринский уход (caring) и собственную заботу больного о самом себе (coping). Редакторы сборника указывали на то, что причиной этого расщепления стал стремительный технологический прогресс, который привел к тому, что лечение стало более сложным и отделилось от остальных форм заботы о пациенте. Кроме того, произошла профессионализация сестринского ухода, поскольку врачам, осуществляющим сложное техническое воздействие на организм пациента, понадобились специалисты, способные поддерживать пациента морально и духовно и помогать врачам в исполнении их обязанностей. Пациент же, который продолжает оставаться главным объектом медицинской заботы, если он не способен самостоятельно справиться со своими проблемами, может обращаться за профессиональной помощью к врачам и сестрам. Рекомендую всем сторонам этой тройственной системы отношений ответственно и уважительно относиться друг к другу, авторы предположили, что новый тип отношений по поводу здоровья пациента должен регулироваться особой этикой заботы⁴².

Один из наиболее авторитетных авторов сборника, Э. Пеллегрин, поставил перед собой задачу обосновать приоритет заботы над всеми прочими компонентами медицинской помощи. Согласно Пеллегрин, забота всегда составляла суть медицинской профессии, придавая ей монолитность и наделяя уникальным этическим свойством, которым не обладал ни один другой вид занятий: для врача интерес больного всегда ставится выше собственных интересов. В XX в., особенно после Второй мировой войны, когда лечение стало технически сложным, но более эффективным, возник острый соблазн выделить его в качестве самостоятельного компонента. При этом в условиях коммерциализации лечебного дела перед врачом то и дело возникает вопрос о том, как согласовать свои финансовые и профессиональные интересы. Пеллегрин считает, что выбор врача в пользу пациента не должен составлять труда, поскольку коммерциализация лечения постыдна и для врача, и для пациента. Подлинную этическую проблему он видит в другом – в принятии таких медицинских решений, которые всегда были бы во благо пациента. Принятие медицинского решения – или момент клинической истины – способно превратиться в этическую дилемму, когда врачу приходится выбирать между биологическим благом для пациента, представлениями

⁴² Bishop, Scudder Jr. 1985. P. 1-7.

самого пациента о благе, которые могут варьироваться в зависимости от его нравственных или религиозных убеждений, и благом для пациента как личности. Этот процесс всегда оказывается сложным и составляет самую суть морально-этических проблем для современных врачей. По мнению Пеллегрينو, если оставаться на позициях этики заботы, то «хорошие медицинские решения» смогут интегрировать все виды блага в единое целое. Тем не менее реальная медицинская практика вновь и вновь будет ставить врача перед этическим выбором – лечить (стремиться к биологическому благу для пациента) или попытаться добиться всех целей сразу, т.е. осуществить подлинную заботу⁴³. Пеллегрينو также затронул весьма важный вопрос о том, как в рамках оказания медицинской помощи следует согласовывать между собой индивидуальное благо пациента и социальное благо. С точки зрения медицинской этики, как во времена Гиппократов, так и сегодня, для врача благо пациента стоит выше всякого прочего блага – и собственного, и общественного. Тем не менее многие виды оказания медицинской помощи (продление жизни детям, старикам, инвалидам) в настоящее время требуют серьезных материальных затрат, и, по словам Й. Ньюхауса, оказываются «предметом роскоши» даже для экономики развитых стран⁴⁴. Пеллегрينو видит решение этого вопроса в том, что врачу не следует брать на себя функции, которые не относятся к медицинской профессии – распоряжаться ресурсами или думать о благе общества. Дело врача – пациент и его здоровье⁴⁵.

Значимый вклад в дискуссию внес немецкий врач К. Дернер, написавший книгу о том, какими этическими представлениями должен руководствоваться хороший врач. Он исходил из того, что современная мода на морально-этические исследования ничего не дает, поскольку со времен Гиппократовой клятвы для самого врача ничего не изменилось: заботой врача являются страдания пациента. Тем не менее кое-то изменилось вокруг. После Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами, совершившими преступления против пациентов, в обществе утвердилось мнение, что необходимо контролировать врачей, используя разнообразные правовые и общественные механизмы. Однако, по мысли Деннера, такой подход чреват тем, что он вынуждает самих врачей забыть об изначальной этической сущности их профессии. Перекладывая ношу ответственности за принятие медицинских решений на пациентов, их родственников, юристов и др., врачи, тем самым, оказываются свободными от моральных обязательств по заботе о пациентах⁴⁶.

Дернер опирался на идеи американского философа У. Рича, высказанные в его докладе «Предательство при оказании помощи», прочитанном по случаю 50-летнего юбилея Нюрнбергского процесса. Говоря о

⁴³ Pellegrino 1985. P.8-30.

⁴⁴ Newhouse 1977. P.115-125.

⁴⁵ Pellegrino 1985. P.23-27.

⁴⁶ Дернер 2006. С. 40-47.

принципе информированного согласия, впервые четко сформулированном на страницах «Нюрнбергского кодекса», Рич спросил, не перенесли ли врачи свою ответственность на плечи пациентов. Вслед за ним Дернер заметил, что даже если бы все пациенты нацистских врачей добровольно дали бы им согласие на проведение над собой преступных медицинских экспериментов, то тогда ситуация осталась бы прежней: врачи не имели морального права причинять им вреда. Согласно Ричу и Дернеру, этические проблемы медицины начались с того момента, когда она приняла на себя не свойственные ей обязанности – заботу об общественном благе. К схожим выводам пришел и историк медицины Д. Ротман. В исследовании о влиянии права и биоэтики на развитие медицины он указал, что в период второй мировой войны в США и других странах правительство, возложив на врачей много новых обязанностей, не предоставило им больше возможностей для карьерного роста и достижения материального благополучия. Во время войны, когда интересы общества многократно превысили интересы каждой отдельной личности, произошла драматичная трансформация. Медицина из искусства заботы о пациенте превратилась в средство защиты общественно-государственных интересов. Медики вступили в Золотой век научных исследований, но при этом отступили от заветов Гиппократовой этики заботы⁴⁷.

Вопрос о соотношении лечения и заботы разделил участников дискуссии на два лагеря. Многие вслед за Пеллегрини и Дернером пришли к выводу, что в рамках оказания медицинской помощи лечение и забота неразделимы, поскольку забота лежит в основе всей профессии⁴⁸. Другие вынуждены были признать, что в современной медицинской практике неизбежно преобладает модель лечения, а модель заботы является вторичной, поскольку для этого не хватает ни времени, ни эмоциональных сил, ни правовых оснований. Различия в выводах участников дискуссий следует считать следствием их подходов. Пеллегрини, Дернер и др. исходят из нормативного подхода, размышляя о том, какой *должна* быть медицинская помощь, а их оппоненты – из результатов эмпирических исследований, наблюдая ситуацию такой, какой она *оказывается* на текущий момент. Вслед за Апесоа-Варано, пришедшей к тому, что реальная ситуация, как у пациентов с нейродегенеративными заболеваниями, часто не оставляет медикам возможности для заботы⁴⁹, к такому же выводу пришел Клейнман. Причины растущего внутри медицины раскола между лечением и заботой он связал с технократизированным медицинским образованием, коммерциализацией лечебного дела и вытекающей из этого маргинализацией тех групп, что вынуждены заниматься уходом за пациентами (медсестры, нянечки, родственники пациентов). Он заме-

⁴⁷ Rothman 1991. P. 30-69.

⁴⁸ Kottow 2001. P. 53-61.

⁴⁹ Apeso-Varano, Barker, Hinton 2011. P. 1469-1483.

тил, что забота-уход повсюду считается женским занятием, и на это не влияет то обстоятельство, что среди врачей неуклонно растет число женщин. По Клейнману, раскол медицины на «лечебную» и «ухаживающую» имеет не только морально-экономические, но и терапевтические последствия. Это отчетливо видно в ситуации с хроническими заболеваниями, большинство из которых требуют постоянного внимания и не могут быть вылечены в принципе. Последствия таких заболеваний в долговременном плане могут быть крайне тяжелыми. При диабете, например, осложнения сопровождаются приобретением различных форм инвалидности – слепотой, ампутацией конечностей, почечной недостаточностью. Медицинский прогноз в случае с хроническими заболеваниями, в т.ч. психическими расстройствами, врачи часто считают благоприятным, но в реальности стакан часто оказывается наполовину пуст, а не наполовину полон. Лекарства и различные вмешательства облегчают страдания пациентов лишь частично. Во многих случаях дело заканчивается новыми осложнениями или смертью⁵⁰.

Обсуждение итогов дискуссий об этических противоречиях внутри медицины и драматическом расколе между лечением и заботой позволяет указать еще на одно следствие этой медицинской схизмы – растущее недоверие пациентов к врачам. Оно проявляется в разных формах и называется в том, что пациенты часто ищут возможность увернуться от стандартных назначений врачей, госпитализации, исполнения тех или иных процедур и приема лекарств. Подобно тому, как культурная икона биомедицины доктор Хаус утверждает, что пациенты лгут, так и сами пациенты опасаются медицинского надувательства, которое может сопровождать недобросовестное лечение и опасные для здоровья врачебные ошибки. Кризис доверия между врачами и пациентами, имеющий место и в рамках репродуктивной медицины⁵¹, это итог медицинского раскола на лечение и заботу, когда все стороны осознают, что медицинская практика отстает от медицинского знания (диагностики), а стоимость медицинских услуг высока и потому эти услуги доступны не всем.

Существует ли выход из ситуации, столь драматично обозначенной участниками дискуссий? С позиций нормативно-этического подхода, необходимо признать, что более гармоничное соединение лечения и заботы в рамках медицинской практики является желаемой целью. Однако эмпирические свидетельства, неоднократно предъявленные в ходе дискуссий, показывают, что до этого синтеза еще далеко. Рецепты решения этой драматичной проблемы остаются столь же правомерными, сколь и паллиативными – гуманизация медицинского образования, изучение альтернативного медицинского опыта, изучение опыта самих пациентов. Пока ничего из этого не принесло окончательной уверенности

⁵⁰ Kleinman, Hanna 2008. P. 287-301.

⁵¹ Здравомыслова, Темкина 2009. С. 179-191.

в том, что ситуация внутри современной медицины полностью переменялась к лучшему. Тем не менее необходимо признать, что многое все же меняется, и тот факт, что дискуссии о проблемах развития современной медицины артикулируют все новые темы и сюжеты, означает, что этот злободневный вопрос продолжает оставаться в поле общественно-го внимания, на острие гуманитарно-медицинской мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Готлиб А.С. Нарративная медицина глазами российский врачей: попытка эмпирического анализа // Вестник Самарского гос. ун-та. 2010. №5 (79). С. 64-70.
- Дернер К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача. М.: Алетейя, 2006.
- Здравомыслова Е., Темкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: Сб. ст. / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во Ев-ропейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С.179-191.
- Зильбер А.П. Этюды критической медицины. М.: МЕДпресс-информ, 2006.
- Лехциер В.Л. Нарративная медицина: светлая утопия доктора Риты Шэрон // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.Л. Лехциера. Самара: Самарский университет, 2012. С.110-123.
- Лехциер В.Л. Субъективные смыслы болезни: основные методологические различия и подходы к исследованию // Социологический журнал. 2009. №4. С. 22-40/
- Михель Д.В. Народная медицина в современном мире: международно-правовые и социокультурные аспекты // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований. Сб. научных статей. Саратов: Изд-во «Кубик», 2014. С. 32-39.
- Михель И.В. Биоэтика в контексте истории: философские исследования биоэтического движения. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2015.
- Народная медицина // Пятьдесят шестая сессия Всемирной Ассамблеи Здравоохранения. WNA56.31. 28 мая 2003 г.
- Общее руководство по методологиям научных исследований и оценке народной медицины. Женева: ВОЗ, 2000.
- Островский Н.А. Как закалялась сталь // Сочинения. Киев: Молодь, 1954.
- Пейер Л. Медицина и культура. Как лечат в США, Англии, Западной Германии и Франции. Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2012.
- Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2002-2005 гг. Женева: ВОЗ, 2001.
- Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
- Шабалов Н.П. Педиатрия: учебник для медицинских вузов. СПб.: Спецлит, 2003.
- Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. С. 87-121.
- Gotlib A.S. Narrativnaya meditsina glazami rossiiskii vrachei: popytka empiricheskogo analiza // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №5 (79). S. 64-70.
- Dermer K. Khoroshii vrach. Uchebnik osnovnoi pozitsii vracha. M.: Aleiteiya, 2006.
- Zdravomysova E., Temkina A. «Vracham ya ne doveryayu», no... Preodolenie nedove-riya k re-produktivnoi meditsine // Zdorov'e i doverie: gendernyi podkhod k re-produktivnoi med-itsine: Sb. st. / Pod red. E. Zdravomysovoi i A. Temkinoi. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2009. S.179-191.
- Zil'ber A.P. Etyudy kriticheskoi meditsiny. M.: MEDpress-inform, 2006.
- Lekhtsier V.L. Narrativnaya meditsina: svetlaya utopiya doktora Rity Sheron // Obshche-stvo remissii: na puti k narrativnoi meditsine: sb. nauch. tr. / pod obshch. red. V.L. Lekhtsiera. Samara: Samarskii universitet, 2012. S.110-123.
- Lekhtsier V.L. Sub"ektivnye smysly bolezni: osnovnye metodologicheskie razlichiya i podkhydy k issledovaniyu // Sotsiologicheskii zhurnal. 2009. №4. S. 22-40/
- Mikhel' D.V. Narodnaya meditsina v sovremennom mire: mezhdunarodno-pravovye i sotsiokulturnye aspekty // Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. Sb. nauchnykh statei. Saratov: Izd-vo «Kubik», 2014. S. 32-39.
- Mikhel' I.V. Bioetika v kontekste istorii: filosofskie issledovaniya bioeticheskogo dvizheniya. Saratov: Sarat. gos. tekhn. un-t, 2015.

- Narodnaya meditsina // Pyat'desyat shestaya sessiya Vsemirnoi Assamblei Zdravookhraneniya. WHA56.31. 28 maya 2003 g.
- Obshchee rukovodstvo po metodologiyam nauchnykh issledovaniy i otsenke narodnoi meditsiny. Zheneva: VOZ, 2000.
- Ostrovskii N.A. Kak zakalyalas' stal' // Sochineniya. Kiev: Molod', 1954.
- Peier L. Meditsina i kul'tura. Kak lechat v SShA, Anglii, Zapadnoi Germanii i Frantsii. Tomsk: Sibirskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2012.
- Strategiya VOZ v oblasti narodnoi meditsiny 2002-2005 gg. Zheneva: VOZ, 2001.
- Fuko M. Rozhdenie kliniki. M.: Smysl, 1998.
- Shabalov N.P. Pediatriya: uchebnik dlya meditsinskikh vuzov. SPb.: Spetslit, 2003.
- Yasina I. Istoriya bolezni // Znanya. 2011. № 5. S. 87-121.
- Apesoa-Varano E.C., Barker J.C., Hinton L. Curing and Caring: The Work of Primary Care Physicians with Dementia Patients // Qualitative health Research. 2011. Vol. 21 (11). P. 1469-1483.
- Baer H. Biomedicine and Alternative Healing Systems in America: Issues of Class, Race, Ethnicity, and Gender. Madison: University of Wisconsin Press, 2001.
- Bishop A.H., Scudder Jr. J.R. Introduction // Bishop A.H., Scudder Jr. J.R. (eds.) Caring, Curing, Coping. Lynchburg, Va.: Alabama University Press, 1985. P. 1-7.
- Charon R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. Oxford: OUP, 2006.
- Conrad P. Identifying Hyperactive Children: The Medicalization of Deviant Behavior. Lexington: D.C. Heath, 1976.
- Csordas T.J., Kleinman A. The Therapeutic Process // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method / Ed. by T.M. Johnson, C.F. Sargent. N.Y.: Praeger, 1990. P. 11-25.
- Davis-Floyd R., St John G. From Doctor to Healer: The Transformative Journey. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1998.
- Dittrich L.R. (ed.) Special Theme Issue on Medical Humanities // Academic Medicine. 2003. Vol.70 (10). P. 951-1038.
- Dunn F.L. Traditional Asian Medicine and Cosmopolitan Medicine as Adaptive Systems // Leslie C. (ed.) Asian Medical Systems: A Comparative Study. Berkeley: University of California Press, 1976. P. 133-158.
- Eisenberg L. Disease and Illness: Distinctions between Professional and Popular Ideas of Sickness // Culture, Medicine, and Psychiatry. 1977. Vol.1 (1). P. 9-23.
- Engel G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. New Series. 1977. Vol.196 (4286). P. 129-136.
- Ernst E. Prevalence of Use of Complementary/Alternative Medicine: A Systematic Review // Bulletin of the World Health Organization. 2000. Vol.78 (2). P. 252-257.
- Foucault M. The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception [1963]. N.Y.: Tavistock, 1973.
- Frank A. Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 1997.
- Hawkins A.H., Ballard J.O., Hufford D.J. Humanities Education at Pennsylvania State University College of Medicine, Hershey, Pennsylvania // Academic Medicine. 2003. Vol. 70 (10). P. 1001-1005.
- Helman C.G. "Feed a Cold, Starve a Fever" – Folk Models of Infection in an English Suburban Community, and their Relation to Medical Treatment // Culture, Medicine, and Psychiatry. 1978. Vol. 2 (2). P.107-137.
- Helman C.G. Culture, Health and Illness. 5 ed. London: Hodder Arnold, 2007.
- Helman C.G. Disease versus Illness in General Practice // Journal of Royal College of General Practitioners. 1981. Vol. 31 (320). P. 548-552.
- Hemmings C.P. Rethinking Medical Anthropology: How Anthropology is Failing Medicine // Anthropology and Medicine. 2005. Vol. 12 (2). P. 91-103.
- Hudson Jones A., Carson R. Medical Humanities at the University of Texas Medical Branch at Galveston // Academic Medicine. 2003. Vol. 70 (10). P. 1006-1009.
- Huisman F., Warner J.H. Medical Histories // Locating Medical History: The Stories and Their Meanings / Ed. F. Huisman, J.H. Warner. Baltimore: Johns Hopkins Un-ty, 2004.
- Illich I. Medical Nemesis: The Expropriation of Health. New York: Pantheon Books, 1976.
- Jewson N. The Disappearance of the Sick-man from Medical Cosmology, 1770–1870 // International Journal of Epidemiology. 2009. Vol. 38 (3). P. 622-633.

- Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley: Un-ty of California Press, 1980.
- Kleinman A. The Illness Narratives: Suffering, Healing and the Human Condition. New York: Basic Books, 1988.
- Kleinman A., Eisenberg L., Good B. Culture, Illness and Care: Clinical Lessons from Anthropologic and Cross-Cultural Research // Focus: The Journal of Lifelong Learning in Psychiatry. 2006. Vol.4 (1). P.140-149.
- Kleinman A., Hanna B. Catastrophe, Caregiving and Today's Biomedicine // BioSocieties. 2008. Vol.3. P.287-301.
- Kottow M.H. Between Caring and Curing // Nursing Philosophy. 2001. Vol.2 (1). P.53-61.
- Last M. The Importance of Knowing about Not Knowing // Social Science and Medicine. 1981. Vol. 15 (3). P. 387-392.
- Legal Status of Traditional Medicine and Complementary/Alternative Medicine: A Worldwide Review. Geneva: WHO, 2001.
- Navarro V. Medicine under Capitalism. London: Croom Helm Ltd., Publishets, 1976.
- Newhouse J.P. Medical-Care Expenditure: A Cross-National Survey // Journal of Human Resources. 1977. Vol. 12 (1). P. 115-125.
- Pellegrino E.D. The Caring Ethic: The Relation of Physician to Patient // Caring, Curing, Coping / Ed. by A.H. Bishop, J.R. Scudder Jr. Lynchburg, Va.: Alabama Un-ty Press, 1985. P. 8-30.
- Pennebaker J.W. Telling Stories: The Health Benefits of Disclosure // Social and Cultural Lives of Immune Systems / Ed. by J. Wilce. London: Routledge, 2003. P. 1-16.
- Pool R., Geissler W. Medical Anthropology. London: Open University Press, 2005.
- Primary Health Care: Report of the International Conference on Primary Health Care. Alma-Ata, USSR, 6-12 September 1978. Geneva: WHO, 1978.
- Rebhun L.-A. Swallowing Frogs: Anger and Illness in Northeast Brazil // Medical Anthropology Quarterly. 1994. Vol. 8 (4). P. 360-382.
- Rothman D.J. Strangers at the Bedside: A History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making. New York: Basic Books, 1991.
- Seifert J. The Philosophical Diseases of Medicine and Their Cure: Philosophy and Ethics of Medicine. Vol.1 Foundations (Philosophy and Medicine). Dordrecht: Kluwer, 2004.
- Zola I. Medicine as an Institute of Social Control // Sociological Review. New Series. 1972. Vol. 20 (4). P. 487-504.

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина; dmitrymikhel@mail.ru

Health and care: the development of medicine as a focus of discussions in medical studies and in the humanities

The rapid development of medical knowledge, which began in the second half of the twentieth century, is followed by ongoing discussions, in which, along with the doctors, intellectuals from different areas of humanities take part. Over the past decade, the participants in these discussions failed to articulate a series of problems caused by medical advances. This article focuses on the most significant ideas about the medical technocracy, the humanization of medical education, the need to explore alternative medical experience and experience of the patients themselves, the fundamental split between curing and caring in medical practice, generating profound ethical problems.

Keywords: discussions in medical humanities, technocracy, alternative medical experience, patient's experience, curing, caring

Dmitry Mikhel, professor, Dean of School of Humanities, Arts and Social Sciences, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, dmitrymikhel@mail.ru

Т. Г. ЯКОВЛЕВА

«КУЛЬТУРА, ОПИРАЮЩАЯСЯ НА ПРОТОКОЛЬ» САНИТАРНЫЙ ВРАЧ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ МЕЖДУ ЗНАНИЕМ И ПРАКТИКОЙ

Статья посвящена проблеме замены традиционных санитарных практик в городах Енисейской губернии на «современные», основанные на научном знании. Основным источником новых знаний являлись санитарные врачи. Автор показывает, что в оппозиции преобразованиям находились не только местные жители, имевшие свои представления о санитарии и гигиене, подкрепленные многолетним опытом, но и представители местной власти. Это вынуждало санитарных врачей вырабатывать новые способы достижения целей и идти путем не принуждения, а просвещения.

Ключевые слова: санитария, гигиена, санитарный врач, Енисейская губерния

Распространение знаний о санитарии на окраинах Российской империи – в Сибири, представляло собой сложный и многогранный процесс. Санитарные врачи, получившие образование в Санкт-Петербурге, Москве и даже в Томске, являлись носителями принципиально иного знания, чем то, которым владели обыватели сибирских городов. Каким же образом санитарные врачи распространяли на вверенной им территории свои представления о санитарии, заменяя ими санитарию «народную»? Как реагировало на их действия местное население? Для ответа на эти вопросы рассмотрим взаимодействие санитарных врачей с жителями¹ сибирских городов на материале Енисейской губернии.

Политика распространения европейской цивилизованности на национальные окраины и колонизованные земли повсеместно включала в себя как основу основ – гигиену. «Гигиена» являлась признаком «высокой» культуры и цивилизованности в отличие от «варварства», она – часть «просветительского проекта», осуществляемого медициной. Конец XIX – начало XX в. – период, в который стали особенно актуальны проблемы санитарии и гигиены, что было связано как с научными открытиями в этой сфере, так и с формированием медицинского сообщества и ростом авторитета врачей. Для отдаленных территорий Российской империи распространение научных знаний о санитарии и выработка единых представлений о чистоте являлись одним из признаков включения их в сферу влияния имперской власти, так как дихотомия «чистый» – «грязный» традиционно интерпретировалась как «свой» – «чужой»².

Трансфер научных знаний и технологий в сфере медицины и санитарии, их распространение и адаптация на новой почве в последние де-

¹ Горожане рассмотрены не только как жители того или иного населенного пункта, но и как представители определенных профессий, так как санитарные требования предъявлялись и к лавкам, магазинам, рынкам и базарам, ремесленным мастерским, заводам и т.д.

² Вишленкова 2009.

сятилетия привлекает внимание исследователей, использующих новые подходы к данной теме³, в т.ч. взгляд на медицину и санитарию «с противоположной стороны» – не врача, а пациента, или людей, далеких от науки, но имеющих свои собственные о ней представления. При таком подходе на первый план выходят ситуации взаимодействия акторов разной культурной ориентации. Так, рассматривая взаимодействие научной медицинской культуры и народной культуры в Поволжье, Д.В. Михель показал, как просвещение населения и трансформация его культурных практик способствовали борьбе с эпидемиями⁴. М.М. Пироговская исследовала социальные конфликты во время эпидемии Ветлянской чумы⁵. Сотрудничество государства и врачей в деле распространения российской медицины в Казахской степи изучено А.Э. Афанасьевой⁶.

В данной статье предпринята попытка проанализировать трансфер научных знаний в жизнь и быт обывателей на материалах Восточной Сибири, которые позволяют говорить не «вообще» о распространении санитарии среди населения, а показать его через «плотное описание» (К. Гирц). Использованные источники – отчеты санитарных врачей, протоколы заседаний врачебно-санитарной комиссии при красноярской городской думе, протоколы заседаний думы, публикации врачей в газете «Сибирские врачебные ведомости» (издавалась в Красноярске), жалобы городских жителей. Специфика этих источников состоит в том, что в них слабо слышны «голоса» простых людей, и в основном представлена точка зрения образованной части общества. Тем не менее, в них иногда, как в зеркале, находит отражение и мнение «оппонентов». Впрочем, в центре выбранной темы находится именно позиция санитарного врача, так как он определял, что правильно и законно, а что нет. Именно под «взглядом врача»⁷ житель города становился нарушителем санитарных правил.

Работа санитарного врача включала различные виды деятельности: участие в составлении обязательных постановлений, в заседаниях различных комиссий и санитарных попечительств, сбор статистических сведений, по возможности, чтение лекций. Основной же вид деятельности санитарных врачей заключался в проведении проверок, т.е. в личных визитах в общественные места и частные дворы с целью выяснить, насколько хорошо в них соблюдаются санитарные правила.

Отчеты врачей, отдельные факты из которых перепечатывались в местной прессе, фокусировали взгляд на замеченных нарушениях и де-

³ См., например, Болезнь и здоровье... 2008.

⁴ Михель 2004.

⁵ Пироговская 2012.

⁶ Афанасьева 2008.

⁷ М. Фуко отмечал, что в Новое время «медицинский взгляд организуется по новой модели. Прежде всего, это более не просто взгляд любого наблюдателя, но врача, институционально поддерживаемого и узаконенного, врача, имеющего право решения и вмешательства». Фуко 2010. С. 114. См. также Стаф 2006.

монстрировали неприглядную картину. Ряд наиболее ярких из них был зафиксирован в Красноярске. «В заведении Клоповского, которое можно назвать скорее хлебом, почему-то оказались такие предметы, как, например, колесная мазь. У Ежова в тесте найдены мухи; помещение пекарни – в подвале, темное: окна ниже уровня земли. У Давидовича сладкие печенья найдены поставленными в вонючий чулан, стены которого были покрыты плесенью и в котором главное место занимала лохань с помоями. У Ларина, кроме отчаянно грязной посуды, грязных и непокрытых припасов найдено среди свежих кондитерских изделий невозможно грязное нижнее белье. У Ткаченко в пекарне найдено много грязи»⁸.

Фиксация подобных нарушений создавала рутинную повседневность врача, в ходе проверок его знания сталкивались с бытовыми практиками. Основным средством борьбы с нарушениями считалось составление протокола, за чем следовал штраф или арест виновного. Изучение же практики показывает, что протоколы не были главным инструментом борьбы санитарных врачей за чистоту. Так, врач Н.М. Знаменский сообщал, что «дело санитарии вовсе не исчерпывается составлением протоколов на безобразников, да, наконец, все эти протоколы появляются после целого ряда просьб, объяснений, разговоров»⁹. Именно просьбы, объяснения, разговоры были основным способом воздействия санитарных врачей на горожан. Составление протокола применялось в том случае, если остальные меры оказались не эффективны. Именно санитарный врач определял, на какой позиции окажется торговец, промышленник или владелец дома, будет ли его нарушение признано мелким или крупным, заслуживающим или не заслуживающим штрафа.

Обыватель и санитарный врач имели свои представления о чистоте, качестве продуктов и санитарии в целом, и разница между этими представлениями лежит в сфере культуры. Санитарный врач осваивал роль носителя экспертного знания, специалиста по санитарии, тогда как на любого горожанина, особенно занимавшегося каким-либо ремеслом или промыслом, и нарушавшего санитарные нормы, навешивался ярлык «малокультурный», а его образ жизни и деятельности признавался «антисанитарным». Признание обывателей «малокультурными» предполагало работу по искоренению «низкой культуры» и определяло ее формы – объяснения, публичные лекции. Объектами воздействия оказывались горожане в целом, так как недостаточно было научить производителей или торговцев содержать свои предприятия в чистоте. Необходимо было изменить представления о чистоте у их потребителей.

Источник определяет наше восприятие, мы видим события глазами санитарного врача и трактуем их с его позиции, поэтому априори

⁸ Сибирские врачебные ведомости. 1904. №23, 1 декабря. С. 357.

⁹ Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губернии... за 1913-14 и 1915-16 гг. Красноярск, 1916. С. 10.

склонны полагаться на авторитет врачей. Между тем, их знания соответствовали уровню развития медицинской и санитарной науки своего времени и не являлись абсолютными. Собственный опыт поддержания чистоты в заведении имели и производители продуктов питания.

Поэтому рассмотрим одну и ту же историю глазами и санитарного врача, и владельцев колбасных заведений. Позиция санитарного врача в данном случае представлена требованиями обязательного постановления красноярской городской думы от 26 июня 1897 г. «О торговле мясом и о содержании колбасных заведений». Противоположное мнение содержится в прошении семи содержателей колбасных заведений города Красноярска, поданном в городскую думу в марте 1903 г.¹⁰ Колбасники жаловались на два правила постановления: на запрет посыпать древесными опилками пол в колбасных заведениях и требование обивать столы в мастерских цинком или оцинкованным железом. Что именно давало повод для недовольства? По мнению содержателей заведений, «как тот, так и другой параграф не удобоприменимы, в виду долголетней нашей практики, а именно потому, что без опилок на полу от очистки кишек и мяса будут постоянные лужи крови, воды и нечистот; опилки же насыпаются сухие и переменяются несколько раз в день, и пол тоже после каждой перемены опилок омывается, что подобный способ уничтожает сырость, очищает воздух и таковой применен в пределах России в колбасных заведениях», и «чтобы столы оббить цинком или оцинкованным железом, что уже и есть в мастерских, противу этого тоже скажем, что на таком от ножей, бросания туш мяса и топоров пробиваются дыры и делаются прорезы, в которые протекает кровь, вода и нечистоты, заводятся черви, очищать же между цинком и столом невозможно, в чем при санитарных осмотрах убедились врачи, как настоящий, так и бывшие, коим доказано это, и что в мастерских в пределах России порядок этот уже не существует, так как признан неудобным, в чем и просим удостоверить», «причем не лишним считаем присовокупить, что рабочие от прорезавшегося цинка часто делают увечье рук»¹¹.

Содержатели колбасных заведений имеют основания для того, чтобы выступать против подобных правил – этим основанием является многолетний личный опыт, который для них более убедителен, чем нововведения и научный подход. Они косвенно подтверждают, что требования санитарных врачей у них не прижилось, и они работают по старому, так как просят «оставить насыпь древесных опилок, как это делается и в настоящее время»¹², несмотря на то, что формально постановление действовало на тот момент уже почти 6 лет.

¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 1. Д. 87. Проекты обязательных постановлений по городским делам красноярской городской думы. Л. 16-19.

¹¹ Там же. Л. 18-18 об.

¹² Там же. Л. 18.

Обращает на себя внимание то, что колбасники говорят на языке санитарных врачей, для которых чистый и сухой воздух в торговых заведениях был ценностью, часто недостижимой в условиях Сибири. В то же время, этот аргумент не нашел поддержки у городского санитарного врача М. Фельдмана, по мнению которого «с одной стороны, содержание полов в чистоте вполне возможно и без опилок, и с другой стороны, при употреблении опилок почти неизбежно увеличение количества пыли в воздухе помещения, что, конечно, может вредно отражаться на здоровье рабочих и на качестве мясных продуктов»¹³. Кроме того, колбасники ссылались на пример России, в которой «все так делают» или «никто уже так не делает». Они также обратились к опыту самих санитарных врачей, которые неоднократно являлись свидетелями указанных проблем, и в качестве альтернативы предлагали «чтобы столы, оббитые цинком, были заменены деланием столов из толстых плах отфугованных, настолько крепкими и плотными, на которых не было бы щелей, куда просачивались кровь, вода и нечистоты и таковые должны быть всегда чисты, за неисполнение чего подвергаемся ответственности»¹⁴.

Реакция представителей медицинской науки на это предложение оказалась различна. Санитарный врач Красноярска М. Фельдман считал, что «действительно, листы из цинка и даже оцинкованного железа сравнительно легко прорываются, а уже при малейшем нарушении целостности листов, цель – соблюдение чистоты – не достигается, а даже наоборот: затекающая под цинковую крышку промывная вода, попадающие туда же кусочки мяса и пр., не могут быть удалены, там застаиваются и разлагаются. Потому можно, мне кажется, ограничиться требованием, чтобы доски столов были совершенно без щелей и содержались всегда в полной чистоте»¹⁵. Городская управа, основываясь на мнении Фельдмана, предложила новую редакцию статьи, но с его мнением не согласился гласный думы, известный врач и общественный деятель В.М. Крутовский. Он обратил внимание на то, что цинковая обивка является средством от намокания деревянной поверхности стола, поэтому не только не стоило это требование отменять, но необходимо дополнить его следующим образом: «а если при осмотре санитарный надзор найдет в цинковой обивке столов прорывы, прорезы и т.д., то содержатели колбасных заведений, у которых будут замечены такие упущения, привлекаются к законной ответственности»¹⁶. Таким образом, он планировал заставить содержателей заведений заменять поврежденные листы, вместо того, чтобы отменить соответствующую норму. Данный случай показывает, что сами представители врачебного сообщества имели разные представления о необходимости тех или иных требований. Существовала их

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 19.

определенная иерархия: пыль в воздухе от опилок хуже, чем сухой пол от них же, сухая оцинкованная поверхность стола важнее, чем грязь под листами цинка¹⁷. Возражение Крутовского привело к тому, что решение по всей жалобе в целом не стали принимать, так как вскоре планировали в целом пересмотреть обязательные постановления по санитарной части.

У производителей и продавцов продуктов (а, впрочем, и у обывателей) была собственная логика, свои представления о чистом и нечистом, которыми они и руководствовались, несмотря на существование обязательного постановления. Тем не менее, сам факт жалобы свидетельствует о том, что содержатели колбасных заведений не хотели быть оштрафованными нарушителями. Они планировали привести свою деятельность в соответствие с законом, но не путем изменения ее, а через ее узаконивание. Не все представители местной власти разделяли взгляды санитарного врача. В силу того, что в состав городских дум входили обычные горожане, хоть и зажиточные, гласные¹⁸ по своим взглядам на санитарную часть были ближе к обывателям, а не к санитарному врачу. Вероятно, этим можно объяснить и их незаинтересованность в принятии новых постановлений в санитарной сфере.

В качестве примера расхождения взглядов городских властей и санитарного врача можно привести конфликт в городе Канске в 1903 г. Канский врач Кудржинский написал в издаваемую В.М. Крутовским газету «Сибирские врачебные ведомости» письмо, которое было опубликовано под заголовком: «Глас вопиющего...» (к санитарному вопросу о наших захолустьях)». Письмо из Канска»¹⁹. Врач сообщал, что осенью 1902 г. в Канске ждали эпидемию и, одновременно, желали «представиться в наилучшем виде» проезжающему через город товарищу министра внутренних дел Святополк-Мирскому, поэтому город был приведен в порядок. С этой целью имели место ежедневные обходы санитарных попечителей, полиции, врачей, общие собрания мещан. Одним из основных был вопрос о назёме (навозе), которого в городе было слишком много. В результате отдельные кучи сожгли, а многолетние пласты сделали незаметными. Город стал выглядеть чистым. Кудржинский иронизирует на этот счет: «Будущий геолог легко может восстановить характер эпох, пережитых нашим богоспасаемым городом. Вот идут толстые массивные слои чистого назёма – показатель, что жизнь обывательская текла в полном спокойствии. Вот тоненький слой песочку – это ждали холеру. Вот более толстый слой песку с галькой, – значит, ждали начальство». Спустя несколько месяцев от былой чистоты не осталось и следа. Как такое могло случиться? «Но спросят: что же смотрели те, кому сие ве-

¹⁷ Опыт применения рассматриваемого постановления показывает, что вероятность замены поврежденных листов содержателями заведений была крайне мала.

¹⁸ За исключением тех гласных, которые сами были врачами, как В.М. Крутовский в Красноярске.

¹⁹ Сибирские врачебные ведомости. 1903. №9. 15 апреля. С. 118-120.

дать надлежит? Санитарный надзор, комиссии, врачи, попечители, полиция, управа, – что делали? Такие речи приходится слышать постоянно и, что интересно, чаще всего именно из уст самих обывателей. Так, напр., на вышеупомянутом общем собрании мещане отказывались чистить город, виня во всем управу. «Она *допустила* засорить, она пусть и чистит». Наш обыватель воспитан во взгляде на себя, как на совершенно обособленного малолетка: его касается только то, что огорожено его забором, а что за пределами – это уже дело начальства»²⁰. Кудржинский продолжал: «В основе всех этих безобразий лежит некультурность и невежество населения. Канские обыватели, в большинстве, не имеют никакого понятия о требованиях, предъявляемых гигиеной к состоянию населенных мест, – но это в лучшем случае; хуже, когда мы имеем дело с людьми, почерпнувшими кой-какие познания из доступных источников, вроде отрывных сытинских календарей, и посему считающих разные там бактерии и проч. выдумкой досужих людей. Эти мыслители искренне убеждены, что назем никакого отношения к здоровью иметь не может; они мистически верят в землю, которая “все примать [так в тексте], в ней все перепрет”. Да и то сказать, чего требовать от простых, полуграмотных людей, если даже от местных, облеченных властью, интеллигентов, приходится слышать такие речи: “помилуйте, какой же вред может быть от чистого назма! Он перегорит и превратится в ту же землю”. Таким доморощенным образом понимаемый закон единства материи эксплуатируется местными жителями вовсю»²¹.

Канский санитарный врач поднимал крайне важные проблемы восприятия горожанами и городскими властями санитарных норм и правил. Он указывал на колоссальный разрыв между их представлениями и собственным взглядом на санитарную, причем делал это достаточно резко. Естественно, такая острая критика в газете не осталась без внимания. Кудржинский в тексте противопоставлял себя местному населению и городским властям, а они противопоставили себя ему в жизни реальной. Спустя три с половиной месяца в «Сибирских врачебных ведомостях» была опубликована новая заметка: «Ныне, как мы слышали, канскому городскому врачу Кудржинскому приходится покинуть место своего служения также вследствие столкновения со зрителем тюрьмы и местной полицией. Последние не мало потрудились на поприще изобретения разных обвинений, в конце концов достигнув того, что вряд ли товарищ будет в состоянии продолжать службу в Канске, хотя врачебным отделением в действиях его не усмотрено никаких неправильностей»²². Вероятно, причина конфликта как раз в его нелицеприятных высказываниях о городской власти и горожанах.

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ Там же. С. 119.

²² Там же. 1903. №16. 1 августа. С. 211.

Новые вести о М.А. Кудржинском появились спустя три с половиной года. Газета «Киевский голос» сообщила: «Последнее время товарищ служил земским врачом в Подол. губ. Во время войны он был взят в запас и после войны попал во Владивосток. Здесь его увлекла волна освободительного движения, а затем, при наступлении реакции, ему пришлось бежать в Японию. Теперь Кудржинский находится в Швейцарии и, в случае возвращения на родину, здесь ему грозит смертная казнь»²³.

Случай Кудржинского показывает, что городские управления не были союзниками санитарных врачей. Врач наделялся властью в отношении обывателей, но не обладал достаточным авторитетом среди других представителей власти. Вероятно, авторитет основывался не на знаниях врача, уровне его образованности, а на личных качествах и связях. Случай с Кудржинским не был уникален. Власть врача ставилась под сомнение служащими всех рангов. Так, на железной дороге свидетельства санитарного врача об ужасающей грязи вокруг жилищ рабочих оспаривались дорожным начальством, и только сделанные им фотографии смогли подтвердить его правоту: «Дело доходит до того, что констатированное врачом ужасное загрязнение площади жилых мест навозом, помоями и человеческими экскрементами при проверке инженером оказывается, что площадь засорена лишь строительным мусором, и только предусмотрительность врача, снявшего предварительно фотографию с загрязненной площади, спасает его мнение»²⁴.

Во Владивостоке полицейский надзиратель посчитал, что горожанка, которую врач хотел отправить в холерный барак, пьяна и не больна азиатской холерой, а «санитарный врач, наверное, ошибся!»²⁵, потому он отдал приказ не давать для ее перевозки санитарный экипаж. В итоге больная умерла через 5 часов. То есть в спорной ситуации авторитет полицейского надзирателя оказался выше и для врача барака, который, получив записку от надзирателя, руководствовался ею, а не просьбой городского, которого отправил врач.

Санитарные врачи проводили свою работу в условиях отсутствия поддержки, а то и конфликта с другими представителями власти. В «Сибирских врачебных ведомостях» регулярно публиковались письма, в которых врачи критиковали систему управления Российской империи, плохие суды, беззаконие, принуждение, отсутствие земств в Сибири. Неудивительно, что в такой ситуации они сами не хотели становиться похожими на других представителей власти и действовать через протоколы, а шли путем объяснений и убеждений. В пользу этого свидетельствует и мнение одного из санитарных врачей: «эти чисто полицейские обязанности (так как они всегда сопровождаются протоколами и привле-

²³ Там же. 1907. №2. 15 января. С. 52.

²⁴ Там же. 1902. №1. 1 декабря. С. 12.

²⁵ Там же. 1903. №2. 1 января. С. 30.

чением к судебной ответственности) действуют на [санитарных] стражников деморализующим образом, воспитывая в них не санитарных советчиков, каковыми они не могли бы быть ни по своему умственному и нравственному развитию, ни по своей неподготовленности, а, наоборот, лиц, кичащихся своей властью, могущей покарать, и смотрящих на обывателей, как на лиц себе подчиненных. Это создает частые конфликты обывателя со стражником, в котором первый видит своего врага, от которого необходимо ускользнуть и в худшем случае напасть, вываливши навоз или бочку с нечистотами чуть ли не у его окон»²⁶. Иначе говоря, по мнению санитарного врача, составление протоколов по каждому возможному поводу отчуждало проверяющих и делало их врагами для жителей, соответственно, сам он идти таким путем не хотел.

В текстах, составленных санитарными врачами, постоянно возникал вопрос о необходимости найма не санитарного стражника, а образованного санитарного надзирателя. Врач оказывался чуть ли не единственным носителем знания и, вынужденный лично участвовать во всем, что касалось санитарии, нуждался в помощниках. Весной 1914 г. «городская управа согласилась принять на службу вместо неинтеллигентного стражника с конем ученика фельдшерской школы без лошади»²⁷. Опыт оказался успешным, и его планировалось продолжить.

Уйти от образа «держиморды» – первая причина, по которой санитарные врачи не всегда прибегали к протоколам. Второй причиной был небольшой выбор наказаний при широком диапазоне нарушений. Проверя, допустим, лавку или магазин, врач должен был не только увидеть нарушение, но и дать ему оценку. Насколько грязным может быть торговое заведение? Вероятно, взгляду санитарного врача представляли десятки, а то и сотни различных вариантов, и в сравнении оказывалось, что то, что не совсем чисто само по себе, вполне удовлетворительно относительно случаев вопиющих нарушений.

Материалы санитарных осмотров в подавляющем большинстве относились к торговым заведениям. Количество протоколов, составленных санитарными врачами, невелико по сравнению с количеством осмотров, но это не является показателем отсутствия нарушений. Санитарный врач вырабатывал собственную систему их оценки: удовлетворительное состояние, мелкие замечания или крупные, плохое и грязное содержание заведения или только неаккуратное. Давались словесные или письменные предупреждения, рекомендации к закрытию. Протоколы появлялись только когда другие способы не действовали или нарушение было очень серьезным, кроме того, нарушителям давались сроки для исправления²⁸.

²⁶ Обзор хозяйства города Красноярска за январь-март 1911 г. Приложения. С. 29.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Врачебно-санитарный отдел обзора городского хозяйства города Красноярска за июль-декабрь 1914 года. С. 14.

Какое же нарушение считали серьезным? Из 367 осмотров, совершенных с 25 января по 1 апреля 1910 г., составления протокола «заслужил» только один случай – мастерская Шкреда за антисанитарное содержание колбасной и присутствие в ней рабочего со второй стадией сифилиса. Именно за рабочего мировой судья приговорил содержателя заведения к штрафу в 200 руб.²⁹, тогда как в случаях других обнаруженных нарушений обошлись без составления протокола. Обращает на себя внимание и высокая сумма штрафа, но к вопросу о штрафах вернемся ниже.

В-третьих, врачам был важен результат, а не факт наложения штрафа или иного взыскания, тем более, что штраф не всегда приводил к нужному результату. Санитарный врач Гланц в своем отчете за июль-декабрь 1913 г. писал, что «многократные убеждения и даже протоколы, к сожалению, не действуют на этих упорных хозяев. Правда, это отчасти может быть объясняется и тем, что штрафы в несколько рублей предпочитают более дорогостоящим ремонтам помещений и проч., рекомендуемым санитарным врачом»³⁰. О том же говорил и санитарный врач Жбанов из Иркутска: «Чистота – этот главный фактор здоровой жизни, стоит очень дорого и выгоднее за санитарные беспорядки заплатить штраф по суду, чем привести свои владения в должный порядок и так поддерживать их»³¹. Оказываясь перед выбором, составить протокол или убедить сделать ремонт или иные улучшения, санитарный врач выбирал второе: «К сожалению, приходится признавать, что протокольное воздействие на некультурного хозяина заведения приносит очень мало пользы. Небольшой штраф в несколько рублей уплачивается, а антисанитарное содержание заведения остается по-прежнему»³².

М.А. Кудржинский тоже считал протокол неэффективным: «Несомненно только то, что протоколом достигнешь в этом отношении меньше всего. Пока обыватель видит грозящую ему палку, он, против убеждения, токмо за страх, повезет назем за город, за две версты на место свалки; но лишь палка приопустится, он опять за свое. Горько и обидно станет за этих взрослых детей, когда видишь их непроглядную умственную темень, когда видишь, что самые примитивные культурные мероприятия, у образованных европейцев давно усвоенные, как аксиомы и претворенные в повседневную привычку, у нас все еще приходится насаждать посредством протокола. Все еще “езде преобладает у нас стремление сеять добро силой”... все еще “езде опека над малолетними!”»³³. Собираясь на днях праздновать двухсотлетие существования окна, прорубленного Петром в Европу, нам не мешало бы отпраздновать и

²⁹ Обзор города Красноярска за январь-июнь 1910 г. Приложения. С. 8, 10.

³⁰ Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1913 г. С. 35-36.

³¹ Сибирские врачебные ведомости. 1903. №2. 1 января. С. 25.

³² Обзор хозяйства города Красноярска за апрель-июнь 1913 г. Приложение. С. 8.

³³ Это слова министра внутренних дел П.А. Валуева (1885 г.). См. Джаншиев. 1898. С. 321. (Данная цитата приведена в тексте самим М.А. Кудржинским – Т.Я.).

двухвековой юбилей метода насильственного насаждения «культуры» и рассмотреть полученные от применения его результаты. Оказывается, наприм., что без протокола канский (да и канский ли только?) обыватель в XX веке не станет чистить своего двора, предпочитая, как и предок его в XVIII веке, утопать в собственных отбросах. Тяжело, что и сейчас приходится отстаивать аксиому, что культура общества может развиваться только путем просвещения. Другого пути нет. Культура, опирающаяся на протокол, – это назем, посыпанный песочком. Подул ветер, и песочка нет»³⁴. Таким образом, Кудржинский считал, что нужно постоянно просвещать население, а протокол не приводит к изменениям в повседневных привычках, он лишь вызывает сопротивление и маскировку нарушения. Таких же взглядов придерживался и В.М. Крутовский в Красноярске: «Между обывателями и стражниками идет борьба. <...> Первые бесчинствуют, вторые ловят, уличают и составляют протоколы. Я думаю, что такая полицейская санитария с протоколами и пр. атрибутами не имеет никакого значения. Настоящая санитария, если она подойдет к обывателю не с протоколами и угрозой, а с настоящими санитарн. идеями, не встретит с его стороны злобного отношения»³⁵.

Однако нельзя сказать, что протокол был абсолютно неэффективен. Для некоторых торговцев он был крайне нежелателен. Так, санитарный врач Н.А. Гланц говорил, что «всякие требования в этом отношении (чистота и качество продуктов – Т.Я.) со стороны санитарного надзора считаются, по меньшей мере, личным капризом врача. Да это и неудивительно, если принять во внимание малокультурность этой хозяйской публики, помнящей лишь о том, чтобы заведение приносило возможно большую прибыль. Когда застаешь спящими на ларях для выкатывания теста грязных, а возможно и больных рабочих, хозяин заведения только диву дается, что в этом страшного находит санитарный врач, и усердно молит только об одном, чтобы не было составлено протокола и “пропечатано” в газете»³⁶. Составление протокола приводило к огласке (в газете «Енисей» регулярно публиковались заметки о протоколах), что являлось рычагом воздействия на нарушителей.

На слабую эффективность протоколов влиял и тот факт, что они не всегда приводили к штрафу, или же его сумма была крайне невелика. Один из красноярских врачей жаловался: «В руках городского санитарного врача имеются лишь бумага и чернила в большом избытке и ему приходится волей-неволей в мероприятиях по санитарной части ограничиваться осмотрами съестных лавок, колбасных, булочных и пр., составлять бесчисленные протоколы и нести муку сидения у мировых при разборе этих дел, которые, обыкновенно, крайне слабо поддерживаются

³⁴ Сибирские врачебные ведомости. 1903. №9. 15 апреля. С. 119-120.

³⁵ Протоколы и труды Общества врачей... С. 10.

³⁶ Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1913 г. С. 41.

полицией и никогда почти последнею не опротестовываются в высшую инстанцию в случае оправдательных или ничтожных по своему значению приговоров мировыми»³⁷. Н.А. Гланц также указывал, что «судебные процессы, оканчивающиеся легким штрафом, нечувствительны для систематических нарушителей санитарного порядка». Он же, «приводя пример заграничных больших штрафов за нарушение чистоты, приводит примеры, где торговцы (в Красноярске – Т.Я.) просто издевались над судом, оправдывающим и ограничивающимся легким штрафом»³⁸.

Санитарные врачи, приступая к проверкам исходили из представления о том, что составление протоколов о нарушениях является крайним способом воздействия, а предпочтительным оказывается убеждение. Такую стратегию пытались распространить и на деятельность санитарного попечительства. В декабре 1913 г. на втором заседании вновь созданного попечительства обсуждался вопрос о борьбе с нарушениями в санитарной сфере. «Н.М. Знаменский указывает, что санитарному попечительству следует действовать правовыми нормами, а не административным воздействием, тем более, что судебные кары могут быть довольно чувствительны. П.Е. Шмандин предлагает сначала действовать мерами внушения и, в крайнем случае – судебными, и штраф, хотя бы в 200 р. в год, считает достаточным побуждением для предпринимателей улучшить дело». «Н.А. Гланц подписывается под такой тактикой, утверждает, что только необходимость заставляет прибегать и к протоколам, и к администрат. воздействиям». Но существовали и альтернативные мнения. Так, агент санитарной службы И.Т. Селезнев говорил о «нечувствительности предпринимателей к увещаниям»³⁹, К.И. Эмих не согласен с тем, что «протоколы мало действительны, хотя принципиально он сторонник санитарно-врачебного надзора». Таким образом, у использования протокола были и свои сторонники, признававшие их эффективность. Существовало понимание, что для определенных категорий горожан причина нарушений скрыта не в отсутствии знаний о санитарии. Заведующий красноярским медико-санитарным бюро Н.М. Знаменский отметил: «трудно представить, чем бы, при отсутствии постоянного надзора, угощали публику г.г. колбасники, пекари, кондитеры и заводчики различных вод и прочие поставщики предметов питания. Какими лекциями и авторитетами можно убедить вышеупомянутых лиц в том, что они и сами знают отлично. Нет никаких сомнений, что в большинстве нарушений санитарных норм играет роль не невежество, не отсутствие знаний, а, главным образом, злая воля и дурные привычки»⁴⁰.

³⁷ Сибирские врачебные ведомости. 1903. №5, 15 февраля. С. 69.

³⁸ Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1913 г. Приложения. С. 87.

³⁹ Там же. С. 87-88.

⁴⁰ Врачебно-санитарный отдел обзора городского хозяйства города Красноярска за июль-декабрь 1914 года. С. 47.

Стратегия большинства врачей понятна: добиться изменений путем убеждения. Насколько она была успешна?

Курджинский писал: «... Можно себе представить, насколько легко убедить во вреде загрязнения почвы население, имеющее за собою вековой опыт предков, – население, так сказать, выросшее на навозной почве»⁴¹. Вторит ему и санитарный врач Красноярска: «Отсутствие элементарного понятия о чистоте у рабочих и хозяев заведений весьма распространенное явление. Убеждения в этом направлении, благодаря малокультурности этих людей, как-то мало действуют. Неудивительно, если в тесто попадает всякая грязь, микробы, насекомые, особенно тараканы, которых в изобилии можно встретить в некоторых заведениях и даже, как это имело место в хлебопекарне Уланова, и целая мышь»⁴². Врачи не испытывали иллюзий: «К большому сожалению, мне не удалось посетить большинства этих учреждений по второму разу, чтобы проверить, исправлены ли все допущенные отклонения и сделанные мною замечания. Думается, что едва ли сделаны»⁴³.

В то же время, санитарные врачи приводят и сведения о своих успехах: «на базарах удалось добиться кое-каких улучшений»⁴⁴. За этой общей фразой скрывается сизифов труд санитарных врачей: постепенные улучшения не приводили к коренным переменам. Тем не менее, «удалось добиться того, что мясники перестали в большинстве случаев держать мясные продукты прямо на земле»⁴⁵, хозяева предприятий стали отправлять рабочих на освидетельствование к врачам⁴⁶ и т.д. Приведенные примеры показывают, что санитарным врачам все же удавалось менять повседневные практики, при этом уговоры приносили плоды, даже если требуемые условия не были еще определены законом.

Санитарные врачи практически в одиночестве следили за санитарным состоянием вверенных им городов, и просто физически не имели возможности все контролировать. Они разъясняли санитарные требования преимущественно постоянным торговцам, по отношению к которым была возможность делать это регулярно и добиться результата. По словам одного из врачей, «невозможность втолковать приезжим крестьянам необходимость тех или иных санитарных мероприятий, при частой смене продавцов, парализует всякие благие намерения»⁴⁷. В результате, осмотр привезенных ими продуктов на базаре велся не очень тщательно. Взгляд санитарного врача фиксировал, что «при продаже этих <молочных> продуктов сказывается во всю отсутствие культурных приемов:

⁴¹ Сибирские врачебные ведомости. 1903. №9. 15 апреля. С. 119-120.

⁴² Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1913 г. С. 44.

⁴³ Обзор города Красноярска за январь-июнь 1910 г. Приложения. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 15.

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Обзор хозяйства города Красноярска за январь-март 1911 г. Приложения. С. 25.

⁴⁷ Обзор города Красноярска за январь-июнь 1910 г. Приложения. С. 12.

общая деревянная ложка для всех, пробующих творог, сметану, молоко (некоторые, более брезгливые, пробуют, засунувши в посуду свой палец, или прямо из горлышка бутылки и кринки; пальца продавщиц, очищающие ложку или кринку при переливании в другую посудину); обтирание ложки верхней одеждой и в лучшем случае не блещущим чистотой фартуком – это привычки, настолько въевшиеся в обиход красноярской обывательницы, что она не протестует против таких бесцеремонных, с санитарной точки зрения, приемов, и борьба с этим чрезвычайно трудна». Борются с подобными привычками в одиночку, без поддержки потребителей, было невероятно сложно, учитывая множество крестьян, съезжавшихся на базар в Красноярск по средам и субботам – «киногда количество крестьянских подвод насчитывает до 1200»⁴⁸.

Итак, в рассматриваемый период предпринимались попытки заменить традиционные санитарные представления населения санитарией, основанной на научном знании. Носители этого знания – санитарные врачи – оказывались особыми представителями власти, чьи взгляды были чужды не только обывателям, но и рядовым представителям городского управления. Оказавшись в подобной изоляции, они предпочитали действовать преимущественно не полицейскими мерами, предложенными для них законом, а путем объяснения и убеждения.

Выбранная санитарными врачами просветительская стратегия не приводила к быстрым результатам, поскольку она предполагала значительную перестройку повседневных практик, сформировавшихся десятилетиями и основанных на опыте предков. Представления обывателей о чистом и грязном оказывалось невозможным быстро привести в соответствие с достижениями медицинской науки того времени. Именно через проверки и диалог с санитарными врачами обыватели узнавали санитарные правила, а также общие принципы гигиены и санитарии. Но ничто не могло измениться до тех пор, пока чистота не становилась жизненной ценностью обывателей. На это и была нацелена просветительская политика санитарных врачей, но в рассматриваемый период они еще пребывали в поиске механизмов внедрения своих гигиенических норм в жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–149.
- Вишленкова Е.А. О народной неопрятности и национальном здоровье: культурные границы в описании России второй половины XVIII – начала XIX века // *Cogito*. Альманах истории идей. Вып.4.: НМЦ «Логос». Ростов-н/Д, 2009. С. 72–80.
- Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлюмбург, М. Хагнер, И. Сироткина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетей, 2008. 304 с.
- Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. М.: Типо-лит. К.Ф. Александрова, 1898.

⁴⁸ Обзор хозяйства города Красноярска за январь-март 1911 г. Приложения. С. 24.

- Михель Д.В. Народная культура в фокусе санитарно-медицинского восприятия в контексте борьбы с эпидемиями на Волге на рубеже XIX – XX веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2004. Вып. 12. С. 298–308.
- Пироговская М.М. Ветлянская чума 1878–1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре) формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. №17. С. 198–229.
- Стаф И. Медицина между взглядом и дискурсом: диагноз Мишеля Фуко // Отечественные записки. 2006. №1 (28). С. 43–57.
- Сысоева Л.А. Последний император России в Красноярске. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 113 с.
- Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. И. Ивакина. М.: Университетская типография, 1891.
- Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. 252 с.

REFERENCES

- Afanas'eva A. «Osvobodit'... ot shaitanov i sharlatanov»: diskursy i praktiki rossiiskoi mediciny v Kazahskoi stepi v XIX veke // Ab Imperio. 2008. №4. S. 113–149.
- Vishlenkova E.A. O narodnoi neopryatnosti i nacional'nom zdorov'e: kul'turnye granicy v opisanih Rossii vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX veka // Cogito. Al'manah istorii idei. Vyp.4.: NMC «Logos». Rostov-n/D, 2009. S. 72 – 80.
- Bolezn' i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny / Red. Ju. Shljumbum, M. Hagner, I. Sirotkina. SPb.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2008. 304 s.
- Mihel' D.V. Narodnaya kul'tura v fokuse sanitarno-medicinskogo vospriyatiya v kontekste bor'by s epidemiyami na Volge na rubezhe XIX – XX vekov // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noi istorii. 2004. Vyp. 12. S. 298 – 308.
- Pirogovskaya M.M. Vetlyanskaya chuma 1878–1879 gg.: Sanitarnyi diskurs, sanitarnye praktiki i (re) formirovanie chuvstvitel'nosti. //Antropologicheskii forum. 2012. №17. S. 198–229.
- Staf I. Medicina mezhdu vzglyadom i diskursom: diagnoz Mishelya Fuko // Otechestvennye zapiski. 2006. №1 (28). S. 43–57.
- Sysoeva L.A. Poslednii imperator Rossii v Krasnoyarske. Krasnoyarsk: Sibirskii pechatnyi dvor, 2007. 113 s.
- Tanner B. Opisaniye puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 godu / Per. I. Ivakina. M.: Universitetskaya tipografiya, 1891.
- Fuko M. Rozhdenie kliniki. M.: Akademicheskii proekt, 2010. 252 s.

Яковлева Татьяна Геннадьевна, соискатель, Отдел исторической антропологии и истории повседневности Института всеобщей истории РАН, tyakovleva@eu.spb.ru

“Culture based on the protocol”. Sanitary doctors in Siberia at the turn of the century: between knowledge and practice

This article deals with the replacement of traditional sanitary practices in the cities of the Yenisei Province with "modern" ones based on new scientific knowledge, the main source of which was sanitary doctors. The author shows that the opposition to transformation was comprised of not only local residents, who had their own ideas about hygiene and sanitation, but also local authorities. Sanitary doctors in turn, were forced to develop new ways to achieve their objectives, choosing the route of education.

Keywords: sanitation, hygiene, unsanitary, sanitary doctor, Yenisei Province, 19th century

Tatiana Yakovleva, Centre of Historical Anthropology and History of Everyday Life, Institute of General History, Russian Academy of Sciences; tyakovleva@eu.spb.ru

ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГОРОДСКОГО РАЙОНА КРУПНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА ОПЫТ НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье раскрывается опыт применения модели анализа пространства исторической памяти городского района, включающей в себя четыре элемента: архитектурно-планировочный ландшафт района, памятники и памятные места как координаты социокультурной преемственности, эволюция повседневности, а также общий анализ коллективной и индивидуальной памяти жителей района, который находится на стыке семейной, локальной и глобальной (национальной) истории. Исследование носит междисциплинарный характер, а предложенная модель апробирована на материалах нескольких городских районов крупных городов Западной Сибири.

Ключевые слова: *пространство исторической памяти, город, локальная история.*

Интеграция усилий ученых широкого спектра гуманитарных наук становится все более распространенным явлением. В исторической науке разработка новых исследовательских стратегий стала остро востребована в изучении проблем исторической памяти. В настоящей статье основное внимание уделено возможностям научной реконструкции пространства исторической памяти городского района.

Используемое здесь понятие «пространство исторической памяти» подразумевает определенную часть географически ограниченной территории, наполненной социокультурным содержанием, связанным с историко-культурной памятью и преемственностью, т.е. подобное пространство рассматривается одновременно как географический, социальный и исторический объект. И именно сквозь призму исторического и социокультурного значения этого пространства можно говорить о его наполненности коллективной и индивидуальной исторической памятью.

Исследование проведено на стыке нескольких дисциплин: гуманитарной географии (Д.И. Замятин), теории культурно-цивилизационного ландшафта (В.Г. Рыженко¹), теории культурной памяти (Я. Ассман²; Л.П. Репина³ и др.) и теории городской культуры⁴ и градостроительства.

Обращаясь к теории гуманитарной географии, отметим такую тенденцию, как близость географического ландшафта и социокультурных практик человека в его повседневной жизни. Этот вывод следует из того, что современная теория культурного ландшафта рассматривает культуру и географическое пространство в их единстве: «в культурный ландшафт на равных правах входят материальная и духовная культура,

¹ Рыженко 2003; 2010.

² Ассман 2004.

³ Репина 2011. С. 30-34; 2008.

⁴ Рыженко, Назимова, Алисов 2004. С. 24.

современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие»⁵. Речь идет о соотношении в городском культурном пространстве двух компонентов: материального (архитектурно-планировочный ландшафт, здания, учреждения, организации и т.д.) и культурного (ментальные представления, историческая память, пространственные образы). Н.Ю. Лысова отмечает: «Благодаря накопленной истории город становится мощным генератором новой информации. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность синхронно сопоставляться с настоящим. В этом отношении город, как и культура, – механизм, противостоящий времени»⁶.

Условная модель изучения пространства исторической памяти города или городского района включает несколько элементов. Во-первых, это архитектурно-планировочный ландшафт, который складывается из зданий и сооружений, построенных в определенный исторический период. Также в первом элементе большую роль играет и топонимика рассматриваемого городского пространства. Во-вторых, это определенные памятники и памятные места, созданные на территории городского пространства. В-третьих, это повседневная жизнь населения данного города или района, которая эволюционирует и изменяется с течением времени, однако оставляет память о себе на уровне традиции, менталитета горожан, поведенческих практик и общего уровня городской культуры. Наконец, четвертый элемент данной модели – это анализ коллективной и индивидуальной памяти о прошлом и настоящем на трех уровнях: уровне семейной биографии, истории городского пространства и более масштабном уровне – истории страны в целом, в который вписаны два предыдущих условно выделенных нами уровня памяти.

Ряд трудностей, с которыми может столкнуться историк при применении методов устной истории для реконструкции биографий или исторических событий, были описаны А. Мегиллом. Им, в частности, были разделены понятия «память», «ностальгия» и «идентичность». Однако каждое из них в отдельности оказывает влияние на человека, личная биография которого реконструируется исследователем. Мегилл предлагает разные позиции, которые может занять историк на пути преодоления подобных субъективных искажений истории⁷.

В качестве объекта исследования обратимся к ряду городов и городских районов Сибири, формирование которых пришлось на 1950–1960-е гг. В основном это районы массового жилищного строительства по принципу районной застройки для работников крупных предприятий. Среди таких объектов можно выделить район красноярского правобережья, новый крупный город Ангарск в Иркутской области, Южный посе-

⁵ Лавренова 2013. С. 216.

⁶ Лысова 2011.

⁷ Мегилл 2007.

лок города Кемерово, но главное внимание будет направлено на два локальных примера – омский Городок Нефтяников и новосибирском Академгородке. Примечательно в этих городах и городских районах то, что для их строительства, а также последующей жизни в них и работы на градообразующих предприятиях привлекались люди из других городов и регионов СССР, а также представители сельского населения. Как правило, первую группу составляли специалисты, имевшие опыт работы на других крупных предприятиях страны, и молодежь, прибывавшая сюда по комсомольским путевкам, а вторую – рабочие без квалификации, которые составляли основную часть новых жителей района. Таким образом, в ходе формирования новых городских районов в крупных городах Сибири возникало смешение представителей городского и сельского населения. Опора на теорию культурной памяти Я. Ассмана⁸ позволяет выделить три составляющих процесса эволюции культурной памяти для горожан 1950–1960-х гг. и последующих десятилетий: 1) перемены, связанные с традициями повседневной жизни; 2) перемены в области окружающей среды, которая менялась в зависимости от смены места жительства; 3) перемены, возникавшие в сознании людей.

Переплетение общесоветских тенденций развития повседневной жизни в эти годы с локальной спецификой в конкретных новых городских районах имело ряд особенностей. Эти районы символически закрепили в себе один из этапов советской истории, на котором происходил переход к массовому жилищному строительству, новым нормам потребления, новому образу жизни. В настоящее время данные районы все больше смешиваются с архитектурой более позднего времени, с новыми магазинами, предприятиями, учреждениями, заселяются новыми жителями с принципиально иным менталитетом и другой психологией. Культурное пространство изменилось гораздо быстрее, чем материальное. Однако эти изменения необратимо делают новые для 1950–1960-х гг. городские районы достоянием истории и памяти.

Практика рассмотрения эволюции культурной памяти в тесной привязке к городскому пространству дает право говорить о локальной специфике этих процессов, а также о взаимовлиянии семейной биографии и событий истории страны в сфере передачи памяти от поколения к поколению. Представители городского социума, родившиеся и выросшие в деревне, по-своему хранили традиции и перенесли многие из них в городскую культуру, в которой оказались. Это заметно по тому, что в новых районах массового жилищного строительства на протяжении примерно десяти лет сохранялись практики, характерные для сельской жизни. Среди них можно отметить проведение пышных застолий и массовых гуляний не в отдельной квартире, как это было характерно для городских жителей, а на улице. Долгое время в районах массового жи-

⁸ Ассман 2004. С. 45.

личного строительства отсутствовало снабжение газом, что становилось причиной сооружения близ многоэтажных жилых домов небольших сараев. Уже в 1970-е гг. подобные элементы повседневной жизни стали уходить на второй план, а в дальнейшем и вовсе утратили свое значение, сохранившись лишь в семейных архивах и воспоминаниях.

Проблемы культурной памяти и исторической преемственности локальных сообществ приобретают особое значение при обращении к тем объектам прошлого в городском пространстве, которые отличаются массовостью, сравнительно короткой историей и отсутствием официально признанной исторической ценности. При этом новые городские районы 1950–1960-х гг. составляют условное “ядро” социальной истории России и СССР в середине XX в. В связи с тем, что в этот период численность городского населения в Советском Союзе впервые превысила число сельских жителей, районы массового жилищного строительства стали катализаторами нового образа жизни почти половины, а затем и большинства населения нашей страны.

С исторической и архитектурной точки зрения рассматривать эти районы в качестве возможного особого объекта культурного наследия может показаться преждевременным, однако за счёт именно таких районов не только происходило расширение уже основанных городов, но и образование городов совершенно новых. Для них жилищное строительство середины XX в. стало историческим ядром всего города. Культурно-историческая специфика новых районов массового жилищного строительства состоит не только в материальном воплощении отдельного периода нашей страны, но еще и в сохранении культурной памяти о той повседневной жизни, которая наполнила эти районы полвека назад.

Резюмируя сказанное, заметим, что основную задачу рассмотрения новых городских районов 1950-60-х гг. мы видим не столько в особой охране самих районов, их отдельных зданий и инфраструктуры в первоизданном виде (хотя для жилых архитектурных ансамблей, построенных в стиле позднего сталинского ампира это составляет исключение), а в реконструкции истории их создания, а также в истории повседневной жизни на их территории в определенные периоды, в сохранении этой истории и передаче ее от поколения к поколению.

Первым элементом культурно-исторического пространства городского района является архитектурно-планировочный ландшафт. Обратимся к истории создания архитектурного ансамбля омского Городка Нефтяников, связанной со строительством нефтехимического комплекса (30 июля 1949 г. Совет министров СССР распоряжением № 11734 обязал министерство нефтяной промышленности начать проектные работы по строительству в районе Омска нефтезавода мощностью 3 млн. тонн нефти в год). В Городке Нефтяников наиболее выдающимися среди объектов, выдержанных в стиле позднего сталинского ампира, являются здания клуба строителей и Заводоуправления. Первое было построено

с колоннадой и имитацией ротонды, замыкающей площадь перед клубом. Декорированы лепниной были не только внешние элементы здания, но и интерьер. Здание заводоуправления украшено башней и шпилем, что придает ему торжественность и подчеркивает административный статус. Характерный элемент украшения фасадов жилых домов в Городке Нефтяников – это лавровые венки и гирлянды. Они встречаются в оформлении карнизов и верхних частей эркеров зданий по проспекту Мира, главной магистрали городка. Лавровые ветви, символизирующие боевую славу, часто изображались в советской геральдике, встречались в орденах и медалях. В оформлении фасадов жилых домов лавровые ветви изображались с характерным дуговым изгибом, располагались симметрично, в верхней части эркера. В ряде других эркеров располагалось монументально подчеркнутое изображение круга, который является одной из наиболее часто употребляемых фигур, символизирующих вечность. Проектирование фигуры круга в верхней части дома подтверждает стремление архитекторов закрепить в среде жилого пространства тему вечной памяти воинам, погибшим в боях Великой Отечественной войны.

В ансамбле жилых домов по проспекту Мира архитекторы активно применяли арки для оформления первых этажей. Особенно много подчеркнуто выделенных арочных элементов было спроектировано на площади перед Дворцом культуры им. А.М. Малунцева. Большие арочные окна и двери можно рассматривать как символ триумфа (отталкивающийся от образа знаменитых Триумфальных арок в Париже и Москве). То же можно сказать и о столбах, расположенных при въезде в Городок Нефтяников. В доме на пересечении улиц Химиков и проспекта Мира была построена украшенная лепным декором, символизирующим урожайность, арка с двумя этажами бытовых помещений над ней.

Победа в Великой Отечественной войне была визуально закреплена в пространстве повседневной жизни жителей. Некоторые прямоугольные дверные проемы входов в магазины и общественные учреждения чередовались со специально выделенным дополнительным арочным сводом, состоящим не только из выступающей дуговой линии, но и имеющим белый контур на фоне желтой фактуры всего здания. Арочные элементы были применены и во многих домах внутриквартальной малоэтажной застройки (напр., в оформлении Дома Техники и симметрично поставленном доме по проспекту Культуры). Полукруглое завершение окон подъездов и лестничных маршей активно применялось в жилой застройке Городка Нефтяников (ул. А.М. Малунцева и проспект Мира).

В аналогичном архитектурном стиле были построены новые районы жилищного строительства в Красноярске, Барнауле, Новосибирске, Кемерово и малых городах Сибири (Ленинск-Кузнецкий, Югра, Ачинск, Канск, Белово, Петровск-Забайкальский и др.). В частности, главную улицу нового крупного жилого района Красноярска середины XX века, проспект имени газеты «Красноярский рабочий» можно признать градо-

образующей осью пространства этой части города. Ее специфика заключается в том, что она связала между собой новые промышленные районы правого берега Енисея. Сегодня этот проспект, с его обилием жилых, общественных и промышленных зданий, построенных в стиле позднего сталинского ампира, играет значимую роль в сохранении культурно-исторической памяти района, включая практику проведения праздника улицы. В 2009 г. в честь 55-летия проспекта были организованы юбилейные торжества «в самом большом в мире сквере-памятнике “Московский тракт” – от переулка Вузовского до улицы Шелковой». Кроме этого, в течение дня от «КраСТЭЦ» по улице курсировал «праздничный трамвай» с фотовыставкой-ретроспективой проспекта прошлых лет.

Другим важнейшим элементом городского пространства культурно-исторической памяти является топонимика города. Топонимика омского Городка Нефтяников отражает разные периоды локальной и общегосударственной истории. Территория крупного района в 1950–1960-е гг. делилась на ряд мелких поселков и отдельных окраин. Их названия образовывались исходя из территориального расположения, а также местной топонимической традиции: Поселок Дальний был расположен дальше всего от центра города и остальной жилой зоны Городка, поселок Иртышский закономерно находился у берега реки Иртыш. Кроме того, поскольку на строительстве Омского нефтеперерабатывающего завода и жилого района были заняты заключенные, здесь находились огороженные колючей проволокой зоны Военизированных строительных отрядов (ВСО). Вольнонаемные строители и работники нефтезавода употребляли применительно к ним названия: Первое ВСО, Второе ВСО, Третье ВСО, или по-другому ВСО-1, ВСО-2, ВСО-3. После того, как в связи с общими изменениями во внутренней политике зоны были ликвидированы, некоторые из бараков использовались и далее, и эти названия из употребления не вышли. Несмотря на привыкание жителей к названию мест, власти делали попытки «замены неблагозвучных названий». Это было связано также с ликвидацией нападений о прежнем, «Сталинском» режиме в сознании людей и с дальнейшим курсом на обновление. Так, например, делая ссылку на Дело № 1225 Фонда № 235 Государственного Архива Омской области авторы справочников Омских улиц сообщают, что 7 мая 1957 г. горисполкомом было принято решение № 282, согласно которому «вместо многочисленных лагерных и военно-строительных отрядов вблизи нефтезавода появились поселки Береговой, Дальний, Ермак, Иртышский, Красноярский, Октябрьский, Первомайский, Сибирский. Часть поселков получила общую «производственную» тематику: Заводской, Каучук, Коммунальный, Строителей, Энергетиков. Причем авторы замечают, что почти все эти поселки были снесены к началу 1970-х гг., а оставшиеся названия в обиходе не закрепились, кроме поселка Ермак. Но старожилы помнят все вышеотмеченные названия поселков и их пространственную расположенность в строящемся большом

районе. Упоминания этих мест в совокупности складываются в конструируемую нами цельную карту Городка Нефтяников середины 1950-х гг. Беседы с современными жителями Городка также подтверждают бытование в повседневном обиходе жителей Омска названий микрорайонов Ермак, Иртышский, Первомайский, Заводской⁹.

Особый интерес представляет появление в новом районе по решению омского горисполкома № 1002-2 от 16 декабря 1955 года улиц XIX Партсъезда и XX Партсъезда, застройка которых была завершена примерно в эти же годы. То, что обе улицы появились в одном районе (улицы XXII Партсъезда находится в другом районе города) не случайно, так как они обозначали преемственность партийного курса между 1952 и 1956 годом. Это символизировало особую роль партии в создании нового жилого района и предприятия. О связи с Ленинским партийным курсом говорит также появление в этот период улицы 22 Апреля.

Второй элемент условного пространства культурно-исторической памяти городского района состоит в создании памятников и памятных мест. На примере двух районов крупных сибирских городов, омском Городке Нефтяников и новосибирском Академгородке, можно четко проследить тенденцию сохранения культурно-исторической памяти посредством установки памятников и создания «мест памяти». И здесь появляется еще одно проблемное поле, связанное с сохранением памяти о локальных событиях, местах и людях, и о передаче этой памяти следующим поколениям. Такая проблема в первую очередь стала актуальной на национальном уровне. «Мемориальный поворот в современной исторической науке привел к существенному расширению предметного поля “новой культурной истории”, охватившего проблематику “мест памяти” и “исторической мифологии”. <...> сами законы жанра “биографии нации” требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, сходящегося к субъекту идентификации и демонстрирующего ключевые “места памяти” и символы “общей судьбы”»¹⁰. Однако стоит предположить, что для продолжения и существенного дополнения «национальной биографии» региональным и местным культурно-историческим наследием, имеющим прямое отношение к сохранению исторической памяти, важным становится изучение местной специфики. Как раз те самые «символы общей судьбы» и «места памяти», о которых говорит автор, здесь, на локальном уровне, подвержены гораздо большему риску забвения по причине гораздо меньшей значимости в сравнении с общенациональной спецификой.

Несмотря на то, что омский Городок Нефтяников и новосибирский Академгородок принадлежат к разным типам городских районов – промышленному типу и наукограду, особенности установки памятников и

⁹ Гурьев, Гусева 2001. С. 12, 17.

¹⁰ Репина 2012. С. 5-7.

закрепления в пространстве памятных мест в них имеют явно сходные черты. Наиболее заметной общей тенденцией в районах подобного типа является наличие памятников тем местным деятелям, которым эти города и районы обязаны своим появлением. Памятная стелла, посвященная А.М. Малунцеву, установлена на том месте, где начинается улица, которая названа в его честь. Памятник М.А. Лаврентьеву также установлен в начале проспекта, названного в его честь в Академгородке и находится вблизи здания Президиума СО РАН. Подобные памятники устанавливаются и сегодня по инициативе местных властей, но чаще – по инициативе общественности.

В городском пространстве была реализована практика установки памятников и в честь тех людей, которые внесли значительный вклад в развитие градообразующего (районообразующего) предприятия и – в разной степени – в развитие района. Среди них отметим установленный на рубеже 1990-х и 2000-х гг. памятник И.Д. Лицкевичу, директору омского нефтезавода в 1987–1995 гг. В 2012 г. на доме, в котором жил второй директор Омского нефтеперерабатывающего завода, Виктор Андреевич Рябов, была установлена памятная доска. В 1970–1974 гг. В.А. Рябов был депутатом Верховного Совета СССР восьмого созыва, затем занимал различные должности при Министерстве нефтяной промышленности СССР, установка памятной доски совпала с присвоением ему звания «Почетный гражданин города Омска». В историко-культурном пространстве Городка Нефтяников эта памятная доска является символическим закреплением развития нефтезавода и района во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. Интересно, что созданные в Городке Нефтяников «памятные места» расположены в тех частях застройки района, которые соответствуют периоду деятельности руководителей нефтезавода. Так, памятная доска на доме, где жил В.А. Рябов, находится в части застройки района 1950–1960-х гг. Памятная стела на площади И.Д. Лицкевича расположена у здания корпуса Омского государственного университета, строившегося как дом творчества в конце 1980-х – начале 1990-х гг., т.е. когда Иван Дмитриевич занимал пост директора предприятия. В Академгородке, в отличие от района промышленного типа, «памятные места» расположены с привязкой к определенным институтам. С точки зрения проектирования и строительства районов, это можно объяснить тем, что в Городке Нефтяников жилая и промышленная зоны отделены друг от друга, а в Академгородке институтская зона фактически является продолжением жилой. Память о многих выдающихся ученых, стоявших у истоков Новосибирского научного центра, продолжает оставаться в городском пространстве района. Помимо памятников, условные «места памяти» здесь образуют мемориальные доски на стенах институтов, где работали ученые. Важную роль в формировании «мест памяти» играет топонимика района и устные рассказы о выдающихся жильцах, проживавших в Академгородке.

Отдельную группу памятников в районах советского города составляют памятники и мемориалы, посвященные героям Великой Отечественной войны. По большей части такие памятники и мемориальные доски расположены на территории учебных заведений, но нередко они становятся частью открытого городского пространства, располагаясь на одноименных улицах, в скверах, аллеях, на площадях и перекрестках. Наряду с перечисленными памятниками местным деятелям, они объединяют разные исторические периоды и одновременно локальную историю с историей страны. Стоит подчеркнуть, что это несет в себе потенциал сохранения культурно-исторической памяти среди молодежи, проживающей или учащейся в этих районах¹¹.

Третий элемент трансформации культурно-исторической памяти касается повседневной жизни, которая, с одной стороны, сохраняла преемственность и традиции, а с другой, в наибольшей степени (в отличие от двух предыдущих элементов) была подвержена переменам. В качестве примера обратимся к одному из городских районов, активно строившемуся в середине XX в. в Новосибирске – Академгородку.

Названия первого поселения, стартовой площадки будущего Академгородка, разнились: от общепринятой «Золотой долины» до «коммуны золотодолинцев», как ее окрестил В.М. Титов¹², и «поселка аборигенов» в воспоминаниях О.Н. Марчук¹³. Здесь жили академики, научные сотрудники, студенты – представители тех социальных групп, которые станут основным населением Академгородка. Уже тогда складывались межличностные отношения особого типа. «Золотую долину» можно назвать моделью повседневности будущего Академгородка, здесь были аккумулированы многие характерные черты строящегося наукограда. Поселок стал местом совместного проживания научных работников Сибирского отделения, строительных рабочих и молодежи. Универсальная среда поселения состояла из строительных площадок, которые были местом работы бригад «Сибакademстрой», и наскоро сооруженных барачных помещений для научных лабораторий¹⁴. Характерные компоненты сельской жизни состояли в заготовке дров, топке жилья, доставке воды, в скромном внутреннем интерьере деревянных домов¹⁵.

¹¹ В пространстве Академгородка есть еще большое число скульптур и композиций. Среди них: скульптура «Архимед», созданная в 2008 г. по проекту Павла Баязитова из саянского мрамора; памятник «Вальс Победы» скульптора А. Агриколянского, установленный в 2010 г. у ДК «Академия»; памятник «ФыМыШатам», установленный в 2013 г. у здания бывшей физико-математической школы НГУ; созданная в 2014 г. необычная «Велопарковка» около Института цитологии и генетики; созданные в том же году два лавочных дерева около Технопарка и мн. др.

¹² «И забыть по-прежнему нельзя...» ... С. 15.

¹³ Марчук 1997. С. 14.

¹⁴ Так, в небольшом деревянном сарае размещалось изобретение Б.В. Войцеховского – «кольцевой лоток». См.: «И забыть по-прежнему нельзя...» С. 14.

¹⁵ Марчук 1997. С. 32.

В доме М.А. Лаврентьева несколько ступенек вело в прихожую, рядом с которой был его рабочий кабинет со стенами из гладких струганных досок, а на одной из них размещалась грифельная доска с лотком для мела, на ней часто можно было увидеть нестертые формулы. Ежедневно в 10 утра в кабинете начинались семинары, доклады, беседы с учениками. Организационные дела решались фактически после работы. М.А. Лаврентьеву предлагали квартиру на Красном проспекте в Новосибирске, однако он остался жить на территории городка¹⁶.

Зима 1958–59 г., ставшая первой в истории города науки, запомнилась всем, кто прибыл сюда в составе большой делегации, разделившейся на десятки малых групп. Молодые семьи накануне наступления зимних морозов получали двухкомнатные квартиры площадью комнат в 10 и 20 кв. метров. По подсчетам О.Н. Марчук, в бараках в ту зиму проживало 30 взрослых и 12 детей. Она подробно описывает повседневные дела: «...Появилась главная забота: топить каждый день печи. Сначала ходили в лес и валили сухие деревья. Затем их распиливали, притаскивали к домикам и кололи. Поленья служили для растопки, топили же печи каменным углем, громадная куча которого чернела на белом снегу. Кроме ведер с углем, носили еще ведра с водой. Вечером, когда закрывали трубы, в комнатах было невозможно жарко, а утром холодно, в углах комнат появлялся иней...». Отдельные элементы городской жизни обнаруживаются по фотографиям, на одной из которых, например, изображен домик Лаврентьева, рядом с которым можно увидеть служебный автомобиль «Победа»¹⁷. Позже в районе были построены капитальные жилые дома. В трехкомнатных квартирах первых домов иногда поселяли сразу две семьи: у каждой была своя комната, а кухня и большая проходная гостиная становились общими. Там же, молодожены могли отметить комсомольские свадьбы, первые в Академгородке¹⁸.

Уже в 1960-е гг. жизнь протекала в других условиях. Была налажена городская инфраструктура, система коммунально-бытового обслуживания, а вместе с тем ушли в прошлое самые запоминающиеся страницы коллективного быта, уступив место новым будням городской жизни. Во всех новых районах жилищного строительства Сибири 1950-х – первой половины 1960-х гг. материально-техническая база создавалась с нуля, что обуславливало эволюцию повседневного быта от сельского к городскому с сохранением определенных культурно-исторических традиций. Специфика Академгородка состояла в том, что основной категорией населения здесь были представители интеллигенции, которые сформировали особый социальный облик его жителей. Выходцы из Москвы и Ленинграда создали уникальный менталитет и всего населения нового

¹⁶ Евладов, Мошкин 1966. С. 4; Анфилов 1961.

¹⁷ Марчук 1997. С. 12, 18.

¹⁸ «И забыть по-прежнему нельзя...» С. 58-62.

района. Градостроительные и ландшафтные особенности также наложили свой отпечаток на повседневную жизнь Академгородка.

Наконец, один из элементов городского пространства исторической памяти, на который оказывают влияние предыдущие, касается памяти коллективной и индивидуальной. И повседневная жизнь в определенном пространстве, и восприятие локальных «культурных кодов» вместе с информацией о памятниках и памятных мест, не может рассматриваться отдельно от личных переживаний человека, внутрисемейных связей и событий. Эти события передаются следующим поколениям через предметы быта, внутриквартирное пространство, имеющее свою историю, через семейный фотоальбом и устные рассказы. И здесь играет роль не только жизнь в рамках одной квартиры, но и факторы городской среды – школа или детский сад, магазин или место работы.

Повседневная жизнь людей, которые получали отдельные квартиры в этих домах, сохраняется в устных рассказах, фотографиях и воспоминаниях старожилов этих районов. Культурно-историческая память, которая передается их потомкам, становится частью «народной» истории. Городская среда, как своей консервативностью (архитектура, планировка, инфраструктура), так и изменчивостью (перемены под влиянием глобализации) играет важную роль в повседневной жизни людей, а также в их восприятии повседневности и дальнейшей передаче социального опыта, а в конечном счете – в культурно-исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфилов Г.А. Мой дом в Золотой долине. // Огонек. 1961. № 4. С. 11-13.
- Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Гурьев Г.Ю., Гусева Е.Н. Улицы города Омска. Справочник. 2001.
- Евладов Б., Мошкин С. Золотая долина, Академгородок Репортаж из новосибирского научного центра. М., 1966.
- «И забыть по-прежнему нельзя...» / Верховская Е.Н., Притвиц Н.А. Новосибирск, 2007.
- Лавренова О. Междисциплинарное поле мысли: культурный ландшафт // Проблемы теоретической и гуманитарной географии / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. М., 2013.
- Лысова Н.Ю. Город как пространство культурно-исторической памяти // Регионоведение. 2011. № 2.
- Марчук О.Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1997.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
- Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кружок, 2011.
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кружок, 2008. С. 7-18.
- Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург–Омск, 2003. 370 с.
- Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск, 2010. 340 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск, 2004.

REFERENCES

- Anfilov G.A. Moi dom v Zolotoi doline. // Ogonek. 1961. № 4. S. 11-13.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o poshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Gur'ev G.Yu., Guseva E.N. Ulitsy goroda Omska. Spravochnik. 2001.
- Evladov B., Moshkin S. Zolotaya dolina, Akademgorodok Reportazh iz novosibirskogo nauchnogo tsentra. M., 1966.
- «I zabyt' po-prezhnemu nel'zya...» / Verkhovskaya E.N., Pritvits N.A. Novosibirsk, 2007.
- Lavrenova O. Mezhdistsiplinarnoe pole mysli: kul'turnyi landshaft // Problemy teoreticheskoi i gumanitarnoi geografii / Sost., otv. red. D.N. Zamyatin. M., 2013.
- Lysova N.Yu. Gorod kak prostranstvo kul'turno-istoricheskoi pamyati // Regionologiya. 2011. № 2.
- Marchuk O.N. Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye dvadtsat' let. Novosibirsk: "Sibirskii khronograf", 1997.
- Megill A. Istoricheskaya epistemologiya. M., 2007. 480 s.
- Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoy. M., 2012.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011.
- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug", 2008. S. 7-18.
- Ryzhenko V.G. Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gg.: voprosy teorii, istorii, istoriografii i metodov issledovaniya. Ekaterinburg-Omsk, 2003. 370 s.
- Ryzhenko V.G. Obrazy i simvoly sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt. Omsk, 2010. 340 s.
- Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov D.A. Prostranstvo sovetskogo goroda (1920-е – 1950-е гг.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoi Sibiri) / Отв. ред. V.G. Ryzhenko. Omsk, 2004.

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель, Останкинский институт телевидения и радиовещания; Zhidchenko220689@yandex.ru

Space of historical memory in a Siberian city district: a reconstruction

The article presents a case study that used an analysis of the space of historical memory of an urban district, based on four elements: architectural landscape of a district, monuments and places of memory as coordinates of cultural continuity, evolution of everyday life, and general analysis of collective and individual memory of people who live in a district – a combination of family, local and global (national) history. This is an interdisciplinary study, and the model described here was applied to a number of urban districts in the cities of Western Siberia.

Keywords: space of historical memory, city district, local history

Alexander Zhidchenko, Ph.D. (History), Lecturer of the Ostankino Institute of TV and Radio Broadcasting; Zhidchenko220689@yandex.ru

Л. П. ЗАБОЛОТНАЯ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА К БИОГРАФИИ МАРИИ КАНТЕМИР ПЕРВОЕ ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ МАРИИ КАНТЕМИР ОТ 1725 ГОДА

Статья посвящена анализу первого духовного завещания Марии Кантемир. Этот документ никогда ранее не публиковался. Два духовных завещания Марии Кантемир (от 1725 и 1757 гг.) были обнаружены автором в марте 2016 г в Рукописном Отделе, Института русской литературы Российской Академии Наук Пушкинского Дома в Санкт Петербурге, в *Архиве* Л.Н. Майкова. Введение в научный оборот данного источника имеет особую значимость, так как, во-первых, на протяжении многих лет, исследователи-кантемирологи искали завещание Марии Кантемир, будучи уверенными, что она оставила только одно завещание – от 1757 года. Но никто даже не предполагал, что было еще одно, написанное в 1725 г. Во-вторых, данный источник позволяет пролить свет на некоторые вопросы, связанные с личной жизнью Марии Кантемир, всей ее семьи и наследников. В-третьих, содержание первого духовного завещания Марии Кантемир, наконец-то, ставит точку в многочисленных дискуссиях и предположениях относительно духовных завещаний Дмитрия Кантемира и его сына Антиоха Кантемира.

Ключевые слова: *Мария Кантемир, первое духовное завещание Марии Кантемир (1725), биографический метод, гендерный подход, семья Кантемир.*

В последние десятилетия содержание исторических исследований чрезвычайно расширилось, появились новые научные дисциплины, направления и методологические подходы. В частности, применение биографического метода и гендерного подхода существенно поменяло конфигурацию пространства исследований. Это позволило в значительной мере изменить отношение к человеческой индивидуальности и персонализировать предмет истории. Изучение жизнеописания отдельных людей, порой непримечательных, позволяет, при наличии достаточной документальной базы, пролить свет на неизученные аспекты прошлого¹.

Именно таким персонажем является княжна Мария Кантемир (28.04.1700, Яссы – 09.09.1757, Москва), дочь Дмитрия Кантемира. Цель данной статьи – освещение некоторых страниц из жизни Марии Кантемир на основе ее первого духовного завещания² от 1725 года, вводимого нами в научный оборот. Обнаруженный документ – бесценный исторический и юридический источник, так как, во-первых, многие годы иссле-

¹ Репина, Зверева, Парамонова. С. 264.

² Сакральный характер изъявления последней воли умирающего, составленного по «святым правилам» в присутствии духовника, проявился в традиционном наименовании таких завещаний «духовными грамотами». Понятие завещание-тестамент стало известно в России только с начала XIX в. / Манохин // http://www.literaru.ru/html/materials/2004_2101_zavewanie.html

дователи-кантемирологи искали завещание Марии Кантемир, будучи уверены в том, что она оставила только одно завещание – от 1757 г., но никто даже не предполагал, что было еще одно, написанное в 1725 г. Во-вторых, данный источник позволяет пролить свет на некоторые вопросы, связанные с личной жизнью Марии Кантемир, всей ее семьи и наследников. В-третьих, содержание первого духовного завещания Марии Кантемир, наконец-то, ставит точку в многочисленных дискуссиях относительно духовных завещаний Дмитрия Кантемира и его сына Антиоха.

Первое духовное завещание Марии Кантемир было обнаружено в марте 2016 г.: в ходе работы по теме «Тестаменты – духовные завещания женщин XVII–XIX вв.» в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) я нашла в *Архиве* Л.Н. Майкова³ «Подготовительные материалы к очерку «Княжна Мария Кантемирова»⁴, которые содержат два завещания Марии Кантемир, два её прошения на имя императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762) по поводу принадлежавших семье поместий, 39 писем брату Антиоху Кантемиру и др. документы⁵. К моему удивлению, ранее никто из специалистов-кантемирологов не работал с архивом Майкова, который является уникальным хранилищем копий XIX века документов Марии Кантемир (первой половины и середины XVIII в.), которые считались безвозвратно утерянными. В этих документах содержатся ранее неизвестные сведения. Их публикация, всестороннее и комплексное изучение позволят пролить свет на многие спорные вопросы, связанные не только с личной жизнью княжны Марии, но и с внутрисемейными межличностными отношениями⁶. Анализ первого духовного завещания Марии Кантемир на основе биографического и гендерного подхода дает также возможность осветить ее личностные качества, мотивы написания завещания, образ жизни, черты ментальность эпохи, уровень морально-нравственных и духовных устоев. Конкретные исследования, ограничиваются, как правило, изучением какого-то одного из аспектов данной проблематики, а новые подходы ориентированы на интегративный способ интерпретации источников.

Структура духовной представляет отдельный интерес. Во-первых, она содержит традиционное начальное богословное обращение⁷ в форме

³ Леонид Николаевич Майков (28 марта/9 апреля) 1839 – 7/20 апреля 1900) – известный исследователь истории русской литературы, действительный член Петербургской Академии наук, президент Русского библиологического общества.

⁴ Майков 1897.

⁵ ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед. хр. 55.

⁶ При наличии доступных материалов (включая, интернет-ресурсы), нет необходимости давать обширную справку по жизни и деятельности Марии Кантемир.

⁷ Духовная начиналась словами: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... Се аз, раб Божий (имя и титул) пишу сию грамоту...», а заканчивалась так: «У сей духовной сидел отец духовный... А на то послухи (перечислялись имена свидетелей). А духовную писал (имя дьяка)». Присутствие духовника завещателя при составлении грамоты было обусловлено не только особым доверием к нему готовящегося к смерти человека,

молитвенного напутствия родным с мыслью об их ответном молитвенном памятовании о составителе после его кончины: *«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»*⁸. Далее, после исчерпывающей традиционной формулы начала, Мария Кантемир использует оборот, характеризующий причину составления завещания (*«Видя себя въ крайней слабости и опасаясь внезапного часу жития моего конца»*), и обращения к родственникам, в частности к братьям: *«въ должность себе признаю для очитки остающих после меня моихъ братий и служителей объявить»*⁹.

В первой части духовной смысловой блок наполнен важными сведениями о том имуществе, которым составительница духовной располагает: *«что которые алмазы и прочие вещи въ награждении оставилъ мне блаженный памяти отецъ мой, и в духовной своей написать, что они суть ценою тысячь въ тридцать или больше, или меньше, въ томъ он изволилъ ошибиться; понеже техъ алмазовъ и всего, что у меня было моего и покойницы сестры моей Смарагды¹⁰ не будетъ больше десяти тысячь разъе еще меньше, что засвидетельствую Богом своимъ въ семь страшномъ часе, когда можетъ быть имею окончить житие свое»*¹¹. Именно эта выделенная нами информация играет важную роль в оценке событий, которые потом стали предметом спекуляций и фальсификаций в литературе.

Из текста видно, что Мария, подчеркивает несоответствие стоимости драгоценностей, которые завещал ей отец. Сумма в три раза меньше – не 30 000, а 10 000 рублей. Причем она подчеркивает, что даже вместе с имуществом покойной сестры Смарагды эта сумма едва достигает 10 000 руб. Мало того, Мария, по-видимому, чтобы избежать дальнейших разбирательств в семье, подчеркивает, что мачехе отдали вещи, ранне принадлежавшие матери и сестре, а также берет на себя смелость указать, что в этом вина отца, который «изволил ошибиться» и отдал эти вещи мачехе: *«И вышеупомянутые вещи такъ мои, какъ те которые моя сестры покойницы были и потомъ мне батюшка пожаловать изволил, суть все из приданого матери моей, изъ которыхъ много еще батюшка мачехе княгине Настасье Ивановне¹² отдать»*¹³.

но и тем, что составление Духовной входило в комплекс приготовлений по русской православной традиции к переходу в мир иной и к вечной жизни. В этот акт входило не только формулирование последних распоряжений, но и искреннее исповедание грехов духовнику // http://www.literaru.ru/html/matherials/2004_2101_zavewanie.html

⁸ ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед.хр. 55, л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Смарагда (14.04. 1701, Стамбул – 20.07.1720, Москва). Дочь Дмитрия Кантемира и Кассандры Кантакузен. Умерла в ранней молодости, предположительно от диабета. Похоронена в семейной усыпальнице церкви Св. Николая в Москве.

¹¹ ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед.хр. 55, л. 1.

¹² Анастасия Ивановна Трубецкая (4 октября 1700 г. – 27 ноября 1755 г.), вторая супруга Дмитрия Кантемира. Свадьба состоялась 14 января 1717 г. В этом браке родилась дочь Смарагда-Екатерина (в замужестве Голицына). После смерти Дм. Кантемира

Для прояснения этой проблемы, обратимся к завещанию Дмитрия Кантемира, где упоминается имущество, оставленное дочери. В нем говорится: «*Дочь моя Марья Дмитриевна имеет при себе алмазы и прочие камни и иные вещи, которые я сделал особливо, и подарил ей; так же все алмазы и камни и платье, которые сделал был блаженные памяти сестре ея Смарагда, и по смерти ея все подарил дочери моей Марьи, о чем и письмо есть в руках ея: для того братия ея, а моим детям и дочери моей Смарагде*¹⁴, *которая от жены моей Анастасии Ивановны родилась, в те же вещи дела не иметь; а все тыя вещи с алмазами, чаю будут иметь цену де тридцать тысяч рублей, или больше или меньше*»¹⁵. Таким образом, Дмитрий Кантемир оставил Марии драгоценности. Обращают на себя внимание детали: часть драгоценностей подарены им лично, а часть – оставшиеся от умершей дочери Смарагды. В качестве подтверждающего аргумента, говорится о письменном документе, помимо завещания. Кроме того, следуя традиционной форме завещания, Дмитрий Кантемир пишет, что ни его сыновья (братья Марии), ни дочь, рожденная во втором браке, не могут претендовать на эти вещи. Важно, что подчеркивается *примерная* стоимость драгоценностей – около 30 000 руб., с оговоркой «*или больше или меньше*». Из текста можно заключить, что отец завещал дочери только драгоценности, речь о деньгах и тем более о недвижимом имуществе не идет.

Интересно, что второй своей супруге, Анастасии Ивановне, Дмитрий Кантемир также завещал только драгоценности¹⁶, что вызвало впоследствии имущественные конфликты и долгие судебные разбирательства с детьми от первого брака.

вдова не получила законной части наследства, и на протяжении многих лет длился процесс с детьми от первого брака покойного супруга. Большую роль в разрешении конфликта с мачехой сыграла Мария Кантемир. А.И. Трубецкая вышла замуж повторно 21 января 1738 г. за генерал-фельдцейхмейстера принца Людовика-Вильгельма Гессен-Гомбургского // Русский биографический журнал 1897. С. 470-471.

¹³ ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед.хр. 55, л. 1.

¹⁴ Екатерина – Смарагда Дмитриевна (4 ноября 1720, Петербург – 2 ноября 1761, Париж) – младшая дочь Дм. Кантемира от брака с А.И. Трубецкой. 6 ноября 1751 г. вышла замуж за дипломата князя Дмитрия Михайловича Голицына. Получила прекрасное домашнее образование под наблюдением Ивана Ивановича Бецкого. Считалась одной из образованнейших женщин своего времени, вела активную общественную деятельность, считалась основоположницей акушерского дела в России. В своем духовном завещании она оставила крупную денежную сумму на обучение студентов Московского университета в Страсбурге.

¹⁵ История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира 1783. С. 306.

¹⁶ «Жена моя Анастасия Ивановна да имеет все алмазы, платья и иные вещи, которые я подарил ей как прежде так и после свадьбы; и детям моим в тех вещах дела нет, токмо с такою кондицею, что бы она сохранила все в целости для приданного дочери моей Смарагды» // История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира 1783. С. 306-308.

Вторая часть Духовной Марии Кантемир также представляет интерес, так как в полной мере отражает семейные отношения. Мария пишет о том, что все свое имущество и ценные вещи она оставляет в равной доле между тремя братьями: *«Вышеупомянутое мое имение все безизъятно такъ алмазы, какъ платье, земчуки [жемчуга?] и всякие иные вещи оставляю после меня трем моим братьям, а именно князю Матвею¹⁷, князю Сергею¹⁸ и князю Антиоху¹⁹ и онымъ разделить все те вещи по себе на равные доли, и иному никому до тех вещей дела не иметь и ничего не требовать, понеже оные вещи были собственные матери²⁰ и сестры моей²¹, и отецъ мой ихъ мне пожаловаль»²².*

Мария подчеркивает, что делит имущество между тремя братьями Матвеем, Сергеем и Антиохом. Совсем не упоминается единокровный брат Константин²³ и сводная сестра Екатерина-Смарагда (ей в то время было около 5 лет). Относительно Константина доподлинно известно, что после смерти отца он практически узурпировал все наследство, открыто игнорируя братьев и сестер. Наследство стало предметом многолетнего раздора между детьми Дмитрия Кантемира и судебных тяжб с мачехой. Активное участие в разрешении этой проблемы принимала Мария.

Мария также подчеркивает, что все завещаемое имущество принадлежало некогда ее матери (а не отцу – sic! – Л.З.), отец лишь пожаловал ей его. Т.е. юридически, Мария защищала имущество покойной матери от общего имущественного раздела между членами семьи.

В заключительной части духовной Мария говорит об устной договоренности со своим младшим братом Антиохом²⁴ о том, чтобы он был

¹⁷ Князь Матвей Дмитриевич Кантемир (18.X.1703–30.XI.1771), капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка. С 7 февраля 1735 г. женат на княжне Агриппине Яковлевне Лобановой-Ростоцкой (20.I.1708–5.I.1772). Не оставил наследников. – Савелов 1897. С. 135; Мурзанов 2011. С. 195.

¹⁸ Князь Сергей (Шербан) Дмитриевич Кантемир (1705–1780). В 1736 г. был поручиком Преображенского полка, в 1762 г. уволен бригадиром. Супруга – Авдотья Моисеевна Алфимова. Дочь – Елена (1744– ?). Владел участком в Трёхсвятительском переулке в Москве. Похоронен в Донском монастыре. – См. там же.

¹⁹ Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (10.IX. 1708, Стамбул – 31.III.1744, Париж) – дипломат, тайный советник, крупный русский поэт-сатирик, выдающийся деятель раннего русского Просвещения. Потомков не оставил. Все имущество разделил между сестрой Марией и братьями Матвеем и Сергеем. Брату Константину не завещал ничего. Согласно завещанию, известно также, что Антиох Кантемир обещал незаконную семью во Франции. – Шимко 1891. С. 320-322.

²⁰ Смарагда (†1720).

²¹ Кассандра Кантакузен (1682—11 мая 1713, Москва), мать Марии Кантемир.

²² ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед.хр. 55, л.1.

²³ Князь Константин Дмитриевич Кантемир (1703–1747). Женат с 1724 г. на княжне Анастасии Дмитриевне Голицыной (1698–1746), дочери Дмитрия Михайловича Голицына (1665–1737) и Анны Яковлевны Одоевской. Брак бездетный.

²⁴ Отношения между Марией и Антиохом были особенными. На протяжении всей жизни они поддерживали друг друга. Их объединяла тяга к научным занятиям,

распорядителем ее духовной и соблюдал все ритуалы (традиции и обычаи) ее поминовения: *«Понеже мною я наказала изъустно брату моему князю Антиоху, что по мне изъ оныхъ же вещей кому раздать, также и о поминовении души моей прошу, что бы ему въ томъ дать волю»*²⁵. Эти строки говорят о привязанности и доверии между братом и сестрой. Известно, что у Марии были особенно близкие отношения с Антиохом. При том, что Антиох был самым младшим среди братьев, по-видимому, Мария доверяла ему более, чем остальным членам семьи, и была уверена, что он выполнит ее последнюю волю.

Духовная подписана ею лично *«Княжна Мария Кантемирова»* и зарегистрирована в Юстиц-Коллегии под номером *«№2.491, д. №24»*. Это очень важная деталь. Статус Юстиц-Коллегии, созданной как центральный орган судебной власти, трактовался в XVIII в. как «расправа судная»²⁶, где оформлялись письменно в виде актов и закреплялись сделки, связанные с переходом прав на отдельные виды имущества (движимое или недвижимое). С момента записи в книгу приказов сделка считалась заключенной. С 1740 г. – Юстиц-Коллегия управляла системой нотариальных органов на местах²⁷.

Введение в научный оборот первого духовного завещания Марии Кантемир от 1725 г. позволяет развеять многочисленные мифы относительно ее биографии. Во-первых, стало известно о том, что существовало два завещания, а не одно, как было принято в исторической литературе. Именно это позволило реактуализировать исследование истории семьи Кантемир в целом. Во-вторых, несмотря на краткость документа, он ярко отражает обостренную внутрисемейную ситуацию. Согласно традиции, в духовной завещатель по собственной воле жалует (родственникам или близким) имущество, дает указание родственникам как

музыке и искусству. По мнению И.И. Шимко, переписка «брата с сестрой во время продолжительного отсутствия первого из России, бросает яркий свет на настроение этих двух людей, мягких и гуманных в такое время, когда окружавшее их общество отличалось дикостью и жестокостью. Переписка имеет большое значение для характеристики Антиоха Кантемира. Она разъясняет, почему он отказался от выгодного брака с богатейшей невестой того времени, княжной Варварой Алексеевной Черкасской, дочерью влиятельного государственного человека. Причиной этому было нежелание отказаться от литературных и научных занятий. Дипломатической деятельности Антиох Кантемир посвятил себя главным образом потому, что пребывание за границей давало ему возможность расширить свое образование и в то же время освобождало его от непосредственного участия в политической борьбе, сопряженной с кознями и интригами». Шимко <http://www.rulex.ru/01110549.htm>

²⁵ ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед.хр. 55, л. 1.

²⁶ Юстиц-коллегия – центральное государственное учреждение в России XVIII в. Создана 9 мая 1718 г в Москве, путем соединения старых судебных приказов. Контролировала местные суды и была высшим апелляционным судом по уголовным и гражданским делам. В 1722 г. переведена в Петербург. – СИЭ 1976. С. 382; Иванов 1850; Памятная книжка Московского Архива министерства юстиции 1890; Ерошкин 1968.

²⁷ Щенникова 2002. С. 74; Государственность России 2001. С. 462-465.

распределить имущество, как хоронить, поминать и т.д.²⁸, но в данном завещании нет детальных указаний, оно носит общий характер. Очевидны ограничения в составе упоминаемых в завещании лиц, в частности не упоминаются брат Константин и сводная сестра Смарагда-Екатерина. Похоже, уже тогда, отношения в семье были довольно напряженными. Отдельное внимание обращает на себя отношение к отцу: Мария подчеркивает, что отец не дал ей того, что полагалось, и упоминает, что именно эта часть наследства, некогда принадлежавшая ее покойным матери и сестре, перешла к мачехе. Между строк чувствуется обида на отца. Духовное завещание отражает события, происходившие в то время в жизни двадцатипятилетней Марии Кантемир, ее твердый волевой характер, уверенность в себе, прекрасное владение ситуацией в семье.

Публикация первого завещания Марии Кантемир позволяет внести в поле зрения исследователей источник, ранее считавшийся утерянным. Причем данный документ имеет особую релевантность, предоставляя возможность увидеть женский взгляд на жизнь, особенности самосознания и жизненного опыта, семейные и духовные ценности.

Духовная 1725 (лист 1). Юстиць - Коллегия, в. №2. 491, д. № 24²⁹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Видя себя въ крайней слабости и опасаясь внезапного часу жития моего конца въ должность себе признаю для очистки остающих после меня моихъ братий и служителей объявить, что которые алмазы и прочие вещи въ награждении оставилъ мне блаженныя памяти отецъ мой, и в духовной своей написалъ, что они суть ценою тысячь въ тридцать или больше, или меньше, въ томъ он изволилъ ошибиться; понеже тыхъ алмазовъ и всего, что у меня было моего и покойницы сестры моей Смарагды не будетъ больше десяти тысячь разъе еще меньше, что засвидетельствую Богом своимъ въ семь страшномъ часе, когда можетъ быть имею окончить житие свое. И вышеупомянутые вещи такъ мои, какъ те которые моя сестры покойницы были и потомъ мне батюшка пожаловать изволилъ, суть все из приданого матери моей, изъ которыхъ много еще батюшка мачехе княгине Наталье Ивановне отдалъ. Вышеупомянутое мое имение все безизъятно такъ алмазы, какъ платье, земчуки (жемчуга?) и всякие иные вещи оставляю после меня тремъ моимъ братьямъ, а именно князю Матвею, князю Сергею и князю Антиоху и онымъ разделить все те вещи по себе на равные доли, и иному никому до техъ вещей дела не имею и ничего не требовать, понеже оныя вещи были собственные матери и сестры моей, и отецъ мой ихъ мне пожаловалъ. Понеже мною я наказала изъустно брату моему князю Антиоху, что по мне изъ оныхъ же вещей кому раздать, такъ же и о поминовении души моей прошу, что бы ему въ томъ дать волю.

Княжна Мария Кантемирова

²⁸ Климович 2009. С. 84-91; Климович С. 72 // elib.bsu.by/...

²⁹ Архив Л.Н. Майкова, Ф. 166, Оп. 1, Ед. хр. № 55 (Копии 1725–1758 гг.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Л.Н. Майкова // Рукописный Отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Ф. 166, Оп. 1, Ед.хр. № 55 (Копии 1725–1758 гг.).
- Государственность России. Словарь-справочник. Книга 4. Москва: Наука, 2001.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений России. 2 изд. М., 1968.
- Иванов П.И. Описание государственного архива старых дел. Москва, 1850.
- История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санкт Петербургскою Академией Наукъ покойным профессором Бееромъ съ российскимъ переводомъ и съ приложениемъ родословия князей Кантемировъ. Въ Москве въ университетской Типографии, у Н. Новикова 1783 г.
- Климкович О.А. Формуляр зачина деловых грамот русских и белорусских земель XIV–XVI вв. // Мовазнаўств. 2009, С. 84-91 // <http://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle>
- Климкович О.А. Структура и зачина жалованных грамот. С. 72 // elib.bsu.by/.../
- Майков Л.Н. Княжна Мария Кантемирова // Русская старина. 1897. Т. 89-91.
- Манохин А. Завещания в генеалогии // http://www.literaru.ru/html/mathaterials/2004_2101_zavewanie.html
- Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. материалы для биографий. Издание подготовил Д.Н. Шилов. Санкт Петербург: 2011.
- Памятная книжка Московского Архива министерства юстиции. Москва: 1890.
- Пушкинский Дом, ИРЛИ РАН, Фонд 166, Опись 1, Единица хранения № 55 (Копии. 1725-1758 годов). (ПД, ИРЛИ РАН, Ф. 166, оп. 1, ед. хр. 55)
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: 2004.
- Рукописный Отдел Института русской литературы Российской Академии Наук Пушкинского Дома в Санкт Петербурге. Архив Л. Н. Майкова, Ф. 166, Оп. 1, Ед. хр. № 55 (Копии 1725–1758 гг.).
- Русский биографический журнал. И-К. Изданъ подъ наблюдениемъ представителя Русского Исторического Общества А.А. Половцева. СПб: Типография Главного Управления Уделов. Моховая, 40, 1897. С. 470-471.
- Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Российского дворянства. Кантемиры. Князья. Издание второе. Острогжск: 1897.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976.
- Шимко И.И. Новые данные к биографии Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников // Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: 1891. Ч. ССІХХVІ. С. 320-322. <http://www.rulex.ru/01110549.htm>
- Щенникова Л.В. Гражданское законодательство и нотариат в России: проблема соответствия // Законодательство. №11 (ноябрь). Москва: 2002. С.74.

REFERENCES

- Gosudarstvennost' Rossii. Slovar'-spravochnik. Kniga 4. M.: Nauka, 2001. S. 462-465.
- Eroshkin N.P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii. 2 izdanie. Moskva: 1968.
- Istorija o zhizni i delah moldavskogo gospodarja knjazja Konstantina Kantemira, sochinennaja Sankt Peterburgskoju Akademiej Nauk pokojnym professorom Beerom s rossijskim perevodom i s prilozheniem rodoslovija knjazej Kantemirov. V Moskve v universitetskoj Tipografii, u N. Novikova 1783 goda. S. 306.
- Ivanov P.I. Opisanie gosudarstvennogo arhiva staryh del. Moskva: 1850.
- Klimkovich O.A. Formuljar zachina delovyh gramot russkih i beloruskih zemel' XIV–XVI vv. // Movaznaŭstv, 2009. S. 84-91 // <http://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle>
- Klimkovich O.A. Struktura i zachina zhalovannyh gramot // elib.bsu.by/.../Klimkovich
- Majkov L. N. Knjazhna Marija Kantemirova // Russkaja starina, 1897. T. 89-91.
- Manohin A. Zaveschaniya v genealogii // http://www.literaru.ru/html/mathaterials/2004_2101_zavewanie.html
- Murzanov N.A. Slovar' russkih senatorov 1711–1917 gg. materialy dlja biografij // Podgot. D.N. Shilov. Sankt Peterburg: 2011. S. 195.

- Repina L.P., Zvereva V.V. Paramonova M.Ju. Istorija istoricheskogo znaniya. M.: 2004. Pamjatnaja knizhka Moskovskogo Arhiva ministerstva justicii. M.: 1890.
- Pushkinskij Dom, IRLI RAN, Fond 166, Opis' 1, Ed. hr. № 55 (Kopii. 1725-1758 godov). (PD, IRLI RAN, F. 166, op. 1, ed. hr. 55)
- Russkij biograficheskij zhurnal. I-K, Izdan pod nabljudeniem predstavitelja Russkogo Istoricheskogo Obschestva A.A. Polovceva. SPB. Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov. Mohovaja, 40, 1897.
- Savelov L.M. Bibliograficheskij ukazatel' po istorii, geraldike i rodosloviju Rossijskogo dvorjanstva. Kantemiry, Knjaz'ja, Izdanie vtoree. Ostrogozhsk: 1897.
- Shhennikova L.V. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo i notariat v Rossii: problema sootvetstvija // Zakonodatel'stvo, №11 (nojabr'). Moskva: 2002.
- Shimko I.I. Novye dannye k biografii Antioha Dmitrievicha Kantemira i ego blizhajshih rodstvennikov // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. Sankt-Peterburg: 1891. Ch. SSIXXVI. S. 320-322.
- Shimko I.I. Novye dannye k biografii Antioha Dmitrievicha Kantemira i ego blizhajshih // <http://www.rulex.ru/01110549.htm>
- Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. T. 16. M., 1976.

Заболотная Лилия Павловна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Национального музея истории Молдовы АИМ (Кишинев, Молдова); lilizab61@gmail.com

New documentary evidences regarding Maria Cantemir's biography The First Testament of Maria Cantemir dating back to 1725

The article is dedicated to the analysis of the first testament of Maria Cantemir, which has not been published until now and has not been studied. Two testaments of Maria Cantemir (from 1725 and 1757) were discovered by the author in March 2016 in the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature of the Russian Science Academy of the Pushkin House, in Sankt Petersburg, in the Archive of L. N. Maikov. The introduction into the scientific field of the given source has a unique and special significance, as, first of all, for so many years the cantemirologue researchers have been looking for the testament of Maria Cantemir, being convinced that had she only left one single testament, dating back to 1757. But no one had even imagined that there has been one more, written in 1727. Secondly, the given source allows to shed a new light upon certain aspects of the personal life of Maria Cantemir, of her whole family and her heirs. Thirdly, the content of the first testament of Maria Cantemir finally clears out the numerous discussions and suppositions related to the testament of Dimitrie Cantemir and that of his son, Antioh.

Keywords: Maria Cantemir, the first testament of Maria Cantemir (1725), biographical method, gender study, Cantemir family

Lilia Zabolotnaia, PhD (History), Associate Professor, principal scientific researcher at the National Museum of History of Moldova (ASM) (Chisinau, Moldova); lilizab61@gmail.com

А. В. АНТОЩЕНКО

ГОРЬКОЕ РАССТАВАНИЕ С МАРКСИЗМОМ (к 130-летию Георгия Петровича Федотова)¹

Данное введение характеризует условия возникновения и значение двух публикуемых эссе Г.П. Федотова. Первое из них запечатлело его эмоциональное отношение к революционной борьбе, которая имела разрушительный, а не созидательный характер. Оно выражало психологические мотивы отказа Федотова от участия в подпольной деятельности российских социал-демократов. Второе эссе представляло попытку реализации марксистских принципов анализа прошлого. Ее последовательное осуществление привело Г.П. Федотова к осознанию ограниченности возможностей интерпретации культурных процессов с позиций исторического материализма.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, русская революция 1905 г., марксизм

Этой осенью исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося историка, религиозного мыслителя и публициста Георгия Петровича Федотова (1886–1951). Известность пришла к нему, когда он покинул родину и оказался в Париже, откуда в начале Второй мировой войны вынужден был перебраться в Нью-Йорк. Именно в эмиграции вышли его наиболее значимые исследования русской религиозной духовности и многочисленные публицистические статьи, которые за последние годы стали достоянием отечественного читателя, благодаря публикации как тематических сборников, так и собрания его сочинений.

Вместе с возвращением творческого наследия мыслителя началось изучение его биографии, которое еще далеко от завершения. Недостатки в воссоздании жизненного пути и, главное, формирования и изменения мировоззрения Г.П. Федотова во многом определяются обращением в этих целях прежде всего к опубликованным воспоминаниям его вдовы, тогда как архивные документы личного происхождения остаются вне поля зрения исследователей. Мне уже приходилось сетовать на неточности биографии Георгия Петровича в изложении Е.Н. Федотовой. Причиной тому являются не только неизбежные для мемуаров ошибки памяти, но и общий мотив их написания – раскаяние в том, что она оказалась вдали от мужа в последние годы его жизни, осложненные тяжелой болезнью. Не сумев оказать ему должной помощи и поддержки, что стало следствием определенного непонимания и бесчувствия к его тревогам и заботам последних лет, она попыталась компенсировать это упущение посмертной данью памяти, представив свой портрет ушедшего, выражающий ее видение. Несомненно, в своих основных чертах ее воспроизведение тех эпизодов биографии Федотова, которые предшествовали их знакомству, состоявшемуся в 1912 г., задавалось воспоми-

¹ Работа выполнена по ПСР ПетрГУ в рамках мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

нениями самого Георгия Петровича. В них его отношению к марксизму практически не нашлось места, так что Елене Николаевне пришлось осветить лишь последнюю фазу его возвращения от «марксизма к православии»². Однако представляется, что более адекватную картину дают аутентичные источники личного происхождения. В данном случае публикуются две работы Г.П. Федотова студенческой поры, написанные им уже после возвращения в 1908 г. из Германии, куда он был выслан в 1906 г. за активную антиправительственную пропаганду в годы первой русской революции. Они зафиксировали начальную стадию отказа их автора от марксизма, который явно выразился лишь в годы пореволюционной эмиграции, когда Федотов неоднократно резко критиковал марксистские догмы, оставаясь при этом социалистом.

Для понимания значения публикуемых работ в эволюции мировосприятия Г.П. Федотова важно учитывать принципы рассмотрения человеческой деятельности, сформулированные им самим. В деяниях человека он различал духовное, душевное и волевое начала. Духовная сторона человеческих дел выражала их рациональные основания, тогда как душевное было проявлением чувственного (психического) в природе человека. В волевом усилии они сливались воедино, проявляясь в человеческих действиях. При таком подходе можно увидеть в формировании революционного отвержения окружающего мира, которое завершилось с переходом Жоржа Федотова от радикально демократических взглядов к марксизму еще в гимназические годы, как рациональные, так и эмоциональные аспекты. В годы первой русской революции его рациональная критика, основанная на знакомстве с «Манифестом коммунистической партии» и «Капиталом» К. Маркса, а также с пропагандистской социал-демократической литературой, сочеталась с экстатическим отношением к революционной борьбе, которая должна была привести к уничтожению несправедливого общественного устройства. Экстатичность в сочетании с идущим от русских радикальных демократов эстетическим нигилизмом определяли эмоциональный настрой, который выражался не только в пропагандистской работе, но и в литературной форме. В письмах-исповеди своей первой любви – Т.Ю. Дмитриевой – он упоминал о написанном им вскоре после начала революции 1905 г. произведении, уместившемся на страницах его тетради: «В этой тетрадке он набросал свои злые, сумасшедшие фантазии, в которых отражалась одна кровь, – кровь, что забрызгала его душу <...>. Там были восставшие анабаптисты, мюнстерские пророки, которые кровью создавали царство Божие на земле. И весь чудовищный фанатизм их, вместе с железной верой в победу вылились в этой последней угрозе: “Завтра тела их устелют землю и будут добычею псов!”»³.

² Федотова 1988. С. XVI–XVIII.

³ Письма-исповедь. С. 398.

Однако, экстаичность вместе с фанатизмом и озлобленностью не могли стать тем психологическим настроем, который обеспечил бы устойчивое развитие личности Георгия Федотова. Не удивительно поэтому, что его разочарование в революционной борьбе в качестве исходного импульса также имело эмоциональный настрой. «Энтузиазмом можно жить, – констатировал он в письме тому же адресату от 28/15 октября 1906 г., – когда кругом растет волна, когда все заражают друг друга общим настроением. Реакция, отсутствие массового движения привели меня к тому, что я почувствовал у себя отсутствие капиталов. Это неоспоримо так»⁴. Своеобразным маркером эмоциональной опустошенности Г. П. Федотова, которая стала причиной его психического состояния, названного им самим «атония», стало небольшое по объему, но яркое по форме произведение без названия, которое в чем-то перекликалось с тем, что было написано в начале революционного пути. Присланное Татьяне Дмитриевой, оно знаменовало начало понимания бесперспективности движения по нему без четких ориентиров и цели, что являлось первым шагом в отходе начинающего историка от марксизма, догматы которого пока еще не подвергались критике.

Но, отказываясь от участия в революционной борьбе, Г. П. Федотов не отвергал ее идеалов. Так, вслед за выражением эмоционального отношения к свершившемуся наступало время размышления и осмысления произошедшего в душе, его духовное освоение. «Нужно взглянуть на мир с новой точки зрения, расширить его, – утверждал он в письме Т. Ю. Дмитриевой от 26/13 ноября 1907 г. – Тогда прежняя гибель покажется одной из случайностей истории, которая не может поколебать ни прежней веры, но, главное, мирозерцания. Я, впрочем, могу себе представить людей – они должны быть чересчур сильны или впечатлительны, которые вообще не нуждаются в перевоспитании»⁵. Собственное «перевоспитание» он начал с изучения истории. Именно применительно к познанию прошлого Г. П. Федотов попытался применить марксистские принципы анализа, как свидетельствует его небольшое эссе под названием «Аналогия». Оно было написано после возвращения в Россию в 1908 г. и восстановления на историко-филологическом факультете Петербургского университета, прошение о переводе в который из Технологического института он подал еще до высылки в Германию в 1906 г. Однако попытка с позиций исторического материализма объяснить явления культурной жизни оказалась неудачной, что приводило Федотова к пониманию узости объяснения прошлого, исходя из основополагающей роли экономических отношений. Это позволяет опреде-

⁴ Федотов Г. П. С. 53.

⁵ Там же. С. 89. В цитируемом письме уже содержались первые намеки на ограниченность понимания социального развития, исходя лишь из представлений о его обусловленности экономическим базисом.

лить публикуемое ниже эссе «Аналогия» как второй шаг отступления от марксизма.

Оригиналы обеих работ хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в коллекции Дмитриевых (Ф. 475). Их текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии при сохранении авторской пунктуации.

Г.П. Федотов

[1908]

С рассветом он оседлал коня и, призвав сладостное имя, пустился в путь. Он не оглядывался назад, и меч его был послушен священному возмездию. Пламя костров освещало его следы – он их не видел; люди-звери хрипели под копытами черного всадника – он их не слышал. Он нес войну разбойничьим замкам, где свило себе гнездо насилие. Он разрушал храмы, потому что в них царствовали идолы. Похотливых и низких тварей касался он тенью своего меча, чтобы они не оскверняли землю, уготованную для великих и чистых. Он был как очистительное пламя.

В вечернем тумане он стоял на берегу моря, которое преграждало его путь. Он затрубил в белый рог, но эхо не ответило ему. Он напряг свою грудь и воскликнул невидимому: «Где ты, истинный? Для тебя ниспроверг я богов лжи. Слышишь ли меня, справедливый? Зла нет, и я убил его». Но было безмолвно море, и волны плескались на берег беззвучно, как мертвые. В первый раз оглянулся всадник, обратив коня своего. Докуда мог видеть глаз, лежала выжженная пустыня. Кучи обломков еще курились в сумерках. Ну же, мой конь! Разве ты забыл дорогу? Бедняга! Этот путь оказался вечностью. Шагом, мой конь! Нам спешить некуда.

Боже, как горек возвратный путь по кладбищу сожженных идолов для одинокого всадника с опущенным забралом.

НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 31. Л. 36–38.

Аналогия

Для работы машины обыкновенно безразличен род ее двигателя. Каменный уголь, нефть, электрическая энергия могут отличаться по своей стоимости, но не по качеству и направлению рожденных ими движений. Эти движения обусловлены исключительно внутренней структурой механизма. Так называемые движущие силы определяют только движение *simpliciter*⁶. Вот почему ими можно пренебречь при учете механического действия. Их значение выходит из границ механики, оставаясь чисто физическим. Здесь *causae formales*⁷ для научного понимания вытесняют *causae efficientes*⁸. *Causae formales* экономического развития даны в экономической же структуре, т.е. в обществен-

⁶ Просто (лат.).

⁷ Формальные причины (лат.).

⁸ Действующие причины (лат.).

ных отношениях. *Causae formales* – в развитии техники. Направление развития заключено в статических условиях. Факт развития – функция многих переменных, которые для социальной теории общества кажутся случайными. Эта случайность отчасти устраняется лишь тем взглядом, по которому напряжение творческой энергии (т.е. состояние духовной культуры) и ее основное тяготение к индустриальной изобретательности объясняются условиями жизни и интересами общественных классов. Машина, изобретенная в средние века, осталась бы прибором научного любопытства (Роджер Бэкон⁹). Машина в I–II веках империи могла бы взорвать ойкос¹⁰ и воплотить промышленный капитализм семнадцатью веками ранее. Почему она не явилась? Или потому, что общий склад науки был так чужд экономической жизни? Что наука была аристократична, а аристократия неиндустриальна? Т.е. выработанный тип духовной культуры лишил питания его экономический двигатель.

Но, ведь, машина все-таки была изобретена (Светоний¹¹, химия). Она служила роскоши, а не производству. Значит ли это, что причину падения Империи¹² нужно искать в неиндустриальности аристократии? И еще раз подтверждается, что социологии нет и не будет, пока не будет ответа на вопрос о *Grandeur et decadence de l'Empire*¹³.

Нельзя ли сказать так: двигатель для *pante*¹⁴ общества, тем более ранее экономических отношений. Быть может, его энергия никогда не колеблется (хотя это и малоубедительно, но допустим ради простоты). Ничто не мешает признать его чисто-обусловленным: активной реакцией человека на природу, создающей отвлеченную науку и практическое искусство. История математики и естествознания могли бы изучаться вне всякой связи с историей социальной, как автобиография человеческого духа. Но социальная действительность их, другими словами «экономичность» духовной культуры, есть явление производное от экономических отношений. Если это так, то экономическое развитие приобретает самостоятельность и замкнутость.

НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 32–33 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Письма-исповедь Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (1906–1907) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. С. 397–454.
 Федотов Г.П. Собрание сочинений. М.: Изд-во «Тетис паблишинг», 2008. Т. 12. 504 с.
 Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris: YMCA-Press, 1988. С. I–XXXIV.

⁹ Бэкон (Bacon) Роджер (ок. 1214–1294) – английский философ и естествоиспытатель. В литературе XIX в. он трактовался как несвоевременный предвестник экспериментального метода научного познания, который предвосхитил идеи создания автомобиля, подводной лодки и даже самолета.

¹⁰ Греч. *oikos* – местопребывание.

¹¹ Светоний (Suetonius) Гай Транквилл (ок. 70 – ок. 140) – римский историк.

¹² Имелась в виду Римская империя.

¹³ Величие и упадок империи (фр.).

¹⁴ Пыхтение (лат.).

REFERENCES

- Pis'ma-ispoved' G. P. Fedotova k T. IU. Dmitrievoi (1906 – 1907) // *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik*. Vyp. 10. Omsk: Izd-vo OmGU, 2015. S. 397–454.
- Fedotov G. P. *Sobranie sochinenii*. M.: Vpl-vo «Tetis Publision», 2008. T. 12. 504 s.
- Fedotova E. N. *Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951)* // Fedotov G. P. *Litso Rossii. Stat'i 1918–1930*. 2-e izd-e. Paris: YMCA-Press, 1988. S. I–XXXIV.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru

The bitter parting with Marxism

This introduction characterizes the conditions for appearance and the value of two published essays written by prominent historian George Fedotov. The first of them expresses his emotional attitude to the revolutionary struggle, which was a destructive rather than constructive in nature. It is an expression of psychological motives of Fedotov's refusal to participate in the illegal activities of the Russian Social-Democrats. The second essay is an attempt to implementing the principles of the Marxist analysis of the past. Its consistent implementation resulted in Fedotov's recognition of limited capacity to interpret cultural process from the standpoint of historical materialism.

Keywords: George Fedotov, Russian revolution in 1905, Marxism

Aleksandr Antoshchenko, PhD, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, ant@psu.karelia.ru

А. А. Линченко

В ПОИСКАХ СЛЕДОВ ПРОШЛОГО¹

Статья представляет собой рецензию на монографию А. Буллера «Три лекции о понятии «СЛЕД». Книга представляет собой цикл лекций, посвященных философским аспектам рассмотрения понятия «след», а также попытку интеграции данного понятия в пространство современной философии истории и исторической науки. Проблема следов прошлого рассматривается в рамках соотношения модернистской и постмодернистской методологий, в контексте соотношения выводов философской герменевтики, истории понятий, дидактики истории, медиальной философии и этики. Автор выявляет онтологические и эпистемологические предпосылки использования понятия «след» как инструмента исторической науки, обосновывает мысль о необходимости антропологического подхода к пониманию деятельности историка.

Ключевые слова: следы прошлого, историческая память, герменевтика.

Самый широкий и универсальный подход к историческому сознанию был определен Вильгельмом Дильтеем, который утверждал, что в историческом сознании жизнь постигает жизнь. В историческом познании сама жизнь оказывается сориентирована на осознание самой себя. Принцип этот, несмотря на множество поворотов в философии истории и исторической науке двадцатого столетия, как видится, не исчерпал своей эвристической значимости. Однако, что означает, рассматривать историю, историческую память, историческое сознание, наконец, историческую культуру с точки зрения понятия «жизнь»? Категория «жизнь» позволяет, прежде всего, ухватить неразрывное и сложное переплетение прошлого и настоящего, прошлого в настоящем, и, конечно, настоящего в прошлом. Однако, жизнь всегда стремится вперед, выходит за свои пределы, а это значит, что за пределами горизонта настоящего намечается онтология будущего. В отношении исторического сознания и исторического познания, категория «жизнь» отсылает в первую очередь к человеческому измерению восприятия прошлого, которое, конечно, оказывается более широким, чем научные образы прошлого. Распространение в последние годы понятия «историческая культура» среди зарубежных (Й. Рюзен, Б. Гене, Д. Вульф, А. Ассман, А. Эрл и др.)² и отечественных (Л.П. Репина³, А.В. Дмитриев⁴) исследователей как раз оказалось связано именно с необходимостью антропологического поворота в изучении ис-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» (16-33-01019/16).

² Rösen 1994; Гене 2001; Woolf 2003; Ассман А. 2014; Erll 2011.

³ Репина 2011.

⁴ Дмитриев 2012.

торической памяти, исторического сознания и исторического познания. Однако антропологическое видение истории предполагает несколько иной взгляд на отношения человека с его прошлым. Речь идет о столкновении человека с неизвестным прошлым, с тем историческим опытом, который может оказаться за гранью человеческого осмысления, с прошлым, которое может находиться рядом, но не быть осознанным как прошлое. Такое прошлое еще не является только лишь историческим источником и тем более не представляет собой какой-либо целостной картины... Другими словами, перед нами следы прошлого.

Увлекательная книга «Три лекции о понятии «СЛЕД» Андреаса Буллера⁵, доктора философии из Штутгарта, будет интересна не только философам, но и историкам, а также всем тем, кто пытается найти в прошлом ответы на вопросы современности. Философам эта книга будет интересна тем, что в ней намечаются контуры возвращения онтологической проблематики в философию истории. Как известно, во второй половине XX века философия истории оказалась в кризисе вследствие утраты доверия к метаисторическим нарративам. Однако, кризис объективистской линии философии истории и доминирование экзистенциально-герменевтических, аналитических, постструктуралистских и постмодернистских вариантов философствования об истории также не смогли вернуть философии истории ее былой статус. В дальнейшем традиционные вопросы философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, проблематикой исторических коммемораций, медийного дискурса об истории, коллективной памяти и идентичности, национальных образов времени и исторического опыта, этического измерения истории. И вместе с тем, философия истории все дальше уходила от исторической действительности, философский статус которой оказался, не без оснований, дискредитированным. В этой связи, поле размышлений о понятии «след прошлого», не отсылающем к объективно существующей исторической действительности (реализм), и не замыкающемся на историческом сознании исследователя прошлого (конструктивизм), могло бы стать основой для введения в философию истории обновленной онтологической проблематики. Это позволило бы продолжить разговор об историческом бытии и исторической реальности, об историчности, понятой не только в категориях экзистенциальной аналитики, но историчности культуры как надындивидуального субъекта восприятия прошлого.

Однако книга будет интересна и историкам, которые, как правило, проявляют безразличие к философским вопросам исторической науки. Разрыв между философией истории, методологией истории и исторической наукой кажется сегодня непреодолимым. Это актуализирует поиски понятий, которые могли бы одновременно обладать универсальным

⁵ Буллер 2016.

философским статусом и использоваться в практике конкретных исторических исследований. В случае понятия «след», – например, в источниковедческих исследованиях. Речь идет, по выражению Йорна Рюзена, о метаисторической точке зрения, метатеоретической перспективе исторических исследований, позволяющих наметить новый взгляд на конкретный эмпирический материал историка, по-новому осмыслить философский статус исторического источника как следа человеческой жизни и смерти, жизни минувшей и жизни современной. Эта та «территория», на которой историк выступает не только как исследователь, но как человек, стоящий перед прошлым, погруженный в свою историческую культуру. Бойкое перо немецкого исследователя скорее ведет нас по лабиринтам размышлений о следах прошлого, нежели дает нам стройное и логически законченное лекционное знание о них. Автор книги выступает не как лектор, скорее, как собеседник.

Книга состоит из трех глав-лекций. Первая лекция посвящена эпистемологическому и онтологическому анализу понятия «след». Сам автор начинает разговор о понятии «след» как познавательном инструменте историка, предпочитая понятие «след» понятию «источник». Источник, в его понимании, тоже след, только избранный. Всякий источник – след, но не всякий след – источник. Работа с источником, в таком случае, оказывается одним из вариантов культурной техники чтения следов, причем следов не только прошлого, но и будущего. Прошлое оказывается открытым, незавершенным, материальным и идеальным. «Без *материальности* следа не было бы здесь *нематериальности* прошлого. Специфика следа в том и заключается, что в основе его сущности лежит как *материальное*, так и *нематериальное*. Сама по себе «суть» СЛЕДА – нематериальна. По своей сути СЛЕД является *мыслью, образом или представлением* человека. Но форма явления СЛЕДА человеку должна иметь *материальный* характер, то есть следы должны быть осязаемыми, воспринимаемыми, видимыми или же слышимыми» (с. 14-15).

Понятие «след» также рассматривается автором как более широкое в сравнении с понятием «текст». Однозначная ориентация на прошлое как тексты «дереализует», «дематериализует» его. «В отличие от простого «знака», «след» является не формальным символом, а обозначением, зафиксировавшем в себе динамику изменения, то есть движение, акт или процесс» (с. 28). Автор резонно замечает, что мы вправе говорить о различных уровнях чтения следов: повседневном, археологическом, историческом, философском. Заметим, что техники чтения следов в таком случае оказываются культурными практиками социального ориентирования и создания новой социальной реальности, что, конечно, позволяет мыслить историка именно как созидателя современной ему общественной жизни. Используя фундаментальную онтологию Мартина Хайдеггера, Андреас Буллер с помощью понятия «след» стремится конкретизировать хайдеггеровский вопрос в отношении сущности исторического.

Историческим, по мысли Хайдеггера, является не то, что ушло, но то, что было здесь. А статус прошлого как прошлого во многом связывается им с принадлежностью к ушедшему миру. По мысли А. Буллера, след конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного «все, что было» только определенные события, образы, феномены. С другой стороны, след не дает окончательно уйти тому, что давно уже ушло и прошло, он провоцирует нас, стирает границу между тем, что было, и тем, что есть.

Интересным представляется также анализ онтологии понятия «след» с точки зрения категорий возможное и действительное. «Материальное присутствие следа, – отмечает Андреас Буллер, – есть лишь его ВОЗМОЖНОЕ, но еще не ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ присутствие. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ присутствие следа может быть лишь его имажинарным присутствием, то есть его присутствием как представление или ОБРАЗ <...> Последние, даже если они являются «образами прошлого», рождаются только в настоящем и только настоящим» (с. 29). Исторический след, по мысли автора, является «отчуждением» или «выражением» Другого, что открывает герменевтику понятия «след».

Вообще, надо заметить, что автор постоянно движется в русле нескольких интеллектуальных традиций. Отдельные фрагменты книги выполнены в русле герменевтики и истории понятий, в других присутствуют посмодернистские тезисы. Он соединяет различные версии прочтения прошлого, двигаясь в русле популярной сегодня в Германии методологии Й. Рюзена, стремящегося к определенному синтезу модернистской и постмодернистской методологии осмысления прошлого. Несомненным достоинством работы А. Буллера может считаться попытка взглянуть на проблему следов прошлого в перспективе как философии истории, так и дидактики истории, жесткое противопоставление которых мы можем найти сегодня в работах об историческом сознании в ФРГ.

Автор обращается и к достаточно маргинальным темам для философии истории и исторической науки: теме запахов прошлого, бесследному прошлому, следам будущего, анализируя философские предпосылки возможности реконструкции запахов прошлого. Он также показывает, что отсутствие иных следов прошлого заставляет историка «следовать» только тем следам, которые у него есть. Историк сам оказывается «добычей» следов. Не менее интересны рассуждения А. Буллера о следах будущего, умение выявлять которые, как ни парадоксально, оказывается одним из важнейших элементов научной истории.

Вторая лекция посвящена следам смерти. Внезапное обращение к этой проблеме при внимательном взгляде оказывается значимой стороной анализа следов, как прошлого, так и будущего. Это связано с тем, что следы смерти, по мнению автора, реально существуя в действительности, презентуют несуществующее. Речь идет о предельной ситуации обращения к понятию «след», ведь тема смерти – тема особая, как для

отдельного человека, так и для культуры. В этом смысле культурные практики обращения со смертью оказываются определенными ориентирами для обращения с прошлым, с историческим опытом. Философское отношение к смерти формирует также и образ исторической науки, ведь все настоящее становится прошлым только с наступлением смерти.

Взор исследователя останавливается на трех проблемах: локализации смерти во времени и пространстве, проблеме «всеприсутствия» и «внепорядочности» смерти, а также проблеме обудуществления прошлого. Автор, двигаясь по страницам книг М. де Серто, П. Рикера, Р. Дж. Коллингвуда и наконец, Х. Уайта показывает, что аналогичность восприятия неустраима из работы историка, а это значит, что он всегда мыслит с определенной трансцендентальной установкой, находится в рамках своего исторического сознания или, вернее, «своего» образа «чужого». Более того, мы сохраняем образы прошлого в типичных и избранных следах. «К тому же, мы воспринимаем прошлое с пункта нашего “местонахождения” во времени. Но, что интересно, в любом пункте “местонахождения” человека всегда сконцентрированы ВСЕ, абсолютно ВСЕ, сохранившиеся от прошлого следы» (с. 69).

Следы сосуществуют в настоящем как «одновременность не одновременного» (Р. Козеллек). В следах прошлого время застывает, оказывается локализованным в конкретных времени и пространстве (кладбища и захоронения – тому самый яркий пример). Более того, даже безымянная смерть, например, смерть «неизвестного солдата» также конкретизируется в культуре. Смерть конкретного человека, превращение ее в след прошлого посредством ритуала, опредмечивает смерть, делает ее частью осознанного восприятия человеком. Причем это опредмечивание имеет как эмоциональную, так и материальную стороны, что, как замечает Андреас Буллер, мы видим на примере памятников. И снова через тему смерти автор возвращается к проблеме времени, ведь смерть приходит из будущего и уже отсылает к прошлому, потому что должна превратиться в его след. Все это открывает интересные перспективы для герменевтики смерти, если понимать последнюю как универсальный метод гуманитарных наук (Х.Г. Гадамер).

В книге содержится ценная информация о состоянии исследования проблемы следов прошлого в современной немецкой исторической науке и философии. Так, анализируются 10 атрибутов понятия «след», представленных в работах Сибилле Кремер: отсутствие, функция ориентировки, материальность, нарушение, немотивированность следа, способность к наблюдению и действию, интерпретативность, нарративность и полисемичность следов, гетерономность и пассивность, одномерность и неповторимость следов прошлого, временной разрыв между автором следа и лицом, воспринимающим след. След, резюмирует А. Буллер (вслед за Сибилле Кремер), оказывается не просто инструментом, средством человеческого познания, но «способом человеческого мышления».

И здесь его мысль делает резкий поворот. «Человек стремится сохранить “следы смерти” по причине ее бесследности <...> Однако, любые оставленные смертью “следы” <...> несут в себе отпечаток конкретной жизни» (86). Пересматривая следы прошлого, человек, по сути, обудуществляет свое прошлое, ведь отношение к Другому прошлому есть проекция отношения к своему прошлому и его возможным интерпретациям в будущем, после смерти человека.

От темы смерти и следа А. Буллер переходит к теме смерти и свободы. Он показывает, что посколькү проблема смерти является одновременно и проблемой свободы, то и анализ следов смерти как следов прошлого возможен только в контексте определенного понимания свободы. Так, антропология следов прошлого получает в книге еще и этическое измерение. Лекция посвящена анализу немецкой и российской традиций осмысления феномена свободы в философии морали. На материалах философии И. Канта, А. Шопенгауэра, В. Соловьева и Е. Трубецкого автор показывает значение темы свободы как средства преодоления смерти.

Прослеживая парадоксы этического рассмотрения темы соотношения смерти и свободы в XIX–XX вв., автор солидаризуется с Н. Федоровым, полагавшим, что человек должен не просто «устранить смерть», но и восстановить жизнь. Восстановление жизни – вот самая последняя задача исторического мировоззрения, согласно Федорову. Каким образом эти идеи могут быть осмыслены в качестве определенной методологии исторической науки – А. Буллер не дает нам ответа. Впрочем, вряд ли такие ответы могут быть даны в одной книге и одним автором. Скорее, ответ должна дать сама историческая культура, пространство которой, как успешно показывает нам немецкий исследователь, открыто и многомерно, как незавершён и многомерен сам человек. По-видимому, именно этот мотив двигал автором, когда он не стал подводить итоги книги, а завершил работу различными толкованиями понятия «след», представленными в отечественных и зарубежных изданиях.

Позволим себе еще одно критическое замечание, или, скорее, приглашение к дальнейшему размышлению относительно темы «следов прошлого». Речь идет о более детальном осмыслении проблемы восприятия следов прошлого, особенности которого по-разному проявляются в контексте таких понятий как «исторический опыт», «историческая память», «историческое сознание». Речь идет о том, кто и каким образом воспринимает следы прошлого в условиях настоящего. В самом первом приближении это подразумевает несколько вопросов. Насколько следы прошлого способны передавать исторический опыт, как следы прошлого превращаются (и всегда ли превращаются) в личный и коллективный исторический опыт? Как изменяются техники чтения следов прошлого на уровне исторической памяти и исторического сознания? Каким образом следы прошлого интегрируются в пространство другой исторической культуры, по-иному артикулирующей время?

В завершении отметим, что, по сути, можно говорить о трех модулях текста. Во-первых, материал впервые был представлен как видеолекции, размещенные на портале ИСТОРИЯ.РФ, во-вторых, в виде рецензируемой книги. И, наконец, в-третьих, через полгода после издания русской версии книги вышла расширенная немецкая версия⁶, в которой автор еще более усилил свою аргументацию. В немецкую версию книги вошли проблемы философского осмысления разрушения следов прошлого, анализа понятия «след» как медиальной, трансцендентальной и этической категории, выявления влияния современной медиальной философии в Германии на теорию и дидактику истории.

Книга А. Буллера является попыткой глубже осознать единство философии истории и исторической науки в контексте базовых понятий исторического мировоззрения, а также еще раз указать на значение российско-немецкого диалога научных традиций в новом тысячелетии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Буллер А. Три лекции о понятии «СЛЕД». СПб.: Алетейя, 2016. 128 с.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2001. 491 с.
- Дмитриев А.Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 9-33.
- История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Л.П. Репина (ред.). М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Buller A. Eine Studie zur Theorie und Geschichte des Spurbegriffes (dt.). Marburg: Verlag TECTUM, 2016. 140 s.
- Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B.Mütter, B. Schönemann, U. Uffelmann (Hg.). Weinheim, 2000. 294 s.
- Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart-Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2011. 243 s.
- Kuhn C. Generation als Grundbegriff einer historischen Geschichtskultur. Die Nummerger Tucher im langen 16. Jahrhundert. Göttingen, V&R unipress, 2010. 553 s.
- Rüsen J. Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. 264 s.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500-1730. Oxford, 2003. 421 pp.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Buller A. Tri lektzii o ponyatii «SLED». SPb.: Aletejya, 2016. 128 s.
- Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 491 s.

⁶ Buller 2016.

- Dmitriev A.N. Proshloe nashego proshlogo: problematika istoricheskoy kul'tury v Rossijskoj imperii // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom: koll. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoj / otv. red. A.N. Dmitriev. M.: Izd. dom VSHEH, 2012. S. 9-33
- Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / L.P. Repina (red.). M.: Krug", 2006. 768 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.
- Buller A. Eine Studie zur Theorie und Geschichte des Spurbegriffes (dt.). Marburg: Verlag TECTUM, 2016. 140 s.
- Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B.Mütter, B. Schönemann, U. Ulfelmann (Hg.). Weinheim, 2000. 294 s.
- Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart-Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2011. 243 s.
- Kuhn C. Generation als Grundbegriff einer historischen Geschichtskultur. Die Nürnberger Tucher im langen 16. Jahrhundert. Göttingen, V&R unipress, 2010. 553 s.
- Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. 264 s.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford, 2003. 421 pp.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»; linchenko1@mail.ru

In search of the traces of the past

The article is a review of the monograph by A. Buller "Three lectures on the concept of "Trace". (St. Petersburg, Aletheia, 2016. 128 pp.). The book is a series of lectures devoted to the philosophical aspects of the consideration of the concept "trace", as well as an attempt to integrate this concept into the space of the modern philosophy of history and historiography. The problem of the traces of the past is considered within the relation of the modernist and postmodern methodologies, in the context of the conclusions of philosophical hermeneutics, the history of concepts, didactics of history, medial philosophy and ethics. The author reveals the ontological and epistemological premises of using the concept "trace" as a tool for historical science and substantiates the idea of the necessity for an anthropological approach to the understanding of a historian's work.

Keywords: traces of the past, historical memory, hermeneutics

Andrei Linchenko, PhD, researcher of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru

О ПАНДИСКУРСИВНОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ ФАКТОВ¹

Рец. на книгу А.В. Корчинского «Форманты мысли: Литература и философский дискурс» (М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.), в которой исследуются внедрения литературы в область философии, и наоборот.

Ключевые слова: литература, философия, дискурс, коммуникативное событие.

Книга А.В. Корчинского – прежде всего факт философии в классическом смысле этого понятия. Будучи, по своему бэкграунду, филологом-литературоведом, автор, тем не менее, покидает место своей формальной прописки при созерцании панорамы, которая открывается с высоты избранного уровня абстракции. Такие нарушения границ часто оказывают услугу обеим областям, поскольку каждая из условно обозначенных гуманитарных территорий некогда возникла в результате дробления целостного исследуемого объекта *homo cogitans* на удельные аспекты по родам разумной (духовной) деятельности, и потому, в конце концов, требует возвращения (возведения) к изначальному единству. Последнее неизбежно становится «философией», в которую ведут все дороги.

В монографии исследуются отношения литературы и философии в условиях существования постулированной автором нечеткой границы между ними, соответственно, исследуются внедрения литературы в область философии, и наоборот. Цель автора состоит в том, чтобы определить специфику философского высказывания (и это филологический подход). Неминуемый при такой задаче выход за пределы, очерченные любым вербальным материалом, ведет в область дискурса, обязывая к созданию своего рода гносеологии дискурса («форманты мысли»). Это заменует собой рамочный для исследования философский подход.

Структуру книги составляют 15 глав, распределенных по трем разделам, которые собирают в тематические единства наблюдения автора над пограничными процессами: «Литература и философия на дискурсивной карте культуры», «Литература как философия и философия как литература», «Философия литературы и философия в литературе». В авторскую рефлексию вовлечен широкий круг знаковых персоналий, представляющих литературу и философию слитно и раздельно.

Во введении определены методологические константы дальнейших рассуждений. Очерчены три исследовательские программы, реализуемые в подходах к языку: логико-аналитическая (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль и др.), философско-поэтическая (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, Ж. Деррида и др.) и религиозно-онтологическая (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков и др.). Ни одна из них не кажется автору самодовлеющей

¹ При поддержке из средств гранта РФ № 14-28-00130.

виду прескриптивного характера и тяготения к иным наукам, локализованным за пределами философии. Автор обращается к современным исследованиям феномена философской речи, в которых намечается сближение и даже конвергенция художественного и философского дискурсов. Здесь же дается камертон исследования – само понятие дискурса в версиях М. Фуко и Т. ван Дейка, и соответственно указывается на значимые для дискурса как «коммуникативного события» характеристики: единство языковой формы, значения и действия, а также институты и интеллектуальные сети, в рамках которых он «производится, распространяется и потребляется». На этом основании автор оставляет в стороне понятия философского языка и философского текста и обещает в дальнейшем оперировать понятием «философского дискурса», находя подтверждение такой позиции в фактах современной рефлексии над философскими языком и текстом. В частности, приводится суждение Н.С. Автономовой о мысли и письме как общих признаках для философии и литературы, а также суждение И.П. Смирнова о том, что философия и литература, избавленные от критерия истинности, каждая по своему «творят свои референты». Кроме того, последнему принадлежит мысль о двунаправленной точке зрения читателя – способности приобщаться к миру героев, сопереживать, с одной стороны, и способности видеть, «как это сделано», с другой. Наконец, ценной автору представляется точка зрения А.П. Алексеева, предлагающего рассматривать философский текст как коммуникативную ситуацию, со ссылкой на функции языка Р.О. Якобсона. Проблему соотношения и дифференциации литературного и философского дискурсов в условиях нового времени (а прежде были свои специфические условия) автор связывает, во-первых, с тем, что в последние два столетия философия все больше распознавала в литературе союзника в сфере производства знания, а во-вторых, с тем, что модернистская и авангардная художественность сместила акцент с содержания произведения на сам коммуникативный контакт между автором и читателем, то есть вышла на (общий для них) уровень дискурса. В последующем анализе, в остальных четырнадцати главах, автор рассматривает специфику отношений между дискурсами литературы и философии с очерченного теоретического плацдарма.

Отметим вне привязки к главам и общей структуре книги основные идеи и наблюдения самого автора (с привлеченными точками зрения иных исследователей), не фокусируясь на тонких и изощренных деталях, что может (и даже обязан) позволить себе читатель книги.

Философское высказывание последовательно выделяется в особый класс ментативов. Для этого автор отслеживает отличия ментативов от дескриптивов, итеративов, декларативов. Это ментальное событие, мысль о мысли, оперирующая версиями, моделями, концептами, а не вещами. В качестве критерия указывается верификация, свойственная научной мысли, но не свойственная ментативу, который, как опыт мыс-

ли – не столько результат, сколько сам акт. Ментатив является основным типом высказываний, оформляющих спекулятивную мысль.

Различие коммуникативной и референтной составляющих дискурса определяется через «двокособытийность дискурса», это понятие ввел В.И. Тюпа, который видит в нарративе «рассказываемое (или референтное событие) и «событие рассказывания». Автор монографии задается вопросом о возможности термина «референтное событие» применительно к ментативу и восполняет дискурсивные характеристики ментального события третьей, перформативной, составляющей: «изменение картины мира в сознании адресата», тем самым, представляя ментатив «тройкособытийным». «Мысль как референт сливается с событием ее воспроизведения в дискурсе и в таком виде обеспечивает рецептивное событие, происходящее в сознании адресата».

Оправдание возможности считать литературу философским дискурсом (Ж.-П. Сартр, А. Камю, чинари), и наоборот, оправдание следов литературности в заведомо философских текстах (Гегель, М. Хайдеггер, А. Кожев, Я. Друскин и др.) предпринимается под знаком единящей их процессуальности мысли: «Референтом литературного дискурса нового типа становится не идея как интеллектуальный продукт, а мысль как процесс и/или событие». Здесь ментатив, до этого возведенный автором монографии на строевой уровень и превращенный в главный формант философской мысли, несколько отодвигается в тень и, по-видимому, осознается в пространстве более масштабном, чем пропозиция.

Язык, как становится ясно из исследования лингвистической философии чинарей (Л. Липавский, Я. Друскин), имеет для них вполне определенные очертания: «Они [чинари] настаивают на отождествлении медиальной оболочки знака (звука, начертания) с самой обозначаемой им вещью без посредства референции, денотации и сигнификации». Автор в целом солидаризируется с этой позицией: «Дело в том, что и материальная оболочка языковых знаков, и сам охватываемый ими мир слиты в нерасчлененной стихии медиума», считая при этом такой подход достойным поводом подчеркнуть креационную сущность языка (давая своего рода версию творения мира из ничего «Словом»): «Язык иероглифов – это не какой-то “другой”, более семантически совершенный или истинный язык, альтернативный обычному... Это – язык как таковой, медиум языка, который призван не для того, чтобы более адекватно репрезентировать мир и “сами вещи”, но для того, чтобы показать, что “сами вещи” и суть то, что их сформировало – язык, время, сознание».

Новый режим дискурсивности занимает место прежнего, репрезентативного, при котором проблема соотношения вымышленного мира литературы и реального мира решалась сопоставлением вымысла с событиями реального мира, с тестированием художественного высказывания на попадание или непопадание в реальную цель. Тогда, видимо, имел место традиционный взгляд на любой текст как нарратив реально-

сти – событийной, мыслительной, душевной, эмоциональной и пр. После нигилистического кризиса репрезентативности, когда «литература и философия становятся утилитарным руководством к практическим действиям» и утрачивают свою «мирооткрывающую функцию» [Ю. Хабермас], возникает новая дискурсивная оболочка. Суть новации состоит, во-первых, в «примате коммуникативного взаимодействия между автором и читателем над содержанием художественного сообщения»; во-вторых, выход за пределы классической репрезентации позволяет порождать художественные высказывания релевантные не только для внутренней вселенной, представленной в тексте, но и для мира действительного; и, в-третьих, «акцент в искусстве смещается от чистой репрезентации и изображаемого предмета к тому, что можно назвать *показом*». Соответственно, философы со своей тягой к событийности мысли обретают в этом возрастающий интерес: философии открывается возможность средствами литературы «дейктически “показывать” то, о чем на языке репрезентации “невозможно говорить”» [со ссылкой на Витгенштейна].

Варианты интерпретации произведений Достоевского дают автору возможность предьявить два подхода к тексту: дискурсивный и нарративный. «В первом случае фактически игнорируется сам сюжет, интерес представляют, прежде всего, сентенции героев, рассказчиков и повествователя. Во втором случае, наоборот, акцент делается не на эксплицитно сформулированные в тексте рассуждения, а на сами рассказываемые события». Характерно сделанное прежде упоминание суждения (со ссылкой на Э. Бенфила и др.) о том, что «повествовательные высказывания существуют как бы вне акта коммуникации»; что в художественном нарративе никто ни к кому не обращается. Неоспаривание автором книги этой точки зрения входит в конфликт с дискурсивным (и, соответственно, коммуникативным) пониманием любого вербального факта, или выдает авторское понимание дискурса с редуцированной коммуникативной и избыточной формальной (языковой) составляющими.

В качестве последнего и наиболее весомого признака, отличающего литературу от философии, автор предьявляет категорию истины, которую в философии, в отличие от литературы, «еще никому не удалось полностью отменить», а «ее господство не поколебали даже релятивистские выступления постмодернистов в минувшем столетии». «Если дискурс литературы функционирует в перформативной рамке [со ссылкой на Ж. Женетта], обязывающий читателя воспринимать изображаемый ею мир как условный, то иллокутивная сила, свойственная речи философа, заставляет нас понимать ее так, как если бы все, что он говорит, при всей возможной фантастичности говоримого, было реальным – истинным».

«Доктор Живаго» Б. Пастернака позволяет автору наблюдать интердискурсивные взаимодействия в составе единого текста. В них принимают участие поэтический, философский, литературный, автобиографический (в т.ч. дневниковый), мемуарно-документальный и даже

фельетонный дискурсы. Следы философского дискурса определяются по содержательному признаку – бытийственной мысли автора («высказывание о мире, осмысленное как мировоззренческая «программа», как ответственное суждение интеллектуала»); вероятно, речь идет о «ментативе», который, тем не менее, здесь отсутствует как термин).

Философские размышления И. Бродского о времени вовсе не имеют отчетливых вербальных форм (тех же ментативов). Вместо этого «уточнению представлений о специфике творческого опыта» служит «философская семантизация формы». В поисках философии времени у А. Введенского и И. Бродского автор монографии обретает ее в весьма далеких от собственно вербальных суждений данных: «Философский потенциал стихотворения связывается не только и не столько с его содержанием (например, непосредственным наличием в нем идей, сформулированных на языке философии), сколько с формой (просодией, композицией, графикой стиха и т.д.), которая становится, по мнению поэтов, способом концептуализации времени».

Такое многообразие способов выражения философского контента (здесь, пожалуй, будет уместным перейти к прямому заинтересованному диалогу с автором), по-видимому, свидетельствует о том, что принадлежность высказывания (в широком смысле) к философии, или «философскому дискурсу», определяется, в конце концов, содержательно, «смыслово». Это вольно и невольно продемонстрировал (подтвердил) тщательный и часто виртуозный анализ, предпринятый автором. Задержавшись на этой смыслоориентированной позиции, сделаем несколько теоретических шагов, спровоцированных рецензируемым трудом.

Смыслообразование, послужившее автору основанием разделения высказываний на философские и литературные (в т.ч. поэтические), свойственно любому естественному вербальному факту. Говорящему (пишущему), будь то философ, поэт или писатель (а также историк, социолог, и пр.), просто незачем утруждать себя произнесением (написанием) вербальных формул вне предполагаемого воздействия на иное представимое сознание. Здесь, ввиду бесспорной акциональности естественного слова, неизбежно возникает концепт мыслимого действия, постепенно введенный (и до сих пор продвигаемый) в поле рассуждений о вербальных фактах, начиная с гадательных прозрений Витгенштейна, революционных опытов сомнения Остина, более определенных констатаций Серля и пр. Идея действия, изначально сформулированная на вербальном материале, несет в себе подлинный драматизм для наук о вербальной деятельности (в т.ч. для литературоведения и философии, столь вовлеченных в размышления о вербальных текстах). Дело в том, что действие не существует вне деятеля, который оказывается единственным бесспорным источником порождения смысла в вербальных данных. Фактом своего существования он ставит точку в рассуждениях о смысле сказанного, обозначая собой предел смыслообразования. Интерпретация

естественного вербального материала – в своей первозданной сути – представляет собой восхождение к когнитивному состоянию источника действия. Именно поэтому текст, который сам себя не создавал, не может содержать в себе больше смыслов, чем помышлял автор. Зачастую встречающаяся растерянность интерпретатора перед действием, от которого остался только вербальный след, не ведет к отрицанию автора в пользу мнимо-автономного текста, но обязывает признать недостаточную способность проникнуть в индивидуальные «чертоги смыслопорождения». При этом мысль и вербальное действие не совпадают, как процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) – не одно и то же. Смысл сказанного не имеет прямой («прямоточной») связи с мыслью – гораздо более объемным и комплексным процессом, чем следующее за ним коммуникативное воздействие (для этого достаточно представить случай лжи, где воздействие и мысль особо рельефно не совпадают). Мысль не акциональна, в отличие от вербального действия. В момент говорения (письма) размышление говорящего состоит в том, чтобы осуществить нужные говорящему (пишущему) изменения в сознании адресата. Иными словами, *смыслообразование* в естественном вербальном процессе (в т.ч. в философских и иных действиях) – *исключительно коммуникативный феномен*, который возникает только в процессе акционального («перформативного», «совершительного», действительного) выхода за пределы сознания в коммуникативное пространство.

На фоне этих естественных условий существования вербального факта следует констатировать три важных следствия для наук, интерпретирующих вербальные данные.

Во-первых, единицы вербального процесса сами по себе *не тождественны*, их невозможно изучать как элементы со своими валентностями. Они не существуют вне говорящего, который дает им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях.

Во-вторых, антично-сосюрковский *язык* (система смыслопорождающего говорения, часто возникающая в рассуждениях автора книги) *теряет свою теоретическую эффективность как метафора*. В новых условиях (когда личное действие становится главным объектом, и порождение смысла в вербальном факте локализуется в индивидуально приуроченной коммуникативной процедуре) это понятие становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса, суть которого – исполнение личной коммуникативной задачи, коммуникативное смыслопорождение. В языке нет деятеля, нет адресата, нет тождественной закрепленной между означающим и означаемым связи (означаемого в принципе не может быть вне индивидуального сознания, поскольку означаемое представляет собой не денотат «вещь в себе», а некий образ, понятие, процесс, локализованные в сознании). Источником мысли, эмоции, чувства является только индивидуальное сознание. Обь-

екты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Причинность – довольно произвольное соположение двух выделенных (интересующих говорящего) объектов (явлений). Всего этого язык не может производить сам, он на это не способен. В нем с полной очевидностью отсутствует мысль и все прочее, имеющее отношение к смыслопорождению, поскольку в нем принципиально нет личности, которая является источником любого смыслообразования. Возможно, где-то в иных сферах диспозиция иная, но в естественном вербальном процессе безраздельно господствует номинализм (релятивизм, относительность, субъективность, отсутствие истинности и пр.) – то, что отвергнуто автором монографии в целях возвеличивания философии.

Наконец, в-третьих, следует констатировать, что *говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия*, а не вербальные формулы (элементы структуры языка). Источником нетождественности и изменчивости вербальных клише как раз и является то, что коммуникант, производящий коммуникативное смыслообразование, сосредоточен на действии, а не на соблюдении единообразных правил употребления слов. Правила и коммуникативное смыслообразование в некотором смысле антагонистичны: коммуниканту необходимо добиться изменений в сознании адресата, внести что-то новое в коммуникативное пространство, а язык, существующий по правилам, «всегда говорит нам одно и то же», как всерьез утверждал Витгенштейн. В действительности «одно и то же» в принципе не интересует коммуниканта, который берет на себя труд что-то сказать (написать): зачем говорить, если в результате удастся лишь произнести то, что уже сказано много раз кем-то и где-то, в том числе им самим? Чтобы продемонстрировать знание правил? Безусловно, нет. В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Он как бы строит шалаш из подручных средств, которые сами по себе его не интересуют. Осуществляемый им процесс семиозиса настолько многофакторный, что «правила употребления слов» просто растворяются в коммуникативном синтаксисе. Коммуникант пускает в ход все, что ему доступно: вербальные клише, визуальные образы, таблицы и схемы, модуляции голоса, невербальные знаки, неожиданные фреймы, вновь созданные объекты, измененные формы слов, новые фокусировки, шрифтовые выделения, «разноязычные» вербальные формулы, и проч., лишь бы искомое воздействие было произведено. В этих условиях теоретический конструкт «язык» уже не может сохранять прежний статус автономного «средства общения», поскольку общение осуществляется не словами «языка», а комплексными коммуникативными действиями. Соответственно, любая исследовательская процедура, которая ранее пыталась опереться на правила работы словесного «механизма», вместе с языком мутирует в какое-то новое состояние.

В возникшей ситуации турбулентности (резко возросшей комплексности объекта, несамотождественности элементов, поглощения вербального материала коммуникацией) твердую почву для дисциплин, интерпретирующих вербальный текст, предоставляет дискурс – одна из главных методологических констант автора рецензируемой монографии. Здесь, ввиду сказанного о естественном вербальном факте, уместно предложить к рассуждению несколько скорректированную оптику дискурса, а попутно отчасти усомниться в эффективности той точки зрения на этот понятийный инструмент, которую исповедует сам автор (зачастую противоречая собственным заявлениям, сделанным в начале книги).

Дискурс для автора часто становится статичным коррелятом языка. Именно поэтому, с его точки зрения, возможен поэтический, философский, литературный дискурсы, как при статическом понимании языка («системы-механизма») возможны заведомо неопределимые в своих очертаниях поэтический, философский, литературный языки. И в том, и в другом случае теория, соглашаясь на неэффективную дефиницию, сразу понуждается к тому, чтобы приступить к девальвации собственного потенциала, например, сразу вводить исключения из правил, очерченных неэффективным инструментарием (что, собственно, демонстрирует автор, наблюдая различные дискурсы в рамках целостных текстов и не обозначая сколько-нибудь четкой границы между дискурсами, кроме содержательной). Такой дискурс получает автономное существование, как язык, которому придается статус автономного объекта. Такой дискурс терпит синонимию «философский дискурс – философский язык», «философский дискурс – философия». И, наоборот, не терпит синонимии «дискурс – коммуникативное событие» (что изначально было обещано автором как принятая дефиниция). Такой дискурс операционально неэффективен, как неэффективен язык для объяснения процессов смыслообразования в естественном вербальном факте. Если вербальный факт представляет собой действие, процесс, то теоретическая рамка для него должна иметь свойства, пригодные для моделирования процесса.

Динамическое понимание дискурса, вытекающее из акциональности вербального факта, указывает на мыслимые условия совершения отдельно взятого коммуникативного действия. Ввиду постоянно меняющихся условий коммуникации (в т.ч. вследствие уже совершенных в последовательности действий, вовлечения новых, известных автору, фреймов, исключения потенциально релевантных фреймов, вовлечения новых мыслимых объектов, и пр.) дискурс представляет собой подвижную систему координат, в которой всякий раз заново интерпретируется новое действие (в т.ч. произведенное с участием вербального канала). С этой точки зрения дискурс не может быть единым для всей области философии, или литературы, или поэзии, поскольку «семиотические поступки», достойные и требующие интерпретации, слишком многочисленные, точечные, личностные и многофакторные. Обрамляющая их

ситуация в своих мыслимых коммуникантом параметрах подвижна и изменчива. Дискурс, для операциональной эффективности, должен быть лишен качеств, в т.ч. литературности, философичности, дневниковости, мемуарности и пр. По-видимому, то, что имел в виду автор книги, говоря о «философском дискурсе» – одна из обобщенных характеристик коммуникативной ситуации, в которой оказывался каждый из авторов, говоря о важном, пытаясь взойти к общезначимому. Но есть ли для авторов что-то незначимое, если они *это* сказали во всеуслышание? В самом деле, не станем же мы утверждать, что странные идеи (скажем, о «языке») Хайдеггера или Флоренского только по причине «членства в философском клубе» важнее и нужнее небольшого – совсем не философского – стихотворения Бродского, которое нам действительно нравится, в отличие от мыслительного (читай, коммуникативного) чудачества «философов»? В условиях глобальной гуманитарной деревни и «коммуникативного чистогана» речь идет об одобрении или неодобрении (по разным основаниям) *личного действия*, а не всей области философии или поэзии, которые автор часто именуется философским и поэтическим «дискурсами»; о назначаемой пригодности или непригодности данного коммуникативного события (часто – просто его вербального следа) к использованию в новых коммуникативных актах, в т.ч. в интерпретациях. В этой связи характерно уже упомянутое замечание автора: «...Иллокутивная сила, свойственная речи философа, заставляет нас понимать ее так, как если бы все, что он говорит, при всей возможной фантастичности говоримого, было реальным – истинным». Понятно, что *никакая* иллокутивная сила *не может заставить нас* это сделать, если мы сами этого не захотим. В словах философа вещает не истина, а – страшно сказать – сам философ. Создавая объекты, фиксируя внимание, формируя множества, актуализуя фреймы, строя причинно-следственные связи и пр., он производит такие же воздействия на читателя (слушателя), как и любой коммуникант. Его коммуникативные акты ничем не лучше и не хуже иных – они могут получать или не получать одобрение, быть странными или глубокомысленными, понятными или «темными» и пр. То, что, как замечает сам автор, «философия крайне редко эксплицирует свой “сочиняющий” [со ссылкой на П. Козловски] характер», не может ввести в заблуждение «профессионального читателя», утаив от него очевидное – личный коммуникативный процесс.

На этом фоне поиски границ и пограничных процессов между литературой и философским дискурсом выглядят глубокой условностью.

То же самое следует сказать и о поисках «формантов мысли». Эта метафора, вынесенная в название книги, навеяна автору (в чем он признается) структурно-грамматическим подходом к вербальным данным. Развивая ее, можно позволить себе параллель: как форманты языка (морфемы, слова, синтаксические конструкции и пр.) возникают вследствие аналитических (анатомических) процедур, совершаемых грамма-

тистами над вербальным остовом (или дискретными останками) актуальных коммуникативных действий, так «форманты мысли» (ментатив, дискурс, интердискурсивное взаимодействие и пр.) селятся возникнуть из операций над остовом конкретной мысли после ее смерти в «метатеории». Как авторы актуальных высказываний не нуждаются в формантах языка, интересуясь успешностью конкретного коммуникативного действия, так и философы с литераторами не нуждаются в формантах мысли, интересуясь в своих высказываниях конкретным смыслообразованием, коммуникативным по природе. Как грамматика языка представляет собой мнемотехнику (заготовку пустых бессмысленных форм для конкретных смыслообразовательных процедур, в помощь иностранцам), так мнемотехнический характер имеет и «формантирование» мысли.

Вместе с тем понятно, что размышления, спровоцированные рецензируемым трудом, лишь подчеркивают его фундаментальность и масштабность. Книга относится к разряду вдохновляющих, что в поле специальной профессиональной литературы составляет ее неоспоримое достоинство. Каждый читатель-гуманитарий, в зависимости от своей специализации, найдет в ней свои вызовы и точки позитивного коммуникативного взаимодействия с автором. Помимо метатеоретических наблюдений, монография исполнена содержательными интерпретациями конкретных текстов (коммуникативных эпизодов), авторы которых при обсуждении написанного ими, возможно, даже предпочли бы режим *de re*, вместо не вполне законного (как в третьем лице о присутствующем) режима *de dicto*. Панорама имен и суждений, развернутая автором синхронно и диахронно, делает его труд заметным фактом интеллектуальной истории, или истории интеллектуальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Корчинский А.В. Форманты мысли: Литература и философский дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

REFERENCES

Korchinskii A.V. Formanty mysli: Literatura i filosofskii diskurs. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 288 s. (Kommunikativnye strategii kul'tury).

Вдовиченко Андрей Викторович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, доцент кафедры теории и истории языка ПСТГУ; an1vdo@mail.ru

On pan-discursivity of verbal facts

Review: A.B. Korchinsky "Formants of thought: Literature and philosophical discourse" (Moscow, 2015, 288p.)

Keywords: literature, philosophy, discourse, communicative event

Andrey Vdovichenko, Dr.Sc. (Philology), leading researcher, Sector of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; an1vdo@mail.ru

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ ПИСЬМА КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА¹

Статья посвящена критическому анализу пособия по русской палеографии, выпущенного в Польше в 2015 г. Рецензируемая книга следует традиционной для такого рода изданий структуре, и, в то же время, в полной мере воплощает актуальные тенденции в развитии вспомогательных исторических дисциплин и раскрывает междисциплинарный характер палеографических исследований. Ряд неточностей, допущенных автором в изложении конкретного материала, свидетельствует прежде всего о недостатках в научной коммуникации российских и польских ученых.

Ключевые слова: *вспомогательные исторические дисциплины, палеография, история письма, кириллица, междисциплинарность, научная коммуникация*

Сегодня нет недостатка в учебных пособиях по вспомогательным историческим дисциплинам, во всяком случае – в пособиях, написанных на отечественном материале. Только за последние полтора десятка лет вышли в свет книги М.М. Крома и соавторов², В.В. Шевцова, А.Е. Чекуновой, Н.Г. Абрамовой и Т.А. Кругловой³, в очередной раз переиздано известное еще с советских времен пособие Г.А. Леонтьевой, П.А. Шорина и В.Б. Кобрин⁴, и этот перечень едва ли может претендовать на полноту. Качество перечисленных книг можно оценивать по-разному; в значительной степени насыщенность нашего своеобразного «рынка» связана не со стойким интересом читающей публики к проблематике палеографии, исторической хронологии и метрологии, и уж, тем более, кодикологии или филиграноведения, а с тем, что (несмотря на все реформы) указанные дисциплины еще сохраняют какое-то место в базовых учебных планах высшей школы по истории и смежным дисциплинам, и учебные пособия раскупаются просто потому, что нужны студентам. Но тем примечательнее становится факт появления фундаментального пособия по русской палеографии на польском языке, которым и является рецензируемая книга польского историка Кшиштофа Петкевича.

Значение русской палеографии для польских исследователей обусловлено общеизвестными историческими причинами. Кривская уния 1385 г., заключенная на фоне затяжного политического и династического кризиса, положила начало цепочке событий, в результате которых в орбиту польской государственности оказались вовлечены значительные по площади территории, населенные по преимуществу восточными сла-

¹ Рец. на: *Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)*

² Специальные дисциплины 2003.

³ Шевцов 2007; Чекунова 2010; Абрамова, Круглова 2011.

⁴ Леонтьева, Шорин, Кобрин 2015.

вянами, прямыми наследниками культуры Древней Руси. Язык этого населения («руска мова») а соответственно – и кириллическая письменность, использовались в официальном делопроизводстве польско-литовского государства (или, как минимум, его отдельных областей) вплоть до XVIII в. В свою очередь, разделы Речи Посполитой, осуществленные в конце XVIII в., и решения Венского конгресса 1814–15 гг. привели к тому, что значительная часть исконно польских земель (включая столицу, Варшаву) оказалась под властью Российской империи и сделалась объектом русификаторской политики, усилившейся после восстания 1863–64 гг. Важнейшим направлением этой политики было максимально глубокое внедрение русского языка в общественную жизнь «Привисленского края» и принудительная «кириллизация» местной культуры. «Сплетение» русской и польской историй трудно назвать органичным: если постепенное укрепление польско-литовской унии было связано с объективными особенностями социально-политического развития обеих стран, то разделы Польши стали примером грубого вторжения великих держав в дела сопредельного государства. В то же время, многовековое сосуществование двух культур воплотилось в значительном по объему корпусе источников, написанных кириллицей на восточнославянских языках, и, одновременно, имеющих непосредственное отношение к польской истории. Освоить этот корпус без пособий, подобных пособию К. Петкевича, не представляется возможным. Иными словами, какими бы ни были отношения политиков двух стран, русскую палеографию в Польше изучали и будут изучать.

Обсуждаемая книга выпущена под грифом Института истории Польской Академии наук в авторитетном варшавском издательстве DiG, специализирующемся на публикации исторической литературы⁵, и подчеркнуто следует самым строгим канонам научного письма. Изложение открывается Введением (с. 15–24)⁶, где автор поясняет вынесенный в заглавие термин *ruski* (в историческом контексте – относящийся к Руси, т.е. «древнерусский»), рассказывает, почему термин *специальные исторические дисциплины* (*specjalne dyscypliny historyczne*) лучше «определения», основанного на прилагательном *вспомогательные* (*nauki pomocnicze historii*)⁷, и проводит анализ существующих в литературе взглядов

⁵ Это издательство обеспечивает, в частности, выпуск известных периодических изданий исторической тематики «Przegląd historyczny» («Историческое обозрение») и «Studia źródłoznawcze» («Источниковедческие исследования»).

⁶ Здесь и в дальнейшем номера страниц в круглых скобках являются ссылками на рецензируемое издание.

⁷ Польские аналоги наших терминов «специальные» и «вспомогательные исторические дисциплины», различаются сильнее, ибо в них разнится не только состав определений, но и само определяемое слово (*дисциплины* в первом случае, *науки* во втором). К сожалению, эту деталь К. Петкевич не комментирует; он остается в рамках старого, и, кажется, сугубо российского спора о том, что обиднее – прослыть избыточно *специальным* или вечно комплексовать на должности *помощника*.

на место палеографии среди других исторических дисциплин. Далее следует обширная глава об истории русской палеографии как научной дисциплины (с. 26–73), девять глав, посвященных основным аспектам палеографического анализа русских письменных источников и проблематике ряда смежных дисциплин: исторической хронологии (с. 138–175), эдичионной археографии (с. 375–386), дипломатики (с. 387–423), исторической метрологии (с. 424–452). Излагая материал, автор придерживается тематического принципа, т.е. сначала характеризуется алфавит (с. 74–137), затем материалы и орудия письма (с. 176–221), затем эволюция графики (с. 222–306), затем особенности переплета (с. 307–336) и, наконец, орнамент рукописей (с. 337–376). Такая композиция возвращает к структуре классических пособий по истории письма (В.Н. Щепкин, Е.Ф. Карский), и следует естественной логике палеографического анализа. Может показаться несколько прихотливым расположение «вставной новеллы» о хронологии (между главами об алфавите и о материалах и орудиях письма), но понять соображения, которыми продиктовано такое решение, нетрудно – хронологическая проблематика следует за рассказом о цифири, который, в свою очередь, естественно примыкает к главе про алфавит. Сведения об особенностях издания источников, дипломатике и метрологии помещены в самом конце, как образующие наиболее специфический, не всегда актуализируемый материал.

Следование традиционной композиции не становится препятствием к обновлению содержания. Палеография зародилась как дисциплина, посвященная прежде всего критике средневековых юридических документов, сохранившихся в церковных, королевских и дворянских архивах. Однако в ситуации постмодерна понимание предмета исторической науки претерпело радикальные изменения, так что новой и новейшей истории теперь уделяется на порядок больше внимания, чем истории древности и средних веков. Многие ученые полагают, что специалистам по истории Нового и Новейшего времени тонкости палеографического анализа не нужны, поскольку источники, созданные за последние несколько столетий, не слишком отличаются по форме от документов, с которыми всякий имеет дело в повседневной жизни⁸. Однако при должном подходе предметом источниковедческого исследования могут стать внешние признаки даже самых обычных с виду произведений современной полиграфической промышленности⁹, а значит эти внешние признаки

⁸ Скажем, в учебном пособии под редакцией М.М. Крома письмо XIX в. упоминается разве что эпизодически; более того, даже о скорописи XVIII в. сказано, что она «не представляет особой трудности для чтения», поскольку «эволюция начерков букв <...> подходит к тем типам, которыми мы пользуемся сами» [Специальные дисциплины. С. 64]. Оставлю читателям оценивать обоснованность данного суждения.

⁹ Так, при определении времени создания мемуаров Л.В. Черепнина В.Д. Назаров отталкивался от дат выпуска, указанных на 4-й странице обложки школьных тетрадей, в которых эти мемуары были написаны. Назаров 2015. С. 6–7.

можно и нужно изучать, в том числе – в рамках университетского курса. Сведения о письменных источниках Нового и Новейшего времени не всегда поданы у К. Петкевича с теми же глубиной и детализацией, которых читатель вправе ожидать, ознакомившись с рассказом ученого о письменности средневековья. В ряде случаев автору явно не хватало русского/советского материала, так что пришлось обращаться к более доступному польскому. В частности, в качестве образца телеграммы приводится польская поздравительная телеграмма из личного архива автора (с. 220), которая выглядит почти так же, как выглядела бы современная ей советская, но в некоторых деталях все же отличается, и читателю, помнящему бланк советской телеграммы, эти отличия режут глаз (а читателя, таких воспоминаний не имеющего, дезориентируют). Впрочем, даже с такими чужеродными вставками пособие К. Петкевича выгодно отличается в подаче современного материала от отечественных учебников, в которых сведения о письменности XIX и, тем более, XX в., крайне ограничены, а нередко и в принципе отсутствуют.

Характерной чертой современного исторического знания является его междисциплинарный характер. Традиционные приемы анализа исторических источников во многом исчерпали себя даже при разработке «классических» сюжетов¹⁰, что уж говорить о таких новых областях, как, скажем, историческая имагология или история самосознания, сама суть которых вынуждает историка осваивать понятийный аппарат и аналитические подходы филологии и лингвистики. Палеография, являющаяся исторической дисциплиной примерно в той же мере, в какой и филологической, дает хороший повод познакомить историков с проблематикой смежных гуманитарных наук, что и делает К. Петкевич, включая в свое пособие, в частности, значительные по объему сведения об истории русской орфографии (с. 104–126), весьма значимом для датировки исторических источников (да и в целом для понимания письменной культуры как таковой). Мобилизованный им лингвистический материал существенно превосходит те скудные сведения языковедческой направленности, которые принято давать в пособиях, издающихся у нас.

Наконец, весьма позитивной чертой пособия К. Петкевича является независимость авторского взгляда от устоявшихся в российской историографии стереотипов. Понятно, что системообразующим событием

¹⁰ Например, для исследователей русского летописания основным является т.н. «сравнительно-текстологический метод»: несохранившиеся летописные своды восстанавливаются путем сопоставления дошедших до нас летописей (см. подр.: [Лурье 1976]). Однако при изучении древнейших летописных сводов ученые вынуждены считаться с нехваткой сравнительного материала, поэтому в ход идут, среди прочего, приемы лингвистической статификации, при которой выводы об истории текста делаются путем анализа его морфологии, лексики и синтаксиса (метод подробно разработан в трудах А.А. Гиппиуса, см., в частности, Гиппиус 2001). Таким образом, недостаток источников приходится компенсировать освоением аналитических приемов смежных гуманитарных дисциплин.

в истории славянской письменности является изобретение алфавита Кириллом и Мефодием – роль солунских братьев в развитии культуры на восточноевропейском пространстве трудно переоценить. В то же время, миссия славянских просветителей не была в достаточной мере подготовлена дипломатически, административно и богословски (воплощением чего и стал т.н. конфликт с немецкими епископами); изобретенная ими азбука – глаголица – также оказалась не вполне удачной, и вскоре уступила место алфавиту, составленному на основании греческого письма книжниками Преславской школы. В российской научной традиции при изложении указанных событий доминирует панегирический тон, а неприятие славянской службы и славянских книг значительной частью современников объясняется политическим противодействием со стороны Восточно-Франкского королевства. Польский автор пишет существенно спокойнее, фиксирует (хотя и не без неточностей) формальные недоработки, осложнявшие деятельность Кирилла и Мефодия¹¹, и готов признать, что «миссия в Моравии закончилась неудачей» (с. 76). Отечественному читателю такая свобода рассуждений может показаться избыточной, но важно все-таки иногда выходить за рамки устоявшегося нарратива и смотреть на фигуры из исторического пантеона под новым, пусть и не всегда комплиментарным для них углом.

Впрочем, у пособия есть и ряд досадных недостатков. Прежде всего, автор время от времени отступает от собственного определения географических рамок рассматриваемого материала. В первом параграфе Введения говорится, что «к области интересов вспомогательной исторической дисциплины, именуемой *русская палеография* (*paleografia ruska*), можно отнести все рукописное наследие Руси, России, Украины и Белоруссии, не вдаваясь при этом в невнятные и ненаучные споры о том, к какой именно из перечисленных национальных традиций относится тот или иной конкретный памятник письменности» (с. 16), и такая трактовка объекта представляется вполне обоснованной, особенно учитывая то, где издано и на кого рассчитано пособие. В то же время, это определение, очевидным (и тоже вполне логичным) образом, не включает в себя письменную культуру южных славян. Однако в параграфе, озаглавленном «Древнейшие сохранившиеся памятники письменности на Руси» (с. 86–88) фигурируют не только русские, но и южнославянские памятники – Добруджанская надпись 943 г., надпись царя Самуила 993 г. и Саввина книга, основная часть которой переписана в «средневосточной Болгарии, возможно в области к северу от Дуная»¹², и, соответственно, относится к

¹¹ «Любопытно, что братья-миссионеры не были, судя по всему, поставлены в священники. Константин, возможно, был диаконом, Мефодий — простым монахом» (с. 76). Неточность, как минимум, в том, что по сообщению Жития Мефодия, последнего «поставиша <...> игумена в монастыри, иже нарицаются Полихронъ» еще за несколько лет до отъезда в Моравию. Успенский сборник 1971. С. 192. (Л. 105а).

¹² Старославянский словарь 1994. С. 15.

древнерусской письменной культуре лишь косвенным образом, исключительно благодаря тому, что Саввина книга хранилась в псковском Петропавловском Сереткином монастыре. Приводимые в том же параграфе количественные характеристики древнерусского письменного наследия XI–XIII вв. также не учитывают разницы между книгами, созданными на Руси, и книгами, оказавшимися на территории нашей страны (в т.ч. и в Новое время), поскольку автор без какого бы то ни было комментария и корректировки берет числовые данные из известного справочника под характерным названием «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» (курсив мой – Д.Д.). Правда, К. Петкевич указывает, что Добруджанская и Самуилова надписи выявлены в Болгарии, а цитируемый каталог включает «19 старославянских рукописей, 88 среднеболгарских, 87 сербских (в т.ч. 2 боснийские и 2 хорватские)». Но в сочетании с названием параграфа эта последняя оговорка вполне может быть понята в том смысле, что носители всех этих языков трудились непосредственно на Руси. Думается, что в учебном пособии, особенно рассчитанном на неподготовленного читателя, следовало бы провести более строгое разграничение южно- и восточнославянского материала.

Второй раздел пособия, посвященный «алфавиту, орфографии и пунктуации в древней Руси и России (X–XX вв.)» вообще изобилует неточностями и недоработками. В частности, на с. 77 прилагательное «старославянский» (*starosłowiański*) употребляется и как название языка, выработанного Кириллом и Мефодием в рамках моравской миссии, и как синоним термина «праславянский», а на с. 115 упоминается не существующий в русском языке «дифтонг io». Весьма неудачен «обзор знаков кириллицы», помещенный на с. 93–97. Автор не дал себе труда определить, ни что он описывает – графемы, начертания или собственно знаки, ни на какой географический ареал – общеславянский, восточнославянский или собственно русский – ориентируется предлагаемый обзор. В результате при перечислении «знаков» в одном ряду с буквами (данными иногда в нескольких вариантах, а иногда в одном) оказался надстрочный знак (паерок), а при изложении правил чтения явления, характерные для современного русского литературного языка (отверждение [ц’], отсутствие твердой пары к [ч’]), смешались с феноменами, характерными для украинского языка (фрикативное [h]); при этом ять (ѣ) характеризуется как буква, «передающая открытый звук переднего ряда ä», т.е. в соответствии с его чтением в южнославянских языках. Можно только посочувствовать польским читателям, которые, ознакомившись с этим гибридом, станут общаться с российскими коллегами и столкнутся с практиками чтения древнерусских текстов, принятыми в отечественной исследовательской среде. В описании надстрочных знаков (с. 98–99) тоже не все логично: диакритики, введенные в кириллический алфавит под влиянием греческой политоники, приводятся дважды – сначала корректно, как «ударения» (*akcenty*), а потом не к месту, как «знаки сокраще-

ний» (skróty). При этом автор заметил, что у М. Смотрицкого приводятся неожиданные («несколько измененные») названия этих «сокращений» (*острая, вария или тяжкая, периспомена или облегченная...*), но напрашивающегося вывода о подлинной природе обсуждаемых знаков не сделал. Не вполне рационально выстроен рассказ об изменении русской орфографии в послереволюционное время (с. 124–126): если реформе 1956 г., введшей значительное число новых написаний (*чёрт, по-прежнему, чиновка...*), уделен один абзац, то крайне осторожным и не имеющим официального статуса изменениям, предложенным в 2006 г. отведен целый параграф на полторы страницы. Лучше было бы распределить внимание автора и читателей по-другому.

Рассказывая о судьбах кириллицы в XIX–XX вв., К. Петкевич не мог не затронуть вопрос о создании письменности для неславянских народов России. Хорошо известно, что на протяжении длительного времени данный многоаспектный процесс был не только воплощением целенаправленной политики властей, но и результатом деятельности многочисленных энтузиастов, в т.ч. А. Шегрена и П.К. Услара (на Кавказе) или Н.И. Ильминского и его учеников И.Я. Яковлева и В.Т. Тимофеева (в Поволжье)¹³. При этом, создатели «инородческих письменностей» ставили перед собой культуртрегерские задачи; в частности, распространение кириллической письменности среди мусульман позиционировалось как способ ограничить влияние исламского духовенства, а в дальнейшем и упростить «распространение <...> нового рода понятий»¹⁴. Однако решать такие задачи предлагалось не за счет уничтожения национального начала, а наоборот – за счет его всемерного развития в противовес исламской культуре, ориентированной на арабское письмо; об унификационной политике центра, направленной на радикальную ломку локальных культур, можно говорить только применительно к сравнительно узкому и специфическому периоду сталинской диктатуры. Однако К. Петкевич об этой многогранности имперской политики не пишет, предпочитая говорить исключительно о «навязывании кириллицы народам, использующим иные алфавиты» (с. 126). Соответственно подбираются и примеры для анализа. В частности, из опытов XIX в. читателю представлены прежде всего два проекта внедрения кириллицы для польского языка, опубликованных в правление Николая I, и столь же маргинальная попытка кириллизации литовского языка, предпринятая в 1864–1866 гг. (с. 126–128); даже о судьбах украинского алфавита сказано меньше (с. 128–129). Понятно, что в таком распределении внимания сказывается то, что польскому читателю ближе всего польские обстоятельства, а на польские и литовские земли кириллица действительно пришла в конце XVIII – XIX в. как чуждый алфавит, навязанный властями госу-

¹³ См., напр., рассуждения А. Шегрена о перспективах использования кириллического алфавита для записи осетинского языка (Шегрен 1844. С. XV–XXXI).

¹⁴ Ср.: Услар 1887. С. 16–17.

дарства-захватчика. И в то же время, для создания более объемной картины следовало бы уравновесить эти примеры столь же подробным разбором кейсов, порожденных иным политическим контекстом.

Весьма неудачной получилась краткая характеристика сочинения Кирика Новгородца «Учение, имже ведати человеку числа всех лет», данная в параграфе о становлении российской исторической хронологии как научной дисциплины. Польский автор иронически пишет о «т.н. исторической политике», вынуждающей «историков, математиков и прочих специалистов» ссылаться на труд Кирика, который якобы «свидетельствует о 900-летнем возрасте российской науки» («*datuje istnienie nauki rosyjskiej od 900 lat*»), хотя «лингвистический и палеографический анализ» самой ранней рукописи этого сочинения «показал, что ее первоначальный текст (*протограф*) восходит к рубежу XIV–XV вв.» (с. 141–142; курсив авторский). Но, к сожалению, результаты упомянутого «лингвистического и палеографического анализа» излагаются неполно. Используя первый абзац заметки В.В. Иванова, где древнейший (т.н. Погодинский) список «Учения о числах» датируется XIV–XV вв. как «временем сильного второго южнославянского влияния», К. Петкевич проигнорировал дальнейшие соображения своего предшественника. Между тем, развивая наблюдения В.В. Иванов пишет: «не следует думать, что протограф учения Кирика может быть отнесен к периоду после XII в., скорее можно утверждать действительно раннее происхождение этого протографа: об этом свидетельствует яркий языковой факт – употребление в заключительной части учения формы давнопрошедшего времени, образованной имперфектом от *быти* + причастие на *-л-*: *бьяше было*. По свидетельству истории русского языка, такая форма полностью отсутствует в памятниках с XIII в. и встречается лишь в тех случаях, если перед нами списки памятников XI–XII вв. или если это памятники, в которых речь идет о событиях, относящихся к XI–XII вв.»¹⁵. Конечно, автору приведенного рассуждения можно поставить в упрек запутанную терминологию (предлагается различать и по-разному оценивать непосредственный источник изучаемого списка и *протограф* произведения в целом). Более того, утверждение В.В. Иванова о раннем исчезновении форм плюсквамперфекта, образованных с помощью имперфекта служебного глагола *быти*¹⁶, не вполне разделяется современной наукой, во всяком случае если речь идет о памятниках XIII в.¹⁷; множество (десятки!) примеров использования подобных форм обнаруживается, скажем, в т.наз. Волынской летописи, повествующей о событиях 1261–1290 гг.¹⁸.

¹⁵ Иванов 1973. С. 278–279.

¹⁶ Ср. также: Иванов 1983. С. 342.

¹⁷ Ср.: Грамматика 1995. С. 456–457.

¹⁸ Ср.: «и свое, иже *бьяше* по отци своемъ *стяжалъ*, все розда» [ПСРЛ 1998. Стб. 914; 6796 (1288) г.]; «тогда же *пригъхаль бьяшетъ* Кондрагъ князь Сомовитовичь ко Мьстиславу» [ПСРЛ 1998. Стб. 933; 6797 (1289) г.]; «не *входила бьяшетъ* никака

При желании полемику о древности «Учения о числах» можно было бы продолжить, но К. Петкевич просто проигнорировал значительную часть заметки В.В. Иванова, и тем самым создал у читателя неполное и некорректное представление о трактате Кирика и проблемах его изучения.

Представляется, что отмеченная недоработка связана прежде всего с недостатком научной информации, который пришлось восполнять из случайных источников разного уровня и качества. Выше уже говорилось, что, столкнувшись с нехваткой иллюстративного материала по российской палеографии Новейшего времени, К. Петкевич был вынужден использовать документы из личного архива. Еще одним средством для восполнения пробелов оказался интернет, откуда заимствован и иллюстративный материал¹⁹, и – в ряде случаев – авторские представления об актуальном состоянии тех или иных историографических проблем²⁰. Однако работа с интернет-источниками требует от ученого специфических эвристических навыков, и прежде всего – максимальной строгости в формировании поисковых запросов и требовательности к «поисковой выдаче». Понятно, что отечественные издания по русской палеографии и истории книжной культуры (а тем более – по истории математики) выходят небольшими тиражами, и, как следствие, физически недоступны в Польше, так что альтернативы использованию сетевых ресурсов у Петкевича фактически не было. Но раз роль сетевых источников в работе ученых будет только возрастать, то необходимо и совершенствовать арсенал исследовательских приемов.

Наконец, в ряде случаев К. Петкевича подвело недостаточное знание тонкостей русского языка и особенностей специальной терминологии. На с. 96 приведено только самое редкое из возможных написаний слова *паерок* «надстрочный знак, заменяющий ер или ерь» — *поерик*; варианты, представленные в авторитетных словарях (*паерокъ*, *паерикъ*,

же рать толь глубоко в землю его» [ПСРЛ 1998. Стб. 936; 6799 (1291) г.] и др. (сознательно приведены примеры из наиболее поздних по датам статей; курсивы во всех случаях мои — Д.Д.).

¹⁹ Список иллюстраций с источниками приводится на с. 601–612.

²⁰ Судя по всему, основную роль в формировании взглядов польского исследователя на сочинение Кирика сыграл сайт сторонников «новой хронологии» (Тюрин 2010. С. 141, прим. 7): об этом свидетельствует, в частности, неверная ссылка на фототипическое издание и перевод «Учения о числах», опубликованные в 1953 г. в 6-м выпуске сборника «Историко-математические исследования» (Учение 1953); у Петкевича и на сайте «новых хронологов» выпуск 4-й). Ни важной статьи Е.К. Пиотровской (Пиотровская 1985), ни недавнего издания трудов Кирика (Мильков, Симонов 2011), ни новой книги Р.А. Симонова (Симонов 2013) К. Петкевич, к сожалению, не знает. Забавным образом, приверженцы теории А.Т. Фоменко тоже не знакомилась с изданием 1953 г. de visu: гиперссылка с их сайта приводит к republication текста Кирика на сайте профессора МГУ М.Л. Городецкого, где вновь обнаруживается неверный – четвертый – номер выпуска «Историко-математических исследований» [Учение б.г.]. Неудивительно, что в подобного рода «мутной воде» ловится неудовлетворительный с научной точки зрения результат.

паерчикъ²¹), не указаны; отсутствуют они и при втором упоминании об этом надстрочном знаке на с. 99. На с. 181 неудачно переведен на польский лингвистический термин *корпус* (в значении «совокупость текстов»): вместо существующего в польском языке слова *korpus*²² использовано существительное *blok*, обозначающее «корпус здания, строение». На с. 311 из двух значений слова *сстав* («место соединения <...> полос бумаги» и «лист, входивший в состав столбца»²³) представлено только второе, что и некорректно, и нелогично (как в этом случае адекватно объяснить польскому читателю, что значит «скрепа дьяка по сстамам»?). На с. 333 среди аутентичных терминов писцового делопроизводства (*статейный список, столбец / столп, поимянно, на перечень*) обнаруживается слово из современного архивоведения — *фондообразователь*. Впрочем, это уже совсем мелкие недочеты, простительные, если учесть объем проделанной автором работы.

В целом, появление книги К. Петкевича «Русская палеография» — это важное и приятное событие. Композиция и концептуальная основа книги весьма удачны, что же до отмеченных неточностей и непоследовательностей, то они сосредоточены прежде всего в тех разделах, которые выходят за рамки традиционного курса палеографии. И, в любом случае, указанные недоработки не так трудно исправить при подготовке второго издания. Хочется надеяться, что такой шанс у автора будет, ибо появление изданий, подобных пособию К. Петкевича несомненно способствует диалогу российской и польской культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова Н.Г., Круглова Т.А. Вспомогательные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. М., 2011.
- Гиттис А.А. «Рекоша дружина Игоревы...»: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Т. 25. Р. 147–181.
- Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Иванов В.В. Замечания по поводу языковых особенностей сочинения Кирика Новгородца о числе и счете (1136 г.) // *Историко-математические исследования*. М., 1973. Вып. 18. С. 278–279.
- Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983.
- Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины: [учебник для студ. высш. учеб. заведений]. М., 2015.
- Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст.*: 1975. М., 1976. С. 87–107.
- Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.
- Назаров В.Д. Введение: О времени написания воспоминаний «Моя жизнь» // *Черепнин Л.В. Моя жизнь: воспоминания*. Т. 1. М., 2015. С. 5–8.
- Пиотровская Е.К. Об одном списке «Учения о числе» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // *Тр. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отд. др.-рус. лит.* Л., 1985. Т. 40. С. 379–384.

²¹ СлРЯ 1988. С. 121.

²² Ср. этот термин в названии национального корпуса польского языка. НКЯР 2008.

²³ Ср. [Черепнин 1956. С. 343].

- Полное собрание русских летописей. [Репринт. изд.] М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Симонов Р.А. Кирик-Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14.
- Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие. / ред. М.М. Кром. СПб., 2003.
- Старославянский словарь: (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Датирование трудов Кирика Новгородца [Электронный ресурс] // Сборник статей по новой хронологии: вып. 11: 7 июня 2010 года. Б.м., б.г. Режим доступа: http://new.chronologia.org/volume11/turin_kirik.php, дата обращения – 12.06.2016.
- Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Услар П.К. Этнография Кавказа: Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Учение иже ведати человеку числа всех лет = Наставление, как человеку познать счисление лет / [подгот. текста и примеч. В.П. Зубова] // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 173–195.
- Учение иже ведати человеку числа всех лет [Электронный ресурс] // История становления науки и техники. Б.м., б.г. Режим доступа: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/cyrik.htm>, свободный. Дата обращения – 12.06.2016.
- Успенский сборник XII–XIII вв. / подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Чекунова А.Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. М., 2010.
- Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- Шевцов В.В. Историческая метрология России: учеб. пособие. Томск, 2007.
- Шегрен А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego [Electronic resource] / główni wykonawcy: Mirosław Bańko et al.; koordynator: Instytut Podstaw Informatyki PAN. [Warszawa], 2008–. Режим доступа: <http://www.nkjp.pl/>, свободный. Дата обращения – 12.06.2016.
- Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)

REFERENCES

- Abramova N.G., Kruglova T.A. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 2-e izd., ispr. M., 2011.
- Gippius A.A. «Rekosha družhina Igorevi...»: k lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi // Russian Linguistics. 2001. T. 25. P. 147–181.
- Drevnorrusskaya grammatika XII–XIII vv. M., 1995.
- Ivanov V.V. Zamechaniya po povodu yazykovykh osobennosti sochineniya Kirika Novgorodtsa o chislakh i schete (1136 g.) // Istoriko-matematicheskie issledovaniya. M., 1973. Vyp. 18. S. 278–279.
- Ivanov V.V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M., 1983.
- Leont'eva G.A., Shorin P.A., Kobrin V.B. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: [uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii]. M., 2015.
- Lur'e Ya.S. O shakmatovskoi metodike issledovaniya letopisnykh svodov // Istochniki-kovedenie otechestvennoi istorii: sb. st.: 1975. M., 1976. S. 87–107.
- Mil'kov V.V., Simonov R.A. Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'. M., 2011.
- Nazarov V.D. Vvedenie: O vremeni napisaniya vospominanii «Moya zhizn'» // Cherepnin L.V. Moya zhizn': vospominaniya. T. 1. M., 2015. S. 5–8.
- Piotrovskaya E.K. Ob odnom spiske «Ucheniya o chislakh» Kirika Novgorodtsa iz sobraniya arkhiva LOII SSSR AN SSSR // Tr. / AN SSSR. In-t rus. lit. Otd. dr.-rus. lit. L., 1985. T. 40. S. 379–384.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. [Reprint. izd.] M., 1998. T. 2: Ipat'evskaya letopis'.

- Simonov R.A. Kirik-Novgorodets – russkii uchenyi XII veka v otechestvennoi knizhnoi kul'ture. M., 2013.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1988. Vyp. 14.
- Spetsial'nye istoricheskie distsipliny: ucheb. posob. / red. M.M. Krom. SPb., 2003.
- Staroslavjanskii slovar': (po rukopisyam X–XI vekov) / pod red. R.M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. M., 1994.
- Datirovanie trudov Kirika Novgorodtsa [Elektronnyi resurs] // Sbornik statei po novoi khronologii: vyp. 11: 7 iyunya 2010 goda. B.m., b.g. Rezhim dostupa: http://new.chronologia.org/volume11/turin_kirik.php, data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Uslar P.K. O rasprostraneni gramotnosti mezhd gortsami // Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza: Yazykoznanie. Abkhazskii yazyk. Tiflis, 1887.
- Uchenie imzhe vedati cheloveku chisla vsekh let = Nastavlenie, kak cheloveku poznat' schislenie let / [podgot. teksta i primech. V.P. Zubova] // Istoriko-matematicheskie issledovaniya. M., 1953. Vyp. 6. S. 173–195.
- Uchenie imzhe vedati cheloveku chisla vsekh let [Elektronnyi resurs] // Istorija stanovleniya nauki i tekhniki. B.m., b.g. Rezhim dostupa: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/cyrik.htm>, svobodnyi. Data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Uspenskiy sbornik XII–XIII vv. / podgot. O.A. Knyazevskaya, V.G. Dem'yanov, M.V. Lyapon. M., 1971.
- Chekunova A.E. Russkoe kirillichesкое pis'mo XI–XVIII vv. M., 2010.
- Cherepnin L.V. Russkaya paleografiya. M., 1956.
- Shevtsov V.V. Istoricheskaya metrologiya Rossii: ucheb. posobie. Tomsk, 2007.
- Shegren A.M. Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim. SPb., 1844.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego [Electronic resource] / główni wykonawcy: Mirosław Bańko et al.; koordynator: Instytut Podstaw Informatyki PAN. [Warszawa], 2008–. Rezhim dostupa: <http://www.nkjp.pl/>, svobodnyi. Data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)

Добровольский Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ddobrowolski@hse.ru

History of writing as the space of intercultural dialogue

The article is devoted to a critical analysis of the textbook on Russian palaeography, published in Poland in 2015. The reviewed book is modelled after a traditional structure for such type of an edition, but at the same time the author demonstrates his full awareness of the newest developments in the field of auxiliary sciences of history and of the interdisciplinary nature of palaeographic studies as well. Several inaccuracies in details which the book contains should be understood first of all as an evidence of deficiencies in an exchange of information between russian and polish scientists.

Keywords: auxiliary sciences of history, palaeography, history of writing, Cyrillic alphabet, interdisciplinarity, scientific information exchange

Dmitriy Dobrowolski, PhD (History), associate professor, School of History, National Research University "Higher School of Economics"; ddobrowolski@hse.ru

ДОЛГИЙ XIX ВЕК В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Рец. на книгу: Всемирная история: В 6-ти т. / Глав. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов (М., 2014)

Ключевые слова: *жизнь, смерть, бессмертие, суицид, мировоззрение, ментальность.*

Рецензируемый научный труд – часть шеститомного издания всемирной истории, созданного в рамках масштабного проекта Института всеобщей истории РАН, инициированного главным редактором академиком А.О. Чубарьяном. Рассказывая о замысле издания, Л.П. Репина выделяет принципиальные идеи проекта: «Издание должно иметь строго научный характер и давать обновленное представление о мировой истории. Это должна быть всемирная история без европоцентризма, с раскрытием культурно-исторических особенностей развития каждого региона и многовекового процесса расширения, углубления и переплетения связей между народами и культурами, с установкой на сочетание глобально-цивилизационного подхода с антропологическим, придающим истории “человеческое измерение”. Структура издания определяется последовательной комбинацией хронологического и проблемного принципа, с включением разделов компаративного характера. В основу структуры отдельных томов были положены ряды хронологических срезов, позволяющие дать панораму истории народов в их взаимодействии»¹. Реализация проекта потребовала длительного времени и творческих усилий большого числа российских ученых разных поколений и эпистемологических ориентаций. Среди авторов – специалисты многих академических институтов и университетов страны. В известном смысле это издание можно рассматривать как коллективный портрет современного профессионального сообщества историков России.

Современный мир, живущий «в полумраке уходящей национальной и возникающей космополитической эпохи» (Ульрих Бек), остро нуждается в обновлении языка и концептуального аппарата. В этих условиях социальные и гуманитарные науки заново осмысливают вечные эпистемологические вопросы. Каков оптимальный статус исторического знания в обществе? В чем заключается специфика исторического познания и его методов? Какой язык необходим для представления человекомерной исторической реальности? Как преодолеть неизбежную идеологическую и социокультурную зависимость познающего и пр. Глобальный подход, позволяя децентрировать взгляд, приглашает историка внима-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00418 «Исследовательские стратегии и практики историков России рубеже XX-XXI вв.».

¹ Репина 2015.

тельно отнести к пространственным ареалам и их населению, обещая дополнительные возможности в исследовании явлений и процессов разных масштабов. Однако этот выигрыш может состояться лишь в том случае, если будут по максимуму учтены новейшие исследования.

Читая пятый том «Всемирной истории», я прежде всего попыталась понять, в чем проявляется новизна этого труда. Как, каким образом, и в какой мере авторскому коллективу увесистого тома (939 с.!) удалось обновить наши представления о мировой истории XIX века.

История XIX века в глобальной перспективе невозможна без размышлений об относительности хронологий. И дело не только в множественности календарных порядков в мире, но и в том, что календарное время не совпадает с качественно разнородным историческим временем. В книге темпоральную матрицу для поиска системы координат в многослойной исторической материи задает концепт *долгий XIX век* (1789–1914). Условность хронологических границ очевидна. Ю. Остерхаммель, например, писал, что завершение долгого XIX в. «неожиданным падением занавеса в августе 1914 г.» удобно, но не вполне корректно, поскольку «лишь с завершением войны человечество заметило, что оно больше не живет в XIX в.». Начало долгого века событиями Французской революции тоже конвенционально, ибо ее воздействие на современников в их настоящем имело место лишь на Западе². Конструкционистская природа концепта *долгий XIX век* компенсируется в книге наличием множества более тонких периодизаций в рамках стран, регионов, континентов, включенных в описания отдельных событий, а также в страноведческих, региональных и тематических очерках.

Содержательные характеристики XIX столетия отличаются от других многозначной неопределенностью. Чаще всего этот период воспринимают как переходный, подготовивший современность, но простота понятия *современность* обманчива. Если понимать современность преимущественно как проект модернизации (успешной/неуспешной, завершенной/отложенной), как это сделано в книге, то привычная телеологичность мышления вкупе с идеей развития неизбежно рождает образы становления от простого к сложному. При этом оговорки о разрывах, упадках, отступлениях не помогают развеять убедительность этих образов. Хотя еще Ф. Бродель писал о том, что история движется как испанская процессия: каждый шаг вперед сопровождается двумя шагами назад. Возможны и другие подходы. Так, М. Фуко предложил воспринимать современность не как период с определенными характеристиками, но как установку (одновременно эпистемологическую и этическую) того, кто эту эпоху изучает. Такое восприятие предполагает вдумчивое использование понятия *репрезентация*, изучение не отвлеченного исторического процесса, а способов мыслить/чувствовать/действовать, свой-

² Osterhammel 2014.

ственных конкретным людям и сообществам. В последние 20 лет обсуждается теория «множественных модерностей»³, но вопрос о том, как ее использовать, работая с историческим материалом в глобальной перспективе, остается открытым. Ясно лишь то, что включение в исторический нарратив «человекомерной реальности» невозможно без широкого антропологического понимания культуры и рефлексивной позиции ученого. В то же время понятие «культурной современности», родившееся в 1860-е гг. в процессе осмысления эстетического разрыва, получило развитие в конкретных исследованиях, предложивших использовать этот термин во множественном числе⁴. Эти работы связаны с понятием «режима историчности», нового восприятия будущего и лучше всего представлены на материале XIX века в работах по культурной истории.

Наряду с идеей длительности важную роль в реализации концепции тома играет идея асинхронности преобразований в разных частях света. При этом убедительно показано, что выбор инструментов модернизации зависел не только от соотношения экономических укладов, но и от состояния государственных институтов и элит в разных странах.

Разделения мира на Запад и Восток в книге нет. Эта дихотомия проблематизирована уже во Введении, а ее относительность закреплена структурой тома и организацией материала в обобщающих главах. В пространственных терминах долгий XIX век представлен сквозь призму мир-системы, т.е. центра и периферии, в которой наряду с государствами-нациями важную роль играли империи, как континентальные, так и колониальные. Теоретическое введение (В.С. Мирзеханов), насыщенное мыслью и обобщающими характеристиками, обещает акцент на динамичности и разнонаправленности процессов, а также глобальный взгляд на явления, события и действующих лиц с учетом таких новейших подходов к изучению мировой истории, как история цивилизаций, трансферов, а также история транснациональная, связанная и перекрестная (*transnational history, histoire croisée, entangled history*) (с. 14).

Структура тома выстроена в соответствии с глобальной и локальной перспективами. В первой части «Становление индустриального общества: тенденции глобализации» в восьми проблемных главах описаны важнейшие явления формирующегося индустриального мира: промышленная революция (А.В. Ревякин), экономический рост, демографические сдвиги, массовые миграции (В.С. Мирзеханов, В.А. Мельянцева, С.Б. Вольфсон), социальные процессы (А.А. Эсеров), языки высокой культуры (И.В. Кондаков, В.С. Парсамов), образование и наука (А.Н. Дмитриев, Н.В. Ростиславлева, М.В. Лоскутова), медицина (А.М. Сточник, С.Н. Затравкин), религия и церковь (С.Г. Антоненко), политика и общество (И.П. Танышина, М.П. Айзенштат).

³ Modernity... 2000.

⁴ Charle 2011.

Связь между локальным и глобальным обеспечивается также содержательным аналитическим разделом «Империи и нации в долгом XIX веке» (А.И. Миллер), выполняющим роль введения в самую большую – вторую часть тома «Мир-система XIX века: империи и нации», а также ее оригинальной структурой. В первом разделе «Европа и мир: тернистый путь к глобальной системе государств», состоящем из десяти глав, материал организован в страноведческом и региональном ключе: «Рах Britannica: Великобритания» (М.П. Айзенштат), «Рах Britannica: Доминионы» (А.А. Эсеров, А.Н. Учаев), «Рах Britannica: Индия» (Л.Б. Алаев), «Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии» (А.В. Ревякин), «Закат испанской империи» (И.Ю. Медников), «Португалия: угасание великой империи» (А.П. Черных), «Нидерланды: маленькая европейская страна–большая колониальная держава» (Г.А. Шатохина-Мордвинцева), «Бельгия: королевство и империя» (А.С. Намазова), «Юго-Восточная Азия» (В.А. Тюрин), «Африка южнее Сахары» (А.С. Балезин). Во втором разделе «Переходный век монархий Запада и Востока: от старого порядка к модерну» представлен «Русский XIX век» (В.С. Парсамов), «Габсбургкая монархия в XIX веке» (Е.В. Котова), «Османская империя в XIX веке» (С.Ф. Орешкова, М.С. Мейер), «Арабский мир» (Б.В. Долгов, Е.А. Прусская), «Иран под властью династии Каджаров» (А.И. Полищук), «Китай и мир: противоречивые процессы модернизации» (О.Е. Непомнин.). В разделе III «Национальная идея, становление и развитие национальных государств» пять глав: «Япония на пути в «клуб великих держав» (С.Б. Маркарьянц, Э.В. Молодякова), Германия: воплощение национальной мечты» (А.Г. Матвеева), «Италия в XIX веке» (З.П. Яхимович, А.А. Митрофанов), «Северная Европа на пути к благоденствию» (В.В. Рогинский), «Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе» (О.Е. Петрунина). В разделе IV «Новые судьбы нового света» три главы: «Западное полушарие: преемственность и перемены» (А.А. Исэров), «США: на пути к могуществу» (Б.М. Шпотов), «Латинская Америка: век независимости» (М.С. Альперович).

В традиционных национальных нарративах XIX век описывался как век наций и национализма. Имперские проекты этого периода не связывались со строительством наций. В книге убедительно показана необходимость переосмысления глубинной взаимосвязи национального и имперского. Строительство наций было вплетено в ткань имперских практик как в ядре империй, так и на периферии. Такой подход открывает новые возможности для понимания природы национализма, интеграционных имперских проектов конца века, а также своеобразия первой модерности в целом. Имперские проекты в неевропейских мирах и национальные преобразования в Европе в структуре тома поставлены рядом. Это интересно, но недостаточно для того, чтобы показать, как именно они переплетались, взаимно видоизменяя друг друга. Для реализации этой задачи нужны дополнительные ракурсы и исследовательские

приемы, наработанные в современных исследованиях по глобальной истории нового типа⁵ и пока не вошедшие в конкретные разделы тома.

Третья часть тома «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века», включающая в себя три главы: «Наполеоновские войны и Венская система международных отношений» (В.В. Рогинский), «Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века» (В.В. Рогинский, В.Н. Виноградов), «Мировая политика последней трети XIX – начале XX века» (А.В. Ревякин остается европоцентристской. Интернациональная история излагается здесь в дисциплинарной логике международных отношений с характерными для нее ключевыми темами: дипломатия, войны, геополитика. Как и во многих традиционных исследованиях истории международных отношений, мир здесь предстает как арена столкновения интересов, конфликтов, компромиссов и альянсов между национальными акторами. Между тем интеллектуальные трансформации последних десятилетий, такие культурный и пространственный повороты и связанное с ними обновление социальной истории, привнесли немало нового в это исследовательское поле. Историки обратились к поиску комбинаторных приемов микро- и макроанализа на глобальном и локальном уровнях. В связанной и перекрестной истории интернациональные отношения рассматриваются не только как продукты государственного действия, но и как важные факторы в формировании наций, тесно связанные с трансферами идей, концептов, технологий, материалов, цивилизационных ценностей и пр., а колониальные аспекты международных отношений органично вплетаются в ткань европейской истории. Все, что написано по этой проблематике во введении, задает новый ракурс для осмысления: «становление империй привело к укреплению национального за счет колониального и к их активному сближению»; «переплетение универсализма и национализма, национальных государств и империй...»; «имперская идея и колониальная культура стала частью массовой культуры метрополий» (с. 16–18). Но о массовой культуре метрополий в книге написано очень мало. Кроме того, возникает вопрос: как все это воспринималось в колониях на уровне элит и на уровне масс? Что об этом сообщают постколониальные исследования?

Долгий XIX век представлен как воплощение национальной государственности, имперской системности, буржуазного общества, индустриализации, интеллектуальной и технической рационализации, могучей элитарной культуры, инновационного и прогрессистского мышления. XVIII век «врастает в девятнадцатый» и во многом определяет стиль мышления элит и проблемное поле культуры, в которой ключевыми идеями остаются цивилизация, просвещение и прогресс. В то же время новое условное столетие имеет свою специфику, и одно из ее проявлений в Европе – смена цивилизационного ритма: в процессе индустри-

⁵ См., напр.: Boucheron, Delalande 2013.

ализации/промышленной революции неспешная поступь «конной» цивилизации сменяется динамичной «автомобильной» (Д. Рош.)

Заключение «Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее» написано ответственным редактором тома В.С. Мирзехановым. Эпохальный характер перемен избранного для изучения периода, представленный на большом конкретном материале, позволяет говорить о «рождении современного мира». Среди наиболее важных свидетельств этого выделяются демографические процессы, технологическая революция, урбанизация, усиление глобальной однородности и стандартизации жизни, территориализация власти, рационализация веры, новые измерения в политике, абсолютное лидерство Европы в межгосударственных отношениях и мировом порядке в целом. Однако сохраняющаяся многовариантность и сложность мира, неоднозначность цивилизационных трансформаций в разных его частях, фундаментальная неустойчивость и неопределенность, осложненная темпоральным ускорением, к концу века привели к Великой войне, которая «сместила систему координат жизни на планете и обозначила новую точку начала XX века» (с. 860).

Многие из этих выводов остаются открытыми, являясь предметом оживленной дискуссии в мировой науке⁶. Проблематизируется сама возможность выделения XIX века в качестве самостоятельного периода уже потому, что это было сделано в контексте европоцентристской модели мира, и отказаться от нее, как показывает и данный труд, совсем не просто. Отрицается фундаментальная роль этого периода в трансформации всего мира: многие факторы и процессы, о которых идет речь в книге, все-таки затрагивают прежде всего Европу. Например, очерк о культуре посвящен исключительно высокой культуре Европы, при этом говорится, что она повлияла на весь мир (с. 19), хотя в современной науке, в т.ч. в контексте новой глобальной истории, накоплено немало материалов о том, что влияние было взаимным. Имеются специальные исследования, которые показывают, что влияние неевропейских народов на процессы промышленной революции, а также на другие континенты и регионы мира тоже было существенным. Например, старая модель распространения технологий из Европы на периферию в последние годы уступает место более сложным подходам, в которых учитывается и исследуется многогранность взаимных обменов и трансферов, имевших место на практике⁷. Устойчивое представление о европоцентристском характере межгосударственных отношений в XIX столетии во многом связано с тем, что в истории международных отношений эпохальным трансформациям этого века до недавнего времени не уделялось должного внимания⁸.

⁶ См. напр.: Sterns 2012.

⁷ См. напр.: Edgerton 2013. P. 79.

⁸ См., напр.: Barry, Lawson 2013.

В томе собран и профессионально обработан огромный эмпирический материал. Большая часть авторских текстов хорошо написана, их интересно читать. Однако многие сравнительно новые сюжеты и темы всемирной истории представлены явно недостаточно. Изучение памяти, образов, дискурсивных структур, анализ мифов, сложившихся вокруг исторической памяти, исторические представления ушедшей эпохи, ценностные конфликты в социумах – все это не вошло в книгу. Акцент сделан на традиционной политической, экономической и – в меньшей мере – социальной истории. Последней уделено немного внимания потому, что социологический поворот, судя по текстам как обобщающего характера (см.: «Социальные процессы»), так и страноведческим, не повлиял на узких специалистов по истории отдельных европейских и неевропейских стран. Социальные сдвиги осмысливаются с помощью давно утративших актуальность терминов и понятий, а социальные процессы привычно связываются в детерминистском ключе лишь с экономикой и политикой. Культурная, а значит и антропологическая составляющая этих процессов никак не представлена в томе.

В некоторых главах явно не хватает современного историографического материала. Например, колонизация, как главное воплощение коммуникативных практик европейских и неевропейских народов осмыслена преимущественно в русле традиционной колониальной истории, хотя во введении убедительно обоснована необходимость обращения к постколониальной историографической традиции, существующей уже полвека (с. 18–19). Культурные практики, в том числе коммуникативные, хорошо проявляются в традиционной и обновленной истории трансферов, в исследовательском поле которой находятся идеи и концепты, научные открытия и технологии, информация, управленческие и образовательные навыки и пр. Такая история (так же, как перекрестная и связанная), слабо присутствует в томе и в принципе в настоящее время не может быть представлена в материале, поскольку осмысление этих подходов в отечественной традиции только начинается.

Большая часть страноведческих и региональных текстов подчинена жестким информативным и обезличенным требованиям традиционного учебно-энциклопедического жанра. Возможно, это осознанная установка редактора тома, позволившая совместить разные методологические предпочтения авторов. Но у такой установки есть недостатки, проявляющиеся, в частности, в явном дисбалансе в соотношении новых подходов, заявленных во введении/ряде обзорных глав, и содержания значительной части тома. Новая для отечественной традиции организация материалов все же не позволяет нивелировать это несоответствие.

При этом книга воспринимается как свежая и оригинальная. Подготовленный читатель сможет немало узнать не только об истории разных народов, населявших нашу планету в этот период, но и поразмышлять о состоянии отечественной новистике. Менее подготовленный, но интере-

сующийся историческим процессом читатель с удовольствием прочтет многие страницы книги, в т.ч. написанные в соответствии с давно устоявшимися правилами исторической профессии и показывающие, «как было на самом деле». Не исключено, что у этого труда найдется и немало критиков, которые, читая книгу, могут задать «простые» вопросы: Что такое капитализм? Чем мелкая буржуазия отличается от крупной? Почему так мало написано о материальной культуре? Действительно ли культуру и технологии следует противопоставлять? Как изменилось сегодня понимание государства и социума? Почему в основной части тома ничего не написано о ментальности и воображении? Такое вопрошание, без сомнения, станет стимулом для очередного «переписывания» истории, которое собственно и позволяет историческому познанию сохранять свое социальное значение в качестве открытого, принципиально незавершенного осмысления человеческого опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Всемирная история: В 6-ти т. / Глав. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. М.: Наука, 2014. 940 с.
- Репина Л.П. Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив / Ред. кол.: Ф.Е. Ажимов (отв. ред.) и др. Владивосток: ДВФУ, 2015.
- Vsemirnaya istoriya: V 6-ti t. / Glav. red. A.O. Chubar'yan. T. 5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii / otv. red. V.S. Mirzekhanov. M.: Nauka, 2014. 940 s.
- Repina L.P. Tsivilizatsionnaya paradigma v starykh i novykh modelyakh mirovoi istorii // Istoriya i teoriya tsivilizatsii: v poiskakh metodologicheskikh perspektiv / Red. kol.: F.E. Azhimov (otv. red.) et al. Vladivostok: DVFU, 2015.
- Boucheron P., Delalande N. Pour une histoire-monde. P.: PUF, 2013.
- Buzan B., Lawson G. The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations // International Studies Quarterly. 2013. P. 620-634.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité. Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Edgerton D. Quoi de neuf? Du role des techniques dans l'histoire globale. P.: Le Seuil. 2013.
- Modernity. One, none, ou many? European origins and modernity as a global condition // Daedalus. 2000. P. 130-160.
- Osterhammel J. Transformation of the World: a Global History of the Nineteenth Century / Princeton (N.J.), 2014.
- Sterns P.N. Rethinking the Long 19th Century in World History: Assessments and Alternatives [2010] // World History Connected. 2012. Vol. 9. Issue 3. URL: http://worldhistoryconnected.press.illinois.edu/9.3/forum_stearns.html.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Лаборатория исторической эпистемологии и публичной истории Института всеобщей истории РАН; zinaidachekantseva@gmail.com

The long 19th century in global perspective

Review: World History: 6 vols. / Ed. by A.O. Chubarian. Vol. 6 the world in the 19th c.: the ways to industrial civilization / ed. by V.S. Mirzekhanov. Moscow, 2014.

Keywords: life, death, immortality, suicide, philosophy, mentality

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru

ИЗЛОМАННАЯ СУДЬБА ПАМЯТЬ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ИСТОРИКА¹

Размышления над книгой: П.Г. Васенко. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / Вступительная статья, публ., коммент., указ. Н.П. Матхановой; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2014. 331 с.

Ключевые слова: П.Г. Васенко, Н.П. Матханова, воспоминание, память, быт, детство, история семьи, профессионализм, историк, археография

Инстинкт профессии

Одна из примет последнего времени – усилившаяся саморефлексия историков – нашла отражение в публикации мемуаров и собственных дневников, во включениях самонаблюдений над своим ремеслом в тексты специальных исследований. Наряду с самоописаниями нарастает и волна публикаций рукописей своих предшественников. По мысли Раймона Арона, включение в исследовательский процесс субъективности историка стало очередной «коперниковской революцией». Как отмечает З.А. Чеканцева, ссылаясь на опыт французских историков, «эта революция имела очень существенные последствия: рефлексия о собственной практике стимулирует развитие рефлексии как нормы профессии»².

Публикация воспоминаний историка Платона Григорьевича Васенко (1874–1942), осуществленная доктором исторических наук Н.П. Матхановой, вписывается в *mainstream*, хотя и содержит принципиально новые моменты – автор ставит перед собой задачу произвести с позиций источниковедческой строгости, характерной для школы С.Ф. Платонова, к которой принадлежал ее герой, корректировку предшествующего издания³. Это своеобразное возвращение к истокам, а с другой стороны, это источниковедение второй степени – профессиональная обработка/доработка материала уже введенного в научный оборот, с исправлением ошибок и составлением обширного комментария к рукописи, что значительно расширяет контексты ее прочтения. Полагаю, что мотивация автора к переизданию в значительной степени объясняется инстинктом профессии – исследовательские огрехи у профессионала-историка могут вызвать у коллег чувства, сравниваемые В.О. Ключевским с ощущениями «набожного старообрядца, у которого в моленной накурили табаком»⁴. По подсчетам Матхановой, в публикации В.В. Митрофанова,

¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, проект № 2467.

² Чеканцева 2014. С. 260.

³ Речь идет о публикации воспоминаний П.Г. Васенко на страницах журнала «Клио». См.: Митрофанов 2013, 2014. В 2015 г. воспоминания были опубликованы в виде отдельной книги: П.Г. Васенко 2015.

⁴ Ключевский 1989. С. 242.

«имеется около 700 отступлений от текста рукописи – от мелких неточностей до обширных пропусков и серьезных ошибок» (с. 28), часть которых для иллюстрации сведена в таблицу, представленную во вводной статье. Между строк прочитывается и мотивация экзистенциального толка. Автор публикации пишет, что идея издать воспоминания Васенко, архитектоника текста и даже комментарии обсуждались с академиком Н.Н. Покровским⁵. И добавляет: «Его советы, общение с ним сыграли огромную роль в моей жизни и работе»⁶. Покровского и Васенко сближало общее проблемное поле, археографическая разработка выдающегося памятника русской литературы «Степенной книги царского родословия» – и даже судьба – оба, но в разное время, пережили репрессивное давление власти⁷. Все это делает фигуру Васенко не только вплетенной в общую интеллектуальную сеть, но и по-человечески близкой в сообществе новосибирских археографов и историков. И публикацию «Воспоминаний» стоит рассматривать как дань памяти интеллектуально и духовно близкого «честного труженика науки». В этом смысле корпоративная память выступает как норма профессии историка, не только в качестве этической составляющей, но как основа для «самоидентификации в качестве одного из видов homo academicus»⁸.

Вклад Н.П. Матхановой, разумеется, не ограничивается исправлением недочетов предшественников. Введенный в научный оборот источник должен циркулировать в научном пространстве, подниматься на более высокие уровни научной обработки и интерпретации. В плане диалогического взаимодействия с источником Матхановой сделан значительный шаг. Интерпретационное пространство источника расширяется за счет обширных комментариев. С одной стороны, исследователь включает в справочный аппарат примечания самого мемуариста (в основном разъясняются обстоятельства и персонажи его семейной жизни), а с другой, подключает второй справочный пласт, характеризующий эпоху, в которой разворачивается семейная сага Васенко: «разъясняются названия, исторические факты, даются краткие историко-биографические сведения о лицах, упоминаемых в публикуемых текстах». Публикатор корректирует неточности и анахронизмы, содержащиеся в воспоминаниях и комментариях самого П.Г. Васенко, зачастую обращаясь к архивным материалам. Отметим и то, что в ходе публикации орфография и

⁵ Н.Н. Покровский (1930–2013) – ученик М.Н. Тихомирова, академик РАН с 1992 г., создатель новосибирской школы археографов, которую Д.С. Лихачев называл «явлением удивительным в наших гуманитарных науках» и связывал с ней «археографическое открытие Сибири».

⁶ Матханова 2014. С. 34.

⁷ Н.Н. Покровский был арестован по делу Ренделя-Краснопевцева («университетское дело») и осужден 12 февраля 1958 г. на 6 лет лагерей, освобожден в 1963 г. без права проживания в Москве. Подробнее см.: Покровский 1994. С. 124-126.

⁸ Савельева 2011. С. 72.

пунктуация были «в основном исправлены согласно современным правилам, недописанные слова и сокращения восстановлены».

Важную роль в интерпретационном контексте играют приводимые письма П.Г. Васенко к современникам, значимым для него в научном и житейском плане – В.Д. Бонч-Бруевичу, С.Ф. Платонову, М.М. Богословскому, В.И. Малышеву, В.И. Срезневскому и др., безусловно информативны в плане изучения научного пути Васенко, его служебной карьеры, особенностей социального позиционирования в до- и послереволюционной реальности служебная, делопроизводственная документация: послужной список, анкеты и др., характеризующие профессиональную деятельность автора воспоминаний.

Во вступительной статье «Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко» автор публикации характеризует своего героя – «замечательного русского историка, члена Археографической комиссии, известного своими трудами по истории XVI–XVII вв. и публикацией исторических источников» (с. 5). Набор должностей, званий, наград, основных трудов, приводимый в документальном приложении к публикации, свидетельствует об успешности служебной карьеры и творческой судьбы историка в дореволюционный период. Он с золотой медалью окончил Петербургский университет, защитил диссертацию на степень магистра, преподавал в средних и высших учебных заведениях. П.Г. Васенко снискал признание в научном мире, прежде всего, как археограф и в этом плане «замечательным достижением была публикация такого важного памятника, как “Степенная книга царского родословия”» (с. 16). Жизнь круто меняется после 1917 г. Он вынужден менять одно место работы за другим, материальное положение семьи, по его оценке, «ведет нас прямо к катастрофе», умирает его вторая жена, с которой он прожил «в любви и согласии» 14 лет (с. 14). Благодаря поддержке своего учителя С.Ф. Платонова П.Г. Васенко устраивается на должность библиотекаря рукописного отделения Библиотеки Академии наук, решением ЦЕКУБУ переводится в «высшую группу «А» научных работников», что серьезно улучшило его материальное положение. Трагически изменило его судьбу печально знаменитое «Академическое дело». Он был арестован и «осужден с 15/ IV 1930 г. на 10-ть лет в концлагерь – Соловки» (с. 232), досрочно освобожден в марте 1933 г. и переведен на поселение во Владимир. Здесь он и создает свои «Воспоминания».

«В изложении я буду стремиться к самой добросовестной и, по-скольку в силах человеческих, объективной передаче событий...»

Новое издание «Воспоминаний» – дело полезное и своевременное. И я не могу удержаться от соблазна вслед за Н.П. Матхановой остановиться на некоторых моментах «прочтения» этого источника.

Содержательное наполнение источника достаточно сложно. Прежде всего, это собственно воспоминания, попытка создания автобиографического текста, отражающего жизненный и профессиональный путь

П.Г. Васенко «в прошлые дооктябрьские годы... с начала XIX столетия по конец 1917 г.». Для записи воспоминаний о настоящем времени... начиная с Великой Октябрьской революции, оговаривается он, «я не чувствую себя готовым: они еще далеко не вполне скристаллизировались в моем сознании» (с. 36). Представляется, что в данном случае в позиции автора «скристаллизировались», пользуясь его терминологией, и опыт историка, научная добросовестность (для того, чтобы упорядочить воспоминания, создать единое автобиографическое целое, необходима определенная историческая дистанция), и оправданная житейская осторожность человека, осужденного по «академическому делу», побывавшего на Соловках и находящегося в ссылке.

Появление такого документа явилось результатом случайно-обязательного сочетания различных факторов, определяемых эпохой и личностью автора или, как он сам пишет, «обстоятельствами и побуждениями двух родов – внешнего и внутреннего» (с. 35). К стимулам первого рода относятся обстоятельства жизни П.Г. Васенко во владимирской ссылке – «досуг, вынужденный отчасти отсутствием в данное время и при данной обстановке подходящей мне по специальности и по силам деятельности, отчасти полуинвалидностью, и необходимость какого-нибудь подспорного заработка» (с. 35). Проблема материальной обеспеченности, стоявшая перед автором на протяжении большей части его жизни, приобретает в ссылке катастрофический характер, красной нитью проходит через его переписку с В.Д. Бонч-Бруевичем⁹. Не следует недооценивать и внутреннюю мотивацию автора, обозначаемую им следующим образом: «желание передать будущему поколению, зафиксировав на бумаге, все, что личная память сохранила о прошлом ныне быте и что, по моему мнению, представляет некоторый, пусть незначительный, общий интерес, стремление трудиться, пока позволяют мои силы, на любимом мной литературном поприще» (35-36).

Соглашаясь с мотивационными установками, обозначенными автором воспоминаний (жесткая нужда, вынужденный творческий простой), Н.П. Матханова справедливо выделяет и личностный, глубинно-душевный мотив – «воспоминания о детстве как о счастливой и золотой поре жизни», сожаление о разумно организованной, счастливой жизни семьи автора до революции. Разумеется, и тогда жизнь не лишена была

⁹ В.Д. Бонч-Бруевич – видный советский деятель, в период создания «Воспоминаний» (вторая половина 1933 г. – первая половина 1934 г.) занимал пост директора Государственного Литературного музея. В дореволюционный период его имя, как исследователя и издателя материалов по истории раскольников и сектантов, было известно в научном сообществе историков. От него получил заказ на написание собственных мемуаров такой же опальный, как и П.Г. Васенко, историк В.Г. Дружинин. Васенко, ссылаясь на мнение своих коллег «о благорасположенности» В.Д. Бонч-Бруевича (очевидно подразумеваемая участие в судьбе историков, привлеченных по «Академическому делу»), обращается к нему, надеясь получить заказ на написание воспоминаний, плата за которые может вызвать его «из финансовой петли» (с. 237).

проблем и трагических коллизий, отраженных в воспоминаниях (самодурство деда и прадеда со стороны матери, смерть брата Гриши, «отдаление» отца автора воспоминаний от жены и семьи, нервный срыв матери), но ностальгическая нота в воспоминаниях несомненно присутствует. Здесь наличествует момент «идеализации по контрасту» с неблагоприятным жизненным фоном после революции. Согласимся и с тем, что «само по себе очевидное одобрение реалий прошлой царской России», можно оценить как скрытую оппозицию: «С очевидной гордостью перечисляет П.Г. Васенко заслуги своих предков, их звания и награды. В этих рассказах нет ни тени смущения или извинения, не говоря уже об осуждении»¹⁰. В какой мере эта скрытая оппозиция была отрефлексирована самим историком, имело ли место одобрение или, скорее, отсутствие обличения и осуждения реалий дореволюционной России, или принятие их как исторической данности – вопросы дискуссионные.

Обратим внимание и на то, что замысел мемуариста осуществился далеко не в полной мере: повествование доводится до 1883 г. и значительное место в нем занимает история раннего детства. К мотивам, побудившим П.Г. Васенку «вернуться в детство», можно, пожалуй, отнести еще один – пришедшее к нему, вероятно, с годами ностальгически окрашенное осознание важности этого периода в формировании «жизненного мира» человека, личностно-смыслового фундамента его деятельности. По Ж.П. Сартру, требуется немалое время, чтобы осознать значение этого периода, определяющую неуничтожимость, нестираемость первоначального жизненного опыта: «У каждого человека свои природные координаты: уровень высоты не определяется ни притязаниями, ни достоинствами – все решает детство. В пятьдесят лет я сохранил свои детские черты, пусть изношенные, стершиеся, попранные, загнанные вглубь, лишённые права голоса... чуть ослабишь внимание – они поднимают голову»¹¹. В отечественной традиции закрепилось афористичное высказывание Л.Н. Толстого: между рождением и пятью годами – целая вечность, между пятью годами и зрелостью – один миг.

История ребенка тесно связана с историей семьи, и автор, как мы убеждаемся, создал своего рода семейную сагу. Начиная с рассказа о своем рождении, он предстает в нескольких ипостасях: мемуариста-повествователя, героя повествования, персонажа семейной саги и историка. Соответственно выглядит и сюжетное поле воспоминаний, где семейное предшествует личному – автор повествует о «тех из моих предков, о ком я слышал рассказы или имею сведения от моих отца и матери», приводит яркие персональные характеристики: например, Михаил Тарасович, дед по материнской линии «был очень самолюбив, любил поспорить, погорячиться, был вспыльчив». Особо отмечается, что

¹⁰ Матханова 2014. С. 8.

¹¹ Сартр 1992.

дед «сильно страдал от запоев (когда он становился чуть ли не зверем)», а также от пристрастия к азартным играм. И, в то же время «дед отличался отсутствием мелочности, был щедр, умел быть ласковым и реагировал на ласку, любил пошутить, хотя далеко не всегда любил, чтобы над ним подшучивали, – черта общечеловеческая (с. 72).

В сюжетное поле воспоминаний входит также повествование о детских годах и взрослой жизни родителей, их учебе, знакомых и сослуживцах. Воспоминания показывают нам с неожиданной, личностно-бытовой стороны даже весьма известных исторических деятелей – так, брат подруги матери «Алины» Ткачевой, видный деятель революционного движения Петр Никитич Ткачев в отрочестве отличался крайней застенчивостью и был прозван своей матерью, очень его любившей, «красной девицей». Яркие портретные характеристики и бытовые подробности реальной жизни информативно ценны для нас в этом источнике. Типичен для автобиографии и сюжетный набор воспоминаний о раннем детстве. Первые сложности в отношениях с окружающим миром (напр., приобретенный благодаря неосторожности сестер дефект зрения), первая (в четыре года) истерика, вызванная непониманием со стороны взрослых, первое настоящее горе, вызванное смертью брата Гриши, «любимого товарища детских игр и забав». И далее по списку – родители, родственники, болезни, игрушки, няни, прислуга, книги, переезды, режим питания и «молочное хозяйство» и пр. Яркость и образность, детализированность и портретность сохраняются и в этой части мемуаров. Автор явно тяготеет к событийной биографии более, чем к интеллектуальной, и такой подход, характеризующийся интересом к «непредсказуемо-индивидуальным», «нормально-исключительным поступкам» вполне вписывался в позитивистский научный дискурс, который для Васенко являлся профессионально родным.

Отсутствуют, ввиду незавершенности воспоминаний, материалы по выбору профессии, но и здесь просматривается «задел на будущее» – автор указывает, что от деда по материнской линии ему «досталось одно из довольно ранних изданий карамзинской «Истории Государства Российского» с ключом к ней Строева (54). Мать мемуариста, сдавая при Петербургском университете экзамен на звание домашней учительницы, «главными предметами взяла русский и историю, по последнему предмету экзаменовалась у М.М. Стасюлевича, молодого тогда профессора, очень элегантного, отнесшегося к ней с большим вниманием» (71). Семейная традиция, связанная с интересом к истории (не являющаяся, судя по контексту воспоминаний, доминантной), разумеется, еще не определяет профессиональный выбор будущего историка, однако способствует формированию необходимого для него познавательного интереса.

Повествование находится в русле отечественной мемуаристики, автобиографических повестей о детстве (автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого, «Мои воспоминания» сына его И.Л. Толстого, повести

С.Т. Аксакова, Н.М. Гарина-Михайловского, В.М. Гаршина, А.М. Горького, И.А. Бунина, А.Н. Толстого). Мемуары П.Г. Васенко содержательно вписываются в этот автобиографический нарратив, в этот ряд свидетельств содержательного богатства проживания и фиксации «подробной жизни». И, разумеется, перед нами ранний опыт обращения к истории быта, повседневности, семейного микросоциума.

Все-таки, даже сделав эти выводы, испытываешь ощущение неполной содержательной исчерпанности источника. Сомневаешься в том, удалось ли в полной мере реализовать исследовательский принцип, сформулированный В.О. Ключевским – в том, о чем документ говорит, надо суметь увидеть то, о чем он умалчивает. Причем упускаемая информация может лежать на поверхности – как известно, чтобы надежно спрятать что-либо, надо поместить его на самом видном месте (принцип Шерлока Холмса). В этой связи замечу, что «прошлый быт», столь любезный сердцу мемуариста, изображается им часто в юмористическом, а иногда и в сатирическом ключе. По страницам воспоминаний проходит целый ряд подобных персонажей и эпизодов – реальных и полуполюгендарных («семейных легенд»). К последним принадлежит анекдотический рассказ о приезде отца автора «Грицка Васенка» на учебу в Петербург в Морской корпус в сопровождении отставного генерала, соседа по имени. После провала на экзаменах выяснилось, что тринадцатилетний подросток-сын офицера не знает ни фамилии своего спутника (с которым он проделал долгий путь из Полтавы в Петербург), ни его адреса в Петербурге. «В Полтаву же, при тогдашних путях сообщения, – повествует Васенко – отправлять подростка было совершенно невысказано», и директор Корпуса, поговорив немного с моим отцом, решил его участь: «Ну что же делать!? Принять его» (с. 41-42). Как представляется, воспроизводя данную семейную легенду о наивном, но удачливом провинциале, автор не особенно задумывается о ее правдоподобии (степень неведения мальчика-подростка в этом эпизоде просто фантастична).

Юмористические, с разной степенью правдоподобия, эпизоды присутствуют в рассказах о детстве отца автора на Полтавщине, преподавании в Морском корпусе, где тот учился, жизни семьи в 1840–1856 гг. Обратим внимание и на то, что с чисто семейными эпизодами в мемуарах соседствуют городские легенды, именуемые автором «рассказами-воспоминаниями моей матери», много раз слышанными в детстве». Пример такого легендарного, фольклорного нарратива – приводимая Васенко в нескольких (трагических и трагикомических) вариантах «печальная история 2-х петербургских влюбленных» (101-102). То есть в мемуарах, помимо автобиографического, наличествует и иной содержательный пласт – перед нами анекдоты в старинном (XVIII– XIX вв.), «пушкинском» смысле слова. Великолепным примером подобного творчества, коротких, с юмористической составляющей «персонифицированных свидетельств эпохи», являются принадлежащие пушкинскому

перу сборники анекдотов «Table talk» (среди них центральное место занимают анекдоты о Потемкине, разговоры Н.К. Загряжской). Рассмотрение источника и как «дней минувших анекдоты» не противоречит, по моему мнению, и авторской самооценке. Вспомним, что свою первую, написанную в ссылке книгу мемуарного или полумемуарного характера в ранних письмах к В.Д. Бонч-Бруевичу он назвал «Анекдотические факты». Ирония по отношению к прошедшему вообще присуща историческому познанию, вспомним хотя бы знаменитый хитро-иронический подход В.О. Ключевского, который Л.Н. Толстой оценивал следующим образом: «Хитрый. Читаешь – будто хвалит. А вникнешь – обругал»¹².

Таким образом, рассматриваемый источник продолжает традиции не только отечественной автобиографической мемуаристики, но и литературной и исторической ироники. И дело не только в жанре. Воспоминания П.Г. Васенко можно рассматривать и как источник по изучению взаимовлияния литературных и историографических процессов в общекультурном поле, в котором постепенно выкристаллизовывалась проблематика повседневности и складывались общие интеллектуальные процедуры. В этом плане для диагностики процесса осмысления общего интеллектуального контекста в отечественной гуманитаристике весьма показательна постановка вопроса в современной историографии о сходствах и различиях микроистории и филологии¹³.

В воспоминаниях П.Г. Васенко на одном нарративном пространстве совмещаются воскрешаемое, насколько это возможно, наивно-непосредственное восприятие детства (память) и интерпретация семейной и детской истории с позиции не только взрослого человека, но и профессионального историка. Такого рода источники в силу их фрагментарности, некоторой бытовой приземленности особенно нуждаются во включении в полноценный исторический контекст, реконструируемый публикатором, выполняющим, пожалуй, даже роль соавтора, что, безусловно, удалось Н.П. Матхановой. Эта публикация займет достойное место в современном историографическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- П.Г. Васенко.* Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / вступ. статья, публ., коммент., указ. Н.П. Матхановой. отв.ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 331 с.
- П.Г. Васенко:* Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка): Материалы / Вступ. статья, сост., публ. В.В. Митрофанова. Нижневартовск: Нижневартровский государственный университет, 2015. 366 с.
- Зенкин С.* Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2006. М.: Наука, 2007. С. 365-377.
- Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии. Лекция VI // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.VII. М.: Мысль. 1989. 511 с.

¹² Цит. по: *Нечкина* 1974. С. 234.

¹³ *Зенкин* 2007.

- Матханова Н.П.* Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко // П.Г. Васенко. Воспоминания о моей жизни и прошлом бытге... 2014.
- Митрофанов В.В.* «Желание передать будущему поколению...»: П.Г. Васенко и его «Воспоминания» // Клио. 2013. № 2 (72). С. 3-8; № 7(78). С. 27-33; № 11(83). С. 24-30; 2014. № 1(85). С. 3-11; № 2 (86). С. 7-17; № 3 (87). С. 15-23; № 4 (88). С. 5-13.
- Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.
- Покровский Н.Н.* «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) Письмо Н.Н. Покровского в редакцию журнала // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 124-126.
- Савельева И.М.* «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск: Изд. ОмГУ, 2011. С. 63-80.
- Сартр Ж.П.* Слова / Сартр Ж.П. Стена. М., 1992.
- Чеканцева З.А.* Историки, история и память в современной Франции // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд. ОмГУ, 2014. С. 253-267.

REFERENCES

- P.G. Vasenko. Memories of my life and last life / introd., comp., comment, index by N.P. Matkhanova. отв.ред. N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2014. 331 pages.
- P.G. Vasenko: From a creative heritage (Research. Memoirs. Correspondence): Materials / Vstup. article, publ. V.V. Mitrofanov. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk state university, 2015. 366 p.
- Zenkin S.* Microhistory and Philology // Kasus. 2006. М.: Nauka, 2007. P. 365-377.
- Klyuchevsky V.O.* Lectures on the Russian historiography. Lecture VI // Klyuchevsky V.O. Comp. in nine volumes. T. VII. М.: Mysl', 1989. 511 p.
- Matkhanova N.P.* Destiny and P.G. Vasenko // P. G. Vasenko's memoirs heritage. Memories of my life and last life... 2014.
- Mitrofanov V.V.* "Desire to transfer to future generation ...": P.G. Vasenko and his "Memoirs"//Clio. 2013. No. 2 (72). P. 3-8; No. 7(78). P. 27-33; No. 11(83). P. 24-30; 2014. No. 1(85). P. 3-11; No. 2 (86). P. 7-17; No. 3 (87). P. 15-23; No. 4 (88). P. 5-13.
- Nechkina M.V.* Vasilii Osipovich Klyuchevskii. Istoriya zhizni i tvorchestva. М.: Nauka, 1974. 640 s.
- Pokrovskii N.N.* «Дело» molodykh istorikov (1957–1958 gg.) Pis'mo N.N. Pokrovskogo v redaktsiyu zhurnala // Voprosy istorii. 1994. № 4. S. 124-126.
- Savel'eva I.M.* «Uroki istorii» uchenoi korporatsii // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Vyp. 7. Омск: Изд. ОмГУ, 2011. S. 63-80.
- Sartir Zh.P.* Slova / Sartir Zh.P. Stena. М., 1992.
- Chekanitseva Z.A.* Istoriiki, istoriya i pamyat' v sovremennoi Frantsii // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Vyp. 9. Омск: Изд. ОмГУ, 2014. S. 253-267.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

Broken destiny: Memory and professionalism of a historian

Reflections on the book: Vasenko. Memories of my life and the old way of life / Introductory article, publish., comm., ind. by N.P. Matkhanova; Ed. N. N. Pokrovsky. Novosibirsk: SB RAS Publishing, 2014. 331 p.

Keywords: P.G. Vasenko, N.P. Matkhanova, remembrance, memory, way of life, childhood, family history, professionalism, historian, Archaeography

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor, Department of modern national history and historiography, Omsk State University of F.M. Dostoyevsky; korzunv@mail.ru

РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ЗЕРКАЛЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рецензия на сборник научных статей «Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога» (Саратов: СГТУ, 2015). Опубликованные в нем работы посвящены разнообразным аспектам российской и германской истории XVIII–XX вв., а также прошлому двухсторонних связей.

Ключевые слова: *Россия, Германия, российско-немецкие связи, германистика, историография*

Изучению германской истории в России всегда отводилось особое место. Это же касается и прошлого двухсторонних отношений, наполненных примерами войны и мира, конфронтации и сотрудничества, культурного обмена и закрытости. Многообразие форм взаимоотношений двух стран, их сложность и противоречивость дает богатую почву для исследователей. Но, главное, дает многочисленные примеры интеллектуального диалога, которые не смогли оборвать даже самые мрачные исторические события и потрясения.

Вышедший в 2015 г. в Саратове сборник научных трудов «Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога»¹ посвящен узловым проблемам российской и германской истории XVIII–XX вв., преимущественно в сфере интеллектуальных контактов. Как отметил один из редакторов книги проф. И.Р. Плеве, появление ее в Саратове не случайно: «На протяжении долгого времени Поволжье было одним из главных центров немецкой диаспоры в России, а в культурной и интеллектуальной жизни Саратова немецкий компонент играл огромную и неповторимую роль» (С. 3). Стоит добавить, что саратовские ученые в своих исследованиях не раз обращались и к немецкой, и к российско-немецкой тематике. Уместно вспомнить имя В.А. Ермолаева (1910–2000), автора квалифицированных работ о Реформации в Германии. Его перу также принадлежат интересные мемуары, в которых он, среди прочего, рассказал о службе в Советской военной администрации в Германии². В советские годы к изучению германской истории обращались и другие саратовские исследователи (Н.Ф. Жирнов, В.И. Чернов, А.В. Родионов, Л.И. Солодкова, Т.М. Негуляева), но полноценное ее изучение началось уже в 1990-е гг., благодаря открытию архивов, возможности стажировок за рубежом, установлению партнерских отношений с германскими научными и образовательными организациями³. Так, развитие

¹ Ссылки на сборник даются в тексте в круглых скобках.

² *Ермолаев*. 2009.

³ См.: *Дербов*. 1983. С. 104–106, 112, 115; *Соломонов*. 2007. С. 17–18; Исторический факультет Саратовского государственного университета. 2007. С. 18, 23, 29.

тесного сотрудничества Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского с Университетом Дуйсбург-Эссен сделало возможным появление интересных исследований о германской военной элите в годы Первой мировой войны (Л.В. Ланник), о взаимоотношениях Советской России с Веймарской республикой (А.В. Лучников) и др. В постсоветские годы в Саратове началось плодотворное исследование немцев Поволжья и, шире, российских немцев, чему способствовали уникальные материалы региональных архивов по данной теме. Работы И.Р. Плеве, А.А. Германа, А.В. Воронежцева, Е.М. Ериной и др. известны теперь далеко за пределами России. Крупные немецкие историки (К. Шлёгел, В. Дённингхаус, В. Хердт, Д. Брандес, А. Айсфельд и др.) стали регулярно посещать Саратов для занятий в архивах и библиотеках, для общения и консультаций со своими коллегами. В 2005 г. на базе Саратовского социально-экономического университета состоялось заседание Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений и коллоквиум «Вторая мировая война в исторической науке и культура памяти в Германии и России». Участие в них приняли ведущие российские и немецкие ученые. В 2011 г. в рамках сотрудничества между Саратовским государственным техническим университетом им. Ю.А. Гагарина и Международным институтом по изучению учебников им. Г. Эккерта в Брауншвейге была организована конференция «Культурная память и мемориальные коммуникации в учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы», которая получила множество восторженных отзывов, а сборник ее материалов стремительно разошелся среди читателей, став библиографической редкостью⁴. Сборник «Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога» тоже стал результатом активного научного взаимодействия саратовских ученых с коллегами из других городов и стран. Его составители стремились еще раз указать на важность российско-немецкого диалога, преодоление мемориальных барьеров и развитие двухсторонних научных связей. Статьи сборника выстроены хронологически: от начала XVIII в. до наших дней, они представляют собой законченные очерки, рассматривающие те или иные аспекты германской истории или прошлого российско-немецких связей. Большинство проблем, поднятых в них, относится к числу малоизученных.

В статье украинского историка А.Н. Слесаренко (Днепропетровск) рассказывается о немецких наемниках в армии Карла XII и их участии в Северной войне. Автор детально прослеживает пути их рекрутирования в шведское войско, отметив, что значительное число немцев оказалось на шведской службе еще после вхождения в состав королевства Прибалтики и Западной Померании. Он также указал на большую роль религиозного фактора: немцы-протестанты охотно шли в армию к близ-

⁴ Культурная память и мемориальные коммуникации. 2012.

ким им по вере шведам, в то время как процент немцев-католиков среди наемников не превышал 10%. Карл XII был заинтересован в привлечении новых солдат и офицеров. Широкие возможности вербовки в немецких землях открылись перед ним в 1706 г. после выхода Саксонии из Северной войны. По подсчетам А.Н. Слесаренко, король на вербовал там 14 тыс. чел., которые были объединены в 10 полков (С. 10). Часть из них (более 8 тыс.) Карл XII повел с собой в поход на Россию. Автор обрисовал их участие в сражении под Рашевкой 15 февраля 1709 г. и в Полтавской битве 27 июня 1709 г. Он отметил, что после поражения шведской армии и пленения значительного числа ее участников, немецким наемникам было предложено перейти на русскую службу. Многие из них последовали этому призыву и в дальнейшем были расквартированы в городах Поволжья, Урала и отчасти Сибири. К сожалению, в своей статье А.Н. Слесаренко не коснулся условий их жизни и службы в России, взаимоотношений с начальством и местным населением.

Видный чешский историк Ф. Штеллнер (Прага), автор многочисленных исследований по российской истории XVIII в.⁵, хорошо знакомых и российским читателям⁶, подготовил статью о русско-немецких интеллектуальных контактах в XVIII в. в свете создания Академии наук в Санкт-Петербурге. Он попытался взглянуть на научные коммуникации сквозь призму теории модернизации, его заинтересовал трансфер идей и практики передачи знания, опыт заимствования европейских инноваций в России, особенно в зеркале российско-немецких научных контактов. Ф. Штеллнер сравнил культурные процессы, протекавшие в Центральной Европе и России, показал их типологические сходства. Петр Великий своими реформами пытался стремительно преодолеть тогдашнюю российскую периферийность. Но в то время и в Центральной Европе наблюдалось интеллектуальное отставание от Западной Европы – из-за последствий Тридцатилетней войны, влияния абсолютизма, замедленного развития среднего класса и др. Штеллнер указал, что иностранные ученые присутствовали во всех европейских научных учреждениях XVIII в., а потому приглашение таковых в Россию не было явлением экстраординарным. Автор осветил мотивы, которые заставляли немецких интеллектуалов ехать в далекую и малоизвестную страну. Так, в России для получения профессуры не требовалась обязательная докторская диссертация, а это обстоятельство открывало для молодых немецких ученых возможность сравнительно быстрого карьерного продвижения. Историк отметил также успехи российской пропаганды, создавшей позитивные представления об условиях работы в России, и подчеркнул, что развитие российско-немецких контактов способствовало последующему оживлению русско-чешских научных и культурных связей.

⁵ *Stellner*. 2009; 2012; 2014.

⁶ *Штеллнер*. 2012; 2013; 2014.

О.Ю. Абакумов (Саратов) продолжил начатое ранее изучение биографии Луи Шнейдера, немецкого актера, журналиста, издателя и агента русского влияния в Европе⁷. В своей статье он создает параллельные портреты немецкого актера и русского императора Николая I, анализирует причины «сложившейся общности взглядов, столь разных по масштабу деятельности фигур политической жизни Пруссии и России» (С. 37). Луи Шнейдер многократно встречался с русским императором в 1833–1853 гг., он был очарован масштабом его личности, воплощавшей для него идеалы «полицейского государства». Автор подробно описывает обстоятельства превращения Шнейдера из искреннего почитателя России в платного агента влияния, автора заказных пропагандистских статей, выражавших идеалы охранительства. Россия всегда была для Л. Шнейдера символом стабильности и могущества государства. Даже после смерти Николая I он продолжал находиться на службе у III Отделения, и уже в 1870-х гг. предупреждал своих покровителей об опасности международного союза рабочих и угрозе революции в России.

Известный немецкий историк В. Дённингхаус (Люнебург) сосредоточил внимание на роли Крестьянского поземельного банка в аграрной модернизации России в кон. XIX – нач. XX в., тем самым подведя итоги ранее проделанных исследований⁸. Его интересует специфика проведения стольпинской реформы в Поволжье и ее отражение в жизни немецких земледельцев. В. Дённингхаус показал дискриминационную политику Крестьянского поземельного банка в отношении нерусского, в т.ч. немецкого, крестьянства, выражавшуюся в отказе от выделения кредитов при выкупе помещичьих земель. В 1904–1909 гг. немцам также было запрещено продлевать арендные договоры на государственные земли, ранее находившиеся в их пользовании. Считалось, что бывшие немецкие колонисты были более зажиточными, чем местные крестьяне, а потому не нуждались в помощи при покупке новых земель. Более того, поддержка их создавала бы опасную конкуренцию русским земледельцам. По мнению В. Дённингхауса, такая позиция была следствием русификаторской политики Александра III. И все же, как показал историк, отдельные случаи нарушения правительственных запретов случались. Например, и в Самарской, и в Саратовской губерниях были зафиксированы случаи продажи казенной земли немецким земледельцам, в том числе при помощи кредитов Крестьянского поземельного банка.

Сразу две статьи в сборнике посвящены выдающемуся правоведу профессору Давиду Давидовичу Гримму (1864–1941), одному из представителей известной ученой фамилии, ведущей начало от немцев-колонистов, приехавших в Россию по приглашению Екатерины II. Фигура Д.Д. Гримма привлекает в последнее время внимание исследовате-

⁷ Абакумов. 2004; 2008; 2014.

⁸ Дённингхаус. 2011; 2015.

лей⁹. Это не удивительно, ибо он был не только блестящим ученым и научным администратором, но также крупным общественным деятелем. Потому большой интерес представляет совместная статья эстонского историка-архивиста Т.К. Шор (Тарту) и ее российских коллег А.В. Вороневцева (Саратов) и М.В. Ковалева (Саратов). В ней они рассказывают о неизданных мемуарах Д.Д. Гримма «Из жизни Государственного совета 1907–1911 гг.», написанных в годы вынужденной эмиграции в конце 1920-х гг., и хранящихся в Историческом архиве. Как показали авторы, эти воспоминания являются важнейшим источником по истории предреволюционной России, они охватывают широкий круг сюжетов, связанных с историей органов высшей государственной власти, парламентаризма, борьбы за академические свободы, воссоздают портреты выдающихся политических и общественных деятелей Российской империи (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов, А.Ф. Кони, П.А. Столыпин, В.И. Вернадский, М.М. Ковалевский и др.), раскрывают особенности мировоззрения имперских элит на фоне переломных событий истории (революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Февральская революция). Фрагмент мемуаров Д.Д. Гримма опубликован в приложении к статье.

Эту тему продолжил в своей статье М.В. Ковалев, проанализировав взгляды Д.Д. Гримма и М.А. Таубе на университетский вопрос в России в начале XX в. Барон Таубе происходил из знатной прибалтийской немецкой фамилии, был крупным ученым, специалистом по международному праву. При этом, в отличие от Д.Д. Гримма, он был человеком консервативных взглядов, а потому принял приглашение печально известного министра народного просвещения Л.А. Кассо пойти в его заместители. На этом посту М.А. Таубе повел жесткую борьбу с либеральной профессурой. Д.Д. Гримм же был последовательным сторонником академических свобод, сопротивлявшимся административному произволу. Свои взгляды он отстаивал в качестве члена Государственного Совета, коим являлся с 1907 г., и по этой причине министерство народного просвещения прилагало огромные усилия, чтобы выдворить Гримма из его состава. Однако попытки эти окончились безрезультатно. Оба героя статьи, вне всякого сомнения, являлись яркими личностями и одаренными учеными, но их общественные и политические пути на определенном этапе разошлись. В итоге, как говорит автор статьи, либеральная интеллигенция увидела в Д.Д. Гримме символ борьбы за академические свободы, отношение же к барону М.А. Таубе изменилось: в глазах общественности он превратился из талантливого ученого в душителя свобод (С. 106). Причины таких метаморфоз, хорошо известных и ученому сообществу нашего времени, стали предметом осмысления М.В. Ковалева.

Чешский историк Р. Собехарт (Прага) рассказал об отношении Вилла Брандта к СССР в период его эмиграции в 1933–1947 гг. Он показал

⁹ Ковалев, Мирзеханов. 2016.

трудную и противоречивую эволюцию взглядов немецкого политика на СССР. От резкого неприятия сталинской империи он перешел к мысли, что Советский Союз является главной силой, «которая противостоит империалистическим интересам западных держав», а потому способен обеспечить победу социализма в мире. Историк показал, что в 1930-е гг. В. Брандт с симпатией относился к некоторым элементам советской плановой экономики, правда впоследствии он пересмотрел свои взгляды. В то же время он оставался непримиримым противником сталинских репрессий, отмечал разрушительное воздействие Коминтерна на единство социалистического фронта. Именно поэтому В. Брандт крайне негативно оценивал пакт Молотова-Риббентропа, увидев в нем предательство мирового рабочего движения и доказательство того, что «политика Сталина в любой точке мира может усилить реакционные антисоциалистические и антирабочие силы» (С. 115). Разворот во взглядах произойдет во время Великой Отечественной войны, когда Брандт будет восхищен мужеством и героизмом советского народа. Он откажется от прежних воззрений и будет даже говорить, что советско-германский пакт 1939 г. был навязан предательской политикой западных держав. Очередной поворот произойдет в 1948 г., когда Брандт будет лично наблюдать процессы советизации в Восточной Европе. Р. Собехарт отмечает, что несмотря на новую волну критики, СССР для Брандта останется главным победителем нацизма и одновременно социалистической силой. Это предопределяет его готовность к диалогу и поиску путей взаимопонимания, особенно в период реализации «Остполитики».

Проф. Ю.А. Мизис (Тамбов) на основе неизвестных документов из регионального архива рассказал о положении военнопленных в лагере № 188 Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны. Главное внимание он уделил анализу фактов побега военнопленных, попытался понять их мотивы и планы. В статье описываются практики привлечения военнопленных на хозяйственные работы, их отношения с лагерным начальством и местным населением, модели поведения и пр. Отмечено определенное смягчение лагерного режима в 1945 г., когда определенному числу военнопленных стали разрешать уходить и приходить на работы без охраны, когда их стали награждать выходными и увольнительными. Таким образом, в последний период существования лагеря «уровень дисциплины для спецконтингента был приближен к нормам советских воинских частей, режим был значительно ослаблен и стал достаточно вольным» (С. 135).

Тему русско-немецких интеллектуальных связей сквозь призму истории Зарубежной России затрагивает М.В. Ковалев. В своей статье он продолжает начатое ранее изучение биографии выдающегося историка профессора А.В. Флоровского¹⁰ и тему научных коммуникаций в рус-

¹⁰ Ковалев. 2014; Ковалев, Лаптева. 2014; Галчева. Ковалев. 2014.

ской эмигрантской среде¹¹. А.В. Флоровский был выслан из Советской России в 1922 г., вся его последующая жизнь и научная деятельность будут связаны с Прагой. В статье рассматриваются его научные контакты с немецкими славистами Э. Винтером, Р. Виттрамом, Д. Герхардтом, К. Грау, Г. Закке, Х. Мором, Г. Нойбауэром, К. Штелли-ном и др. Автор показал, что стимулом установления и развития этих связей стало изучение Флоровским русско-австрийских и русско-чешских отношений, а также эпохи Петра Великого. Анализ научных коммуникаций позволил сделать вывод об определенной аполитичности и даже некотором конформизме Флоровского. Показательны в этом плане его контакты в годы Второй мировой войны с Э. Винтером, возглавлявшим тогда отдел Восточно-Европейской интеллектуальной истории в Фонде Рейнхарда Гейдриха. М.В. Ковалев пишет о Флоровском: «Достаточно обратить внимание на то, с какой легкостью он находил общий язык с носителями самых разных политических взглядов: от убежденного марксиста Г. Закке до фанатичного нациста Й. Пфитцнера. При этом ни в одном из писем мы не найдем даже малейшего намека на то, к какому лагерю принадлежал сам историк, каким силам он симпатизировал» (С. 161). Раскрываются интересные факты биографии ученого-эмигранта, в т.ч. попытка Г. Нойбауэра пригласить его в ФРГ для чтения лекций, которую, правда, так и не удалось воплотить в жизнь. В приложении к статье приведены избранные фрагменты из переписки А.В. Флоровского с немецкими коллегами, извлеченные из обширного личного фонда историка в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге.

Сразу три статьи сборника посвящены взаимодействию СССР и ГДР в сфере образования и науки. Чешский историк П. Соби (Прага) рассмотрел обстоятельства создания Высшей школы экономики в Берлине, учрежденной в качестве оплота новой экономической науки в ГДР, а потому названной современниками «красным монастырем на Шпрее». К слову, П. Соби опубликовал уже ряд ценных работ в этом направлении¹², имеющиеся наработки позволили ему провести сравнительный анализ проблемы, сравнив, к примеру, опыты советизации образования в ГДР, Чехословакии и Польше. В поле его зрения попали идеологические и практические составляющие учебного процесса, научно-педагогические кадры, международные связи берлинской школы, в т.ч. влияние на ее работу советских консультантов, напр. члена-корреспондента АН СССР В.П. Дьяченко и проф. Н.И. Виноградова. Предполагалось, что Высшая школа экономики в Берлине будет создавать новую управленческую элиту. Показательно, что многие из ее основателей не имели специального экономического образования, но обладали большим профсоюзным или партийным опытом. Вместе с тем,

¹¹ Ковалев. 2013 (а), 2013 (б).

¹² Szobi. 2014 (а); 2014 (б); 2015.

экономисты старой выучки от работы отстранялись. Неудивительно, что имевшийся преподавательский состав был неспособен дать студентам полноценные знания. Как показал П. Соби, власти ГДР уже в 1950-е гг. осознали неэффективность высших школ нового типа в подготовке квалифицированных специалистов, что стало одной из причин реорганизации экономического образования в 1956–1958 гг. и попытки приблизить его к стандартам старых университетов. П. Соби установил, что берлинские экономисты во всем старались копировать советскую политэкономия, но это стремление не всегда находило понимание даже в социалистическом лагере. С другой стороны, в ГДР не было ни одного предприятия или учреждения, где выпускники школы не занимали бы значительных должностей. П. Соби обнаружил серьезное противоречие в практике работы Высшей школы экономики: с одной стороны, ее выпускники должны были стать эффективными менеджерами и технократами, но, с другой стороны, они должны были быть «убежденными коммунистами, которые будут целеустремленно принимать участие в строительстве нового утопического общества» (С. 197). Закономерно, что после объединения Германии школа была не реорганизована, а ликвидирована, не имея шансов вписаться в новую реальность.

О.С. Нагорная (Челябинск), в последнее время активно изучающая культурную дипломатию СССР в период «холодной войны»¹³, посвятила свою статью практикам академической мобильности в Восточном блоке на примере пребывания студентов из ГДР в советских высших школах. Она исходит из того, что транснациональные научные и академические контакты стали неотъемлемой частью межблокового противостояния, причем использовались не только как средство поддержания имиджа государства и системы, но и как канал идеологического и политического влияния (С. 200). Автор замечает, что во второй половине XX в. российско-германская академическая мобильность впервые поменяла свое направление: студентов из ГДР в массовом порядке отправляют на стажировку в СССР. Одним из мотивов был исход ученых и высококвалифицированных специалистов в Западную Германию, необходимость перестройки собственной системы образования по советским образцам. О.С. Нагорная рисует социальный портрет немецких студентов в СССР, механизмы их отбора, анализирует их учебные практики, процессы вхождения в советскую образовательную среду; выявляет трудности, с которыми они сталкивались. Со стороны советских властей имели место многочисленные попытки ограничить частные коммуникации, вписать научные контакты исключительно в официальные рамки. Далеко не все немецкие студенты смогли адаптироваться к жизни и учебе в новой культурной среде, причем одной из главных проблем был недостаточный уровень знания русского языка. Молодежи из ГДР была непривычна и

¹³ Нагорная. 2013; 2015 (а); 2015 (б).

непонятна советская система образования, контроль посещения занятий, отсутствие дисциплин по выбору. Студенты порой были лишены возможности проходить практику на тех или иных объектах из-за запретов со стороны КГБ. Автор отмечает, что руководство ГДР обладало большой самостоятельностью в подборе кандидатов и исходило из уровня развития и загруженности собственных образовательных учреждений. Это нередко приводило к противоречиям с советской стороной. Получение советского диплома открывало дополнительные возможности для построения карьеры в ГДР. Многие выпускники смогли воспользоваться полученным культурно-образовательным капиталом для интеграции в новое общество и работы в сфере партнерства с Восточной Европой (С. 213). Статья О.С. Нагорной открывает перспективы для изучения культурного и интеллектуального трансфера в эпоху «холодной войны».

Профессор-экономист А.В. Пахомова подготовила очерк о собственной научной стажировке в ГДР в 1978/1979 г. Таким образом, в сборнике возникает еще один интересный сюжет, связанный с историей академической мобильности. А.В. Пахомова была отправлена в Дрезден в Высшую школу транспорта и связи для изучения теории и практики внутрипроизводственного хозрасчета на предприятиях. Практика отправки стажеров наглядно демонстрирует интерес советской стороны к зарубежным наработкам, который был, в конечном счете, вызван потребностью реформирования стагнирующей экономики. Автор подробно описывает быт советских стажеров, особенности образовательного процесса, личные и деловые коммуникации с германскими специалистами. Важная особенность: в отличие от германских студентов в СССР, советские специалисты, а также студенты, имели право свободного передвижения по территории ГДР. О нескольких таких путешествиях А.В. Пахомова также ярко и насыщенно пишет в своем очерке.

Крупнейший немецкий специалист по школьным учебникам Р. Майер (Брауншвейг) коснулся злободневной темы мемориальных коммуникаций в учебной литературе. В своей статье он описал немецко-польский опыт подготовки совместного учебника по истории, указав на него как на пример позитивного межгосударственного сотрудничества с целью преодоления мемориальных барьеров. Р. Майер проанализировал дидактические принципы составления немецко-польского учебника, характер изложения в нем материала, особенно по острым темам. Кроме того, он проиллюстрировал работу рассказами о финансировании проекта, переводе текстов, практике распространения учебника по школам, оценил отзывы о нем польских и немецких педагогов. Учебник позволил выработать эффективную модель разрешения конфликтов и развития взаимопонимания между народами, воплощенную в учебном нарративе. Не случайно, этот учебник был переведен на корейский язык и стал объектом пристального изучения в Южной Корее, а

также примером того, какими могут быть учебники в конфликтных пространствах. Автор справедливо отметил, что подобные учебники открывают транснациональные перспективы изучения истории. Статья особенно интересна в контексте российско-германского опыта по созданию совместного учебника по истории.

Статья молодой исследовательницы Г.И. Тимашовой выбивается из рамок российско-немецкой тематики, поскольку она посвящена франко-немецкому языковому пограничью в Эльзасе и Лотарингии. Тем не менее, перед нами интересный пример российского взгляда на проблему культурно-языкового пограничья в Западной Европе, еще недостаточно изученного отечественными специалистами. Автор прослеживает исторические особенности складывания культурного и лингвистического ландшафта региона, который предопределил сложную конструкцию идентичности эльзасцев и лотарингцев, а также указывает на трудности, возникавшие перед местными жителями в процессе самоидентификации на фоне политических потрясений и перекройки границ.

Авторы сборника обратились к многообразным проблемам из истории Германии и российско-германских связей, таких как войны и их последствия в судьбах народов и конкретных людей, двухсторонние научные и образовательные связи, идеологические конструкты и стереотипы. Статьи сборника поднимают немало интересных вопросов и открывают перспективы для их дальнейшего углубленного изучения, очерчивают новые исследовательские направления. Они наглядно демонстрируют разнообразие форм российско-немецких контактов, в т.ч. в непростые моменты истории двух стран. Несмотря на некоторый тематический эклектизм, рецензируемый сборник является серьезным вкладом в изучение российско-немецких отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакумов О.Ю.* Тайная роль актера Л. Шнейдера (из истории заграничной агентуры III Отделения) // Николаевская Россия: власть и общество. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. С. 181–204.
- Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 214 с.
- Абакумов О.Ю.* Немецкий корреспондент русской газеты Л. Шнейдер о событиях 1849 г. в Берлине // Россия – Германия: уроки войны и мира: к 100-летию начала Первой мировой войны. Саратов: ПИУ имени П.А. Столыпина, 2014. С. 90–96.
- Галчева Т.Н., Ковалев М.В.* «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 84–99.
- Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов: Изд-во СГУ, 1983. 152 с.
- Дёнингхаус В.* «Что русскому хорошо, то немцу – смерть»? Земельные отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914 гг.) // Россия XXI. 2011. № 4. С. 82–101.

- Дёнингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. М.: РОССПЭН, 2015. 328 с.
- Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ. имен В.Н. Парфенова и В.А. Соломонова. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 564 с.
- Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В. Ковалева и И.Р. Плева. Саратов: Изд-во СГТУ имени Ю.А. Гагарина, 2015. 256 с.
- Исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: 90 лет / Сост. В.Н. Парфенов, В.П. Тотфалушин, М.В. Ковалев. Саратов: Темпус, 2007. 54 с.
- Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013(а). № 4. С. 76–93.
- Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013(б). № 5. С. 84–107.
- Ковалев М.В. «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 84–99.
- Ковалев М.В., Лантвева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминым и Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.
- Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.
- Культурная память и мемориальные коммуникации в современных учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы / Под ред. Н.И. Девятайкиной. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. 456 с.
- Нагорная О.С. Восточногерманские студенты в СССР 1950-60-х гг.: трансграничные пространства и социалистические «сети» // Исторический журнал. 2013. № 5. С. 531–540.
- Нагорная О.С. «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015(а). № 53. С. 269–278.
- Нагорная О.С. Нелегальный автостоп: путешествие из ГДР в СССР в 1972 г. // Вопросы истории. 2015(б). № 10. С. 37–45.
- Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 5–28.
- Штеллнер Ф. Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // Россия XXI. 2012. № 4. С. 82–109.
- Штеллнер Ф. Династическая политика в начале правления Елизаветы Петровны // Россия в XVIII столетии. Вып. IV. М.: Древлехранилище, 2013. С. 114–129.
- Штеллнер Ф. Династический аспект внешней политики Петра III // Российская история. 2014. № 4. С. 70–79.
- Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. I. Díl. Praha: Nakladatelství SETOUTBOOKS.CZ, s.r.o., 2009. 332 s.
- Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. II. Díl. Praha: Nakladatelství SETOUTBOOKS.CZ, s.r.o., 2012. 272 s.
- Stellner F. Car je mrtev, ať žije carevna! Převratty na ruském dvoře v 18. století. Praha: Lidové noviny, 2014. 502 s.

- Szobi P.* Založení a počátky vysoké školy ekonomické v Berlíně // *Dějiny VŠE v Praze I. Cesta ke vzniku VŠE v Praze. Historie vyššího ekonomického školství v českých zemích v situačním kontextu ve vybraných státech střední Evropy.* Praha: Nakladatelství Oeconomica, 2014(a). S. 231–240.
- Szobi P.* Between ideology and pragmatism: ČSSR, GDR and West European companies in the 1970s and 1980s // *European Review of History.* 2014(6). Vol. 21. № 2. S. 255–269.
- Szobi P. a kol.* *Ekonomické, politické a sociální okolnosti založení VŠE v Praze.* Praha: Setoutbooks.cz, 2015. 156 s.

REFERENCES

- Abakumov O.Yu.* Taynaya rol' aktera L. Shneydera (iz istorii zagranichnoy agentury III Otdeleniya) // *Nikolayevskaya Rossiya: vlast' i obshchestvo.* Saratov: Izd-vo SGU, 2004. S. 181–204.
- Abakumov O.Yu.* «...Chtob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely». Iz istorii bor'by III Otdeleniya s yevropeyskim vliyaniyem v Rossii (1830-ye – nachalo 1860-kh gg.). Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. 214 s.
- Abakumov O.Yu.* Nemetskiy korrespondent russkoy gazety L. Shneyder o sobyitiyakh 1849 g. v Berlíne // *Rossiya – Germaniya: uroki voyny i mira: k 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny.* Saratov: PIU imeni P.A. Stolypina, 2014. S. 90–96.
- Galcheva T.N., Kovalev M.V.* «...Chtoby sokhranit', sobrat' i (svoeyvremenno) peredat' budushchemu». Perepiska A.P. Meshcherskogo s A.V. Florovskim (1956–1967) // *Slavyanskiy al'manakh.* 2014. № 1–2. S. 84–99.
- Derbov L.A.* *Istoricheskaya nauka v Saratovskom universitete.* Saratov: SGU, 1983. 152 s.
- Dönninghaus V.* «Chto russkomu khorosho, to nemtsu – smert'»? Zemel'nyye otnosheniya i agrarnaya reforma v nemetskikh koloniyakh Povolzh'ya (1900–1914 gg.) // *Rossiya XXI.* 2011. № 4. S. 82–101.
- Dönninghaus V.* *Revolutsiya, reforma i voyna: nemtsy Povolzh'ya v period zakata Rossiyskoy imperii.* M.: ROSSPEN, 2015. 328 s.
- Yermolayev V.A.* «Bez gneva i pristrastiya»: Zapiski istorika / Podgot. teksta T.V. Shirokovoy, vstup. st., komment., ukaz. imen V.N. Parfenova i V.A. Solomonova. Saratov: Izd-vo SGU, 2009. 564 s.
- Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiysko-nemetskogo mezkhkul'turnogo dialoga / Pod red. M.V. Kovaleva i I.R. Pleve.* Saratov: Izd-vo SGTU im. YU.A. Gagarina, 2015. 256 s.
- Istoricheskiy fakul'tet Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.G. Chernyshevskogo: 90 let / Sost. V.N. Parfenov, V.P. Totfalushin, M.V. Kovalev.* Saratov: Tempus, 2007. 54 s.
- Kovalev M.V.* «Na etikh s"yezdakh my rastem i v svoikh, i v chuzhikh glazakh...»: iz istorii nauchnykh kommunikatsiy russkoy emigratsii (1921–1930) // *Rossiya XXI.* 2013(a). № 4. S. 76–93.
- Kovalev M.V.* «Na etikh s"yezdakh my rastem i v svoikh, i v chuzhikh glazakh...»: iz istorii nauchnykh kommunikatsiy russkoy emigratsii (1921–1930) // *Rossiya XXI.* № 5(b). S. 84–107.
- Kovalev M.V.* «Izdaniye istoricheskogo zhurnala, posvyashchennogo proshlomu Rossii..., yavlyayetsya ... neobkhodimym»: Dokumenty Slavyanskoy biblioteki v Prage o nesostoyavshemsya projekte rossiyskoy nauchnoy emigratsii (1937–nachalo 1940-kh gg.) // *Otechestvennyye arkhivy.* 2014. № 5. S. 84–99.
- Kovalev M.V., Lapteva T.N.* «V Moskve ya byl posledniy raz rovno 50 let nazad...» Iz perepiski A.V. Florovskogo s sovetскими istorikami V.T. Pashuto, A.A. Ziminym i Ye.P. Pod'yapol'skoy // *Istoricheskiy arkhiv.* 2014. № 4. S. 66–87.
- Kovalev M.V., Mirzекhanov V.S.* David Davidovich Grimm // *Voprosy istorii.* 2016. № 1. S. 19–33.
- Kul'turnaya pamyat' i memorial'nyye kommunikatsii v sovremennykh uchebnikakh i uchebnoy literature: opyt Rossii i Zapadnoy Yevropy / Pod red. N.I. Devyataykinoy.* Saratov: ITs «Nauka», 2012. 456 s.

- Nagornaya O.S.* Vostochnogermanskiye studenty v SSSR 1950-60-kh gg.: transnatsional'nyye prostranstva i sotsialisticheskiye «seti» // *Istoricheskiy zhurnal*. 2013. № 5. S. 531–540.
- Nagornaya O.S.* «...Kogda SSSR stal sil'nym i moguchim... mnogiye narody nu-zhdayutsya v nashey družbe»: aspekty izucheniya kul'turnoy diplomatii v sotsialisticheskom lagere (1949–1989) // *Dialog so vremenem*. 2015(a). № 53. S. 269–278.
- Nagornaya O.S.* Nelegal'nyy avtostop: puteshestviye iz GDR v SSSR v 1972 g. // *Voprosy istorii*. 2015(b). № 10. S. 37–45.
- Solomonov V.A.* Istoricheskiy fakul'tet Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta: vremya, sobytiya, lyudi // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2007. T. 7. № 2. S. 5–28.
- Shtellner F.* Dinasticheskaya politika Avstriyskoy, Prusskoy i Rossiyskoy monarkhiy v XVIII veke: sravnitel'no-istoricheskiy analiz // *Rossiya XXI*. 2012. № 4. S. 82–109.
- Shtellner F.* Dinasticheskaya politika v nachale pravleniya Yelizavety Petrovny // *Rossiya v XVIII stoletii*. Vyp. IV. M.: Drevlekhranilishche, 2013. S. 114–129.
- Shtellner F.* Dinasticheskiy aspekt vneshney politiki Petra III // *Rossiyskaya istoriya*. 2014. № 4. S. 70–79.
- Stellner F.* Rusko a střední Evropa v 18. století. I. Díl. Praha: Nakladatelství Setoutbooks.cz, s.r.o., 2009. 332 s.
- Stellner F.* Rusko a střední Evropa v 18. století. II. Díl. Praha: Nakladatelství Setoutbooks.cz, s.r.o., 2012. 272 s.
- Stellner F.* Car je mrtev, ať žije carevna! Převratty na ruském dvoře v 18. století. Praha: Lidové noviny, 2014. 502 s.
- Szobi P.* Založení a počátky vysoké školy ekonomické v Berlíně // *Dějiny VŠE v Praze I. Cesta ke vzniku VŠE v Praze. Historie vyššího ekonomického školství v českých zemích v situačním kontextu ve vybraných státech střední Evropy*. Praha: Nakladatelství Oeconomica, 2014(a). S. 231–240.
- Szobi P.* Between ideology and pragmatism: ČSSR, GDR and West European companies in the 1970s and 1980s. // *European Review of History*. 2014(6). Vol. 21. № 2. S. 255–269.
- Szobi P. a kol.* Ekonomické, politické a sociální okolnosti založení VŠE v Praze. Praha: Setoutbooks.cz, 2015. 156 s.

Мирзеханов Велихан Салманханович, доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом истории Европы XVIII–XIX вв. Институт всеобщей истории РАН; lum62@yandex.ru

Russian-German intellectual communications in the mirror of new research

This is review of the collected works «The Historical Memory and Strategy of the Russian-German intercultural dialogue» (Saratov: Saratov State Technical University, 2015). The articles of this book are devoted to various aspects of the Russian and German history of XVIII–XX centuries, as well as the past of bilateral ties.

Keywords: Russia, Germany, the Russian-German relations, German studies, historiography
Velikhan Mirzehanov, Dr.Sc. (History), professor, Head of Department of European History in the XVIII–XIX century, Institute of World History of RAS; lum62@yandex.ru

ЧЕРЕЗ РАЗНООБРАЗИЕ – К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Рецензия на сборник научных трудов «Альтернативы, переломы и смены режима в истории России / Alternatives, Turning Points and Regime Changes» (Будапешт, 2015).

Ключевые слова: история России, переломные эпохи, русская культура, Будапештский Центр русистики, Университет имени Лоранда Этвеша

Период с 1991 г. и вплоть до недавнего времени был неблагоприятным временем для интереса мировой аудитории к русской истории и культуре. С распадом СССР авторитет и культурное влияние нашей страны в мире резко понизились, заметно сократился ареал употребления русского языка. Коммунистические идеи, потерпевшие поражение в противостоянии с Западом, утратили популярность, а с ними упала и популярность России, воспринимаемой в качестве наследницы СССР и неожиданно для себя оказавшейся в роли проигравшей стороны в Холодной войне. Смена биполярного мира монополярным привела к культурному торжеству евроатлантического блока во главе с США, по сей день претендующего на роль единственного мирового центра, в т.ч. и в сфере культуры. Эти тенденции пагубно отразились не только на восприятии нашей страны в мире, но и на самоидентификации россиян.

В этой связи весьма отрадным видится факт выхода в свет сборника трудов молодых учёных, подготовленного Будапештским Центром русистики при Университете им. Лоранда Этвеша. В сборник вошли материалы международной научной конференции «Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России», состоявшейся в Будапеште 19–20 мая 2014 г. Это событие свидетельствует о возрождающемся интересе к русской истории у наших восточноевропейских соседей. 58 докладов молодых русистов из разных стран мира, начиная с собственно Российской Федерации, Венгрии, Польши, Украины и заканчивая Великобританией, Италией и Румынией, объединены в пять разделов по хронологическому принципу, охватывая следующие эпохи российской истории: XII–XVIII вв., XIX – начало XX в., советский и постсоветский периоды. Пятый, заключительный раздел посвящён истории культуры. В сборник вошли работы исследователей разного уровня: как магистрантов и докторантов, ещё только зарабатывающих свой будущий статус в научном сообществе, так и специалистов с учёными степенями.

Тематический охват материалов сборника чрезвычайно обширен и позволяет говорить о междисциплинарном подходе: здесь присутствуют исследования по политической, экономической, социальной истории, культурологии и даже гендерной проблематике. Такая разнообразная палитра тем и мнений даёт выразительную панорамную картину, демонстрирующую разнообразие и многогранность российской истории в

разные эпохи, не ограничиваясь центральными событиями и процессами, известными по школьным учебникам, но освещая подчас малоизвестные страницы и аспекты истории России.

Как планировали организаторы конференции, главными вопросами, на которые участники попытались ответить, были следующие:

- Европа ли Россия?
- Является ли авторитарная система правления естественными рамками российской истории?
- Правда ли, что реформы в России можно провести только «сверху»?
- В чем своеобразие развития России?
- Является ли еще Россия великой державой?
- Какие уроки, извлеченные из русской истории, могут быть полезны и в наши дни?¹

Переходя к содержанию сборника, следует отметить, что первый раздел оправдывает своё название лишь отчасти: подавляющее большинство размещённых в нём докладов относятся к истории XVIII в., а, кроме того, сделаны в основном российскими исследователями. На этом фоне выделяется единственный доклад, посвящённый русскому Средневековью, и его автор, венгерский учёный Т. Педери, рассматривая различные стороны военной организации и военной истории Новгородской республики, убедительно показывает взаимосвязь между характером войн, ведомых Великим Новгородом, и особенностями его военного дела и устройства вооружённых сил². Другая венгерская исследовательница, О. Санисло, посвятила свой доклад частной жизни и быту представительниц русской аристократии XVIII в. в свете петровских культурных преобразований. Автор на примере частных мемуаров демонстрирует, как политика «вестернизации» в культурной сфере встречала сопротивление на местах со стороны русской знати, так как ломала не только привычный уклад жизни, но и ментальность людей.

Остальные труды этого раздела так или иначе связаны либо с военной (и, в связи с ней, социальной) историей, либо с проблемами складывания административных институтов российского государства. Хотя ещё в дореволюционной историографии сложилась и затем перешла в советскую тенденция рассматривать в качестве некоего основополагающего «водораздела» реформы Петра Великого, материалы данного сборника как раз дают возможность преодолеть эту условность и ознакомиться с историей развития российской государственности во всей её непрерывной динамике – ознакомиться посредством исследования своего рода срезов этого процесса в некоторых временных точках в различные пери-

¹ <http://mggu-sh.ru/ippsr/03-12-13/alternativy-perelomnye-punky-i-smeny-rezhimav-istorii-rossii>. Время обращения: 07.10.2016.

² Péderi T. Warfare in Medieval Novgorod // *Альтернативы...* С. 15-25.

оды. Это, например, такие разные и важные аспекты, как формирование судебной системы в XV–XVI вв., преобразования в монетном деле в XVIII в., судебная реформа Петра I, различные вехи политической мысли России XVIII в. В свою очередь, срезы социальной истории и проблематики исторической памяти представлены столь разными гранями, как самосознание сибирского дворянства в XVII в., роль старообрядчества в жизни уральских казаков в XVIII–XIX вв., преломление событий Смутного времени в исторической памяти народов Поволжья. Два доклада посвящены малоизвестной странице Смуты начала XVII в. – жизни Великого Новгорода в условиях шведской оккупации. Большой интерес представляет собой доклад Д.А. Бессуднова о начальном периоде Ливонской войны, демонстрирующий взгляд на нее с ливонской стороны, что нечасто можно встретить в отечественной историографии, где эта тематика долгое время так или иначе ограничивалась идеологическими рамками. В докладе рассмотрена система обороны Ливонии в военных действиях против вторгшихся в Прибалтику войск Ивана Грозного³.

Во втором разделе сборника, посвящённом XIX – началу XX в., представлен, пожалуй, наибольший процент иностранных докладчиков, в т.ч. из Венгрии. Такой поворот, вероятно, связан с тем, что до данного периода русско-венгерские отношения носили по большому счёту эпизодический характер и не оказывали заметного влияния на жизнь обеих стран, тогда как в XIX в. они внезапно приобрели гораздо большую интенсивность и, к сожалению, конфликтность, ввиду воздействия таких мощных политических процессов, потрясавших Европу, как сначала наполеоновские войны, а затем – революции 1848–1849 гг.

Пожалуй, правильным будет сказать, что Российская империя и Венгрия (как часть Австрийской империи) были вовлечены в эти далеко не самые гладкие отношения внешними обстоятельствами и вынуждены были дать ответы нелёгким вызовам времени, которые диктовались мировой политической конъюнктурой. Главное место в этом разделе занимают доклады о политических кризисах: здесь и влияние войн на англо-русские торговые отношения, и отражение польских национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг. и 1863 г. в мировой и венгерской прессе, и дипломатическая борьба в период между Балканскими войнами и Первой мировой войной. Вместе с тем, ряд авторов исследует разные стороны внутрисоссийской жизни: складывание нигилизма, народничество, отношения учёных и государственной власти, пути развития социалистической мысли и идеологии накануне 1917 г. В результате складывается впечатление, что «долгий XIX век» вмещает в себя едва ли не такое же количество событий и проблем, как весь предшествующий

³ Бессуднов Д.А. Первая военная кампания Ливонской войны в свете источников из Тайного государственного архива прусского культурного наследия // Альтернативы, переломы... С. 38-44.

период, хотя, конечно, это своего рода оптическая иллюзия, причиной которой является как несравнимо более обширная источниковая база по XIX в., так и более выраженный интерес к нему авторов, чьи работы вошли в сборник. Впрочем, XIX век в мировой истории был временем интенсификации всех общественных процессов – политических, социально-экономических, культурных, и это обстоятельство нашло отражение в интересных и разноплановых публикациях молодых русистов. Среди них стоит отметить доклад А. Меджибродски о русской философии начала XX в., в котором исследуются идея прогресса и связанные с ней пути миропонимания и идентичности в условиях модернизации на примере философских воззрений С.Н. Булгакова⁴.

Гораздо меньший интерес молодых учёных проявлен к такой переломной эпохе, как советский период, материалы по которому собраны в третьем разделе сборника. Возможно, это связано с тем, что такие судьбоносные события, как революция 1917 г. и обе мировые войны, хорошо отражены в историографии, и теперь исследователей больше привлекают какие-то отдельные стороны жизни советского общества, нежели глобальные потрясения. На эту мысль наводят выбранные докладчиками темы: здесь мы видим сразу несколько исследований по региональной истории, два из которых затрагивают разные аспекты жизни Урала; пару сюжетов из области гендерной истории, раскрывающих быт женщин в довоенном и послевоенном СССР; отдельные штрихи к военным кампаниям Второй Мировой войны, начиная с Польской кампании 1939 г. и заканчивая фактами репрессий против гражданского населения в годы ВОВ с обеих воюющих сторон; и, наконец, исследования политико-идеологических проблем в верхних эшелонах советского государства.

Особенно важен исчерпывающий доклад В.Н. Круглова о национально-территориальном делении Советского Союза во всей динамике его эволюции (с 1917 г. до наших дней). Эта тема позволяет аудитории лучше понять многие причины крушения СССР, лежавшие как раз в области национальной политики. Проследившая преемственность и различия традиций административно-территориального деления страны в до-революционный и советский периоды, автор приходит к выводу, что уже с 1960-х гг. государство перестало предпринимать сколько-нибудь эффективные меры по совершенствованию всей этой сложной структуры, представлявшей собой весьма проблематичный синтез царской системы губерний с советскими напластованиями в виде национальных республик и автономных областей. Это, в конечном счёте, сказалось в 1980-е годы, послужив одним из важных факторов распада Советского Союза⁵.

⁴ Medzibrodzsky A. Ideas of Progress at Turn of the Century Russia: S. N. Bulgakov // Альтернативы, переломы... С. 231-240.

⁵ Круглов В.Н. Административно-территориальное устройство РСФСР и РФ: подходы, действия, результаты (1917 г.– начало XXI в. // Альтернативы... С. 389.

Четвертый раздел сборника, посвящённый современной России, делает отчётливый акцент на сюжетах из области идеологии, политологии и истории общественной мысли. Из тематики докладов можно предположить, что политическая борьба и переломные моменты в истории России переместились в идеологическую сферу и носят медийный характер. Впрочем, отчасти такой подход понятен, учитывая роль СМИ в современном социуме. Характерно, что этот период привлёк особое внимание иностранных ученых. Наиболее ярко событийную сторону эпохи Перестройки освещает доклад Р.Н. Эверетт, в котором дан подробнейший анализ внутренней политики в годы правления Горбачёва и Ельцина и освещаются основные тенденции преобразований в экономике и политическом поле. Автор делает пессимистичный вывод о недостаточности половинчатых реформ, неспособных поколебать власть номенклатуры, так и оставшейся у руля управления ещё с позднесоветского периода⁶.

Что же касается остальных докладов из данного раздела, они, за исключением двух небольших работ по экономической и юридической проблематике, посвящены в основном не материальным, а ментальным граням современной российской реальности и затрагивают проблемы исторической памяти, национальной идентичности, постимперской адаптации, взаимоотношений государства и СМИ. Всё это, безусловно, важные аспекты, особенно в условиях складывания новой, постсоветской идентичности, процесс которого ещё далёк от завершения, хотя это отчасти придаёт содержанию раздела политологический и культурологический характер. Особый интерес представляет доклад А.А. Лихацкого, в котором рассматривается история научного альманаха «Одиссей» – знакового вестника новых веяний в отечественной гуманитарной науке на рубеже позднесоветской и постсоветской эпох, благодаря которому осуществлялась рецепция современных методологических концепций⁷.

В.В. Шишков в своём докладе прослеживает преемственность традиций постсоветской государственности и устройства институтов власти с советским и более ранними периодами истории России, отмечая выраженный имперский характер этих институтов. В частности, он отмечает такие черты как моноцентризм власти, унитарный характер государства, периферийность этнокультурных регионов и их зависимость от центра⁸.

Эмоционально окрашенные вопросы ставит в своём докладе, посвящённом формированию исторической памяти у современных россиян, Е.Н. Смирнов из Санкт-Петербургского государственного университета. Не без оснований критикуя политику российского правительства в

⁶ Everett R.N. A Stalled Transition: Partial Reform Equilibrium and Regime Change in Post-Soviet Russia // *Альтернативы, переломы...* С. 404.

⁷ Лихацкий А.А. Казус «Одиссея»: рецепция западных идей и методологии в альманахе «Одиссей» (1989–2002 гг.) // *Альтернативы, переломы...* 2015.

⁸ Шишков В.В. Постимперская адаптация современной России: проблемы и тенденции // *Альтернативы, переломы...* С. 413.

области образовательных стандартов, он, в частности, пишет: «Гадких периодов было полно и в русской истории. Как, например, можно с уважением относиться к крепостному праву? По-моему, это позорная страница истории. Так же как выбор народа в пользу большевиков во время Гражданской войны, как участие миллионов наших граждан всех национальностей в терроре – в красном терроре 1918–1921 годов и в большом терроре 1937–1938-го, и в голодоморе, и в коллективизации»⁹. Однако, на наш взгляд столь сложные исторические явления заслуживают более глубокой и всесторонней оценки. Здесь важно не перейти тонкую грань, разделяющую науку и публицистику.

Не менее спорным видится тезис Е.Н. Смирнова о том, что Россия «находится в непрерывном цивилизационном конфликте... с западом. И этот конфликт экзистенциальный... он был всегда, он будет продолжаться вечно, он носит вообще мистический характер»¹⁰. На деле, разговоров об этом пресловутом конфликте всегда велось гораздо больше, чем он существовал в реальности, и данный дискурс всегда был частью скорее идеологических концепций, чем реальной политики и истории. Во-первых, Россия с самого начала своего появления как государства являлась частью Европы и имела тесные связи самого разного характера со своими европейскими соседями – от торговых до династических, и время от времени случавшиеся конфликты вовсе не отменяли этих связей. Во-вторых, само понятие «Запад», столь часто фигурирующее в идеологических и философских спорах, является в значительной мере искусственным конструктом, поскольку в реальности Европа, в т.ч. западная, на протяжении всей своей истории была раздираема жесточайшими конфликтами – военного, культурного, экономического характера, поэтому довольно редко представляла собой сколько-нибудь прочное единство. Так, противоречия между севером и югом Европы, особенно чётко закрепившиеся в эпоху Реформации и религиозных войн и выступающие сегодня уже на новом уровне в рамках Евросоюза, по своей силе оставляют далеко позади противоречия между западной и восточной Европой. И уж конечно современному учёному вряд ли стоит искать «мистические» причины во вполне конкретной и зримой политической конъюнктуре тех или иных конфликтов, поскольку вся она, по большому счёту, давно и основательно исследована. В этой связи, кстати, было бы небесполезно провести параллели, например, между историческим развитием России и Венгрии, поскольку, при всех различиях, обе страны начали свой исторический старт примерно в одно время и в одном и том же ареале – восточноевропейском. Тогда можно выйти на постановку вопроса «Является ли Европой Восточная Европа?», ответ

⁹ Смирнов Е.Н. Формирование исторической памяти граждан России на современном этапе // *Альтернативы, переломы...* С. 463.

¹⁰ Там же. С. 465.

на который, возможно, поможет устранить привычное идеологизированное противопоставление России и Запада.

Наконец, в последнем разделе собраны доклады, освещающие различные сюжеты из истории русской и советской культуры, хронологически укладываемые в рамки XIX–XX вв. и относящиеся в основном к сфере литературы. На этом фоне выделяются доклады О. Киш о постмодернистской природе карнавала¹¹ и, особенно, А.В. Ланских о практиках коммуникативного поведения современной российской молодёжи. Последний представляет собой описание интереснейшего эксперимента с применением филолого-лингвистической методологии, целью которого стало выявление соотношения традиционных и современных ценностных стереотипов в поведенческих практиках молодых россиян¹².

В целом, разнообразие авторского состава сборника в плане изучаемой тематики и в отношении географии, образования и учёного статуса, создаёт интересный и яркий «букет» сюжетов и мнений, способный пробудить интерес к российской истории и культуре среди читательской аудитории. Не столь важно, были ли найдены исчерпывающие ответы на поставленные масштабные вопросы – они могут определить задачи ещё очень многих конференций, давая стимул для дальнейших исследований. Поэтому остаётся только приветствовать инициативу венгерских коллег и пожелать им новых успешных научных форумов.

REFERENCES

Альтернативы, переломы и смены режима в истории России (Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture) / Ed. by Gyula Szvak (глав. ред.), Szergej Filippov, Zsuzsanna Gyimesi. Budapest: Russica Pannonicana, 2015. 588 с. (Книги по русистике XLI)

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

Through diversity to understanding

Review of the collection of essays “Alternatives, Turning Points and Regime Changes in the history of Russia» (Budapest, 2015).

Keywords: Russian history, crucial eras, Russian culture, Budapest Centre for Russian Studies, Eotvos Lorand University

Maxim Gorelov, PhD, senior research fellow, Centre of Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Email: heldenhammer@yandex.ru

¹¹ Киш О. Постмодернистская природа карнавала // Альтернативы... С. 560-566.

¹² Ланских А.В. Национальные стереотипы в коммуникативном поведении молодых россиян // Альтернативы, переломы... С. 568-577.

«ТОЧНЫЕ НАУКИ» В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ*

Обзор XXVIII Международной научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», прошедшей с 14 по 16 апреля 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН и Историко-архивном институте РГГУ.

Ключевые слова: вспомогательные исторические дисциплины, гуманитарное знание, методы исследования

Среди исторических субдисциплин, переживающих в последние десятилетия процессы глубокой методологической и концептуальной трансформации¹, выделяется группа, которая, отвечая на вызовы времени, тем не менее, сохраняет свою профессиональную идентичность в большей мере, чем другие отрасли современного исторического знания. Это т.н. вспомогательные (или специальные) исторические дисциплины, которые занимают совершенно особое место в системе не только исторического, но и – шире – гуманитарного знания.

Если воздействие исторической науки на общество хоть и велико, но сильно опосредовано (и по пути к широкому читателю размывается валом работ в жанре *folk-history* и работой масс-медиа), то достижения специальных исторических дисциплин часто имеют прямое применение. Результаты исследований в области геральдики, генеалогии, хронологии, дипломатики, исторической географии, сфрагистики, фалеристики, вексиллологии и многих других специальных исторических дисциплин являются необходимым элементом экспертного сопровождения внутренней и внешней государственной политики, а также традиционно широко используются в разных областях общественной и частной жизни граждан. К примеру, без обращения к специальным историческим дисциплинам невозможно поддержание и развитие государственной символики (герб, флаг, юбилейные даты, профессиональная униформа, знаки отличия и т.д.) и государственной политики (демаркация государственных и административных границ, дипломатический протокол и т.п.), ориентация в календарных системах и системах мер, проведение почерковедческих экспертиз, брендинг территорий и др. Благодаря тому, что в рамках специальных исторических дисциплин вырабатываются методы анализа и необходимый инструментарий для критики и интерпретации исторических источников практически всех видов, эти дисциплины можно уподобить своего рода «точным наукам» в системе гуманитарного знания.

Кажущаяся «вспомогательность» специальных исторических дисциплин, представление об их узкопрофессиональном и главным обра-

* Обзор подготовлен в рамках проекта РНФ № 14-18-02121.

¹ См. анализ состояния современной исторической науки: Репина 2011.

зом «антикварном» значении (прочсть рукопись, датировать и локализовать то или иное событие и т.д.) приводила к некоторой недооценке роли этих дисциплин в академической науке. Однако в настоящее время та или иная специальная историческая дисциплина все больше и больше осознается не как вспомогательная по отношению к исторической науке в целом, но как самостоятельное и самодостаточное междисциплинарное направление исследований. О нарастающем процессе самоопределения специальных исторических дисциплин говорит и то, что сегодня таких дисциплин насчитываются десятки.

Разработки в области специальных исторических дисциплин, в комплексе представляющих собой идеальную модель междисциплинарного взаимодействия, способны также существенно помочь в выработке механизмов интер- и трансдисциплинарных подходов и методов как в рамках гуманитарного знания в целом, так и в развитии исследований на стыке гуманитарных и других наук. В свою очередь, отработка моделей и совершенствование методов междисциплинарного взаимодействия существенно повысят эффективность научных разработок в сфере гуманитарного знания и сфере науки в целом благодаря интегративному характеру современного этапа научного познания.

Специальным историческим дисциплинам всегда отводилась особая роль в подготовке историков, и одним из старейших высших учебных заведений страны, готовящих такие кадры, является Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин (ИВСИД) Историко-архивного института РГГУ. На протяжении многих лет коллектив ИВСИД проводит ежегодные международные конференции по вспомогательным историческим дисциплинам, и в апреле 2016 года состоялась уже 28-я по счету конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании». Ее особенностью стало то, что у конференции появился соорганизатор – Институт всеобщей истории РАН, где образованный в 2009 г. Отдел специальных исторических дисциплин проводит исследования в области сравнительного и теоретического источниковедения, палеографии, кодикологии, дипломатики, исторической географии, геральдики, генеалогии, исторической геоинформатики. Соединение возможностей вузовской и академической науки, без сомнения, будет способствовать как дальнейшему развитию самих вспомогательных исторических дисциплин, так и внедрению их достижений в практику исторических исследований различного профиля.

Конференция 2016 года была по традиции посвящена новейшим результатам изысканий в области вспомогательных исторических дисциплин. В конференции приняли участие более 200 исследователей из восьми стран (Белоруссия, Великобритания, Молдавия, Россия, Сербия, Узбекистан, Украина, Франция), в т.ч. ученые академических институтов, университетов, федеральных библиотек и музеев из 30 российских

городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Барнаула, Воронежа, Краснодара, Сургута, Твери, Смоленска, Ростова Великого, Казани, Екатеринбурга, Саратова, Ростова-на-Дону, Хабаровска, Владикавказа и др. Опубликован сборник докладов и тезисов конференции, куда вошли также и материалы Круглого стола, прошедшего в Высшей школе ИВСИД ИАИ РГГУ и посвященного вкладу Е.И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин и их преподавание².

На пленарном заседании были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам развития вспомогательных исторических дисциплин и новейшим подходам в их применении на практике. С.М. Каштанов провел сопоставительный анализ терминов «вспомогательные» или «специальные» исторические дисциплины, показав их эволюцию и отметив их неоднозначность. В.Ю. Афиани рассмотрел точки пересечения археографии и книжной культуры. Особенности работы с архивными коллекциями посвятили свои доклады М.В. Бибииков (Святая Гора Афон), а также Д.Н. Рамазанова и Б.Л. Фонкич (греческие рукописи библиотеки МГАМИД РГАДА). И.Г. Коновалова проанализировала проблемный репертуар и методические новации в исторической географии, остановившись в частности, на представленных российскими учеными на XVI Международной конференции по исторической географии (Лондон, 5–10 июля 2015 г.) предварительных результатах работы по проекту РНФ «Северная Евразия на картах: От Птолемея до современных ГИСТехнологий». Вопросам преподавания экологической истории (*environmental history*) и связью этого направления с вспомогательными дисциплинами был посвящен доклад В.И. Дурновцева. А.А. Гиппиус предложил новые интерпретации берестяных грамот Новгорода Великого. Е.А. Мельникова путем тонких источниковедческих наблюдений показала влияние жанровых особенностей древнескандинавских саг на их информацию о связях скандинавского и восточноевропейского миров. Ф.Б. Успенский и А.Ф. Литвина продемонстрировали возможности анализа летописного материала при рассмотрении вопросов политической истории Древней Руси. Вопросы историографии специальных дисциплин были затронуты в докладах А.М. Пашкова, Н.А. Комочева и А.Н. Медушевского. С.В. Зверев посвятил свое выступление русской нумизматике конца XVII – начала XVIII в., М.В. Горбаневский – современной городской топонимии России, а Р.А. Симонов – путям распространения магических представлений на Руси в XII веке.

Проблематика докладов, прозвучавших в рамках работавших параллельно десяти секций, охватывала практически весь спектр современных вспомогательных исторических дисциплин: «Палеография, дипломатика, эпиграфика и история книжной культуры», «Генеалогия, просопография», «Геральдика, символика и эмблематика», «Историческая география

² Вспомогательные исторические дисциплины 2016.

и историческая картография», «Историческая хронология, метрология и история науки», «Нумизматика, сфрагистика, фалеристика», «Источниковедение Античности и Средневековья», «Источниковедение Нового и Новейшего времени», «Историография и история вспомогательных исторических дисциплин», «Человек и природа, общество и государство: источниковедческая и информационная культура исторических исследований». Большинство докладчиков продемонстрировали высокий уровень исследовательской культуры, в том числе освоение новых подходов к решению источниковедческих проблем, включая использование методов пространственного анализа, ГИС-технологий и построение 3D моделей тех или иных объектов историко-культурного наследия.

Многолетняя практика проведения конференций по вспомогательным историческим дисциплинам играет большую роль в поддержании профессиональной идентичности исследователей, занимающихся этими дисциплинами, так как далеко не в каждом высшем учебном заведении или академическом институте существуют профильные кафедры или отделы. Тем большее значение приобретают подобные ежегодные встречи специалистов, позволяющие познакомиться с результатами новейших исследований и обменяться мнениями о перспективах дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин.

И.Г. Коновалова

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 года. М., 2016.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

REFERENCES

- Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Moskva, 14–16 aprelya 2016 goda. Moscow, 2016.
- Repina L.P.* Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: Sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. Moscow, 2011.

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН; *irina_konovalova@mail.ru*.

“Exact Sciences” in the Humanities

Review of the 28th International Scientific Conference “Auxiliary Historical Disciplines in the Humanities”, held on 14 to 16 April 2016 at the Institute for World History, Russian Academy of Sciences, and the Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities.

Keywords: auxiliary historical disciplines, Humanities, research methods.

Irina Konovalova, Dr. Sc. (History), deputy director, Institute for World History, Russian Academy of Sciences; *irina_konovalova@mail.ru*

CONTENTS

Ideas and concepts

Stephan Merl

Is there a “transatlantic modernization”?

Thoughts on the role of Russia in the concept of “modernization”..... 5

Ella Zadorozhnyuk

The anticipation of Eurasianism..... 24

History – Memory – Identity

Eugenia Vanina

Maharana Pratap: a medieval hero in contemporary interpretations..... 41

Pedro Rosas Aravena

Human rights and a dictatorship

complex scenarios of memory in Argentina, Brazil and Chile..... 56

Intellectual history today

Ovanes Akopyan

Renaissance magic as spiritual phenomenon (late 15th – early 16th c. texts)..... 76

Anastasia Palamarchuk

A fact or a Process: English legal corporations and their influence

on the method of history-writing..... 93

Marina Ayzenshtat

British historians in the middle of the 18th century (the letters of Horace Walpole).... 107

Oksana Shevtsova

Images of the people in the plots of “History of the Russian state” by N.M. Karamzin... 116

Andrej Likhatsky

Influence of institutional limitations on the establishment of

the historical journal “Przełąd Historyczny”, 1905-1914..... 124

Yuri Rudnev

The Reception of “The History of Madness” by Michel Foucault

by the Representatives of the School of “Annales”..... 138

Vera Zobotkina

Integrative approach to event representation in cognitive science..... 154

“My Universities”

Svetlana Malysheva

“Between pious descendants and frenzied space dwellers” heterotopia of a university... 161

Kira Ilina

Trajectories of academic attestation in Russian universities in 1830s

the degree award of A.I. Chivilev..... 169

Sofya Lim

The anti-war movement of the Japanese students in the 1960s..... 188

History, personality, biography

Alexander Kreizer

Ivan Mikhailovich Grevs: on the cross of Vasileostrovsky locus..... 205

<i>Arutyun Airapetov</i>	
World War I and intelligentsia: personal history.....	216
<i>Natalia Mironova</i>	
A.S. Sidorov (1892–1953): the destiny of the scholar in dialogue with time.....	233
<i>World of sociocultural history</i>	
<i>Yulia Obidina</i>	
Interaction of Greco-Roman culture and Early Christianity as a saving mechanism of identity of antique and Christian worlds.....	249
<i>Dmitriy Mikhel</i>	
Health and care: the development of medicine as a focus of discussions in medical studies and in the humanities.....	259
<i>Tatiana Yakovleva</i>	
“Culture based on the protocol”. Sanitary doctors in Siberia at the turn of the century: between knowledge and practice.....	282
<i>Alexander Zhidchenko</i>	
Space of historical memory in a Siberian city district: a reconstruction.....	297
<i>Publications and translations</i>	
<i>Lilia Zabolotnaia</i>	
New documentary evidences regarding Maria Cantemir’s biography The First Testament of Maria Cantemir dating back to 1725.....	309
<i>Aleksandr Antoshchenko</i>	
The bitter parting with Marxism: George Fedotov.....	318
<i>Reading books</i>	
<i>Andrey Linchenko</i>	
In search of the traces of the past.....	324
<i>Andrey Vdovichenko</i>	
On pan-discursivity of verbal acts.....	332
<i>Dmitriy Dobrowolski</i>	
History of writing as the space of intercultural dialogue.....	342
<i>Zinaida Chekantseva</i>	
The long 19 th century in global perspective.....	354
<i>Valentina Korzun</i>	
Broken destiny: Memory and professionalism of a historian.....	362
<i>Velikhan Mirzehanov</i>	
Russian-German intellectual communications in the mirror of new research.....	371
<i>Maxim Gorelov</i>	
Through diversity to understanding.....	384
<i>Events</i>	
<i>Irina Konovalova</i>	
“Exact Sciences” in the Humanities.....	391
CONTENTS.....	395

СОДЕРЖАНИЕ

Идеи и концепты

Штефан Мерль

Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизации».....	5
<i>Э.Г. Задорожнюк</i> Предвосхищение евразийства.....	24

История – Память – Идентичность

Е.Ю. Ванина

Махарана Пратап средневековый герой в современных интерпретациях.....	41
<i>Педро Росас Аравена</i> Переход от диктатуры и права человека: сложные сценарии воспоминания и социальной памяти в Аргентине, Бразилии и Чили.....	56

Интеллектуальная история сегодня

О.Л. Акопян

Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV – начала XVI в.).....	76
<i>А.А. Паламарчук</i> Факт или процесс: английские юридические корпорации начала XVII века и становление методов историописания.....	93
<i>М.П. Айзенштат</i> Историки Британии в середине XVIII века (по письмам Х. Уолпола)	107
<i>О.Н. Шевцова</i> Образы народа в сюжетах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.....	116
<i>А.А. Лихацкий</i> Влияние институциональных ограничений на становление исторического журнала «Przegląd Historyczny» в 1905–1914 гг.....	124
<i>Ю.В. Руднев</i> Рецепция «Истории безумия» (1961) Мишеля Фуко представителями школы «Анналов».....	138
<i>В.И. Заботкина</i> Интегративный подход к репрезентации событий в контексте когнитивной истории.....	154

«Мои университеты»

<i>С.Ю. Малышева</i> «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»: гетеротопичность университета.....	161
<i>К.А. Ильина</i> Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А.И. Чивилева.....	169
<i>С.Ч. Лим</i> Антивоенное движение японского студенчества в 60-е годы XX века....	188

История, личность, биография

<i>А.В. Крейцер</i> Иван Михайлович Гревс: на кресте василеостровского локуса.....	205
<i>А.Г. Айрапетов</i> Первая мировая война и интеллигенция опыт персональной истории.....	216
<i>Н.П. Миронова</i> А.С. Сидоров (1892–1953): судьба ученого в диалоге со временем.....	233

В мире социокультурной истории

<i>Ю.С. Обидина</i> Взаимодействие греко-римской культуры и раннего христианства как механизм сохранения идентичности античного и христианского миров.....	249
<i>Д.В. Михель</i> Лечение и забота: проблемы развития медицины в фокусе гуманитарно-медицинских дискуссий.....	259
<i>Т.Г. Яковлева</i> «Культура, опирающаяся на протокол» Санитарный врач в Сибири на рубеже веков между знанием и практикой.....	282
<i>А.В. Жидченко</i> Пространство исторической памяти городского района крупного сибирского города: опыт научной реконструкции.....	297

Публикации и переводы

<i>Л.П. Заболотная</i> Новые документальные свидетельства к биографии Марии Кантемир Первое духовное завещание Марии Кантемир от 1725 года.....	309
--	-----

<i>А.В. Антощенко</i> Горькое расставание с марксизмом (к 130-летию Георгия Петровича Федотова).....	318
--	-----

Читая книги

<i>А.А. Линченко</i> В поисках следов прошлого.....	324
<i>А.В. Вдовиченко</i> О пандискурсивности вербальных фактов.....	332
<i>Д.А. Добровольский</i> История письма как пространство межкультурного диалога.....	342
<i>З.А. Чеканцева</i> Долгий XIX век в глобальной перспективе.....	354
<i>В.П. Корзун</i> Изломанная судьба: память и профессионализм историка.....	362
<i>В.С. Мирзеханов</i> Российско-немецкие интеллектуальные связи в зеркале новых исследований.....	371
<i>М.М. Горелов</i> Через разнообразие – к взаимопониманию.....	384

Хроника событий

<i>И.Г. Коновалова</i> «Точные науки» в системе гуманитарного знания	391
CONTENTS.....	395

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

57 / 2016

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 15. 11. 2016
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624